This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·

Bruun, F.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна.

1-2

(1852 – 1877 г.)

ЧАСТЬ I.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УШОРИХ, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ. ДОМЪ ШВАРЦА № 3
1879

ДЕЬНОЮЬРЕ

Bruun, Fl. Jak. b.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна,

(1852—1877 г.)

ЧАСТЬ I.

50113

UNIV. OF

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1879.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

DK509
B75

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ *Н. А. Головкинскій.*

(Изъ XXVIII тома Записокъ Императорскаго новороссійскаго университета).

UNIV. OF
CALIFORNIA

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимавъ каѳедру всеобщей исторіи въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ съ 1832 по 1856 г., я обязанъ былъ преподавать и статистику, которой посвятилъ многіе годы. Только съ пятидесятыхъ годовъ (по случаю находки важной греко латинской надписи въ селѣ Коротномъ) сталъ я болѣе прежняго заниматься изученіемъ исторической географіи южной Россіи и съ тѣхъ поръ помѣщалъ результаты своихъ разслѣдованій въ одесскихъ и въ разныхъ другихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ.

При затрудненіяхъ встрѣчающихся въ отыскиваніи этихъ столь разбросанныхъ статей, ко мнѣ часто обращались словесно, письменно и даже печатно съ предложеніемъ—составить сборникъ ихъ. Это побудило меня переработать сказанныя статьи, дополнить ихъ и опустить въ нихъ повторенія, которыя были неизбѣжны при прежнемъ способѣ ихъ обнародыванія.

Въ двухъ частяхъ этого сборника я предполагалъ помѣстить [1]) слѣдующія статьи: 1) Островъ Тирагетовъ и гре-

[1]) Подобно нѣкоторымъ другимъ статьямъ, также касающимся исторической географіи южной Россіи, какъ то: «О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна» (въ V томѣ Записокъ Новор. университета) и «О Киммеріанахъ

М156529

ко-латинская надпись найденная въ селѣ Коротномъ; 2) Островъ св. Еѳерія; 3) Нѣчто о Добруджѣ; 4) Островъ Певки; 5) Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова; 6) Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій; 7) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море; 8) Обмелѣніе Азовскаго моря; 9) Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 году; 10) Судьбы мѣстности занимаемой Одессою; 11) О поселеніяхъ Итальянцевъ въ Газаріи; 12) О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами; 13) Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ; 14) Матеріалы для исторіи Сугдеи; 15) Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія; 16) Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи; 17) Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ; 18) О резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека; 19) О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время; 20) О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ среднихъ вѣкахъ; 21) Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи; 22) Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

Геродота и о переселеніи Кимрскаго племени (въ VII т. Зап. Од. Общ.) въ сборникъ не войдутъ переводы путевыхъ записокъ разныхъ иностранцевъ по южной Россіи, печатанные мною съ комментаріемъ, подъ заглавіемъ: О дипломатическихъ сношеніяхъ египетскаго султана Бибарса съ золото ординскимъ ханомъ Берке (въ VI томѣ Зап. Одесск. Общ.); Путешествія Ивана Шильтбергера и т. д. (въ I т. Зап. Новор. университета); Путешествіе Гильберта де Ланнуа по южной Россіи (въ III т. Зап. Од. Общ.); Путевыя записки Эраха Ласоты и пр. (С. П. 1873); Неудачная осада Азова Турками въ 1641 г. и пр. (въ VIII т. Зап. Одесск. Общ.); Путешествіе турецкаго туриста по восточному берегу Чернаго моря (въ IV томѣ тѣхъ же записокъ); Крымскій полуостровъ около половины XVIII столѣтія (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1868 годъ).

III

Первую часть, въ которую вошли первыя 12 статей, я представилъ, по недостатку особыхъ оттисковъ и вслѣдствіе сдѣланныхъ въ нихъ измѣненій, въ рукописи подъ заглавіемъ: «Черноморье, сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи», конференціи С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ для соисканія Уваровской преміи за 1878 годъ. Благодаря лестному отзыву рецензента, г. профессора С.-Петербургскаго университета В Г. Васильевскаго объ этой части сборника, Академія удостоила мой трудъ преміи [2]).

Въ свою очередь историко-филологическій факультетъ Имп. Новороссійскаго Университета оказалъ мнѣ содѣйствіе, рѣшивъ печатать мой сборникъ въ Запискахъ Университета.

Получивъ между тѣмъ разборъ первой части составленный г. Васильевскимъ и напечатанный въ январѣ текущаго года, я съ его согласія не упустилъ воспользоваться замѣтками его для исправленія главныхъ имъ доказанныхъ ошибокъ или промаховъ, на сколько мнѣ это позволилъ краткій срокъ времени; вмѣстѣ съ тѣмъ я старался формулировать точнѣе прежняго тѣ изъ представленныхъ мною гипотезъ, которымъ снисходительный мой рецензентъ противуставляетъ другія, въ справедливости которыхъ я еще не могъ убѣдиться.

Во второй части сборника [3]) будутъ приложены общіе къ двумъ частямъ указатели личныхъ и географическихъ

---

[2]) См. Отчетъ о двадцать-первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-П. 1878, стр. 11, 12

[3]) Предоста[illegible] тамъ же исправить опечатки вкравшіяся въ этотъ томъ, огра[illegible] просьбою, чтобы читатели благоволили сами на четвертой строкѣ 129 страницы послѣ слова «миляхъ» прибавить пропущенныя при наборѣ слова: «отъ Босагача, находившагося въ 40 миляхъ» (отъ Таны и т. д.).

именъ, а также, въ случаѣ возможности, три карты, а именно: 1) Карта Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земель; 2) Копія карты Чернаго моря Генуэзца Весконте (1318 г.); 3) Копія карты волжскаго бассейна и Каспійскаго моря Венеціанцевъ Пицигани (1367 года).

Ф. Брунъ.

Одесса, іюнь 1879 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Островъ Тирагетовъ и греко-латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ	3— 13
II. Островъ Св. Еөерія	14— 32
III. Нѣчто о Добруджѣ	33— 47
IV. Островъ Певки	48— 59
V. Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова	60— 71
VI. Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV-го и XV-го столѣтій .	72— 97
VII. Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море	98—133
VIII. Обмелѣніе Азовскаго моря	134—145
IX. Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 году	146—159
X. Судьбы мѣстности занимаемой Одессою	160—188
XI. О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи. Топографическія и историческія замѣтки	189—240
XII. О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами.	241—277

UNIV. OF CALIFORNIA

I.

Островъ Тирагетовъ и Греко-Латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ [1]).

Судя по измѣненіямъ, на нашихъ глазахъ происходившимъ въ гидрографическихъ отношеніяхъ южной Россіи, нельзя не предположить, что рѣки ея были въ древности гораздо полноводнѣе и шире, чѣмъ нынѣ. Эта замѣтка можетъ быть примѣнима въ особенности къ Днѣстру, по причинамъ, приведеннымъ г. Демолемъ въ любопытной статьѣ, помѣщенной въ № 9 Записокъ Одесскаго Общества сельскаго хозяйства за 1850 годъ. Еще до этого г. Надеждинъ, наблюдатель не менѣе тонкій, какъ отличный писатель, замѣтилъ мимоходомъ [2]), что въ старину устье Днѣстровскаго лимана было вѣроятно обширнѣе нынѣшняго и что сама рѣка въ него изливалась двумя рукавами. Дѣйствительно, на хорошей картѣ, начертанной Исленьевымъ въ 1779 году, мы встрѣчаемъ большой островъ между Паланкою и Маяками, тождественный съ островомъ, помѣщеннымъ у Пейссонеля между Бендерами и Паланкою, равно какъ и на картѣ, приложенной Сестренцевичемъ къ его «Histoire de la Tauride».

Обстоятельство, что въ XVIII столѣтіи въ этой мѣстности находился островъ, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ, что островъ этотъ уже существовалъ 18 вѣковъ

[1]) Составлено по статьямъ автора: L'Ile des Tiragètes, въ Journal d'Odessa, 1852 №№ 26 и 27, и О мѣстоположеніи Тираса, въ Записк. Одесск. Общ. VI 1853.

[2]) Одесскій Альманахъ 1840, стр. 325.

тому назадъ. Напротивъ того, мнѣ кажется, что измѣненія, послѣдовавшія въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ въ бассейнѣ нижняго Днѣстра, скорѣе свидѣтельствуютъ, что около начала нашей эры, все болотистое пространство, отдѣляющее нынѣ Маяки отъ Паланки, было покрыто водою и составляло продолженіе лимана.

Вотъ почему я не думаю, что древній островъ Тирагетовъ, о которомъ говоритъ одинъ только Плиній [3]), могъ совпадать съ этою мѣстностью, какъ старается доказать г. Беккеръ въ разсужденіи подъ заглавіемъ: «Берегъ Понта Евксинскаго» и проч. [4]). Въ пользу сего мнѣнія г. Беккеръ именно ссылается на замѣченное имъ обстоятельство, что разстояніе, отдѣляющее Маяки отъ Килiи равняется какъ разъ 130 милямъ, полагаемымъ Плиніемъ на разстояніе отъ острова Тирагетовъ до устья Дуная *Псевдостомона*. Но это равенство, если бы оно дѣйствительно существовало, не могло бы служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія г. Беккера: приведенное измѣреніе Плинія началось вѣроятно въ 30 миляхъ южнѣе Килiи, такъ какъ его Псевдостомонъ соотвѣтствовалъ не Килійскому, но скорѣй Сулинскому устью. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе извѣстныхъ географовъ Маннерта и Укерта, которымъ слѣдуетъ Крузе въ его монографіи «De Jstri ostiis». Можетъ быть я могъ бы представить новые доводы въ пользу сего мнѣнія; но я оставлю ихъ въ сторонѣ, дабы не наскучить читателю подробностями, излишними для рѣшенія вопроса, которымъ здѣсь занимаюсь. Ибо дѣло въ томъ, что Плиній въ своемъ измѣреніи вовсе не имѣлъ въ виду островъ Тирагетовъ, но устье Тираса. Такъ поняли его географы, приводившіе его слова, напр. Низаръ и Литтре, которые переводятъ: «le Tyra, fleuve célèbre, donnant son nom à une ville qui occupe l'emplacement d'Ophiusa, *formant* une île spacieuse habitée par les Tyragètes, et *éloigné* de la bouche Pseudostomon

[3]) Nat. hist. IV. 26.
[4]) Записки Одесск. Общ. III 187.

du Danube de 130,000 pas.» Чтобы убѣдиться въ точности сего перевода читателю придется только его сравнить съ текстомъ классика (IV, 26) и съ другими подобными мѣстами его труда.

Правда, по его измѣренію разстояніе между Днѣстромъ и Дунаемъ выходитъ 20-ю милями значительнѣе, чѣмъ у безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго. Но это разногласіе происходитъ отъ того, что измѣреніе послѣдняго начинается съ устья Днѣстровскаго лимана, тогда какъ протяженіе сего лимана включено въ измѣреніе Плинія. Подобное различіе встрѣчаемъ мы между нимъ и авторомъ перипла при опредѣленіи ими протяженія берега между Днѣпромъ и Днѣстромъ, съ котораго, а не съ острова, тутъ начинается измѣреніе у Плинія: «Et a Tyra CXX millibus p. flumen Borysthenes, lacusque et gens eodem nomine etc».

Въ этомъ случаѣ Плиній только слѣдовалъ примѣру Артемидора, считающаго для того же разстоянія 300 стадій болѣе Безъименнаго, потому, какъ уже замѣтилъ г. Беккеръ, что измѣреніе его доходитъ до устья Днѣстра въ лиманъ. Что же касается большаго острова, образуемаго, по его свидѣтельству, этой рѣкою, то я охотно искалъ бы его между нею и Кучургановъ, съ ней соединяющимся нѣсколько верстъ выше Маякъ. Съ морской стороны пространство между ними заключающееся представляется въ видѣ острова и могло казаться таковымъ очевидцамъ, свидѣтельство которыхъ сохранилось у Плинія, подобно тому какъ приписка *y-a de nogai*, которая въ этой мѣстности читается на картѣ Біанко (1436), показываетъ, что и въ глазахъ итальянскихъ моряковъ XV столѣтія полуостровъ образуемый обѣими рѣками казался настоящимъ островомъ. Таковымъ онъ впрочемъ представляется еще и теперь, когда Днѣстръ во время полноводія, выйдя, ниже Дубоссаръ, изъ крутыхъ береговъ своихъ, разливается по прилежащей долинѣ и соединяется даже съ Кучурганскимъ лиманомъ [5]).

[5]) Шмидтъ, Матеріалы для Геогр. и Стат. Херсонской губерніи, I, 203; ср. Григоровичъ, Записка антиквара etc. Одесса, 1874, стр. 32.

Въ этой низменности, въ верстахъ 30 ниже Тирасполя, лежитъ въ долинѣ Днѣстра село Коротное, гдѣ былъ случайно найденъ хранящійся теперь въ музеѣ Одесскаго Общества камень съ латино-греческою надписью, въ которой, къ сожалѣнію, недоставало первыхъ строкъ. Изданная впервые во 2-мъ томѣ Записокъ Общества съ дѣльными примѣчаніями г. Беккера, эта важная надпись затѣмъ была обнародована Мерклиномъ [6]), Гепценомъ [7]) и Момзеномъ [8]), съ прибавленіемъ его чтенія недостающихъ строкъ и замѣтокъ у него вызванныхъ содержаніемъ надписи. Поелику же сборникъ, въ который она имъ была помѣщена, недоступенъ для всѣхъ нашихъ читателей, то намъ казалось кстати помѣстить ее здѣсь, съ суплементомъ, составленнымъ первымъ знатокомъ римской исторіи и съ переводомъ объяснительныхъ замѣтокъ имъ къ ней прибавленныхъ:

[Exemplum epistulae ad Tertullum].

[Misimus tibi epistulam ad Heraclitum, unde intelleges, quid statuerimus de immunitate, quam Tyrani sibi concessam esse contendunt. Quam licet admittere non so-
[1]leamus nisi | privile]gii auct[oritate perpensa et origine
[2]immu]|nitatis inspecta, quod us[u receptum esse qua]|
[3 4]qua ratione videbatur, cum iusta [moderati]|one serva-
[5]vimus, ut neque ipsi cons[uetudi]|ne diuturna pellerentur et in poster[um] | decreta civium adsumendorum con-
[7]sil[iis] | praesidis provinciae c(larissimi) v(iri) perpenderentu[r].

[8] Exemplum epistulae ad Heraclitum.

[9 10] | Quamquam Tyranorum civitas originem | dati beneficii non ostendat nec facile, quae | per errorem aut li-
[12]centiam usurpata sunt, prae|scriptione temporis confirmentur, tamen, | quoniam divi Antonini parentis nostri litte-|
[14 15]ras, sed et fratrum imperatorum cogitamus, item | Antonii

[6]) Gerhard's archaeol. Zeitung II p. 161.
[7]) Annali del Inst. 1854 p. 67.
[8]) Corpus inscript. latin. III, 1 p. 147.

Hiberi gravissimi praesidis, quod attinet | ad ipsos Tyranos [16]
quique ab iis secundum leges | eorum in numerum civium [17]
adsumpti sunt, ex pri|stino more nihil mutari volumus. [18]
Retineant | igitur quaqua ratione quaesitam sive possessam | [19]
privilegii causam in promercalibus quoque re|bus, quas [20 21]
tamen pristino more professionibus | ad discernenda muni- [22]
fica mercimoniorum eden|das esse meminerint Sed cum [23]
Illyrici fructum | per ambitionem deminui non oporteat, [24]
sciant | eos, qui posthac fuerint adsumpti, fructum | im- [25 26]
munitatis ita demum habituros, si eos legatus | et amicus [27]
noster v(ir) c(larissimus) iure civitatis dignos esse de|cre- [28]
to pronuntiaverit. Quos credimus satis a|bundequae sibi [29]
consultum, si grati fuerint, exi|stimaturos, quod origine [30]
beneficii non quaasi|ta dignos honore cives fieri prae- [31]
ceperimus.

| Ὀουίνιος Τέρτυλλος ἄρχουσι βουλῇ δή|μῳ Τυρανῶν [32 33]
χαίρειν | Ἀντίγραφον τῶν θείων γραμμάτων πεμ|φθέντων μοι [34 35]
ὑπὸ τῶν κυρίων ἡμῶν ἀνει|κήτων καὶ εὐτυχεστάτων αὐτοκρατό- [36]
ρων | τούτοις μου τοῖς γράμμασιν προέταξα ὅ|πως γνόντες τὴν [37 38]
θείαν εἰς ὑμᾶς μεγαλο|δωρίαν τῇ μεγάλῃ αὐτῶν τύχῃ εὐχα- [39]
ριστή|σητε Ἐῤῥῶσθαι ὑμᾶς καὶ εὐτυχεῖν πολ|λοῖς ἔτεσιν εὔχομαι [40 41]

Ἀπεδόθη πρὸ | ιγ′ καλανδῶν Μαρτίων Ληνεῶνος η′ | [42]
Ἀνεστάθη ἐπὶ Μουκιανοῦ καὶ Φαβιανοῦ | ὑπάτων, ἐν τῷ εμρ [43 44]
ἔτει | ἀρχῆς Π. Αἰλίου Καλπουρνίου. [45]

«Президентъ, писавшій эту грамоту, Л. Овиній Тертуллъ, императорскій легатъ Нижней Мизіи въ царствованіе Севера и Каракаллы, уже извѣстенъ какъ по монетамъ съ именемъ его на императорскихъ монетахъ лежащаго при Іатрѣ и значущаго при Истрѣ Никополиса, (Borghesi dec. XV, 8 opp. 2 p. 224), такъ и по нѣкоторымъ рескриптамъ (Dig. 38, 17, 1, 3; 49, 15, 9; Cod. Iust. 8, 51, 1). То же мѣсто прежде занималъ Антоній Гиберъ (v. 15), можетъ быть тождественный съ консуломъ того же имени, 133 года.

«Тертуллъ препровождаетъ Тиранамъ грамоту касательно ихъ льготъ, посланную ему императорами Северомъ и Кара-

каллою (34 sq.), отъ которой сохранился лишь только конецъ; вполнѣ же сохранилась другая грамота, копія которой также была получена Тертулломъ, написанная о томъ же дѣлѣ императорами какому то Гераклиту, который тогда, кажется, завѣдывалъ доходами Иллирикума и быть можетъ занималъ должность императорскаго прокуратора въ этой провинціи. Что область Тиранская входила въ составъ не Дакіи, но Мизіи, видно также изъ Птолемея (3, 8, 10), по которому Дакія съ восточной стороны граничитъ съ рѣкою Гіеразомъ (Серетъ); нынѣшняя же Бессарабія и все побережье такимъ образомъ отъ ней отдѣляется, что Тира лежитъ въ Мизіи, тогда какъ Ольвія находится уже внѣ этой провинціи, въ Сарматіи. Это подтверждается какъ мѣстомъ у Діона (68, 12), гдѣ говорится, что Децебалъ требовалъ отъ Траяна уступки края до Истра, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, какъ замѣтилъ Боргезе, что монеты Тирановъ начинаются съ Веспасіана (см. перечень Mém. de la Soc. d'arch. de S-P. в. 3, 1849 p. 192), при которомъ: еще не было провинціи Дакіи. Монеты же императорскія, подобно Ольвійскимъ, которыя только начинаются съ Септиміемъ Северомъ (Köhne Musée Kotschubey, 1 p. 83 sq.) оканчиваются Северомъ Александромъ. Кажется поэтому, что задунайская часть Нижней Мизіи была уступлена варварамъ при императорѣ Максиминѣ (см. vita Maximini et Balb. c. 16 sub his pugnatum a Carpis contra Moesos fuit et—exidium eo tempore—Histricae civitatis), не много ранѣе уступки всей провинціи Дакіи при Галліенѣ. Когда именно область Тирановъ была превращена въ провинцію, мы узнаемъ изъ самаго декрета (42, sq), гдѣ читается, что 201 г. п. Р. Х. соотвѣтствовалъ 145 году эры Тирановъ, которая по этому началась съ 56 или 57 года по Р. Х., когда императоромъ былъ Нероиъ. Ибо не легатомъ отмѣченъ день полученія грамоты, но день этотъ, равно какъ и годъ, въ которомъ она была выставлена, отмѣчены начальникомъ города (т. е. П. Эліемъ Кальпурніемъ, упомянутымъ въ концѣ). Боргези (ср. annali del Inst. 1839 p. 157) справедливо замѣтилъ, что въ тоже вре-

мя Ти. Плавцій Сильванъ былъ легатомъ Мизіи и предѣлы этой провинціи простеръ до Херсониса, какъ явствуетъ изъ извѣстнаго надгробія (Orelli 750) leg. pro praet. Moesiae, in qua plura quam centum mill (ia) ex numero Trasdanuvianor(um) ad praestanda tributa cum conjugib (us) ac liberis et principib (us) aut regibus suis transduxit... pacem provinciae et confirmavit et protulit. Если же мы узнаемъ изъ нашей надписи, что даже въ III столѣтіи у Тирановъ не былъ въ употребленіи римскій календарь, но ихъ собственный, заимствованный ими, подобно Ольвіополитянамъ, у Милезійцевъ (отъ которыхъ взято названіе мѣсяца Lenaeon, см. Ahrens, mus. Rhen. nov. vol. 17 p. 329 sq), то это обстоятельство легко объясняется; ибо, какъ замѣтилъ Мерклинъ, городъ Тира былъ, подобно другимъ городамъ сего берега, колоніею Милета. По мнѣнію хронологовъ милезійскій мѣсяцъ Лепеонъ соотвѣтствовалъ аѳинскому Гамеліонъ и совпадалъ бы съ Январемъ Юліанскаго календаря, если бы только можно было ручаться за достовѣрность вывода изъ сравненія луннаго года съ солнечнымъ. Вопросъ, почему именно у Тирановъ 8 день Лепеона 201 г. по Р. Х. соотвѣтствовалъ 17 Февраля Юліанскаго года, можетъ быть только рѣшенъ, когда будетъ извѣстно съ какого дня начинался годъ у Тирановъ. Остается сказать нѣсколько словъ о содержаніи надписи. Самъ Тертуллъ пишетъ, что онъ своему письму предпоставилъ (v. 37 προέταξα) копіи императорскихъ грамотъ: поэтому не сомнѣваюсь, что начало надписи гласило такъ, какъ мною выше было замѣчено. Всѣмъ извѣстно, что значитъ Illyricum (v. 23), ср. Appian. Illyr 6: (Ῥωμαῖοι) τὸ τέλος τῶν ἐθνῶν ἀπὸ ἀνίσχοντος Ἴστρου μέχρι τῆς Ποντικῆς θαλάσσης ὑφ' ἓν ἐκμισθοῦσι καὶ Ἰλλυρικὸν τέλος προσαγορεύουσιν. Льгота, о которой идетъ рѣчь, заключалась въ томъ, что Тиранскіе граждане, хотя и должны были заявлять слѣдуемые имъ изъ таможни товары, но освобождались отъ платежа податей, и то не только за товары ими покупаемые для собственнаго потребленія, но и за такіе, которые назначались для продажи. Изъ надписи нельзя заключить

относились ли эти двѣ льготы къ лицамъ или къ мѣсту, или другими словами, долженствовали ли Тираны ими пользоваться въ цѣломъ Иллирикумѣ, или только, что вѣроятнѣе, въ портѣ Тиранскомъ. Хотя Тираны основывали эту привилегію скорѣй на обыкновеніи, чѣмъ на законѣ, тѣмъ не менѣе императоры благоволили ее утвердить, съ тѣмъ однако, чтобы, въ интересахъ казны, въ послѣдствіи тѣ только лица могли пользоваться этою привилегіею, которыхъ легатъ призналъ бы достойными права гражданства; ибо изъ v. 31 явствуетъ, что тѣ, которыхъ президентъ считалъ бы недостойными, должны были лишиться не только льготы, но и права гражданства».

Эти замѣтки были уже напечатаны, но не обнародованы, когда г. Моммзену было доставлено извлеченіе на французскомъ языкѣ изъ статьи, мною помѣщенной въ 3 т. Записокъ Одесск. Общ. ист. и древн. подъ заглавіемъ: «О мѣстоположеніи Тираса». Это побудило г. Моммзена къ прежде имъ сказанному о нашей надписи прибавить еще нѣсколько подробностей во 2-й части 3 тома его Сборника.

Между прочимъ онъ тутъ помѣстилъ отрывокъ моего письма, который да позволено будетъ здѣсь представить въ переводѣ: «Село Коротное лежитъ въ долинѣ Днѣстра, въ двухъ верстахъ отъ лѣваго берега этой рѣки. Въ полъ версты выше села курганъ незначительной величины, въ ста шагахъ отъ плавней, образуемыхъ рѣкою. Въ нѣсколькихъ шагахъ за этимъ курганомъ слѣдуетъ другое, еще гораздо меньшее возвышеніе, медленно поднимающееся надъ почвою, совершенно розною въ окрестностяхъ. Подъ поверхностью этого втораго возвышенія найденъ былъ нашъ памятникъ племянникомъ прежняго сельскаго старосты Петрова, когда онъ, паша землю, наткнулся плугомъ на верхнюю часть самаго памятника. По единогласному свидѣтельству Петрова, его племянника и другихъ поселянъ, участвовавшихъ при дальнѣйшемъ вскрытіи памятника, послѣдній не лежалъ, но стоялъ на пьедесталѣ, который мнѣ показали на дворѣ Петрова, откуда, по моему распоряженію, былъ онъ доставленъ въ Одессу. Этотъ пьедесталъ сдѣланъ изъ ра-

ковистаго известняка, вышиною въ 6 вершковъ, длиною въ 1 аршинъ 6 вершковъ, шириною въ 1 аршинъ. Въ немъ есть углубленіе, въ $4^1/_2$ вершка, длиною въ 1 аршинъ и шириною въ 3 вершка. Подъ пьедесталемъ, во время открытія, по словамъ Петрова, ничего не было найдено, кромѣ горсти угля, который онъ разсыпалъ, находя, что этотъ уголь ничѣмъ не различался отъ нынѣшняго древеснаго угля».

Затѣмъ г. Моммзенъ, допуская, что вмѣсто словъ u(su receptum esse), слѣдуетъ читать со мною: usurp(atum esse), продолжаетъ отъ себя, (p. 1009), что я изъ приведенныхъ данныхъ вывелъ справедливое заключеніе, что памятникъ былъ воздвигнутъ, не въ Аккерманѣ, какъ полагалъ г. Беккеръ, но на мѣстѣ его находки.

«Прибавлю, говоритъ онъ, что памятникомъ этимъ означалась граница; это явствуетъ изъ разныхъ соображеній и въ особенности изъ найденнаго подъ нимъ угля; ср. Augustinus de civ. dei, 21, 4, 2: in carbonibus .. tanta firmitas, ut nullo umore corrumpantur, nulla aetate vincantur, usque adeo, ut eos substernere soleant qui limites figunt ad convincendum litigatorem, quisquis post quantalibet tempora extiterit fixumque lapidem limitem non esse contenderit; сравн. также Siculus Flaccus p. 141, Lachm. Оказывается по этому, что и льготы, дарованныя Тиранамъ далѣе не простирались, подобно тому, какъ камни поставленные въ окрестностяхъ города Рима при императорѣ Маркѣ propter controversias, quae inter mercatores et mancipes ortae erant, ut finem demonstrarent vectigali.... exigundo (ср. м. зам. въ Зап. Сакс. Общ. 1850, 309)».

Послѣ вышесказаннаго о мѣстоположеніи села Коротнаго читатели можетъ быть согласятся со мною, что «Островъ Тирагетовъ» входилъ въ составъ владѣній Тирановъ, хотя названіе тамошняго ихъ пограничнаго пункта намъ не передано Плиніемъ. Если же такъ, то я полагалъ бы, что туземное названіе этой мѣстности было *Офіуса* и что послѣ водворенія Милезійцевъ въ *Никоніумъ*, ихъ потомки легко могли утвер-

диться на островѣ, омываемомъ рѣкою, представляющей удобное плаваніе для ихъ судовъ. Геродотъ по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ, покинутыхъ Неврами ради змѣй, которыя и теперь водятся въ плавняхъ Днѣстровскихъ, не знаетъ Тирагетовъ Страбона и Плинія, тогда какъ этотъ народъ могъ быть смѣсью «Тиритовъ» Геродота и Гетовъ, которые еще при царѣ своемъ Беребистѣ простерли свое оружіе даже до Ольвіи. Уже по сокрушеніи ихъ могущества греческіе обитатели острова могли переселиться на противоположный берегъ рѣки и новое свое поселеніе также называть Офіусою. По присоединеніи его къ римскимъ владѣніямъ, онъ уже не означался этимъ именемъ, но просто назывался Тирасомъ или городомъ Тирановъ, содѣлавшись центромъ ихъ владѣній. Въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить слѣдующее, правда, не совсѣмъ ясное мѣсто изъ сочиненія Страбона (VII, 3, 16). Сказавъ, что при устьѣ Тираса стояли башня Неоптолема и мѣстечко Гермонаксъ, онъ продолжаетъ: плавающему вверхъ по рѣкѣ представляются, въ 140 стадіяхъ, два города: съ правой стороны Никонія, съ лѣвой Офіуса; но прибрежные жители упоминаютъ также о городѣ въ 120 стадіяхъ вверхъ по рѣкѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Гроскурдомъ[9]), что Страбонъ тутъ не передаетъ намъ другую (болѣе точную) мѣру разстоянія Никоніи или же Офіусы отъ устья рѣки, но говоритъ о третьемъ городѣ, лежащемъ, *не ниже* ихъ, какъ думаетъ нѣмецкій переводчикъ, но въ 120 стадіяхъ выше, т. е. около того мѣста, гдѣ былъ найденъ памятникъ. Съ этимъ взглядомъ можно согласовать, почему у Птолемея городъ Ophiussa помѣщается въ 20 минутахъ къ сѣверу отъ города Тира, да еще на противоположномъ, т. е. лѣвомъ берегу рѣки. Наконецъ мы имѣли бы нѣкоторое право думать, что Валерій Флаккъ имѣлъ въ виду окрестности села Коротнаго, когда восклицаетъ:

«Linquitur abruptus pelago Tyra, linquitur et mons
Ambenus et gelidis pollens Ophiusa venenis.

[9]) Strab. Erdbeschr. I, 538 пр. 1.

Тутъ уже явно рѣчь идетъ скорѣе объ островѣ Тираготовъ, чѣмъ объ окрестностяхъ Аккермана. Если же въ ямбической поэмѣ приписанной Скимну Хіосскому [10]), Офіуса Скилакса и Страбона означается *однимъ* только именемъ рѣки, то эту замѣтку къ нему едва ли не отнесъ Holstenius со словъ безъименнаго автора Перипла Понта Евксинскаго, который не могъ пройти молчаніемъ городъ Тирасъ и въ то же время могъ не знать, что онъ прежде назывался Офіуса. Правда, еще до формальнаго присоединенія сего города къ римскимъ владѣніемъ, его перестали называть Офіусою; по крайней мѣрѣ Mela, какъ напомнилъ мнѣ снисходительный мой рецензентъ, знаетъ этотъ городъ лишь по имени рѣки; но за то осторожное выраженіе Плинія, что городъ, названный по рѣкѣ Туга, находился тамъ «ubi antea Ophiusa dicebatur», заставляетъ меня подозрѣвать, что ученый авторъ Hist. naturalis имѣлъ свѣдѣнія, хотя не ясныя, о существованіи нѣкогда древнѣйшей Офіусы, совпадавшей съ безъименнымъ городомъ Страбона или Офіуссою Птолемея.

---

[10]) Müller, Geogr. Gr. Min. I, 229; ср. 418.

II.

Островъ Св. Еөерія [1]).

Небольшой островъ Березань, лежащій противъ лимана, называемаго по имени его Березанскимъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе въѣзжающихъ съ моря въ Днѣпровскій лиманъ. Круто поднимаясь надъ уровнемъ моря, этотъ островъ замѣчателенъ не только своимъ мѣстоположеніемъ, но и въ отношеніи историческомъ: въ немъ представляется взорамъ путешественниковъ «островъ Св. Еөерія», къ которому, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, приставали древніе Руссы, въ своемъ плаваніи изъ Кіева въ Константинополь [2]).

Не знаю, на какомъ основаніи авторъ «Изслѣдованій о городахъ Русскихъ», могъ смѣшать этотъ островъ съ островомъ Хортицкимъ, возлѣ пороговъ Днѣпровскихъ [3]). По крайней мѣрѣ, Багрянородный ясно говоритъ, что островъ Св. Еөерія находился предъ устьемъ Днѣпровскаго лимана. Здѣсь именно его искали Байеръ, Пейссоннель и Шлецеръ, которые всѣ потому только не упоминаютъ объ имени Березани, что это имя имъ не было извѣстно [4]).. Поелику же предъ устьемъ Днѣпра другихъ острововъ нѣтъ, кромѣ Березани, названнаго древними

---

[1]) Изъ Новороссійскаго Календаря на 1851 годъ.

[2]) Constan. Porphyrog. De adm. imp. 9.

[3]) Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, 1844, VII, стр. 252.

[4]) Comment. Academ. Sc. Imp. Petrop. IX, tab. XVI. Шлецеръ, Несторъ, Русс. лѣтописи, С.-П. 1816, III, стр. 161. Peyssonnel, Observations historiques etc. Par. 1765, стр. 145.

островомъ Борисѳеномъ [5]), то и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ именно названъ императоромъ островомъ Св. Еѳерія. Хотя тождество сего острова съ Березанью дѣйствительно было признано Карамзинымъ, Лербергомъ и многими другими изслѣдователями, тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ кажется, никто донынѣ не касался вопроса, почему именно этотъ островъ получилъ то имя, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ греческому императору? Желая дать поводъ къ рѣшенію сего вопроса я почитаю неизлишнимъ представить на обсужденіе критиковъ мнѣніе, что древній островъ Борисѳенъ новое свое имя получилъ по одному изъ семи Священномучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонѣ и утвердившихъ тамъ своими подвигами христіанскую вѣру—епископа Херсонскаго Св. Еѳерія, который, заболѣвъ на обратномъ пути изъ Константинополя въ свою епархію, преставился на островѣ *Аасѣ*, гдѣ надъ гробницею его былъ поставленъ памятникъ.

Свѣдѣнія о Св. Еѳеріѣ заимствуемъ мы изъ источника, коего историческая важность и превосходство предъ западными Acta Sanctorum признаваемы были еще Шлецеромъ [6]),—изъ житія сего Святаго, помѣщеннаго въ книгѣ Житій Святыхъ Св. Димитрія Ростовскаго (подъ 7 марта) и взятаго, какъ свидѣтельствуетъ приписка на полѣ «изъ рукописныхъ греческихъ».

Приводимъ собственныя слова житія:

«И видѣвъ Еѳерій Святый въ Херсонѣ лютость и ярость невѣрнаго народа, непопущающаго нимало Христіаномъ распространятися въ градѣ, иде въ Византію къ Царю Константину жаловашеся на нечестивый Херсонскій народъ, утѣсняющій Христіановъ. Царь же даде свое повелѣніе да свободно и невозбранно Христіане въ Херсонѣ обитаютъ и своя на Божіе славословіе соборы да творятъ явѣ невозбранно; всиже противляющіися имъ да изгоними будутъ изъ града. Съ таковымъ по-

[5]) Ukert, Geogr. der Griechen und Römer, Weimar, 846, III, 2, p. 450.
[6]) Несторъ, II, стр. 566.

велѣніемъ царскимъ Святый Еѳерій въ Херсонъ возвратився, обвесели Христово стадо зѣло, невѣрніи же печальни быша и смущени. И сооруживъ Епископъ во градѣ церковъ Христіаномъ, и вся добрѣ устроивъ, паки къ Царю иде воздати благодареніе о благодѣяніи того. Возвращаяся же впаде въ недугъ и по случаю во островъ Аасъ приплывъ, временному житію своему конецъ, вѣчныя же жизни прія начало. Идѣже погребше его вѣрніи, поставиша на гробѣ его столпъ и древеса высокія тамо израстоша, показающая издалеча гробъ Святаго» [7]).

Обстоятельства, изложенныя въ этомъ повѣствованіи, приводятъ насъ, прежде всего, къ заключенію, что островъ, носившій въ послѣдствіи имя Св. Еѳерія, былъ тотъ самый, который принялъ въ нѣдра свои земные останки святителя. Не было другаго Св. Еѳерія, который могъ бы сообщить свое имя острову Березани.

Вообще въ числѣ дѣятелей здѣшняго края упоминается еще одинъ сего имени, Епископъ Херсонскій Еѳерій II, присутствовавшій на второмъ Вселенскомъ Соборѣ (381), между подписями дѣяній коего читаемъ: Еѳерій Терсонскій, вмѣсто Херсонскій [8]). Но островъ, упоминаемый Константиномъ Багрянороднымъ, носилъ имя Святаго Еѳерія, несомнѣнно того самого, коего пастырство, какъ мы выше видѣли, прославлено было началомъ законной терпимости христіанства въ Херсонѣ и подвигами святости, изъясняющими благоговѣніе современниковъ и потомства къ мѣсту его кончины. Какому острову могли мореходцы присвоить имя Св. Еѳерія, какъ не тому, на которомъ издалека видѣли они осѣненную высокими деревьями гробницу Святаго; особенно если припомнить, что островъ, носившій это имя и, по указанію Багрянороднаго, находившійся при устьѣ Днѣпра, въ древности былъ необитаемъ [9]), и обык-

---

[7]) Книга Житій Святыхъ; III, л. 45; на об. Кіевъ, 1815.

[8]) Макарій, Ист. Христіанства въ Россіи, С.-П. 846, стр. 64.

[9]) Arriani Periplus Ponti Euxini, 20; Anonymi Periplus, 13.

новенно означался лишь однимъ только именемъ, подъ которымъ тогда знали сказанную рѣку.

Путь плаванія Св. Еѳерія, описываемый въ житіи его, совершенно согласуется съ мѣстомъ, назначаемымъ Константиномъ для острова Св. Еѳерія. Если, какъ должно полагать, мореплаватели этого времени, на пути изъ Царьграда въ Херсонъ, держались западнаго берега Понта, то Святитель долженъ былъ проходить мимо устья Днѣпра, при коемъ находился островъ, по указанію Багрянороднаго. Тѣмъ же путемъ, какъ видно изъ сказанія того же Житія Святыхъ, слѣдовалъ и преемникъ Св. Еѳерія, Св. Капитонъ, въ плаваніи своемъ изъ Херсона въ Царьградъ: ибо повѣствуется о немъ, что корабль его бурею приверженъ былъ къ устью Днѣпра и тамъ нашлись люди невѣрные и безбожные, которые, захвативши всѣхъ на кораблѣ бывшихъ, и разбивши все, «самого Архіерея Божія Капитона въ водѣ потопили» [10]). Такимъ образомъ сіи Святители, преемственно одинъ послѣ другаго епископствовавшіе въ Херсонѣ, преставились въ мѣстахъ, вѣроятно близкихъ одно къ другому, около устьевъ Днѣпра. Это то безъ сомнѣнія и ввело въ ошибку Болландистовъ, смѣшивающихъ обстоятельства смерти обоихъ, столь отчетливо изложенныя въ нашей книгѣ житій Святыхъ. Въ Acta Sanctorum говорится о Св. Еѳеріѣ: «Dum rursus B. Aetherius Byzantiam profectus esset, ut gratias Imperatori ageret, in reditu opressus ab impiis inque flumen Danapris projectus, ita martyrii cursum peregit [11]).

До сихъ поръ всѣ обстоятельства, заимствованныя нами изъ вышеприведеннаго житія Св. Еѳерія совпадаютъ съ географическимъ указаніемъ Багрянороднаго. Но вотъ жизнеописатель Святаго опредѣляетъ мѣсто преставленія его еще точнѣе, приводя собственное имя острова—Аасъ.

Имя это могло уже принадлежать острову въ то время,

[10]) Книга Жит. Святыхъ, III, л. 46.

[11]) Acta Sanctorum. I Martii, p. 639—42.

когда къ нему присталъ Св. Еѳерій, или же могло служить для означенія этого острова въ эпоху составленія хроники, изъ которой Св. Димитрій Ростовскій заимствовалъ житіе Св. Еѳерія: оно могло быть дано ему въ замѣнъ прежняго народомъ иновѣрнымъ, иноплеменнымъ; когда вліяніе Византіи на нашемъ берегу Понта кончилось, памятники христіанства были разрушены, благочестивыя преданія забыты.

Во всякомъ случаѣ попытаемся изслѣдовать, нѣтъ ли въ словѣ Аасъ указанія или намека на островъ Березань, котораго тождество съ островомъ Св. Еѳерія Константина, учеными вообще признанное, получило бы въ семъ случаѣ новое доказательство, независимое отъ топографическихъ соображеній. Обращаемся прямо къ острову Березани, потому что на всемъ пути Святителя изъ Константинополя въ Херсонъ могли встрѣтиться ему только два острова, къ которымъ бы онъ могъ удобно пристать, или съ которыхъ памятникъ надгробный, ему воздвигнутый, могъ быть видѣнъ въ значительномъ разстояніи, именно: Змѣиный островъ и Березань. Первый, извѣстный въ древности подъ названіемъ Левки, въ послѣдствіи сталъ уже называться Фидониси, т. е. Змѣиный островъ, въ турецкомъ переводѣ: Иланъ-Адасси [12]). Не представляя никакого сближенія съ опредѣляемою нами мѣстностью, онъ не могъ быть принимаемъ нами въ соображеніе.

Березань называется Турками Бюрюкъ-Юзенъ-Ада, т. е. островъ волчьей рѣки, и, вѣроятно, отсюда извѣстенъ въ простомъ народѣ подъ названіемъ Ада—островъ [13]). Судя по мѣстности, равно какъ и по созвучію именъ, должно думать, что Турки подъ названіемъ Бюрюкъ, или собственно Бюрю—Юзенъ или волчьей рѣки, могли только имѣть въ виду или Березань или древній Борисѳенъ, который впрочемъ у нихъ обыкновенно означается подъ названіемъ Ози. По мнѣнію Гаммера, это имя перешло къ Днѣпру отъ Узовъ или Половцевъ,

---

[12]) Лоція Чернаго моря, Николаевъ, 1851, стр. 431.
[13]) Ibid. стр. 30.

обитавшихъ нѣкогда при его берегахъ. Шафарикъ же полагаетъ, что турецкія племена въ насмѣшку примѣнили къ Днѣпру названіе Узу, Узи, Ози, Озу, Іоза — и что по сему самому Днѣпровскій лиманъ получилъ названіе Озолимна [14]), о которой упоминаетъ Анна Комнина, слова которой здѣсь слѣдуютъ въ русскомъ переводѣ Венелина [15]).

«Сіе озеро, именуемое нами Озолимною, весьма обширно и величиною своею не уступаетъ ни одному изъ описанныхъ географами. Оно лежитъ посреди ста холмовъ (Ἑκατὸν βουνοί), и впадаютъ въ оное величайшія и прекраснѣйшія рѣки. Въ южной своей части принимаетъ оно много великихъ и сильно нагруженныхъ судовъ: безъ сомнѣнія это доказываетъ глубину онаго».

«Впрочемъ имя Озолимны, знающимъ греческій языкъ, покажется происходящимъ отъ какого то непріятнаго запаху, выходящаго изъ озера; но это несправедливо, ибо имя это происходитъ отъ Уннскаго (Гуннскаго) войска, собиравшагося и стоявшаго на берегахъ сего озера. Извѣстно же что тѣхъ, коихъ мы называемъ Гуннами, простой нашъ народъ называетъ Узами: отсюда, думаю, родилось Οὐζολίμνη, т. е. озеро Узовъ или Узовское; въ послѣдствіи буква υ вытерта изъ сего слова, которое въ нынѣшнемъ составѣ мы уже видѣли. Если же кто спроситъ о времени происхожденія сего имени, то едва ли можно найти въ древнихъ исторіяхъ извѣстія о нашествіи Гунновъ на сію страну; но это случилось въ царствованіе Алексія. Тогда Гуннскій народъ, при большемъ волненіи, съ оружіемъ прибылъ въ упомянутое мѣсто, коему далъ новое названіе».

Сознавая, что Цесаревна весьма умно и естественно объяснила значеніе слова Озолимны, Венелинъ тѣмъ не менѣе старается доказать, что оно есть ничто иное, какъ греческій переводъ славянскаго слова «Соляное озеро», и что подъ этимъ

---

[14]) Schafarik, Slavische Alterthümer, Lpzg, 1842, 1, p. 502.

[15]) Венелинъ, О Соляномъ озерѣ Гальмирисъ, въ Чтеніяхъ Московск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1847, № 6, стр. 19—46.

озеромъ должно разумѣть извѣстное Плинію озеро Halmyris, названное нынѣ Рассейнъ или Разинъ, и которое соединяется съ Чернымъ моремъ посредствомъ южнаго, или т. н. Портицкаго гирла Дуная.

Для подтвержденія сего мнѣнія, онъ ссылается на слѣдующее мѣсто изъ Кедрина (къ 1049 году): «Пацинаки поселились между Гемомъ, Дунаемъ и моремъ, на мѣстахъ, имѣющихъ овраги, луга, разнаго рода лѣсъ, воду и пастбища, именуемыхъ жителями Ста холмами (Ἑκατὸν βουνοί)», или пожалуй Ста-горами, какъ переводитъ Венелинъ съ Шафарикомъ [16]).

Показавъ, что число Сто не можетъ быть здѣсь выраженіемъ опредѣленной сотни, Венелинъ находитъ, что Кедринъ долженъ былъ имѣть въ виду Бабадагскую область, близъ озера Рассейнъ, а потому заключаетъ, что оно соотвѣтствовало Озолимнѣ, которая, по свидѣтельству Анны Алексѣевны, также находилась въ сосѣдствѣ ста холмовъ или Сто-горья. Однако, если взять во вниманіе, что эта Озолимна находилась не посреди, но выше ста холмовъ [17]), что подъ прекрасными и судоходными рѣками Цесаревна не могла разумѣть полуизсохшіе притоки южнаго гирла Дуная—но только Бугъ и Днѣпръ; наконецъ, что греческія суда въ это время часто приставали къ Олешью [18]), нынѣ Алешки, на южной сторонѣ Днѣпровскаго лимана—то оказывается, что этотъ именно лиманъ, а не озеро Гальмирисъ или Рассейнъ, долженъ былъ соотвѣтствовать *Озолимнѣ*, о которой говоритъ Цесаревна. По сему самому читатели согласятся, можетъ быть, съ моимъ предположеніемъ, что сюда именно, въ окрестностяхъ нашихъ «Стомогилъ», или развалинъ Ольвіи [19]), спаслись вѣроятно Печенѣги послѣ пораженія имъ нанесеннаго Половцами, въ 1088 году, при Ста-холмахъ или сѣверной части Добруджи, отку-

---

[16]) Ibid. стр. 21.

[17]) Annae Comn. Alex. VII, 5: κεῖται δὲ τῶν Ἑκατὸν βουνῶν ὑπερθεν.

[18]) Воскр. лѣтопись II, стр. 69; ср. Повѣствованіе о Россіи, Москва, 838, стр. 180, пр. 1117.

[19]) Журн. Мин. Внутреннихъ дѣлъ, 1844, VII, стр. 222.

да вскорѣ спустя сами Половцы, по причинѣ недостатка припасовъ, принуждены были перебраться за Дунай къ своимъ кочевьямъ при нижнемъ Днѣпрѣ, гдѣ прежде ихъ кочевали Узы, впервые вторгавшіеся въ Грецію еще въ 1068 году и которыхъ часто смѣшиваютъ съ Половцами или Куманами.

Еще Карамзинъ [20]) показалъ неосновательность этого мнѣнія, впервые высказаннаго Байеромъ, и въ то же время, съ свойственною ему прозорливостью, узналъ въ Узахъ Византійцевъ Торковъ нашихъ лѣтописей. Во всякомъ случаѣ, наши предки могли означать Узовъ подъ именемъ Торковъ, потому что они, по происхожденію своему, были Турки, подобно Половцамъ и Печенѣгамъ, отъ которыхъ сами отличались подъ названіемъ Узовъ, т. е. свободныхъ [21]). Поелику же это названіе они не могли принять безъ основанія, то и оказывается что Греки, коимъ Торки сдѣлались извѣстными подъ собственнымъ ихъ названіемъ «Узовъ», имѣли полное право сказать, что они были благороднѣе Печенѣговъ [22]). Мнѣніе Карамзина еще подтверждается тѣмъ, что Эдризи называетъ постоянно Половцевъ Куманами, а не Узами, тогда какъ это названіе у него означаетъ обитателей собственнаго Туркестана. Что подъ вышедшими оттуда Узами, о коихъ говоритъ Анна Комнина, должно разумѣть скорѣе Торковъ, нежели Половцевъ, покажетъ наконецъ сравненіе слѣдующихъ свидѣтельствъ. По Раймунду-де-Ажиль, крестоносцы застали въ Диррахіумѣ, въ 1096 году, служившихъ въ войскѣ Алексія: Гузовъ, Фанаковъ, (Пацинаковъ) и Комановъ; по другому же автору (Albertus Aquensis), тамъ находились въ 1110 году: Туркопулы, Пиценаріи и Комениты [23]).

Впрочемъ, рѣка Днѣпръ означалась гораздо прежде временъ императора Алексія, подъ вышеприведеннымъ названіемъ

---

[20]) Ист. Государ. Росс. I, прим. 90 и 11, прим. 112.

[21]) Neumann, die Vœlker d. südl. Russlands etc. Lpzg, 1847, p. 128.

[22]) I. Curopalatae Hist. (Cedreni Hist. Compendium ed Bonn. II, p. 654).

[23]) Suhm, Abhandlung v. d. Uzen (Scherer, Des h. Nestors älteste Jahrbücher d. R. Gesch. Lpzg, 1774, p. 288).

Іоза; оно уже встрѣчается у Моисея Хоренскаго, который, впрочемъ, по ошибкѣ, часто дѣлаемой, въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ Днѣпръ съ Дунаемъ, если только слово Данувій находилось въ собственной его рукописи, въ чёмъ можно сомнѣваться [24]). Сказанное имя Іоза не слишкомъ различествуетъ отъ татарскаго слова Юзенъ—рѣка, если оставить безъ вниманія букву н, которою оно оканчивается. Подобный пропускъ въ этомъ случаѣ оправдался бы тѣмъ, что нынѣ еще въ иныхъ діалектахъ монгольскаго языка рѣка или вода называется Узунъ, Угунъ, Усунъ, въ другихъ же—Усу [25]). И такъ оказалось бы, что Борисѳенъ татарское свое названіе могъ получить ни въ насмѣшку, ни отъ Узовъ, но подобно Волгѣ или Итилю, равно какъ и другимъ большимъ рѣкамъ, коихъ имена, по справедливому замѣчанію Клапрота, суть ничто иное какъ нарицательныя слова, означающія рѣку, т. е. рѣку par excellence, на какомъ либо языкѣ [26]). Въ пользу сего мнѣнія могло бы наконецъ служить то обстоятельство, что въ итальянскихъ картахъ XV столѣтія Днѣпръ называется Iozo, Iusen и пр., т. е. l'Ozo, l'Usen, тогда какъ у Абульфеды названіе этой рѣки гласитъ Azzou, явно по ошибкѣ вмѣсто Ozzou или Ouzzou, подобно тому, какъ крѣпость Узу-кале, построенная Турками при устьѣ Днѣпровскаго лимана, въ устахъ нашихъ предковъ превратилась въ Очаковъ или Ачаковъ.

Предположеніе мое, если бы оно было допущено, могло бы также послужить для объясненія неразгаданнаго до нынѣ слова Ἀτελκούζου, подъ которымъ Константинъ Багрянородный разумѣлъ названіе области, изъ коей Мадьяры были изгнаны Печенѣгами въ исходѣ IX столѣтія. Эта область была въ связи съ другими, названными по рѣкамъ ихъ орошавшимъ, а именно: Барухъ, Куву, Труллъ, Брутъ и Серетъ [27]). Въ двухъ

---

[24]) Mosez Chorenens., Geogr. ed Lond. p. 345; ср. Neumann, l. c. 129, прим. 32.

[25]) Klaproth, Asia polyglotta, Par. 1831, p. 278—283.

[26]) Idem Reise in d. Kaukasus. I, 67.

[27]) Constan. Porph. De admin. imp. c. 38.

послѣднихъ, всякій легко узнаетъ рѣки Прутъ и Серетъ. По сему самому нѣкоторые изслѣдователи, полагая, что и рѣка Труллъ должна была соотвѣтствовать какой нибудь изъ рѣкъ Молдавіи или Валахіи—искали ее въ Яломицѣ и др. [28]). Другіе, съ большимъ, какъ мнѣ кажется, правомъ, думаютъ, что Труллъ совпадаетъ съ Днѣстромъ, нынѣ еще извѣстнымъ Туркамъ подъ именемъ Турлу [29]). Касательно Баруха и Куву ученые также расходятся въ мнѣніяхъ: ибо между тѣмъ какъ иные увѣрены въ невозможности открыть теперь, какія рѣки имѣлъ въ виду императоръ подъ сказанными словами [30]), другіе надѣялись открыть ихъ значеніе, примѣняя ихъ къ Марошу и Алутѣ, или же къ Дембовицѣ и т. д. [31]). Еще другіе изслѣдователи, къ коимъ я охотно присоединился бы, думаютъ, что Куву и Барухъ соотвѣтствовали, если не Бугу и Днѣпру то по крайней мѣрѣ лиманамъ этихъ двухъ рѣкъ [32]). Въ самомъ дѣлѣ кажется, что императоръ рѣки Куву и Барухъ помѣщаетъ къ сѣверовостоку отъ Трулла, и что, такимъ образомъ, рѣка Куву могла совпадать съ Куфисомъ, находящимся по свидѣтельству того же императора, въ сосѣдствѣ съ рѣкою Богу [33]), и изливавшимся, по свидѣтельству Θеофана [34]), въ заливъ Некропилы. Если бы было доказано, что рѣка Куву дѣйствительно находилась къ востоку отъ Днѣстра, то ничто уже не мѣшало бы принять слово Барухъ за синонимъ лимана Бюрю-Юзена или Борисѳена.

Какъ бы то ни было, однако всѣ изслѣдователи въ томъ согласны, что Днѣпръ протекалъ по области Ἀτελκούζου, которую императоръ, въ другомъ мѣстѣ, также называетъ Ἐτελ-

---

[28]) Comm. Ac. Sc. Petrop. IX. p. 410; Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1846, 1. Смѣсь, стр. 14.

[29]) Thunmann, Untersuchungen über d. Gesch. d. oestl. eur. Völker, Leipzig, 1774, 1 стр. 145.

[30]) Engel, Gesch. d. Ungr. Reichs IV, 2, стр. 94.

[31]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн Рос. l. c.

[32]) Thunmann, l. c. cf. стр. 101.

[33]) Constant. Porph. l. c. 42.

[34]) Theoph. Chron. ed. Bonn. I, стр. 670.

καὶ Κουζοῦ [35]). По сему самому Лербергъ [36]) думаетъ, что императоръ собственно хотѣлъ писать Ἐτὲλ καὶ Οὐζοῦ, и что второе κ или καὶ было только прибавлено неутомимымъ писцемъ. Поелику же этотъ писецъ, по небрежности, можетъ быть и не прибавилъ этого втораго καὶ, но переставилъ слово это съ одного мѣста на другое, то позволено будетъ думать, что въ текстѣ императора первоначально было сказано: καὶ Ἀτελ (или Ἐτέλ) καὶ Οὐζοῦ. Такъ какъ онъ же прибавляетъ, что область эта получила названіе свое «a fluvio interlabente», то можно будетъ заключить, что рѣка, о которой онъ говоритъ, означалась двумя названіями: Этель и Узу, и что по сему самому область, орошаемая этою рѣкою, была называема однимъ народомъ, напр. Мадьярами, или соединенными съ ними хазарскими Кабарами, Этель; другимъ же, напр. Печенѣгами—Узу.

Если бы изложенное здѣсь мнѣніе показалось слишкомъ смѣлымъ, то пришлось бы возвратиться къ мнѣнію Фесслера, что Мадьяры перенесли родное имя недавно покинутой ими Волги на другую огромную рѣку, за которой поселились и новое свое жилище называли Atel или Etel-Köz, пространство при Ателѣ. Но такъ какъ эта рѣка ихъ отдѣляла отъ Печенѣговъ, то ясно, что византійскій императоръ подъ ней разумѣлъ не Дунай, какъ полагалъ Фесслеръ, и по его примѣру Гильфердингъ [37]), но Днѣпръ.

Въ свою очередь Tzetzes [38]), сказавъ, что слово βερζίτιχον, будучи происхожденія варварскаго, служило въ простонародномъ нарѣчіи для означенія тариха или соленой рыбы, доставляемой съ береговъ Окса, прибавляетъ, что эта рѣка орошала Сугдею, населенную Хазарами и хорошо извѣстную Херсонцамъ.

Поелику Сугдея явно здѣсь означала Крымъ, то на пер-

---

[35]) Const. Porp. l. c. c. 40.

[36]) Untersuchungen zur Erläuterung d. ält. Gesch. Russl. St.-P. 1816, стр. 424.

[37]) Собр. соч. I, 87. пр. 3.

[38]) Chil. XI, v 95 sq.

вый взглядъ кажется, что авторъ Хиліадъ подъ рѣкою Оксъ разумѣлъ Керченскій проливъ съ Азовскимъ моремъ, которое, со временъ Страбона, часто принимали за продолженіе Танаиса и столь же часто смѣшивали съ Аральскимъ озеромъ, также названнымъ Оксомъ, подобно рѣкѣ орошавшей другую Согдіану. При томъ мы узнаемъ отъ императора Константина, что въ его время ловля берзетикона преимущественно производилась въ Хоракулѣ, т. е. Карагулѣ или сѣверномъ рукавѣ Кубани, изливающемся въ Азовское море.

Но такъ какъ изъ другаго мѣста поэмы, гдѣ Цецесъ говоритъ, что Меотида, по изобилію рыбъ, называлась Карбалыкъ, видно что древнее названіе Азовскаго моря ему было извѣстно, то нельзя не согласиться, что Кёлеръ вѣроятно попалъ на истинный слѣдъ, когда полагалъ, что имя Оксъ здѣсь означало какую нибудь рѣчку въ сосѣдствѣ Буга и Днѣпра, или скорѣй, одну изъ этихъ рѣкъ, «parce que», какъ онъ выражается, «la barbarie des temps confondait tous les noms dans la bouche de l'ignorance».

Въ пользу мнѣнія, что Цецесъ говоритъ о Бугѣ, служило бы не только сходство именъ Оксъ и Аксу, но еще и то обстоятельсво, что подъ послѣднимъ названіемъ легко могло быть подразумѣваемо, кромѣ главнаго русла Буга, еще Берзанскій лиманъ, явно тождественный съ рѣкою Аспросъ Константина и съ Бѣлобережьемъ, откуда, по свидѣтельству Нестора, рыба вывозилась въ Константинополь и подъ именемъ котораго знали эту мѣстность еще въ XIV столѣтіи, судя по имени «barbarese», отмѣченному тутъ же на компасовыхъ картахъ.

При всемъ томъ мнѣ кажется, что Цецесъ имѣлъ въ виду не Бугъ, но Днѣпръ, который имъ названъ Оксомъ по турецкому его имени Узу.

Обвинить въ этомъ случаѣ греческаго поэта въ неточности не слѣдовало и потому, что даже Гаммеръ [39]) почиталъ себя въ правѣ примѣнить одно и тоже названіе къ Джигану и

[39]) Gesch. der Gold. Horde, 316.

Днѣпру, когда говоритъ, что владѣнія хановъ Золотой Орды простирались отъ восточнаго Окса до западнаго.

Въ этихъ же мѣстахъ должна была находиться и рѣка *Юзагъ*, о которой сказано въ древнемъ, если не подлинномъ, отвѣтѣ Хазарскаго царя на извѣстное письмо Рабби Хаздай-бень-Исаака, министра испанскаго калифа Абдъ-алъ-Рамана III.

«Къ западу отъ насъ» (говоритъ здѣсь владѣтель земель, лежащихъ между Волгою и Дономъ) «обитаетъ тринадцать народовъ до моря Константинскаго (Чернаго), откуда сѣверная граница простирается до рѣки Юзагъ (Іозгъ, Іозагъ). Здѣсь обитаютъ они въ степяхъ, кочуя до границъ Гигріевъ или Гагріевъ[40].» Подъ послѣднимъ словомъ авторъ письма не могъ разумѣть Индію, какъ пишетъ корреспондентъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, г. Гартензонъ[41], но Венгрію, поелику упомянутымъ тринадцати народамъ явно соотвѣтсвовали тринадцать ордъ или колѣнъ Печенѣговъ, которые, по Кедрину[42], кочевали между Дунаемъ и Борисѳеномъ. Посему самому и приведенная рѣка Юзагъ не могла быть Волга, какъ полагаетъ Сумъ[43], но тотъ же Борисѳенъ, тѣмъ болѣе, что турецкое названіе этой рѣки могло быть легко превращено авторомъ письма въ Юзагъ или Іозагъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что названіе Узу или Ози легко могло перейти отъ рѣки къ острову, лежащему при ея устьѣ, точно такъ, какъ это случилось въ древности съ именемъ Днѣпра[44]. Мнѣніе здѣсь выставленное сильно поколебаетъ г. Васильевскій (Разборъ etc. p. 9) замѣткою, что въ древнѣйшихъ пока извѣстныхъ источникахъ островъ называется не Аасъ, но Алсосъ или еще того вѣрнѣе Алосъ. Но если такъ,

---

[40]) Cosri, Hamburg, 1838 ad. fin. cf. d'Ohsson, Des peuples du Caucase. Par. 1828, p. 209 и Сборникъ истор. и стат. свѣдѣній о Росс., Москва, 1845, стр. 189, прим. 8.

[41]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1847, VI, 3, стр. 6.

[42]) Cedreni Hist. Comp. II, p. 581, 82.

[43]) Историч. разсужденіе о Хозарахъ, соч. Сума, М. 1846, стр. 44.

[44]) Forbiger, Hbuch d. alten Geogr. II 1116.

то придется допустить, что съ точностью еще не опредѣлено, какъ гласило названіе острова, къ которому пристalъ Св. Еѳерій. Во всякомъ случаѣ это названіе не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшимъ названіемъ сего острова, которое читается въ донесеніи Даніила Адашева къ царю Іоанну Грозному. Такъ какъ онъ пишетъ, что, по взятіи непріятельскихъ кораблей при Очаковѣ, благополучно прибылъ на островъ *Озибекъ*, то нельзя не согласиться съ Арцибышевымъ, что онъ могъ только имѣть въ виду островъ находившійся противъ Кинбурна и Очакова [45]), т. е. нашъ островъ Березань.

Подобно тому какъ въ турецкомъ имени крѣпости Ози или Узу-кале, превращенномъ Русскими въ Очаковъ, въ первой части имени острова Озибекъ, лежащаго предъ устьемъ Днѣпра, слышется турецкое названіе сей рѣки, которая могла быть названа Аасъ народомъ Угрскаго или Финскаго племени сюда переселившимся. Имѣя въ виду что у сродственныхъ Мадьярамъ Остяковъ рѣка Обь называется Аасъ, намъ кажется, что названіе это легко могло быть примѣнено первыми къ Днѣпру, если бы даже никогда не было переведено отъ рѣки къ острову.

Въ наше время островъ Березань былъ посѣщаемъ нѣсколькими археологами, въ томъ числѣ академикомъ Кёлеромъ, который нашелъ на немъ разные слѣды древнихъ построекъ. Тотъ же ученый, въ знаменитомъ своемъ «Mémoire sur les îles et la course d'Achille», изложилъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что сказанные остатки древности должны были принадлежать къ храму Ахиллеса, нѣкогда, какъ полагалъ Кёлеръ, на островѣ существовавшему. Но какъ этотъ храмъ можетъ быть существовалъ въ одномъ только воображеніи Кёлера, какъ я старался доказать это въ другой статейкѣ [46]), то и могу думать, что сказанныя развалины могли также, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежать къ памятнику Св. Еѳерія.

---

[45]) Повѣствованіе о Россіи, II, к. 4, прим. 1704.

[46]) О мѣстоположеніи Тираса, въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. и Древ. III. cf. Mommsen, C. I. L., III, 2. стр. 1010.

Выше нами было замѣчено, что, по свидѣтельству императора Константина, островъ Св. Еѳеріи былъ однимъ изъ пунктовъ, гдѣ русскіе моряки останавливались нѣсколько дней въ своемъ плаваніи къ Царьграду. Такъ какъ сказанный пунктъ находился въ сосѣдствѣ съ греческими владѣніями въ Крыму, то дипломаты Восточной имперіи безъ сомнѣнія должны были опасаться намѣреній храбрыхъ викинговъ, въ томъ случаѣ, когда бы пребываніе ихъ на островѣ было слишкомъ продолжительнымъ. Одно уже это обстоятельство заставляетъ думать, что островъ сей долженъ былъ принадлежать къ тѣмъ мѣстностямъ, на которыхъ, по одной статьѣ договора Игоря съ Греками, запрещалось Русскамъ проводить зиму: «въ устьѣ Днѣпра, Бельбережи ни у Святаго Ельферія». [47])

Соглашаясь съ справедливостью сего положенія, Шлёцеръ и Лербергъ выводятъ изъ него тѣмъ не менѣе различные результаты.

Шлёцеръ, какъ извѣстно, рѣшительно говоритъ, что здѣсь слово Ельферій надобно поправить, нисколько не сомнѣваясь, Константиновымъ Св. Еѳеріи. Знаменитый критикъ приписываетъ эту ошибку писцамъ, которые можетъ быть очень знали Ельферіеву церковь, пристань и палаты въ Царьградѣ, но не такъ то Еѳеріевъ островъ въ странѣ, сдѣлавшейся для нихъ неизвѣстною [48]).

Напротивъ того Лербергъ думаетъ, что въ договорѣ именно говорится о сказанной церкви и пристани въ южной части Константинополя, и что островъ Св. Еѳеріи уже подразумѣваемъ былъ въ мѣстности, означенной въ договорѣ устьемъ Днѣпра [49]). Пока намъ только остается выбирать одно изъ этихъ противоположныхъ мнѣній, надобно будетъ согласиться, что мнѣніе Шлёцера должно быть признано гораздо болѣе правдоподобнымъ. Дѣйствительно оно и принято всѣми изслѣдователями, которые до нынѣ писали о договорѣ Игоровомъ, тогда

---

[47]) Полное собр. русскихъ лѣтоп. I, стр. 22.

[48]) Шлёцеръ, Несторъ, III, 3, стр. 161.

[49]) Lehrberg, Untersuchungen etc. p. 449.

какъ мнѣніе Лерберга ими обыкновенно, кажется, почитаемо было не заслуживающимъ опроверженія. При всемъ томъ, или лучше, по сей именно причинѣ я постараюсь сдѣлать это здѣсь. Для сего предварительно приведу тѣ доводы, коими этотъ почтенный мужъ старался подкрѣпить свою тезу.

Въ пользу своего мнѣнія, Лербергъ преимущественно ссылается на замѣчаніе Константина Багрянороднаго, что Руссы изъ Днѣпра отправлялись не только въ Царьградъ, но также и въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію [50]).

«Отъ Русскихъ гостей, говоритъ онъ, которыхъ наконецъ рѣшились впустить въ настоящую гавань, лежащую на сѣверной сторонѣ Царяграда, и принимать у св. Мамы, отъ нихъ въ Царѣградѣ, (гдѣ договоръ заключенъ), были довольно безопасны, ежели только не позволяли имъ тамъ зимовать; отъ тѣхъ Руссовъ, которые ходили въ Хазарію, ограждались тѣмъ, что не давали имъ зимовать ни въ устьѣ Днѣпра (лиманѣ), ни у Херсони [51]); но отъ тѣхъ которые ходили въ Сирію, которые по меньшей мѣрѣ уже съ 902 года нашли дорогу въ Критъ (Mem. pop. II, 972), а съ 935 въ Ломбардію (Mem. pop. 972, 973), отъ сихъ и самый Царьградъ могъ опять подвергнуться какой-нибудь опасности, если бы они на возвратномъ пути подъ какимъ нибудь предлогомъ пришли не въ настоящую гавань (объ этомъ и помышлять нельзя было), а въ спокойныя бухты на южной и югозападной сторонахъ города. Въ этомъ мѣстѣ Царяграда была церковь св. Елеѳферія близъ Ксеролофа или седьмаго изъ Цареградскихъ холмовъ, а не на самомъ холмѣ, какъ поставлено въ Бандуріевомъ чертежѣ. Ежели церковь эта стояла недалеко отъ морскаго берега, то могла очень легко обозначить, можетъ статься, Феодосіевскую гавань, которой Петръ Гилліусъ и Дюканжъ

---

[50]) Const. Porph. De adm. imp. 42.

[51]) Лербергъ здѣсь говоритъ о Херсонѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ отмеливалъ Бѣлобережье. Мнѣніе сіе опровергаетъ г. Чертковъ, хотя въ свою очередь ошибается, полагая, что Бѣлобережье находилось на островѣ Левки (см. мою статью: О Килійскомъ устьѣ Дуная, Одесса, 1853).

дѣйствительно придаютъ названіе Елеѵферской..... И въ этой гавани также запрещалось зимовать каждому изъ Варяговъ, чтобы Греки не имѣли уже никакого отъ нихъ страха» [52]).

Напрасно однакожъ Лербергъ въ этомъ мѣстѣ не различаетъ Руссовъ, служившихъ въ греческомъ флотѣ и отправленныхъ своимъ начальствомъ въ Ломбардію или на островъ Критъ, [53]) отъ земляковъ ихъ, которые по собственнымъ дѣламъ посѣщали Черную Болгарію, Хазарію и Сирію, если только это послѣднее слово дѣйствительно находилось въ текстѣ Багрянороднаго, въ чемъ однакожъ можно будетъ усомниться. Еще Гиббонъ подозрѣвалъ въ этомъ мѣстѣ ошибку писца, хотя въ свою очередь едвали не ошибается, полагая, что императоръ въ приведенномъ мѣстѣ хотѣлъ говорить о Сваніи или нынѣшней Сванетіи на Кавказѣ [54]). По мнѣнію же г. Савельева, [55]) упоминаемая императоромъ Сирія не есть азіятская Сирія, а финская Сюрья, Syriä, синонимъ Перми, куда Руссы могли ходить черезъ Вулгаръ,—или же Ширвань (Συρίαν вмѣсто Σίρυαν), который ограбленъ былъ ими въ 912—13 году, и близъ береговъ котораго одинъ островъ въ X вѣкѣ сохранялъ, въ память ихъ пребыванія, названіе Русскаго.

Не зная, какою изъ этихъ двухъ странъ Гиббонъ согласился бы замѣнить Сванію, я сожалѣю, что ему не пришло на мысль предложить, вмѣсто послѣдняго слова, читать Зихію (Ζίχια), которая, по Константину же, лежала возлѣ Хазаріи при устьѣ Кубани [56]). По крайней мѣрѣ Лербергъ въ этомъ случаѣ вѣроятно не сказалъ бы, что англійскій историкъ не умѣлъ пользоваться сочиненіемъ Штриттера [57]), въ которомъ, между про-

---

[52]) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, перевелъ Языковъ, С. П. 1819, стр. 377, 8.

[53]) Const. Porph. De cerim II, 44.

[54]) Gibbon, Hist. de la décadence et de la chute de l'empire romain trad. p. Guizot. Par. 1812, XI, p. 80, прим. 1.

[55]) Мухаммед. Нумиз. въ отношеніяхъ къ Русск. Ист., С. П. 1847, стр CXLV.

[56]) De adm. imp. 42.

[57]) Lehrberg, Unters. стр. 450.

чимъ, помѣщенъ переводъ замѣчанія Константина, что Печенѣги провожали греческихъ пословъ изъ Херсона въ Русь, Хазарію и Зихію [58]). Что страна сія въ тѣ же времена также была посѣщаема Руссами, явствуетъ изъ свидѣтельства восточныхъ писателей о вышеупомянутомъ походѣ ихъ по Дону и Волгѣ въ Каспійское море въ 912—13 году [59]). Такимъ образомъ императоръ имѣлъ бы полное право сказать, что они посѣщали Черную Болгарію, Хазарію и Зихію. Разумѣется, что въ этомъ случаѣ Черную Болгарію нельзя принять за Дунайскую, какъ полагалъ Лербергъ, но за ту Болгарію, которая лежала при Волгѣ. Мнѣніе это, уже допущенное Френомъ [60]), признано затѣмъ единственно возможнымъ д'Оссономъ [61]), Шафарикомъ [62]) и Савельевымъ [63]). Дѣйствительно оно подтверждается другимъ мѣстомъ изъ сочиненія Багрянороднаго, гдѣ сказано, что обитатели Черной Болгаріи могли дѣлать нападенія на Хазарію [64]). По крайней мѣрѣ всякій согласится, что Волжскіе Болгары гораздо удобнѣе могли нападать на сосѣдственныхъ имъ Хазаръ, нежели обитатели нынѣшней Болгаріи, изъ которой можно было проникнуть въ Хазарію, пробравшись предварительно чрезъ степное пространство между Дунаемъ и Дономъ, гдѣ въ это время находились кочевья Печенѣговъ. Если даже положить, что Болгары Дунайскіе могли безъ труда проходить чрезъ ихъ владѣнія, то нельзя думать, чтобы они захотѣли на это рѣшиться, потому что они въ X вѣкѣ довольно были заняты борьбою съ своими сосѣдями. Другое чувство должно было въ это самое время преобладать у Волжскихъ Болгаръ, у коихъ ученіе лже-пророка окончательно утвердилось въ 922 году [65]). Подобно всѣмъ но-

[58]) Stritter, Mem. pop. III, p. 573, I 803; cf. Const. Porph. l. c. 6.

[59]) D'Ohsson, Des peuples du Caucase, Par. 1828, p. 106.

[60]) Drei Münzen d. Wolga-Bulgaren, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sciences de S. Pb. VI, Serie, 1, p. 192.

[61]) Des peuples du Caucase, p. 213.

[62]) Slav Alt. II, стр. 81.

[63]) Мухамед. Нумиз. 1. с.

[64]) De adm. imp. c. 13.

[65]) Fraehn, l. c. стр. 186.

вообращенныхъ приверженцамъ ислама, они должны были стараться о распространеніи своего ученія, съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что они по свидѣтельству Рубруквиса, еще въ XIII столѣтіи, были: de très méchans mahométans et plus opiniâtres en leur loi, que tous les autres [66]). При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться, если этотъ народъ, который могъ дѣлать нападенія на Хазарію, казался также опаснымъ для сосѣдственныхъ съ этою страною Греческихъ владѣній въ Крыму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ подобномъ случаѣ Византійское правительство, слѣдуя своей обыкновенной политикѣ, старалось бы противупоставить Чернымъ Волгарамъ какой-либо другой народъ, который оказался бы къ тому способнымъ. Дѣйствительно мы узнаемъ изъ договора, заключеннаго великимъ княземъ Игоремъ съ Византійскимъ дворомъ, въ 945 году, что Руссы обязались защищать страну Корсунскую, т. е. греческія владѣнія въ Крыму, противъ Черныхъ Волгаръ [67]). Безъ сомнѣнія, этотъ народъ, подобно Чернымъ Волгарамъ Константина Багрянороднаго, обиталъ при Волгѣ, а не при Дунаѣ, какъ думалъ Карамзинъ [68]) и какъ еще нынѣ утверждаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ [69]).

---

[66]) Rubruquis, ap. Bergeron, p. 40.

[67]) Полное собр. русск. лѣтоп. 1, стр. 22.

[68]) Исторія государства Россійскаго 1 стр. 94.

[69]) Повѣствованіе о Россіи, 1. XI, Соловьевъ, Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ I, стр. 114.

III.

Нѣчто о Добруджѣ [1]).

Съ переходомъ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, взоры всей Европы обратились на древнюю Мизію — классическую почву войнъ Римлянъ, и невольно всякій вспомнитъ теперь о подвигахъ ихъ непобѣдимыхъ легіоновъ. Не удивительно поэтому, что журналы сообщаютъ своимъ читателямъ болѣе или менѣе подробныя описанія той части нынѣшней Болгаріи, которая обыкновенно означается подъ именемъ *Добруджи*, тогда какъ къ ней въ римскомъ періодѣ примѣняли названіе *Малой Скиѳіи*. Впрочемъ ни Геродотъ, ни Ѳукидидъ ничего не говорятъ о существованіи Скиѳовъ въ этихъ мѣстахъ; только Страбонъ упоминаетъ о пребываніи ихъ на южной сторонѣ Дуная.

При новомъ раздѣленіи римской имперіи Діоклеціаномъ, область эта въ административномъ отношеніи была отдѣлена отъ Нижней Мизіи и подъ названіемъ провинціи *Скиѳіи* вошла въ составъ діэцезы Ѳракійской, которая въ свою очередь была поставлена подъ вѣдомство префекта praetorio Orientis.

Безъ сомнѣнія, въ свое время, мы будемъ имѣть возможность судить о большей или меньшей достовѣрности и точности описаній помѣщенныхъ въ журналахъ, сравнивъ ихъ съ свидѣтельствомъ очевидцевъ, столь необходимымъ для рѣшенія географическихъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ мы увѣрены, что,

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ Одесск. Вѣстникѣ № 45, 1854 года: къ ней прибавлены отрывки изъ изслѣдованія подъ заглавіемъ «О Килійскомъ устьѣ Дуная». Одесса, 1853.

по исполненіи храбрыми воинами нашими славнаго порученія, на нихъ возложеннаго, явятся между ними и такіе, которые возьмутся за перо, чтобы изобразить поприще своихъ дѣяній, или дѣяній своихъ собратій по оружію. Между тѣмъ, мы представимъ здѣсь нѣсколько географическихъ и археологическихъ замѣтокъ, въ надеждѣ, что лица, которыя будутъ имѣть случай сличить ихъ съ мѣстностью, въ послѣдствіи почтутъ ихъ, быть можетъ, достойными подтвержденія или исправленія.

Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ мы встрѣтили слѣдующія подробности о Добруджѣ, заключающей въ себѣ, по тому журналу, около 200 кв. миль. Въ этой области нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ; плоскія возвышенности покрыты высокою, пожелтѣвшею отъ дѣйствія солнца, травою, и рѣдко встрѣчаются небольшія деревни; въ безводныхъ долинахъ этихъ степей только колодцы доставляютъ жителямъ воду. Населеніе немногимъ превышаетъ 20,000 душъ. Но за то здѣсь водятся въ изобиліи разнаго рода птицы и четвероногія. «Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ», говоритъ прусскій офицеръ, посѣщавшій Добруджу въ Ноябрѣ 1837 года, — «мнѣ не случалось видѣть столько орловъ и такой величины; они столь мало пугливы, что мы могли почти ловить ихъ руками, и какъ бы съ досадою оставляли они на минуту свои сѣдалища на вѣковыхъ курганахъ. Стаи куропатокъ съ шумомъ поднимались изъ подъ копытъ нашихъ лошадей, изъ сухой травы, гдѣ парилъ надъ ними ястребъ. Большія стаи дрохвъ съ трудомъ поднимались съ земли, при нашемъ къ нимъ приближеніи, между тѣмъ какъ длинныя стаи журавлей и дикихъ гусей прорѣзывали воздухъ. Въ прудахъ у Дуная виднѣлись буйволы, по самую почти морду въ водѣ, а дикія собаки, похожія на волковъ, бродили по полямъ. Мы прошли мимо острова, образуемаго протокомъ Дуная, гдѣ паслись кобылицы; когда мы приблизились къ нимъ, онѣ заржали, и стадо жеребятъ кинулось въ рѣку, чтобы переплыть на другую сторону. Испуганныя утки полетѣли изъ камыша, а множество дикихъ лебедей, тяжелымъ полетомъ, описывали рядъ круговъ надъ зеркальною поверхностью рѣки. Од-

нимъ словомъ, намъ показалось, что мы имѣли предъ собою картину Эвердинга или Рэйсделя. Ниже, по Дунаю, страна становится интереснѣе: острова покрыты вербовыми рощами, рукава рѣки походятъ на озера; наконецъ низменности расширяются, образуя, на протяженіи 70 верстъ, море, покрытое тростникомъ, въ которомъ тамъ и сямъ плаваютъ большія суда. Едва только видѣнъ съ другой стороны высокій и бѣлый берегъ Бессарабіи».

Если это изображеніе дѣйствительно вѣрно въ общихъ чертахъ, то въ немъ тѣмъ не менѣе недостаетъ одной характеристической черты физіономіи Добруджи.

«Между Базарджикомъ, или Камчикомъ и Бабадагомъ, говоритъ Венелинъ, — простираются безлѣсныя и почти безводныя степи, коихъ равнина мѣстами только пересѣкается небольшими углубленіями, имѣющими видъ лѣсныхъ логовищъ, а въ самомъ дѣлѣ большею частью сухими. На этомъ пространствѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни холмовъ, тѣмъ менѣе горъ. Страна слыла Добрицею. Только съ Траянова вала (между Черноводою, на Дунаѣ, и Кюстенджи, при Черномъ морѣ) поверхность начинаетъ холмиться; но горы и лѣсъ встрѣчаются только на цѣпи горъ Бабадагскихъ, Мачинскихъ, Шакчинскихъ и Тульчинскихъ.... Такъ называемая Бабадагская область, окружаемая вышеупомянутыми горами, покрытыми лѣсомъ, имѣя чистую прохладную воду и плодородныя, хорошо орошенныя, поля, составляетъ пріятную противоположность со степями Добрицкими, т. е. лежащими по ту сторону вала» [2]).

Эти замѣтки Венелина совершенно согласны съ слѣдующими мѣстами изъ извѣстнаго сочиненія Буэ [3]). «Къ С. отъ Балканскихъ горъ пролегаютъ одни сплошныя возвышенности, далеко уступающія первымъ въ высотѣ. Затѣмъ слѣдуютъ другія, еще болѣе низкія, до самой долины Дуная. Постепенно

[1]) О Соляномъ озерѣ Halmyris, въ Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1847, VI, стр. 21.

[2]) La Turquie d'Europe I, стр. 96—8.

понижаясь къ С. В. до окрестностей Расовы и Кюстенджи, онѣ только къ С. возвышаются и наконецъ образуютъ группы возвышенностей, между Бабадагомъ, Мачиномъ и Тульчею. При низкомъ уровнѣ окрестностей, онѣ даже имѣютъ видъ горъ и достигаютъ, по Вернелю [4]), высоты отъ 700—800 футовъ».

«Этотъ небольшой хребетъ между Бабадагомъ и Мачиномъ любопытенъ своею отдѣльностью и объясняетъ, почему Дунай долженъ былъ повернуть къ С. для достиженія моря.... Къ Ю. отъ Бабадага узкая полоса земли между Чернымъ моремъ и Дунаемъ, до окрестностей Мангаліи и Каинарджи, покрыта одними только низкими холмами. Между Расовою и Кюстенджи небольшія озера еще болѣе съуживаютъ эту полосу, изъ чего, впрочемъ, не слѣдуетъ, будто бы Дунай въ этихъ мѣстахъ былъ въ связи съ моремъ, по крайней мѣрѣ во времена историческія; что подобная связь не могла существовать — достаточно явствуетъ изъ отсутствія малѣйшей дельты возлѣ Кюстенджи».

Физическія выгоды, представляемыя этою частью Добруджи, легко объясняютъ, почему предпріимчивые Эллины рано начали въ ней селиться. Еще въ VII-мъ и VI-мъ столѣтіяхъ до Р. Х. Милезійцы основали, при ея берегахъ, разныя колоніи, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Томи* или *Томисъ*, не только потому, что онъ пережилъ своихъ сосѣдей, но еще и по той причинѣ, что стѣны его заключали въ себѣ великаго поэта въ злосчастіи, и что посему самому къ нему можетъ быть примѣненъ стихъ Гёте о пребываніи Тассо въ Феррарѣ.

«Die Stätte, die ein guter Mensch betrat, Ist eingeweiht».

Вопросъ, гдѣ именно находилось мѣсто ссылки Овидія, въ настоящее время рѣшенъ окончательно большимъ числомъ латинскихъ надписей, открытыхъ въ деревнѣ Анадолкой, въ двухъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Кюстенджи. Впрочемъ, Томи, какъ видно изъ того, что о немъ говоритъ Овидій, въ его время еще не могъ имѣть притязанія на почетное прозвище «Метрополіи Понта», которое читается на монетахъ сего

[4]) Bull. de la S. Géol. de Fr. VIII, p. 148.

города временъ Антониновъ. За то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Беккера [5]), что онъ былъ членомъ союза 5-ти городовъ, упомянутаго въ надписи сего періода, найденной въ Варнѣ [6]). Другимъ членомъ сего союза былъ, по мнѣнію едва ли не ошибочному Беккера, городъ *Каллатисъ*, который долженъ былъ находиться, судя по измѣреніямъ Страбона и безъименнаго автора Понта Евксинскаго, на морскомъ берегу, къ югу отъ деревни Мангаліи, pangala итальянскихъ картъ.

Въ слѣдующемъ въ нихъ имени *laxeluzo*, *lazilucho* и пр. я не смѣю видѣть портъ del'Asilo у Пеголотти, приведеннаго Васильевскимъ [7]), такъ какъ этотъ Asilo вѣроятно Анхіалъ. Странно только, почему хлѣбъ, вывозимый изъ Asilo, подходилъ къ буджакскому, и почему по видимому отличался отъ хлѣба, добываемаго съ окрестностей Варны, Бургаса, у нижней Камчіи и около Сизополя. Во всякомъ случаѣ загадочный lazilucho, или *маленькій* Анхіалъ, находился подлѣ мыса Шабларъ и совпадалъ слѣдовательно съ портомъ *Каронъ*, т. е. Карійцевъ Безъименнаго, тогда какъ слѣдующій за тѣмъ мысъ, который у нихъ называется Tetrisias, Tirisis или просто Acra, въ компасовыхъ картахъ уже является подъ нынѣшнимъ его названіемъ *Каліакра*, за которымъ въ нихъ слѣдуетъ *gavarna* или cavarna, древній *Bizone*. Г. Heyd [8]) напрасно смѣшиваетъ *Каліакру съ Каварною*, которую въ свою очередь не долженъ былъ искать въ деревнѣ Экернѣ, (717) близъ Балчика, совпадавшемъ, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, съ древнимъ городомъ *Cruni* или *Dionysopolis*, равно какъ и съ городомъ carbona компасовыхъ картъ, χαρβουνᾶς Византійцевъ [9]). Безъименный примѣняетъ къ этому городу еще названіе Matiopolis, ошибочно вмѣсто *Марціанополь*, по близости сего города, развалины котораго сохранились при деревнѣ Девно, къ

---

[5]) Матеріалы для ист. древн. г. Томи и пр. 15.

[6]) Bockh. C. J. G. II, № 2056, e.

[7]) Русско-Визант. Отрывки, IV, въ Ж. М. Н. Просв. 1876 стр. 416.

[8]) Zeitschr. für die ges. Staatswiss. XVIII. 715.

[9]) Acta Patriarch. Const. ed. Miklosich et Müller, I. 244.

западу отъ Діонисополя. Въ 200 стадіяхъ отъ послѣдняго Безъименный ставитъ милезійскую колонію *Одиссосъ*, которую обыкновенно отождествляютъ, по своему мѣстоположенію, съ нынѣшнею Варною, преимущественно на основаніи найденной тамъ греко-латинской надписи, по которой городъ Одисситовъ былъ снабженъ новымъ водопроводомъ [10]). Но если взять во вниманіе, что разстояніе между Варною и мысомъ Акра составляетъ около 28 морскихъ миль, тогда какъ сумма промежуточныхъ разстояній между этимъ мысомъ и Одиссосомъ доходитъ, по авторамъ перипловъ, до 340 стадій или 34 миль, то нельзя не считать весьма правдоподобнымъ мнѣніе Тетбу[11]), что Одиссосъ не занималъ мѣста Варны на самомъ берегу моря, но долженъ былъ лежать въ четырехъ верстахъ далѣе къ западу при лиманѣ Девно, который, будучи нынѣ связанъ съ моремъ посредствомъ неглубокаго русла, въ старину составлялъ безспорно продолженіе варнскаго залива. Въ пользу своего мнѣнія Тетбу ссылается еще на огромное количество монетъ, въ особенности Одиссоса, которыя открываются въ этой мѣстности, тогда какъ пьедесталъ знаменитой надписи, знакомящей насъ съ именемъ городскаго главы и управляющаго дѣлами Понтійскаго Пятиградія, могъ, вмѣстѣ съ другими памятниками, быть доставленъ въ Варну для построекъ, какъ это бываетъ всегда, когда, новый городъ возникаетъ въ близости развалинъ древнѣйшаго. Подобное могло случиться легко и съ вышеприведенной двухъязычной надписью. Подпорою мнѣнія Тетбу служитъ наконецъ то обстоятельство, что византійскіе писатели всегда различаютъ Одиссосъ отъ Варны [12]) и въ тоже время допускаютъ, что они находились въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, Odyssos prope Varnam [13]). Изложенное здѣсь мнѣніе ничего не теряетъ отъ своей силы, хотя въ среднихъ

---

[10]) Mommsen, Corp. Inscr. Lat. III, I. n. 762.
[11]) Taitbout de Marigny, Hydrogr. de la mer Noire. Trieste, 1856 стр. 31.
[12]) Mostras, Dict. géogr. de l'empire ottoman, S.-P.-1873, стр. 177.
[13]) Nicephori Breviar. ed. Bonn. 40.

вѣкахъ одиссоская эпархія была переименована въ варнскую [14]); хотя египетскій посолъ, отправившійся въ 1263 году изъ Варны въ Судакъ, могъ примѣнить къ первому изъ этихъ городовъ названіе Дексейта [15]) и хотя въ 1463 году предполагали послать субсидіи Грекамъ противъ Турокъ ad locum varne aut a lo discos, т. е. l'Odissos [16]).

Обыкновенно сюда же помѣщаютъ и городъ *Константцію*, мимо котораго проѣзжали Русскіе или, правильнѣе, Росы, въ своемъ плаваніи отъ устьевъ Дуная до Варны, по свидѣтельству императора Константина [17]). Но едвали багрянородный авторъ тутъ не говоритъ о городѣ *Константціанѣ* Прокопія и Іерокла, городѣ, который не только названіемъ, но и мѣстоположеніемъ своимъ, совпадетъ съ Кюстенджи, costanza приведенныхъ картъ. Утверждая, что здѣсь именно лежалъ древній Томи, Киперть [18]) вѣроятно не обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ развалинъ сего города въ деревнѣ Анадолькой камни легко могли быть доставляемы для укрѣпленія близлежащей Констанціаны, минуемой Росами по выѣзду изъ рѣки Селины, т. е. Сулинскаго гирла, до котораго предварительно добирались съ извѣстнаго еще Плинію острова Конопонъ Псевдостомономъ, Парекладіономъ Константина. Вѣроятно варяжскіе и русскіе купцы были бы радушно встрѣчаемы обитавшими въ этихъ мѣстахъ Готами [19]), что едвали случилось бы въ южной части Добруджи, гдѣ тогда еще преобладали тѣ изъ Болгаръ, которые еще не ославянились [20]). Во всякомъ случаѣ Констанціана не находилась подлѣ Одиссоса, потому что, по Іероклу, послѣдній городъ принадлежалъ къ Мизіи, тогда какъ Констанціана упомянута имъ и Прокопіемъ въ числѣ городовъ Скиѳіи.

---

[14]) Parthey, Hierocl. Synecdemus и пр., 1866 стр. 147.
[15]) Makrizi, Hist des Sultans mam., trad. par Quatremère. I, 1 стр. 215.
[16]) Atti Tauro ligure VII, 241.
[17]) De adm. imp. ed. Bonn. стр. 79.
[18]) Mommsen, C. I. L. III, 2 стр. 997.
[19]) Васильевскій, Русск.-Визант. отрывки въ Ж. М. Н. Просв. 1876 стр. 409
[20]) Иречекъ, Ист. Болгаръ, русск. перев. Одесса 1878 стр. 161.

Подобно Бёку, Беккеръ къ приведенному пятиградію причисляетъ городъ *Истросъ*, мѣстоположеніе котораго до нынѣ не опредѣлено съ точностью; кажется однако, что онъ находился при мысѣ Кара-бурунъ, къ юго-востоку отъ деревни Гаманджи, гдѣ сохранились слѣды древняго эллинскаго города и который отдѣленъ отъ Кюстенджи разстояніемъ, полагаемымъ древними авторами между Томи и Истросомъ [21]).

Остальными двумя членами пятиградія Gardner [22]), согласно съ Бёкомъ, считаетъ *Месембрію и Аполлонію* и старается доказать, что всѣ пять были еще связаны съ Ольвіею, Тирасомъ, Каллатисомъ, Діонисополемъ, Марціанополемъ и Визіею монетнымъ союзомъ, съ одинаковымъ для всѣхъ мѣриломъ цѣнностей.

Кромѣ приморскихъ городовъ нынѣшняя Добруджа заключала въ себѣ въ древности многіе другіе, преимущественно на Дунаѣ. Укажемъ здѣсь на главные изъ нихъ, съ означеніемъ ихъ мѣстоположенія, уже не подлежащаго сомнѣнію, благодаря памятникамъ, открытымъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій:

Эгиссусъ, по Овидію Aegisos, по Прокопію Aegistus, по географу Равеннскому Aegypsum, близъ нынѣшней Тульчи, гдѣ Сулинское гирло отдѣляется отъ устья Священнаго и гдѣ посему самому Персами былъ наведенъ мостъ надъ Дунаемъ, по свидѣтельству Геродота (IV, 89) «τοῦ ποταμοῦ τὸν *αὐχένα*, ἐκ τοῦ σχίζεται τὰ στόματα τοῦ Ἴστρου, ἐξεύγνυσι». По Itiner. Anton.) Эгиссусъ отдѣленъ былъ 43 милями отъ «Долины Домиціана», отстоявшей отъ города Томи въ 87 миляхъ: итакъ долина эта должна была находиться близъ города Бабадага и совпадать съ большой низменностью (20 верстъ) «prolongement du lac Razelm» [23]).

Новіодунумъ (въ 35 римскихъ миляхъ выше Эгиссуса), тамъ гдѣ Дунай начинаетъ развѣтвляться, слѣдовательно близъ Исакчи или Шакчи, противъ деревни Карталъ, гдѣ лѣтъ

[21]) Peters, Grundlinien der Geogr. der Dobrudscha, 1869.
[22]) A monetary league on the Euxine sea, 1876. стр. 4.
[23]) Allard, La Bulgarie orientale, P. (1864) стр. 102.

сорокъ тому назадъ были найдены обломки латинской надписи, случайно туда попавшей съ праваго берега, какъ уже было замѣчено Моммзеномъ [24]), хотя ему не было извѣстно, что, вмѣстѣ съ этими обломками былъ найденъ г. Мурзакевичемъ [25]) еще одинъ съ замѣчательною рѣзбою. Этотъ кусокъ, $1^1/_2$ аршина длины и $^3/_4$ ширины, имѣетъ на себѣ правильный и красивый рисунокъ Аполлона и Діаны, занимающихся звѣриною охотою. Что этотъ по крайней мѣрѣ памятникъ былъ воздвигнутъ въ Новіодунумѣ явствуетъ изъ двухъ другихъ надписей затѣмъ найденныхъ «in ruinis castri Romani inter Isaktscham et Tultscham [26]) и посвященныхъ богинѣ охоты. Существовавъ уже во время Птолемея, Новіодунумъ вѣроятно, подобно столь многимъ другимъ городамъ, былъ построенъ стоявшими тамъ римскими воинами и названіемъ своимъ обязанъ тому обстоятельству, что между ними было много Кельтовъ. Въ послѣдствіи въ этомъ городѣ находилась главная квартира легіона I Jovia. По Амміану (XXVII, 5) здѣсь именно былъ наведенъ мостъ надъ Дунаемъ въ 369 году предъ походомъ императора Валента противъ Готовъ, и я согласенъ съ Форбигеромъ [27]), что Іорнандъ имѣлъ въ виду этотъ самый городъ, когда говоритъ, что южная граница земли Славянъ пролегала «a civitate Novietunense et lacu qui appellatur Mursianus usque ad Danastrum и что это озеро находилось на западной границѣ Скиѳіи, «ubi Hister oritur» т. е. гдѣ эта рѣка стала носить названіе Истръ, тогда какъ выше называлась Данувій [28]). Изъ одного мѣста у Прокопія (De B. Gott. ed. Bonn. II. 592) явствуетъ, что Менке [29]) напрасно передвигаетъ жилища Славянъ съ окрестностей Исакчи до Систова и что Іорданисъ (Get. V) подъ своимъ «lacus

[24]) C. I. L. III, 1 стр. 146

[25]) Записки Одесск. Общ. Ист. I, стр. 627.

[26]) C. I. L. III, 2 №№ 6160 и 6161.

[27]) Handbuch der alten Geogr. III, стр. 1093.

[28]) Roesler, Zeitpunkt der slav. Ansiedl. an der untern Donau, въ S. B. d. K. Akad. d. Wiss. LXXIII, стр. 87. Сравн. Ptolem. III. 10.

[29]) Erläut. Vorbem. zum Hand-Atlas, 1871 стр. 2.

Mursianus» могъ только разумѣть Плиніево озеро Halmyris, нынѣ извѣстное подъ названіемъ Рамзинъ, Расельмъ, и проч. и при которомъ находилось исправленное Юстиніаномъ castellum Almyris «in extrema Scythia situm» (Proc. ed. Bonn. III стр. 293).

Въ этихъ мѣстахъ, а не въ окрестностяхъ Систова, г. Perrot [30]) долженъ былъ искать упомянутый въ надписи, найденной въ Кюстенджи, Флавійскій Новгородъ «Φλάβια νέα πόλις», тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства, имъ приведенныя въ пользу своего мнѣнія, что тутъ говорится о городѣ «Novae» предвѣстникѣ Систова, безъ всякой натяжки примѣняются къ Новіодунуму.

Уже по близости сего города отъ Томи, онъ могъ скорѣй чѣмъ Novae, находиться съ Метрополіею Понта въ коммерческихъ и политическихъ сношеніяхъ и могъ быть основанъ, столь же хорошо, какъ Novae, при Флавіяхъ, а именно во время войны Домиціана съ *Сарматами*, которыми былъ при немъ уничтоженъ цѣлый легіонъ, вѣроятно V Alaudae [31]). Наконецъ упомянутый въ этой надписи «οἶκος ναυκλήρων», приличнѣе было помѣстить въ дельту Дуная, нежели при устьѣ Янтры, такъ какъ городъ «Flaviana» гдѣ стояли «milites nauclarii» лежалъ не въ Мизіи, но въ провинціи Скиѳіи, тогда уже отдѣленной отъ первой [32]), и что эти воины состояли вѣроятно подъ вѣдомствомъ главнаго начальника легіона I Iovia, подобно префектамъ другихъ отрядовъ въ Новіодунумѣ же и Эгиссусѣ, равно какъ и эскадры musculorum scythicorum въ устьяхъ Дуная [33]).

Поэтому мы можетъ быть не слишкомъ удаляемся отъ истины, отыскивая слѣды Флавіаны въ вышеприведенныхъ развалинахъ римскаго замка между Исакчею и Тульчею. Въ

---

[30]) Revue archéologique, Nouvelle Série, XXVIII, стр. 26.

[31]) Marquardt, Handbuch der Röm. Alterthümer, Leipzig 1853 III, 2 стр. 355.

[32]) Notitia Dignitatum etc. ed. Seeck. стр. 87 срав. Seeck, Die Zeit des Vegetius, въ Берл. журн. Hermes XI, 73.

[33]) Marquardt l. c. 406 ср. Not. Dign. стр. 88.

этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у Птолемея неразгаданныя имена Νουκράουνον и Σιτιόεντα.

Но если такъ, то я полагалъ бы, что Новіодунумъ съ Флавіаною былъ именно тотъ городъ, присоединеніемъ котораго къ понтійскому *Пятиградію* эта конфедерація превратилась въ Шестиградіе, упомянутое въ греческой надписи, помѣщенной въ константинопольскомъ журналѣ Φιλολογικὸς Σύλλογος за 1871 годъ т. IV p. 105 № 4 и обязательно мнѣ сообщенной г. Вулодимосомъ, директоромъ коммерческой греческой школы въ нашемъ городѣ [34]).

[34]) Я считаю прямымъ своимъ долгомъ показать здѣсь, почему именно этотъ достойный представитель эллинизма въ древней Скиѳіи, напечатавшій въ Одессѣ въ 1875 году дѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ «*Λοκίμιον περὶ τοῦ ἰδιωτικοῦ βίου τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων, τόμος Α'*, считаетъ неосновательнымъ мнѣнія г. Perrot (l. c. p. 24) касательно значенія эпитета «*εὔξεινος*», который примѣненъ къ Понту вмѣсто *εὔξεινος* въ двухъ надписяхъ обнародованныхъ Миллингеномъ (*Φιλ Συλλ.* l. IV p. 105—8) и еще прежде Куманудисомъ (въ аѳинскомъ журналѣ *Νέα Πανδώρα*, т. XIX p. 81 — 85), который ограничивается замѣчаніемъ, что примѣненіе эпитета *εὐώνυμος* къ гостепріимному Понту ему показалось новымъ. Сознавшись, что и онъ не встрѣчалъ подобнаго примѣра, ни у древнихъ авторовъ, ни въ надписяхъ, г. Perrot продолжаетъ: «C'est selon toute apparence, l'invention pretentieuse d'un bel esprit local, qui a voulu montrer qu'il connaissait l'origine et le sens d'*Εὔξεινος* de cette épithète donnée par antiphrase à cette mer redoutée des marins; la chose a réussi et est devenue à la mode». Въ свою очередь Миллингенъ (p. 106) колеблется между этимъ мнѣніемъ и другимъ, не ясно имъ высказаннымъ. Упомянувъ, что древніе Греки, во избѣжаніе употребленія роковыхъ словъ, перемѣнили названіе Понта «*ἄξεινος* въ *εὔξεινος*», онъ прибавляетъ, что выраженіе *εὐώνυμος* не замѣняетъ послѣднее слово по подобному же эвеемизму; но что этотъ эпитетъ означаетъ здѣсь прямо «лѣвую сторону», такъ какъ берегъ, къ которому онъ примѣняется, находясь влѣво для входящаго въ Черное море изъ Пропонтиды, названіемъ *εὐώνυμος* отличается отъ *провинціи* Понта собственно, подраздѣленной Римлянами на Pontus Galaticus, Pontus Polemoniacus и Pontus Cappadocius.

«Но» говоритъ г. Вулодимосъ, «дѣло въ томъ, что вовсе не для отличія отъ этой провинціи берегъ названъ *лѣвымъ*, но въ противоположность правому, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Страбона: *Εἰς δὴ τὸν Εὔξεινον πόντον εἰσπλέουσιν ἐκ τῆς Προποντίδος ἐν ἀριστερᾷ μὲν τὰ προσεχῆ τῷ Βυζαντίῳ κεῖται, Θρακῶν δ'ἐστί· καλεῖται δὲ τὰ Ἀριστερὰ τοῦ Πόντου· ἐν δεξιᾷ δὲ τὰ προσεχῆ Χαλκηδόνι* (XII. 3 § 2 сравн. I, 4 § 16; VI, 7, § 1; IX 5 § 10. XI 2 § 5 и 14; XIV, 4, 29). Всякій же, знакомый хоть немного съ греческимъ языкомъ, знаетъ, что прилагательныя имена *ἀριστερὸς* и *εὐώνυμος* тождественны по своему значенію и что оба по эвеемизму значатъ *скаіосъ*, *лѣвый*».

Вотъ транскрипція этой надписи, о которой г. Васильевскій [35]) желалъ узнать мое мнѣніе.

Ἀγαθ]ῇ τύχῃ.
Τ]ὸν Ποντάρχην καὶ ἄρ[ξαντ]α τῆς Ἑξαπό[λ]εως
τὸν] υἱὸν τοῦ Πόντου καὶ
π]ρῶτον ἀγωνοθέτην
θεοῦ Ἀντινόου Τ. Φλαοβιον Ποσειδώνιον
υἱὸν Φαίδρου τοῦ Ποντάρχου καὶ υἱοῦ τῆς πόλεως: Φυλὴ Ἀργαδέων
τὸν ἑαυτῆς προστάτην.

«Въ добрый часъ
Понтарха и управляющаго Шестиградіемъ, сына Понта и перваго учредителя игръ бога Антиноя, Т. Флавія Посидонія, сына Федра Понтарха и сына города. Колѣно Аргадеевъ своего покровителя».

Издатель и комментаторъ надписи Миллингенъ (l. c. 106) между прочимъ заключаетъ изъ ней, что граждане города Томи, желая, подобно другимъ городамъ, снискать благосклонность императора Адріана, учредили публичныя игры въ честь его любимца Антиноя, причисленнаго къ богамъ особымъ декретомъ. Если же, какъ справедливо замѣчаетъ Миллингенъ, титулъ «управляющій дѣлами Шестиградія» тогда уже не имѣлъ существеннаго значенія, но только формальное и почетное въ своемъ примѣненіи къ римскимъ властямъ, то спрашивается, не былъ ли этотъ титулъ отмѣченъ въ надписи потому, что въ учрежденіи игръ участвовали Аргадеи, переселившіеся изъ Томи въ городъ, никогда не принадлежавшій къ Понтійскому пятиградію. Въ этомъ случаѣ я осмѣлился бы спросить далѣе, нельзя ли тутъ подъ шестымъ членомъ конфедераціи разумѣть новый городъ Флавіевъ.

---

[35]) Разборъ сочиненія Ф. К Бруна: Черноморье и проч. С. П. 1879 стр. 12

Если же оказалось бы, что въ Понтійскомъ союзѣ участвовали шесть городовъ еще до утвержденія власти Римлянъ надъ Нижнею Мизіею, то я полагалъ бы, что шестымъ членомъ сего союза былъ, не Каллатисъ, какъ думаетъ Миллингенъ, но скорѣй или Ольвія или Тирасъ, такъ какъ оба эти города, находясь также въ дружескихъ сношеніяхъ съ членами Пятиградія, подобно имъ, участвовали въ жертвоприношеніяхъ храму Ахиллеса на островѣ Левки, судя по автономнымъ ихъ монетамъ, тамъ найденнымъ, а теперь хранящимся въ Музеѣ Одесскаго Общества.

Диногетія, въ самомъ углу образуемомъ Дунаемъ тамъ, гдѣ онъ обращается круто на востокъ, насупротивъ устья Гіераза, нынѣ Серетъ, между Браилою и Галацомъ, гдѣ сохранились развалины.

Аррубіумъ или Арубіумъ, около нынѣшняго Мачина.

Тросмисъ или Трёсмисъ, извѣстный еще Овидію, въ послѣдствіи весьма важный городъ, близъ мѣстечка Иглица, какъ видно изъ большаго числа надписей, тамъ найденныхъ.

Капидава, по Маннерту, Черновода, съ чѣмъ согласенъ Моммзенъ.

Аксіополь, на томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай поворачиваетъ на сѣверъ, стало быть близъ Расовы.

Дуростоpумъ, по Птолемею и Notitia dignitatum; по другимъ Доростолонъ, затѣмъ Дристра, нынѣ Силистрія.

Трансмариска, крѣпость упомянутая также впервые Птолемеемъ, около нынѣшняго Туртукая (Тураканъ).

Новы (Novae) недалеко отъ Систова, мѣсто стоянки Легіона I Italica.

Никополисъ, построенный Траяномъ, нынѣ Никюбъ на Янтрѣ между Систовомъ и Терновомъ. Онъ еще существовалъ въ VII столѣтіи и кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ Никополемъ при устьѣ Осмы въ Дунай, построеннымъ неизвѣстно кѣмъ и когда. Знаемъ только, что до 1396 года онъ уже былъ сильно укрѣпленъ и что онъ существовалъ по крайней мѣрѣ въ 1352 году. Въ этомъ я убѣдился по-

письму болгарскаго царя Іоанна Александра къ дожу венеціанскому Андрею Дандоло. Рукописный итальянскій переводъ этой грамоты хранится въ Венеціи въ Museo Correr [36]), откуда мнѣ посчастливилось получить копію, свидѣтельствующую, что письмо было подписано царемъ 18 октября 1352 года, въ *Никополѣ*.

Прочіе изъ приведенныхъ городовъ по большей части возникли только въ «золотомъ вѣкѣ» Римской имперіи, къ которому также относилась бы постройка вышеупомянутаго вала или стѣны, если бы можно было ручаться за то, что имя «лучшаго» изъ римскихъ императоровъ не было къ ней примѣнено въ позднѣйшія времена.

Въ этомъ случаѣ стѣна скорѣе могла быть построена однимъ изъ предшественниковъ Траяна, а именно Домиціаномъ, при которомъ Римляне, безъ сомнѣнія, имѣли бы въ ней болѣе надобности, нежели въ царствованіе побѣдителя Даковъ. Какъ бы то ни было, эта двойная, въ иныхъ мѣстахъ даже тройная, стѣна (Valla Romana), по словамъ приведеннаго выше журналиста, повсюду еще сохранилась въ высотѣ отъ 8-ми до 10 футовъ; съ наружной стороны вырытъ ровъ; съ внутренней лежатъ большіе, обсѣченные камни, образовавшіе, кажется, высокую стѣну. Западная часть сего укрѣпленія имѣетъ предъ собою озера и болотистую долину Карасу, въ родѣ рва крѣпости; къ востоку же отъ деревни Бурлыкъ, валъ внѣшній переходитъ за долину и вообще построенъ безъ обращенія вниманія на мѣстныя особенности; внутренній, т. е. южный валъ, идетъ, не въ одинаковомъ разстояніи, отъ 100 до 200 футовъ, за первымъ. За нимъ, въ извѣстныхъ взаимныхъ разстояніяхъ, видны слѣды римскихъ становъ, имѣющихъ среднимъ числомъ 300 шаговъ въ квадратѣ; форма и входы ихъ узнаются совершенно ясно еще и нынѣ.

Въ странѣ, по обѣимъ сторонамъ этого вала лежащей, Славяне обитаютъ съ давнихъ временъ, хотя и нельзя опредѣ-

---

[36]) Саввантовъ, Путеш. Новгор. Арх. Антонія. С.-П. 1872, стр. 173.

лить эпохи, когда именно они переселились сюда. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, они составляли населеніе сего края еще до утвержденія надъ нимъ владычества Римлянъ; по мнѣнію же другихъ, они сюда перешли только послѣ нашествія Гунновъ на прежнюю ихъ родину. Достовѣрно извѣстно, что угорскіе Болгары, въ 679 году, при занятіи края между Дунаемъ и Балканомъ, застали тамъ семь славянскихъ племенъ, которыя ими были покорены и соединены въ одно политическое тѣло, названное по ихъ имени *Болгаріею*, хотя сами Болгары въ теченіе 2 или 3 столѣтій ославянились. Ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Иречекъ [37]) «Název statni rozhodoval nad názvem narodnim».

[37]) Dějiny Národa Bulharského 1876 стр. 112.

IV.

Островъ Певки[1]).

Въ числѣ острововъ, образуемыхъ устьями Дуная, болѣе другихъ славенъ былъ въ древности островъ Певки. По свидѣтельству Помпонія Мелы [2]), онъ былъ самый большой и извѣстнѣйшій изъ шести острововъ, находящихся въ дельтѣ Дуная. По другимъ авторамъ, островъ Певки, имѣя видъ треугольника, величиною своею не уступалъ Родосу, которому, въ свою очередь, Страбонъ приписываетъ въ окружности до 920 стадій. По тому же автору [3]), большой островъ Певки лежалъ возлѣ устьевъ Истра; другіе меньшіе острова находились отчасти выше, отчасти въ сторонѣ моря. «Ибо,—говоритъ онъ, —Истръ изливается въ Понтъ Евксинскій семью устьями, изъ коихъ самое большое есть южное или такъ называемое Священное устье; вверхъ по оному, въ 120-и стадіяхъ, находится островъ Певки», при нижней части котораго Дарій построилъ мостъ: могъ же онъ быть построенъ и при верхней части острова (ἧς κατὰ τὸ κάτω μέρος ἐποίησε τὸ ζεῦγμα Δαρεῖος δόναιτο δ'ἄν ζευχθῆναι καὶ κατὰ τὸ ἄνω).

Изъ этихъ словъ Страбона Укертъ [4]) выводитъ заключеніе, что, по взгляду великаго географа, Истръ, идущій съ запада, долженствовалъ омывать берега острова, а затѣмъ, снова соединившись въ 120-и стадіяхъ отъ моря,—образовать прочія устья болѣе къ востоку. «Въ противномъ случаѣ», за-

---

[1]) Изъ Одесскаго Вѣстника №№ 90 и 91, 1851 года.

[2]) Pomp. Mela, II, 7.

[3]) Strabo, VII, 3, § 15.

[4]) Ukert, Geogr. d. Gr. und R. III, 1 стр. 164.

мѣчаетъ Укертъ «Персамъ пришлось бы переправиться еще чрезъ прочіе рукава Дуная», что безъ сомнѣнія имъ не могло придти въ голову. Что они дѣйствительно не переправлялись чрезъ прочіе [5]) рукава явствуетъ притомъ, какъ изъ приведеннаго выше свидѣтельства Геродота, что мостъ былъ построенъ въѣзжавшими въ дунайскую дельту моряками, такъ изъ того обстоятельства, что персидскій флотъ поднялся до этого пункта только послѣ двухдневнаго плаванія вверхъ по рѣкѣ, стало быть на протяженіе, которое по разнымъ причинамъ, легко могло соотвѣтствовать 120 стадіямъ Страбона. Съ взглядомъ его касательно мѣстоположенія острова можно согласовать тѣ подробности, которыя мы о немъ встрѣчаемъ у Плинія [6]). Сказавъ, что «Hister» изливался въ море шестью рукавами, онъ продолжаетъ: «Primum ostium Peuces, mox ipsa Peuce insula, in qua proximus alveus (названіе пропущено) appellatus XIX p. magna palude sorbetur; ex eodem alveo et super Histropolin lacus gignitur LXIII passuum ambitu, Halmyrin vocant; secundum ostium Naracustoma appellatur» и т. д. Такъ какъ устье, которое Плиній означаетъ названіемъ острова имъ омываемаго, совпадало съ Священнымъ устьемъ Страбона или нынѣшнимъ устьемъ св. Георгія, тогда какъ большое озеро Гальмирисъ явно тожественно съ озеромъ нынѣ названнымъ Рамзинъ или Разельмъ и лежащимъ на *южной* сторонѣ рукава св. Георгія, то и Плиніево «большое болото», смежное съ островомъ, не могло не находиться на этой его сторонѣ, и слѣдовательно должно было соотвѣтствовать, если не окрестностямъ протока Дунавецъ, который, отдѣлившись отъ Георгіевскаго рукава, теряется въ озерѣ Рамзинъ, то балкѣ («depression de terrain»), отстоящей въ 60 верстахъ отъ Кюстенджи и отдѣляющей южную степную часть Добруджи отъ гористой Бабадагской области [7]).

[5]) Groskurd, Strabons Erdbeschreibung I, стр. 537.

[6]) Naturalis historia, recens. D. Detlefsen, Berol. 1866 стр. 182.

[7]) Allard, La Bulgarie etc. стр. 103.

Всѣ приведенныя обстоятельства заставляютъ меня думать, что Крузе [8]) не ошибается, полагая, что древній островъ Певки соотвѣтствовалъ сѣверовосточной части нынѣшняго полуострова Бабадагскаго, т. е. гористой полосѣ земли, заключенной между Бабадагомъ, Исакчею, Тульчею и мысомъ Бештепе. Что эта полоса могла дѣйствительно имѣть въ древности видъ острова, не подлежало бы никакому сомнѣнію, если-бы подтвердилось приведенное г. Крузе свидѣтельство извѣстнаго барона Гаммера, что упомянутая полоса нынѣ еще отдѣляется отъ западной части полуострова песчанымъ, покрытымъ лѣсомъ логовищемъ, которое въ древности легко могло быть русломъ потока, т. е. верхней части южнаго рукава Дуная. Въ этомъ случаѣ мы еще болѣе убѣдились бы, что здѣсь долженъ былъ находиться именно островъ Певки, если обратимъ вниманіе на то, что о немъ говорятъ Арріанъ и Птолемей.

Извѣстно, что первый изъ нихъ упоминаетъ объ островѣ, при описаніи похода Александра Македонскаго противъ Трибалловъ и Гетовъ (1, 2—4). Но какъ подробности сего описанія можетъ быть не сохранились въ памяти читателя, то мнѣ кажется неизлишнимъ представить здѣсь отрывокъ, для насъ особенно интересный, изъ труда знаменитѣйшаго изъ историковъ Александра:

«Послѣ трехдневнаго перехода отъ береговъ Лигина (рѣки, касательно которой ученые до нынѣ еще не могли согласиться), Македонскій царь достигъ, съ войскомъ своимъ, до южнаго берега Дуная, гдѣ его уже ожидали корабли, прибывшіе изъ Византіи; они тотчасъ были нагружены стрѣлками и тяжелою пѣхотою, для нападенія на островъ *Певки*, куда спаслись Ѳраки, равно какъ и царь Трибалловъ, Сирмъ, съ частью своего войска, отправивши туда же предварительно женщинъ и дѣтей. Однако островъ былъ хорошо обороняемъ, берега его были слишкомъ высоки, число судовъ было недостаточное, такъ что Александръ рѣшился призвать обратно свои

[8]) Kruse, de Istri ostiis, стр. 53.

корабли и напасть на Гетовъ съ противуположнаго берега: если только онъ, по ихъ усмиреніи, былъ бы обладателемъ обоихъ береговъ рѣки, то и островъ не могъ бы болѣе ему противиться. Геты, числомъ около 4,000 конницы и болѣе 10,000 пѣхоты, взяли позицію на сѣверномъ берегу Дуная, предъ худо построеннымъ городомъ, лежавшимъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки; они полагали, что царь, у котораго не было довольно кораблей для совершенія высадки на островъ, повелитъ построить мостъ изъ судовъ, и тѣмъ доставитъ имъ время и случай для нападенія. Александръ ихъ предупредилъ: это было около половины Іюня; поля въ окрестностяхъ гетскаго города были покрыты хлѣбомъ, довольно высокимъ въ колосьяхъ, чтобы скрыть предъ глазами непріятеля пристающихъ къ берегу воиновъ; надлежало только побѣдить Гетовъ внезапнымъ нападеніемъ; но какъ корабли византійскіе не могли вмѣщать въ себѣ достаточнаго количества воиновъ, то собраны были изъ окрестностей многія мелкія лодки, коими пользовались туземцы, когда ловили рыбу въ рѣкѣ, когда производили разбои или же когда посѣщали своихъ сосѣдей; кромѣ того, кожи, служившія Македонянамъ вмѣсто палатокъ, набиты были сѣномъ и крѣпко связаны; затѣмъ, пользуясь ночною темнотою, 1,500 всадниковъ и 4,000 человѣкъ пѣхоты, подъ личнымъ начальствомъ царя, переправились чрезъ рѣку, и, будучи прикрыты обширнымъ полемъ съ хлѣбомъ, высадились подъ городомъ. При наступленіи зари они двинулись впередъ поперегъ поля; впереди шла пѣхота, которой велѣно было пригнуть внизъ хлѣбъ длинными копьями, и тогда только остановиться, когда дойдутъ до необработаннаго поля. Тамъ конница, дотолѣ слѣдовавшая за пѣхотою, выставилась на правомъ флангѣ подъ начальствомъ царя, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ, примыкаясь къ рѣкѣ, выступила впередъ фаланга, образуя длинную линію и находясь подъ начальствомъ Никанора. Геты, устрашенные чрезвычайною смѣлостью царя, который съ такою легкостью пробрался чрезъ величайшую изъ рѣкъ въ теченіе одной ночи, спѣшили броситься въ городъ, не будучи въ со-

стояніи противустоять, ни натиску конницы, ни силѣ фаланги; видя, что непріятель ихъ преслѣдуетъ, они бѣжали далѣе внутрь, въ степь, взявъ съ собою столько женъ и дѣтей, сколько лошади могли нести. Царь вошелъ въ городъ, разрушилъ его, отправилъ добычу въ Македонію съ Филиппомъ и Мелеагромъ, и принесъ жертвы возлѣ самаго берега Дуная, въ благодарность Юпитеру, Геркулесу и богу рѣки. Александръ не имѣлъ намѣренія раздвинуть предѣлы своего могущества до обширныхъ степей, простирающихся къ сѣверу отъ Дуная; съ тѣхъ поръ какъ Геты узнали на опытѣ могущество Македонянъ, широкая рѣка составляла надежную границу; въ сосѣдствѣ же не было другаго народа, отъ котораго можно было ожидать сопротивленія. Означивъ сказанными жертвоприношеніями предѣлъ своихъ предпріятій къ сѣверу, царь Македонскій въ тотъ же день возвратился въ станъ свой за рѣкою— изъ похода, который не стоилъ ему ни одного человѣка. Вслѣдъ за предпріятіемъ, столь же удачнымъ, какъ и быстрымъ, свободные народы, обитавшіе при Дунаѣ, спѣшили покориться царю; посольства прибыли отъ различныхъ племенъ съ данью своего края, и просили мира и дружбы, которые имъ были дарованы съ радушіемъ. Даже царь Трибалловъ, Сирмъ, который понялъ, что ему нельзя будетъ удержаться на островѣ Дуная, покорился, и былъ, по Діодору (XVII, 17), принятъ союзникомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ доставлялъ впередъ контингентъ свой къ македонскому войску».

Дройсенъ, въ своей прекрасной Исторіи Александра (стр. 70), высказалъ сомнѣніе на счетъ тождества острова, на которомъ царь Трибалловъ искалъ убѣжища, съ нашимъ островомъ Певки, полагая, что историки Александра собственно говорятъ объ островѣ, который лежалъ гораздо выше на Дунаѣ, и что они ошибкою означаютъ его именемъ того острова сей рѣки, который имъ былъ извѣстенъ болѣе всѣхъ другихъ.

Мнѣніе сіе нѣмецкій ученый старается подкрѣпить слѣдующими размышленіями: «Евдали Трибаллы могли бы спастись болѣе чѣмъ на 50 миль отъ своихъ границъ, и то въ

направленіи, менѣе отдаленномъ отъ непріятеля. Какимъ образомъ Арріанъ могъ бы пройти молчаніемъ многочисленные рукава Дуная, если бы борьба происходила при островѣ Певки, въ ихъ сосѣдствѣ находившемся? Даже не доставало бы времени для этихъ переходовъ: въ концѣ Іюля Александръ уже стоялъ подъ Пелліономъ, т. е. въ 150 миляхъ отъ устьевъ Дуная, между тѣмъ какъ онъ только весною выступилъ въ походъ изъ Амфиполя, отстоявшаго отъ Певки въ 100 миляхъ, въ прямомъ направленіи».

Всѣ эти обстоятельства кажутся мнѣ, однако, недостаточно важными, чтобы заставить меня согласиться съ мнѣніемъ автора, что историки Александра по ошибкѣ только упоминаютъ объ островѣ Певки, тѣмъ болѣе, что и Страбонъ говоритъ о неудачномъ походѣ Македонянъ противъ острова того же имени, не сомнѣваясь въ тождествѣ его съ тѣмъ островомъ Певки, возлѣ котораго Дарій 1 переправился чрезъ Дунай, и который явно находился при устьяхъ этой рѣки. При томъ я не понимаю, почему Александръ, который въ столь короткое время образовалъ всемірное владычество свое, не могъ совершить приведенныхъ переходовъ отъ Амфиполя до нижняго Дуная и оттуда назадъ до Пелліона въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, т. е. отъ начала весны до конца Іюля. Гораздо менѣе правдоподобнымъ кажется мнѣ предположеніе Дройсена, что корабли византійскіе, которые уже стояли на якорѣ возлѣ острова Певки, когда Александръ прибылъ къ берегу Дуная, могли бы уже, до того времени, подняться вверхъ по рѣкѣ на значительное разстояніе, что надлежало бы допустить, если бы дѣло здѣсь дѣйствительно касалось острова, лежащаго гораздо выше, нежели настоящій островъ Певки. Что же касается стратегической важности устьевъ Дуная, то Арріанъ, который въ другомъ мѣстѣ (V, 4) говоритъ, что ихъ было пять и что они были не глубоки, могъ въ этомъ случаѣ оставить ихъ безъ вниманія, если островъ дѣйствительно находился въ предположенномъ нами мѣстѣ, въ окрестностяхъ Тульчи, т. е. не много выше, а не въ самой нынѣшней дѣльтѣ Дуная.

Въ этомъ случаѣ и объяснилось бы почему Арріанъ могъ сказать, что берега острова были круты. Таковы, по крайней мѣрѣ были бы берега острова, который соотвѣтствовалъ бы сѣверо-восточной оконечности Добруджи или Бабадагской области. Здѣсь при томъ Сириъ съ своимъ народомъ и съ Ѳраками удобно могъ помѣститься и найдти средства для продовольствія большаго количества народа; напротивъ того, острова, лежащіе выше по Дунаю не представляли бы необходимыхъ къ тому условій, между тѣмъ какъ всѣ острова, входящіе въ составъ нынѣшней дельты Дуная, мало возвышаются надъ уровнемъ моря, а посему самому ни одинъ изъ нихъ не могъ въ древности имѣть крутыхъ береговъ. Если же островъ, который со славою противустоялъ величайшему полководцу древняго міра, дѣйствительно находился въ предположенномъ нами мѣстѣ, то и городъ Гетовъ, разрушенный Александромъ, долженъ былъ находиться въ небольшомъ оттуда разстояніи на противуположномъ, т. е. сѣверномъ берегу Дуная. Вотъ почему можно допустить предположеніе, что сказанный городъ находился въ окрестностяхъ колоніи Карталъ, лежащей между Измаиломъ и Рени, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго берега рѣки. Древніе гробницы и другіе памятники съ латинскими надписями, донынѣ сохранившимися, ясно свидѣтельствуютъ, что въ этихъ мѣстахъ существовало нѣкогда римское поселеніе [9]), которое однако не мѣшаетъ намъ предположить, что здѣсь именно находились передъ тѣмъ жилища Гетовъ.

Пора однакожъ возвратиться къ нашему острову, обращаясь къ даннымъ болѣе положительнымъ, которыя намъ доставляетъ Птолемей. Упомянувъ, что островъ Певки былъ образуемъ южнымъ рукавомъ Дуная, авторъ этотъ не входилъ въ подробности касательно мѣстныхъ его особенностей. Вѣрный своей системѣ, онъ ограничивается опредѣленіемъ астрономическаго положенія острова, равно какъ и различныхъ

[9]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 1 стр. 627. ср. выше стр.

устьевъ Дуная. Безъ сомнѣнія данныя эти далеко не точны; тѣмъ не менѣе они не могутъ быть оставлены безъ вниманія, если дѣло идетъ не объ опредѣленіи дѣйствительной широты и долготы Дунайской дельты, но, какъ въ настоящемъ случаѣ, только о томъ, чтобы означить, хотя приблизительно, относительное разстояніе различныхъ ея частей другъ отъ друга. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, цифры Птолемея, нельзя будетъ не согласиться, что онѣ представляютъ новыя доказательства въ пользу мнѣнія, по которому островъ Певки не доходилъ до морскаго берега, находясь въ тоже время, въ меньшемъ разстояніи отъ южнаго устья Дуная, нежели отъ всѣхъ прочихъ устьевъ этой рѣки. Ибо тогда какъ, по его свидѣтельству, островъ Певки лежалъ подъ гр. 55° 20′ долг. и 46° 30′ шир., онъ же опредѣляетъ, мѣстоположеніе устьевъ, а именно:

Священное или Певки подъ	56°	10′	долг.	46° 15′	ш.
Инаракіонъ (Нараку) . . .	56°	10′	»	46° 20′	»
Калонъ	56°	15′	»	46° 30′	»
Псевдостома	56°	15′	»	46° 40′	»
Бореонъ	56°	20′	»	46° 50′	»
Θіагола или Псилонъ . . .	56°	15′	»	47° —	»

Со временъ Птолемея важныя физическія измѣненія долженствовали происходить въ видѣ и объемѣ нашей дельты, потому что она ежедневно еще измѣняется, такъ сказать, въ нашихъ глазахъ. Посему то было бы несправедливо обвинять его въ неточности, хотя настоящее число рукавовъ Дуная и взаимное ихъ разстояніе не совсѣмъ согласуется съ изображеніемъ, которое онъ намъ оставилъ о дельтѣ Дуная. Напротивъ того, это изображеніе скорѣе могло бы служить доказательствомъ, что въ его время теченіе этой рѣки было извѣстно по опыту, что впрочемъ не было-бы удивительнымъ при важности, которую она постоянно имѣла для Римлянъ, съ тѣхъ поръ, какъ они простерли свое владычество до ея береговъ.

Такъ еще при Августѣ Элій Катъ перевелъ 5 миріадъ (50.000) Гетовъ изъ-за Дуная въ Θракію, и въ тѣ же вре-

мена Римляне боролись съ Бастарнами, которые обитали близъ устьевъ Дуная и къ числу коихъ принадлежали Певкины (Strabo, l. c.). За тѣмъ Тиб. Плавцій Сильванъ Элианъ, въ свою очередь, перемѣстилъ многія тысячи Задунайцевъ на южный берегъ рѣки, остановилъ набѣги Сарматовъ и наблюдалъ за Бастарнами, Роксоланами и Скиѳами нашихъ степей [10]). Еще при Домиціанѣ причисляли къ труднѣйшимъ подвигамъ [12]):

Aut Rheni populos, aut nigrae littora Thules,
Aut Istrum servare latus, metuendave portae
Limina Caspiacae.

Покореніе Траяномъ Дакіи обезпечило на время владычество Римлянъ надъ обоими берегами Дуная, и владычество это отчасти продолжалось и послѣ того, когда, «возстановитель имперіи», уступилъ варварамъ завоеванія «лучшаго» изъ своихъ предшественниковъ. Неудивительно по этому, почему на монетахъ римскихъ, равно какъ и на памятникахъ надгробныхъ, воздвигнутыхъ Иллирійскими легіонами въ послѣднія времена имперіи, столь часто встрѣчаются слова: Salus provinciarum, salus rei publicae, Danubius.

По мѣрѣ того, какъ эта рѣка переставала служить оплотомъ противъ нашествій варваровъ на римскія провинціи, островъ Певки долженъ былъ лишиться того интереса, который дотолѣ имѣлъ для римскихъ писателей. Тѣ изъ нихъ, которые еще упоминаютъ о немъ, выражаются такъ сбивчиво, что видимое ихъ противорѣчіе не можетъ опровергать мнѣніе касательно его положенія, основанное на свидѣтельствѣ приведенныхъ нами авторовъ первыхъ двухъ вѣковъ имперіи.

Такъ напр., Аммианъ Марцеллинъ (XXII, 8) думаетъ, что островъ Певки находился между устьями того-же имени и Наракономъ, и что онъ доходилъ до моря. Между тѣмъ его же слова «prominet insula Peuce» заставляютъ догадываться, что онъ все-таки хотѣлъ говорить объ островѣ, который

---

[10]) Orelli C. I. L. 750.
[11]) Stat. Silv. IV, 4, 61.

не доходя до самаго морскаго берега, оканчивался мысомъ Бештепе, издалека еще замѣтнымъ мореплавателямъ.

Въ свою очередь эпитоматоръ Страбона (ed. Huds. p. 56) подъ именемъ Певки разумѣетъ весь треугольникъ между самымъ южнымъ и самымъ сѣвернымъ рукавами Дуная; линію же въ 300 стадій ихъ отдѣляющую считаетъ основаніемъ сего треугольника. Нельзя однакожъ согласовать съ этимъ взглядомъ замѣтку того-же автора (p. 86), что островъ Певки лежалъ въ 500 стадіяхъ отъ острова Левки. Напротивъ того кажется, что авторъ здѣсь имѣлъ въ виду тотъ островъ Певки, который находился въ 120 стадіяхъ отъ морскаго берега, отстоявшаго въ древности въ 400 стадіяхъ отъ острова Левки, по свидѣтельству безъименнаго автора Перипла Понта Евксинскаго. Правда, въ этомъ периплѣ также сказано, что островъ Певки лежалъ между устьями Дуная и между моремъ, но въ этомъ случаѣ авторъ, какъ это дѣлаетъ часто, передалъ намъ только буквально слова Скимна Хіосскаго, поэта, жившаго въ 1-мъ столѣтіи до нашей эры.

Подобнымъ почти образомъ выражаются греческіе писатели, которые гораздо прежде Скимна, упоминали объ островѣ Певки, какъ напр. Эратосѳенъ и Аполлоній изъ Родоса; послѣдній только прибавляетъ (IV, 310), что островъ находился между устьями Дуная: Наракосъ и Калонъ. Сравнивъ между собою всѣ приведенныя свидѣтельства должно думать, что *имя* Певки принималось то въ обширномъ, то въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, подобно тому, какъ и при Нилѣ различали большую и малую дельту. По всей вѣроятности разумѣли первоначально всю дельту Дуная подъ именемъ Певки, которое потомъ уже, когда устья Дуная дѣлались болѣе извѣстными въ слѣдствіе завоеваній Македонянъ, примѣнялось исключительно къ главному, знаменитѣйшему изъ шести острововъ [12]). Въ послѣдствіи, когда, съ распаденіемъ римской имперіи, варварскіе народы утвердились въ Нижней Мизіи, пи-

[12]) Pomp. Mela II, 7.

сатели, для коихъ островъ Певки уже не имѣлъ прежняго своего значенія, снова смѣшивали неопредѣленныя о немъ мнѣнія древнѣйшихъ съ понятіемъ болѣе точнымъ Страбона, Мелы, Плинія и Птолемея. Подобная погрѣшность со стороны авторовъ послѣднихъ временъ Римской имперіи и среднихъ вѣковъ, могла отчасти быть слѣдствіемъ того обстоятельства, что поэты первыхъ двухъ вѣковъ имперіи также держались древнѣйшаго мнѣнія на счетъ острова Певки, безъ сомнѣнія потому, что оно своею неопредѣленностью болѣе имъ нравилось, нежели результаты изслѣдованій современныхъ имъ географовъ и историковъ. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство сихъ послѣднихъ остается въ своей силѣ, хотя нашъ островъ ими представленъ въ иномъ видѣ, нежели въ каковомъ онъ могъ показаться воображенію Лукана, когда онъ, изображая стекающихся воиновъ, говоритъ: (III, v. 100.

Deseritur.....barbara Cone
Sarmaticas ubi perdit aquas, sparsamque profundo
Multifidi Peucen unum caput adluit Istri.

Или Стація, когда онъ спрашиваетъ (Silv. V. 2, 136).

..... An te septenus habebit
Ister? et undoso circumflua conjuge Peuce?

Или же наконецъ Валерія Флакка, который говоритъ, (VIII, 293).

..... ostia donec
Danubii viridemque vident ante ostia Peucen.

Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей поэмы о походѣ Аргонавтовъ (VIII, 217, 256), разсказываетъ, что островъ Певки такъ былъ названъ по имени Сарматской нимфы, которая тщетно старалась укрыться отъ страсти Истра въ близлежащей пещерѣ. Но такъ какъ еще, по Гомеру (Hymn. ad Aphrod. 257), вмѣстѣ съ нимфами произрастали въ горахъ высокія сосны, то ясно, что и Валерій Флаккъ здѣсь только хотѣлъ намъ дать перифразу весьма правдоподобнаго мнѣнія другихъ авторовъ, что островъ былъ названъ Певки, по множеству сосенъ (πεύκη) на немъ произроставшихъ. Обстоятельство сіе можетъ служить къ большему подтвержденію мнѣнія,

что островъ Певки находился въ предполагаемомъ нами мѣстѣ, т. е. выше острововъ настоящей дельты Дуная, накоихъ по очереди его донынѣ искали. Во всякомъ случаѣ всѣ они такъ низки, что въ древности на нихъ едва ли могли произрастать сосны, по крайней мѣрѣ, столь же мало, какъ эти деревья и нынѣ тамъ вѣроятно встрѣчаются. Напротивъ того, вершины горъ Бабадагскихъ нѣкогда могли быть покрыты сосновыми лѣсами, слѣды коихъ, быть можетъ, донынѣ сохранились. Рѣшеніе сего вопроса, равно какъ и другихъ, коихъ мы касались въ настоящей статьѣ, мы предоставляемъ лицамъ, которымъ представится случай сличить ихъ съ мѣстностью.

V.

Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова[1]).

Въ двухъ верстахъ къ западу отъ Севастополя, возникшаго на мѣстѣ татарской деревни Ахтіаръ и вполнѣ уже заслужившаго славное имя свое, данное ему великою императрицею, находился прежде городъ, которому также суждено было быть поприщемъ событія не менѣе важнаго для Россіи. Городъ этотъ, основанный въ глубокой древности выходцами мегарійской колоніи Ираклеи, по полуострову, на которомъ они поселились, былъ просто названъ *Херсонисомъ*, чѣмъ и объясняется имя *Херсонъ*, присвоенное ему въ послѣдствіе Византійцами. Въ нашихъ лѣтописяхъ имя сіе превратилось въ *Корсунь*; восточные писатели даютъ ему названіе *Сарыкерманъ*, а нѣкоторые изъ позднѣйшихъ *Топе-тарканъ*. Развалины Херсониса, сохранившіяся столько вѣковъ, вѣроятно теперь такъ перемѣшались съ новыми развалинами, по случаю осады Севастополя, что объясненіе ихъ сопряжено будетъ съ непреодолимыми трудностями [2]). По свидѣтельству Страбона, городъ находился на

---

[1]) Извлечено изъ статей, напечатанныхъ въ Новороссійскомъ календарѣ на 1856—9; и помѣщенныхъ также въ Journal d'Odessa, 1857 года.

[2]) Опасеніе, мною высказанное лѣтъ 25 тому назадъ, къ счастію не осуществилось, какъ читатели усмотрятъ изъ результатовъ раскопокъ, къ которымъ И. Одесское Общество Исторіи и Древностей три года тому назадъ могло приступить въ этой мѣстности, благодаря иниціативѣ и благосклонному содѣйствію почетнаго члена Общества Министра Просвѣщенія графа А. Д. Толстаго. См. Отчетъ Общества за 1878 г. Одесса, 1879 и статью В. Н. Юргевича (Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ) въ находящемся въ печати XI томѣ Записокъ Общества.

разстояніи около 100 стадій отъ мыса, названнаго *Παρθενίων*, по храму божественной дѣвы, который стоялъ на немъ. По разстоянію этого мыса отъ города можно заключить, что Страбонъ здѣсь имѣлъ въ виду, не мысъ Херсонисъ, какъ полагалъ еще Муравьевъ, а за нимъ г. Аркасъ,—но мысъ Св. Георгія или Феолентъ, гдѣ находится обрывъ скалы, выдавшейся въ море, на подобіе пристани и образующій родъ воротъ, чрезъ которыя можно проѣзжать на лодкѣ, послѣ чего, какъ выражается Палласъ, «der immer niedriger sinkende Schiefer sich bald unter der See verbirgt».—Въ развалинахъ, сохранившихся въ этой мѣстности еще Палласъ [3]) подозрѣвалъ остатки храма, о которомъ говоритъ Страбонъ, а именно узналъ ихъ въ зданіи, которое знаменитый Санктъ-Петербургскій академикъ замѣтилъ подъ самымъ мысомъ.

«Оно состояло», говоритъ онъ, «изъ двухъ квадратовъ, стѣны которыхъ были направлены ко всѣмъ сторонамъ свѣта. Сѣверный квадратъ, равномѣрно въ 33 фута, поднимался надъ холмообразнымъ основаніемъ. Онъ имѣлъ, кажется, при юго-западной оконечности, одинъ только выходъ къ морю; съ прочихъ же сторонъ фундаментъ зданія окруженъ рядомъ огромныхъ, грубо обтесанныхъ каменныхъ плитъ. Въ срединѣ квадрата, хотя немного ближе къ сѣверной стѣнѣ, лежалъ кубическій камень верхнею площадью не поднимающійся надъ почвою, который я велѣлъ поднять, послѣ чего оказалось, что земля подъ нимъ была довольна рыхлая. Около него въ открытомъ на сѣверной сторонѣ квадратѣ были кладены въ землѣ плоскіе камни посредственной величины, которые могли составлять ступень, если только на среднемъ камнѣ стоялъ алтарь или статуя богини. Южный квадратъ, ближайшій къ морю, но примыкающій также къ первому, продолговатому, имѣя на восточной и западной сторонѣ 47 футовъ, на другой же только 35, тогда какъ внутренное его пространство значительно глубже поверхности перваго. Кажется, онъ имѣлъ выходъ къ

[3]) Pallas Bemerkungen auf einer Reise durch die südl. Statth etc. II 63.

морю на юго-восточномъ углѣ и другой на сѣверо-западномъ; состоитъ онъ также изъ продолговатыхъ большихъ плитъ, въ верхнемъ ряду кладенныхъ иногда на крестъ, но по большей части по длинѣ стѣнъ. Кладка, какъ во всѣхъ этихъ весьма древнихъ постройкахъ, очень груба и рыхла, безъ извести или глины, но за то тамъ и сямъ снабжена маленькими камешками для заборки плитъ. Камень построекъ есть обыкновенный известякъ мѣстныхъ пластовъ содержащихъ обломки раковинъ и оолитовыя зерна. На обращенной къ морю сторонѣ кладены плоскіе обтесанные камни, въ видѣ мощенной дороги и этотъ рядъ камней въ прямомъ направленіи продолжается послѣ небольшаго промежутка вдоль другаго квадрата. Еще видѣнъ фундаментъ стѣны, начинающійся въ 19 футовъ отъ юго-восточнаго угла меньшаго квадрата, и продолжающійся въ прямой линіи къ юго-востоку, послѣ чего снова въ прямой линіи обращается къ юго-западу и примыкаетъ къ юго-восточному углу продолговатаго квадрата, образуя какъ бы родъ приддворья»... По словамъ старожиловъ здѣсь видны были прежде пьедесталы нѣсколькихъ колонъ.

Въ этомъ-же мѣстѣ долженъ былъ находиться и *храмъ Ифигеніи*, о которомъ говорятъ Геродотъ и Эврипидъ, если держаться мнѣнія, что эта безсмертная дѣва, которую часто смѣшивали съ Діаною, была та самая, о которой говоритъ Страбонъ. Безъ сомнѣнія, это мнѣніе заслуживаетъ преимущество предъ мнѣніемъ Бларамберга, который тщетно старался доказать, что кромѣ храма на мысѣ Парѳеніонъ, былъ еще другой, у подошвы Аю-дага, возлѣ деревни Партенитъ. Мнѣнія касательно существованія двухъ храмовъ придерживается и г. Беккеръ, стараясь доказать, что храмъ, о которомъ говоритъ Страбонъ, находился при мысѣ Херсонисъ, хотя и признаетъ, что храмъ Ифигеніи находился при мысѣ Феолентѣ.

Въ окрестностяхъ Херсониса были извѣстны Страбону еще другіе пункты, мѣстоположеніе которыхъ до нынѣ не удалось опредѣлить съ точностію. Сюда принадлежатъ приведен-

ная выше крѣпость *Евпаторіонъ*, гавань *Ктенусъ*, *соляное озеро и древнѣйшій Херсонисъ*, который впрочемъ, во время Страбона, уже былъ въ развалинахъ. Обыкновенно относятъ къ нимъ открытые и описанные Палласомъ остатки древнихъ стѣнъ и зданій на западной оконечности Ираклійскаго полуострова, гдѣ, посему полагаютъ, и находился древній Херсонисъ. Но такъ какъ изъ словъ Страбона слѣдуетъ, что этотъ городъ лежалъ между мысомъ Парѳеніонъ и гаванью Символовъ или нынѣшней Балаклавы, то позволено будетъ думать, что онъ находился на южномъ берегу, а именно къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря, подлѣ мыса Аія-бурунъ, какъ по тому, что и здѣсь, по свидѣльству новѣйшихъ изслѣдователей, сохранились слѣды древнихъ стѣнъ и зданій, такъ и потому, что это есть единственный пунктъ берега, куда мореплаватели могутъ какъ-нибудь приставать, даже при сильномъ восточномъ вѣтрѣ. Впрочемъ невыгодное положеніе города могло именно быть главною причиною, побудившею ихъ рано отыскивать другой пунктъ для торговыхъ своихъ сношеній съ метрополіею. Не смотря на свою близость отъ мѣста, гдѣ по моему мнѣнію, первоначально поселились Ираклійцы, гавань Символовъ, или знаковъ, не могла имъ служить для предположенной цѣли, потому что они здѣсь слишкомъ подвергались бы нападеніямъ дикихъ Тавровъ. Меньшей гораздо опасности подвергались бы Херсониситы, еслибы, укрѣпивши предварительно перешеекъ между сказанною гаванью узкоустою и Ктенусомъ или оконечностью южной бухты, они устроили свои купеческія конторы на томъ мѣстѣ, которое означалось въ послѣдствіи именемъ Херсониса или Ираклеи Херсонисской. Городъ этотъ однако долженъ былъ означаться другимъ именемъ, пока древнѣйшее поселеніе Ираклійцевъ въ Херсонисѣ не было разрушено варварами. Дѣйствительно, мы узнаемъ отъ Плинія, что младшее поселеніе первоначально называлось *Megarice*, и мы вправѣ думать, что это именно поселеніе имѣлъ въ виду и Скилаксъ когда говоритъ, что въ Таврическомъ (Ираклійскомъ) Херсонисѣ, кромѣ города сего имени, былъ еще другой городъ, ко-

торый онъ просто называетъ пристанью. Посему самому кажется, что древнѣйшее поселеніе Ираклійцевъ находилось на мѣстѣ неудобномъ для пристани, т. е. скорѣй при мысѣ Аіябурунѣ, чѣмъ при Камышевой бухтѣ. Можетъ быть мнѣ скажутъ, что Греки слишкомъ хорошо понимали морское дѣло и свои выгоды, чтобы не поселиться, съ перваго разу, при той изъ этихъ двухъ мѣстностей, которая во многихъ отношеніяхъ долженствовала бы оказаться болѣе для нихъ удобною. На подобное возраженіе мнѣ оставалось бы только отвѣтить, что матеріальныя выгоды, въ этомъ случаѣ, могли быть легко оставлены въ сторонѣ, поелику поселеніе было основано по повеленію жрецовъ, которые могли быть въ сношеніяхъ съ своими собратіями въ Тавридѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли не слишкомъ заботиться о благосостояніи своихъ свѣтскихъ соотечественниковъ. Если положить, что послѣдніе, по прибытіи своемъ въ Тавриду, встрѣтили радушный пріемъ у служителей богини Делійской, то можно объяснить себѣ и смыслъ преданія, по которому городъ Cherrone былъ основанъ Діаною (Mela II, 1, 3), а равно и двоякій смыслъ изреченія оракула, побудившаго Ираклійцевъ отправиться въ путь въ сопровожденіи Делійцевъ. Такъ какъ одинъ только авторъ поэмы, обыкновенно приписываемой Скимну Хіосскому, упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, и такъ какъ сказанный поэтъ могъ соблюдать правила грамматическія не съ такою точностію, какъ Стефанъ Византійскій (Δήλιον, το ἐθνικὸν Δηλιεύς), то позволено будетъ думать, что упомянутые имъ Делійцы прибыли въ Ираклею, не съ острова Делоса, но изъ Деліона, гавани Танагрійцевъ (Paus. V, 26), въ Віотіи. Эта гавань, въ которой находился храмъ Аполлона, была въ сосѣдствѣ гавани Авлидской, гдѣ было святилище, посвященное, какъ гласило преданіе, Діанѣ Агамемнономъ, вѣроятно, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда дочь его отправилась въ Тавриду. Слѣдуя ея примѣру, Делійцы не могли не имѣть влеченія селиться въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ нѣкогда обитала Ифигенія, и гдѣ она праздновала свиданіе съ братомъ

своимъ [4]). Что древній городъ Херсонисъ дѣйствительно былъ основанъ вблизи храма, это явствуетъ наконецъ изъ вышеупомянутой поэмы, по крайней мѣрѣ настолько, сколько можно судить о ней по отрывкамъ, которые намъ сохранилъ непоименованный авторъ Перипла Понта Евксинскаго.

Если же храмъ этотъ, какъ должно думать, находился возлѣ мыса Фіолентъ, то вышеупомянутыя развалины при мысѣ Аія-бурунѣ могли относиться къ древнѣйшему городу Херсонису, тѣмъ болѣе, что нельзя не согласиться съ г. Беккеромъ, что эти загадочные памятники древности, отъ объясненія которыхъ г. Нейманъ отказывается, не могли принадлежать какому-нибудь храму или сельскому заведенію богатаго Херсонисита, какъ думалъ г. Дюбуа, проходившій молчаніемъ то обстоятельство, что здѣсь то именно, при мысѣ Аія-бурунѣ, есть единственный пунктъ берега, гдѣ моряки могутъ найти убѣжище, даже при сильномъ восточномъ вѣтрѣ [5]).

Вотъ оставленное намъ Палласомъ описаніе этихъ развалинъ, изъ которыхъ, въ настоящее время, многое, безъ сомнѣнія, вовсе уже не существуетъ. По крайней мѣрѣ г. Беккеръ, посѣтившій эту мѣстность въ 1852 году, уже не засталъ всего того, что видѣлъ еще Палласъ, и съ тѣхъ поръ сыновья Марса вѣроятно помогали Сатурну разрушить остальное. «Къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря и при крутомъ мысѣ Аія-бурунѣ», говоритъ Палласъ, «находится, на западной сторонѣ сего мыса, уголъ берега между двумя глубокими и короткими оврагами; одинъ изъ овраговъ отдѣляетъ уголъ, коего обращенная къ морю сторона покрыта высячими скалами, отъ самаго мыса Аія-буруна. Площадь сего угла, не многимъ превышающая 11 сажень въ ширину и 15 въ длину, закрыта стѣною въ сажень толщины, и сначала имѣетъ

---

[4]) Мнѣ пріятно было видѣть, что съ этою гипотезою, казавшейся слишкомъ смѣлою моимъ товарищамъ лѣтъ 25 тому назадъ, теперь готовъ согласиться проф. Юргевичъ (Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ, стр. 6), столь компетентный въ вопросахъ сего рода судья.

[5]) Taitbout de Marigny, Hydrographie de la mer Noire, p. 131.

въ прямой линіи къ Ю. Ю. В. 7 сажень, а затѣмъ, направленная тупымъ угломъ къ Ю. В., достигаетъ послѣ 4 сажень большаго оврага, гдѣ кажется, стояла башня въ четыре аршина въ квадратѣ. На западной сторонѣ замѣтны только основанія стѣны, построенной на протяженіи 5 сажень въ правомъ углѣ отъ большой стѣны къ меньшему оврагу, вдоль по крутому его спуску, а отъ остальныхъ стѣнъ одни только нижніе большіе четыреугольные камни лежатъ на своемъ мѣстѣ. Въ углѣ, образуемомъ сѣверною и западною стѣнами, находится, внутри площади, строеніе въ 18 аршинъ въ квадратѣ; съ двухъ его сторонъ, обращенныхъ къ стѣнамъ, видны еще нижніе камни, съ другихъ сторонъ одни только фундаменты. На сѣверной сторонѣ положены внутри, вдоль стѣны, широкіе камни, въ родѣ ступеней. Болѣе ничего незамѣтно внутри площади, и въ меньшій оврагъ упало недавно нѣсколько большихъ массъ висячей скалы. Трудно угадать, что это было за зданіе. Оно кажется не могло быть укрѣпленіемъ, по причинѣ недостатка воды». Послѣднее обстоятельство, говоря вообще, безъ сомнѣнія, очень важное, въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ, потому что прекрасная ключевая вода находится при близкомъ Георгіевскомъ монастырѣ, и потому что этотъ ключь, лежащій въ тылу Херсониситовъ, въ этомъ мѣстѣ укрѣпившихся, не легко могъ у нихъ быть отрѣзанъ. «Опасность грозила имъ», какъ справедливо замѣчаетъ г. Беккеръ, «только съ востока, но противъ этой опасности стѣны въ сажень ширины и башня, построенная къ Ю. В., служили надежнѣйшимъ оплотомъ». Безъ сомнѣнія, Херсониситы въ особенности тогда нуждались бы въ этомъ оплотѣ, если бы дѣйствительно поселились первоначально на западной его сторонѣ въ сосѣдствѣ храма, почему нельзя не сожалѣть, что Палласъ не обратилъ вниманія на развалины, находящіяся между храмомъ и оплотомъ, которыя, въ его время, вѣроятно, были значительнѣе чѣмъ тогда, когда были открыты г. Дюбуа. «Терраса монастыря», говоритъ послѣдній, «находится въ связи съ другою подобною, на которой я открылъ остатки древняго зданія въ 76 футовъ

длины и 70 ширины, съ крѣпкими стѣнами, подобно господскимъ домамъ Херсониситовъ; но величина зданія доказываетъ, что оно имѣло другое назначеніе, и, судя по постороннимъ постройкамъ, мнѣ хотѣлось бы въ немъ узнать развалины храма».

«Entre ces trois points, le rocher (гдѣ описанныя Палласомъ развалины къ востоку отъ монастыря) продолжаетъ онъ [6]), le monastère et cette ruine il devaity avoir selon toute probabilité un temple ou plusieurs temples du culte de la déesse Taure et d'Iphigénie».

Подобному зданію не могли принадлежать, по его мнѣнію, развалины на мысѣ Фіолентъ, или Феленкъ, которыя Палласъ относъ къ храму божественной дѣвы Страбона, тогда какъ Дюбуа въ этихъ развалинахъ хотѣлъ видѣть остатки сельскаго жилища съ пристройками, лѣстницами, дворомъ и проч.

«Но», какъ справедливо замѣчаетъ Нейманъ [7]) «den Steinkubus mit der ihn umgebenden Steinstufe in dem gleichseitigen Viereck lässt er unerklärt», при томъ нельзя допустить, говоритъ Нейманъ далѣе, что при храмѣ недоставало пристроекъ, лѣстницы, двора и проч.; при разстояніи отъ города служители храма должны были имѣть особыя жилья недалеко отъ святилища. Такъ полагалъ и Эврипидъ [8]), который, какъ я заключаю изъ нѣкоторыхъ иначе странныхъ обстоятельствъ, изображалъ поприще своей драмы не только по своей фантазіи, но на основаніи какихъ то положительныхъ данныхъ; онъ упоминаетъ жилища жрецовъ и ступени, ведущія къ храму».

Прибавимъ къ этому, что, считая храмъ Ифигеніи тождественнымъ съ храмомъ упомянутымъ Страбономъ, Дюбуа не долженъ былъ перемѣстить первый отъ мыса Фіолентъ къ Георгіевскому монастырю, отстоявшему отъ города Херсониса гораздо далѣе ста стадій, тогда какъ они какъ разъ соотвѣтствуютъ разстоянію между нимъ и мысомъ Фіолентъ.

---

[6]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, VI p. 199.

[7]) Neumann, die Hellenen im Skythenlande, 432.

[8]) Iphig. in Taur. v. 103, sqq.

Ошибочность взгляда Дюбуа признана также г. Беккеромъ, который посему случаю замѣчаетъ: «Столь массивныя постройки были бы вовсе неприличны храму. Въ нихъ только тамъ нуждались, гдѣ надлежало защищаться, а потому онѣ на маломъ Херсонисѣ встрѣчаются только на протяженіи между Балаклавою и Южною бухтою, равно какъ и на хуторѣ Сергѣевскихъ наслѣдниковъ (при Камышевой бухтѣ). Странно, что Дюбуа, обыкновенно столь предусмотрительный, не обратилъ вниманія на эту аналогію въ изслѣдуемыхъ имъ зданіяхъ, и что онъ во всѣхъ ихъ полагалъ найдти сельскія жилища древнихъ Херсониситовъ. Нейманъ, который самъ никогда не былъ на Ираклійскомъ полуостровѣ, но только по описаніямъ другихъ могъ пріобрѣсть знакомство въ подробностяхъ, не отклоняется въ этомъ пунктѣ отъ Дюбуа; но я вполнѣ увѣренъ, что если бы Нейманъ самъ видѣлъ упомянутыя массы камней, то думалъ бы иначе и, быть можетъ, сталъ бы на моей сторонѣ». Раздѣляя убѣжденіе почтеннаго друга моего, я вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь, что онъ, въ свою очередь, допуститъ возможность, что сказанныя укрѣпленія на южномъ берегу принадлежали къ древнѣйшему Херсонису, и что посему самому стѣны и зданія, открытыя Палласомъ у Камышевой бухты, были построены не прежде, но послѣ той эпохи, когда Херсониситы перенесли свои жилища къ Карантинной бухтѣ. По крайней мѣрѣ, я не усомнился бы въ томъ, что Корсунцы по мѣрѣ процвѣтанія новаго города своего, должны были проникнуть далѣе и на западъ, до самой оконечности полуострова, если бы даже не могъ сослаться, въ пользу сего мнѣнія, на остатки церкви и другіе памятники, открытые княземъ Барятинскимъ, въ 1845 году, въ имѣніи Крузе, и относящіеся къ X вѣку нашей эры.

Что же касается Евпаторіона, то, по примѣру Тунмана, крѣпость сію обыкновенно ищутъ возлѣ позднѣйшаго Инкермана или пещернаго города. Кажется однакожъ, что сказанная крѣпость заложена была Діофантомъ на мѣстѣ самаго Севастополя, или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, потому что полководецъ Митридата заложилъ ее на мысѣ, отстоявшемъ отъ Хер-

сониса на 15 только стадій, т. е. отъ 2 до 3 верстъ, и что она стояла при заливѣ, который былъ обращенъ къ городу. При томъ слѣды солянаго озера, которое находилось выше крѣпости, также откроются вѣроятно скорѣе къ западу отъ Южной бухты, нежели при устьѣ Черной рѣчки, которая въ древности безъ сомнѣнія была полноводнѣе, чѣмъ нынѣ. Обстоятельство сіе не помѣшало бы думать, что и гавань Ктенусъ могла удобнѣе помѣститься при одной изъ балокъ, составляющихъ продолженіе той же Южной бухты, нежели при Инкерманѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ случаѣ оказалось бы возможнымъ согласовать между собою и съ дѣйствительностью показаніе Страбона, что гавань Ктенусъ находилась въ такомъ же разстояніи отъ Херсониса, какъ отъ гавани Символовъ, и что перешеекъ, который пролегалъ между послѣднею гаванью и Ктенусомъ, имѣлъ въ протяженіи 40 стадій, т. е. былъ гораздо короче разстоянія между Балаклавою и Инкерманомъ. Изложенное здѣсь мнѣніе о мѣстоположеніи Ктенуса и Евпаторіона подтверждается результатомъ, къ которому приходитъ г. Беккеръ касательно сихъ вопросовъ, въ приведенномъ выше разсужденіи своемъ. Сколько это для меня пріятно, столько же сожалѣю, что не могу раздѣлить его мнѣнія, будто бы Страбонъ имѣлъ въ виду Севастопольскій рейдъ, когда говорилъ, что выѣзжающему (изъ Каркинитскаго залива) представляется въ лѣво: πολίχνη καὶ ἄλλος λιμήν. Даже въ томъ весьма невѣроятномъ случаѣ, что эти слова дѣйствительно находились въ рукописи великаго географа, я скорѣе полагалъ бы, что онъ подъ городкомъ разумѣлъ *Калоса лиминя* безъименнаго автора перипла, и что этотъ городокъ лежалъ къ С. В. отъ Акмечета при Сарибулатской косѣ; наконецъ, я полагалъ бы, что другая гавань Страбонова могла соотвѣтствовать нынѣшней Ахмечетской бухтѣ. Возвращаясь къ Инкерману, я замѣчу, что полуразваленные камни и башни, здѣсь сохранившіеся, указываютъ намъ мѣсто, гдѣ находился городъ *Каламита*, принадлежавшій въ концѣ среднихъ вѣковъ греческимъ владѣтелямъ Готіи, и по которому на картахъ сего времени севастопольскій

рейдъ называется golfo de calamita, тогда какъ Турки его означали подъ названіемъ «залива Феленкъ-бурунскаго», то есть мыса Генуэзскаго [9]).

При выгодномъ мѣстоположеніи Инкермана въ отношеніи стратегическомъ, легко могло статься, что тутъ именно находилась одна изъ трехъ крѣпостей, построенныхъ, по свидѣтельству Страбона, тавро-скиескимъ царемъ Скилуромъ и его сыновьями, по случаю ихъ войны съ Херсониситами. По этому, мнѣ кажется, что г. Беккеръ, отыскивая въ Инкерманѣ крѣпость *Неаполь*, ближе къ истинѣ, чѣмъ другіе изслѣдователи, которые, по примѣру Бларамберга, помѣщаютъ эту крѣпость въ Симферополь. Ученые болѣе расходятся въ мнѣніяхъ касательно мѣстоположенія второй Скилуровой крѣпости, т. е. *Хавона*, которую Бларамбергъ искалъ въ Отузѣ или портѣ Скиео-тавровъ Безъименнаго. По мнѣнію же Беккера крѣпость Хавонъ, перемѣщаемая Кёппеномъ изъ Отуза въ Каффу, откуда Дюбуа, въ свою очередь переноситъ ее въ Мангупъ, должна была находиться между Инкерманомъ и Балаклавою близъ деревни Кадикой, гдѣ еще Палласъ (1793) и Муравьевъ-Апостолъ (1820) застали основанія древнихъ стѣнъ и башень, отъ которыхъ теперь, къ сожалѣнію, не осталось слѣдовъ.

Касательно третьей крѣпости всѣ приведенные ученые согласны съ мнѣніемъ Палласа (60), что она не только занимала мѣсто самой Балаклавы, но что въ этомъ имени слышатъ даже отголосокъ названія древней крѣпости, т. е. *Палакіона*. Если же взять въ соображеніе съ какимъ успѣхомъ уже Генуэзцы занимались рыбною ловлею [10]) въ портѣ Символовъ или Чембало, то нельзя не согласиться съ Броневскимъ, который гораздо проще произвелъ настоящее имя сего порта отъ турецкаго слова «балыкъ», рыба. Въ пользу сего мнѣнія можетъ еще служить то обстоятельство, что въ дѣлахъ Крымскихъ,

---

[9]) См мои Notices etc. sur la Gazarie, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sc. de S.-P. VII S. 1866, t. X № 9 p. 69.

[10]) Зап. Одесск. Общ. Ист. т. V.

еще подъ 1585 годомъ, равно какъ и въ другихъ современныхъ источникахъ, городъ называется Балыклей. Наконецъ имя это придается разнымъ другимъ мѣстностямъ, напримѣръ на Волгѣ, гдѣ Турки и Татары, безъ сомнѣнія, занимались рыбною ловлею, но которыя уже ни въ какомъ случаѣ не могли быть обязаны своимъ названіемъ Тавро-скиѳскому принцу Палакосу. За то я не отрицаю, что крѣпость, названная по его имени, должна была находиться гдѣ то въ окрестностяхъ Балаклавы, такъ какъ она явно тождественна съ «Taurorum civitas Placia», которая находилась, по Плинію, въ недальномъ разстояніи отъ гавани Символовъ.

VI.

Берегъ Чернаго моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV-го и XV-го столѣтій [1]).

Тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, гдѣ именно находились главныя изъ поселеній, коими берега Понта были усѣяны въ древности, свѣдѣнія наши весьма недостаточны касательно береговыхъ пунктовъ, болѣе или менѣе обратившихъ на себя вниманіе мореходцевъ въ періодѣ, въ которомъ морскія державы Италіи; повсюду состязавшіяся о торговомъ наслѣдствѣ древнихъ Эллиновъ, возвратили Черному морю прежнее его значеніе въ коммерческомъ отношеніи. Географическія извѣстія, переданныя намъ писателями сего времени о Понтійскомъ сѣверѣ, отнюдь не могутъ быть сравниваемы съ обильными и точными о немъ свѣдѣніями, коими мы обязаны Геродоту и Страбону. Вмѣсто этихъ классиковъ, главными свидѣтелями являются странствующіе монахи и купеческіе агенты; но донесенія ихъ столь скудны и отрывисты, что въ немногихъ только случаяхъ они намъ могутъ служить для пополненія или объясненія тѣхъ данныхъ топографическихъ, которыя намъ представляютъ современныя карты, составленныя для мореходцевъ, и къ счастію сохранившіяся. Карты эти однако, при всей своей важности, приблизительно только позволяютъ намъ судить о мѣстностяхъ, къ коимъ относятся отмѣченныя

[1]) Составлено по статьямъ, напечатаннымъ впервые въ Bulletin C. Пб. Акад. Наукъ за 1858 годъ, подъ заглавіемъ: Les diverses dénominations de l'ancienne Hylée и Le littoral de la mer Noire entre le Dniépre et le Dniéstre etc. Затѣмъ русскій переводъ обѣихъ статей былъ помѣщенъ въ IV т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.

въ нихъ имена. Имена эти не занимаютъ одного и того же мѣста въ различныхъ картахъ, которыя иногда не согласны между собою касательно порядка, въ которомъ одно имя слѣдуетъ за другимъ. Къ тому еще присоединяется, что приведенныя карты не указываютъ взаимнаго разстоянія между различными береговыми пунктами, подобно периплямъ Арріана и непоименованнаго автора, изиѣренія коихъ, при помощи нѣсколькихъ мѣстностей, не подлежащихъ сомнѣнію, облегчаютъ правильное помѣщеніе прочихъ именъ, встрѣчающихся въ ихъ периплахъ. Карты же, здѣсь разсматриваемыя, наконецъ еще различествуютъ между собою въ правописаніи многихъ именъ, и тѣмъ утруждаютъ ихъ сличеніе съ мѣстностью. Подобныя неразгаданныя имена поражаютъ насъ чаще всего на сѣверномъ берегу Чернаго моря, со включеніемъ всего прибрежья моря Азовскаго. Ибо между тѣмъ какъ въ числѣ именъ, отмѣченныхъ по берегамъ западномъ, южномъ и восточномъ, мы узнаемъ много старыхъ знакомыхъ, хотя они являются въ видѣ болѣе или менѣе искаженномъ, мы на сѣверномъ берегу встрѣчаемъ имена, по большей части для насъ новыя и до нынѣ необъясненныя. Объясненіе-же ихъ вело бы безъ сомнѣнія къ точнѣйшему опредѣленію самихъ мѣстностей, къ коимъ они относились, не говоря о другихъ выводахъ, относительно особенностей здѣшняго края и его обитателей къ концу среднихъ вѣковъ. Желая подать поводъ къ рѣшенію сихъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ употребить во зло терпѣніе читателей, я ограничусь здѣсь опытомъ объяснить значеніе тѣхъ только именъ, которыя имѣютъ для насъ ближайшій мѣстный интересъ. Предоставляя себѣ разбирать въ другомъ мѣстѣ имена, отмѣченныя по берегамъ Азовскаго моря и на Таврическомъ полуостровѣ, я въ настоящей статьѣ намѣренъ коснуться морскаго берега по обѣимъ сторонамъ нашего города между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Приступая къ дѣлу, я прежде всего считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о картахъ, коими я пользовал-

ся при составленіи своего труда, и въ числѣ коихъ есть такія, которыя доселѣ мало были извѣстны публикѣ.

1. Карта 1318 года, начертанная Генуэзцемъ Петромъ Весконте. Она входитъ въ составъ атласа in 8°, хранящагося въ императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ, и получаетъ особенную важность отъ того, что есть наидревнѣйшая изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ картъ Чернаго моря, составленныхъ Италіянцами. Fac-simile этой карты помѣщенъ въ атласѣ виконта Сантарема; уменьшенную же на $^2/_3$ копію можно видѣть въ атласѣ Гоммера де Гелль. Номенклатура карты Весконте обнародована, вмѣстѣ съ сравнительнымъ спискомъ именъ разныхъ другихъ картъ, между прочимъ, въ «Mémoire sur un nouveau périple du Pont Euxin» графа Ивана Потоцкаго; въ русскомъ переводѣ сего Mémoire, изданномъ Спасскимъ, и въ составленномъ Копитаромъ «Periplus Ponti Euxini octuplus», снова изданномъ Тафелемъ [2]).

2. Карта 1351 года, хранящаяся въ библіотекѣ Лаврентинской во Флоренціи, и въ первый разъ изданная въ 1856 году генераломъ графомъ Серристори [3]), который, по разнымъ признакамъ, не сомнѣвается въ томъ, что и она была начертана какимъ-то Генуэзцемъ. По давности своей она слѣдуетъ непосредственно послѣ карты Весконте и отличается отъ нея, равно какъ и отъ другихъ позднѣйшихъ картъ, разными особенностями, такъ что нельзя не поблагодарить почтеннаго генерала за то, что онъ ее сдѣлалъ доступною для насъ. Кажется, что карта эта входитъ въ Tabulae nauticae 1351 года, приведенныя на 53 стр. соч. подъ загл.: Ueber Erdkunde und Karten des Mittelalters. Von H. Wuttke (изъ Serapeum Неймана) Leipzig, 1853.

3. Карта 1367 года, составленная Венеціанцами Францискомъ и Доминикомъ Пицигани, и хранящаяся въ библіотекѣ

---

[2]) Const. Porphyr. De prov. regni Byzantini. Lib. sec. Europa. Tüb 1846 стр. 38—41.

[3]) Illustrazione di una carta del mar Nero del MCCCLI. Firenze, 1856.

Парижской. По Лелевелю (Géographie du M. A. II, p. 35), она отличается отъ другихъ современныхъ картъ какъ своимъ размѣромъ, такъ и тщательнымъ и изящнымъ исполненіемъ. Списокъ именъ, въ ней отмѣченныхъ, помѣщенъ въ приведенномъ Periplus octuplus по копіи, находящейся въ Вѣнѣ; копія 1845 года, имѣется также въ Парижѣ; другая копія прислана была, въ 1820 году, эрцгерцогинею Маріею Луизою графу Н. П. Румянцову и нынѣ находится въ его музеумѣ. Сама-же карта была издана Жомаромъ (Jomard, Les mon. de la géogr. № 2).

4. Одна изъ шести картъ такъ называемаго атласа Каталанскаго 1375 года. Онъ хранится въ Парижской библіотекѣ, былъ тамъ открытъ Валкенэромъ около 1804 года, и только сорокъ лѣтъ спустя изданъ съ объясненіями Бюшономъ и Тастю въ XIV томѣ «Mémoires et extraits de la bibliothèque royale etc.». Одесское Общество Исторіи и Древностей получило стараніемъ своего секретаря недавно изъ Парижа fac-simile всѣхъ картъ этого атласа; копію также можно найдти, хотя въ уменьшенномъ видѣ, въ атласахъ Гоммера де Гелль и Лелевеля.

5. Карта 1408 года, начертанная въ Венеціи Николаемъ Пасквалини. Она хранится въ Вѣнѣ и мнѣ извѣстна по одному только Periplus octuplus.

6. Карта Біанко 1436 года. Благодаря содѣйствію г. австрійскаго консула, Одесское Общество Исторіи и Древностей пріобрѣло недавно fac-simile этой карты изъ Венеціи, гдѣ она хранится въ библіотекѣ св. Марка. Изъ отношенія вицедиректора этой библіотеки на имя консула видно, что приведенная карта есть вторая въ атласѣ Венеціанца Андрея Біанко, состоящемъ изъ 10-ти картъ, изъ коихъ три только, а именно 1, 5 и 9 были изданы Формалеони. По Лелевелю (l. c. стр. 104) копія атласа Біанко, снятая еще при его жизни Генуэзцемъ Парето, въ 1456 году, находится въ Парижѣ. Должно думать, что эта копія атласа принята Гоммеромъ де Гелль за венеціанскій оригиналъ, когда онъ говоритъ о

картѣ Чернаго моря, перевезенной будто-бы изъ Венеціи въ Парижъ, и которую онъ, по какому то недоумѣнію, относитъ къ XIII столѣтію. Быть можетъ ошибка его произошла отъ того, что онъ также имѣлъ подъ рукою хранящуюся въ Парижской библіотекѣ карту, гравированную въ 1791 г. Ѳеодоромъ Віеро и на которой находится слѣдующая приписка: Carte maritime de la mer Noire, levée par les Venisiens dans le XIII siècle et dont l'original se trouve à la bibliothèque de St. Marc à Venise.

По крайней мѣрѣ эта карта, которая недавно была послана въ даръ Одесскому Обществу со стороны Парижской библіотеки, благодаря посредничеству г. французскаго консула, есть ничто иное какъ копія карты Біанко, и таковою оказывается также мнимая карта XIII столѣтія, помѣщенная въ атласѣ Гомера де Гелль. Эту Парижскую копію имѣлъ вѣроятно въ виду и Приодé (Commerce de la mer Noire au Moyen-âge), когда говоритъ, что, при составленіи своего перипла онъ пользовался, между прочимъ, венеціанскою картою XIII стотѣтія, изданіе которой онъ, едва-ли не ошибочно, приписываетъ Формалеони. Ибо хотя на первый взглядъ и кажется, что этотъ авторъ, издавшій дѣйствительно нѣсколько картъ изъ атласа Біанко, легко могъ быть издателемъ разсматриваемой здѣсь карты сего атласа, тѣмъ болѣе, что и она, по всей вѣроятности, была гравирована въ его родинѣ Венеціи, но за то нельзя допустить предположенія, будто бы Формалеони сдѣлалъ французскую приписку къ издаваемой имъ картѣ, а еще менѣе, будто-бы этотъ добросовѣстный ученый отнесъ къ XIII столѣтію карту изъ извѣстнаго атласа XV-го вѣка.

Посему самому кажется, что въ настоящемъ видѣ своемъ эта карта была издана не самимъ Формалеони, но Гененомъ, который въ Венеціи же обнародовалъ, въ 1788 году, французскій переводъ сочиненія италіанскаго историка. Портуланъ, составленный по нашей мнимой картѣ XIII столѣтія, г. Спасскій присовокупилъ къ вышеупомянутому переводу мемуара Потоцкаго, увлеченный авторитетомъ Н. Н. Мур-

закевича, приложившаго къ своей «Исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму» копію съ карты Біанко, съ указаніемъ, что обнародованная имъ копія снята съ Венеціанской карты XIII столѣтія, хранящейся въ библіотекѣ св. Марка.

7. Карта Граціоза Бенинказы 1480 года. Она хранится въ Вѣнѣ и мнѣ извѣстна только по приведеннымъ перипламъ Потоцкаго и Копитара. Кромѣ вѣнской карты, начертанной Бенинказою въ Анконѣ, есть другія имъ же составленныя въ Венеціи, а именно: два атласа 1466 и 1467 годовъ въ Парижѣ, третій же 1471 г. въ Венеціи, въ библіотекѣ св. Михаила де Мурано. Всѣ эти атласы мнѣ были недоступны, такъ что я не могъ сравнивать вѣнскую карту съ ними.

8. Карта Фредуція 1497 года. Она была издана въ первый разъ графомъ Потоцкимъ, открывшимъ ее въ библіотекѣ Вольфенбюттельской. По надписи на картѣ видно, что ее чертилъ графъ Hotomanus Fredutius изъ Анконы. По копіи Потоцкаго она затѣмъ была перепечатана его переводчикомъ Спасскимъ, равно какъ и Чертковымъ при его разсужденіи о Бѣлобережьѣ, и въ атласѣ Лелевеля, хотя здѣсь въ уменьшенномъ видѣ[4]).

Переходя теперь къ сличенію съ мѣстностью этихъ восьми картъ, для различенія коихъ послужатъ мнѣ тѣже числа, подъ которыми онѣ были только что приведены, я замѣчу предварительно, что береговой край между Днѣпромъ и Днѣстромъ ясно обозначенъ на всѣхъ картахъ, хотя въ нихъ недостаетъ настоящихъ именъ этихъ рѣкъ. Вмѣсто имени Днѣп-

[4]) Статья эта была уже напечатана, когда мнѣ сдѣлалась извѣстна карта морей Чернаго и Азовскаго или 8-я карта атласа, принадлежащаго г. Таммаръ Луксори и впервые изданнаго въ V томѣ «Atti della Società Ligure di Storia Patria» (Genova 1869). Въ томъ же томѣ г. Десимони помѣстилъ объясненіе номенклатуры этого атласа, начертаннаго также Генуэзцемъ и относящагося къ началу XIV столѣтія. Особенности номенклатуры восьмой карты указаны мною въ статейкѣ, помѣщенной въ VIII томѣ Записокъ Одесск. Общ., а затѣмъ также (на французскомъ языкѣ) въ «Giornale Ligustico», 1874 p. 342—363. Въ слѣдующемъ году явились въ томъ же журналѣ еще двѣ статьи г. Десимони о другихъ морскихъ картахъ, начертанныхъ или хранящихся въ Генуѣ.

ра поставлено на 1-й картѣ flum de ellexe; на 2-й flm. luxoni; на 3-й fl. eresе; на 4-й fl. lussom; на 5-й lellexe; на 6-й flm. loco; на 7-й erexe и на 8-й flm luxoni.

Что во первыхъ касается именъ fl. de ellexe, lellexe, eresе и erexe, то они явно даны были Днѣпру по городу Олешье, часто упоминаемому русскими лѣтописцами XII и XIII столѣтій и явно совпадавшему съ городомъ *Алеска*, лежавшимъ, по Эдриси [5]) при устьѣ Днѣпра, стало быть на мѣстѣ или близъ нынѣшнихъ Алешекъ. По остроумной догадкѣ Надеждина [6]), портовой городъ Олешье такъ былъ названъ по изобилію лѣса растущаго въ его окрестностяхъ. Но такъ какъ самъ Надеждинъ замѣтилъ, что между деревьями и теперь еще растущими въ этой мѣстности, преобладаетъ ольха, то правильнѣе было производить названіе нынѣшнихъ Алешекъ отъ слова «олешье» [7]), чѣмъ отъ «славяно-русскаго Олѣшья (мѣста подлѣснаго или около лѣснаго)». Понятно что Итальянцы, произнося по своему имя города, и рѣку, при которой онъ лежалъ, стали называть fl. de ellexe, elisc, lerexo или flumen Ilicis [8]). Столь же легко объясняется, почему таже рѣка въ нѣкоторыхъ картахъ названа lozo, luxoni или lussom. Уже было замѣчено (Островъ св. Еѳерія стр. 22), что въ этихъ именахъ нельзя было не узнать турецкое названіе Днѣпра.

Подобнымъ образомъ рѣка, начертанная на 1, 3, 7 и 8-й картахъ безъ означенія имени, но зато названная на 2-й flm turllo; на 4-й flum tuilo; на 5-й flum tarllo и на 6-й flum tarlo—должна была соотвѣтствовать Днѣстру, который былъ уже извѣстенъ императору Константину Багрянородному *подъ именемъ Трулла*, и который нынѣ еще Турками называется Турла, какъ и назывался во времена Абуль-феды [9]).

Ему былъ уже извѣстенъ также лежащій при устьѣ Днѣстровскаго лимана городъ *Аккерманъ* подъ настоящимъ его

[5]) Géogr. d'Edrisi, перев. Jaubert, II 398.

[6]) Геродотова Скиѳія, въ Зап. Одесск. Общества, 1, стр. 51.

[7]) Даль, Толк. Словарь, s. v. Ольха.

[8]) См. Atti della Società ligure di Storia patria, V, 247.

[9]) Фр. переводъ Reinaud; P. 1848, II p. 317.

названіемъ, которое впрочемъ есть ничто иное, какъ турецкій переводъ нашего слова Бѣлгородъ. На разсматриваемыхъ нами здѣсь картахъ городъ этотъ названъ «*maurocastron*» (съ варіантами: moncastro, morucastro, mocastro), явно по примѣру Грековъ, не безъ причины примѣнившихъ къ бѣлому городу, извѣстному еще Константину Багрянородному, названіе «чернаго».

Вмѣсто слова içega, которое, на 5-й картѣ, слѣдуетъ за именемъ Днѣстра и въ которомъ, быть можетъ, скрывается турецкое слово «джезире», полуостровъ или островъ, мы находимъ на 6 картѣ—*y^a nogai*, отмѣченное при устьѣ рѣки въ лиманъ, и относящееся, вѣроятно къ полуострову между имъ и Кучургановъ (см. выше: Островъ Тирагетовъ и проч. стр 3). Примѣненное къ этой мѣстности имя напоминаетъ «окаяннаго» Ногая русскихъ лѣтописей, образовавшаго независимое царство на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ 1271 году. Хотя это царство вскорѣ рушилось, тѣмъ не менѣе кажется, что съ этого времени означали обитавшихъ тогда уже между Днѣстромъ и Днѣпромъ Іедисанскихъ и Джамбулукскихъ Татаръ подъ именемъ Ногайцевъ, почему нельзя не усомниться въ справедливости мнѣнія Клапрота [10]), будто бы Ногайцы до XVII вѣка не выходили изъ своихъ кочевьевъ къ С. В. отъ Каспійскаго моря между Тоболемъ и Яйкомъ. За именемъ y^a nogai слѣдуетъ на 6-й же картѣ слово saraticia или setaticia, какъ оно написано на прочихъ картахъ. Въ невозможности объяснить это слово иначе, я полагалъ бы, что оно есть ничто другое, какъ искаженіе Броніовіева Beribonium sive Collum lupinum, явно соотвѣтствующее какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, долинѣ нынѣшняго Барабоя, при которомъ и должно было находиться отмѣченное на картахъ sera или setaticia.

Далѣе къ С. В., а именно въ окрестностяхъ Одессы, всѣ карты представляютъ одно и тоже имя, которое написано на 1-й картѣ: la ginestra; на 2-й zinestra; на 3-й cine-

[10]) Potocki, Voyage dans les steppes et. Par. 1829; II p. 128.

stra; на 4-й zinestra; на 5-й zinestra; на 6-й lo zinestra; на 7-й la ginestra; на 8-й langistra.

Въ окрестностяхъ теперешней Дофиновки, гдѣ обыкновенно помѣщаютъ упомянутыя Безъименнымъ Скопулы или скалы, отмѣчено на 5-й картѣ mauro nero. На 6-й картѣ это имя превращено въ maro nero; на прочихъ же вовсе не отмѣчено.

За тѣмъ слѣдуетъ при устьѣ Тилигульскаго лимана: на 1-й картѣ flor de lisso; на 2-й fice (flor?) de lix; на 3-й flor de lise; на 4-й flor de lis; на 5-й flor del lix; на 6, 7 и 8-й flor de lix. Далѣе помѣщено при устьѣ Березанскаго лимана: на 1-й картѣ barbarese; на 2-й barbareixe на 3-й barbarese; на 4-й barbarexe; на 5-й barbareça; на 6-й barbarese; на 7 и 8 й barbarexe.

Наконецъ являются, въ окрестностяхъ Очакова, еще два имени, хотя не на всѣхъ картахъ и не въ одинаковомъ порядкѣ, а именно: на 3-й porto de luco, превращенное на 4-й въ porte de lovo; на 7-й въ porto de bo и на 8-й въ porto de bos. Вмѣсто сего имени стоитъ на 5-й картѣ grotte de tono, котораго недостаетъ на первыхъ четырехъ картахъ; на 6-й оно поставлено выше по рѣкѣ; на 7-й и 8-й grotte de tonni отмѣчены между нею и Березанью, на морскомъ берегу.

Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь именъ одно только имя flor de lis, которое съ малыми варіантами, встрѣчается во всѣхъ картахъ, не требуетъ объясненія. Напрасно покойный Тетбу де Мариньи [11]) хотѣлъ насъ увѣрить, что это имя могло быть искаженное временемъ имя гавани Одиссосъ или Одессусъ, упомянутый Плиніемъ, Птолемеемъ, Арріаномъ и безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евкинскаго, и который дѣйствительно долженъ былъ находиться при устьѣ Тилигульскаго лимана. Названіе, данное этой мѣстности, явно не могло имѣть другаго значенія кромѣ цвѣтущихъ лилій.

---

[11]) Hydrographie de la mer Noire p. 71.

Въ настоящее время эти цвѣты не растутъ сами собою на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а потому едвали входили въ составъ здѣшней флоры въ то время, когда начали сюда пріѣзжать Италіянцы. За то они не могли не встрѣчать въ нашемъ краю много другихъ растеній, и въ этомъ числѣ ирисы, поелику они, нынѣ еще, при менѣе выгодныхъ климатическихъ условіяхъ, въ изобиліи растутъ въ нашихъ степяхъ. Подобно тому, какъ эти цвѣты (Schwert-lilie по нѣмецки) простымъ народомъ причисляются къ лиліямъ, берегъ при устьѣ Тилигульскаго лимана, по растущимъ въ этой мѣстности ирисамъ, легко могъ быть названъ flor de lis несвѣдующими въ ботаникѣ моряками Италіи, если они, какъ должно думать, различные пункты однообразнаго берега нашего означали по предметамъ, которые на каждомъ изъ нихъ въ особенности бросались имъ въ глаза Что къ таковымъ предметамъ могли принадлежать произведенія царства растительнаго, тому служатъ доказательствомъ названія, данныя, въ разныя времена, многимъ другимъ мѣстностямъ. Такъ, на примѣръ, окрестности Алешекъ, гдѣ понынѣ сохранились болѣе или менѣе густыя купы разнаго рода деревьевъ, во времена Геродота назывались просто Гилеею, или лѣснымъ краемъ. Подобнымъ образомъ островъ при устьѣ Дуная еще въ глубокой древности былъ названъ Певки, безъ сомнѣнія по растущимъ на немъ соснамъ (см. выше статью VI). Затѣмъ другой островъ, предъ устьемъ Кубани, получилъ названіе Ptelеae отъ вязовъ, коими изобиловалъ, подобно тому какъ мысъ Суукъ-су на восточномъ берегу Чернаго моря, италіянскими моряками явно былъ названъ, не cavo de Russi, какъ предлагаетъ читать г. Чертковъ, но cavo de bux или busso потому, что они въ этой мѣстности видѣли много самшитовъ или пумпасовъ, подобно тѣмъ деревьямъ «in modo de bussi, ma multo maggiori», которыя Контарини видѣлъ въ Мингреліи въ 1474 году, и которыя русскій его переводчикъ (II, 33) превращаетъ въ родъ бука. У Бержерона сказано правильнѣе.[12])

[12]) Voyage de Contarini, col. 16.

de très beaux arbres à peu près semblables au Bouïs, si ce n'est qu'ils sont plus hauts. О самшитахъ, составляющихъ и нынѣ еще важный предметъ вывоза изъ закавказскаго края, упоминаютъ Палласъ, Гюльденштедтъ и Нордманъ, который доноситъ Академіи [13]): «Die ganze Strecke von Poti bis Nicolai ist ein ungeheurer Wald von Buxus sempervirens, der die Luft mit seinem Gestanke verpestet». По лѣсу другаго рода было наконецъ именуемо мѣсто Бозагацъ, два раза упомянутое Барбаро и находившееся выше Таны на Дону. Незнаю, почему г. Семеновъ пропустилъ въ своемъ переводѣ поставленныя въ текстѣ послѣ имени Bosagaz слова: «che viene a dire legno berettin», тогда какъ эти слова явно означали лѣсъ дикаго цвѣта.

Также могло случиться, и это мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что въ настоящемъ случаѣ моряки подъ лиліями разумѣли не ирисы, но тюльпаны. Эти цвѣты, родиною коихъ почитается Таврическій полуостровъ, и которые Поляками называются турецкими лиліями, въ настоящее время еще составляютъ особенную принадлежность берега при устьѣ Тилигула, такъ что путешественникъ по неволѣ тамъ останавливается, чтобы ими любоваться. Безъ сомнѣнія эта мѣстность была также усѣяна подобнаго рода цвѣтами въ то время, когда къ ней впервые пристали Италіянцы, которые тѣмъ болѣе должны были восхищаться этимъ зрѣлищемъ, что оно для нихъ было совершенно новымъ. По сему самому покажется весьма естественнымъ, что они, для различенія этой мѣстности отъ другихъ береговыхъ пунктовъ, означали ее по сказаннымъ цвѣтамъ, которые, подобно Полякамъ, называли лиліями, а не тюльпанами, потому что не знали сего имени, явно принятаго западными народами гораздо позже отъ Турокъ, наименовавшихъ это растеніе по сходству съ турбаномъ, который у нихъ собственно называется тулбанъ или тульбендъ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, тульпаны были неизвѣстны до половины

[13]) Bull. sc. de l'Ac. de S.-Pétersb. № 6 col. 93.

XVI столѣтія; первый цвѣлъ въ 1559 г. въ Аугсбургѣ, куда былъ доставленъ съ востока извѣстнымъ имперскимъ посланникомъ, барономъ Бузбекомъ, которому западные народы также обязаны разведеніемъ Syringa или Lilak.

Обстоятельство, что одинъ изъ береговыхъ пунктовъ, къ которымъ приставали моряки въ здѣшнемъ краю, ими былъ наименованъ по растеніямъ, которыя они тамъ встрѣчали, допускаетъ предположеніе, что и другіе пункты могли быть названы по такого же рода причинѣ, особенно если нѣтъ возможности объяснить иначе именъ, данныхъ этимъ мѣстностямъ на картахъ.

Къ таковымъ загадочнымъ именамъ должно быть отнесено имя *ginestra*, отмѣченное на всѣхъ картахъ, съ малыми только варіянтами, въ окрестностяхъ нынѣшней Одессы. По крайней мѣрѣ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Потоцкаго, будто бы вмѣсто ginestra или zinestra надлежало собственно писать sinestra, и что подъ этимъ именемъ подразумѣваемъ былъ лѣвый берегъ Днѣстра. Во всякомъ случаѣ ученый графъ тутъ совершенно произвольно превращаетъ букву z въ s, между тѣмъ какъ у Дюканжа могъ читать подъ словомъ Zinestra: ginesta, Italis ginestra, gall. genêt. Столь же мало могу я раздѣлить убѣжденіе Лелевеля касательно тождества именъ genistra и Днѣстръ, хотя онъ, въ пользу сего мнѣнія, прибавляетъ къ выноскѣ (Portulan général p. 12): La carte de Bleuw (1646) prit Ginestra directement pour un Dniestre doublé, parcequ'elle place au délà de Ginestra, qu'elle trace comme rivière, Cecicon, qui n'est que Kotchubey, situé à l'embouchure du Dniéstre, sur l'emplacement où l'on voit aujourd'hui Ovidiopol. Поелику же портъ Кочубейскій, т. е. Гаджибейскій, находился не при Днѣстровскомъ, но при Гаджибейскомъ лиманѣ, то изъ карты Блёва развѣ только надлежало заключить, что отмѣченная въ ней между обѣими лиманами рѣка Ginestra должна была соотвѣтствовать нынѣшнему Куяльнику, близъ Одессы. Не болѣе обоихъ польскихъ географовъ удалось покойному Тетбу объяснить значеніе имени

Ginestra, коего окончаніе ему напоминало древнюю гавань Истріанъ, и которое могло, по его мнѣнію, означать портъ, который оставался на лѣвой сторонѣ (la sinestra) у моряковъ, когда они отправлялись далѣе берегомъ къ Днѣпру.

Не могу наконецъ согласиться и съ мнѣніемъ г. Мурзакевича [14]) будто бы langystra (langistra?) ничто иное, какъ испорченное Италіянцами имя Danystra, которымъ они правильнѣе означали бы рѣку Днѣстръ.

По крайней мѣрѣ слѣдуетъ только сравнить карту Фредуція съ древнѣйшими картами, чтобы убѣдиться въ томъ, что langistra есть позднѣйшая форма имени la ginestra или zinestra, и что оно означало, пободно имъ, скорѣй лиманъ Куяльницкій, или Гаджибейскій, нежели Днѣстръ, коего теченіе означено на картахъ болѣе къ западу, съ приписко турецкаго его имени Турлу.

Вообще мнѣ кажется, что г. секретарь не обратилъ надлежащаго вниманія на мѣсто, занимаемое на картахъ тѣми именами, которыя онъ считалъ возможнымъ опредѣлить по большему или меньшему ихъ сходству съ прежними. Если даже согласиться, что италіянскіе картографы, изъ фанатизма или по невѣжеству, могли представлять древнія наименованія въ видѣ болѣе или менѣе искаженномъ, то нельзя не быть увѣреннымъ, что они должны были стараться опредѣлить съ возможною точностію различные береговые пункты на картахъ, коими должны были руководствоваться моряки. Вотъ почему не могу согласиться съ мнѣніемъ г. секретаря касательно тождества имени города Анхіалъ съ именемъ avichio, отмѣченнымъ на картѣ Фредуція около Портицкаго устья Дуная, и означающимъ ту самую мѣстность, которая на древнѣйшихъ картахъ названа straviq, stravico, straubyo, stravico и stravicho. Предоставляя другимъ объяснить значеніе сего имени, замѣчу только, что оно на италіянскомъ языкѣ могло означать предмѣстье, stra-vico (extra vicum); но что оно скорѣй происхож-

[14]) См. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. IV стр. 241 и 242.

денія славянскаго, подобно другимъ именамъ, отмѣченнымъ на разсматриваемыхъ здѣсь картахъ въ его сосѣдствѣ, какъ то: proslaviça, zanavarda и др. По созвучію первое походитъ на италіянское слово stravizzo или stravizio (пиршество), напоминающее, въ свою очередь, болгарское угощеніе: здравица [15]) а еще болѣе—страву, или пиршество, празднуемое Гуннами на гробѣ Аттилы [16]) и которымъ, безъ сомнѣнія, неоднократно встрѣчаемы были моряки, приставшіе къ берегамъ Добруджи.

Во всякомъ случаѣ Стравико скорѣе совпадалъ съ городомъ *Прѣславцомъ*, чѣмъ съ Анхіаломъ, т. е. съ нынѣшнимъ Ахіоло, лежащимъ гораздо болѣе къ югу, между Бургасомъ и Месемвріею. Такъ какъ два послѣднія имена явно соотвѣтствуютъ отмѣченнымъ на италіянскихъ картахъ именамъ poro и mesember, то и поставленное между ними имя axello (lassillo, lasello, lasidio, axillo, asilo и lassillo) не могло не соотвѣтствовать древнему Анхіалу, еслибы даже не походило ближе на его имя, нежели Стравико или, пожалуй, avichio.

Далѣе г. секретарь имя calamita, отмѣченное на картахъ при устьѣ рѣчки Альмы, производитъ отъ названія καλάμαται, означавшаго, по Константину Багрянородному, греческія владѣнія въ Крыму. Но такъ какъ изъ свидѣтельства Барбаро явствуетъ, что Италіянцы подъ именемъ calamita разумѣли не области, но городъ портовой, то сходство этихъ двухъ именъ еще не можетъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія, будто бы Италіянцы, по какой бы то ни было причинѣ, ошибочно намъ передали имя города, тѣмъ болѣе что это имя не лишено смысла и на греческомъ языкѣ.

При такихъ обстоятельствахъ я почитаю себя въ правѣ спросить, не было ли дано названіе ginestra окрестностямъ нынѣшней Одессы италіянскими моряками потому, что они, приставая здѣсь къ берегу, нашли его обросшимъ дрокомъ, т. е. растеніемъ, которое, какъ было выше замѣчено, и нынѣ еще по италіянски называется ginestra или zinestra. Кро-

[15]) Ducange, Gl. gr. V. *Σδράβιτσα*.

[16]) Iorn. De Getar. r. g. XLIX.

мѣ совершеннаго тождества именъ, въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія могло бы послужить и то, что это растеніе, изъ котораго въ старину изготовляли сѣти, канаты и т. п., нынѣ еще дико растетъ въ нашихъ степяхъ, а тѣмъ болѣе могло быть найдено въ изобиліи въ окрестностяхъ Одессы въ то время, когда ихъ начали посѣщать италіянскіе моряки и рыбаки. Впрочемъ я не отрицаю, что эта мѣстность могла быть названа италіянскимъ названіемъ дрока, вовсе не по этому растенію, но по какой нибудь другой причинѣ. Такъ напр. имя ginestra могло быть примѣнено къ берегамъ Куяльника, по растенію, которое и нынѣ еще здѣсь встрѣчается въ изобиліи, и на первый взглядъ такъ близко походитъ на дрокъ, что легко могло быть смѣшано съ нимъ людьми, незнакомыми съ системами ботаники. Подъ этимъ растеніемъ я разумѣю особенную, весьма часто у насъ попадающуюся, породу Antirrhinium, не безъ причины названную A. genistafolium.

Подобныя трудности, каковыя сопряжены съ объясненіемъ имени ginestra, представляетъ имя *mauro-nero*, занимающее на картѣ Пасквалини мѣсто около нынѣшней Дофиновки, и превращенное на картѣ Біанко въ *mauro-mero*, тогда какъ оно вовсе не встрѣчается на прочихъ картахъ. Если-же имѣть въ виду, что Италіянцы познакомились съ Чернымъ моремъ при посредничествѣ Византійцевъ, и что они продолжали означать разные пункты берега тѣми же именами, подъ коими они были извѣстны послѣднимъ, то можно допустить мнѣніе, что къ таковымъ именамъ принадлежало и mauro-nero. Поелику же это слово по гречески могло имѣть значеніе Черноводы, то казалось бы, что оно первоначально означало Аджалыкскій лиманъ, при которомъ лежитъ Дофиновка, и который подобно другимъ лиманамъ нашимъ, въ старину, безъ сомнѣнія, былъ въ связи съ моремъ. Нельзя сказать, почему этотъ именно лиманъ могъ быть названъ Чернымъ; но достойно примѣчанія, что имя mauro-nero совпадало-бы, въ этомъ случаѣ не только по своему мѣстоположенію, но и по значенію, съ именемъ Карія (кара по турецки, черный), находившимся, по

Эдриси, на берегу Чернаго моря, ровно въ срединѣ между устьями Днѣстра и Днѣпра.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что въ древнѣйшихъ картахъ mauro-nero вовсе не встрѣчается, въ позднѣйшихъ же отмѣчено въ срединѣ между именами ginestra и flor de lis, которыя явно не греческаго происхожденія. По этому нельзя отрицать возможности, что и отмѣченное на картахъ италіянскихъ maure-nero или mero ничего не имѣло общаго съ греческими словами, кромѣ одного только случайнаго созвучія. Въ этомъ случаѣ, за который я впрочемъ не ручаюсь, я предложилъ бы вопросъ: не была-ли эта мѣстность названа mauro-nero, по растущимъ тамъ въ изобиліи ежевикамъ? Эти ягоды называются по италіянски mora prugnola, mora del rogo; но за то мы у Дюканжа читаемъ подъ словомъ Mauria: rubus est, fructum nigrum ferens, quem vulgo Mure sauvage appellamus.

Зная, сколь шатки основанія гипотезы здѣсь представленной, и опасаясь подобной неудачи, еслибы я выступилъ съ новымъ мнѣніемъ относительно значенія имени *barbarese*, я предпочитаю согласиться съ Лелевелемъ, что это имя, которое на всѣхъ картахъ отмѣчено въ окрестностяхъ Березанскаго лимана, образовалось изъ сего же имени, хотя оно въ искаженномъ видѣ своемъ, болѣе походитъ на Несторово Бѣлобережье, которое и находилось здѣсь, по мнѣнію Вагнера, Шлёцера и Штриттера, и которое, кромѣ прибрежья Буга или Бѣлой рѣки, находившейся, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, въ небольшомъ разстояніи отъ Днѣпра, и помѣщаемой, при хорошей погодѣ, русскими моряками по выѣздѣ съ острова Березани.

Столь-же легко Генуэзцы, въ устахъ которыхъ нерѣдко буква л замѣнялась буквою р, неизвѣстное имъ слово Бѣлобережье могли превратить въ Борбарезе или Барбарезе, если бы даже при этомъ вовсе не думали о растеніи, которое встрѣчается въ окрестностяхъ Березани, по италіянски называемое berberi, а по русски барбарисъ или кислый тернъ. Нами уже

было замѣчено [17]), что имя Березань, которое явно перешло къ лиману отъ острова, предъ нимъ лежащаго, собственно гласило Бюрюзенъ, и что островъ получилъ это имя по Днѣпру подобно тому, какъ по сей же рѣкѣ его въ древности означали подъ именемъ Борисѳенъ. Кромѣ сего небольшаго острова, извѣстнаго какъ Нестору, такъ и Константину, подъ именемъ острова св. Ееерія [18]), разсматриваемыя здѣсь карты ставятъ большой островъ при устьѣ Днѣпра, или даже это устье изображаютъ въ видѣ дельты, состоящей изъ нѣсколькихъ острововъ. Безъ сомнѣнія эти острова соотвѣтствовали полуостровамъ, образуемымъ лиманами Березанскимъ, Бугскимъ и Днѣпровскимъ, и казавшимся настоящими островами чужестранцамъ, въѣзжавшимъ съ моря въ эти лиманы. Даже нельзя сказать утвердительно, что они тогда еще не могли быть дѣйствительно таковыми, или что Несторъ не имѣлъ никакого основанія сказать, что Днѣпръ изливался въ Русское море «тремя жерелы». По крайней мѣрѣ бассейнъ Березанскій представляетъ весьма рѣзкіе слѣды непосредственнаго сообщенія, если не прямо съ нынѣшнимъ Днѣпромъ, то уже несомнѣнно съ теперешнимъ Бугомъ. Такъ напр. верховья рѣчки Сасыка, образующей западную вѣтвь лимана Березанскаго, подходятъ къ боковымъ балкамъ Чичиклея, притока Буга, не дальше какъ версты на двѣ, въ окрестностяхъ хутора Мартыновки. Вотъ почему эта мѣстность представлена въ видѣ острова даже на морскихъ картахъ, начертанныхъ во время гораздо позднѣйшее. Такъ на картѣ Витсена, 1715 года, поставленъ здѣсь большой островъ Саселикъ-ададуръ, омываемый устьями рѣкъ Osi и Aksu «alias wit-water», т. е. Днѣпра и Буга. Лелевель убѣжденъ въ томъ, что настоящее имя послѣдней рѣки подало поводъ Италіянцамъ именовать гавань, которая на иныхъ картахъ названа porte do bovo, или de bo, и полагаетъ, что эта гавань находилась около мыса Станиславова,

---

[17]) См. выше островъ св. Ееерія.

[18]) Тамъ-же.

образуемаго сліяніемъ лимановъ Буга и Днѣпра. Но такъ какъ этотъ мнимый Бугскій портъ отмѣченъ на картахъ при самомъ устьѣ Днѣпровскаго лимана, то мнѣ кажется правильнѣе отыскивать его въ Очаковѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, по всей вѣроятности, подобно послѣднему, имя свое получилъ по рѣкѣ Узу или Ози. Ибо между тѣмъ какъ обѣ древнѣйшія карты вовсе неупоминаютъ о портѣ въ этихъ мѣстахъ, онъ на слѣдующей за ними по времени, и своею добросовѣстностью удивившей самаго Лелевеля, картѣ братьевъ Пицигани, названъ *porto de loco*, т. е. именемъ, которое столь же легко могло быть ими поставлено вмѣсто porto de l'Osi, какъ въ свою очередь, могло быть превращено на Каталанской картѣ въ porto de lovo, а на другихъ въ porto de bos, de bo, de bovo. Отмѣченное на всѣхъ картахъ въ сосѣдствѣ сего порта grotte de tono заставляетъ думать, что Италіянцы въ этой мѣстности занимались ловлею тунцевъ, подъ которыми они легко могли здѣсь подразумѣвать молодыя или меньшія рыбы сей породы или т. н. пеламиды, если даже между словами pelamen и tunina ничего не было общаго, кромѣ года, подъ которымъ они упомянуты у Дюканжа [19]) въ слѣдующихъ ссылкахъ: Iacobus Aurias in Annal. Genuens lib 10 ad annum 1285: Quum autem esset in Sardinia in portu Orestani, cepit unam navem Gaetanorum caseo et *pelamini* oneratam; и затѣмъ Ann. Genuens. ad annum 1285 apud Muratori, tom VI col. 590: Invenit in mari Tolariae navem unam Venotorum onustam caseo et *tunina* Извѣстно, что ловля пеламидъ, которая еще нынѣ успѣшно производится на Черномъ морѣ, составляла въ древности одну изъ главныхъ вѣтвей рыбнаго промысла, и что этотъ промыслъ былъ особенно выгоденъ для тѣхъ изъ понтійскихъ городовъ, возлѣ которыхъ находились соляныя озера и варницы, поелику соленая рыба была нѣкогда главною пищею массы народа въ Греціи, между тѣмъ какъ искусно приготовленный τάριχος предпочитаемъ былъ всякому другому кушанью

[19]) Glosse. Lat. и пр.

гастрономами древности. Для всей Греціи понтійскій сѣверъ имѣлъ въ семъ отношеніи такое же значеніе, каковое имѣла южная Испанія для Рима.

Типы на монетахъ Ольвійскихъ ясно свидѣтельствуютъ, какое участіе принимало въ этомъ промыслѣ знаменитое торжище Борисѳенитовъ, между тѣмъ какъ огромное количество разнаго рода древностей, найденныхъ и постоянно открывающихся при селѣ Порутино, показываютъ какой степени достигли богатство и величіе этого предвѣстника нашей Одессы. Безъ сомнѣнія, развалины Ольвіи не ускользнули отъ вниманія Генуэзцевъ, ибо здѣсь могли они найти въ нѣдрахъ земли сокровища не менѣе значительныя, чѣмъ были тѣ, которыя побудили ихъ соперниковъ производить раскопку кургановъ на Дону, какъ это свидѣтельствуетъ Барбаро. Впрочемъ, нельзя сказать утвердительно, что приведенныя «гротты» находились въ урочищѣ Стомогилъ, какъ потому, что положеніе первыхъ не точно отмѣчено на картахъ, такъ и по той причинѣ, что рыбная ловля производилась при многихъ другихъ пунктахъ берега, быть можетъ по сей именно причинѣ названнаго Золотымъ, если этотъ эпитетъ, упомянутый Константиномъ Багрянороднымъ, не имѣлъ одинаковаго значенія съ Бѣлобережьемъ нашего лѣтописца, находившимся въ небольшомъ разстояніи отъ Золотаго берега, или даже къ нему принадлежавшимъ. Извѣстно, что до сихъ поръ не удалось опредѣлить съ точностью, что именно преподобный Несторъ разумѣлъ подъ Бѣлобережьемъ, и гдѣ оно должно быть поставлено на картѣ. Въ разсужденіи своемъ «О Бѣлобережьѣ и пр.» г. Чертковъ показалъ, что оно не могло быть близъ Севастополя, какъ полагалъ ученый Лербергъ, и въ то же время старался доказать, что оно совпадало съ островомъ Фидониси или Левки. Причины, по которымъ я не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, я изложилъ въ статьѣ, «О Килійскомъ устьѣ», гдѣ съ Венелинымъ я искалъ тогда Бѣлобережье. Нынѣ же возвращаюсь къ выше приведенному мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, помѣстившихъ Бѣлобережье при лиманѣ Березанскомъ.

Если же, несмотря на доводы, которыми я пытался подкрѣпить это мнѣніе, оно будетъ признано неосновательнымъ, то я предложилъ бы вопросъ: не находилось ли Бѣлобережье при заливѣ Перекопскомъ или Акмечетскомъ, посѣщаемомъ еще въ древности рыболовами херсонскими, а въ Норманскомъ періодѣ нашими предками, поелику на позднѣйшихъ картахъ здѣсь мы встрѣчаемъ имена Варанголимена и *Россофарз*, или правильнѣе кажется, *тарз*.

По крайней мѣрѣ на картѣ Бениказы то самое мѣсто означено именемъ tar parvo, которое на прочихъ картахъ названо *rossofar*, между тѣмъ какъ отмѣченное въ нихъ же имя Варанголимена совпадаетъ съ именемъ tar magno у Бениказы. При томъ имена tar magno и tar parvo встрѣчаются у него еще на восточномъ берегу Азовскаго моря, тогда какъ на древнѣйшихъ картахъ здѣсь только поставлено lo tar. Судя по мѣсту, которое оно занимаетъ на картахъ, оно должно было находиться гдѣ то около залива Ейскаго, а по сему самому могло соотвѣтствовать мысу извѣстному въ древности подъ именемъ Большаго Ромбита, гдѣ, по свидѣтельству Страбона, производилась ловля рыбъ, годныхъ для соленія, и къ числу коихъ явно принадлежали камбулы, по гречески ῥόμβος. Въ среднихъ вѣкахъ Греки не переставали заниматься этимъ промысломъ на берегахъ Меотиды, пока ихъ не замѣнили Италіянцы, которые, по примѣру первыхъ, отсюда вывозили соленую и сушеную рыбу и икру. Поелику же на греческомъ языкѣ рыба соленая называется тарихосъ, а мѣсто для сушенія ταρσός или ταρρός, то легко могло статься, что по одному изъ этихъ словъ и произошло названіе мѣстности lo tar, равно какъ и наше слово тарань, означающее породу рыбы, которая нынѣ еще ловится въ огромномъ количествѣ въ окрестностяхъ Ейска.

Гораздо прежде Меотиды, сѣверный берегъ Чернаго моря сдѣлался доступнымъ Славянамъ, непомѣшавшимъ херсонскимъ Грекамъ заниматься, подобно своимъ предкамъ, рыбною ловлею въ устьѣ «Днѣпра и Бѣлобережья». Для Византійцевъ

этотъ береговой край казался даже столь важнымъ, что они старались по возможности устранить отъ него Русовъ, и что быть можетъ, по его имени, соленая рыба, доставляемая изъ Чернаго моря въ Царьградъ, тамъ называлась βερζήτικον. Такъ, по крайней мѣрѣ, я себѣ объясняю видимое несогласіе въ показаніяхъ императора Константина и поэта Цецеса,[20]) изъ коихъ первый, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ о берзитиконѣ, коего ловля производилась тогда не въ Танаисѣ, какъ переводитъ Кёлеръ, но въ Хоракулѣ, изливавшимся въ Азовское море, не въ очень большомъ разстояніи отъ Танаиса, и называвшимся вѣроятно собственно Карагулъ, Черновода.

Если я не ошибаюсь, то этотъ Карагулъ или Хоракулъ былъ ничто другое, какъ Черная протока, или сѣверный рукавъ Кубани, около устья которой и находился малый Ромбитъ Страбона. Тогда какъ отмѣченное на картѣ Бенинказы tar parvo мы должны искать въ значительномъ разстояніи къ сѣверу отъ этого мыса, мы узнаемъ изъ генуэзскихъ грамотъ[21]), что въ его сосѣдствѣ находился замокъ «Bagtair», отмѣченный также на картахъ 1408 и 1436 годовъ (bagtari, bagtary).

Гораздо труднѣе угадать значеніе именъ, которыя на всѣхъ картахъ слѣдуютъ за именемъ Днѣпра, т. е. на лѣвомъ берегу его лимана; 1) pidea, lapidea, pydea; 2) cavo de zagori на картѣ Весконте, тогда какъ на другихъ читается просто zacori, zagori; 3) meganicho на картѣ Біанко, megatiche на картѣ Бенинказы и другихъ Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ картъ первое изъ этихъ трехъ именъ отмѣчено краснымъ шрифтомъ, подобно разнымъ другимъ именамъ, которыя явно были важнѣе прочихъ, въ ихъ сосѣдствѣ отмѣченныхъ. По сему самому можно заключить, что мѣстность, именуемая на картахъ pidea или Pidea, обратила на себя особенное вни-

---

[20]) См. выше: Остр. св. Еѳерія.

[21]) Atti della Soc. Lig. etc. V, 185.

маніе мореходцевъ. Что послѣдніе подъ этимъ названіемъ могли разумѣть не только поселеніе или особый береговой пунктъ, но и цѣлую область, явствуетъ изъ того, что въ картахъ ихъ отмѣчены краснымъ шрифтомъ имена не только главныхъ городовъ, но разныхъ странъ, Куманіи, Газаріи, Зихіи. Должно думать, что подобно этимъ именамъ, слово *pidea* перешло къ Италіянцамъ отъ Византійцевъ. Таково и мнѣніе Лелевеля, который впрочемъ явно ошибается въ своей попыткѣ объяснить значеніе сего слова. Упомянувъ (Portulan général, p. 12) что имя Pidea встрѣчается на всѣхъ разсматриваемыхъ имъ картахъ, онъ продолжаетъ: «partout place importante, ancien Calas (Calos) limen ou port scythique à l'embouchure de la rivière Kalantczhak; accompagné très souvent du mot suivant Megatiche, Megatico, Magatico, Metatcho, Megariche (Bapt. genuens. 1515), Mangoco etc. Jean Potocki remarque que la lecture Megariche est meilleure et plus correcte; que le Calos-limen scythique, comme colonie grecque, avait le surnom de Mégarique. Ainsi Pidea était mégarique, παιδεία μεγαρική, jeune établissement mégarique, dont l'appellation, divisée dans les épigraphes des portulans, donna origine à deux positions des cartes éditées».

Съ намѣреніемъ я привелъ собственныя слова Лелевеля, чтобы показать сколь шатки основанія «юнаго поселенія мегарійскаго», возникшаго подъ его перомъ, въ Гилеѣ. Въ самомъ дѣлѣ не трудно усмотрѣть, что это мнимое поселеніе обязано своимъ существованіемъ соображеніямъ Потоцкаго, ни на чемъ не основаннымъ. Такъ ученый графъ къ имени Pidea присоединяетъ здѣсь, совершенно произвольно, другое слово, отмѣченное въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ перваго, а на картѣ Біанко даже на южной сторонѣ Тендровской косы, за мысомъ «zagori» или zagnori (Егорлицкій кутъ?). Если бы эта карта была извѣстна графу, то онъ, вѣроятно, согласился бы съ нами въ ошибочности чтенія «megariche». Но этимъ онъ еще не пріобрѣлъ-бы права читать, по примѣру позднѣйшихъ картографовъ, Megariche, вмѣсто того, чтобы

держаться чтенія Венинказы, т. е. megaticho, въ которомъ слышатся греческія слова μέγα и τεῖχος, большая стѣна.

Во всякомъ случаѣ сильное укрѣпленіе не было бы неумѣстнымъ въ окрестностяхъ Олешья для охраненія города, служившаго мѣстомъ склада греческихъ и другихъ товаровъ, отъ участи неоднократно его постигшей, какъ напр. въ 1074 году, когда онъ ночью былъ разграбленъ безъудѣльнымъ княземъ Давидомъ Игоревичемъ, или же въ 1160 году, когда имъ овладѣли Берладники, занимавшіеся разбоями на Черномъ морѣ. Слѣды подобныхъ укрѣпленій могли еще быть замѣтны, когда при нижнемъ Днѣпрѣ водворились Генуэзцы, которые въ свою очередь, какъ видно изъ ихъ грамотъ [22]), укрѣпились на берегахъ этой рѣки. Въ сосѣдствѣ ихъ замковъ могли находиться мирныя поселенія; но едвали одно изъ нихъ называлось Мегарійскимъ, если бы даже древнее названіе города Херсониситовъ когда либо служило прозвищемъ принадлежавшаго имъ города Калосъ-лиминъ. Во всякомъ случаѣ имена, отмѣченныя на картахъ въ окрестностяхъ Алешекъ, не имѣли ничего общаго съ этимъ городомъ, поелику измѣреніе Безъименнаго ясно свидѣтельствуетъ, что онъ находился на южной сторонѣ Акмечетскаго залива. Сюда по этому польскіе географы должны были помѣстить свое Мегарійское поселеніе, тѣмъ болѣе, что они тутъ именно встрѣчали бы на древнѣйшей изъ разсматриваемыхъ ими картъ «Calolimena».

Что подобно сему имени и наше днѣпровское Pidea происхожденія греческаго, становится мнѣ вѣроятнымъ еще по той причинѣ, что слово это на итальянскомъ языкѣ не имѣетъ значенія, тогда какъ оно по гречески могло именно означать страну, покрытую извѣстнаго рода лѣсомъ.

По крайней мѣрѣ на греческомъ языкѣ слово πῆδος или πᾶδος, отъ котораго могло быть произведено наше pidea, значитъ лѣсъ, изъ котораго изготовляются весла, и который, по инымъ, такъ былъ названъ потому, что сосна Галлами была

[22]) Atti della Soc. L. и пр. V стр. 248.

названа padus, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Плинія.: quonium circa fontem (Padi) arbor multa sit picea, quales gallice vocantur padi, hoc nomen accepisse.

Подпорою мнѣнія, что подобно рѣкѣ Эридану, лѣсная страна Геродота могла быть переименована по соснамъ, и теперь еще въ ней попадающимся, можетъ служить замѣтка Стефана Византійскаго, что Гилея также называлась Ἀβική. Названіе это напоминаетъ намъ латинское слово abies, ель Безъ сомнѣнія это дерево едвали могло произрастать въ окрестностяхъ Алешекъ; но за то мы узнаемъ отъ Дюканжа (Gloss. Graec.) что слово abies, перешедши къ Римлянамъ отъ сицилійскихъ Грековъ, осталось въ употребленіи у Византійцевъ и служило у нихъ для означенія не только ели, но также сосны.

Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что лѣсная страна *Abice* скорѣй могла получить названіе по этимъ деревьямъ, нежели, какъ обыкновенно думаютъ, по Абіамъ, упомянутымъ Страбономъ при описаніи Скиѳіи, поелику онъ ясно говоритъ что они не имѣли постоянныхъ жилищъ. Если-же, какъ должно думать, этотъ великій географъ подъ скиѳскими Абіами разумѣлъ не особый народъ, но людей безъ всякой собственности (Habelose, какъ переводитъ Гросскурдъ), то это обстоятельство служило бы скорѣй къ подтвержденію, чѣмъ къ опроверженію мнѣнія, что это прилагательное имя не имѣло ничего общаго съ переданнымъ намъ Стефаномъ синонимомъ Гилеи, кромѣ случайнаго созвучія.

Что же касается позднѣйшаго названія страны Абики, то секретарь общества (см. выше) хочетъ насъ увѣрить, что оно есть ничто иное, какъ греческое слово ΗΥΛΕΑ (ΥΛΑΙΑ, по Геродоту), превращенное неграмотными Италіянцами въ ничего незначущее ΠΥΛΕΑ.

Но самъ онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, что еще въ византійскомъ періодѣ древнія географическія имена замѣнялись новыми и что послѣднія были потомъ уже приняты Италіянцами. Подобные примѣры представляютъ намъ еще Ар-

дабда и Кафа, Адара, Таматарха и Матряха, вытѣснившіе древнѣйшія имена: Ѳеодосія, Дромосъ Ахиллесовъ, *Корокондаме* и Томи и пр. Почему же Италіянцы только по ошибкѣ писали бы «pidea» вмѣсто прежняго имени, имъ можетъ вовсе уже неизвѣстнаго, съ измѣненіемъ притомъ всѣхъ буквъ его и съ прибавленіемъ къ нему въ началѣ греческаго члена ἡ, принятаго ими ошибочно за букву П.

Если даже допустить возможность подобнаго невѣжества со стороны нѣкоторыхъ изъ числа западныхъ картографовъ, то этимъ не объяснилось бы какимъ образомъ одна и таже ошибка могла удержаться въ теченіе столѣтій во всѣхъ намъ доступныхъ картахъ генуэзкихъ, венеціанскихъ и другихъ, столь различествующихъ между собою въ частностяхъ, что уже не могли быть составлены по одному и тому же источнику.

При томъ спрашивается, неужели никому изъ художниковъ, трудившихся надъ черченіемъ гидрографическихъ картъ, не приходила мысль трудъ свой предварительно сообщить для исправленія морякамъ, которые безъ сомнѣнія не оставили бы въ окрестностяхъ Алешекъ непонятное для нихъ имя pidea, если бы эта мѣстность греческимъ ихъ товарищамъ была еще извѣстна подъ древнимъ своимъ названіемъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, я почитаю себя въ правѣ оставаться при своемъ мнѣніи, что лѣсная страна Геродота въ послѣдствіи означалась подъ именемъ Abice и Pidea по соснамъ, исключительно произраставшимъ въ *южной* части Гилеи, т. е. въ извѣстномъ разстояніи отъ долины Днѣпра, изобиловавшей деревьями другихъ породъ.

Да позволено мнѣ будетъ пользоваться настоящимъ случаемъ, дабы обратить вниманіе читателей на слѣдующія слова автора основательно изучившаго мѣстныя особенности Херсонской губерніи. Замѣтивъ, что значительную часть основы долины нижняго Днѣпра составляетъ погребенный лѣсъ, г. Шмидтъ [23]) продолжаетъ: «Нѣкоторые остатки этихъ деревьевъ, попадаю-

[23]) Матеріалы для геогр. и стат. Херсонской губ. С. П. 1863, стр. 127.

щіеся въ руслѣ рѣки, свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время, вѣроятно, отъ частой вырубки, лѣсъ не достигаетъ того развитія, какое имѣлъ прежде».

Пусть геологи и ботаники рѣшатъ, были ли эти деревья занесены въ окрестности Алешекъ теченіемъ рѣки, или же произрастявши въ этой мѣстности, были затѣмъ затоплены, вслѣдствіе или опусканія почвы или непостоянства теченія Днѣпра, «почти каждый годъ образующаго новые и подмывающаго старые острова» [23]). Въ случаѣ произрастанія деревьевъ на мѣстѣ, желательно было бы узнать, изъ какихъ породъ деревьевъ состоялъ этотъ лѣсъ и попадаются ли между ними хвойныя деревья и какія именно?

Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ точнѣйшее опредѣленіе мѣстоположенія и характера «лѣсной стороны» Геродота.

---

[23]) Исторія о Казакахъ Запорожскихъ, Одесса 1852, стр. 65.

VII.

Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море [1]).

Французскій инженеръ Боплант, показавъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ объ Украйнѣ, какимъ образомъ Запорожцы возвращались въ войсковую Скарбницу изъ отважныхъ походовъ своихъ по Черному морю, между прочимъ продолжаетъ: «есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье—чрезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь они плывутъ вверхъ по *Міусу* покуда можно, а далѣе отъ сей рѣки до *Тачаводы* (Taczawoda) около мили идутъ волокомъ: Тачавода впадаетъ въ *Самару*. Самара же изливается въ Днѣпръ выше Кайдака. Казаки рѣдко избираютъ сей путь, по отдаленности его отъ Запорожья; Правда, они отправляются сею дорогою и на поиски, но только тогда, когда флотъ ихъ состоитъ изъ 20 или 25 челновъ. или когда Турки совершенно преграждаютъ имъ устье Днѣпровское» [2]). Выше авторомъ было сказано, что эти челны [3])

---

[1]) Впервые напечатано въ V томѣ Записокъ Од. Общ. Ист. и Древностей (1862).

[2]) Описаніе Украйны, сочиненіе Боплана, переводъ съ франц. С.-П. 1832. стр. 67; сравн. Beauplan, Description d'Ukranie. Rouen 1660, p. 55 и 57.

[3]) Такъ передаетъ намъ русскій переводчикъ сочиненія Боплана французское basteaux, вѣроятно потому, что по приведенному имъ (стр. 153) «Описанію Дона» адмирала Крейса, подобныя суда такъ называемы были Донскими казаками; но, кажется, что Запорожцы ихъ называли или дубами или лодками.

имѣли въ длину 60 футовъ, въ ширину отъ 10 до 12, а въ глубину 12. Каждая лодка была вооружена 4-мя или 6-ю фалконетами и помѣщала въ себѣ, кромѣ аммуниціи и припасовъ, отъ 50 до 70 казаковъ, въ томъ числѣ отъ 20 до 30 гребцовъ.

Безъ сомнѣнія въ наше время плаванье подобными лодками было бы весьма затруднительнымъ какъ на Міусѣ, такъ и на Самарѣ; но это еще не доказываетъ, что они представляли препятствія для судоходства во времена Боплана. Ибо признано, по причинамъ, изложеніе коихъ было бы здѣсь излишнимъ, что масса воды постепенно уменьшалась въ нашихъ степныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ. Посему самому мы не въ правѣ усомниться въ истинѣ факта, переданнаго намъ знаменитымъ описателемъ Украйны. Слѣдуетъ только допустить, что онъ по какому нибудь недоумѣнію, превратилъ Волчью-воду въ Тачаводу. Ибо, между тѣмъ какъ подобной рѣки или рѣчки вовсе нѣтъ въ здѣшнемъ краю, главный притокъ Самары Волчья-вода беретъ свое начало въ степи въ небольшомъ разстояніи отъ верхняго теченія Кринки или Крынки, изливающейся въ Міусъ.

Верховья Волчьей еще ближе подходятъ къ вершинѣ *Кальміуса* и эту именно рѣчку Бопланъ здѣсь смѣшалъ съ выше имъ упомянутымъ Міусомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Майковъ [4]). Современникъ Боплана Эвлія-эфенди [5]) и наши лѣтописцы, говоря о Міусѣ, также имѣли въ виду, не нынѣшній, но сосѣдственный ему Кальміусъ.

Если же всѣ эти рѣки были судоходны назадъ тому двѣсти лѣтъ, то можно допустить предположеніе, что суда добирались до настоящихъ ихъ источниковъ въ эпоху, отстоящую отъ насъ на столько же тысячелѣтій, т. е. во времена Геродота. Даже не было бы не возможнымъ, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, отдѣляющіяся нынѣ незначительною водораздѣльною чертою, тогда почти смѣшивались во время полново-

[4]) Замѣтки по геогр. древн. Россіи, 1874 стр. 24 пр. 2.
[5]) Narrative of travels, transl. by Hammer, 1850. II стр. 57—67.

дія, какъ это нынѣ еще бываетъ съ двумя Манычами, изъ которыхъ одинъ изливается въ Каспійское море, а другой—въ Азовское [6]).

Должно думать, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ, сохранилось до временъ Константина Багрянороднаго. Такъ по крайней мѣрѣ я себѣ объясняю слѣдующее мѣсто, извлеченное изъ его сочиненія объ управленіи имперіи: «къ сѣверу отъ Меотійскаго озера протекаетъ Днѣпръ, изъ котораго Росы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію; этотъ заливъ Меотиды простирается до Некропилъ, которыя отстоятъ отъ Днѣпра около четырехъ миль, и тамъ съ нимъ (т. е. съ заливомъ) соединяются, гдѣ древніе переправлялись въ море посредствомъ канала, проведеннаго поперекъ Херсона, областей и земли Воспора; но засыпанный дѣйствіемъ времени онъ превращенъ въ густой лѣсъ и представляетъ двѣ только дороги, чрезъ которыя Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Воспоръ и области [7])».

Жаль, что императоръ въ этомъ мѣстѣ, вообще довольно темномъ, не говоритъ, какимъ путемъ Росы изъ Днѣпра отправлялись въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію или скорѣй Зихію, или же Ширванъ, о которомъ, какъ думалъ Савельевъ [8]), здѣсь вѣроятно хотѣлъ говорить Багрянородный лѣтописецъ. Дѣйствительно Росы X вѣка, въ своихъ походахъ въ Каспійское море, приставали къ берегамъ Ширвана, между тѣмъ какъ Сирія находилась далеко отъ пути въ Черную Болгарію, если, что не подлежитъ сомнѣнію, императоръ говоритъ о странѣ, въ которой обитали Болгары волжскіе, а не дунайскіе [9]). Во всякомъ случаѣ Росы, возвращаясь во своя-

---

[6]) Reclus, La méditerranée caspienne et le canal des steppes, въ Revue des Deux Mondes, 1 Août 1861, p. 616.

[7]) Const. Porphyr. De adm. imp. ed. Bonn. стр. 180.

[8]) Мухаммет. Нумизматика стр. CXLV.

[9]) См. выше: Островъ св. Еевпія.

си съ береговъ Волги, не имѣли надобности входить въ Черное море; ибо они могли перенести свои лодки изъ Волги въ Донъ, плавать внизъ по сей рѣкѣ въ Азовское море, и затѣмъ могли доплывать въ Кіевъ тѣмъ же путемъ, которымъ въ послѣдствіи Запорожцы возвращались въ свою Скарбницу. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Росы, если даже отправлялись въ Черное море внизъ по Днѣпру, могли въ случаѣ надобности, совершать обратный путь, подобно казакамъ, чрезъ Азовское море, Кальміусомъ и Самарою. Подобная надобность могла заставить Игоря, приступившаго къ Царьграду съ безчисленными ладьями, возвратиться едвали съ десятью къ Воспору Киммерійскому, какъ мы это узнаемъ изъ отвѣта Іоанна Цимисхія на гордыя требованія Святослава [10]). Безъ сомнѣнія Игорь, уходя къ проливу Керченскому съ Воспора Ѳракійскаго, впалъ бы изъ Сциллы въ Харибду, если бы прибрежье Азовскаго моря ему не было доступнымъ. Что оно дѣйствительно таковымъ было, явствуетъ изъ того обстоятельства, что великому князю тогда уже были подвластны Угличи, обитавшіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ углѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ сей рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря. Въ пользу мнѣнія, что здѣсь именно находились жилища Угличей я могъ бы, по примѣру Карамзина [11]), сказать что они, вѣроятно, были такъ названы по рѣкѣ Углъ, и что этимъ именемъ прежде означалась рѣка Орель, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, не много выше Самары. Но такъ какъ позволено будетъ усомниться, съ Надеждинымъ [12]) въ тождествѣ рѣки Орель съ Угломъ или Ерелью лѣтописца, то я приведу другія свидѣтельства, которыя покажутъ, что Угличи нѣкогда обитали на западномъ берегу Азовскаго моря, извѣстномъ нашимъ предкамъ подъ названіемъ Лукоморья. Далека отъ меня мысль, будто-бы это слово не употреблялось ими въ значе-

---

[10]) Leonis Diaconi Hist. ed. Bonn. pag. 106.

[11]) Ист. Госуд. Росс. I, примѣч. 362.

[12]) О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчина, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. I. стр. 248.

ніи болѣе обширномъ, для означенія прибрежья другихъ морей и заливовъ. Такъ напр. нельзя опредѣлить съ точностью какое именно прибрежье имѣли въ виду сподвижники Олеговичей, когда они, исполненные надеждъ послѣ удачнаго начала похода своего противъ Половцевъ, говорили: станемъ преслѣдовать ихъ за Донъ, «оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь[13])». Не имѣя надобности перебираться чрезъ Донъ, чтобы дойти до западнаго берега Азовскаго моря, русскіе воины могли здѣсь намѣкать на восточный его берегъ, или даже на Каспійское море, какъ думалъ Лербергъ[14]). Впрочемъ имъ, по правиламъ военнаго искуства, могло показаться естественнымъ подумать сначала о безоруженіи Донскихъ Половцевъ, а потомъ уже обратиться противъ Лукоморскихъ, дабы первые не могли подать пособія послѣднимъ, такъ что они подъ Лукоморьемъ все-таки могли разумѣть здѣсь западный берегъ Азовскаго моря, нѣкогда принадлежавшій Русскимъ, но тогда уже недоступный для нихъ. Что таково было значеніе словъ «гдѣ же не ходили дѣди наши» явствуетъ изъ слѣдующихъ стиховъ, гдѣ поэтъ, описывая тотъ же самый походъ, восклицаетъ: «Дивъ кличетъ врху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и поморію, и по-Сулію и Сурожу и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскій блъванъ» [15]). Причисленіе по-Сулья къ землямъ незнаемымъ (изъ коихъ поморье могло именно означать наше Лукоморье) прямо показываетъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Вѣляевъ[16]), что пѣвецъ не могъ здѣсь имѣть въ виду земель вовсе неизвѣстныхъ, незнакомыхъ Русскимъ, но утраченныя ими, ибо по-Сулье только къ концу XII вѣка было совершенно оторг-

---

[13]) Полное собр. русскихъ лѣтописей, I, стр. 168.

[14]) Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Gesch. Russlands. S. P., 1816 стр. 45.

[15]) Русск. Истор. Сборникъ, III стр. 110.

[16]) О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ и пр. въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III стр. 35.

нуто отъ Руси. Около того же времени часть Половцевъ является въ лѣтописяхъ подъ именемъ Лукоморскихъ, которые явно кочевали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ [17]). Тамъ же должны были находиться кочевья тѣхъ Половцевъ, которые были преслѣдуемы Монголами, въ 1223 году, по Дону и въ Лукоморье, гдѣ и погибли, между тѣмъ какъ другіе искали убѣжище за Днѣпромъ, т. е. на правой его сторонѣ [18]). Лукоморье, изъ котораго, по словамъ поэта, Святославъ «поганаго Кобяка.... отъ желѣзныхъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже» [19]), должно было находиться въ сихъ же мѣстахъ, потому что по свидѣтельству лѣтописцевъ, сказанный князь половецкій былъ дѣйствительно плѣненъ Святославомъ Кіевскимъ въ 1183 году въ Углѣ, котораго достигли Русскіе, переправившись на лѣвый берегъ Днѣпра, въ значительномъ разстояніи ниже Кіева [20]). При тождествѣ сего Угла съ Лукоморьемъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Соловьева [21]), что эти два слова употреблялись прежде въ одинаковомъ значеніи, чѣмъ и объясняется, почему имена Угличи и Улучи могли означать одинъ и тотъ же народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дана возможность согласовать противуположныя мнѣнія Шафарика и Надеждина касательно настоящаго имени сего народа. Ибо хотя оба признаютъ тождество именъ Уличи, Улучи и Угличи, авторъ «Славянскихъ древностей» вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что единственно правильное имя сего народа есть Уличи, а всѣ прочіе варіанты суть описки [22]). Въ свою очередь Надеждинъ старается всѣми силами доказать, что настоящее имя есть не другое какъ Угли-

---

[17]) Ср. Повѣствованіе о Россіи. Москва, 1838, I стран. 252, прим. 1569.

[18]) Ibid. стр. 315. Сравн. Зап. Одесск. Общ. III, стр. 43.

[19]) Русск. Истор. Сборникъ, III стр. 116.

[20]) Полное собр. русск. лѣт. II стр. 128.

[21]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. П. 1854, стр. VII.

[22]) Slawische Alterthümer. Deutsch v. M. Aehrenfeldt. Lpz. 1844. II p. 130 seq.

чи [23]). Настойчивость его въ этомъ случаѣ вѣроятно произошла отъ того, что онъ желалъ перемѣстить этотъ народъ изъ Азовскаго лукоморья въ Буджакъ, на томъ основаніи, что это имя южной Бессарабіи есть ничто другое, какъ турецкій переводъ нашего слова уголъ; что оно Греками легко могло быть превращено въ Ὄγγλος, и что такъ именно называлась на языкѣ туземцевъ южная часть Бессарабіи уже въ то время, когда туда переселились Волжскіе Болгары. Если же этотъ край былъ родиною и Угличей нашихъ лѣтописцевъ, то они должны были быть сосѣдями Тиверцевъ, жилища которыхъ дѣйствительно доходили до Буджака, гдѣ предъ ними обитали Терзинги (Вестготы), по коимъ тѣмъ скорѣе могли быть названы, что въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Тиверцевъ стоитъ Терзици [24]).

Дѣйствительно, Надеждинъ утверждаетъ, что возлѣ нихъ обитали Угличи еще до временъ Рюрика, въ полной увѣренности, что, изъ множества варіантовъ имени народа, упомянутаго Несторомъ предъ Тиверцами, при исчисленіи Славянъ издревле въ Россіи обитавшихъ, Улучи или Улицы заслуживаютъ преимущество предъ Лутичами или Лучанами. Въ пользу своего мнѣнія онъ ссылается на другое мѣсто лѣтописи, гдѣ сказано, что Олегъ воевалъ съ Угличами и Тиверцами [25]). Не смотря на этотъ параллелизмъ, не ускользнувшій отъ зоркаго глаза Шлецера [26]), Карамзинъ [27]) предпочелъ въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи чтеніе Лутичи, вѣроятно потому, что онъ Угличей, съ которыми имѣлъ рать Олегъ, принялъ за Суличей [28]), хотя безъ основанія, какъ показалъ Надеждинъ [29]). Что же касается Лутичей историографа,

---

[23]) Записки Общества I стр. 252.
[24]) Schafarik l. l. стр. 133. ср. П. С. Р. Л. I стр. 4.
[25]) Полн Собр. Р. Лѣт. I стр. 15.
[26]) Несторъ Шлецеровъ, II стр. 271.
[27]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 70.
[28]) Ibid. прим 301 и 362.
[29]) Зап. Общ. I стр. 247.

то они могли совпадать съ Лучанами, отысканными, по его примѣру [30]), Лелевелемъ [31]) около Луцка на Волыни, гдѣ они могли быть сосѣдями Тиверцевъ съ сѣверной стороны. Если же допустить, съ большимъ, кажется, правомъ, что Несторъ здѣсь столь же мало хотѣлъ говорить о Лучанахъ, какъ выше о Суличахъ, и что, по сему самому, въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ Улучахъ или Угличахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы жилища ихъ находились въ бессарабскомъ углѣ. По крайней мѣрѣ эти Угличи по всей вѣроятности были тождественны съ тѣми, съ которыми боролся Аскольдъ вмѣстѣ съ Древлянами [32]), и которые по сему самому скорѣе могли обитать при нижнемъ Днѣпрѣ, чѣмъ при Дунаѣ, что не помѣшало бы имъ быть, подобно Лучанамъ, сосѣдами Тиверцевъ, потому что послѣдніе занимали, кромѣ Буджака, все прибрежье Чернаго моря до устья Бога и Днѣпра, или, какъ прибавляетъ Несторъ, страну, названную Греками «Великою Скиѳіею».

Во всякомъ случаѣ Угличи, покоренные Игоремъ и тождественные, по всей вѣроятности съ тѣми, которыхъ не могъ покорить его отецъ, не могли быть встрѣчены Русскими въ южной Бессарабіи, потому что Никоновская лѣтопись прямо говоритъ, что «бѣша сѣдяща Угличи по Днѣпру внизъ» [33]). Уже по взятіи главнаго ихъ города Пересѣченя, лежавшаго на востокъ отъ Днѣпра, они избрали себѣ новыя жилища между сказанною рѣкою или, правильнѣе, между Бугомъ и Днѣстромъ какъ показалъ г. Ламбинъ [34]).

Въ этомъ случаѣ имя ихъ легко могло быть перенесено на рѣку Ингулъ, которая называлась можетъ быть прежде Ангулъ, потому что, по книгѣ Большему чертежу, Ингулецъ былъ названъ Ангулецъ или маленькій Ингулъ, хотя онъ величиною превышаетъ старшаго брата [35]). При томъ нѣтъ со-

[30]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 70.
[31]) Géographie du Moyen-âge. Bruxelles, 1852. T. III и IV pag. 55.
[32]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 289.
[33]) Никон. лѣт. т. I стр. 41.
[34]) См. отчетъ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова.
[35]) Книга Большему Чертежу. С. П. 1838 стр. 102.

мнѣнія, что императоръ Константинъ имѣлъ въ виду этотъ притокъ Буга, когда говоритъ о рѣкѣ, названной имъ Συγγούλ, потому что переписчики заставили его повторить букву σ, которою оканчивается предыдущее слово [36]).

Если же новыя жилища Угличей доходили къ востоку до Днѣпра, то переселеніе ихъ на правый его берегъ было можетъ быть въ связи съ удаленіемъ Дулебовъ изъ прежнихъ ихъ жилищъ при Бугѣ. По крайней мѣрѣ имя сего народа со временъ Олега уже не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, но зато снова является на западѣ, именно въ Богеміи [37]). Правда, по Нестору, мѣсто ихъ у насъ заняли Волыняне [38]). Но такъ какъ послѣ сего имени слѣдуетъ у него вышеупомянутое загадочное мѣсто: а Улучи, Тиверьцы, присѣдяху къ Дунаеви и проч., то мнѣ позволено будетъ, съ перемѣною одной только буквы *а* на *и*, читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне *и* Улучи; Тиверьцы присѣдяху къ Дунаеви и проч.

Но куда бы ни дѣвались Угличи по взятіи Пересѣчена, древняя ихъ родина между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ долго еще спустя означалась прежнимъ своимъ именемъ. Ибо, судя по ссылкамъ, которыя я нахожу у Тунмана [39]), край этотъ еще былъ извѣстенъ автору «Исторіи Тамерлана» подъ именемъ Ungul, и даже Витсену подъ именемъ Onkul.

Доказательствомъ, что этотъ край принадлежалъ Русскимъ при Игорѣ, могъ бы, въ случаѣ надобности, служить еще договоръ его съ Греками 945-го года, а именно статья, которою русскій князь обязывается не допускать Черныхъ Болгаръ дѣлать нападеніе на Корсунскія земли [40]). Полагая, что здѣсь говорится о Болгарахъ Дунайскихъ, г. Бѣляевъ [41]) заключаетъ,

---

[36]) De admin. imp. cap. 42.
[37]) Lelewel, Geogr. du M. âge; III и IV стр. 37.
[38]) Полн. Собр. Р. Л. I стр. 4.
[39]) Büsching, Erdbeschr. IV стр. 367.
[40]) Полн. Собр. Р. Л. I стр. 21.
[41]) Зап. Общества, т. III, стр. 6.

что Русы тогда уже должны были стоять твердою ногою на Черноморскомъ берегу на западъ отъ Днѣпра; но такъ какъ Черные Болгары Нестора, подобно тѣмъ, которые, по свидѣтельству императора Константина, могли нападать на земли Хазаровъ, обитали не при Дунаѣ, но при Волгѣ[42]), между тѣмъ какъ жилища зависящихъ отъ послѣднихъ Буртасовъ доходили даже до Дона[43]), то можно было бы заключить съ большимъ правомъ изъ сказанной статьи, что Русы тогда владѣли западнымъ берегомъ Азовскаго моря, чрезъ который пролегала дорога Волжскихъ Болгаръ ко владѣніямъ Грековъ и Хазаровъ въ Крыму.

Правда, въ это время Печенѣги уже развели свои кочевья въ степяхъ, лежащихъ между Дономъ и Дунаемъ. Ошибочно было бы однако думать, что это обстоятельство могло помѣшать Русскимъ добираться до Азовскаго прибрежья, ибо они продолжали посѣщать по прежнему сѣверный берегъ Чернаго моря на западъ отъ Днѣпра, хотя по свидѣтельству императора Константина[44]), на западной сторонѣ сей рѣки кочевали столько же колѣнъ Печенѣжскихъ, какъ на восточной, между тѣмъ какъ въ числѣ послѣднихъ находилось одно только изъ трехъ колѣнъ Канкаровъ, отличавшихся отъ прочихъ Печенѣговъ своимъ мужествомъ и значеніемъ. Два другія, названныя Эртимъ и Гила, обитали на западной сторонѣ Днѣпра. Сосѣдями перваго изъ нихъ были находившіеся подъ властью Русскихъ славянскіе народы Ультиновъ, Дервлениновъ и Лензениновъ, въ коихъ нельзя не узнать Улучей, Древлянъ и Лучанъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ обитать въ южной Бессарабіи, потому что императоръ говоритъ, что сосѣдями Печенѣговъ съ южной стороны были Болгары и Венгры, или Турки, какъ ихъ называли Византійцы. Итакъ намъ представляется еще свидѣтельство, что въ Буджакѣ тогда уже не

---

[42]) См. выше стран. 32.

[43]) Mordtmann, Das Buch der Laender von... Isztachri. Hamburg, 1845 стр. 106, 107.

[44]) De administr. imp. cap. 37.

обитали ни Угличи, ни Лутичи; что между сими двумя народами помѣщались Древляне; что Лутичи дѣйствительно могли обитать въ окрестностяхъ Луцка, и наконецъ, что Угличами могли быть тѣ, которые послѣ паденія Пересѣченя, переселились съ береговъ Орели въ страну, орошаемую Ингуломъ и Ингульцемъ.

Даже послѣ ихъ удаленія изъ Лукоморья Русскіе тамъ еще имѣли, если не подданныхъ, то по крайней мѣрѣ надежныхъ союзниковъ въ Торкахъ и Берендеяхъ, имена коихъ напоминаютъ намъ рѣки Торъ и Берда, и которые, во всякомъ случаѣ, обитали между Дономъ и нижнимъ Днѣпромъ [45]).

Что дѣйствительно появленіе Печенѣговъ въ прибрежьи, заключенномъ между этими рѣками, не преградило Русскимъ путь къ Азовскому морю, явствуетъ также изъ показаній современныхъ арабскихъ писателей. Такъ напр. Масуди, жившій около половины X-го вѣка, увѣренъ (part de l'idée, какъ выражается французскій переводчикъ Абуль-Феды), что Русы преимущественно обитали (étaient confinés) возлѣ Меотійскаго озера [46]). Этому повидимому противурѣчитъ слѣдующая замѣтка Масуди, переведенная г. Ламанскимъ [47]) съ англійскаго перевода его же сочиненія «Золотые луга»: «Отъ рѣки Хазарской въ верхнемъ ея теченіи отдѣляется одинъ рукавъ, впадающій въ узкій заливъ моря Понта, каковое есть море Русское; такъ какъ ни одинъ народъ, исключая Русскихъ, не плаваетъ на этомъ морѣ». Но если взять во вниманіе, что Масуди не могъ не знать, что въ его время, кромѣ русскихъ судовъ на Черномъ морѣ плавали еще другія, а именно византійскія, то позволено будетъ спросить: не заставляетъ ли одинъ изъ переводчиковъ сказать арабскаго автора, что Черное море называлось Русскимъ, тогда какъ онъ собственно хотѣлъ

---

[45]) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. I прим. 437.

[46]) Reinaud, Géographie d'Aboulféda, trad. de l'arabe en français. Par. 1848. I pag. CCXCV.

[47]) О Славянахъ въ Малой Азіи, и пр. С.-П. 1859 стр. 78.

примѣнить этотъ эпитетъ къ узкому заливу имъ самимъ нѣсколько строкъ ниже названному моремъ, т. е. къ Меотидѣ.

Въ свою очередь географъ Шемсъ-еддинъ изъ Дамаска, предъ описаніемъ грабежей, производимыхъ Русами на Черномъ морѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «они живутъ на островахъ Меотійскаго озера и ходятъ на судахъ воевать Хазарскую землю. Ходятъ туда для разбоевъ и другимъ каналомъ (рукавомъ рѣки или моря), впадающимъ въ Хазарское море»[48]). Шемсъ-еддинъ, говоритъ г. Рено[49]), умеръ въ 727 (1327) году на семьдесятъ третьемъ году (лунномъ) отъ роду. Затѣмъ г. Рено прибавляетъ въ выноскѣ, что сочиненіе Шемсъ-еддина (Чудеса земель и морей) находится въ Парижской библіотекѣ и что на экземплярахъ Лейденскомъ и С.-Петербургскомъ годы отмѣчены неправильно: «г. Френъ и другіе ученые, говорившіе объ этомъ твореніи, заставляютъ жить автора слишкомъ поздно, двумя столѣтіями».

Этотъ упрекъ, заслуженный Доссономъ[50]) и Лелевелемъ[51]), напрасно отнесенъ къ знаменитому нашему оріенталисту, ибо хотя онъ, въ своемъ Ибнъ-Фозланѣ, говоритъ (стр. 42) о хроникѣ Абдулъ-Аббаса Ахмеда-Димешки, писавшемъ не около 1599 года, какъ онъ думаетъ, поелику Абдулъ-Аббасъ скончался 1332[52]), но вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣвается, что авторъ приведенной космографіи Шемсъ-еддинъ изъ Дамаска или Димешки (стр. 189) жилъ въ началѣ XIV столѣтія нашей эры. Выше (стр. 143) Френъ доказываетъ, что Шемсъ-еддинъ Димешки сообщаетъ извѣстія, почерпнутыя изъ сочиненій гораздо древнѣйшихъ авторовъ.

Къ таковымъ извѣстіямъ принадлежитъ безспорно только что мною приведенное, гдѣ явно говорится о походахъ, пред-

---

[48]) Fraehn., Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte, стр. 29.

[49]) Reinaud. I стр. CLI.

[50]) Des peuples du Caucase стр. XIII.

[51]) Géographie du M. âge III, IV, стр. 51; впрочемъ сравн. т. I 144, note 302.

[52]) Reinaud, Aboulféda I, CLI.

принятыхъ Русами X-го столѣтія въ Каспійское море. Можетъ быть мнѣ скажутъ, что Русы, если у нихъ были суда на Азовскомъ морѣ, могли бы оттуда вверхъ по Дону, и внизъ по Волгѣ отправляться въ Каспійское море, и не имѣли бы надобности проплывать предварительно чрезъ Керченскій проливъ. Между тѣмъ, скажутъ далѣе, должно думать, что они такъ поступили въ 913 году, судя потому, какъ Карамзинъ [53]), Френъ [54]) и Доссонъ [55]) поняли смыслъ того, что Масуди намъ передалъ о сказанномъ походѣ Русовъ.

На это возраженіе я могъ бы отвѣчать тѣмъ, что Улучи тогда еще не были покорены Игоремъ; или же, что Масуди, не касаясь вопроса откуда прибылъ русскій флотъ ко входу въ Азовское море, говоритъ лишь о плаваніи его вверхъ по Дону, если только французскіе переводчики «Золотыхъ луговъ» [56]) имѣли право сказать, что арабскій авторъ выражался слѣдующимъ образомъ о сказанномъ походѣ: «Послѣ 300-го года около 500 кораблей явились при входѣ канала Нитаса, имѣющаго сообщеніе съ моремъ Каспійскимъ. Русы встрѣтили тутъ [57]) военный постъ Хазарскій, стоящій тамъ, чтобы удерживать непріятелей, приходящихъ въ эту страну или водою или сухимъ путемъ. Дѣйствительно, кочующіе Турки, названные Гузами, проводятъ зиму въ этихъ мѣстахъ и переходятъ чрезъ рѣку по льду съ своими лошадьми и проникаютъ въ землю Хазаръ. Иногда самъ царь хазарскій отправляется, чтобы ихъ отражать. Лѣтомъ же, напротивъ того, страна не въ опасности, потому что этотъ проходъ не доступенъ для непріятелей. Дошедши до входа въ каналъ, гдѣ находилась хазарская

---

[53]) Ист. Госуд. Росс. I, стр. 95.

[54]) Ibn-Foszlan's etc. Berichte p. 245.

[55]) Des peuples du Caucase pag. 105.

[56]) Maçoudi, Les prairies d'or, trad. p. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, II, 18.

[57]) Т. е. при Керченскомъ проливѣ, см. Григорьевъ, Россія и Азія p. 7. Но Погодинъ и по его примѣру Дорнъ (Каспій, IX) думаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о Саркелѣ.

стража, Русы послали къ царю и требовали дозволенія плыть поперегъ его владѣній, войти въ большую хазарскую рѣку и по ней въ Каспійское море; въ замѣнъ они предлагали уступить ему половину добычи. Получивъ одобрительный отвѣтъ царя, они вошли въ каналъ, проникли въ рукавъ рѣки и поднялись вверхъ по немъ (т. е. по Дону) до главной рѣки (jusqu'au fleuve lui même, т. е. Волга): плавая внизъ по ней, они прошли мимо города Итиля и проникли наконецъ въ Каспійское море».

Впрочемъ Русы, не имѣя даже флота на Азовскомъ морѣ, могли туда легко придти изъ Днѣпра, Самарою и Кальміусомъ, на судахъ, подобно тому какъ Запорожцы въ послѣдствіи плавали симъ путемъ. Хотя Русамъ пришлось бы, въ этомъ случаѣ, переносить также суда свои изъ Волчьей въ Кальміусъ, но это неудобство было бы незначительнымъ въ сравненіе съ препятствіями, которыя, при плаваніи внизъ по Днѣпру, имъ представляли Пороги, какъ намъ извѣстно изъ свидѣтельства императора Константина [58]). Такъ какъ Русы, или скорѣе Варяги, которые отправились, въ 944 году, съ устьевъ Дуная, чтобы поселиться на Каспійскомъ прибрежьѣ [59]), уже преодолѣли эти препятствія, то они, безъ сомнѣнія, должны были проплыть по Черному морю, до своего перехода въ Азовское. Я даже полагалъ бы, что они, вмѣсто того, чтобы оттуда пуститься далѣе Дономъ и Волгою, дошедши до устья Дона, отправились далѣе Манычемъ и Кумою. Такимъ образомъ, къ нимъ и къ сподвижникамъ ихъ изъ Славянъ, по крайней мѣрѣ, могли легко присоединиться Аланы и Лазги [60]), которые были ихъ товарищами въ этомъ походѣ. Доказательства, что сообщеніе рѣчное между морями Каспійскимъ и Азовскимъ было извѣстно въ древности, можно найти въ статьѣ Бергстрасера, стольже интересной для историка, какъ для го-

---

[58]) De adm. imp. ed. Bonn c. 9, стр. 75—77.

[59]) Ученыя Записки Имп. Ак. наукъ т. II p. 794 (ст. г. Куник).

[60]) Григорьевъ, О древн. пох. Русовъ на Вост. въ Ж. М. Н. Просвѣщ. ч. V, стр. 250.

сударственнаго человѣка [61]). Далѣе авторъ также приводитъ свидѣтельства заимствованныя имъ изъ сочиненія Костомарова о С. Разинѣ, по которымъ можно убѣдиться, что Донскіе казаки, принявшіе участіе въ бунтѣ, тѣмъ-же самымъ путемъ достигли Каспійскаго моря. Ясно поэтому, что этотъ путь также существовалъ въ X-мъ столѣтіи, и что тогдашніе Русы или Росы не оставили бы, при удобномъ случаѣ, имъ воспользоваться.

Что же касается похода, предпринятаго, по Ибнъ-Гаукалю [62]), Русами въ 969 году, то они не имѣли надобности проѣзжать ни по Черному, ни по Азовскому моримъ: ибо они явились въ Каспійскомъ морѣ уже по разрушеніи ими Болгара, куда вѣроятно прибыли, плывя внизъ по Окѣ и по Волгѣ. Даже въ такомъ случаѣ, еслибы арабскій писатель ошибся въ годѣ и хотѣлъ говорить о походѣ предпринятомъ Святославомъ въ 965 году противъ Хазаръ, наши Викинги должны были слѣдовать симъ-же путемъ потому, что хазарскій царь былъ пораженъ Святославомъ послѣ покоренія симъ послѣднимъ Вятичей, обитавшихъ при Окѣ [63]). Допуская тождество этихъ двухъ походовъ, отнесенныхъ къ 965 и 969 годамъ, можно бы также думать, что Арцыбышевъ [64]) не ошибся, утверждая, что Бѣлавежа, которая тогда взята была Святославомъ, была столица Хазаръ Итиль, а не крѣпостца Саркель на Дону, какъ обыкновенно думаютъ. Въ пользу сего мнѣнія могло бы служить и то обстоятельство, что еще въ 1117 году Владиміръ Мономахъ принялъ въ Россіи Бѣловежцевъ [65]), и что послѣдніе, если только были Хазары, скорѣе могли къ намъ переселиться изъ главнаго города государства, тогда еще существовавшаго, чѣмъ изъ погра-

---

[61]) Die Ponto-Caspische Niederung und die Gegend zwischen dem azowschen und caspischen Meere, въ Allg. Zeitung, 1861 № 264, Ausserordentl. Beilage.

[62]) Ср. Fraehn, Ibn-Foszlan's etc. Berichte, pag 64—67.

[63]) Карамзинъ, I т. I прим. 386.

[64]) Повѣствованіе о Россіи. Т. 1 кн. 1 стр. 34, прим. 147.

[65]) Карамзинъ, изд. Эйнерл. II стр. 90.

ничной крѣпости, взятой, а по Татищеву [66]) даже разгромленной Святославомъ.

Какъ бы то ни было, послѣдній изъ своего похода противъ Хазаръ легко могъ возвратиться въ Кіевъ, внизъ по Дону въ Азовское море и оттуда Кальміусомъ и Самарою. Ибо, въ этомъ случаѣ, встрѣтилъ бы онъ на пути своемъ Ясовъ и Касоговъ, съ которыми боролся до возвращенія въ Кіевъ по взятіи Бѣловежи. По крайней мѣрѣ жилища Алановъ, явно тождественныхъ съ Ясами нашихъ лѣтописей, еще гораздо позже доходили до Дона, куда они, по древнимъ преданіямъ и по грузинской хроникѣ, переселились съ высотъ Кавказа [67]). Что же касается Касоговъ, то они были, вѣроятно, тождественны съ обывателями Касахіи, лежавшей, по императору Константину [68]), въ сосѣдствѣ Аланіи и города Таматархи на островѣ Тамани. На томъ основаніи, что этотъ городъ, или наша Тмуторокань, данъ былъ Владиміромъ Святымъ въ удѣлъ сыну своему Мстиславу, полагаютъ обыкновенно, что онъ долженъ былъ принадлежать Россіи со временъ Святослава. Такъ какъ послѣдній, въ этомъ случаѣ, легко могъ столкнуться съ Касахами императора Константина, то мы имѣли бы еще свидѣтельство въ пользу мнѣнія касательно ихъ тождества съ Касогами Нестора. Можно однако допустить предположеніе, что Тмуторокань была присоединена къ Россіи не Святославомъ, но сыномъ его, основываясь на томъ, что Владиміръ раздѣлилъ владѣнія свои между сыновьями уже по возвращеніи своемъ изъ Крыма. Изъ современнаго свидѣтельства, отысканнаго Газомъ [69]), мы узнаемъ, что равноапостольный князь тамъ недовольствовался покореніемъ Херсона, но еще овладѣлъ 10-ю другими городами и 50-ю деревнями. Такъ какъ Несторъ могъ имѣть свои причины обойти этотъ

[66]) Исторія Россіи, т. II, стр. 220; сравн. II. С. Р. Лѣтоп. II, стр. 29.

[67]) Note sur l'identité des Ossètes avec les Alains. p. Klaproth. въ Potocki, Voyage dans les steps d'Astrakhan etc. Par. 1829 т. II, pag. 330.

[68]) De adm. imp. c. 425, pag. 181.

[69]) Leonis Diac. Historia, ed. Bonn. p. 502.

фактъ молчаніемъ, то позволено будетъ спросить: не принадлежала ли Тмуторокань къ числу городовъ, завоеванныхъ новообращеннымъ княземъ? Въ случаѣ одобрительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, я спросилъ бы далѣе: не могъ ли Святославъ встрѣтить родичей Касоговъ при Кальміусѣ, когда, по взятіи Бѣловежи возвратился въ Кіевъ? Спѣшу представить причины, побудившія меня затронуть здѣсь этотъ смѣлый вопросъ.

Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ [70]), что часть Кабаровъ, одного изъ колѣнъ хазарскихъ, принуждена была бросить прежнія жилища свои вслѣдствіе несчастной для ней междоусобной войны. Изгнанные Кабары искали убѣжище у Мадьяровъ, обитавшихъ тогда на западномъ берегу Азовскаго моря [71]) и вмѣстѣ съ ними переселившихся въ область Этелькузу, такъ названную по протекавшей въ ней рѣкѣ, въ которой нельзя не узнать Днѣпръ [72]). Изъ этой области оба народа немного спустя отправились далѣе на западъ и окончательно поселились въ Паннониі. Но почему часть переселившихся къ нимъ прежде Кабаровъ не моглабы оставаться въ прежнихъ своихъ жилищахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подобно тому, какъ тамъ удержались нѣкоторые изъ мадьярскихъ ихъ товарищей, на языкѣ которыхъ ихъ имя напоминаетъ намъ нашихъ Бродниковъ (vagabonds по мадьярски kobors, Sayous, 19). Если же имѣть въ виду, что земля Черкесовъ Кавказскихъ нынѣ еще называется Кабардою и что у нихъ еще во время Гаджи-Хальфы было 11 кабковъ или князей, изъ коихъ одинъ назывался также Кабарда [73]), то возникаетъ вопросъ: не изъ этого ли колѣна были Черкесы, которые гораздо прежде являются въ странѣ, гдѣ кочевали Кабары Константина Багрянороднаго? Такъ напр. Абдулъ-Гази [74]), говоря о пораженіи, нанесенномъ Русскимъ при Кал-

[70]) De adm. imp. c. 39, стр. 171.

[71]) Sayous, Les origines etc. des Hongrois, 10.

[72]) См. выше «Остр. св. Еерія».

[73]) Березинъ, Нашествіе Батія на Россію въ Ж. М. Н. Просв. 1855, Май, стр. 101.

[74]) Арцыбышевъ, l. l. кн. II стр. 318, прим. 2000.

кѣ въ 1223 году, замѣчаетъ, что это сраженіе произошло въ землѣ Черкасъ, и еще столѣтіемъ прежде лѣтописцы неоднократно упоминаютъ о Черкесахъ, жилища коихъ должны были находиться въ тѣхъ же мѣстахъ. Правда, что подъ этимъ именемъ подразумѣваются и Черные Клобуки или Каракалпаки[75]). Но такъ какъ къ симъ послѣднимъ причислялись Печенѣги, Торки и Берендѣи, обитавшіе на восточной сторонѣ нижняго Днѣпра, то мы имѣли бы новое доказательство, что въ ихъ сосѣдствѣ находились Черкесы. Намъ пришлось бы только къ нимъ примѣнить слѣдующія слова Березина[76]): «Нынѣшніе Каракалпаки, обитающіе по высотамъ Устъ-юрта, прибрежью Азовскаго моря (Аральскаго озера?) и въ Волжскомъ низовьѣ, разсказываютъ о своемъ происхожденіи слѣдующимъ образомъ: мы Каракалпаки; жили мы въ Бухарской степи, кочевали съ Карсаками (такъ называютъ въ волжскомъ низовьѣ Киргизовъ) Китайскими, и сами стали Карсаками Каракалпакскаго рода. Въ этихъ словахъ заключается общая исторія Тюркскихъ и Монгольскимъ племенъ, въ смѣшеніи утрачивающихъ свое родовое названіе и принимающихъ чужое; такимъ образомъ и Каракалпаки, жившіе у Черкесовъ, назывались Черкесами».

Уже д'Авзакъ указалъ[77]) на странность неожиданныхъ отношеній между Черкесами и Киргизами. Только что приведенныя слова Березина показываютъ между ними еще то сходство, что каждый изъ этихъ народовъ передалъ свое имя Каракалпакамъ.

Что же касается позднѣйшихъ Черкасовъ Азовскихъ, то они безъ сомнѣнія были въ близкихъ сношеніяхъ съ такъ называемыми Бродниками, въ коихъ Арцыбышевъ[78]) угадалъ предковъ Донскихъ казаковъ. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ

---

[75]) Карамзинъ, l. l. кн. II, прим. 218.
[76]) Въ приведенной статьѣ стр. 106.
[77]) Relation des Mongoles, par. J. Plan du Carpin, P. 1844.
[78]) Повѣствованіе о Россіи, I стр. 102 прим. 666.

изъ лѣтописей, (въ коихъ въ первый разъ говорится о Бродникахъ подъ 1147 годомъ, какъ о союзникахъ Святослава Олеговича), что Русскіе съ ними встрѣтились въ 1223-мъ году предъ сраженіемъ при Калкѣ [79]), стало быть въ землѣ Черкасовъ Абуль-Гази, откуда вскорѣ спустя многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ Половцами, перебрались къ Дунаю. Это явствуетъ, какъ недавно доказалъ г. Успенскій [80]), изъ слѣдующаго отрывка изъ письма венгерскаго короля Белы къ папѣ Иннокентію IV, 1254-го года. «Cum regnum Hungarie per pestem Tartharorum pro majori parte in solitudinem sit redactum, et quasi ovile sepibus sit diversis infidelium generibus circumseptum, utpote Ruthenorum, Brodnicorum a parte orientis; Bulgarorum et Boznensium hereticorum a parte meridiei etc.» [81]).

Еще въ 1227-мъ году папа Григорій IX поручилъ архіепископу Гранскому заботиться о распространеніи христіанства «in Cumania et Brodnic, terra illa vicina de cujus gentis conversione speratur» [82]), тогда какъ начальникъ нашихъ Бродниковъ Плоскиня цѣловалъ крестъ еще въ 1223-мъ году осажденному князю Мстиславу Кіевскому съ товарищами, даровать имъ свободу за выкупъ [83]). Хотя Плоскиня потомъ измѣнилъ своей клятвѣ, тѣмъ не менѣе видно, что онъ уже былъ христіаниномъ, разумѣется только для формы. Поелику же православіе должно было имѣть и искреннихъ послѣдователей, между его подданными, между тѣмъ какъ намѣстники св. Петра, въ своей нетерпимости, могли почитать «невѣрными» всѣхъ акатоликовъ, то нѣтъ причины усомниться въ родствѣ нашихъ Бродниковъ съ тѣми, которыхъ папы старались принять въ лоно римской церкви, тѣмъ болѣе что на основа-

---

[79]) Ibid. прим. 2017.

[80]) Образованіе втораго Болгарскаго царства. Одесса, 1879 стр. 035 съ слѣд.

[81]) Theiner, Vetera Monumenta historiam Hungariae illustrantia. Romae 1859, I, стр. 230.

[82]) Ibid. стр. 86.

[83]) Арцыбышевъ въ прив. соч. прим. 2017.

ніи свидѣтельства странствовавшаго монаха Рубруквиса[84]), между первыми находилось тогда уже много Русскихъ.

Къ русскимъ или по крайней мѣрѣ уже обрусѣвшимъ Бродникамъ могутъ быть отнесены казаки, поселившіеся въ Ахматовыхъ слободахъ, въ области Курской, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Каневъ, въ сосѣдствѣ коего они основали, въ 1282-мъ году, городъ Черкасскъ на Днѣпрѣ. По мнѣнію Карамзина[85]) это извѣстіе есть смѣлая выдумка Татищева и Болтина; но мнѣ кажется, что ошибка ихъ состоитъ развѣ въ томъ, что они Азовскихъ Черкесовъ приняли за Черкесовъ Пятигорскихъ. Первые по крайней мѣрѣ могли весьма легко быть переселены въ Курскъ Ахматомъ, другомъ Ногая, который, бывъ прежде воеводою ханскимъ, тогда уже единовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украйны и Екатеринославской губерніи до береговъ Чернаго моря[86]), успѣвши склонить на свою сторону туземцевъ: Алановъ, Зиховъ (Черкесовъ), Готовъ и Русскихъ[87]).

Потомками тѣхъ же Бродниковъ были вѣроятно Черкесы, съ которыми боролся Барбаро въ трехъ миляхъ отъ Таны[88]), равно какъ и Азовскіе казаки, о коихъ упоминается еще подъ 1499-мъ годомъ, какъ о союзникахъ хана Крымскаго[89]), и на коихъ еще въ 1516-мъ году жаловался царь Василій Іоанновичъ султану, ихъ верховному владѣтелю[90]). Вскорѣ однако казаки, болѣе и болѣе смѣшавшись съ обитавшими въ ихъ сосѣдствѣ съ давнихъ поръ Русскими, переходятъ подъ власть Россіи, строятъ крѣпости на Дону, въ томъ числѣ другой Черкасскъ[91]) и превращаются, наконецъ въ Донскихъ казаковъ. Признавая тождество сихъ послѣднихъ съ прежними ка-

---

[84]) Recueil de Voyages et de Mémoires de la Société de Géographie de Paris, T. IV, p. 242; ср. Карамзинъ, Ист. Г. Р. Т. II; прим. 302.

[85]) Ibid T. IV, прим. 167.

[86]) Ibid. стр. 79.

[87]) G. Pachymeris Hist., V, 4.

[88]) Библіотека иностр. писат. о Россіи С. II. 1836, т. I, 1 стр. 29.

[89]) Карамзинъ l. l. VI, прим. 495.

[90]) Ibid. VII. прим. 136.

[91]) Ibid. VIII, прим. 253.

заками Азовскими, Карамзинъ [92]) думаетъ, что послѣдніе были бѣглецами Россійскими, но доставивъ себѣ женъ изъ земли Черкесской, могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто азіатское въ наружности. Но для объясненія азіатскаго характера, отличающаго позднѣйшихъ Донскихъ казаковъ отъ другихъ Русскихъ, мнѣ кажется естественнѣе допустить, что первые не сочетались съ Черкешенками, недоступными для нихъ въ своихъ горахъ, но смѣшались съ Черкесами Азовскими, съ которыми ихъ соединялъ удобный водяной путь, и въ послѣдствіи ими неоднократно избираемый для выѣздовъ на морскіе поиски. Ибо устье Дона, такъ какъ и Днѣпровскій лиманъ, охранялось турецкою стражею, а въ добавокъ къ тому близъ Азова чрезъ рѣку протянуты были цѣпи. Удальцы, поднявшись вверхъ по Донцу, переводили челны свои на Міусъ и сею рѣкою выходили въ море [93]).

Къ востоку отъ этой рѣки, въ окрестностяхъ нынѣшняго Таганрога, морскія карты XIV-го и XV-го столѣтій ставятъ имя *cabardi*. Это имя, напомнившее графу Потоцкому [94]) Кабаровъ Константина Порфиророднаго, придаетъ еще болѣе вѣса мнѣнію, что послѣдніе были Черкесы. Дѣйствительно, императоръ, не опредѣляя мѣстности, откуда переселились его Кабары, не мѣшаетъ намъ предположить, что они пришли изъ Кабарды на Кавказѣ, или же съ береговъ рѣки Кабарды въ Крыму, куда, по древнему преданію, предки князей Кабардинскихъ переселились изъ Аравіи [95]). Достовѣрно можно сказать, что и нынѣ еще въ Крыму видны развалины замка, названнаго Черкесъ-Керменъ, между тѣмъ какъ область, заключенная между рѣками Качею и Бельбекомъ, верхнее теченіе коего названо Кабарда, извѣстна была еще недавно подъ именемъ Черкесъ-ташъ, или равниною Черкесовъ [96]). Область эта, по-

[92]) Ibid. VIII, стр. 86.

[93]) Вопланъ, Опис. Украины, стр. 154.

[94]) Voyage dans les steps d'Astrakhan; II, стр 367.

[95]) Ibid. I, стр. 155; ср. Defrémery, Fragments de géogr. et d'historiens arabes et persans inédits, Paris, 1849, стр. 233.

[96]) Potocki, l. l. I, стр. 158, прим. Клапрота.

добно землѣ Черкесовъ кавказскихъ, была подвластна Хазарамъ въ то время, когда Кабары переселились на западный берегъ Азовскаго моря, между тѣмъ какъ земляки ихъ оставались въ прежнихъ своихъ жилищахъ, гдѣ они легко могли столкнуться съ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Въ пользу мнѣнія, что Касоги или Черкесы, съ которыми онъ боролся, принадлежали къ колѣну Кабаровъ, могло-бы служить то обстоятельство, что извѣстный бояринъ *Хабарг* Симскій велъ свой родъ отъ Редеди, князя Касоговъ, побѣжденнаго княземъ Тмутороканскимъ [97]).

Но, скажутъ мнѣ вѣроятно, императоръ Константинъ прямо говоритъ, что Кабары не только были подвластны Хазарамъ, но что они сами были Хазары. На это возраженіе я могъ бы отвѣчать, спрашивая въ свою очередь: развѣ Черкесы не могли принадлежать къ числу колѣнъ хазарскихъ? Для оправданія сего вопроса я сказалъ бы, что ученые донынѣ расходятся въ мнѣніяхъ касательно происхожденія Хазаръ, но что, во всякомъ случаѣ, различали между ними въ X-мъ вѣкѣ два рода: одни, названные Кара-Джуръ (Хазары) были цвѣта столь смуглаго, что казались черными; другіе были бѣлы, прекрасны и стройны [98]). Если положить, что послѣдніе были Черкесы, то объяснилось бы, почему хазарскіе цари, до перенесенія своей столицы въ городъ Итиль на Волгѣ, имѣли свою резиденцію въ Беленджерѣ, лежавшемъ, какъ думаютъ, между Волгою и Кавказомъ, при входѣ въ ущелье, на сѣверной сторонѣ сихъ горъ [99]). Также объяснилось бы, на какомъ основаніи Гаджи-Хальфа [100]) могъ сказать, что нѣкоторые обычаи Черкесовъ сходны были съ еврейскими, и что ихъ самихъ считали потомками трехъ колѣнъ Израильтянъ, поселившихся въ ихъ странѣ. Наконецъ мы узнали бы причину, почему у казаковъ могло сохраниться

---

[97]) Карамз. I. I. VII, прим. 224.

[98]) Mordtmann, l. l. стр. 105.

[99]) Reinaud, Géographie d'Aboulféda II, p. 326, примѣч. 2.

[100]) См. привед. статью Березина, въ Ж. М. Н. П., Май, 1855, стр.100.

преданіе, что они прежде назывались Хазарами[101]), тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что они обязаны, если не происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ именемъ, Черкесамъ, коихъ нынѣ еще Осетинцы и Мингрельцы. называютъ Казаками[102]), и въ коихъ нельзя не узнать потомковъ обитателей Касахіи императора Константина, Кешеховъ арабскихъ писателей и Касоговъ Нестора.

Утвердившись въ сосѣдствѣ сихъ послѣднихъ, Русскіе еще гораздо болѣе прежняго должны были дорожить Азовскимъ моремъ, представлявшимъ имъ гораздо кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Тмуторокани въ Кіевъ, нежели Черное море съ Днѣпромъ. Если-же, въ суровое зимнее время, оба моря были недоступны для нашихъ предковъ, то они все еще могли сообщаться съ дальнею своею колоніею посредствомъ Арабатской стрѣлки, которую имѣлъ въ виду раввинъ Петахія, когда онъ, въ описаніи своего путешествія изъ Кіева въ Хазарію (въ 1175-мъ году), говоритъ, что за Днѣпромъ путь его пролегалъ между двумя озерами или морями, изъ коихъ одно (Гнилое море или Сивашъ) далеко распространяло мефитическій запахъ, который даже могъ причинить внезапную смерть, если вѣтеръ дулъ съ этого озера[103]).

Обстоятельство, пугавшее странствующаго еврея, безъ сомнѣнія, не могло мѣшать Русскимъ слѣдовать симъ же путемъ въ случаѣ надобности. Такая едва-ли не представлялась для Мстислава, когда онъ, въ 1023-мъ году, отправился изъ Тмуторокани противъ Ярослава съ *Хазарами и Касогами*, составлявшими вѣроятно его конницу. Должно думать по этому, что она выступила въ походъ по Арабатской стрѣлкѣ, и что князь охотнѣе довѣрялъ ладьи съ своею дружиною Азовскому морю, нежели Черному, чтобы не раздѣлять свои силы. Извѣстно, что вслѣдствіе договора Городецкаго, заключеннаго между обоими братьями въ 1025-мъ году, Тмуторокан-

[101]) Маркевичъ, Ист. Малороссіи, М. 1842, IV 316, сравн. Ист. о Казакахъ Запорожскихъ. Одесса, 1832 стр. 3.

[102]) D'Ohsson, Des peuples du Caucase. p. 185.

[103]) Lelewel, Géogr. du Moyen-âge, III и IV, 202.

ская область осталась въ связи съ Черниговскимъ княжествомъ, лежавшимъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Посему самому не удивительно, что звеномъ соединившимъ область съ княжествомъ, было не Черное море, но Азовское, съ тѣмъ только различіемъ противъ прежняго, что туда Русскимъ удобнѣе было отправляться уже не Самарою и Кальміусомъ, но внизъ по Донцу до того мѣста, гдѣ изъ него въ послѣдствіи Донскіе казаки переносили свои ладьи на Міусъ, какъ выше было замѣчено. На то, что дѣйствительно этимъ путемъ нѣкогда отправлялись въ Тмуторокань, намѣкаютъ слѣдующія слова поэта, столь изящно описавшаго злосчастный походъ Сѣверскихъ князей внизъ по Донцу: «Се бо два сокола слетѣша съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя» [104]).

Подобно сему граду, лежавшій на противуположной сторонѣ пролива городъ Корчевъ, или нынѣшняя Керчь, принадлежалъ, вѣроятно, къ числу городовъ Тавриды, присоединенныхъ къ Россіи Владиміромъ Великимъ. Въ противномъ случаѣ царица Анна не отправилась бы моремъ изъ Херсона въ Корчевъ, какъ сказано въ легендѣ, въ которой, по весьма правдоподобному мнѣнію г. Куника [105]), имя супруги равноапостольнаго князя соединено ошибочно съ описаніемъ чуда, совершившагося въ Амастридѣ и перенесеннаго также ошибочно въ Крымъ. Что городъ Керчь дѣйствительно принадлежалъ Русскимъ въ 1068-мъ году, тому служитъ доказательствомъ извѣстная надпись на мраморномъ камнѣ, найденномъ въ 1792 году въ Тамани: «въ лѣто 6576, индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Крчева 10,000 и 4,000 сажень» [106]). Впрочемъ кажется, что Русскіе еще владѣли первымъ городомъ, когда у нихъ уже была отнята Керчь (Половцами). Ибо мы узнаемъ отъ Эдриси, что Матрахи, явно соотвѣтствовавшая нашей Тмуторокани, отстояла въ двадцать миль (арабскихъ) отъ устья

[104]) Русск. Историч. Сборникъ, III стр. 117.

[105]) Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, 343 seq.

[106]) Буткова, Извѣст. о Тмуторокани, въ извѣстіяхъ Археолог. Общества. II, стр. 280.

Русской рѣки и что ея жители весьма храбрые постоянно воевали съ жителями Русскаго города, лежавшаго въ 27-ми миляхъ отъ Матрахи, при устьѣ Русской рѣки [107]). Ясно, что Эдриси здѣсь подъ устьемъ Русской рѣки разумѣлъ Керченскій проливъ, а не устье Дона въ Азовское море, какъ полагаетъ французскій переводчикъ Абуль-Феды, а по сему самому ошибочно перемѣщаетъ Русскій городъ Эдриси изъ Керчи въ Азовъ [108]).

Мнѣніе это г. Гейдъ, въ прекрасной статьѣ о колоніяхъ итальянскихъ въ Византійской имперіи [109]), надѣялся утвердить тѣмъ, что на морскихъ картахъ XIV столѣтія отмѣчено въ окрестностяхъ нынѣшняго Азова: casal de rossi. Ибо это селеніе, будучи основано, по свидѣтельству Рубруквиса, русскими людьми по приказанію Батыя и Сартака [110]), не можетъ служить доказательствомъ, что на томъ-же самомъ мѣстѣ находился Русскій городъ Эдриси, признанный г. Гейдомъ тождественнымъ съ городомъ Россія (rossia), къ которому (равно какъ и къ Матерхи) Генуэзцы обязались не приставать по договору, заключенному съ Греками въ 1170-мъ году.

Справедливость требуетъ здѣсь замѣтить, что г. Гейдъ [111]) теперь уже отказывается отъ прежде имъ признаннаго тождества «русской» деревни Рубриквиса съ «casal de Rossi» итал-

[107]) Jaubert. Géographie d'Edrisi. Par. 1836, II стр. 401. Здѣсь переводчикъ, послѣ словъ: De Rousia à la ville de Bouter, 20 milles, прибавляетъ отъ себя: Notre auteur ajoute, sans doute par erreur, qu'il a déjà été question de ce lieu ainsi que du précédent. Но здѣсь ошибается не авторъ, но его переводчикъ, потому что самъ, на стр. 395, говоритъ отъ имени перваго: De Soldadia à Boutra. 20 milles; de Boutra à l'embouchure du fleuve de Russie 20 milles. De cette embouchure à Matrakha, 20 milles. Растояніе Матрахи дѣйствительно долженствовало быть меньше отъ устья Русской рѣки, нежели отъ города, лежавшаго на противоположной сторонѣ сего устья.

[108]) Reinaud, Géogr. d'Aboulféda, II, 320 примѣч. 3.

[109]) Die Anfänge der italienischen Handelscolonien im byzantinischen Reich, въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Tübingen, 1858 XIV, 695.

[110]) Recueil de Voyages et de Mémoires, IV. pag. 249: In illo loco (выше дельты Дона) fecerunt Baatu et Sartach fieri quoddam casale de Rutenis in ripa orientali. qui transferunt nuncios et mercatores cum naviculis.

[111]) Heyd, Gesch. des Levanthandels im M. A., 1879 стр. 228.

янскихъ картъ и въ тоже время готовъ допустить, что въ своемъ декретѣ 1170 года императоръ Мануилъ подъ словомъ «Ρωσία» вовсе не разумѣлъ городъ, но страну, «Land der Russen». Въ предположенное же мною тождество города Rusia арабскаго географа съ Керчью онъ не хочетъ вѣрить, на томъ основаніи, что городъ этотъ, принадлежавшій явно, вопреки мнѣнію Гейда, Русскимъ въ XI вѣкѣ (см. выше стр. 197), никогда не означался ихъ именемъ ни прежде, ни послѣ временъ Эдриси, и что послѣдній только по какому нибудь недоумѣнію примѣнилъ къ окрестностямъ Керчи названіе *Русской рѣки*, устьемъ которой онъ дѣйствительно считалъ Керченскій проливъ.

Кажется однако, что не одинъ только Эдриси къ лежащему на западной сторонѣ Воспора Киммерійскаго городу примѣнилъ названіе Русскаго. По крайней мѣрѣ достопочтенный библіотекарь Штутгартскій мнѣ позволитъ искать на мѣстѣ древняго Пантикапеона тотъ Русскій городъ, который, по Ибнъ-Саиду, лежалъ къ западу отъ озера Тумы или Терми, какъ его называетъ Эдриси. Не сомнѣваясь, что подъ этими именами разумѣется одно и тоже озеро, французскій переводчикъ Абуль-Феды считаетъ его, подобно Лелевелю [112]), за вымыселъ восточной фантазіи, не подозрѣвая, что въ обоихъ именахъ скрывается итальянское названіе Азовскаго моря: lago di Tana, какъ еще предполагалъ Френъ [113]). Согласно съ этимъ названіемъ Рубруквисъ (l. l. стр. 216) могъ сказать: Cassaria cingitur ad orientem mari Tanais, а не Maritandis или Maricandis, какъ думаетъ д'Авзакъ. Что дѣйствительно озеро Терми должно было совпадать съ лиманомъ Танаиса, явствуетъ между прочимъ изъ того, что первое, по Эдриси [114]) имѣло въ длину 300 миль при ширинѣ 100 миль, и что такова именно была величина Меотійскаго озера, по измѣренію Масуди [115]). Правда, по словамъ Ибнъ-Саида, озеро Тума

[112]) Géographie du Moyen âge, III и IV стр. 183; Géogr. d'Aboulféda II, стр. 289.

[113]) Ibn-Foszlans und and. Araber Berichte, стр. 31, прим. 2.

[114]) Jaubert, Géogr. d'Edrisi, II, стр. 405.

[115]) Reinaud, Géogr. d'Aboulféda, I p. CCLXXXVII.

вышло бы въ двое болѣе; но эта разница не заставляетъ меня усомниться въ тождествѣ того озера съ Азовскимъ моремъ, подобно тому какъ оно не мѣшало помянутымъ ученымъ видѣть въ первомъ озеро Терми Эдриси. Вѣроятно ихъ къ тому побудило замѣченное ими сходство подробностей, сообщенныхъ Эдриси касательно острова, находящагося въ озерѣ Терми, съ тѣми, которыя Ибнъ-Саидъ относитъ къ острову же, омываемому озеромъ Тума.

Вотъ что говоритъ Эдриси: «Множество рѣкъ вытекаютъ изъ горъ (въ Россіи) и теряются въ озерѣ Терми, весьма значительномъ, среди котораго есть высокая гора, въ которой водятся дикія животныя, называемыя фебръ. Большая часть сего озера зависитъ, съ восточной стороны, отъ Команіи» [116]).

Въ свою очередь Ибнъ-Саидъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ серединѣ озера (Тумы) есть островъ Бебръ, имѣющій около 150-ти миль въ длину и 70-ти въ ширину. Тамъ на высокой горѣ находится замокъ Манія (Мангупъ?). Нѣкогда онъ служилъ хранилищемъ для сокровищъ султана Туманіевъ. Нынѣ-же въ немъ хранятся сокровища преемниковъ Берке. Островъ этотъ названъ Бебръ, по барсамъ, которые тамъ водятся. Это животное, похожее на льва, силою и... походитъ на леопарда. Говорятъ, что барсъ происходитъ изъ ихъ смѣшенія. Озеро Тума принимаетъ множество рѣкъ; по Бейгеки ихъ число доходитъ до ста» [117]).

Подобно Френу [118]), Лелевель [119]) убѣжденъ въ томъ, что имя фебръ, или бебръ, заимствовано отъ Славянъ и означаетъ здѣсь бобра. Но оба знаменитые оріенталисты не догадываются, на какой горѣ или на какомъ островѣ это животное было отыскано арабскими географами. Если-же имѣть въ виду, что ихъ соотечественники однимъ и тѣмъ-же словомъ (джезира) означаютъ островъ и полуостровъ, то можно сказать положи-

---

[116]) Jaubert, l. l II стр. 434.
[117]) Reinaud, l. l. II стр. 322.
[118]) Ibn-Foszlans Berichte etc. стр. 57.
[119]) Géogr. du M. âge, III и IV стр. 183.

тельно, что они здѣсь говорятъ о полуостровѣ Таврическомъ, гдѣ на горахъ нынѣ еще встрѣчаются дикія козы и гдѣ въ старину, скорѣй могли водиться бобры, чѣмъ львы и барсы, о коихъ разсказываетъ Ибнъ-Саидъ, которому въ этомъ случаѣ г. Рено напрасно довѣряетъ на томъ основаніи, что царскій тигръ нынѣ еще попадается въ Сибири.

Что дѣйствительно съ горою Ибнъ-Саида, равно какъ и съ островомъ Эдриси, соединяются понятія, хотя не ясныя, о Крымѣ, въ томъ убѣждаетъ меня еще болѣе то, что оба писателя вовсе не упоминаютъ объ этомъ краѣ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, между тѣмъ какъ на картѣ Эдриси нѣтъ вовсе другихъ слѣдовъ Азовскаго моря и Крыма, такъ что имена разныхъ мѣстностей южнаго его берега въ ней отмѣчены прямо на сѣверномъ берегу Чернаго моря, до самаго устья Русской рѣки.

Если-же Эдриси устьемъ сей рѣки считалъ Керченскій проливъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, будто бы верхняя часть ея должна была непрѣменно совпадать съ Дономъ, какъ обыкновенно думаютъ. Лелевель въ своемъ сочиненіи не отклоняется отъ сего мнѣнія, но тѣмъ не менѣе въ портуланѣ[120]) произносится въ пользу тождества Русской рѣки Эдриси съ Міусомъ.

Что по воззрѣніямъ арабскаго географа верхняя часть Русской рѣки не могла совпадать съ Дономъ, видно изъ того, что онъ, подобно другимъ арабскимъ авторамъ, считалъ Донъ западнымъ рукавомъ Волги или Итиля.

Подъ Русскою же рѣкою онъ долженъ былъ разумѣть уже не Міусъ, но Кальміусъ, такъ какъ другъ Рожера Сицилійскаго легко могъ получить отъ нормандійскихъ его сподвижниковъ обстоятельныя свѣдѣнія о пути, которымъ родичи ихъ предковъ отправлялись изъ Кіева въ Азовское море. Кажется, что по сей именно причинѣ это море, которое Эдриси, по

---

[120]) Atlas de la Géogr. du M. âge.

другимъ источникамъ, превращаетъ въ озеро Терми, въ одномъ мѣстѣ его сочиненія названо Русскимъ моремъ. Ибо не къ Черному, но къ Азовскому морю относится его замѣтка, что растояніе между Русскимъ моремъ и Трапезунтомъ составляло пять дней пути, равняющимся 500 арабскимъ милямъ, или около 800 нашихъ верстъ[121]). По симъ же причинамъ, замѣчаніе его, что Днѣпръ протекалъ къ востоку отъ озера Терми, заставляетъ думать, что онъ рукавомъ Днѣпра считалъ Кальміусъ, или Русскую рѣку, которую также, вѣроятно, имѣлъ въ виду Ибнъ-Саидъ, когда говоритъ, что Днѣпръ протекалъ чрезъ озеро Туна[122]).

Можетъ быть подобныя же понятія побудили Нестора сказать, что Днѣпръ изливался тремя устьями въ Русское море[123]), подъ которымъ онъ разумѣлъ не только море Черное, но также Азовское, вовсе имъ не упомянутое отдѣльно. До сказанныхъ трехъ устьевъ доходили можетъ быть извѣстные по лѣтописямъ водяные пути: греческій, соляный и залозный[124]). Никто не сомнѣвается въ томъ, что «греческій путь», подробно описанный еще Несторомъ, велъ изъ Кіева внизъ по Днѣпру до устья сей рѣки и потомъ далѣе Чернымъ моремъ въ Грецію. Но за то ученые наши различнымъ образомъ стараются объяснить значеніе словъ «соляный и залозный», или «солоны и залозы», какъ читается въ иныхъ спискахъ. По мнѣнію Карамзина Солоны и Залозы были мѣста по Днѣпру на югъ отъ Кіева[125]). Арцыбышевъ напротивъ того, полагая что «залозами» ошибочно названы суда, приплывшія изъ за-Олешья, думаетъ, что «солоны» значатъ барки съ солью, приходившія изъ крымскихъ солончаковъ, куда по приведенному имъ свидѣтельству Рубруквиса ѣздили за солью отвсюду изъ Россіи[126]).

---

[121]) Jaubert, etc. II, 394.
[122]) Reinaud, l. l. 288 прим. 2.
[123]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I стр. 3.
[124]) Ibid. II. стр. 97.
[125]) И. Г. Р. II. прим. 419.
[126]) Повѣств. о Россіи, II, прим. 1146.

«Пріѣзжаютъ», продолжаетъ посланникъ Святаго Людовика, «не только сухимъ путемъ, но на судахъ»[127]). Но покуда не докажутъ, что у Русскихъ были тогда особаго рода барки, названныя солонами, мнѣ кажется проще держаться мнѣнія, что путь этотъ названъ соляным потому, что велъ къ солончакамъ, откуда Русскіе брали соль, и къ которымъ могли принадлежать не только Перекопскія, или такъ называемыя *Внѣшнія* соляныя озера, но и лежащія *внѣ* Таврическаго полуострова Геническія и Бердянскія. Нельзя будетъ отрицать, что кратчайшій путь, которымъ лодки съ солью могли быть отправляемы изъ этихъ озеръ въ Русь, пролегалъ чрезъ Молочну, а оттуда волокомъ въ Московку, притокъ Днѣпра, вышедшій, по Мышецкому, изъ степи близъ Молочныхъ водъ[128]). Но такъ какъ симъ путемъ Русскіе всетаки не миновали-бы Пороговъ, то мнѣ кажется, что соляный путь велъ изъ сказанныхъ озеръ въ Кальміусъ, а оттуда *волокомъ* по долинамъ его притока Солоной и другой рѣчки того-же имени, изливающейся въ Волчью-воду[129]).

Чтоже касается третьяго пути, то онъ, по мнѣнію, впервые высказанному г. Ламанскимъ[130]), велъ на Кавказъ, между тѣмъ какъ г. Соловьевъ[131]), отвергая вышеприведенное мнѣніе Арцыбышева, подобно Карамзину, ищетъ «залозы» при нижнемъ Днѣпрѣ. По его мнѣнію это слово, или залозы, означало покрытый тростникомъ или лозами берегъ сей рѣки, гдѣ Русскіе ловили рыбу и потомъ въ извѣстное время поднимались съ нею вверхъ по Днѣпру; «иначе», замѣчаетъ онъ, «трудно будетъ отыскать еще какой-нибудь третій путь по Днѣпру, кромѣ торговаго греческаго и потомъ соляного изъ Крыму». Но почему же этотъ путь непремѣнно долженъ былъ пролегать *весь* по Днѣпру и не могъ вести изъ него въ ка-

---

[127]) Recueil de Voyages etc. IV, 219.
[128]) Ист. о Казакахъ Запор. стр. 60.
[129]) Зап. Одесск. Общ. III стр. 291 и IV стр. 360.
[130]) О Славянахъ въ Малой Азіи и проч. стр. 68 прим 1.
[131]) Ист. Росс. съ древн. вр. I прим. 312.

кую-либо другую рѣку, напр. въ Бѣлозерку [132]) и оттуда волокомъ въ Каланчакъ, изливающійся въ Перекопскій заливъ, гдѣ Русскіе столь же хорошо могли заниматься рыбною ловлею, какъ у покрытаго тростникомъ или лозами берега Днѣпра. Отмѣченныя на итальянскихъ картахъ имена Варанголимена и Россофаръ [133]) свидѣтельствуютъ, что заливъ этотъ былъ посѣщаемъ Варягороссами, между тѣмъ какъ путь, которымъ они туда отправлялись узнается изъ имени isola rossa, которое на тѣхъ же картахъ носитъ нынѣшній островъ Карабай, лежащій предъ устьемъ Каланчака. Залознымъ путь этотъ могъ быть названъ потому, что пролегалъ за лозами долины Днѣпра.

Мнѣніе здѣсь изложенное не покажется слишкомъ смѣлымъ, если взять во вниманіе, что на генуэзской картѣ 1447 года [134]) Днѣпръ изображенъ еще изливающимся однимъ рукавомъ въ Черное море, а другимъ въ Азовское, тогда какъ въ другихъ картахъ XIV и XV столѣтій на западномъ берегу сего моря читается приписка: rosso или fl. rosso. По мнѣнію графа Потоцкаго [135]), это имя означало рѣку Кальміусъ, вмѣсто котораго всѣ почти новѣйшіе изслѣдователи (Тетбу de Мариньи, Чертковъ, Лелевель, Де-ла-Примодэ и др.) ставятъ Міусъ. Но такъ какъ никто изъ нихъ не говоритъ о причинахъ, побудившихъ ихъ отклониться отъ мнѣнія ученаго графа, между тѣмъ какъ нельзя безусловно положиться на точность средневѣковыхъ картъ, то намъ позволено будетъ держаться мнѣнія графа, тѣмъ болѣе, что fl. rosso Итальянцевъ, вѣроятно, совпадалъ съ Русскою рѣкою Эдриси, признаваемою нами тождественною съ Кальміусомъ.

Къ востоку отъ fl. rosso слѣдуетъ на картѣ 1408 года «passiuci», превращенное на картѣ 1436 года въ pasque; за

---

[132]) См. Мышецкій, Ист. о Казак. Запор.

[133]) См. выше: „Берегъ Чернаго моря и пр.

[134]) Nachtrag zum VI und VII J. B. des Vereins für Erdkunde zu Dresden; ср. Lelewel, Epilogue etc

[135]) Mém. sur un nouveau périple du P. E., въ Voyage dans les steps d'Astrakhan, изд. Клапрота, II, 367.

тѣмъ слѣдуетъ на всѣхъ картахъ имена paracomi или paracomo, lo cachi, съ варіантами: lo chichi и locaq и pallastra или palastra. По свидѣтельству Барбаро [138]) мѣстность означавшаяся послѣднимъ названіемъ находилась въ 120 миляхъ отъ Таны или Азова, вверхъ по Дону, стало быть въ окрестностяхъ Стараго Черкасска, гдѣ по мнѣнію Карамзина (VII, 139; изд. Эйнерлинга) долженъ былъ находиться и Герберштейновъ городъ Ахасъ.

Если же направимся къ западу отъ Стараго Черкасска въ прямомъ протяженіи 120-ти миль (итальянскихъ), то дойдемъ до окрестностей Маріуполя, въ сосѣдствѣ котораго до нынѣ сохранились развалины, означающіе, какъ думаютъ, мѣсто гдѣ находился нѣкогда казацкій городъ Домаха или Адамаха [139]). По картѣ Риччи Цаннони здѣсь же находился въ послѣдствіи городъ Бѣлосарай, по которому и близлежащая коса была названа Бѣлосарайскою.

По свидѣтельству Тетбу [140]) коса эта нынѣ еще извѣстна итальянскимъ и греческимъ морякамъ подъ названіемъ Болестра, явно тождественнымъ съ именемъ palastra прежнихъ морскихъ картъ, чѣмъ и доказывается, что ими сіе есть ничто иное, какъ исковерканное иностранными моряками туземное названіе Бѣлосарайской косы.

Если-же, какъ должно думать, въ отмѣченномъ между косою и рѣкою «locachi» намъ представлялось бы имя города, то подтвердилось бы мнѣніе Ламанскаго [141]), что Френъ ошибся, полагая будто-бы Ибнъ-Батута имѣлъ въ виду городъ *Окакз* или Укекъ на Волгѣ, когда говоритъ о городѣ сего имени, въ который онъ заѣхалъ въ своемъ путешествіи изъ Астрахани въ Судакъ, и который, по его словамъ, находился на разстояніи 10-ти дневняго пути, какъ отъ послѣд-

---

[138]) Библіот. иностр. писат. о Россіи, I, 1 14 и 21.
[139]) Зап. Одесск. Общ. I, 201; ср. III, 293.
[140]) Pilote de la mer Noire, 1850, стр. 112.
[141]) О Славянахъ въ М. Азіи, 80 и зам. 89.

няго города, такъ и отъ Сарая[142]). Дѣйствительно, этотъ городъ Окакъ находился бы на серединѣ разстоянія между Сараемъ и Судакомъ, если-бы онъ занималъ то мѣсто, гдѣ на итальянскихъ картахъ отмѣчено имя lo cachi или locaq, вмѣсто котораго мы по аналогіи съ многими другими именами, имѣли бы полное право читать l'Ocachi или l'Ocaq. Въ пользу мнѣнія, что здѣсь именно находился городъ Окакъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута, можетъ служить и то обстоятельство, что этотъ городъ находился на растояніи дневнаго пути отъ Русскихъ горъ[143]), и что арабскій путешественникъ легко могъ разумѣть подъ этимъ именемъ ту мѣстность, откуда вытекала Русская рѣка, изливавшаяся въ море не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, названнаго современными съ нимъ Итальянцами locachi или locaq. По сему самому не могу не признать справедливымъ мнѣніе г. Ламанскаго, что Русскія горы, которыя имѣлъ въ виду Ибнъ-Батута, не могли быть Змѣиныя, но были—Донецкій кряжъ[144]). Съ другой стороны я не могъ убѣдиться въ томъ, будтобы въ этомъ кряжѣ тогда находились серебряные рудники, какъ старался показать г. Ламанскій. Попытку эту я считаю даже лишнею для оправданія словъ Ибнъ-Батуты. Изъ приведеннаго самимъ г. Ламанскимъ мѣста изъ французскаго перевода его сочиненія видно, что онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что въ этихъ именно горахъ находились серебряные рудники. Упомянувъ сначала о горахъ Русскихъ, Батута переходитъ къ описанію характера и наружности нашихъ предковъ, не слишкомъ для нихъ лестному, а потомъ уже говоритъ, что у нихъ имѣются серебряные рудники. Стало быть они могли находиться и въ другихъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества, изъ котораго, какъ онъ продолжаетъ, привозили саумы, т. е. слитки серебра, служившіе въ немъ для покупокъ и для размѣна. Каждый изъ

---

[142]) Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sc. de Pétersb. VI Serie, III p. 73—89.

[143]) Defrémery, Fragments etc. p. 199.

[144]) О Славянахъ въ М. Азіи, въ приведенн. мѣстахъ.

этихъ слитковъ вѣсилъ пять унцій, а посему былъ ничто иное какъ старинный нашъ рубль, вѣсившій, какъ извѣстно, отъ 22-хъ до 24-хъ золотниковъ [145]).

Предоставляя оріенталистамъ объяснить значеніе слова «саумъ», въ единственномъ числѣ саума, я замѣчу кстати, что оно вѣроятно находится въ связи съ греческимъ словомъ σῆμα (знакъ), отъ котораго обыкновенно производятъ византійское ἀσήμιν или ἀσάμιν, серебро [146]). Въ свою очередь монгольское «саума» могло подать поводъ Итальянцамъ, поселившимся на берегахъ морей Чернаго и Азовскаго, принять названіе soma для означенія серебряныхъ слитковъ, которые въ ихъ колоніяхъ понтійскихъ служили мѣриломъ цѣнностей и заключали въ себѣ около 200 аспровъ, хотя, разумѣется, вѣсъ ихъ не вездѣ и не всегда былъ одинаковый. Такъ напр. сомы, бывшіе въ употребленіи въ Каффѣ вѣсили $8^1/_2$ унцій, между тѣмъ какъ тѣ, которые были въ ходу въ Танѣ, имѣли вѣсомъ 45 саджій [147]), равнявшихся $7^1/_2$ венеціанскихъ унцій [148]).

По свидѣтельству Пеголотти, Итальянцы за подобные слитки покупали въ Китаѣ шелковые и другіе товары, которые потомъ развозили въ разныя страны, подобно тому какъ они ихъ съ давнихъ поръ снабжали богатыми произведеніями Индіи.

Складочнымъ мѣстомъ для этихъ товаровъ былъ тогда городъ *Тана*, гдѣ его современникъ Ибнъ-Батута засталъ большое число генуэзкихъ и другихъ купцовъ. Въ числѣ послѣднихъ преобладали, вѣроятно, Венеціанцы, такъ какъ они, по его выѣздѣ изъ Азака получили даже право учредить тамъ постоянную контору по договору, ими заключенному съ ханомъ Узбекомъ въ 1333 году. Изъ Таны предпріимчивые Итальян-

[145]) Карамзинъ, И. Г. Р. IV, примѣч. 250. Ср. Yule, Marco Polo, 2 изд. II, 488.

[146]) Ducange, Glossarium Graecitatis. I, col. 139.

[147]) Pegolotti, Della pratica della Mercatura etc. въ прив. сот. De la Primaudaie стр. 318.

[148]) Bürck: Die Reisen des Ven. M. Polo. Leipz. 1845 стр. 272.

цы проложили себѣ новые пути до столицы Поднебеснаго царства, что имъ не помѣшало заниматься при случаѣ поисками на Каспійскомъ морѣ, куда проникали тѣмъ же путемъ, которымъ слѣдовали Росы въ приведенномъ походѣ 913 года, какъ оказывается изъ слѣдующихъ словъ современнаго писателя[149]) о подобномъ предпріятіи состоявшемся въ 1374 году во время войны съ Татарами: Lucchinus Tarigus, Januensis, cum certis aliis, omnes inopes, recesserunt de Caffa cum una fusta armata et intraverunt in flumen Tanai, super quo iverunt usque in illum locum ubi dictum flumen est vicinum flumini Edil per milliaria 60, et ubi de flumen ad flumen per terram portaverunt dictam fustam, et per dictum flumen Edil intraverunt in mare de Bacu, in quo mari multa navigia acceperunt и проч. Хотя послѣ разграбленія Таны Тамерланомъ сношенія Итальянцевъ, туда возвратившихся, съ отдаленнымъ Востокомъ не были возстановлены въ прежнемъ объемѣ, но за то коммерческіе ихъ обороты въ этомъ портѣ были поддерживаемы отпускомъ туземныхъ произведеній въ разныя страны, въ особенности рыбы, пока ихъ поселеніямъ въ южной Россіи не былъ нанесенъ окончательный ударъ утвержденіемъ власти Порты на моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Но за то, на этомъ поприщѣ вскорѣ спустя явились новые искатели «добычи и славы», подвигами своими напоминавшіе время, въ которомъ Царьградъ, въ первый разъ, былъ приведенъ въ трепетъ именемъ Русскихъ. Что казаки дѣйствительно гораздо прежде временъ Боплана отправлялись на поиски не только изъ Чернаго моря, но также изъ Азовскаго, явствуетъ между прочимъ изъ подвига, совершеннаго Михаиломъ Черкашенинomъ въ 1556-мъ году. Послѣдній, въ бытность дьяка Ржевскаго предъ крѣпостью Исламъ-керменъ на Днѣпрѣ, проѣхалъ Міусомъ (т. е. Кальміусомъ) и моремъ, разорилъ *Керченскія мѣста* и явился назадъ счастливо.

---

[149]) Annali di Geogr. II, 2 стр. 289 прим. у De la Primaudaie, l. l. 114 прим. 2.

По мнѣнію Арцыбышева[150]), которое я полагаю весьма вѣроятнымъ, Черкашенинъ былъ тотъ самый атаманъ Михаилъ Есковичъ, который незадолго передъ тѣмъ находился предъ Исламъ-керменемъ, съ своими 300-ми Черкасами Каневскими, если позволено будетъ такимъ образомъ понимать, съ Арцыбышевымъ, слово Черкасоневскимъ или Черкасъ Невскихъ, которое читается, по лѣтописямъ, въ донесеніи Ржевскаго. Но, въ этомъ случаѣ, ближайшій путь, которымъ атаманъ могъ перебраться съ своими сподвижниками и лодками изъ Днѣпра въ Кальміусъ, пролегалъ, безъ сомнѣнія, вверхъ по Самарѣ и Волчьей, которая, именемъ своимъ, присвоеннымъ ей въ старину Славянами, обязана, быть можетъ, не хищнымъ животнымъ, которыя и нынѣ еще повсюду водятся въ нашихъ степяхъ, но той особенности, что по ней именно соотечественники и, можетъ быть, даже потомки древнихъ Улучей поднимались до *волока*; гдѣ взорамъ ихъ представлялось завѣтное Лукоморье.

---

[150]) Повѣств. о Россіи, Т. II, кн. IV, стр. 248 и пр. 1502.

VIII.

Обмелѣніе Азовскаго моря[1]).

Въ помѣщенной выше статьѣ «О слѣдахъ древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море», я старался доказать, что въ имени *palastra* (pallastra, polastra), отмѣченномъ на картахъ Азовскаго моря, начертанныхъ къ концу среднихъ вѣковъ, скрывается названіе мѣстности, по которой находящаяся къ западу отъ Маріуполя коса называется «Бѣлосарайскою», тогда какъ у итальянскихъ и греческихъ моряковъ она нынѣ еще называется Bolestra[2]).

Здѣсь должна была также находиться гавань *Палестра* (какъ явствуетъ уже изъ большаго сходства сего имени съ именемъ palastra), отмѣченная на западномъ берегу Азовскаго моря въ атласѣ, принадлежащемъ къ сочиненію извѣстнаго путешественника Шардена, который въ самомъ сочиненіи замѣчаетъ, что въ этой гавани останавливались, въ его время (1672), большія суда, которыя по причинѣ мелководія Дона не могли войти въ эту рѣку.

---

[1]) Статья эта была впервые напечатана въ Journal d'Odessa, 19 іюня 1862 года, подъ заглавіемъ: Quelques remarques à propos du rapport d'une commission d'académiciens de St. Pétersbourg sur la prétendue diminution de la mer d'Asof. Затѣмъ помѣщена была въ русск. переводѣ въ V т. Зап. Одесск. Общ. стр. 966—73. Здѣсь къ ней прибавлены отрывки изъ статьи, помѣщенной въ VIII т. Записокъ Одесск. Общ. подъ заглавіемъ: Неудачная осада Азова Турками въ 1641 году, и пр.

[2]) Taitbout de Marigny, The pilot of the Blacksea etc. Constantinople 1850 стр. 108.

Въ одной изъ замѣтокъ, которыя ученый Лангле прибавилъ къ своему изданію сочиненія Шардена (Voyage en Perse, Paris 1811, I, 137) онъ допускаетъ, кажется, тождество гаваней palastra и palestra, говоря, что имя послѣдней встрѣчается въ старинныхъ картахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ только отмѣчено первое. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ утвердительно, что гавань Palestra совпадала съ Таганрогскою гаванью, и таково также мнѣніе, недавно высказанное коммисіею, которой С.-Петербургская Академія наукъ поручила обсудить вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія причинъ обмелѣнія Азовскаго моря. Донесеніе этой коммисіи, составляющее существенную часть приводимой нами статьи, помѣщено еще на нѣмецкомъ языкѣ въ V томѣ Bulletin Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ (стр. 71—150). Затѣмъ одинъ изъ членовъ коммисіи, Бэръ, посѣтилъ Азовское побережье и такимъ образомъ могъ дать прочное основаніе ученымъ своимъ соображеніямъ, сличеніемъ ихъ съ мѣстностью. Къ сожалѣнію результаты изслѣдованія почетнаго члена академіи не были обнародованы, а потому мнѣ неизвѣстно считалъ-ли онъ затѣмъ еще наши опасенія касательно постепеннаго обмелѣнія Азовскаго моря преувеличенными. Между тѣмъ этотъ вопросъ важенъ не только для науки, но также въ отношеніи практическомъ, а потому мнѣ казалось не излишнимъ показать, что коммисія можетъ быть ошибается при опредѣленіи мѣстоположенія Палестры, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ пунктовъ Азовскаго прибрежья По крайней мѣрѣ я льщу себя надеждою, что такимъ образомъ содѣйствовалъ бы, по силамъ моимъ, окончательному рѣшенію вопроса, столь тѣсно связаннаго съ благосостояніемъ значительной части здѣшняго края.

Что, во первыхъ, касается *Палестры*, то коммисія, для доказательства, что эта гавань находилась близъ Таганрога, считала достаточнымъ сослаться на карту Шарденя и еще болѣе на то, что по его словамъ сказанная гавань находилась въ 20 миляхъ отъ устья Дона и въ 40—отъ крѣпости Азакъ

или Азовъ. Но мнѣ кажется, что наши академики менѣе полагались бы на карту и на измѣренія французскаго путешественника, если-бы обратили вниманіе на слѣдующую замѣтку его коментатора: «Все описаніе Азака, или Азова,» говоритъ Лангле 1, p. 136) «не довольно точно. Карта Понта Евксинскаго, начертанная Шарденомъ, столь-же неудовлетворительна. Такъ какъ этотъ путешественникъ никогда не былъ въ Азакѣ, то описаніе сего города составлено имъ по свѣдѣніямъ болѣе или менѣе неточнымъ».

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что тѣмъ не менѣе французскій академикъ нисколько не сомнѣвается въ тождествѣ Палестры и Таганрога. Однако, на это возраженіе я могъ бы отвѣчать, что онъ, вѣроятно, не зналъ, что по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій и по свидѣтельству Барбаро [3]), гавань Паластра непремѣнно находилась близъ Маріуполя, т. е. на значительномъ растояніи къ западу отъ Таганрога, потому что въ свою очередь, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о гидрографическихъ отношеніяхъ здѣшняго края. Такъ напр. Лангле могъ не знать обстоятельства, которое намъ нынѣ извѣстно и о которомъ неоднократно упомянуто въ отчетѣ коммисіи, а именно: что вслѣдствіи періодическихъ измѣненій глубины, замѣченныхъ въ различныхъ частяхъ залива Таганрогскаго, онъ можетъ быть почитаемъ нѣкоторымъ образомъ продолже-

---

[3]) Имѣя рыбные заводы въ Босагацѣ на Дону, авторъ «Путешествія въ Тану» заслуживаетъ полнаго довѣрія, когда говоритъ, что этотъ Босагацъ находился въ 40 миляхъ (вверхъ по Дону) отъ Таны (с. IV.) и въ 120 отъ Паластры (с. 11). Но въ этомъ случаѣ Паластра не могла находиться близъ Таганрога, отстоящаго отъ Азова на не болѣе двадцати миль. Напротивъ того, разстояніе 80 миль, отдѣляющихъ, по Барбаро, городъ Тану отъ Паластры, вело бы насъ въ окрестности Маріуполя. Городъ этотъ, въ свою очередь, не многимъ только ближе къ Азову, чѣмъ къ входу Керченскаго пролива, между тѣмъ какъ въ картахъ морскихъ, начертанныхъ соотечественниками и современниками Барбаро, имя Паластры отмѣчено почти на равномъ растояніи отъ Таны и отъ пролива. Такимъ образомъ эти карты, которыя явно далеко превосходятъ карту Шардена своею точностью, представляютъ намъ еще другое доказательство въ пользу мнѣнія, что Палестра должна была находиться гораздо ближе къ Маріуполю, чѣмъ къ Таганрогу.

ніемъ рѣки Дона, а это тѣмъ болѣе, что теченіе въ немъ преобладаетъ, тогда какъ вода въ немъ еще до такой степени имѣетъ качества рѣчной воды, что содержитъ болѣе пресноводныхъ рыбъ, чѣмъ едвали какое-либо другое водохранилище, и что суда запасаются ею для питья.

Если всѣ эти подробности были бы извѣстны Лангле, то онъ, вѣроятно, не удивился бы, какимъ образомъ Шарденъ могъ сказать, что крѣпость Азакъ находилась на растояніи 15 лье отъ Дона, если таковъ былъ смыслъ слѣдующихъ словъ Шардена: «Il y avait autre fois une forteresse à trois lieues du marais, nommée Tana, du fleuve Tanais; elle est aprésent ruinée et ce n'est point Azaq, comme quelques uns le prétendent, qui en est à 15 lieues». Ибо Шарденъ здѣсь можетъ быть хотѣлъ говорить о разстояніи, отдѣлявшемъ Азакъ не отъ Дона, но отъ одного изъ древнихъ городовъ Танаитовъ, названнаго имъ ошибочно Таною, т. е. именемъ венеціанской колоніи, основанной въ 1333 году въ самомъ Азовѣ или весьма не въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Какъ бы то ни было, Лангле можетъ быть не сказалъ бы теперь, что ничего не понимаетъ касательно двухъ крѣпостей, которыя Шарденъ помѣщаетъ при устьѣ рѣки, тогда какъ на его картѣ онѣ отмѣчены далеко въ Азовскомъ морѣ bien avant dans la mer d'Azov.

Ибо вмѣсто того, чтобы удивляться видимымъ противорѣчіямъ французскаго путешественника, ученый его соотечественникъ понялъ бы, что Шарденъ, если бы даже сказалъ, что городъ Азакъ отстоялъ въ 15-ти лье отъ Дона, не хотѣлъ дать знать, будто бы этотъ городъ лежалъ внутри края, далеко отъ рѣки (что впрочемъ, явствуетъ изъ его карты, гдѣ крѣпость отмѣчена возлѣ самой рѣки, хотя на сторонѣ противуположной той, гдѣ дѣйствительно находилась),—но что онъ лежалъ въ 15 лье отъ устья Дона, къ которому, подобно тому какъ и нынѣ, тогда позволяли себѣ причислить Таганрогскій заливъ, такъ что это устье могло заключаться между косами Бѣлосарайскою и Ейскою. При первой изъ нихъ явно нахо-

дился портъ «Balisira», къ которому, по свидѣтельству очевидца Эвлія-эфенди [4]), весною 1641 года присталъ турецкій флотъ на пути своемъ изъ Анапы къ Азаку (Азову) противъ Донскихъ казаковъ, овладѣвшихъ этою крѣпостью нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. По словамъ сказаннаго турецкаго туриста здѣсь аммуниція и провизія были нагружены на маленькія суда, называемыя сандалами, саколевами, сарбунами и тунбазами [5]) и отправлены 30 миль далѣе, къ крѣпости Азаку, поелику галеры и чайки, для которыхъ необходимо пять футовъ воды, тутъ не могутъ плавать на глубинѣ, которая не превышаетъ двухъ или трехъ футовъ. Валисера, лежащая на западной оконечности степи Гейгатъ (Дештъ-Кипчакъ другихъ авторовъ) говоритъ онъ далѣе, мѣстность пустынная; но по прибытіи войска и флота много было построено балагановъ для людей и для багажа, такъ что тутъ возникъ большой городъ, какъ бы предмѣстіе Азака. Что и послѣ взятія Турками этой крѣпости обратно (въ 1642 году) бѣлосарайское ихъ поселеніе продолжало существовать, видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ своихъ путевыхъ записокъ (Narrative of travels, etc. I, 93) Эвлія-эфенди помѣщаетъ «Balisira» въ число зависящихъ отъ кафинскаго округа санджаковъ, прибавляя, что оно, подобно другимъ, было управляемо воеводою. Поэтому должно думать, что въ числѣ тамошнихъ жителей уже тогда преобладали Русскіе. Достовѣрно намъ извѣстно, что въ началѣ слѣдующаго столѣтія бѣлосарайское урочище принадлежало Запорожцамъ, замѣненнымъ, по уничтоженіи Сѣчи, выселившимися изъ Крыма Греками, которые построили селеніе Ялту въ недальномъ разстояніи отъ небольшой бухты [6]), съ давнихъ поръ славной по достоинству своей якорной стоянки и гдѣ въ наше время весьма кстати правительство намѣревалось устроить портъ. Другая же изъ помѣщенныхъ на картѣ Шар-

[4]) См. Hammer, Narrative of travels in Europe etc. by Evliya-efendi etc. London II, стр. 59—67.

[5]) Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. VIII стр. 174 прим. 7.

[6]) Григоровичъ. Записка Антиквара и пр. 1874 стр. 5.

дена крѣпостей «bien avant dans la mer d'Azov» должна была находиться близъ Ейска, отстоявшаго дѣйствительно отъ Азова въ 15-ть лье или 60-ть верстъ. Быстрые успѣхи сего города, созданнаго административнымъ геніемъ князя Воронцова, заставляютъ думать, что и въ другія эпохи умѣли пользоваться выгоднымъ его положеніемъ для основанія поселенія на мѣстѣ имъ занимаемомъ. Дѣйствительно мы видимъ, что еще въ среднихъ вѣкахъ этотъ береговой пунктъ обращалъ на себя вниманіе моряковъ. Ибо мы находимъ въ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій около Ейска приписку jacaria (zacharia, caçana, zacaria, rataria, jacharia и cagaria). Въ этихъ же мѣстахъ Лелевель (Géogr. du moyen âge, III и IV p. 200) не безъ основанія, ищетъ крѣпость Askisia, о которой говоритъ Эдриси, замѣчая, что она находилась въ странѣ Алановъ, въ 150 миляхъ отъ города Roussia, т. е. отъ Керчи. Но въ этомъ случаѣ Аланскій же городъ Askala, лежавшій въ 20 миляхъ отъ Аскизіи и въ 6 только отъ моря, находился бы въ окрестностяхъ Азова, а не въ станицѣ Аксайской, какъ думаетъ Лелевель, забывая, что Эдриси тутъ говоритъ не о миляхъ географическихъ, но о миляхъ арабскихъ, изъ коихъ 6 равняются $9^3/_5$ нашихъ верстъ[7]).

Что же касается растоянія 40 миль, отдѣлявшаго, по Шардену, крѣпость Азакъ отъ гавани Палестры, то оно далеко уступаетъ растоянію между посадомъ Азовомъ и Маріуполемъ, доходящему почти до 160 верстъ, или 40 лье. Посему я полагалъ бы, что въ этомъ мѣстѣ, подобно тому какъ и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, Шарденъ смѣшалъ французскія мили съ морскими.

Въ этомъ случаѣ оказалась бы, что и первая изъ донскихъ крѣпостей Шардена, отстоявшая не въ 40, но въ 20 только лье отъ Палестры, стало быть столько же отъ Азака, находилась въ окрестностяхъ Таганрога, а именно при устьѣ Міуса, куда на обратномъ пути въ Крымъ изъ Азака татар-

[7]) Sprenger, Reiserouten, Vorr. XXVI.

ское войско прибыло послѣ перехода десяти часовъ. При этой рѣкѣ, къ которой Эвлія-эфенди [8]) по разсѣянности примѣняетъ татарское названіе Молочныхъ водъ «Sud», т. е. Сити, находились тогда, по его разсказу, до 70 земледѣльческихъ городовъ и деревень (хуторовъ), принадлежавшихъ Русскимъ, но много пострадавшихъ отъ грабежей крымскихъ татаръ.

Впрочемъ академическая коммисія, не довольствуясь признаніемъ тождества Палестры съ гаванью Таганрогской, полагала еще возможнымъ отыскать тамъ же портъ *Пизанскій* (porto pisano, pixano или pissano), который на картахъ венеціанскихъ дѣйствительно отмѣченъ въ значительномъ разстояніи къ востоку отъ Палестры. По сличеніи же этихъ картъ, равно какъ и другихъ морскихъ картъ XIV и XV столѣтій, съ нынѣшними, я предпочелъ бы мнѣніе Тетбу (Atlas de la mer Noire, Odessa, 1850), по которому Пизанскій портъ лежалъ къ востоку отъ Таганрога, на правомъ берегу устья Мертваго Донца, или сѣвернаго рукава Дона. Такимъ образомъ этотъ портъ занималъ бы ту самую мѣстность, въ которой, по разрушеніи царемъ Воспорскимъ Полемономъ древняго милезійскаго поселенія Танаиса, явился другой городъ того-же имени, коего развалины нынѣ еще замѣчаются на серединѣ пути между селеніями Синявкою и Недвиговкою. Эти именно развалины побудили Стемпковскаго (Nouv. Journ. Asiat. 1 p. 55) сказать утвердительно, что здѣсь находился древнѣйшій Танаисъ, несмотря на противное сему свидѣтельство Страбона и Птолемея, по которымъ этотъ городъ явно находился въ дельтѣ, образуемой обоими рукавами Дона. Коммисія, вмѣсто того, чтобы признать ошибочнымъ мнѣніе Стемпковскаго, старается еще подкрѣпить его, ссылаясь на свидѣтельство Леонтьева, тогда какъ послѣ того, что говоритъ этотъ авторъ (Пропилеи, IV), слѣдовало скорѣй съ нимъ согласиться, что древнѣйшій изъ обоихъ городовъ Танаитовъ

[8]) Narrative of travels, II стр. 62.

лежалъ въ иномъ мѣстѣ, а именно на правомъ берегу южнаго рукава Дона, при станицѣ Елисаветовской. По крайней мѣрѣ въ числѣ надписей, открытыхъ до нынѣ въ Недвиговкѣ, не встрѣчалась ни одна, которая принадлежала бы времени протекшему до начала нашей эры.

Касательно этого втораго Танаиса, нельзя опредѣлить эпохи, когда онъ пересталъ существовать. Вѣроятно, какъ уже замѣтилъ Леонтьевъ, онъ былъ разрушенъ Гуннами. Кажется однако, если судить по памятникамъ, открытымъ этимъ ученымъ близъ Недвиговки, что послѣ приведенной катастрофы таже мѣстность впослѣдствіи неоднократно снова была обстроена. По сему самому я охотно здѣсь именно искалъ бы городъ *Аскала*, находившійся, по Эдриси, въ 20 миляхъ отъ приморскаго города *Стиберіи* или *Истеберіи*. По тому же автору это былъ цвѣтущій и многолюдный городъ. Его базары были посѣщаемы многими, улицы были широки, дома крѣпко построены, жители же, по большей части, были богатые купцы. Въ пользу мнѣнія, что этотъ портъ совпадалъ съ нынѣшнимъ Таганрогскимъ, могло бы служить то обстоятельство, что къ западу отъ порта Пизанскаго мы находимъ на приведенныхъ картахъ имя caBarda или lo caBarda. Ибо это имя, которое, по Пеголотти (De la Primaudaie, Hist. du commerce au m. âge 1, p. 315) означало также гавань, безъ натяжки можетъ быть примѣнено къ Таганрогу, такъ какъ оно отмѣчено на картахъ въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ fl. rosso, которое совпадало или съ Кальміусомъ или же съ Міусомъ, изливающимся въ море близъ Таганрога и къ западу отъ него.

Наконецъ коммисію можно еще обвинить въ небольшой погрѣшности, когда она заставляетъ Страбона говорить, будто бы островъ Алопекія находился въ 100 стадіяхъ (17 верстъ) отъ *устья Танаиса*, тогда какъ этотъ географъ хотѣлъ сказать, что таково было разстояніе между островомъ и *городомъ*. Подъ этимъ городомъ онъ разумѣлъ древнѣйшій Танаисъ, находившійся вѣроятно въ 20 верстахъ отъ нынѣшняго устья

Мертваго Донца (близъ Синявки), такъ что островъ Алопекія не могъ совпадать съ нынѣшнимъ островомъ Черепахою. Ибо послѣдній лежитъ въ 22 верстахъ отъ устья Донца, т. е. отстоитъ отъ милезійскаго Танаиса болѣе 40 верстъ, или 240 стадій.

Итакъ г. Леонтьевъ не ошибся, когда искалъ островъ Алопекію въ самой дельтѣ Дона, и я имѣлъ бы право примѣнить къ этому острову имя magronisi, которое въ картахъ XIV и XV столѣтій помѣщено между именами porto pisano и tana (Азовъ).

Обстоятельство, что, въ этомъ случаѣ, островъ Алопекія находился бы въ небольшомъ разстояніи отъ Недвиговки, не имѣло бы ничего удивительнаго, потому что часть жителей древняго Танаиса, по взятіи сего города Полемономъ, весьма естественно могла поселиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ старинныхъ своихъ знакомцевъ не греческихъ (Strabo, XI), обитавшихъ на островѣ.

Мнѣніе, что дѣйствительно этотъ островъ находился въ дельтѣ рѣки, подтверждается еще замѣткою Страбона, что близъ Алопекіи находились еще другіе островки, тогда какъ, по нашимъ картамъ, ихъ вовсе нѣтъ въ сосѣдствѣ острова Черепахи.

Но, въ этомъ случаѣ, оказалось бы, что со временъ Страбона дельта Дона двинулась впередъ къ сторонѣ моря гораздо болѣе, чѣмъ думаетъ коммисія. Это приращеніе дельты къ западу явствуетъ притомъ изъ того, что основаніе ея значительно расширилось въ теченіе вѣковъ. Ибо тогда какъ во времена Страбона разстояніе между обоими устьями составляло 60 стадій или 10 верстъ, Недвиговка отстоитъ въ прямой линіи отъ Азова около 15 верстъ, а протяженіе берега между нынѣшними устьями Дона и Донца доходитъ даже до 18 верстъ [9]).

---

[9]) Helmersen, Greg. Zur Frage über das behauptete Seichterwerden des Asowschen Meers, въ Bull. de l'Ac. des Sc. de St. P. VII, 510—514.

Отважившись на поле предположеній, я пользуюсь представившимся мнѣ случаемъ, чтобы спросить: не совпадаетъ ли нашъ Бѣлосарай или Палестра, по своему мѣстоположенію, съ извѣстнымъ Саркеломъ, или Бѣлою крѣпостью, о которой говоритъ императоръ Константинъ Багрянородный, и которую отыскивали въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ Дона или Донца? По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, греческія суда, нагруженныя матеріалами, необходимыми для постройки этой крѣпости, не имѣли бы надобности отправляться далѣе порта, гдѣ во времена Эвлія и Шардена останавливались большія суда, которыя не могли войти въ Донъ. Правда, мы узнаемъ отъ императора (De adm. imp. c. 42), что суда, отправленныя изъ Херсона, до прибытія къ мѣсту своего назначенія, принуждены были предварительно подниматься вверхъ по Танаису. Но неужели не могли они смотрѣть на Керченскій проливъ, какъ на одно изъ устьевъ Танаиса, какъ это часто дѣлали и прежде и послѣ? Или же нельзя ли допустить по крайней мѣрѣ, что и тогда, какъ это дѣлается нынѣ, Таганрогскій заливъ былъ почитаемъ продолженіемъ рѣки?

Вѣроятность гипотезы, мною здѣсь представленной, не уменьшается тѣмъ, что, по замѣчанію же императора, загадочное Атель-Кузу, изъ котораго Мадьяры были изгнаны Печенѣгами, простиралось отъ Днѣстра до Саркела. Къ подтвержденію смѣлаго предположенія касательно положенія этой крѣпости, могло бы даже послужить другое мѣсто (с. II) приведеннаго сочиненія императора, гдѣ сказано, что Греки нанимали Алановъ съ тѣмъ, чтобы они мѣшали Хазарамъ отправляться въ Саркелъ и Херсонъ. По крайней мѣрѣ вліяніе византійскаго двора удобнѣе могло доходить до окрестностей Маріуполя, нежели до Бѣлгорода на Донцѣ, или же до Качаланской станицы на Дону. Даже въ случаѣ, *еще не доказанномъ*, что Бѣлая гостинница императора была бы тождественна съ Бѣлою Вежою, которою овладѣлъ Святославъ, ничего мнѣ не помѣшало бы полагать, что эта гостинница или крѣпость могла занимать мѣсто нашего Бѣлосарая или Палестры

и совпадать съ городомъ *Хазарія*, отстоявшимъ, по Эдриси[11]) въ 80 верстахъ къ востоку отъ города Кумановъ, названнаго *Черныя*, по рѣкѣ, при которой онъ лежалъ. Такимъ образомъ, эта рѣка совпадала бы съ Бердою, въ имени которой отзывается названіе *li porti*, отмѣченное на итальянскихъ картахъ къ западу отъ polonisi, слѣдующее послѣ имени palastra. Слово liporti пропущено въ атласѣ Тетбу. Вотъ почему мы тамъ встрѣчаемъ около нынѣшняго Бердянска слѣдующее болѣе къ западу *Tana di Castori*, явно тождественное съ отмѣченнымъ въ картахъ *lena de cospory* (gospori, costory). Имя это, напоминающее греческое слово Λῆνοι, значущее, по Дюканжу, lacus aquam continentes, помѣстилось бы такимъ образомъ около лимана Молочной, при которомъ, по весьма правдоподобному мнѣнію Лелевеля и Блау, лежалъ *Бѣлый городъ* Кумановъ, отстоявшій, по Эдриси, въ 50 миляхъ отъ Чернаго и въ 100 отъ Матраки. Поелику же этотъ бѣлый городъ также назывался *Матлука*, то позволено будетъ слышать отголосокъ сего слова въ названіи большой и малой *Уклюки*, изъ коихъ первая изливается въ соименный ей заливъ, тогда какъ другая, съ ней смежная, соединяется съ Молочною. Тогда какъ въ этомъ имени скрывается переводъ татарскаго названія рѣки, т. е. Сить, въ Уклюкахъ отзывается турецкое слово Отлук, значущее луга или пастбища (Blau, l. c.) Слѣдующее къ западу отъ «lena de castori» слово st. giorgi, должно было здѣсь, какъ часто на средневѣковыхъ картахъ, означать проливъ, а именно *Іенический*, тѣмъ вѣрнѣе, что оно отмѣчено насупротивъ имени *zucolai* или *zalaca*, означавшемъ Арабатскую стрѣлку, которую также имѣлъ въ виду Барбаро подъ своимъ zachala (zagaglia, дротикъ).

Безъ сомнѣнія ее также разумѣлъ Плиній подъ пролегающимъ между Понтомъ и Меотидою Полуостровомъ, кото-

---

[11]) Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, въ Morgenl. Zeitschrift, 1876, 560 стр. 7 особ. отт.; ср. Lelewel, l. c. «on ne nous reprouvera pas, si nous nous portons avec Khazaria d'Edrisi sur Sarkel».

рый, при длинѣ 67,000 шаговъ (ок. 100 верстъ), имѣлъ не болѣе двухъ югровъ ширины и который онъ называетъ просто *Αἰόνα*, берегъ. Съ этимъ полуостровомъ совпадалъ, кажется, и *Zenonis Chersonesus* Птолемея, по которому Сивашъ, (извѣстный еще Страбону подъ названіемъ гнилаго озера Σαπρὰ λίμνη и который тогда былъ въ связи съ Понтомъ посредствомъ «Широкаго» устья) называется озеромъ *Bykes*, потому что александрійскій географъ къ нему примѣнилъ турецкое слово Bugas, устье. Подобнымъ образомъ къ Сивашу только можно примѣнить замѣтку Плинія, что озеро *Buges* «manufacto alveo» было въ связи съ Каркинитскимъ заливомъ, «naturali» съ Коретомъ, западнымъ заливомъ Меотиды. Должно думать поэтому, что и императоръ, у котораго столь многія мѣстности южной Россіи являются подъ турецкими ихъ названіями, подъ рѣкою Богу разумѣлъ скорѣй Сивашъ, чѣмъ Бугъ, тѣмъ болѣе что тамъ, гдѣ явно говоритъ объ этой рѣкѣ, онъ, искаженіемъ древняго ея имени, называетъ ее Кубу, т. е. именемъ, въ которомъ столь же легко узнается древнее названіе Буга, какъ другой Гипанисъ узнается въ имени Куфисъ, означавшемъ у него, подобно тому какъ у Θеофана и патріарха Никифора,—рѣку Кубань.

IX.

Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 году [1]).

Отправившись, по порученію г. президента Общества, посѣтить Черноморскій берегъ между нашимъ городомъ и устьемъ Днѣпра, я не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ не удастся представить Обществу отчета съ такими данными, которыя по своему интересу могли бы быть сравниваемы съ блестящими результатами прошлогодняго путешествія г. Юргевича.

Дѣйствительно, при объѣздѣ лимановъ Аджалыкскихъ, Тилигульскаго и Березанскаго, я не успѣлъ отыскать никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищъ или другихъ признаковъ, которые могли бы послужить къ пополненію скудныхъ извѣстій, переданныхъ намъ писателями греческими и римскими о поселеніяхъ, существовавшихъ въ древности въ окрестностяхъ сказанныхъ лимановъ, или же къ точнѣйшему опредѣленію ихъ мѣстоположенія, а именно: *Скопуля*, *Одиссоса* или *Ордессуса*, крѣпостцы *Алектора* и гавани Ахейской.

Столь-же мало удалось найти хоть какой-либо памятникъ, съ помощью котораго оказалось бы возможнымъ объяснить имена *mauronero*, *flor de lis* и *barbarese*, представляемыя картами морскими XIV и XV столѣтій на «Золотомъ берегу» Константина Багрянороднаго, вмѣсто вышеприведенныхъ именъ, переданныхъ намъ Плиніемъ, Діономъ, Арріаномъ и безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго.

---

[1]) Изъ V тома Зап. Одесск. Общества Ист. и Др.

Что неудача въ моей попыткѣ могла произойти отчасти по тому обстоятельству, что упомянутые береговые пункты не имѣли большаго значенія ни въ древности ни въ среднихъ вѣкахъ, подтверждается нѣкоторымъ образомъ данными, которыя мнѣ удалось собрать при посѣщеніи развалинъ Ольвіи, не смотря на богатую добычу, уже извлеченную изъ этой классической почвы изслѣдователями болѣе меня достойными и другими любителями древностей.

Если же нижеслѣдующія извѣстія будутъ признаны не лишенными интереса для науки, то справедливость требуетъ сказать, что я ими преимущественно обязанъ просвѣщенному содѣйствію г. барона фонъ Берга, управляющаго имѣніемъ графа Кушелева Парутино, и завѣдывающаго относящимся къ сему имѣнію урочищемъ *Стомогила*, гдѣ какъ извѣстно находилось въ древности благословенное торжище Борисѳенитовъ.

Такъ, во-первыхъ, я обязанъ г. Бергу фотографическимъ снимкомъ греческой надписи, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившейся [2]).

Кусокъ бѣлаго мрамора, съ котораго снята эта надпись, найденъ былъ въ Маѣ мѣсяцѣ текущаго года при разрытіи одного изъ кургановъ ольвійскихъ; камень этотъ затѣмъ доставшійся члену общества г. Бурачкову—имѣетъ въ длину 8 вершковъ, при ширинѣ $7^1/_2$ вершковъ и $1^1/_2$ толщины. Объясненіе надписи сообщилъ Ѳ. А. Струве въ VIII т. Зап. Общества.

Затѣмъ г. Бергъ передалъ мнѣ для Общества двѣ глиняныя трубы древняго водопровода, вырытыя, въ моемъ присутствіи, изъ подъ развалинъ Ольвіи, и находившіяся, по весьма правдоподобному мнѣнію г. Берга, въ связи съ другими подобными же трубами, прежде найденными у подошвы кургана, отстоявшаго отъ рѣки на разстояніи версты. Напротивъ того, открытыя нами трубы, которыми, судя по формѣ одной изъ нихъ, вѣроятно кончался водопроводъ, находились въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки, близь того мѣста, куда обыкно-

[2]) Зап. Одесск. Общ. V, 592.

венно помѣщаютъ древнюю пристань, потому что здѣсь именно, при продолжительномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, замѣтны въ рѣкѣ большія плиты довольно твердаго известковаго камня, связанныя между собою желѣзными скобами, припаянными свинцомъ. Самому мнѣ посчастливилось видѣть въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно покрытомъ волнами, кромѣ другихъ кусковъ разнаго рода камней, нѣсколько обтесанныхъ кусковъ известковаго камня въ $1^1/_2$ аршина длины и $^1/_2$ аршина ширины, принадлежавшихъ вѣроятно къ ступенямъ лѣстницы, которая спускалась съ высокаго берега къ рѣкѣ. Итакъ мнѣ кажется, что доходившій до этого мѣста водопроводъ, представившій и намъ еще возможность утолить жажду прекрасною холодною водою à la Diogène, вѣроятно ею снабжалъ въ древности приставшихъ къ берегу Эллиновъ, которымъ для питья не могла годиться вода изъ Гипаниса, испорченная на четыре дня плаванія «горькимъ ключемъ».

Что сказанный водопроводъ дѣйствительно примыкалъ къ пристани, становится весьма вѣроятнымъ по результату раскопокъ предпринятыхъ въ 1870 году двумя членами Общества въ этой мѣстности, послѣ случайнаго тамъ открытія части колонны, верхній конецъ которой былъ покрытъ мусоромъ въ теченіе вѣковъ, свалившимся съ высокаго берега, усѣяннаго небольшими возвышенностями, образуемыми развалинами древнихъ жилищъ и слывущими въ народѣ подъ названіемъ Стомогилъ. Тамъ удалось тогда открыть, съ помощью 16 рабочихъ, часть другой колонны на разстояніи около 15 саженей отъ первой, и ближе къ берегу Буга; затѣмъ часть обломанной капители, и наконецъ по снятіи плитъ служившихъ фундаментомъ зданія, пять рядовъ большихъ какъ бы полированныхъ плитъ, по двѣ или три въ каждомъ ряду и съ признаками, что онѣ были ступенями лѣстницы; одна изъ этихъ плитъ имѣла даже образованіе угловое, т. е. на двѣ стороны (см. Археол. развѣдка нѣкоторой части Ольвіи, въ VIII т. Зап. Од. Общ. стр. 412).

Наконецъ г. Бергъ мнѣ уступилъ, найденныя въ теченіе года амфорныя ручки съ клеймами, числомъ 20 для

лучшаго ихъ разсмотрѣнія въ Одессѣ. Эти ручки, подобно шести другимъ и одной черепицѣ съ надписью же, мною пріобрѣтеннымъ на мѣстѣ для Общества, могутъ пополнить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, уже обнародованныя г. Беккеромъ, представляя намъ нѣсколько новыхъ именъ и отличаясь, кромѣ того, нѣкоторыми особенностями отъ ручекъ или ушекъ имъ описанныхъ.

Вотъ списокъ этимъ именамъ и знакамъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на классы и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, заимствованныхъ изъ статьи, помѣщенной г. Беккеромъ въ Jahrbücher für classische Philologie (Band IV, Heft 3), по копіи этихъ надписей, ему доставленной по возвращеніи моемъ изъ Парутино.

1. Надписи Родосскія.

1. ΕΠΙ...ΜΑΧΟΥΠΑΝΑΜΟΥ

ἐπὶ (Ἀγε)μάχου, Πανάμου.

Эта надпись, подобно 9 слѣдующимъ, образуетъ кругъ среди котораго находится balaustium, или цвѣтъ гранатнаго дерева. Имя Ἀγέμαχος, часто встрѣчающееся на родосскихъ ручкахъ, является также на экземплярѣ изъ Александріи въ связи съ именемъ мѣсяца Панамосъ, но безъ balaustium, а потому вѣроятно не въ кругломъ клеймѣ.

2. ΞΟΙΨΟΦΟΜΞΘΥΟΝΟΠΙΤΝΑ

Ἀντιγόνου, Θεσμοφόριος

Судя по надписи, идущей съ правой стороны вокругъ balaustium, и по формѣ буквъ, эта ручка, подобно тремъ слѣдующимъ, должна быть весьма древняя. Г. Беккеру уже прежде случалось видѣть ручки, въ коихъ имя мѣсяца было поставлено въ именительномъ падежѣ.

3. ΕΠΙΔΑΜΟΚΛΕΥΣΠΑΝΑΜΟΥ

ἐπὶ Δαμοκλεῦς, Πανάμου

Имя Δαμοκλεῦς уже попадалось прежде въ связи съ именемъ другихъ мѣсяцевъ, но безъ balaustium; также, безъ имени мѣсяца, съ головою Геліоса.

4. ΣΥΕΔ. . . . . ΞΠΙΕΡΕΩΣ

ἐπ' ἱερέως . . . . . δευς.

Были уже многіе примѣры сокращеннаго ἐπἱἑρέως, вмѣсто ἐπὶ ἱερέως, хотя послѣдняя форма чаще встрѣчается на родосскихъ ручкахъ.

5. ΑΔΙΤΑΨΙΛΛΑΞΠΙΞ

ἐπὶ Καλλιχράτιδα.

Совершенно походитъ на клеймо, уже описанное г. Беккеромъ въ Jahrbüchere tc. (1 № 22).

6. ΑΡΙΣΤΟΚΛΕΥΣ, Ἀριστοκλεῦς.

7, ΙΠΠΟΚΡΑΤΕΥΣ, Ἱπποκράτευς.

Имя сіе уже встрѣчается на ручкѣ Ольвійской и на двухъ другихъ изъ Ливіи и Александріи.

8. ΕΠΙ . . . . . ΠΙΟΥ

9. ΑΙΝΕΑΑΓΡ. ΝΙΟΥ, Ἀινέα Ἀγριανίου

10. ΣΩΤΗΡΙΧΟΥ, Σωτηρίχου.

Это клеймо отличается отъ предыдущихъ только тѣмъ, что въ немъ подъ balaustium еще поставлена звѣздочка.

11. Ручка съ balaustium въ кругломъ клеймѣ, но безъ надписи, если не положить, что она стерлась, какъ думаетъ г. Беккеръ, уже прежде видѣвшій подобный экземпляръ, изъ Ольвіи же.

12. ΖΗΝΟ Ζηνο

ΔΟΤΟΥ δότου

Что эта ручка также должна быть родосская, явствуетъ изъ находящагося на ней клеймѣ съ эмблемою balaustium, хотя она здѣсь поставлена (кажется въ первый разъ) не внутри круговой надписи, но направо отъ имени. Къ родосскимъ надписямъ безъ balaustium принадлежатъ:

13. ΙΜΑ Ιμα.

Подъ этими буквами изображенъ кадуцей въ горизонтальномъ положеніи. Уже попадались другіе экземпляры сего клейма.

14. ΕΠΙ ἐπί

ΑΙΝΗΣΙΔΑΜΟΥ Αἰνησιδάμου

ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ Θεσμοφορίου

Въ ручкахъ съ именемъ Αἰνησιδάμου, уже прежде найденныхъ въ Ольвіи встрѣчаются имена другихъ мѣсяцовъ вмѣсто Θεσμοφόριος.

15. . . ΙΥΜΗΔΕΥΣ - ('Ασ) τυμήδευς.
ΣΜΙΝΘΙΟΥ Σμινθίου.
16. ΦΙΛΑΙΝΙΟΥ Φιλαινίου.

Имя сіе уже встрѣчалось какъ съ означеніемъ мѣсяца, такъ и безъ него.

II. Θазовская надпись.

17. ΘΑΣΙΩΝ Θασίων

. . . .

Вторая строка стерта; между нею и первою находится звѣзда.

III. Надписи неизвѣстнаго происхожденія.

18. ΕΠΙΔΑ ἐπί Δαί
ΙΜΟΝΟΣ μονος
19. ΜΑΤΡΟ Ματρο
ΒΙΟΥ βίου
20. ΜΟΣΧΙ Μοσχί
ΩΝΟΣ ωνος.
21. ΤΕΛΑ Τελα
ΜΩΝΟΣ μῶνος

Круглое С и форма буквы ω свидѣтельствуютъ позднѣйшее происхожденіе двухъ послѣднихъ надписей.

22. ΡΑΣΩΝ, Ρασών.

Подъ этими буквами находится, въ горизонтальномъ положеніи, эмблема, въ которой г. Беккеръ узналъ зеркало, принимая родъ крючка, къ нему придѣланнаго предъ буквою Р за Θ, почему и читаетъ Θρασών вмѣсто Ρασών.

23. ΕΠΙΕΡΕΩΣ 'επ' ἱερέως.
ΑΜΗΤΟΡΟΣ Αμήτορος
24. . . . ΝΕΙΟΣ . . . . νειος.
ΝΟΜΟΙΤΟΣ Νομοίτος.

IV. Надписи съ именемъ Астинома.

25. Α . . . ΝΟΜΟΥΝΤΟ. ἀ(στυ)νομοῦντο(ς).

ΖΗΝΙΟΣΤΟΥ	Ζήνιος τοῦ
ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ	Ἀπολλοδώρου
ΠΡΩΤΟΣ	Πρῶτος

По формѣ буквъ и по ихъ распредѣленію тождественна съ описанною г. Беккеромъ (Mél. I p. 485 № 18). За второй строкою слѣдуетъ направо эмблема, коей значеніе я не могу разобрать. Болѣе всего она напоминаетъ видомъ своимъ верхнюю часть человѣческаго тѣла въ горизонтальномъ положеніи.

. . . . .	(ἀστυνομοῦν)
26. ΤΟΣΜΝΗΣΙΚΛΕΟΥ.	τος Μνησικλέου(ς)

Буквы τος вѣроятно, какъ полагаетъ г. Беккеръ, составляли конецъ слова ἀστυνομοῦντος, которое въ этомъ случаѣ, кромѣ послѣдняго склада τος, должно было стоять на второй ручкѣ, потому что никакъ не помѣстилось бы на сохранившейся.

27. ΘΕΑΡΙΩΝΟΣ	Θεαρίωνος
ΑΣΤΥΝΟΜΟ	ἀστυνόμο(υ).
ΣΑΓΑΡΙΣ	Σάγαρις
ΝΟΥΜΝΙΟΥ	Νουμηνίου.

Надпись эта находится не на ручкѣ, но на гладкомъ кускѣ черепицы. На правой сторонѣ клейма изображены виноградный листъ и кисть.

При неоднократномъ посѣщеніи развалинъ Ольвіи я не упустилъ снова разсмотрѣть курганы съ гробницами, мною уже видѣнные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, равно какъ и тѣ, которые въ послѣднее только время были разрыты и въ коихъ отчасти ничего не оказалось, кромѣ костей, что заставляетъ думать, что они уже въ старину были обираемы людьми, умѣвшими цѣнить зарытыя въ нихъ сокровища. Въ другихъ, явно еще не тронутыхъ курганахъ, дѣйствительно были найдены разные предметы, какъ то: мраморныя статуи, монеты и т. п., но къ сожалѣнію лучшія изъ этихъ вещей уже были отправлены г. Бергомъ къ владѣтелю имѣнія въ С.-Петербургъ, такъ что намъ за эту потерю остается развѣ то утѣшеніе, что сказанныхъ предметовъ не постигла участь статуи, отправленной

нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Парутино въ столицу и потонувшей вмѣстѣ съ извощикомъ и конями при переправѣ черезъ Бугъ.

Пожалѣлъ я, видя какимъ поврежденіямъ подверглись могильные курганы, еще прежде открытые Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, не уступающихъ керчинскимъ величиною и изящною постройкою, снова засыпаны, или сами обрушились, потому что большія каменныя плиты, изъ которыхъ въ нихъ слагались склепы безъ цемента, разбирались поселянами на разныя постройки.

Изъ окрестностей Ольвіи въ особенности поразилъ меня т. н. *Аджигёльскій городокъ*, какъ великолѣпнымъ своимъ мѣстоположеніемъ на возвышенномъ мысѣ при самомъ впаденіи Буга въ Днѣпровскій лиманъ, такъ и тѣмъ, что признаки древнихъ построекъ явно замѣтны въ этомъ мѣстѣ, отстоящемъ въ 7 верстахъ отъ Парутино внизъ по рѣкѣ. По мнѣнію графа Уварова (Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и пр. С. П. 1851 г. стр. 45.) здѣсь должно было существовать древнее укрѣпленіе; но я охотно видѣлъ бы въ этомъ городкѣ, имѣющемъ въ окружности не болѣе 130 саженей, остатки храма съ маякомъ, указывавшимъ путь въ Ольвію древнимъ морякамъ, подобно тому, какъ и нынѣ еще Аджигёльскій мысъ служитъ главнымъ путевымъ знакомъ для судовъ, слѣдующихъ изъ Очакова въ Николаевъ.

Находящееся къ западу отъ мыса озеро Аджигёль, или горькое, именемъ своимъ напоминало мнѣ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Броніовія (Schwandtner, Script. rer. hungar. 1. p. 816): «Adzigoli, ille locus tres fossas celebres, lacus amaros et salsos quamplurimos mari proximos habet, ibique magna vis Kozakorum perpetuo confluit, mutuisque bellis et caedibus frequentissimis concidunt etc.». Но такъ какъ эта мѣстность, по описанію посѣтившаго ее польскаго дипломата, должна была находиться между долиною Тилигула, или *Темною*, [3]).

[3]) Dominina Dolnia seu fossa (пишетъ Броніовій), quae maxima et ampleissima lacubus et rivulis frequens est, Berezani lacu angustissimo, ve-

Cacibiei Horodisae, или городищемъ Гаджибейскимъ, находившемся близъ гавани Одесской, то я въ Горькихъ озерахъ Броніовія охотнѣе призналъ бы лиманы Аджалыкскіе съ Сичавкою. Не могу также согласиться съ мнѣніемъ г. Лагуса (Зап. Общ. т. III. стр. 321) будто бы Бопланъ имѣлъ въ виду лиманъ Аджигёльскій, когда говоритъ, что козаки, возвращаясь изъ поисковъ своихъ на Черномъ морѣ, скрывали свои лодки предъ Турками въ заливаемой моремъ долинѣ, находившейся въ 3—4 миляхъ къ востоку отъ Очакова. Скорѣе мнѣ кажется, что эта долина находилась на Кинбурнской косѣ и вела къ «Прогною», отъ котораго Запорожцы, по Мышецкому (Ист. о каз. Зап. стр. 13), оттягивали свои дубы въ Днѣпръ и такъ мимо Очакова и Кинбурна «проѣзживали, что ихъ никто не видалъ, а и умысловъ никто не узналъ.» Зато я не спорю, что лагерь, устроенный Запорожцами для Карла XII, въ трехъ миляхъ предъ Очаковымъ, долженъ былъ находиться недалеко отъ лимана Аджигёльскаго.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ гостепріимномъ, по прежнему, Парутино, я съ двумя спутниками своими (г. Ф. Кальбицомъ и сыномъ моимъ Людовикомъ), переправился черезъ Бугъ и пристalъ къ восточному его берегу у деревни Лупаревой балки, близъ Семенова рога или мыса, куда, по Мышецкому (l. l. стр. 2.) переселился, еще въ X столѣтіи, Запорожецъ Семенъ для рыбной ловли, которая и теперь еще здѣсь производится съ большимъ успѣхомъ. Бопланъ (Description de l'Ukranie, Rouen, 1660 p. 26) явно разумѣлъ этотъ мысъ подъ именемъ *Semenwiruk*, полагаемый имъ въ трехъ миляхъ выше Очакова при устьѣ Буга; но я не понимаю какимъ образомъ онъ могъ помѣстить насупротивъ островъ, имѣвшій въ длину полъ мили и видъ треугольника. Развѣ положить, что онъ подъ

---

rum profundissimo. . . trajectu superato, Oczacoviam pervenitur. Примѣненное къ Тилигулу названіе Темной долины напоминаетъ имя Кара-урманъ, отмѣченное въ картѣ Риччи Цаннони на восточномъ берегу сего лимана, равно какъ и находящееся въ тѣхъ же мѣстахъ урочище Кара-башъ.

этимъ островомъ разумѣлъ вышеупомянутый береговой край, пролегающій между мысомъ Аджигёль и озеромъ того же имени, и который на картѣ Риччи Цаннони имѣетъ видъ треугольнаго острова.

Отъ Семенова рога мы, чрезъ селеніе Александровку, гдѣ встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ управляющаго симъ имѣніемъ, г. Собѣщанскаго, отправились въ мѣстечко Станиславъ, при мысѣ того же имени, названномъ въ древности мысомъ *Гипполаевымъ*, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства Геродота. Посему самому нельзя отрицать, что здѣсь именно находился въ глубокой древности храмъ Димитры или Цереры, о которомъ говоритъ этотъ авторъ и который академикъ Кёлеръ хотѣлъ превратить въ храмъ Цибелы, или матери боговъ.

Соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, что этотъ храмъ долженъ былъ находиться въ мѣстечкѣ Станиславѣ, или же въ ближайшихъ его окрестностяхъ, графъ Уваровъ (l. l. стр. 34) сознается, что всѣ его старанія чтобы отыскать слѣды сего зданія остались тщетными. Затѣмъ графъ говоритъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 45), къ сожалѣнію неоконченнаго, что къ сѣверу отъ мыса Станиславова, при селеніи Александровкѣ, попадаются Ольвійскія монеты въ большомъ числѣ, равно какъ и различные черепки греческихъ амфоръ и вазъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что графъ здѣсь имѣлъ въ виду мѣстность при самомъ берегу лимана, отстоявшую въ трехъ верстахъ отъ Александровки и въ одной только съ половиною отъ Станислава, и хорошо извѣстную жителямъ какъ селенія, такъ и мѣстечка, подъ именемъ «городка» или городища. Почему же недопустить, что въ немъ именно помѣщался искомый нами храмъ, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ мыса нигдѣ болѣе не встрѣчаются слѣды древнихъ построекъ, за исключеніемъ двухъ огромныхъ кургановъ близъ дороги, ведущей изъ Александровки въ Станиславъ, (посему графъ Уваровъ ошибается, говоря, что въ окрестностяхъ сего мыса нѣтъ ни одного кургана). Между тѣмъ городище Александров-

ское, или точнѣе Станиславское, лежащее не въ дальнемъ разстояніи къ югу отъ сказанныхъ кургановъ, не безъ причины такъ названо по сохранившимся въ немъ признакамъ древнихъ жилищъ, какъ можно въ томъ удостовѣриться изъ плана этой мѣстности (см. т. V Зап. табл. 4) начерченнаго, по моей просьбѣ, для Общества, г. подполковникомъ Чирковымъ [4]), учителемъ топографіи при Херсонской гимназіи, съ которымъ мнѣ посчастливилось свидѣться въ самомъ мѣстечкѣ.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что, судя по величинѣ и формѣ городища, въ немъ могъ скорѣе помѣщаться не храмъ, но цѣлый городъ, и что, по свидѣтельству Мешыцкаго (стр. 73) здѣсь дѣйствительно находился въ «старыя времена» городъ Станиславъ, разрушенный Поляками. По тому же автору, близъ него пролегала большая дорога, прозываемая «Королевскій шлягъ», по которой, въ старыя же времена, король польскій шелъ съ своею арміею и при Днѣпрѣ имѣлъ баталью съ Турками и Татарами. По мнѣнію Н. Н. Мурзакевича (l. l. pp. 102) преданіе это намекаетъ на походъ и пораженіе великаго князя Витольда Эдигеемъ въ августѣ 1399 года. Но мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе, что здѣсь говорится не о несчастномъ для Литовцевъ и для Русскихъ сраженіи при Ворсклѣ, но о побѣдѣ, одержанной Поляками надъ Турками и Татарами, въ 1489 году, *за Бугомъ*, подъ предводительствомъ Іоанна Альбрехта, который здѣсь названъ королемъ, хотя тогда еще былъ только королевичемъ.

---

[4]) Г. Чирковъ, основательно изучившій всѣ особенности береговаго края нижняго Днѣпра, и начертавшій подробную карту его басейна, также прилагаемую къ т. V (см. таб. 5), говорилъ мнѣ, между прочимъ, что при деревнѣ Бѣлозеркѣ, лежащей въ 23 верстахъ ниже Херсона, на Днѣпрѣ, нынѣ еще замѣтна, возлѣ самаго берега рѣки, каменная мостовая въ 5 футахъ ниже горизонта земли. Съ этимъ извѣстіемъ можно соединить сообщенное Мышецкимъ (l. l. стр. 62) преданіе, что въ этомъ мѣстѣ имѣлся городъ Бѣлозерка, построенный владѣтельницею другаго города сего имени, на лѣвомъ берегу Днѣпра, близъ Каменнаго Затона, по взятіи Мамаемъ сего города, заложеннаго, въ свою очередь, по преданію, нѣмецкимъ народомъ Франковъ, въ коихъ г. секретарь (l. l. стр. 83.), узналъ Генуэзцевъ.

Какъ бы то нибыло, ничто не мѣшаетъ мнѣ думать, что храмъ Димитры могъ находиться въ древности на томъ самомъ мѣстѣ, около котораго выстроенъ былъ въ послѣдствіи городъ Станиславъ, разрушенный Поляками. По крайней мѣрѣ для празднествъ богини земледѣлія эта мѣстность понравилась бы сыновьямъ Эллады болѣе, чѣмъ гладкая ровная степь въ 8 верстахъ отъ мыса, какъ думаетъ Тетбу, который по сему самому означаетъ вѣроятно ошибочно на своей картѣ (Atlas de la mer Noire, Одесса 1850) мѣсто развалинъ храма.

На обратномъ пути въ Парутино мы заѣхали въ селеніе Кисляковку, гдѣ по мнѣнію графа Уварова, должно было находиться упомянутое въ псефизмѣ Протогена поселеніе Канкитъ и гдѣ найденъ былъ поврежденный барельефъ, пожертвованный нашему Обществу, лѣтъ 15 тому назадъ, покойнымъ Рогаль-Левицкимъ, тогдашнимъ владѣтелемъ Кисляковки. Отъ сына его мы узнали, что въ его имѣніи затѣмъ не было найдено ничего подобнаго, и вмѣстѣ съ нимъ вошли въ церковь, построенную, по словамъ здѣшнихъ старожиловъ, Запорожцами. Изъ статьи преосвященнаго Гавріила, помѣщенной въ Запискахъ Общества (т. II, стр. 157) я потомъ усмотрѣлъ, что церковь эта была заложена въ 1782 году, а затѣмъ, будучи на время упразднена, была возстановлена въ 1810 году. Вмѣсто древностей, о коихъ я завелъ рѣчь съ священникомъ, онъ мнѣ показалъ серебряный крестъ, имѣвшій въ длину около 6 вершковъ, съ надписью, свидѣтельствующей что онъ сдѣланъ былъ въ Тріестѣ въ 1808 году и принадлежалъ фрегату св. Михаилу. Крестъ этотъ найденъ былъ не такъ давно поселяниномъ на берегу Буга, куда вѣроятно попалъ по какому-нибудь несчастію случившемуся съ фрегатомъ, о судьбѣ котораго я впрочемъ тщетно справлялся въ Николаевѣ.

Отправившись далѣе, мы вскорѣ прибыли къ такъ называемой Гетмановой балкѣ и затѣмъ къ мѣсту шведскаго лагеря на *Русской косѣ*, откуда Карлъ XII съ Мазепою и съ

прочими товарищами своего несчастія переправился къ становищу Кинтеміра, находившемуся безъ сомнѣнія близъ *Волошской косы*, на противуположной сторонѣ Буга. Не заставши дома владѣльца имѣнія Тройцкаго или Русской косы, я не могъ собрать никакихъ новыхъ подробностей объ этой мѣстности, откуда благополучно возвратился въ Парутино.

Разставшись окончательно съ нашимъ Геркуланумомъ въ надеждѣ, что съ открытіемъ университета въ Одессѣ, разольется новый свѣтъ надъ развалинами города, который, въ свое время, также былъ «перломъ» здѣшняго края, мы отправились въ Николаевъ, осмотрѣвъ на пути своемъ мѣста, гдѣ нынѣ еще замѣтны признаки древнихъ жилищъ, именно городища при Чертоватой балкѣ и возлѣ деревни Козырской. Изъ Николаева мы возвратились въ Одессу почтовымъ трактомъ, оставивъ въ сторонѣ селеніе Анчикракъ, куда я сначала думалъ заѣхать для внимательнаго разсмотрѣнія двухъ мраморныхъ львовъ съ вырѣзанными на нихъ, никѣмъ, кажется, еще не разгаданными буквами или знаками,—открытыхъ при разрытіи одного изъ кургановъ ольвійскихъ и перевезенныхъ оттуда въ Анчикракъ г. Менцелемъ, прежнимъ управляющимъ обоихъ имѣній графа Кушелева.

Мнѣ именно хотѣлось еще разъ повѣрить снятую нѣсколько лѣтъ тому назадъ копію этихъ начертаній, немного различествующую отъ другой, которую можно видѣть на изображеніи этихъ памятниковъ, приложенномъ къ краткому ихъ описанію, помѣщенному секретаремъ въ III томѣ Записокъ Общества. Но еще въ Ольвіи я узналъ отъ г. Скоробогатаго, тогда управляющаго Анчикракомъ, что оба льва прошлою зимою имъ были отправлены въ С.-Петербургъ для помѣщенія ихъ тамъ въ новостроющемся домѣ владѣльца имѣнія. Если имъ тамъ придется стоять съ наружной стороны сего зданія, на чистомъ воздухѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что пагубнымъ на мраморъ дѣйствіемъ сѣвернаго климата они въ скоромъ времени будутъ обезображены, такъ что находящіеся на нихъ загадочные знаки совершенно, можетъ быть, изчез-

нутъ прежде, нежели успѣютъ обратить на себя вниманіе тамошнихъ ученыхъ. Вотъ почему я, по возвращеніи своемъ въ Одессу, предложилъ Обществу принять находящуюся у меня копію для храненія ее до полученія положительныхъ свѣденій о дальнѣйшей судьбѣ обоихъ львовъ, или же —о настоящемъ значеніи изображенныхъ на нихъ іероглифовъ [5]).

---

[5]) Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ въ 1869 году я засталъ старыхъ моихъ ольвійскихъ знакомыхъ на дворѣ дома, принадлежавшаго, сколько мнѣ помнится графу Кушелеву Безбородко, откуда они затѣмъ перенесены были, какъ я съ удовольствіемъ узналъ въ 1876 году изъ письма одного изъ моихъ знакомыхъ, въ Императорскій Эрмитажъ.

X.

Судьбы мѣстности занимаемой Одессою [1]).

Подобно всему сѣверному берегу Чернаго моря, мѣстность составляющая нынѣшнее Одесское градоначальство, до временъ Геродота, покрыта была Киммерійскимъ мракомъ. Даже когда этотъ мракъ началъ разсѣваться, когда нѣкоторые береговые пункты ясно обозначились въ изящной картинѣ древней Скиѳіи, намъ оставленной «отцемъ исторіи», мы въ трудѣ его не находимъ намека на то, былъ-ли нашъ портъ въ его время доступенъ, или по крайней мѣрѣ извѣстенъ его соотечественникамъ. Развѣ только позволено будетъ заключить изъ его словъ (IV, 17), что въ окрестностяхъ Одессы обитали тогда *Каллипиды*, происходившіе изъ смѣшенія Грековъ съ Скиѳами и съ успѣхомъ занимавшіеся хлѣбопашествомъ и разведеніемъ различнаго рода овощей.

По всей вѣроятности имя сего народа скрывается также въ *Карпидахъ*, которые, по Эфору, жили между Истромъ и Борисѳеномъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (Scymn. Fragm. 102), отъ котораго это извѣстіе заимствовалъ въ свою очередь безъименный авторъ Перипла Понта Евксинскаго (ed. Gail, 208).

Хотя Страбонъ (XII, 14 § 21) считаетъ недостовѣрнымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Помпоній Мела (II, 1, 7 cf. Solin. c. 20) снова о нихъ упоминаетъ, ставя ихъ жилища между Гипани-

[1]) Впервые напечатано въ I т. Трудовъ Одесск. Стат. Комитета.

сомъ (Бугомъ) и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не узнать Тилигулъ. Въ странѣ, пролегающей между нимъ и Тирасомъ (Днѣстромъ), жили *Аксіаки*, которые, по тому-же автору, не брали никакихъ мѣръ предосторожности для охраненія своего имущества. Поэтому они, вѣроятно, были разграблены *Гетами*, когда этотъ народъ простеръ свое оружіе надъ берегомъ Чернаго моря до самой Ольвіи. По Діону Хрисостому (см. перев. Борисов. рѣчи, 39) городъ этотъ ими былъ завоеванъ 150 лѣтъ до собственнаго его въ немъ пребыванія: посему и должно думать, что здѣшній край подпалъ подъ власть Гетовъ при царѣ ихъ Беребистѣ, который, по Страбону (VII, 3), былъ современникомъ Юлія Цезаря, а по мнѣнію покойнаго предсѣдателя Московскаго Общества Исторіи и Древностей, узнавшаго въ немъ Славянина, собственно назывался Буревичъ, подобно тому, какъ, по Черткову-же [2]), имена самаго славнаго изъ преемниковъ Беребиста, т. е. Децебалъ и Дорпаней, должны были гласить Дикій волъ и Добрій панъ. Безъ сомнѣнія, созвучіе нѣсколькихъ словъ еще не доказываетъ сродства двухъ племенъ; но зато разныя другія обстоятельства, приведеніе коихъ было бы здѣсь неумѣстнымъ, заставляютъ меня, вопреки Шафарику, признать правдоподобнымъ мнѣніе, что Геты или Даки были предками Славянъ.

Плиній (IV, 26), вѣроятно, также имѣлъ въ виду Каллипидовъ, когда говоритъ о *Кробизахъ*, обитавшихъ будто бы также къ востоку отъ Аксіацеса. Ошибка римскаго автора въ этомъ случаѣ могла произойти оттого, что ѳракійскіе Кробизы (именемъ своимъ напоминающіе Несторовыхъ Кривичей), обитали въ небольшомъ разстояніи отъ города Одиссоса (близь Варны) и что другой городъ того-же имени, имъ впрочемъ названный *Ordesus*, находился около устья Аксіацеса, какъ явствуетъ не столько изъ слѣдовъ древняго поселенія, открытыхъ въ селѣ Троицкомъ, или Коблевкѣ [3]), сколько изъ

[2]) О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай, 15, 92, 93.

[3]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. V, 589. Камень этотъ могъ быть переведенъ въ Коблевку изъ Парутино.

измѣреній Арріана (ed. Gail, 77) и Безъименнаго (ibid. 219), по единогласному свидѣтельству коихъ пристанище для судовъ, именуемое *Одиссосъ*, находилось на разстояніи 80 стадій (ок. 14 верстъ) отъ небольшаго острова, лежавшаго предъ устьемъ Борисѳена, т. е. отъ нынѣшняго острова Березани.

Пристанище *Скопулы*, находившееся по Безъименному въ 160 стадіяхъ отъ Одиссоса, всѣ почти изслѣдователи ищутъ возлѣ Дофиновки, при самомъ началѣ Одесскаго залива; но затѣмъ уже расходятся въ мнѣніяхъ. По Стемпковскому [4]), гавань *Истріанъ*, отмѣченная авторами обоихъ периплов на разстояніи 250 стадій (ок. 40 верстъ) отъ Одиссоса, совпадала съ портомъ Одесскимъ. Для подтвержденія сего мнѣнія знаменитый нашъ археологъ сослался на различныя древности, какъ-то: вазы, амфоры, чаши и глиняные черепки, найденные на нынѣшнемъ приморскомъ бульварѣ, возлѣ таможни, на театральной площади и т. д. Поелику-же подобные предметы были также открыты и теперь еще встрѣчаются на хуторѣ княгини Жеваховой, на восточной сторонѣ горнаго хребта, отдѣляющаго Куяльникскій лиманъ отъ Гаджибейскаго, то Стемпковскій хотѣлъ сюда помѣстить городъ *Фиска*, упомянутый однимъ только Птолемеемъ (III, 10).

Но такъ какъ ничто не доказываетъ, что этотъ городъ не могъ лежать совершенно въ иномъ мѣстѣ, то г. Беккеръ [5]), съ гораздо большимъ правомъ, ищетъ здѣсь гавань Истріанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему представляется возможность узнать въ Одесскомъ портѣ гавань *Исіаковъ*, отстоявшую, по Арріану, въ 50 только стадіяхъ (ок. 8 верстъ) отъ гавани Истріанъ, тогда какъ Стемпковскій и Бларамбергъ (Journal d'Odessa, 1827 № 2) принуждены были отодвинуть гавань Исіаковъ до Сухаго лимана, за нѣмецкою колоніею Лустдорфъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ древняго поселенія. При томъ гавань Исіаковъ находилась по Безъименному, у котораго она

[4]) Изслѣд. о мѣстоположеніи др. греч. посел. на бер. Понта Евкс.
[5]) Записки Одесск. Общ. Ист. III, 202.

называется *Іако*, на разстояніи 300 стадій (ок. 50 верстъ) отъ *Никоніума*, отыскиваемаго только что приведенными изслѣдователями въ Овидіополѣ, хотя, вѣроятно, онъ лежалъ немного ниже между деревнями Отарикомъ и Бузиноватою, гдѣ значительные признаки греческаго поселенія были открыты г. Беккеромъ. Впрочемъ, еслибы Никоніумъ и лежалъ въ предположенномъ Стемпковскимъ и Бларамбергомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ пришлось бы искать гавань Исіаковъ скорѣй въ Одессѣ, нежели при Сухомъ лиманѣ, отстоящемъ отъ Овидіополя не въ 50, но менѣе чѣмъ въ 40 верстахъ.

Правда, по Безъименному разстояніе между гаванями Истріанъ и Исіаковъ составляло не 50, но 90 стадій. Однако, послѣ вышесказаннаго, придется только допустить, что онъ здѣсь отклоняется отъ Арріана по какому-нибудь недосмотру, или же что онъ, какъ полагалъ г. Беккеръ, въ свое измѣреніе включилъ часть Гаджибейскаго лимана [6]), между тѣмъ какъ Арріанъ мѣрилъ прямо разстояніе между обѣими пристанями.

Если-же положимъ, что прямое между ними разстояніе и составляло не 50, но 90 стадій или 12 римскихъ миль, какъ считается у Безъименнаго, то оно составляло-бы 16 ($15^3/_4$) верстъ, а не 12, какъ полагалъ Стемпковскій, въ полной увѣренности, что миля безъименнаго сочинителя Перипла Понта Евксинскаго равнялась нынѣшней нашей верстѣ. Доводами сего убѣжденія служили ему слѣдующія два обстоятельства: 1) пространство берега, заключеннаго между Днѣстромъ и Днѣпромъ составляетъ теперь сто нашихъ верстъ и 2) по измѣренію промежуточныхъ разстояній Безъименнаго, между Борисѳеномъ и Тирасомъ приходится не болѣе 810 стадій, или даже 750, равняющихся ста милямъ.

Дѣйствительно Безъименный считаетъ отъ устья Борисѳена до острова предъ нимъ лежащаго 60 стадій; затѣмъ до

[6]) Что этотъ лиманъ въ старину былъ бухтою, въ которую входили большіи суда, явствуетъ изъ находимыхъ въ немъ якоряхъ о четырехъ лапахъ и вѣсомъ до 40 пуд. (О засореніи Одесскаго порта, въ № 67 Одесск. Вѣсти. за 1858 г.) Ниже увидимъ, что пересыпь, нынѣ отдѣляющая этотъ лиманъ отъ моря, быть можетъ, образовалась только въ XIV стол. послѣ Р. Х.

Одиссоса 80; до Скопулъ 160; до гавани Истріанъ 90; до гавани Исіаковъ 90; до Никоніума 300; до Тираса 30, итого 810 стадій. Вмѣсто этой суммы Стемпковскій считаетъ только 750, потому что Никоніумъ лежалъ вверхъ по Днѣстру, а не на берегу моря, какъ видно изъ описанія Безъименнаго сочинителя; «слѣдовательно,» говоритъ основатель Керченскаго музея «изъ 810 стадій надлежитъ вычесть тѣ 30, кои сей сочинитель полагаетъ между Никоніумомъ и устьемъ Тираса, и отъ сего устья до гавани Исіаковъ считать только 270, почему и остается 750 стадій или 100 миль на разстояніе между Тирасомъ и Борисѳеномъ».

Подобно Стемпковскому г. Беккеръ думаетъ, что Безъименный, измѣривъ разстояніе между гаванью Исіаковъ и Никоніумомъ, оттуда возвращается назадъ къ восточной оконечности Днѣстровскаго лимана, между тѣмъ какъ авторъ Перипла въ своемъ измѣреніи шелъ впередъ до города *Тираса*, какъ это доказалъ г. Нейманъ. «Мнѣніе г. Беккера,» говоритъ онъ (Die Hellenen im Skythenlande, 359) «которое уже по своей неестественности (Künstlichkeit) возбуждаетъ наше сомнѣніе и предполагаетъ въ Периплѣ, идущемъ сухо и правильно впередъ отъ одного пункта до другаго, непрактическое pêle mêle,—ведетъ къ странному факту, что нѣтъ указанія на мѣстоположеніе самаго главнаго пункта, т. е. города Тираса; что не указано его именно разстояніе какъ отъ Никоніума, такъ отъ башни *Неоптолема*» [7]). Еще болѣе можно

[7]) Башня эта, какъ видно изъ свидѣтельства не только Безъименнаго, но и Страбона (VII. 3, § 16), находилась при западной оконечности Днѣстровскаго лимана и могла поэтому занимать мѣсто, гдѣ нѣкоторые слѣды древнихъ построекъ были найдены г. Беккеромъ. Древняя же башня, именемъ своимъ напоминающая нѣкоторымъ сына владѣтеля Понта Ахиллеса, а другимъ полководца понтійскаго же владѣтеля Митридата, была, вѣроятно, ничто иное какъ маякъ, стоявшій при входѣ въ Днѣстровскій лиманъ, гдѣ подобнаго рода зданіе существовало еще въ началѣ XV вѣка, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства іеродіакона Зосимы. Прошедши изъ Бѣлграда (Аккермана) 9 верстъ, онъ спустился въ устье Днѣстра, гдѣ стоялъ «столпъ называемый фонарь,» и при которомъ находились «привалы корабельные,» между тѣмъ какъ современные московскому путешественнику итальянскіе моряки подъ именемъ

убѣдиться въ неосновательности мнѣнія г. Беккера, если имѣть въ виду сумму разстояній всѣхъ береговыхъ пунктовъ по измѣреніямъ Безъименнаго. Показавъ, что въ разстояніи между Херсонисомъ и Тирасомъ (3810 стадій или 508 миль) имъ дѣйствительно включены не только всѣ 300 стадій, отдѣлявшія гавань Исіаковъ отъ Никоніума, но еще слѣдующія 30 между этимъ городомъ и Тирасомъ, г. Нейманъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Безъименному не пришло въ голову возвратиться изъ Никоніума къ восточному устью лимана, и что онъ не забылъ указать на разстояніе, отдѣлявшее главный городъ края отъ сосѣдственныхъ береговыхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что городъ Никоніумъ дѣйствительно находился въ предположенномъ г. Беккеромъ мѣстѣ, отстоящемъ отъ Аккермана въ $5^1/_2$ верстахъ, т. е. около 30 стадій, между тѣмъ какъ разстояніе между нимъ и Овидіополемъ составляетъ около 50 стадій, или 9 верстъ.

Впрочемъ, такъ какъ Никоніумъ, находясь въ 30 стадіяхъ отъ города Тираса, отдѣленъ былъ подобнымъ же пространствомъ отъ восточной оконечности лимана, то и протяженіе берега между нею и устьемъ Днѣпра дѣйствительно равнялось-бы 750 стадіямъ или 100 милямъ Безъименнаго. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что прямое разстояніе между устьями Днѣпра и Днѣстра не превышаетъ 100 верстъ или 57 миль морскихъ. Но зато къ нимъ придется непремѣнно прибавить около 30 верстъ, если будемъ мѣрить это разстояніе берегомъ, и сложимъ съ Безъименнымъ частныя разстоянія упомянутыхъ имъ береговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ оказалось-бы, что миля этого автора равнялась-бы не одной верстѣ, а верстѣ и $^3/_{10}$.

Оно и не могло быть иначе, потому что позднѣйшая римская миля, соотвѣтствующая $7^1/_2$ греческихъ стадій [8]) состa-

falconare, отмѣченнымъ на ихъ картахъ, вѣроятно разумѣли т. н. мысъ Балабанъ, т. е. морской берегъ, пролегающій между лиманами Будацкимъ и Бурнасскимъ и открывающійся въ ясную погоду за 12 миль (Лоція Чернаго моря, 436).

[8]) Forbiger, Handbuch der alt. Geogr. I, 555.

вляла 80-ю часть градуса, который, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ около 105 верстъ. Если-же 80 подобныхъ миль равнялись 105 верстамъ, то Стемпковскому слѣдовало замѣнить 100 миль не ста верстами, но по крайней мѣрѣ ста тридцатью.

Нельзя сказать, какая участь постигла всѣ приведенные порты, когда они подпали подъ власть нѣмецкихъ *Готовъ*, въ коихъ знаменитый Гриммъ, ошибаясь подобно Іорданесу, узнавалъ потомковъ Даковъ или Гетовъ. Утвердившись, въ III вѣкѣ нашей эры на сѣверномъ берегу Чернаго моря, Готы, теченіемъ Днѣстра, раздѣлились на *Тервинговъ*, или Западныхъ и на *Грейтунговъ*, или Восточныхъ. Жилища послѣднихъ доходили до Дона, или, по крайней мѣрѣ, до Днѣпра (Amm. Marc. 31, 3), такъ, что имъ принадлежали порты Истріанъ и Исіаковъ, когда они, отобравъ у прибрежныхъ жителей до 2000 (по Зосиму 6000) судовъ, съ устья Днѣстра отправились на морскіе поиски въ Архипелагъ, въ царствованіе императора Клавдія II [9]). Сподвижниками ихъ въ подобныхъ походахъ, часто повторяемыхъ, были *Carpi* [10]), вѣроятно тождественные съ *Карпіанами* Птолемея, равно какъ и съ *Карпіями* или *Арпіями*, которые, по тому же автору (III, 10), обитали вдоль по морскому берегу между Дунаемъ и Днѣпромъ, стало быть въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ предъ ними жили Каллипиды Геродота и Мелы, Кробизы Плинія и Карпиды Скимна и безъименнаго автора перипла.

Когда-же послѣ нашествія Гунновъ на Европу, Готы, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячей, удержавшихся до XVI столѣтія въ горной части Крыма, принуждены были искать себѣ новыя жилища въ трехъ полуостровахъ южной Европы, и когда вслѣдъ затѣмъ быстро возникшее могущество Гунновъ столь-же быстро рушилось, тогда уже на сѣверномъ берегу Чернаго моря явились родственныя племена *Славянъ и*

---

[9]) Treb. Pollio in Claud. c. 6—9; Zos. I, 42—49.

[10]) Jorn. De reb. get. etc. c. 19; Zosimus, l. c.

Антовъ. Послѣдніе именно, поселившись между Днѣстромъ и Днѣпромъ (Jord. l l. c. 5) получили, по Прокопію, отъ императора Юстиніана, въ 545 году, опустѣвшій городъ *Турисъ* съ областью, лежавшей «за» Дунаемъ, (ὑπὲρ ποταμὸν Ἴστρον), съ тѣмъ, чтобы они защищали границу имперіи противъ варваровъ. Хотя Прокопій [11]) и говоритъ, что Турисъ былъ основанъ Траяномъ, но этимъ не мѣшаетъ мнѣ видѣть въ немъ Тирасъ, едва-ли не ими, т. е. Антами, названный *бѣлымъ городомъ*, извѣстнымъ Константину Багрянородному (De adm. imp. c. 37) и переименованнымъ Турками въ Аккерманъ.

Подобнымъ образомъ можно принять Антовъ за предковъ Несторовыхъ *Тиверцевъ* (вар. Тѣверцы, Тивирцы), жилища которыхъ доходили до Днѣстра, или даже, вдоль по морскому берегу до Днѣпра, если только допустить, что лѣтописецъ не хотѣлъ два раза говорить о Днѣстрѣ въ слѣдующемъ предложеніи: «Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присидяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сидяху бо по Днѣстру (Днѣпру?) оли до моря, суть гради ихъ до сего дня, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфъ» (Лавр. л. 4). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ (ibid. 12), говоря, что въ войскѣ Олега находились также Тиверцы, прибавляетъ: «яже суть толковини». Если, какъ остроумно догадывался В. И. Григоровичъ, это названіе произошло отъ слова толокъ, то оказалось-бы, что Тиверцы добровольно служили русскому князю, подобно тому, какъ Анты, и передъ ними Тервинги, прежде были союзниками Византійскихъ императоровъ. Если-бы Готы, какъ выше нами уже было замѣчено (стр. 39) дѣйствительно удержались долго еще въ окрестностяхъ Силистріи, то и объяснилось-бы, почему Анты, съ ними смѣшавшись, стали называться Тивѣрцами, т. е. Тервингами, подобно тому какъ задунайскіе ихъ единоплеменники превратились въ Болгаръ, а приднѣпровскіе въ Русь. Также объяснились-бы готскія слова въ древнеславянскомъ языкѣ.

---

[11]) De bello gothh. III, 15; cf. Зап. Одесск. Общ. III, 452.

По Константину Багрянородному (De adm. imp. I, 37 c.) береговой край занятый Антами и Тиверцами въ его время назывался *Золотымъ берегомъ*, быть можетъ по своей важности для рыбной ловли, которая по свидѣтельству Нестора, также производилась съ большимъ успѣхомъ въ *Бѣлобережьѣ*, совпадавшимъ съ Золотымъ берегомъ или, по крайней мѣрѣ, составлявшимъ часть его. Нельзя не узнать славянское слово *бѣлобережье* въ имени *barbarese*, или *borbarese*, отмѣченномъ на итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій около нынѣшняго Березанскаго лимана, подобно тому какъ въ нихъ лиманъ Тилигульскій названъ flor-de-lis, между тѣмъ какъ слѣдующее имя ginestra или zinestra означало мысъ, отдѣляющій Гаджибейскій лиманъ отъ Куяльника, или же одинъ изъ этихъ лимановъ.

Мнѣ уже представился случай (см. выше стр. 81) высказать мнѣніе, что различныя мѣстности, лежавшія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, могли быть наименованы итальянскими моряками по растеніямъ, которыя и нынѣ еще въ изобиліи встрѣчаются въ ихъ окрестностяхъ. Впрочемъ я не отрицалъ, и теперь не отрицаю, что другія постороннія обстоятельства могли послужить поводомъ къ примѣненію къ лиманамъ Куяльницкому и Тилигульскому названій, изъ коихъ одно было прозвищемъ англійскихъ королей изъ дома Анжускаго, тогда какъ другое напоминаетъ намъ старинный французскій гербъ. «Но почему» спрашиваетъ извѣстный сотрудникъ Тафеля[12]) «слова, означающія этотъ гербъ, отмѣчены при устьѣ Тилигула по испански? Не находились ли тутъ или церковь или же монастырь? въ Мадритѣ есть церковъ Мадоны того же наименованія; или же не приставали ли тутъ какіе то странствующіе Каталаны?». По Carmany[13]) Каталаны еще въ 1290 году получили отъ императора Андроника II право участво-

[12]) Thomas, Periplus Ponti Euxini, München, 1864.

[13]) Memorias hist. sobre.... Barcelona, Madrid (4 тома 1779 sq.) II, Docum. 249—301.

вать въ Черноморской торговлѣ, которымъ впрочемъ едва-ли могли пользоваться по причинѣ ревнивости Венеціанцевъ и Генуэзцевъ. Но такъ какъ вскорѣ спустя Роккафорте, одинъ изъ начальниковъ «Великой Компаніи», готовъ былъ сочетаться бракомъ съ сестрою болгарскаго царя Святослава, вдовою Чакаса, сына Ногая [14]), то барцелонскіе моряки легко могли приставать къ берегу Добруджи, тогда именно недоступному для Генуэзцевъ, поссорившихся съ царемъ «Fedixclavus'омъ» [15]). Каталаны, напротивъ того были бы тамъ приняты радушно, такъ какъ ими около сего времени разрушенъ былъ принадлежавшій врагамъ царя (Византійцамъ) военный портъ Stagnega, близъ нынѣшней деревни Инада, на западномъ берегу Чернаго моря. При такихъ обстоятельствахъ, позволено будетъ спросить, неужели устье Дуная, которое уже тогда называлось «георгіевскимъ», обязано этимъ именемъ непремѣнно Генуэзцамъ? По крайней мѣрѣ съ давнихъ поръ «la cruz encarnada de San jorge» красилась въ гербѣ Барцелоны, а затѣмъ уже (1115) была сообщена республикѣ св. Георгія «por el conde de Barcelona Raymund Berenguer III» [16]).

Соглашаясь съ Томасомъ, что слова flor de lis могли быть отмѣчены на средневѣковыхъ картахъ Чернаго моря первоначально Каталанами, Пешель (Ausland 1864 стр. 1030) можетъ быть не ошибается, замѣчая, въ своемъ разборѣ только что приведеннаго труда мюнхенскаго академика, что составители картъ подъ своимъ flor de lis разумѣли ничто иное, какъ магнитный сѣверъ, на томъ основаніи, что на старинныхъ компасахъ изображалась лилія при сѣверной оконечности магнитной стрѣлки. «Изданныя мюнхенскою академіею морскія карты» говоритъ онъ «представляютъ намъ даже розу вѣтровъ съ изображеніемъ лиліи». Тождество сего знака съ гербомъ Франціи подало поводъ нѣсколькимъ зарейнскимъ ученымъ, увлеченнымъ чувствомъ неумѣстнымъ въ дѣлѣ науки, присвоить

[14]) Иречекъ, Ист. Болгаръ, русск. переводъ.
[15]) Heyd, Le colonie italiani etc. II. 93.
[16]) Capmany, l. l. T. 5; ср. Apend. de not. N III, стр. 3.

своему отечеству честь если не изобрѣтенія, то, по крайней мѣрѣ, усовершенствованія компаса. Но такъ какъ родина Медичисовъ также имѣла лилію въ своемъ гербѣ, то Флорентинцы имѣли бы полное право оспаривать эту честь у Французовъ, тѣмъ болѣе, что двуглавый орелъ и крестъ, означавшіе на старинныхъ компасахъ западъ и востокъ, и соотвѣтствующіе эмблемамъ Джибелиновъ и Гвельфовъ, гораздо скорѣе могли быть присоединены къ розовой лиліи соотечественникомъ Данте, нежели кѣмъ либо изъ французскихъ королей. По сему до поры до времени нѣтъ надобности считать невѣроятнымъ преданіе, по которому, около 1300 года нашей эры, компасъ, раздѣленіемъ розы вѣтровъ на 16 румбовъ, былъ улучшенъ Амальфитяниномъ Флавіо Джіоіа [17]). Во всякомъ случаѣ его соотечественники могли первые примѣнить къ Тилигулу тогдашнее названіе магнитнаго сѣвера, такъ какъ они прежде другихъ Итальянцевъ пользовались торговыми льготами въ Константинополѣ (De la Primaudaie, l. l. 32), откуда тѣмъ легче могли добираться до сѣвернаго берега Чернаго моря, что еще на родинѣ своей имѣли случай познакомиться съ нашими Викингами [18]). Предположеніе, что Тиряне южной Италіи могли посѣщать Русское море, не покажется слишкомъ смѣлымъ, если имѣть въ виду, что на картахъ средневѣковыхъ, хранящихся въ Мюнхенѣ, слова porto de Malfitan отмѣчены при Сухумской бухтѣ. Изъ этой приписки можно заключить, что въ сосѣдствѣ древняго Діоскуріаса находилось поселеніе, основанное Амальфитянами; или, по крайней мѣрѣ— что суда, познакомившіе народы Востока съ произведеніями Европы [19]), имѣли пристанище въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ въ послѣдствіи утвердились Венеціянцы и Генуэзцы.

Уже гораздо позже является въ морскихъ картахъ имя *Caczibei* или *Kaczibei*, около того мѣста гдѣ нынѣ красуется

---

[17]) Jal, Glossaire nautique, Paris, 1848 s. v. Rose de Compas.
[18]) Muralt, Chron. Byzant. 619 et passim.
[19]) Guil. Tyr. XVIII, 4, ap. Bongars.

перлъ Новороссійскаго края. По Сарницкому [20]), портъ Качибейскій обязанъ именемъ своимъ татарскому полководцу Качубею, который вмѣстѣ съ другими, Кутлубахомъ и Дмитріемъ, такъ сильно былъ разбитъ Литовцами, въ 1331 году, при устьѣ Днѣпра, что Татары принуждены были бѣжать частью къ Дону, частью-же черезъ Дунай, въ Добруджу.

По приведенному польскому писателю этотъ подвигъ былъ совершенъ великимъ княземъ Ольгердомъ, и таково также мнѣніе Лелевеля [21]), и даже Карамзина. Ибо безъ сомнѣнія нашъ исторіографъ имѣлъ въ виду это событіе, когда говоритъ (изд. Эйнерл. V, 8): «Въ 1363 году онъ (Ольгердъ) пошелъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ (т. е. Синюхѣ, притоку Буга) или въ Подолію, гдѣ кочевали три орды монгольскія; разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды, опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей и похитилъ церковныя сокровища, и съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы». Затѣмъ Карамзинъ еще прибавляетъ въ выноскѣ (V, 12) «Стрійковскій пишетъ (Хрон. Литвы, кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, близъ Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ князей монгольскихъ, Кутлубаха Султана, Качибейкирея и Димейтера Султана (будто въ 1331 году), прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Дунай» etc.

Но, не говоря о томъ, что Корсунь былъ уже опустошенъ въ 1223 году правителемъ Синопа Гетумомъ [22]), и что еще не былъ хорошо обстроенъ въ 1333 году, когда въ немъ было устроено католическое епископство [23]), не трудно будетъ намъ доказать, что сынъ Гедимина никогда не былъ въ Кры-

---

[20]) Dlugossi Hist. Pol. 1712, II, стр. 1134.

[21]) Hist. de la Ruthénie et de la Lithuanie, 135.

[22]) Куникъ, въ 2 т. Учен. Зап. Ак. Наукъ, стр. 739.

[23]) Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae historiam illustrantia, Romae, I, стр. 387.

му и что посему самому неудивительно, что Михаилъ Литвинъ ничего не говоритъ о разграбленіи имъ Херсона, столь краснорѣчиво описанномъ Карамзинымъ!

Еще Тунманъ [24]) былъ увѣренъ, что дѣло это касалось не великаго князя Ольгерда, но полководца того-же имени, посланнаго Витольдомъ, около 1396 года, противъ Татаръ. Дѣйствительно мы узнаемъ отъ Длугоша (XI, 153), Туана (in Pol. Elzev. 241) и самаго Сарницкаго (Dlug. II, 1159), что въ это время Витольдъ, вслѣдствіе счастливаго похода, перевелъ изъ Скиѳіи множество Татаръ въ окрестности Трокъ, гдѣ эту колонію засталъ Гилльберъ де Ланнуа [25]), незабывшій намъ передать, что между ними было много Евреевъ. Если, какъ должно думать, Караиты именно съ этого времени обитаютъ въ Трокахъ, то кажется, что походъ Литовцевъ направленъ былъ въ Крымъ, и предположеніе сіе подтверждается извѣстіемъ, сообщеннымъ Шлёцеромъ. Въ своей исторіи Литвы, описывая дѣйствія Витольда, славный истолкователь Нестора говоритъ [26]), что полководецъ великаго князя, Ольгердъ, разбилъ около Дона трехъ выступившихъ противъ него хановъ: Крымскаго, Кирькельскаго и Манлопскаго.

Нельзя не узнать въ этихъ трехъ ханахъ приведенныхъ выше полководцевъ: Кутлубуха, Качибея и Дмитрія, тѣмъ болѣе, что *Синяя* вода, при которой они претерпѣли пораженіе, не могла не совпадать съ Дономъ, поелику современные нѣмецкіе анналисты [27]), говоря о славной побѣдѣ, одержанной великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ при этой рѣкѣ въ 1380 году, ее то именно называютъ Синею водою: «Eodem anno Ruteni et Tartari habuerunt conflictum simul prope Bluewater; Ruteni prevaluerunt».

По современнымъ нѣмецкимъ писателямъ, продолжателю Детмара и Руфу [28]), Витольдъ лично участвовалъ въ 1396 г. въ

[24]) Büsching, Erdbeschr. IV, стр. 387.
[25]) Voyages etc, ed. Mons, 25.
[26]) Ср. Кёппенъ, Крымскій Сборн. 310.
[27]) Script. rerum Pruss. III, 114.
[28]) Ibid. 216.

походѣ противъ Татаръ, проникъ до окрестностей Каффы и плѣнилъ многихъ татарскихъ вельможъ: «toch mit dem volke al Tatheren dore lettoe vor Capha unde venk unde slach doet und bedwank se to male. Also makede he vele Tatheren underdanich den Lettowen.. .. he vingh ock alle de voersten und edele lude, da in dem ryke waren».

Хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что *полководецъ* Витольда Ольгердъ когда либо разорилъ Херсонъ, но зато несомнѣнно, что туда заставили ходить «великаго князя» Ольгерда въ 1363 году потому только, что въ этомъ самомъ году *Ржевъ* былъ взятъ Литовцами и что, при описаніи этого событія, въ Никоновской лѣтописи читается *Коршева* вмѣсто ко *Ржева*.

Что-же касается разбитыхъ Витольдомъ или его полководцемъ трехъ хановъ, то ясно, что ханъ Крымскій непремѣнно долженствовалъ быть Кутлабуха, т. е. Кутлубуга [29]), между тѣмъ какъ султанъ Манлопскій, т. е. Мангупскій, могъ называться Дмитріемъ, будучи христіаниномъ. Поэтому оказывается что ханомъ Киркельскимъ не могъ не быть основатель Гаджибея, что не помѣшало-бы намъ видѣть въ немъ нѣкоего Бекъ-Гаджи, начальника племени Суткулъ (Березинъ, l. l. II, 15) или Шюракюль (Зап. Од. Общ. I, 339), которому утвердилъ Тохтамышъ льготы, дарованныя еще Тимуръ Пуладомъ его племени.

По крайней мѣрѣ становища этого племени, которое ханскимъ ярлыкомъ было освобождено отъ всякаго рода податей и повинностей какъ внутри Крыма, такъ внѣ и на мѣстахъ остановки, могли простираться до окрестностей порта Гаджибейскаго.

Впрочемъ кажется, что владѣтель Киркьера Гаджибей, или Бекъ-Гаджи, былъ въ числѣ убитыхъ въ войнѣ съ Витольдомъ, или въ числѣ лицъ отведенныхъ имъ въ Литву. Ибо еще въ 1397 году ханъ Кипчакскій Тимуръ Кутлукъ,

[29]) Березинъ, Ханск. Ярлыки, I, пр. 9.

заставившій самаго Тохтамыша искать убѣжище въ Литвѣ, отдалъ Киркьерскую область, сосѣдственную селенію Судакъ, нѣкоему Мухамеду сыну Гаджи-Байрамъ-Ходжа, даровавъ ему льготы въ родѣ тѣхъ, какія начальникъ племени Суткулъ получилъ отъ Тохтамыша (Березинъ, l. l. 10).

Верховная власть Литвы надъ здѣшнимъ краемъ не прекратилась послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго Витольду Эдигеемъ при Ворсклѣ въ 1399 году. Иначе не объяснилось бы, какимъ образомъ Владиславъ II могъ отправить въ 1415 году нѣсколько судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, изъ порта Качибейскаго въ столицу греческой имперіи, терпѣвшей въ это время большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе опустошеній окрестностей Константинополя Турками [30]).

Нѣсколько лѣтъ спустя де Ланнуа (l. l. 40), въ путешествіи своемъ изъ Монкастро (Аккерманъ) въ Каффу, засталъ при нижнемъ Днѣпрѣ татарскаго князя, друга и слугу герцога Витольда, равно какъ и большое татарское селеніе, принадлежавшее сказанному Витольду.

Хотя бургундскій рыцарь не говоритъ ни слова о лежавшемъ на его пути замкѣ Гаджибейскомъ, но изъ его молчанія не слѣдуетъ заключать, будто бы этотъ замокъ или городъ тогда уже не существовалъ. Напротивъ того кажется, что имя его встрѣчается въ слѣдующемъ спискѣ замковъ, доставшихся по смерти Витольда преемнику его Свитригайло: Cirkassi, Zwimhorod, Sokolez, Czarnygrod, *Kaczuklenow* и Maiak-karawul [31]).

Если-же въ имени Kaczuklenow позволено будетъ слышать испорченное переписчиками имя нашего Гаджибея, то слѣдовало-бы заключить, что отмѣченный за нимъ въ спискѣ замокъ *Maiakz* также находился не въ дальнемъ отъ него разстояніи, тѣмъ болѣе, что названіе караулъ, прибавленное къ имени его и значущее по турецки сторожевая башня, позво-

[30]) Cromer, De reb. Pol. XVIII, 279.
[31]) Kotzebue, Switrigail, 114.

ляетъ думать, что она находилась въ странѣ, въ которой обитали Татары. Если-же отмѣченное въ спискѣ слово karawul вовсе не означало сторожевую башню, но было передѣлано съ турецкаго-же: кара-аулъ (Черный аулъ) или кара-гулъ (Черное озеро), то и въ такомъ случаѣ замокъ Маякскій могъ находиться близъ днѣстровскаго лимана, поелику сѣверо-западная часть его нынѣ еще называется Карагульскимъ заливомъ [32]).

Дѣйствительно мы узнаемъ отъ де Ланнуа, что въ бытность его въ Монкастро, прибылъ туда губернаторъ Подоліи Гедигольдъ, дабы на одномъ изъ береговъ Днѣстра (à l'un des lez du fleuve) соорудить новый замокъ, который сказаннымъ герцогомъ Витольдомъ былъ построенъ менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ, въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ не было ни лѣса ни камней; но сказанный губернаторъ привелъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ и четыре тысячи повозокъ нагруженныхъ камнемъ и лѣсомъ.

Безъ сомнѣнія, Броніовій [33]) имѣлъ въ виду этотъ замокъ, когда, сказавши что при устьѣ Днѣстра находились, по Страбону, города Никоніумъ и Офіуса, продолжаетъ: Ex adverso itaque Majaci trajectus, ille Bialogrodo navibus in campum Bialogrodensem et Oczacoviensem superatur. Militem quendam Maiacum ibi fuisse fabulantur; ac in eo loco Nestro trajecto, in ripa lapidei parietes ruinosi et quasi quaedam ruinae apparent; eam ruinam Turrim Neoptolemi fuisse Strabo refert.

Подобно мнимой башни Неоптолема, можетъ быть примѣнено къ Гедигольду упомянутое Броніовіемъ преданіе о пребываніи въ этомъ мѣстѣ воина, коего имя онъ явно смѣшиваетъ съ названіемъ замка, имъ построеннаго.

Даже можетъ статься, что преданіе относится къ самому

---

[32]) Шмидъ. Мат. для Геогр. и Стат. Херс. Губ. I, 206.

[33]) Schwandtner, Script. rer. hung. I, 815.

Витольду, которому, по Сарницкому [34]) принадлежали мостъ и баня, или скорѣе мытница, при Бугѣ. Вѣроятно они находились, какъ думаетъ г. Скальковскій [35]), возлѣ деревень Витовтова брода и Витовти, въ названіяхъ коихъ отзывается языческое имя руссколитовскаго князя Александра. Я увѣренъ даже, что Днѣстровскій лиманъ свое молдавское названіе (lacus Vidovo seu Obidovo, по Броніовію), скорѣе получилъ въ память этого счастливаго завоевателя, нежели по имени злосчастнаго поэта римскаго, какъ часто полагаютъ, хотя Овидій никогда не бывалъ въ Бессарабіи, Молдоване-же туда переселились не задолго до временъ Витольда. Сарницкій разсказываетъ (l. l. s. v. Ovidii lacus), что возлѣ Видова озера находилась крѣпкая стѣна, по которой сказанный князь ѣздилъ въ море, на протяженіи полумили, въ знакъ своего владычества надъ Сарматскимъ моремъ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ авторъ отличаетъ Днѣстръ отъ лимана, то стѣна сія могла находиться возлѣ того мѣста, гдѣ стояла башня. Можетъ быть она была родъ плотины для облегченія переправы чрезъ плавни между Паланкою и Маяками, во время полноводія.

Къ сожалѣнію де Ланнуа не говоритъ на какой именно сторонѣ Днѣстра была построена башня Гедигольдомъ, между тѣмъ какъ изъ словъ Броніовія также не явствуетъ, на какомъ именно берегу рѣки находились развалины, напоминавшія ему башню Неоптолема. Поэтому можно только догадываться, что онъ имѣлъ въ виду деревню Паланку, гдѣ еще недавно виднѣлись толстыя стѣны круглой башни, между тѣмъ какъ въ Маякахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобной постройки [36]).

---

[34]) Descr. Poloniae s. v. Balneum et Pons Vitoudi.

[35]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1845, XI, 177.

[36]) Тоже самое слѣдуетъ теперь сказать о башнѣ паланкской, столь достойной сохраненія какъ памятникъ старины! «Лѣтъ десять тому», говоря словами покойнаго Виктора Ивановича (Григоровичъ, Записка Антиквара 1874, стр. 46), «кто то, чужой селу, взялся строить церковь — при небольшомъ со стороны сельчанъ пособіи. Церковь еще не кончилась, но башня вся ушла на постройки», и проч.

Правда, на картѣ, приложенной у Швандтнера къ сочиненію Броніовія, башня Неоптолемова отмѣчена на мѣстѣ гдѣ нынѣ стоитъ посадъ Маяки; но зато имя сіе читается на картѣ Рейхерсдорфа, помѣщенной въ томъ-же сборникѣ, на правой сторонѣ Днѣстра около Паланки, откуда легко могло быть переведено на противуположный берегъ жителями туда переселившимися, подобно именамъ другихъ бессарабскихъ селеній, встрѣчающимся также на лѣвомъ берегу, напр.: Рашковъ въ Подоліи, противъ Ваду или Стараго Рашкова въ Бессарабіи; городъ Дубоссары и селеніе Старые Дубоссары; тираспольскаго уѣзда селенія Слободзея и Бессарабское того-же имени; тираспольскаго-же уѣзда село Чобручи, выстроенное Некрасовцами насупротивъ села того-же имени, лежавшаго, по книгѣ Большему Чертежу (1838, стр. 103) въ 20 верстахъ ниже Тегинья (Бендеръ). Къ сожалѣнію чертежъ прерывается въ этомъ мѣстѣ: «А ниже Тубарчи 20 верстъ, въ старомъ чертежѣ подпись свалилась». Должно однакожь замѣтить, что русскіе бѣглецы, переселившись въ 1791 году изъ за Дуная въ Маяки, могли себѣ построить часовню изъ камня татарской мечети и изъ развалинъ другихъ зданій [37]).

Если-же Витольдъ, кромѣ замка при нижнемъ Днѣстрѣ, могъ имѣть мостъ и мытницу около Богополя и Николаева, то позволено будетъ отыскать замокъ Sokolez не въ деревнѣ Соколовкѣ (Кіевской губ.), но въ нынѣшнемъ Вознесенскѣ, гдѣ при Запорожцахъ была переправа чрезъ Бугъ, называвшаяся Соколовская, или Соколы [38]).

Наконецъ упомянутый въ спискѣ замокъ *Czarnygrod* могъ занимать мѣсто Очакова, названнаго Татарами *Каракерманъ* [39]) т. е. Чернымъ городомъ. Вотъ почему я не сомнѣваюсь, что Кёппенъ (l. l. 316) ошибся полагая, что авторъ книги вышедшей въ 1630 году подъ заглавіемъ: Russia seu

[37]) Зап. Одесск. Общества, II, 193.

[38]) Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи, изд. втор. II, 32.

[39]) Зап. Од. Общ. I. 384.

Moscovia itemque Tartaria etc., имѣлъ въ виду не Очаковъ, но заливъ Некропилы, т. е. Акмечетскій, когда на 233-й стр. говоритъ: extra vero peninsulam usque ad Borysthenis ripas habent (Татары) *Nigropolim* ac alias, nullius tamen momenti, civitates.

Что дѣйствительно Очаковъ вмѣстѣ съ Хаджибеемъ могъ быть уступленъ, по смерти Витольда, Владиславомъ Свитригайлѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ условій, состоявшихся между братьями въ Луцкѣ, въ 1431 году;

«Przezeto my król wyżei urmiankowany zamki i miasta nazvane Kaminiec, Smotrycz, Czerwongrod etc. Równiez wyżei rzezony w. k. S. trymać zamkii miasta następne: Braclaw, Socolez, Zwinigrod, Koczubinyow, Daszkow, oraz inne okoliczne zamki» etc. [40]).

Сравнивая этотъ списокъ съ вышеприведеннымъ, мы усматриваемъ, что замокъ Kaczuklenow дѣйствительно былъ Гаджибейскій, и что вмѣсто Czarnygrod во второмъ спискѣ отмѣченъ Daszkow.

Оба имени, подобно Маякамъ, также упомянуты въ спискѣ городовъ и замковъ, жалованныхъ Сигизмунду I крымскимъ ханомъ въ 913 году по смерти Магомета [41]). Такъ въ одномъ мѣстѣ этого ярлыка читается: Хачибеевъ и Маякъ зъ водами и зъ землями: ино почонши отъ Киева и Днепромъ и до устья etc; а въ другомъ: Ябу городокъ, Балыклы, Караулъ чорный, городъ Дашовъ и т. д. [42]).

---

[40]) Danyłowicz, Skarb. Dipl. I, 123.

[41]) Такъ какъ Магометъ скончался десять лѣтъ послѣ бѣгства его изъ Мекки въ Медину, то 913 г. по его смерти соотвѣтствовалъ 923 году геджры. Въ это время ханомъ крымскимъ былъ Мухаммедъ-Герай, наслѣдовавшій отцу своему въ 920 году обыкновенной магометанской эры, т. е. 1514 нашей эры. Если-же, какъ сказано въ Сборникѣ князя Оболенскаго (I, 109), грамота жалована была Менгли-Гераемъ, то должно думать, что переводчикъ началомъ эры магометанской полагалъ смерть пророка, совпадавшую съ началомъ эры іездедгерской, которая также нынѣ еще въ употребленіи на Востокѣ.

[42]) Сборн. кн. Оболенскаго, № 1, 88.

Такъ какъ въ оригиналѣ недостаетъ вѣроятно запятыхъ, то мы имѣемъ право ихъ переставить и читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Ябу городокъ, Балыклый караулъ, чорный городъ Дашовъ. Такимъ образомъ мы себѣ можемъ воображать что тутъ ханъ имѣлъ въ виду: становище Ямболукской или Джамболукской орды; сторожевую башню Балыклы, соотвѣтствующую безъ сомнѣнія упомянутому Сарницкимъ замку Балуклея при устьѣ Чичаклея въ Бугъ[43]) и Черный городъ Дашовъ.

Во всякомъ случаѣ Михаилъ Литвинъ[44]) свидѣтельствуетъ что Очаковъ также назывался Dassow.

Быть можетъ городъ такъ былъ названъ по имени старосты Перемышла Дашко, который, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Острожскимъ, обратился къ хану Узбеку еще въ 1341 году съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ освободилъ отъ ига Казиміра III, и быть можетъ тогда же переселился въ страну, которая зависѣла отъ орды[45]).

Выше Очакова находился, по Михаилу же, замокъ *Tynhinia*, коего развалины нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревнѣ Тягинкѣ на берегу Днѣпра. По преданію[46]) замокъ этотъ былъ построенъ Генуэзцами, а потомъ, безъ сомнѣнія, возстановленъ Татарами послѣ изгнанія первыхъ съ береговъ Чернаго моря. Ибо польскій король Іоаннъ Альбрехтъ пишетъ брату своему Александру осенью 1492 года, что «царь Перекопскій Мендли-Кгерей вытягнулъ съ Перекопа со всѣми моцами своими, а тягнетъ до того замку своему, который того лѣта минулаго оправилъ на сей сторонѣ Днѣпра съ помощью царя турецкаго, именемъ *Тягинъ*, а того не вѣдаемъ, гдѣ ся тотъ паганинъ маетъ обернуть на которую сто-

[43]) Descr. Pol. s. v. Capczaklei.

[44]) De moribus Tartarorum etc. въ Архивѣ ист. и юрид. свѣдѣній и Калачова, кн. II, ср. Тапгука (Нарушевича) 1787 стр. 100.

[45]) Карамзинъ, И. Г. Р. IV, 351.

[46]) Мышецкій, Ист. о Казакахъ Запорожскихъ, 72, пр. 101.

рону [47])». Безъ сомнѣнія Менгли-Герай имѣлъ въ виду сію же крѣпость, когда въ маѣ того же года на предложеніе воевать Польшу, сдѣланное ему въ Киркьерѣ русскимъ посломъ Колычевымъ, изъяснился въ слѣдующихъ словахъ: «А что ми было на королеву землю ратью итти, и язъ нынче здумалъ такъ: есть на королевой землѣ ниже Тавани на той сторонѣ Днѣпра городище надъ Нѣпромъ, и язъ пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми» etc [48]).

По сему тѣ ошибаются, кто по примѣру Карамзина (VI, 146) полагаютъ, что ханъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ говорить объ Очаковѣ. Подобнымъ образомъ Черкасскій воевода Богданъ разорилъ въ слѣдующемъ году не Очаковъ, но замокъ Тягинскій, къ великой досадѣ хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго (Карамзинъ, VI, 152) Грамоту свою къ государю, которому сообщилъ это непріятное извѣстіе, онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Да еще на Нѣпрѣ того города не нарядимъ, сей Литовской землѣ недружбу крѣпко нельзя довести. Такъ вѣдай, какъ тотъ нашъ городъ на Нѣпрѣ доспѣти, его помощникъ будетъ, братъ мой; ты вѣдаешь нашего да и твоего брата моего дѣла здѣлати; только того городка на Нѣпрѣ не здѣлаемъ» [49]).

Нельзя сказать въ какомъ году Сигизмундъ лишился Очакова, потому что современныя извѣствія, касающіяся до сего города, отрывисты и сбивчивы. Такъ сказано въ книгѣ Крымскихъ посольствъ (Зап. Од. Общ. V, 236 sqq.), что казанскій царь Шигъ-Айдаръ, въ 1523 году, съ Нагайцами и Мангитами, разоривъ укрѣпленія Перекопа, оттуда посылалъ двоекратно небольшіе отряды къ Очакову. Затѣмъ говорится, что оставленный Магметъ-Гиреемъ въ Крыму Остафій Дашковичъ, ушедши оттуда къ себѣ въ Черкасы и собравъ нѣсколько лю-

---

[47]) Акты относ. къ Ист. Зап. Рос. I, 122, ср. Арцыбышевъ, Пов. о Россіи II, кн. 4, 217 пр. 1500: санчаки Очаковскій и Тягинскій, подъ 1556 годомъ.

[48]) Зап. Од. Общ. V, 213.

[49]) Ibid. V, 218, 9.

дей, пожегъ и разорилъ укрѣпленія городовъ Очакова и Ислама [50]).

Можетъ быть атаманъ Евстафій Дашковичъ, котораго Днѣпровскіе казаки считаютъ своимъ Ромуломъ [51]), былъ еще тогда союзникомъ Крымскимъ, а не только дотолѣ, какъ выражается Карамзинъ, въ той увѣренности, что Очаковъ Дашковичемъ тогда былъ отнятъ у хана. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ непонятно какимъ образомъ русскій посланникъ Иванъ Брюховъ, въ слѣдующемъ году, по выѣздѣ своемъ изъ Перекопа могъ получить извѣстіе, что польское войско изъ 80,000 состоящее, пришедъ къ Очакову, разорило оный, но потомъ оттуда отправилось къ Бѣлгороду. Наконецъ мы не понимаемъ, по какимъ «невѣдомымъ обстоятельствамъ» крымскій царь Сеадетъ-герай принужденъ былъ, въ 1528 году, дать возмутившемуся противъ него племяннику своему Исламъ-гераю въ удѣлъ городъ Очаковъ, гдѣ и жилъ онъ съ Остафьемъ Дашковичемъ, присланнымъ къ нему для вспоможенія отъ польскаго короля, имѣя при себѣ только съ небольшимъ тысячу человѣкъ [52]).

Краткія извѣстія о судьбахъ Очакова въ XVI столѣтіи, заимствованныя изъ отечественныхъ нашихъ актовъ, можно немного пополнить тѣмъ, что о немъ говорятъ Кромеръ и баронъ Герберштейнъ. Такъ первый (l. l. 458), описывая событія случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I, въ число трехъ несчастій ставитъ пораженіе, нанесенное Николаю Сѣневскому, котораго называетъ vir in primis strenuus, предъ Очаковымъ, между тѣмъ какъ авторъ Комментаріевъ [53]), сказавъ, что за Черкасскомъ болѣе не было христіанскихъ жилищъ, присовокупляетъ, что въ сорока миляхъ отъ сего города лежалъ Оча-

[50]) Крѣпость эта находилась недалеко отъ Каховки; развалины ея видѣли Михаилъ Литвинъ и Боплавъ. Первый называетъ ее Товань. а второй Aslan gorodiske при каналѣ Тавань.

[51]) Карамзинъ, VII. 45 и 78.

[52]) Книга Крымск. Пос. № 6,167—200 ср. Зап. Од. Общ. V, 255.

[53]) Starczewski, Hist. Ruth. script. ext. I, 70.

ковъ, castrum et civitas quam Tauricae rex non ita diu Poloniae regi ademptam possidebat. Hanc nunc Turcus tenet.

По Сарницкому [54]) Очаковъ прежде принадлежалъ Сѣвскимъ и Язловецкимъ, которымъ также были пожалованы земли надъ Чернымъ моремъ близь порта Качубей, какъ видно изъ любопытнаго для насъ декрета Владислава III, 1442 г., о которомъ упоминаетъ извѣстный Чацкій [55]). Королевскіе комиссары доказывали, что Гаджибейскія пересыпи (przecypisca) не могутъ принадлежать Язловецкимъ, ибо о томъ ничего не сказано въ жалованной грамотѣ, «пересыпи же слишкомъ уже сто лѣтъ какъ море тамъ пересыпало». Язловецкіе не позволяли тамъ ставить королевской стражи, какъ на землѣ не принадлежавшей ихъ князю. Но приговоръ Владислава рѣшилъ это дѣло въ пользу королевскую, на томъ основаніи что все, что море унесло у другихъ, то къ его владѣнію присовокупило: quid mare abstulit aliis, Nostro vero dominio adjunxit.

Вѣроятно замокъ Гаджибейскій отнятъ былъ Татарами у Сигизмунда въ то самое время, когда онъ лишился Очакова. По крайней мѣрѣ видно изъ договора заключеннаго въ 1540 году между королемъ и ханомъ Сагибъ-Гераемъ, что Гаджибей тогда уже принадлежалъ Татарамъ. Ибо по 4-й и 5-й статьямъ сего договора ханъ позволяетъ купцамъ королевскимъ и литовскимъ брать соль въ Kaczibnewie и вывозить ее оттуда куда хотятъ съ уплатою установленныхъ пошлинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ обѣщаетъ вознаградить людей королевскихъ за обиды могущія имъ быть причиняемы въ Гаджибеѣ [56]).

Правда, этимъ же договоромъ король признанъ ханомъ спокойнымъ владѣтелемъ Кіева, Луцка и многихъ другихъ мѣстъ, въ числѣ коихъ встрѣчается также Kaczibeja-most.

---

[54]) Descr. Pol. apud. Dlugoss. l. c.

[55]) O Litewskich i Polskich prawach, II, 185, прив. у Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края I, 18.

[56]) Daniłowicz. l. l. 312.

Но вышеприведенныя статьи договора показываютъ, что этотъ мостъ не могъ находиться въ сосѣдствѣ замка того же имени, а потому мнѣ кажется, что его должно искать при какой нибудь изъ рѣкъ, протекавшихъ на пути, ведущемъ къ Гаджибею изъ Украины. Такъ какъ главная изъ этихъ рѣкъ есть Бугъ, то я полагалъ бы, что мостъ Kaczibejow могъ находиться при замкѣ Capczaclei, коего развалины еще замѣтны были во времена Броніовія (l. l. 814) при устьѣ Чичаклея въ Бугъ, т. е. въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находилась башня Balyklei Сарницкаго. Также могло статься, что мостъ этотъ находился при переправѣ Соколиной, или же наконецъ, что онъ былъ тотъ самый, коего постройку Сарницкій приписалъ Витольду.

Подобно замку Capczadei, городище Гаджибейское [57]) представляло только кучу развалинъ, когда, въ 1578 году, мимо его проѣзжалъ посланникъ Стефана Баторія на пути своемъ изъ долины Барабоя [58]) къ Тилигулу, названному имъ Domnina Dolnia [59]), т. е. Темною долиною. Впрочемъ кажется, что соляной промыселъ по прежнему производился и подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ на берегахъ лимановъ Гаджибейскаго и Аджалыкскихъ. Ибо польскій дипломатъ не забылъ замѣтить, что между городищемъ и Темною долиною находились, возлѣ морскаго берега, соляныя озера и что въ этой мѣстности, названной имъ Adzigoli съ турецкаго слова, значущаго «горькое озеро», постоянно происходили драки между казаками.

Безъ сомнѣнія, не одинъ только соляной промыселъ въ это время оживлялъ и обагрялъ кровью окрестности Гаджибея. Они также славились богатою рыбною ловлею, которая производилась, по Боплану (Описаніе Украйны) съ особеннымъ ус-

---

[57]) Cacibei Horodisae, quasi territorium collapsum.

[58]) Съ турецкаго Бурю-боинъ, волчье горло, почему и Броніовій могъ сказать: Demum vero Beribonium, alias Licostenum Collum lupinum appellant.

[59]) См. выше, стр. 153. Съ Тилигула Броніовій, мимо Березани, прибылъ въ принадлежавшій тогда уже Туркамъ Очаковъ, «oppidum ignobile» съ небольшимъ каменнымъ замкомъ.

пѣхомъ въ лиманѣ Куяльникскомъ (Iezioro kujalik). Если-бы можно было вѣрить тому, что онъ въ семъ отношеніи говоритъ по наслышкѣ, то въ этомъ лиманѣ водились тогда коропы и щуки неимовѣрной величины, для ловли коихъ приходили къ берегамъ его цѣлые караваны, изъ мѣстъ отстоящихъ на 50 миль и болѣе. Впрочемъ, изъ приведенныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что Куяльникскій лиманъ еще былъ въ связи съ моремъ въ то время, когда оно «пересыпало» устье лимана Гаджибейскаго. Дѣйствительно послѣдній нынѣ отдѣленъ отъ морскаго берега большимъ пространствомъ, тогда какъ между Куяльникомъ и моремъ находится самый узкій песчаный перешеекъ.

Спутники Карла XII, подробно записавшіе все, что имъ казалось достойнымъ вниманія во время извѣстнаго странствованія шведскаго короля съ окрестностей Ольвіи до Бендеръ, ничего не говорятъ о замкѣ Гаджибейскомъ. Молчаніе ихъ заставляетъ насъ думать, что онъ тогда еще не былъ возобновленъ, а это тѣмъ болѣе, что на картѣ Чернаго моря, приложенной ко 2-му тому сочиненія Витсена [60]), на мѣстѣ нынѣ занимаемомъ Одессою только приписано: Ghogia Bej Limani al Haven of Baay. Если-же въ этомъ мѣстѣ снова водворилось-бы поселеніе въ промежуткѣ времени протекшемъ съ тѣхъ поръ когда бурмистръ Амстердамскій собиралъ матеріалы своего труда—до того славнаго дня, когда вѣнценосный другъ его поразилъ шведскаго героя, то послѣдній навѣрно добрался бы до самаго Гаджибея, когда въ бѣгствѣ своемъ дошелъ до нынѣшней Пересыпи. Между тѣмъ мы узнаемъ по маршруту несчастныхъ Шведовъ, составленному генераломъ Адлерфельдомъ [61]), что они въ этомъ именно мѣстѣ удалились съ морскаго берега и направили путь свой чрезъ Kurkahan, т. е. Курчуганъ (Шмидъ, l. l. 221) или Кучурганъ къ Бендерамъ.

---

[60]) Noord en Oost Tartaryen.
[61]) Зап. Од. Общ. III, 336.

Невѣроятно однако, чтобы, при мѣстныхъ особенностяхъ Гаджибея, онъ постоянно могъ оставаться въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился во время Великой Сѣверной войны, и которое едвали могло измѣниться къ лучшему въ тѣ лѣта, когда Сѣверный Евгеній найжесточайшимъ образомъ мстилъ Портѣ за унизительныя условія Прутскаго міра и дозволилъ Запорожцамъ «для пользы службы» безнаказанно чинить поиски надъ Татарами какъ врагами отечества [62]).

Дѣйствительно мы узнаемъ изъ «меморіала» Запорожца Семена Галицкаго, обнародованнаго г. Скальковскимъ [63]), что тридцать лѣтъ послѣ Бѣлградскаго мира казаки могли попалить большое число хатъ въ селѣ Хаджибеѣ и забрать въ его ближайшихъ окрестностяхъ лошадей болѣе 20,000, рогатаго скота болѣе 1,000, овецъ 4,000 и 180 верблюдовъ. Паланку-же, въ томъ селѣ имѣющуюся и въ которую часть жителей убѣжали, не могли штурмовать, потому что въ ней было довольно пушекъ.

Въ слѣдующемъ году (1770), какъ видно изъ другаго

---

[62]) Слѣдующій отрывокъ изъ дневника графа Миниха (Hermann, Beiträge z. Gesch. d. Russ. Reichs, p 204) къ сожалѣнію, подобно дневнику де Ланнуа, до сихъ поръ не переведеннаго на русскій языкъ. тогда какъ наши періодическія изданія надѣляютъ насъ ежемѣсячно переводами плохихъ французскихъ и англійскихъ романовъ—можетъ служить примѣромъ съ какими бѣдствіями для края сопряжены были его дѣянія. Сказавъ, что русскія войска, 5 іюня 1736 года, безъ всякаго сопротивленія овладѣли Козловомъ, главнокомандующій продолжаетъ: Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Козлеве, имѣлъ болѣе 5,000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранная внутри многими колоннами и пилястрами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполомъ крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, суди по характеру архитектуры, во времена Константина Великаго или вскорѣ спустя. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четыреугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи... О богатствѣ жителей 500 лѣтъ не видавшихъ непріятеля, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло все увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ.

[63]) Ист. Новой Сѣчи, III, 86.

меморіала (ibid. 61), предавши огню мѣстечко Аджидеръ (Овидіополь), казаки снова явились предъ крѣпостью аджибейской и овладѣли ея форштатомъ, гдѣ, равно какъ и въ другихъ сосѣднихъ селахъ, ясыру и добычи не мало получили. Отъ самой-же крѣпости, по ея «весьма изъ каменя оградою укрѣпленія», должны были отступить, потерявъ атамана Шапарца и 10 человѣкъ кромѣ 27 раненныхъ.

Приведенные документы свидѣтельствуютъ, что тому назадъ около ста лѣтъ Гаджибей не только былъ населенъ, но также довольно хорошо укрѣпленъ.

Благодаря указаніямъ г. Скальковскаго (l. l. II, 294, 5), мы можемъ опредѣлить годъ, въ которомъ постройка этой крѣпости была начата. По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что почтенный авторъ исторіи Новой Сѣчи совершенно правъ, когда относитъ къ Гаджибею извѣстіе сообщенное войсковымъ толмачемъ Ивановымъ касательно постройки крѣпости Ени-Дуни въ 1764 году. Возвращаясь во свояси изъ Каушанъ лѣтомъ сего года, Ивановъ доноситъ своему начальству, что въ 50 верстахъ отъ Очакова при морѣ, по направленію къ Бѣлгороду, дѣлалась крѣпость наименованная Ени-Дуни, т. е. Новый Свѣтъ. Прежде тамъ было селеніе именуемое Куджабей; «оная-же крѣпость зачалась дѣлаться сего года съ весны, а дѣлаютъ ту крѣпость Волохи, на которую возятъ камень изъ степи, съ рѣчекъ и балокъ околичныхъ».

Напрасно ссылались, для опроверженія мнѣнія г. Скальковскаго, на карту Риччи Цаннони, въ которой крѣпость Ени-Дуни (Ieni-duni) отмѣчена при Тилигульскомъ лиманѣ. Ибо въ этомъ случаѣ она находилась-бы въ 25 тогдашнихъ верстахъ отъ Очакова, а не въ 50, тогда какъ таково именно разстояніе между этою крѣпостью и Гаджибеемъ. При этомъ нужно только бросить взглядъ на карту Риччи, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ, помѣщая Ени-Дуни при Тилигулѣ, скорѣй могъ ошибиться, нежели Ивановъ, который только хотѣлъ сказать, что крѣпость, строившаяся въ селѣ Гаджибейскомъ

Турками была названа Ени-Дуни. Ибо весьма естественно, что Татары продолжали означать крѣпость именемъ села, а Русскіе не могли не слѣдовать ихъ примѣру, чѣмъ объясняется почему къ турецкому имени Гаджибей на приведенной картѣ прибавлено ничего незначущее Vozia, побудившее Тунмана (l. l. 388) сказать, что Wozia было мѣстечко, лежащее насупротивъ Гаджибея. Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что пять только лѣтъ послѣ начатія постройки крѣпости Ени-Дуни, въ селеніи Гаджибеѣ дѣйствительно уже была крѣпость, которая существовала пока не была взята бригадиромъ де-Рибасомъ въ 1788 году. Между тѣмъ основатель Одессы во время своего перехода изъ подъ Очакова до Куяльника никакой крѣпости на пути своемъ не встрѣчалъ, столь-же мало какъ и Запорожцы, которые въ 1769 и 70 годахъ не могли взять Гаджибейскій замокъ, а въ тоже время безпрепятственно переправлялись черезъ Тилигулъ равно какъ и черезъ Березань. Здѣсь они даже овладѣли селомъ Аджи-Гассанъ, стоявшимъ надъ моремъ на западной сторонѣ лимана (Скальковскій, l. l. III, 32) т. е. на мѣстѣ теперешней деревни Адзіатки, которая, какъ я узналъ положительно отъ прежняго ея владѣльца, покойнаго тестя моего Ф. М. де-Рибаса, именемъ своимъ обязана сказанному селу Аджи-Гассанъ; между тѣмъ какъ отмѣченная на картѣ Риччи Цаннони при Березани-же крѣпость Гассанъ-паша находилась подъ самымъ Очаковымъ [64]).

Наконецъ мы узнаемъ изъ переписки кошеваго съ комендантомъ бендорскимъ Карломъ Каменцемъ (Скальковскій, Опытъ Хоз. Стат. II, 468), что замокъ Ени-Дунья въ Хаджибейской бухтѣ былъ взятъ Русскими въ іюлѣ 1774 года, т. е. предъ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджискаго мира, по которому Очаковская область была возвращена Портѣ. Дотолѣ командовалъ въ Гаджибейскомъ замкѣ поручикъ Веденяпинъ.

Что-же касается приведеннаго села Аджи-Гассанъ, то оно долженствовало быть не маловажнымъ, поелику казакамъ

[64]) Планъ Очаковск. граж. въ V т. Зап. Од. Общ.

въ немъ досталось «получить въ добычь овецъ тысячь пять, рогатаго скота 600, муловъ 50 и разнаго багажу не малое число». Теперь тамъ, какъ я самъ испыталъ, трудно, даже по открытому листу, получить пару коней.

Но вотъ еще примѣръ иронiи судьбы: Пять лѣтъ послѣ разграбленiя Аджи-Гассана казаками, имъ самимъ пришлось искать убѣжище въ его сосѣдствѣ, по случаю уничтоженiя ихъ сѣчи генераломъ Тёкели въ 1775 году.

Въ Одессѣ сохранилось преданiе (Скальковскiй, I. I. 198), что Запорожцы, «которые тогда убирались подъ Турка» къ Тилигулу, тамъ не усидѣли, но поселились у подошвы Гаджибейской крѣпосцы, въ т. н. нынѣ карантинной балкѣ и послѣ основали предмѣстье нашего города—Пересыпь.

Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнiю, что наши удальцы, предпочитавшiе необузданную свободу милой родинѣ, не отступили-бы ни за какiя блага отъ вѣры своихъ предковъ, то и должно думать, что большая часть изъ Гаджибея перенесла свои пенаты въ другiя мѣста прежде или послѣ Ясскаго мира. Ибо мы усматриваемъ изъ вѣдомости, представленной священникомъ Романомъ Ивановымъ архiепископу Екатеринославскому и Херсонскому Амвросiю, что въ 1793 году село Аджибей имѣло жителей не болѣе 22 мужчинъ и 6 женщинъ православнаго исповѣданiя [65]).

---

[65]) Приложенiе № 15 къ статьѣ Ханская Украйна, помѣщенной въ № 6 Херсонск. Епархiальн. Вѣдомостей, за 1860 годъ.

XI.

О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи. Топографическія и историческія замѣтки [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я считаю себя обязаннымъ поблагодарить г Гейда, профессора и библіотекаря въ Штутгартѣ, за тѣ полезныя указанія, которыя я нашелъ въ прекрасномъ разсужденіи его, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ журналѣ (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft; Tübingen, 1862 и 1863, т. XVIII и XIX), подъ заглавіемъ: Die italienischen Handelscolonien am Schwarzen Meer, и представляющимъ ясную и подробную картину исторіи поселеній, основанныхъ Пизанцами, Венеціанцами и Генуэзцами на берегахъ морей Чернаго и Азовскаго въ теченіе второй половины среднихъ вѣковъ.

Разсужденіе это, по предмету своему, находится въ связи съ рядомъ другихъ статей г. Гейда, напечатанныхъ въ томахъ XIV по XVIII того же періодическаго изданія и заключающихъ въ себѣ исторію: 1) начатка итальянскихъ колоній въ Византійской имперіи, 2) этихъ же колоній въ Греціи во время Латинской имперіи, 3) колоній въ Палестинѣ, Сиріи и Малой Арменіи, 4) въ Греціи при первыхъ трехъ Палеологахъ и 5) при четырехъ послѣднихъ императорахъ этой династіи.

Хотя всѣ эти статьи также отличаются богатствомъ матеріяловъ и счастливыми соображеніями автора, тѣмъ не ме-

---

[1]) Изъ «Трудовъ I-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ», съ дополненіями изъ статьи, помѣщенной въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ въ С.-Пб., (VII Série, Tome X, № 9. S. P. 1866).

нѣе я обращусь къ нимъ въ такихъ только случаяхъ, когда въ нихъ разбираются вопросы касающіеся исторіи Черноморскихъ колоній Итальянцевъ. Что же касается вышеприведеннаго труда г. Гейда объ этомъ предметѣ, то я намѣренъ взять его въ основаніе для настоящаго опыта моего. Но такъ какъ я имѣлъ возможность пользоваться разными грамотами и другими источниками, недоступными г. Гейду, то мнѣ представлялся неоднократно случай, пополнить, подтвердить или же оспаривать сказанное г. Гейдомъ.

Къ числу періодическихъ изданій, которыми я въ этомъ отношеніи пользовался, относятся предъ прочими «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», издаваемыя только на русскомъ языкѣ и которыя по сему самому мало имѣютъ читателей внѣ предѣловъ нашего отечества Въ особенности V томъ этихъ записокъ, вышедшій послѣ появленія сочиненіи г. Гейда, содержитъ въ себѣ нѣсколько статей весьма важныхъ для исторіи здѣшняго края въ послѣдней половинѣ среднихъ вѣковъ.

Къ нимъ принадлежатъ между прочимъ: Замѣтки касательно города Сугдеи, записанныя на старый греческій синаксаръ, относящіяся къ XII—XIV столѣтію и сообщенныя съ переводомъ архимандритомъ Антониномъ; Уставъ генуэзскихъ поселеній въ Газаріи 1449 года, сообщенный княземъ М. С. Воронцовымъ, и снабженный переводомъ и коментаріемъ г. Юргевичемъ. Г. Гейдъ имѣлъ подъ рукою только извлеченія изъ этого документа, сообщенныя г. Канале въ его книгѣ: Della Crimea. Въ V томѣ еще напечатана весьма интересная статья г. Юргевича о генуэзскихъ надписяхъ въ Крыму.

Изъ прочихъ русскихъ книгъ, которыми я пользовался, не могу не упомянуть здѣсь «Крымскій Сборникъ», въ которомъ покойнымъ академикомъ Кёппеномъ были разъяснены результаты его разслѣдованій и остроумныя его соображенія по поводу древностей Тавриды.

Мнѣ также посчастливилось пользоваться собраніемъ картъ Чернаго моря, принадлежащимъ Одесскому Обществу и

въ которомъ имѣются нѣкоторыя компасовыя карты XIV столѣтія, которыхъ г. Гейдъ кажется не имѣлъ подъ рукою.

Наконецъ его сіятельство, графъ С. Г. Строгоновъ, предсѣдатель И. Археологической Коммиссіи въ Санктпетербургѣ, снабдивъ меня средствами предпринять путешествіе по южной Россіи, доставилъ мнѣ счастливый случай и возможность посѣтить тѣ мѣстности, гдѣ нѣкогда процвѣтали богатыя поселенія основанныя Итальянцами на нашихъ берегахъ, — что было необходимо для рѣшенія топографическихъ вопросовъ.

Въ то время, когда городъ Салерно сдѣлался средоточіемъ, гдѣ арабская образованность столкнулась съ западноевропейской, сосѣдній съ нимъ городъ Амальфи посредничалъ въ торговлѣ между магометанами и христіанами. Съ одной стороны африканскіе и сицилійскіе Арабы привозили туда свои товары, съ другой Амальфитяне знакомили Востокъ съ произведеніями Европы: Amalphitani primi merces peregrinas, quas Oriens non noverat, ad supradictas partes, lucri faciendi gratia, inferre tentaverunt [2]). Еще доступнѣе были для нихъ греческіе порты, поелику до XI вѣка они были подданными Византійской имперіи, откуда еще въ X в., подобно Венеціанцамъ, привозили въ Италію между прочимъ пурпуровыя ткани [3]).

Даже послѣ занятія ихъ города Рожеромъ II въ 1131 г. и удара, имъ потомъ нанесеннаго Пизанцами (1134), Амальфитяне продолжали торговыя сношенія съ Константинополемъ, гдѣ поселеніе ихъ было смежно съ пизанскимъ еще въ 1192 году, какъ свидѣтельствуетъ списокъ принадлежащихъ Пизанцамъ жилищъ (Heyd, D. Anfänge d. ital. Handelscolonien

---

[2]) Guill. Tyr. XVIII, 4 ap. Bongars 1.

[3]) Luitprandi legat. ap. Pertz, III, 359.

etc. въ Zeitschrift für d. gesammte Staatswiss. XIV, 658), и гдѣ еще во время Латинской имперіи они имѣли церкви и монастыри.

Имѣвъ случай познакомиться съ Варяго-Русскими еще на родинѣ своей [4]), они едва ли не прежде другихъ Итальянцевъ посѣщали Черное море, служившее звеномъ, соединявшимъ болѣе или менѣе ославянившихся русскихъ викинговъ съ потомками норманскихъ ихъ родичей, переселившимися въ Апулію, откуда они, при Робертѣ Гвискарѣ († 1085) и энергическомъ сынѣ его Боэмундѣ, грозили даже Константинополю въ то самое время, когда Давидъ Игоревичъ завладѣлъ греческимъ городомъ Олешьемъ, при устьѣ Днѣпра [5]).

Точно такимъ же образомъ походъ, предпринятый Владиміромъ Ярославичемъ противъ Константина Мономаха, въ которомъ по Кедрину (I, 551) участвовали и Норманны, совпадалъ по времени съ сраженіемъ при Островѣ (1043) во Ѳракіи, въ которомъ участвовали апулійскіе Норманны, какъ союзники возставшаго противъ императора полководца Маніака [6]). Смерть сего полководца въ этомъ сраженіи была, быть можетъ, одною изъ причинъ, побудившихъ Русскихъ возвратиться изъ Воспора Ѳракійскаго, гдѣ они были встрѣчены магистромъ Василіемъ Ѳеодоріаномъ (въ іюнѣ), который прежде (въ февралѣ) заставилъ Маніака удалиться изъ Бара въ Диррахіумъ.

Подобно Русскимъ, Норманны служили въ корпусѣ Варанговъ, или гвардіи императорской, какъ напр. Гаральдъ [7]), который, по преданію, добычу, имъ пріобрѣтенную во время нахожденія въ греческой службѣ, послалъ въ Голмгардъ (Новгородъ) къ своему другу Ярославу, предпринялъ потомъ странствованіе въ Іерусалимъ и послѣ многихъ приключеній воз-

---

[4]) Muralt, Chronogr. Byz. 619 et passim.
[5]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, II, 57.
[6]) De la Primaudaie, Les Arabes en Sicile, etc. 1868, p. 283.
[7]) Hopf, Gesch. Griechenl. въ Allg. Encycl 1 sect. LXXXV, 147.

вратился на родину своихъ предковъ чрезъ Константинополь и по Черному морю.

Симъ путемъ русскіе паломники въ свою очередь отправлялись въ Святыя мѣста [8]), гдѣ даже по завоеваніи ихъ крестоносцами игуменъ Даніилъ засталъ еще много знатныхъ Новгородцевъ и Кіевлянъ, которые, безъ сомнѣнія, подобно ему самому, пользовались благорасположеніемъ короля Балдуина и нормандійскихъ его союзниковъ.

Въ своихъ запискахъ Даніилъ совершенно умалчиваетъ о Латинахъ, поглощенный, какъ думаетъ Стасюлевичъ [9]), своею религіозною цѣлью. Но быть можетъ нашъ благочестивый монахъ и потому ничего не говоритъ о дѣяніяхъ ихъ въ Палестинѣ, что онѣ уже были хорошо извѣстны его соотечественникамъ.

Этими сношеніями, быть можетъ, объясняется чудо, совершившееся въ Кіевѣ во время перенесенія мощей св. Николая изъ Ликіи въ Бари (1087), приписываемаго Карамзинымъ (II, 104), властолюбивымъ замысламъ папы Урбана II, котораго нельзя не узнать въ Германѣ русской легенды.

Сношенія эти намъ также объясняютъ, почему жившій при дворѣ Рожера II арабскій географъ Эдриси могъ собрать столь подробныя свѣдѣнія о земляхъ, прилежащихъ морямъ Черному и Азовскому, которое, подобно первому, ему извѣстно подъ именемъ Русскаго, и также какъ я старался доказать (см. выше. О древ. рѣчн. пути), у него скрывается подъ именемъ «озера Терми или Тума», подобно тому, какъ оно у Рубруквиса [10]), называется mare candis, вмѣсто: mare Tanaïs.

Что Эдриси почерпалъ свои извѣстія изъ итальянскихъ источниковъ, видно, между прочимъ, изъ формы, подъ которой являются у него имена прибрежныхъ пунктовъ Крыма, напр. славнаго тогда уже города Сугдея, или Судакъ, который у

[8]) Карамзинъ, изд. Эйнерл. II, 86.
[9]) Ист. Средн. Вѣковъ, III, 1 стр. 322.
[10]) Recueil de Voyages etc. IV, 216.

него называется Солтадія, явно съ итальянскаго — Солдадія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ одной изъ морскихъ картъ, номенклатура коихъ была недавно обнародована Томасомъ [11]), на восточномъ берегу Чернаго моря является около нынѣшняго Сухума имя p. de malfitan. Правда, карта эта была начертана только въ 1519 году; но такъ какъ Амальфитяне тогда съ давнихъ поръ уже лишились всякаго значенія въ торговомъ отношеніи, то нельзя не согласиться съ издателемъ, который въ упомянутомъ имени находитъ подкрѣпленіе мнѣнія, что Амальфитяне первые изъ итальянскихъ моряковъ, были знакомы съ нашимъ моремъ.

Во всякомъ случаѣ подданные Рожера Сицилійскаго были бы приняты владѣтелями Кіева съ такимъ же радушіемъ, какое тамъ встрѣчали Венеціанцы, быть можетъ еще прежде Амальфитянъ поселившіеся въ Константинополѣ, откуда не замедлили принять дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Россіею.

Изъ Слова о Полку Игоревѣ видно, что они въ XII вѣкѣ занимали непослѣднее мѣсто въ числѣ чужестранцевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ: «ту Нѣмцы и Венедицы, ту Греци и Морава». Считаю себя обязаннымъ указать здѣсь на мнѣніе г. Гейда [12]), будто бы я напрасно привелъ этотъ стихъ въ доказательство, что венеціанскіе гости тогда уже проживали въ Кіевѣ. На основаніи нѣмецкаго перевода сего стиха, г библіотекарь считаетъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что авторъ Слова только говоритъ, что извѣстіе о подвигахъ Святослава проникло «ins Ausland, zu den Griechen, den Venetianern» и пр. Но для рѣшенія вопроса, кто изъ насъ лучше понялъ мысль поэта, г. Гейдъ долженъ былъ предварительно доказать, что нарѣчіе «ту» встрѣчающееся два раза въ томъ стихѣ непремѣнно относилось къ времени, а не къ мѣсту. Правда, мнѣніе г. Гейда раздѣляютъ также нѣкоторые изъ нашихъ историковъ

---

[11]) Peripl. Ponti Eux. München, 1864.

[12]) Gesch. des Levantehand. I стр. 328, пр. 1.

и беллетристовъ, въ томъ числѣ князь Вяземскій [13]), по которому пѣвецъ Игоревъ весьма вѣроятно имѣлъ въ виду евреевъ-торговцевъ и поэтовъ, какъ распространителей славы Святослава и упрековъ Игорю въ Венеціи. При всемъ уваженіи воззрѣній князя, такъ долго и съ такимъ усердіемъ пытавшагося объяснить себѣ всѣ загадочныя мѣста въ древнемъ нашемъ эпосѣ, я въ этомъ случаѣ не могу съ нимъ согласиться, не сомнѣваясь, что нашъ великій историіографъ не на угадъ изъ приведенныхъ словъ поэта вывелъ заключеніе, что иностранцы, *бывшіе въ Кіевѣ*, славили побѣду Святославову (Карам. III, стр. 124).

Ясно, что Венеціанцы, если только тогда уже посѣщали Кіевъ, туда пріѣзжали т. н. Греческимъ путемъ Константина Багрянороднаго и Нестора, т. е. вверхъ по Днѣпру, послѣ совершеннаго ими плаванія по западному берегу Чернаго моря.

Но въ этомъ случаѣ они должны были имѣть право останавливаться въ извѣстныхъ портахъ, лежавшихъ на ихъ пути. Дипломъ императора Алексія III 1199 г. [14]) показываетъ, что право это имъ было дѣйствительно предоставлено, ибо приведенный дипломъ подтверждаетъ привилегіи, по которымъ Венеціанцы могли производить торговлю во всѣхъ провинціяхъ имперіи, и упоминаетъ даже, въ числѣ другихъ, городъ Анхіалъ, нынѣшній Ахіоли, между Бургасомъ и Варною. Напрасно г. Гейдъ [15]), увлеченный Тафелемъ и Томасомъ, допускаетъ возможность, что портъ Анхіалскій только по ошибкѣ попалъ въ договоръ, вмѣсто «Бранхіалъ», главнаго города въ южной Ѳракіи. Г. Гопфъ (l. c. 174) также высказывается въ пользу сего мнѣнія, хотя самъ (не много выше, 151) включилъ Анхіалъ при Понтѣ въ число портовъ, которые по договору 1199 года были открыты Венеціанцамъ. И дѣйствительно, я не вижу, почему симъ послѣднимъ не могло быть

[13]) Замѣчанія на Слово о плъку Игоревѣ. С.-П. 1873 стр. 247.
[14]) Tafel und Thomas, Urk. z. Handelsgesch. Venedigs I, 246 и сл.
[15]) Le col comm. degli Italiani al Mar. Nero II, 2.

дано право посѣщать Анхіалъ, когда ихъ соперникамъ Генуэзцамъ, по договору съ императоромъ Мануиломъ 1170 года, открыты были всѣ черноморскіе порты, за исключеніемъ Керченскаго (Rossia) и Таманскаго (Matarcha), которые тогда уже были подвластны Половцамъ Вѣроятно Византійцы не хотѣли допустить къ нимъ Итальянцевъ, чтобы не лишиться монополіи по торговлѣ рыбою, которою тогда, какъ и теперь, изобиловало Азовское море, равно какъ и рѣки, въ него изливающіяся.

Торговыя сношенія между нашимъ отечествомъ и республикою св. Марка не могли не возрастать послѣ основанія, при ея содѣйствіи, Латинской имперіи, такъ какъ венеціанскій флагъ съ тѣхъ поръ преобладалъ на Черномъ морѣ. При важности сего моря въ торговомъ отношеніи, мнѣ сначала показалось, что Венеція не могла не воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ для утвержденія своей власти на его берегахъ. Поэтому я осмѣлился выступить съ мнѣніемъ [16]), что нѣкоторые береговые пункты могли быть упомянуты въ числѣ мѣстностей, ей доставшихся по акту раздѣла имперіи и отчасти оставленныхъ неопредѣленными Тафелемъ и Томасомъ.

Но во второмъ изъ писемъ на мое имя, помѣщенныхъ въ бюллетеняхъ С.-П. Академіи наукъ (IV, 578 — 598), г. Гейдъ показалъ, что моя гипотеза не имѣла прочнаго основанія, такъ что мнѣ развѣ только остается то утѣшеніе, что я далъ поводъ ученому библіотекарю Штутгартскому новыми доводами и соображеніями подкрѣпить прежнее мнѣніе противъ моихъ возраженій и дополненій.

Такъ г. Гейдъ указываетъ (стр. 585) на дополнительную статью къ договору, отысканную имъ въ сборникѣ Муратори (Ant. med. aevi, IV, 223 и сл.), котораго, къ сожалѣнію, еще недостаетъ въ нашей библіотекѣ. Изъ этой статьи явствуетъ, что доставшіеся Венеціанцамъ: Gallipolis, Munti-

[16]) См. мою статью Notices.., sur la Gazarie въ X т. Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg.

nianae и Sigopotamos были смежны съ надѣленными крестоносцамъ: Plagia, Potamia и Sestos Такимъ образомъ опредѣляется мѣстоположеніе и значеніе загадочнаго «de muntinianis» договора, которое Тафель и Томасъ предлагали читать: demum Timanis, хотя съ припискою: Locus nobis incognitus, scriptione, ut patet, corrupta, что и побудило меня предложить чтеніе demum Tanais.

Измѣненіе сіе г. Гейдъ считалъ бы извинительнымъ, если бы подъ доставшимся Венеціанцамъ «emporium Sagudai» можно было разумѣть городъ Sugdaia (Soldaia, Sudak), какъ я старался показать. Но и тутъ г. Гейдъ не соглашается со мною, но приводитъ весьма уважительныя причины въ пользу мнѣнія Тафеля и Томаса, по которымъ этотъ «locus incognitus» долженъ былъ находиться гдѣ то около Пропондиты; «онъ имѣлъ брата по имени», прибавляетъ г. Гейдъ, «въ упомянутомъ Анною Комниной (ed. Par. 464) Σαγουδάοις χωμόπολις близъ Никеи».

Быть можетъ это «большое село» обязано своимъ именемъ «Сугадатамъ», которые, вмѣстѣ съ другими Славянами, были переселены Юстиніаномъ II изъ окрестностей Ѳессалоники въ окрестности Никеи [17]). Но такъ какъ родичи этихъ Сагудатовъ, или Сакулатовъ, еще гораздо позже упоминаются въ прежнихъ своихъ жилищахъ при Воспорѣ Ѳракійскомъ [18]), то г. Гейду дана была возможность искать у нихъ именно доставшійся Венеціанцамъ портъ Сагудайскій.

Проходя молчаніемъ замѣтку мою, что доставшееся Венеціанцамъ «Chotriki» (съ варіантами: Chotrici, Corici, Coltrichi) могло совпадать съ городомъ Chostrici (Castrici, Castri), гдѣ впослѣдствіи была важная генуэзская контора близъ Варны, (Heyd, въ нѣм. изд. 717), или же съ отмѣченнымъ на картѣ Весконте (1318) «Cetrici», близъ имени Laviza (рѣки Камчіи), г. Гейдъ также не берется опре-

[17]) Const. Porphyr. De them. III, 9; Theoph. I, 557; Leo Gramm. ed. Bonn. 163; Cedrenus, 771.

[18]) Schafarik, Slav. Alterth. II, 222—3.

дѣлить значеніе помѣщенныхъ въ договорѣ именъ: «Lazu et Lactu». Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ ошибочнымъ мое мнѣніе, что въ нихъ намъ представляются искаженныя Итальянцами турецкія названія Днѣпра и Буга, т. е. Узу или Азу и Аксу, оставляя ихъ значеніе неопредѣленнымъ.

Что Венеціанцы во время Латинской имперіи не переставали плавать вверхъ по Днѣпру, видно изъ того, что несмотря на разрушеніе Кіева Монголами въ 1240 году, Плано Карпини, нѣсколько лѣтъ спустя, засталъ тамъ венеціанскихъ купцовъ, и безъ всякаго сомнѣнія къ нимъ принадлежали по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ проживавшихъ въ Кіевѣ чужестранцевъ, которые были обложены данью Изяславомъ Мстиславичемъ Галицкимъ въ 1234 году. Точно такимъ же образомъ, какъ уже замѣтилъ г. Гейдъ [19]), мы должны считать ихъ соотечественниками тѣхъ купцовъ константинопольскихъ, съ которыми Рубруквисъ познакомился въ Солдайѣ или Судакѣ, гдѣ по его же свидѣтельству Русскіе вымѣнивали драгоцѣнные мѣха и другіе товары на бумажныя и шелковыя издѣлія, пряные коренья и другія произведенія востока.

Что Венеціанцы дѣйствительно принимали участіе въ этихъ оборотахъ во время Латинской имперіи, явствуетъ изъ того, что около 1255 года, когда дядя и отецъ знаменитаго Марко Поло прибыли въ Судакъ, старшій братъ ихъ имѣлъ уже тамъ купеческую контору [20]). Хотя, послѣ возстановленія Греческой имперіи, Генуэзцамъ удалось исключить своихъ соперниковъ отъ права посѣщать Черное море договоромъ, заключеннымъ въ Нимфеонѣ (1261); но уже четыре года спустя, императоръ возвратилъ Венціанцамъ это право (Heyd, l. l. 24), которымъ они не замедлили воспользоваться, чтобы снова посѣщать Судакскій портъ, куда въ 1278 году положено было послать консула для завѣдыванія всѣми дѣлами республики въ Газаріи [21]).

---

[19]) D. ital. Handels-Colonien z. Zeit des lat. Kaiserth. 33.

[20]) Le livre de Marco Polo, ed. Pauthier I, 17.

[21]) Canale, Della Crimea, II, 441.

Безъ сомнѣнія, Венеціанцы еще до того посѣщали также Азовское море, куда, по свидѣтельству Рубруквиса, мелкія суда были отправляемы изъ Матриги для покупки сушеной рыбы у прибрежныхъ жителей. Рыбнымъ промысломъ занимались тогда съ успѣхомъ русскіе люди, которые на своихъ баркахъ перевезли самаго посланника чрезъ Донъ, на восточной сторонѣ котораго были расположены ихъ жилища въ мѣстности, гдѣ рѣка имѣла ширину Сены въ Парижѣ.

Не должно поэтому смѣшивать сіе селеніе съ другимъ русскимъ же селомъ, casal de rossi, которое, по картамъ слѣдующаго вѣка, находилось къ югу отъ устья Дона, на морскомъ берегу, и въ свою очередь не имѣло ничего общаго съ русскимъ городомъ Арабовъ, упомянутымъ (см. выше стр. 122) въ грамотѣ императора Мануила 1170 года. Городъ этотъ находясь, по Эдриси [22]), въ 40 только миляхъ отъ Солдаи, отдѣленъ былъ отъ Матархи разстояніемъ 27 миль, а посему не могъ лежать около Азова, какъ полагалъ г. Гейдъ [23]), но явно совпадалъ съ Керчью.

Каботажныя суда, посѣщая Азовское море, могли въ немъ останавливаться во портѣ *Пизанскомъ*, который, судя по морскимъ картамъ, долженъ былъ находиться около Недвиговки, гдѣ и теперь еще видны не уступающіе ольвійскимъ слѣды города Танаисъ, возникшаго по разрушеніи, около 100 г. до Р. Х., древнѣйшей милезійской колоніи сего же имени, лежавшей, по всей вѣроятности (см. мои Notices), близъ Елисаветинской станицы, въ дельтѣ Дона.

Нельзя сказать, когда именно былъ основанъ портъ Пизанскій, отмѣченный на картѣ 1318 года и слѣдовательно тогда уже Пизанцами посѣщаемый, изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, что онъ имъ тогда принадлежалъ. Что Пизанцы еще гораздо раньше посѣщали, если не Азовское море, то по крайней мѣрѣ Черное, видно изъ извѣстія о несчастной для нихъ

---

[22]) Trad. p. Jaubert, II, 359 и 401.

[23]) Die Anfänge der ital. H. C., въ приведенномъ Сборникѣ, XIV, 695.

битвѣ съ Генуэзцами на высотѣ Судака въ 1277 году [24]), равно какъ изъ того, что еще въ 1248 году Плано-Карпини засталъ въ Кіевѣ пизанскихъ купцовъ.

Дѣйствительно Венеціанцы не могли не допустить туда прежнихъ своихъ союзниковъ, когда не мѣшали даже вѣчнымъ своимъ соперникамъ, т. е. Генуэзцамъ, поселиться въ Кіевѣ и даже въ Крыму, гдѣ они утвердились еще во время Латинской имперіи, какъ доказалъ г. Гейдъ вопреки обыкновенному мнѣнію, что они основали поселеніе свое въ Кафѣ или Каффѣ въ 1266 году. Въ пользу своего мнѣнія г. Гейдъ приводитъ между прочимъ и то обстоятельство, что Кафинцы послали въ 1289 году три корабля на помощь Триполису въ Сиріи противъ Сарацынъ, что они едва-ли могли бы сдѣлать, если допустить, что поселеніе ихъ вовсе не существовало за 23 года передъ тѣмъ.

На вопросъ мой, не была ли приведенная экспедиція снаряжена жителями Каифы, города сосѣдственнаго Триполису и иногда также называемаго Каффа [25]), г. Гейдъ отвѣчаетъ отрицательно въ первомъ письмѣ своемъ (l. l. 577), приводя причины, побудившія его [26]), остаться при прежнемъ мнѣніи, что корабли, шедшіе на помощь Триполису, были отправлены изъ нашей Каффы, хотя слишкомъ поздно, потому что до ихъ прибытія на мѣсто, городъ уже былъ взятъ Сарацынами.

Перевѣсъ Генуэзцевъ на Черномъ морѣ былъ одною изъ причинъ войны, которая вскорѣ спустя возгорѣлась между ними и Венеціанцами. Хотя предпріятіе сихъ послѣднихъ противъ Перы, гдѣ находилась главная контора Генуэзцевъ, не удалось, но зато адмиралъ ихъ Джіованни Соранцо успѣлъ пробраться въ Черное море и овладѣть Кафою, которая была имъ разорена (1296). Лишь только, по возстановленіи «вѣчнаго» мира между обѣими республиками въ 1299 году, городъ началъ снова обстраиваться, какъ на него напалъ сынъ

[24]) Caffari, ed. Pertz. p. 285,
[25]) Lib. jur. reip. Genuens. I. 941.
[26]) Ann. Ianuens, у Pertz. XVIII. 324.

хана Токтагу и разграбилъ окрестности его подъ предлогомъ, что Генуэзцы продавали мусульманамъ татарскихъ невольниковъ. Наконецъ устрашенные жители спаслись (20 мая 1308 г.) на корабли и только по смерти хана возвратились, съ согласія его наслѣдника Узбека (1313—1341), въ сожженный ими самими городъ [27]). Но тутъ генуэзкое правительство приступило къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы возстановить свою колонію и упрочить ея благосостояніе на будущее время. Еще въ 1313 году былъ учрежденъ для сей цѣли комитетъ, состоящій изъ 8 т. наз. Sapientes, подъ названіемъ Officium Gazariae, кругъ дѣятельности котораго не долженъ былъ ограничиваться однимъ Крымомъ, но обнимать и прибрежныя земли, за нимъ лежавшія. Статуты, изданные этимъ комитетомъ въ 1316 году, или т. н. Imposicio Officii Gazariae, остались въ силѣ, съ малыми измѣненіями, до 1449 года, въ которомъ изданъ былъ новый Уставъ, въ первый разъ обнародованный по рукописи, хранящейся въ Генуѣ, въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества, съ переводомъ на русскій языкъ и съ дѣльными примѣчаніями г. профессора Юргевича.

По распоряженіямъ сказаннаго комитета всѣ суда должны были, на пути своемъ мимо Кафы, заѣзжать туда для уплаты пошлины, соразмѣрной цѣнности груза или состоянія находившихся на нихъ купцовъ; запрещено было Генуэзцамъ проводить болѣе трехъ сутокъ въ Судакѣ, и перезимовывать или селиться въ Танѣ, или Азовѣ. Денежные штрафы, взимаемые за нарушеніе этихъ и другихъ подобныхъ распоряженій, должны были служить для постройки публичныхъ зданій и укрѣпленій Кафы. На основаніи обнародованной у Дюбуа (Atlas, S. II, pl. 31) надписи на камнѣ, который хранится въ Ѳеодосійскомъ музеѣ, г. Гейдъ (Le col. comm. II, 36) допускаетъ, что одна изъ башенъ кафинскихъ была построена еще при папѣ Климентѣ V (1305 — 1314), хотя, съ свойственною ему прозорливостью, прибавляетъ въ выноскѣ, что одинъ только ясно означенный

[27]) Contin. della Cronaca di J. da Varagine etc. Genova; 1876 стр. 11.

въ надписи годъ (1308) не позволяетъ ему согласиться съ предположеніемъ Дюбуа, что башня эта была построена не при Климентѣ V, а при Климентѣ VI, такъ какъ сей послѣдній, какъ видно изъ Райнальда подъ 1345 годомъ, принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Кафы (Le col. ital. II, 36). Между тѣмъ г. Гейдъ, если бы только ему былъ доступенъ V т. Записокъ Одесскаго Общества, могъ бы убѣдиться изъ статьи г. Юргевича «О Генуэзскихъ надписяхъ въ Крыму», что башня эта была дѣйствительно построена «crucis in augmentum» на иждивеніе Климента VI, потому что въ надписи отмѣченъ вовсе не 1308, а 1348 годъ (ср. Heyd, Gesch. des Levanteh. II, 198).

Изъ другой надписи, помѣщенной въ VII томѣ тѣхъ же Записокъ, мы усматриваемъ, что въ Кафѣ была еще древнѣйшая башня, построенная въ 1341 году, во время консульства Іоанна «de Scaffa», до сихъ поръ не упомянутаго въ спискѣ консуловъ кафинскихъ. Къ числу ихъ я охотно прибавилъ бы Ademari [28]), если бы мнѣ позволили съ нимъ отождествить главнаго начальника, котораго Ибнъ-Батута засталъ въ Кафѣ и котораго онъ называетъ Адамадиръ, т. е. именемъ весьма мало подходящимъ къ имени Димитрій, которымъ его хочетъ замѣнить Дефремри (II, 357). Ибнъ-Батута изъ Кафы отправился въ Тану, куда прибылъ, по мнѣнію г. Гейда [29]), въ 1334 году. Но я покажу ниже, что Батута долженъ былъ туда пріѣхать по крайней мѣрѣ тремя годами раньше, такъ что его Адамадиръ могъ быть консуломъ кафинскимъ или въ 1330 или 1331 году. Въ спискѣ консуловъ не отмѣчены имена лицъ, занимавшихъ эту должность въ означенныхъ годахъ. Такъ какъ арабскій путешественникъ засталъ не только своихъ единовѣрцевъ въ Кафѣ, но еще свидѣтельствуетъ, что тамъ была тогда мечеть съ минаретомъ, то кажется, что въ числѣ постоянныхъ жителей города были и Татары. Должно быть они въ послѣдствіи лишились сего права, поелику, по договору 1380

[28]) Not. et extr. XVII, 2. стр. 110, срав. Cantac. I, 8: Raphon Demar.
[29]) Le col. comm. II, 50, пр. 4,

года (Зап. Од. Общ. V, 831) имъ дозволено было селиться внѣ стѣнъ города, въ его предмѣстьяхъ. Подъ конецъ однако имъ снова, повидимому, не запрещалось имѣть жительство въ самомъ городѣ, поелику въ Уставѣ 1449 года (ibid. 763) сказано, что обитавшіе въ городѣ Татары не должны были состоять подъ вѣдомствомъ Титана (Titanus seu Vicarius Canlucorum), т. е. Тудуна ханскихъ подданныхъ, какъ уже замѣтилъ г. Юргевичъ. Быть можетъ этотъ сановникъ занималъ упомянутое въ Уставѣ 1316 года[30]) «palacium Sadoni», находившееся внѣ стѣнъ Кафы подобно дому, принадлежавшему нѣкогда, по мнѣнію г. Юргевича (l l. 712), нѣкоему Викентію де Камалія. Замѣчу однако кстати, что загадочныя слова въ Уставѣ «a domo quondam viaisse[31]) de Camalia» могли также означать кварталъ, населенный простолюдинами. По крайней мѣрѣ Іоаннъ Мариньола (ed. Мейнертъ, 83) говоритъ, что подъ именемъ «камалловъ» разумѣли въ его время евреевъ и мужиковъ, а въ особенности тѣхъ, которые носили тяжести, а ихъ то именно должно было находиться не малое число въ городѣ, въ гавани коего арабскій современникъ епископа бизиньянскаго насчитывалъ до 200 кораблей.

При такомъ развитіи торговли Кафы, неудивительно, что еще въ 1318 году папа Іоаннъ XXII учредилъ въ ней особенную епархію, назначивъ въ нее епископомъ франциscанца Джиролама, одного изъ монаховъ, отправленныхъ въ Газарію еще Климентомъ V. Въ епархію сію были включены земли, лежащія между Сараемъ и Варною, какъ г. Гейдъ (Le col. comm. 37) теперь готовъ читать со мною упомянутое въ буллѣ «Varea», отождествленное имъ прежде съ Берое (Верея) близъ Филиппополя. Въ пользу мнѣнія, что въ буллѣ говорится о Варнѣ, служитъ то, что въ этомъ городѣ мы встрѣчаемъ вскорѣ спустя венеціанскаго консула въ лицѣ Marco Leonar-

[30]) De la Primaudaie I. l. 364.

[31]) Впрочемъ ср. «quondam cojaisse», родственникъ Дм. Палеол.. въ Atti, VI, 650.

do, препроводившаго письмо царя Александра къ дожу А. Дондоло

До 1318 года Кафа принадлежала къ епархіи Cambaliensis т. е къ Пекинской (Ханъ-балыкъ), но не къ Балаклавской (Чембало, Cimbalum отъ Симболонъ), хотя, какъ явствуетъ изъ одного мѣста у Ваддинга, приведеннаго Кунстманомъ [32]), католическая миссія существовала также въ Балаклавѣ еще въ 1311 году:

Зато не подлежитъ сомнѣнію что въ послѣдствіи, какъ увидимъ ниже, превращали неоднократно, по недоумѣнію, епископовъ балаклавскихъ въ архіепископовъ пекинскихъ, подобно тому какъ и солдайскихъ переводили въ Султанію, куда дѣйствительно былъ назначенъ въ 1318 году архіепископомъ *Франко изъ Перуджіи*, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было заботиться о католической церкви во владѣніяхъ Chaydo и царей Эѳіопіи и Индіи, т. е. Абхазіи и Кавказа, какъ я старался доказать [33]).

Такъ какъ этотъ архіепископъ былъ смѣненъ въ 1323 году и получилъ другое назначеніе, то я охотно видѣлъ бы въ немъ доминиканца же *Франческо изъ Камерино*, который въ 1323 году былъ назначенъ архіепископомъ въ Воспорѣ, отличившись предварительно распространеніемъ католицизма въ Газаріи и въ смежныхъ съ ней странахъ.

Во всякомъ случаѣ никто, кромѣ перваго архіепископа воспорскаго, не могъ посвятить Филиппу VI мемуаръ о пути, ведущемъ въ Святыя мѣста, коелику читается въ современной рукописи (Le Quien, l. l. 1364), что компиляторомъ (ср. d'Avezac l. l. 19) сего мемуара былъ «un sage prélat qui fut jadis de l'ordre des Prêcheurs et qui est à-présent (1333) archevêque en l'empire de Constantinople et ez marches de là».

Владѣтелемъ Воспора или Керчи, «города богатаго и многолюднаго», былъ тогда Милленъ, усердный приверженецъ ка-

---

[32]) Hist. Pol. Blätter, 1856, II, 708.

[33]) О странств царя-пресвитера Іоанна, въ Зап. Новор Универс. т. V.

толицизма, какъ видно изъ письма папы 1333 года къ зихійскому князю Верзахту [34]), съ изъявленіемъ благодарности за его усердіе въ пользу католицизма и въ коего столицѣ Матригѣ Климентомъ V былъ поставленъ архіепископомъ францисканецъ Іоаннъ «изъ туземцевъ», съ суфраганами in civitatem Sybensem (Copa?) и въ vicum Lucucensem (locici, на современныхъ картахъ).

Что впрочемъ владѣтель керченскій, подобно таманскому, былъ только вассаломъ Узбека, явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что губернаторъ крымскій Толактимуръ могъ предложить Венеціанцамъ поселиться въ Воспорѣ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ Генуэзцы владѣли Кафою, т. е. за уплату 3-хъ процентовъ съ привозныхъ товаровъ.

Должно думать, что Венеціанцы не оставили воспользоваться этимъ предложеніемъ, поелику сохранилось извѣстіе, что купцы венеціанскіе изъ *Пантикапеи* посѣщали Тану въ 1344 году (Canale, II, 458). Соглашаясь съ г. Гейдомъ, что отмѣченное на морскихъ картахъ имя pondico, есть ничто иное, какъ сокращенное имя древней столицы Воспора, тѣмъ болѣе, что на картѣ 1351 года читается pondicopera, вмѣсто pondico, я однако не думаю, что это имя означало древнюю гавань Пантикапеона, въ противуположность новой, т. е. нынѣшней керченской. Напротивъ того, по сличеніи извѣстій у Страбона съ средневѣковыми и нынѣшними картами, я вполнѣ убѣдился въ тождествѣ древней гавани пантикапейской съ нынѣшней керченской, равно какъ и въ томъ, что подъ своимъ pondico итальянскіе моряки разумѣли развалины древняго Мирмикіона, приписывая ихъ Пантикапеи, о мѣстоположеніи которой даже Палласъ не имѣлъ еще точнаго понятія. Честь рѣшенія сего вопроса принадлежитъ Французу де-Брюксу.

Венеціанцы тѣмъ болѣе должны были дорожить новымъ своимъ поселеніемъ при Воспорѣ Киммерійскомъ, что имъ меж-

---

[34]) Mosheim, Hist. Tart. eccles. 163.

ду тѣмъ удалось утвердиться въ Танѣ по договору, заключенному съ Узбекомъ въ 1333 году [35]).

Впрочемъ тутъ, какъ показалъ г. Гейдъ (Le col. comm. II 52), ихъ упредили Генуэзцы, и вотъ почему Ибнъ-Батута ихъ именно упоминаетъ только въ числѣ народовъ, которые посѣщали Азакъ ради торговли.

Я сначала отнесъ пребываніе арабскаго Марко Поло въ этомъ городѣ къ 1334 году, такъ какъ онъ оттуда отправился въ Судакъ, куда по мнѣнію Гейда (Le col. com. 118), мною принятому [36]), прибылъ въ томъ же 1334 году. Но дѣло въ томъ, что Батута [37]), отправившись уже оттуда въ Константинополь, тамъ еще засталъ «стараго» императора, подъ которымъ долженъ былъ разумѣть умершаго въ 1332 году Андроника II, дѣда Андроника III, а не отца, какъ онъ говоритъ по недоумѣнію, поелику сей послѣдній, т. е. Михаилъ IX, скончался еще въ 1320 году. Если же арабскій путешественникъ (441) своего «стараго» императора называетъ не Андроникомъ, но Георгіемъ (Djirdjis), то это переименованіе легко объяснилось бы тѣмъ, что отказавшійся отъ престола императоръ тогда уже былъ монахомъ, если бы только позволено было допустить ошибки со стороны тѣхъ авторовъ [38]), по которымъ монашеское имя императора было Антоній.

Какъ бы то ни было, нельзя винить Ибнъ-Батуту въ неточности за то, что онъ ничего не говоритъ о факторіи венеціанской въ Азакѣ, такъ какъ она только возникла по выѣздѣ его изъ этого города.

Смежность этой факторіи съ генуэзской подала вскорѣ спустя поводъ къ спорамъ, для предупрежденія которыхъ на будущее время венеціанскій сенатъ поручилъ уже въ 1340 году своему консулу хлопотать о дозволеніи выбирать себѣ для жительства мѣсто, находившееся въ ближайшемъ разстояніи

---

[35]) Hammer. Gesch. des Ott. Reichs. II 665 и Canale. II, 474.

[36]) Пут. Шильтбергера въ Зап. Новор. Унив. т. I.

[37]) Французскій переводъ II, 427.

[38]) Ср. Rohm. Gesch. d. M. A. IV, 3. p. 245.

отъ моря: che i mercanti e fedeli Veneti della Tana abbiano a abitare dal lato sinistro della strada che si dice il Bazar sino a san Francesco, venendo della marina sino al termine del mare (Canale, II, 449).

Изъ этихъ словъ профессоръ Юргевичъ [39]) заключаетъ что Тана лежала на берегу моря, въ углу, образуемомъ впаденіемъ лѣваго рукава Дона, и что потому общепринятое мнѣніе о тождествѣ сего города съ нынѣшнимъ Азовомъ, или древнимъ Азакомъ восточныхъ писателей, оказывается несправедливымъ.

Соглашаясь съ г. профессоромъ, что прежній Азакъ совпадалъ съ нынѣшнимъ, т. е. съ Азовомъ, я потому именно долженъ считать ошибочнымъ мнѣніе, что Тана находилась въ иной мѣстности. По крайней мѣрѣ тождество итальянскаго поселенія съ тогдашнимъ Азакомъ явствуетъ, между прочимъ, изъ свидѣтельствъ діакона Игнатія и Нѣмца Шильтбергера. Извѣстно, что по словамъ спутника митрополита Пимена, во время его пребыванія въ Азовѣ, городъ этотъ принадлежалъ Фрязамъ и Нѣмцамъ (Русск. Ист. Сборн.), между тѣмъ какъ Шильтбергеръ (изд. Neumann, 106) прямо говоритъ, что Азакъ у христіанъ назывался Alathena, т. е. alla Tana

Что городъ Азакъ, или Тана, непремѣнно занималъ мѣсто позднѣйшаго Азака, или Азова, тому служитъ доказательствомъ свидѣтельство турецкаго туриста Эвліи эфенди (англ. переводъ Гаммера), который описываетъ, какъ очевидецъ, осаду Турками сей крѣпости въ 1641 году. Такъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ распространяется о военныхъ дѣйствіяхъ осаждающихъ, говоритъ: «огонь снова начался и городскіе дома рушились; но стѣны, крѣпко построенныя Генуэзцами, все еще держались». Въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что Турки, по занятіи въ слѣдующемъ году оставленнаго казаками Азака, приступили къ перестройкѣ укрѣпленій, продолжаетъ: «въ теченіе мѣсяца двѣ башни, превосхо-

[39]) Зап. Од. Общ. V, 835, 836.

дившія твердостью прежнія генуэзскія башни, были окончены» и проч.

Обстоятельство, что нынѣ не видно слѣдовъ этихъ башенъ и другихъ памятниковъ, которые напоминали бы намъ столь славное въ свое время торжище Венеціанцевъ и Генуэзцевъ, не можетъ служить подпорою мнѣнія г. Юргевича, какъ потому, что подобные слѣды не были найдены ни въ какой другой мѣстности въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ разстояніи отъ Азова, такъ и по той причинѣ, что нигдѣ итальянскій городъ не подвергался бы до такой степени разрушенію, какъ въ этомъ самомъ Азакѣ, или Азовѣ, неоднократно разоряемомъ и вновь выстроенномъ, разумѣется, съ помощью прежнихъ полуразвалившихся зданій, и два раза даже систематически срытомъ, подобно Люксембургу.

Удивительно ли послѣ этого, что тутъ именно Тана должна была испытать справедливость изреченія поэта. Etiam periere ruinae!

Притомъ мы узнаемъ отъ очевидца, столь-же добросовѣстнаго, какъ и свѣдущаго, т. е. отъ вице-адмирала Крюйса [40]), что въ концѣ XVII столѣтія можно было видѣть еще въ Азовѣ генуэзскія надписи на воротахъ и стѣнахъ церквей, въ числѣ коихъ въ 1641 году сильно пострадали церкви Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца [41]), но тѣмъ не менѣе возобновленныя существовали въ 1697 году [42]).

По выпискѣ изъ бумагъ, хранившихся въ упраздненной крѣпости св. Димитрія Ростовскаго, сообщенной мнѣ г. секретаремъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, оказывается, что по возвращеніи Русскими Азова Туркамъ, высланный оттуда въ 1714 году тамошняго монастыря іеромонахъ Гавріилъ, съ чудотворнымъ образомъ Іоанна Предтечи и церковною утварью, переселился въ «Траншементъ» (на Васильев-

---

[40]) См. Samml. Russ. Gesch. II, 85.

[41]) Арцыбышевъ, Повѣсть о Россіи VI, 480.

[42]) Статст. Шейна въ VII т. Зап. Общ. Одесск. Ист. и Древн.

скихъ буграхъ при рѣкѣ Донѣ, въ 7 верстахъ выше стараго Черкасска)

Если-же, подобно башнямъ Генуэзцевъ, укрѣпленная контора ихъ соперниковъ находилась въ нынѣшнемъ посадѣ Азовѣ, то и должно думать, что проектъ венеціанскаго сената касательно переселенія оной на берегъ моря никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣйствительно, море и морской берегъ неупоминаются при обозначеніи мѣстности, которая уступлена была Венеціанцамъ новымъ ханомъ Джанибекомъ два года спустя, т. е. 1342 года [43]). Но и тутъ имъ не пришлось ужиться, по случаю убіенія однимъ изъ ихъ согражданъ по имени Чиврано, нѣкоего Татарина Хозамиръ. Соотечественники сего послѣдняго воспользовались этимъ случаемъ, чтобы разграбить имущество не только Венеціанцевъ, но и Генуэзцевъ. По изгнаніи всѣхъ Итальянцевъ изъ Таны, раздраженный ханъ даже вознамѣрился прервать всѣ сношенія съ ними и тѣмъ побудилъ ихъ соединиться противъ общаго врага.

Два раза, въ 1344 и 1345 годахъ, Татары пытались овладѣть Каффою, но не имѣли успѣха и война ихъ съ обѣими республиками продолжалась до 1347 года, въ которомъ Венеціанцы рѣшились заключить частный миръ съ Джанибекомъ, чѣмъ и побудили Генуэзцевъ послѣдовать ихъ примѣру. Обѣимъ республикамъ было снова дано право селиться въ Танѣ, гдѣ именно Венеціанцамъ было уступлено пространство въ 100 шаговъ въ длинѣ, при 70 въ ширинѣ, лежавшее не при морѣ, но при рѣкѣ, sulla riva del fiume [44]).

На первый случай это небольшое пространство долженствовало быть для нихъ достаточнымъ, по причинѣ страшной чумы 1348 года, свирѣпствовавшей въ Танѣ съ такою силою, что изъ 5 человѣкъ одинъ только оставался въ живыхъ (Sainte-Marie de Mévil, Caffa etc. 14), что впрочемъ не помѣшало Джанибеку завладѣть тамошними магазинами генуэз-

[43]) Hammer, l. l. II, 666; Canale, II, 475—477.
[44]) Hammer, Gold. Horde, 517—519; Canale II, 469—471.

скими въ 1349 году, быть можетъ (см. м. Notices, 42) въ слѣдствіе интригъ Венеціанцевъ, соединившихся въ это время съ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ и съ королемъ арагонскимъ Петромъ IV, «ad confusionem, destructionem et exterminium finale» своихъ соперниковъ [45]). Цѣль эта однако не была достигнута, и въ мирѣ, заключенномъ въ 1355 году, было только положено, чтобы обѣ стороны обязались не посѣщать Тану въ теченіе трехъ лѣтъ. Такъ по крайней мѣрѣ читается въ источникахъ, приведенныхъ Гейдомъ (Le col. comm. II, 111), тогда какъ по рукописи, на которую ссылается Гопфъ [46]), это обязательство относилось вообще къ Крыму. Но едва ли тутъ татарское имя полуострова не поставлено самимъ профессоромъ кёнигсбергскимъ вмѣсто перваго имени. Иначе непонятно, какимъ образомъ татарскій намѣстникъ Крыма, Рамададъ, могъ отрыть для Венеціанцевъ, по договору 2-го марта 1356 года, портъ Provato или Provanto, отмѣченный въ картѣ 1436 года на южномъ берегу къ западу отъ Каффы, и соотвѣтствующій вѣроятно нынѣшней бухтѣ Коктебель, представляющей удобную стоянку для судовъ.

Два года спустя, договоръ этотъ былъ утвержденъ Котлогъ-Темиромъ, преемникомъ Рамадана, который, кромѣ Прованта, уступилъ Венеціанцамъ еще гавани Солдайскую и Caliera, или нынѣшній Отузъ, судя по имени Caletra, Calitera, отмѣченномъ на итальянскихъ картахъ въ его окрестности.

Еще до того, по истеченіи приведеннаго выше перемирія, т. е. въ 1358 году, сынъ и убійца Джанибека Бирдибекъ позволилъ Венеціанцамъ возвратиться въ Тану и занять то небольшое пространство, которое имъ уступлено было въ 1347 году [47]), но въ слѣдующемъ столѣтіи было разширено во всѣ стороны [48]).

---

[45]) Secreti 13 fol. 69, 81, 96 у Гопфа, l. c. 447.
[46]) Commemoriali V, fol. 352.
[47]) Hammer, G. H. 519 и Canale II, 471—473.
[48]) Heyd, Le col. comm. II, 410.

Не трудно составить себѣ понятіе о высокомъ коммерческомъ значеніи Таны. Итальянцамъ тамъ представлялась удобная пристань для покупки свѣжей или соленой рыбы у туземцевъ, которую потомъ они могли продавать съ большимъ барышемъ въ Константинополѣ и на Западѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были открыты ворота для торговыхъ сношеній съ внутренней Азіей. Изъ Таны они въ нѣсколько дней, вверхъ по Дону и внизъ по Волгѣ, могли добираться до Астрахани, и оттуда въ Персію Каспійскимъ моремъ, на южномъ берегу котораго собирали отличный шелкъ (seta ghella—Гиланъ).

До какой степени всѣ берега Каспійскаго моря вскорѣ спустя были извѣстны итальянскимъ морякамъ, можно видѣть изъ составленныхъ для нихъ картъ Пициганской (1367) и Каталанской (1375), которыя вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ послужить для рѣшенія разныхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ, касающихся тогдашней топографіи края, который теперь, какъ и во времена великаго царя македонскаго, обращаетъ на себя вниманіе образованнаго міра.

Приведенныя карты также свидѣтельствуютъ, что чрезъ Туркестанъ тогда уже пролегалъ путь не только въ Индію, но и въ Китай, что впрочемъ подтверждается подробнымъ описаніемъ сего пути у Пеголотти [49]). Пребываніе его въ Левантѣ совпадаетъ, по времени, съ основаніемъ итальянскихъ поселеній въ Танѣ, и должно думать, что съ этого только времени торговыя ихъ сношенія съ Китаемъ оживились. О нихъ еще не упоминаетъ Санудо, въ своемъ сочиненіи «Secreta fidelium crucis», обнародованномъ между годами 1306—1313 съ тѣмъ, чтобы, въ интересахъ христіанства, западные Европейцы перестали покупать индійскіе товары въ Александріи и тѣмъ лишили султановъ египетскихъ главнаго источника ихъ доходовъ. Для сей цѣли онъ совѣтуетъ Итальянцамъ проложить себѣ другой путь во внутреннюю Азію чрезъ Малую Армено, и невѣроятно, чтобы онъ, въ своемъ усердіи для инте-

[49]) Ср. De la Primaudaie, Etudes sur le commerce etc. 155 и слѣд.

ресовъ всего христіанства, хотя и зналъ о новомъ пути въ Индію и Китай чрезъ *Тану*, но нарочно прошелъ его молчаніемъ только потому, что симъ путемъ пользовались въ его время не его соотечественники Венеціанцы, но ихъ соперники Генуэзцы (ср. Héyd, Gesch. des L. H. II 183).

Кромѣ Таны и порта Пизанскаго, разные береговые пункты Азовскаго моря были посѣщаемы итальянскими моряками, по свидѣтельству Пеголотти, и карты, для нихъ составленныя, представляютъ намъ по обоимъ берегамъ много именъ, отчасти донынѣ неразгаданныхъ. Объясненіе другихъ представляетъ менѣе трудностей, не только потому, что въ нихъ отзываются имена, которыми и теперь еще означаются мѣста, ими занимаемыя на картахъ, но и по той причинѣ, что о нихъ также упоминается въ другихъ источникахъ.

Такъ, отмѣченное на западномъ берегу *palastra*, отстоявшее, по Барбаро, въ 80 миляхъ отъ Таны, явно Бѣлосарайская коса, названная Шарденемъ Palestra, турецкимъ туристомъ XVII вѣка Эвлія-эфенди Balisera и теперь еще итальянскими и греческими моряками называемая Bolestra.

Подобнымъ образомъ отмѣченное около нынѣшняго Маріуполя имя *locachi* или *locaq* указываетъ намъ мѣсто, гдѣ находился городъ Укекъ, или Укакъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута на пути своемъ изъ Астрахани въ Судакъ, и который, вопреки мнѣнію Френа [50]), не имѣлъ ничего общаго, кромѣ имени, съ городомъ Укекъ, посѣщеннымъ отцомъ и дядею Марко Поло и совпадавшимъ съ «городищемъ» Увѣшинскимъ Книги Большему Чертежу и съ нынѣшнимъ селомъ Увѣкомъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Не по ошибкѣ этотъ городъ на монетахъ и у восточныхъ писателей названъ Укекъ вмѣсто Увекъ, какъ увѣряетъ г. Артемьевъ [51]), на томъ основаніи, что онъ носитъ это имя у писателей XVI вѣка и нынѣ еще въ народѣ.

---

[50]) Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. VI Série, III, 73—89.

[51]) Саратовская губ. 1862. XXVI.

Что то и другое въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ, тому можетъ служить примѣромъ имя «Азовъ». Иначе пришлось бы также допустить, что имя этой крѣпости Турками только по ошибкѣ превращено было въ «Азакъ».

Отмѣченное на восточномъ берегу, около нынѣшняго Копыля, имя *copa или locopa*, показываетъ намъ гдѣ мы должны искать поселеніе того же имени, или Copario, въ которомъ Генуэзцы имѣли консула и откуда вывозили рыбу въ столь огромномъ количествѣ, что въ Константинополѣ опасались быть изнуренными голодомъ, когда имъ въ военное время не была доставляема рыба съ береговъ Меотиды и устьевъ «Кубани», а не озера Копаисъ въ Віотіи, какъ пишетъ Кёлеръ въ знаменитомъ своемъ разсужденіи о Тарихосѣ [52]), не подозрѣвая, какъ уже замѣтилъ г. Гейдъ (Staats-w. Zeitschrift. XVII, 489) что Никифоръ Григора (ed. Bonn. 1, 417) подъ своимъ Λίμναι Κωπαΐδες и т. д. разумѣлъ Кубанскій лиманъ, такъ какъ онъ вообще не гоняется за точностью въ правописаніи чужестранныхъ собственныхъ именъ. Изъ устава 1449 года мы еще усматриваемъ, что кромѣ рыбы и икры, Генуэзцы вывозили изъ Копаріи невольниковъ (capita), выменіваемыхъ ими на другіе товары у владѣтелей Зихіи, именно на рубахи (raubas seu boccasinos), которыя по сему самому сдѣлались мѣриломъ цѣнностей у Черкесовъ [53]).

Къ сѣверу отъ Копыля, при заливѣ Ахтарскомъ, мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ картахъ имя *bagtary*, явно тождественное съ *Bata, или Batiario*, гдѣ, по уставу 1449 года, Генуэзцы имѣли не консула, но президента, т. е. коменданта, какимъ тогда могъ уже быть «johannes bozius», который отнялъ въ 1455 году, «castrum batiarii», у законнаго его владѣтеля [54]) «illario marini».

Тогда какъ около сего времени Генуэзцы содержали консула въ Керчи (Vosporo), они въ Тамани (Matrega) имѣли

[52]) Mem. de l'Ac. de S. P. VI, 1, p 376, note 288.
[53]) De la Primaudaie, l. l. 236. cp. Heyd, Gesch. des L. H. II. 692.
[54]) Atti della Soc. Lig. di storia patria, VI, 356 № 61.

только президента, что заставляетъ думать, что городъ этотъ состоялъ, по прежнему, подъ властью своего собственнаго князя.

Еще въ 1487 году таманскій князь *Захарій Гуйгурсиз* увѣдомлялъ великаго князя Іоанна Васильевича, что онъ ему писалъ уже два раза изъ Копаріи и Каффы, и въ тоже время, сказавъ, что на пути своемъ въ Россію онъ былъ ограбленъ воеводою Степаномъ, просилъ его, чтобы онъ къ нему послалъ хоть одного человѣка, съ которымъ могъ бы къ нему пріѣхать [55]). Поэтому я осмѣлился спросить [56]) «не былъ ли этотъ князь однофамилецъ съ упомянутымъ въ генуэзской грамотѣ 1446 года *Simone de Guizolfi* «un giorno signore de Matrega», тогда какъ по Гейду [57]), слово signore здѣсь просто означало консула.

Къ счастью, я теперь въ состояніи представить доказательства, что предположеніе мое, сколь-бы оно ни казалось смѣлымъ, было совершенно справедливо

Что Симоне де Гизольфи дѣйствительно былъ не консуломъ, но владѣтелемъ Матреги, явствуетъ изъ договора, имъ заключеннаго въ 1424 году съ Генуэзцами, при посредничествѣ брата своего Іоанна Галеаццо [58]). Еще въ 1419 году онъ женился на «Bichacanon», или Bicha-khanim, какъ думаетъ Desimoni (ibid. 185), по которому она была дочерью какого то хана черкесскаго, или же татарскаго.

По моему же мнѣнію эта дама могла называться, не Бихаханимъ, но Bicha-khatun и могла быть дочерью грузинскаго вельможи Бека II († 1391), правителя Самцке и Кларжета [59]).

Во всякомъ случаѣ, тогдашній владѣтель Матреги принадлежалъ къ фамиліи извѣстнаго посланника илхановъ Аргуна и Газана, отправленнаго въ западную Европу и названнаго

---

[55]) Зап. Од. Общ V, 275.

[56]) Notices conc. la Gazarie, въ Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. VII Sér. X, № 9.

[57]) Le col. comm II, 17.

[58]) Atti della Soc. Lig. V, стр. 259.

[59]) Brosset, Hist. de la Géorgie, II. 206.

въ папскомъ письмѣ 1289 года «nobilis Biscarellus de Gisulfo, civis Januensis», тогда какъ въ письмѣ 1290 года онъ названъ Bascarellus, а въ письмѣ англійскаго короля Эдуарда I къ Газану—Buscarellus de Guissurfo [60]).

Безъ сомнѣнія, этотъ Баскарелль, Бискарелль или Бускарелль былъ одно и тоже лицо съ упомянутымъ въ генуэзскихъ документахъ Гизольфи «dominus a Busquarel», который, по смерти своей, случившейся въ 1317 году, оставилъ сына Аргуна, такъ названнаго вѣроятно по илхану того же имени, верховному владѣтелю Грузіи. Притомъ его посланникъ въ монгольскомъ письмѣ его къ королю французскому Филиппу Красивому означается только именами «Mouskaril Kourdji», или Kourtchi. Нельзя не согласиться съ французскимъ переводчикомъ сего письма [61]) въ тождествѣ именъ Mouskaril съ Бискареллomъ папскаго письма; но такъ какъ послѣдній въ ней названъ гражданиномъ генуэзскимъ, то знаменитый академикъ думаетъ, что въ монгольскомъ письмѣ могла быть рѣчь о двухъ посланникахъ: Mouskaril et Kourdji, т. е. о Бискареллѣ и о Грузинцѣ. По моему-же мнѣнію илханъ могъ считать гражданина Гизольфи за Грузинца, потому что его засталъ въ Грузіи, чѣмъ и объяснилось бы сходство именъ Mouskaril и «Matsqoueril», неоднократно встрѣчаемое г. Броссе [62]) въ грузинскихъ лѣтописяхъ и означавшее, по его выраженію, «или епископа, или же коменданта». Впрочемъ могло статься, что къ имени посланника было прибавлено слово «kuridschi», потому что онъ состоялъ въ службѣ у обоихъ хановъ въ качествѣ тѣлохранителя [63]).

Какъ бы то ни было, намъ теперь извѣстно, что въ 1446 году, когда скончался «Simon olim dominus Matrece», опе-

---

[60]) Atti и пр. IV, 3 p. CCIV и V.

[61]) A. Rémusat, Mém. s. les rel. diplom. des princes chrétiens avec les rois de Perse p. 113.

[62]) Hist. de la Géorgie, 1, 321.

[63]) Hammer, Ilchane, II, 213; ср. Heyd, Beiträge zur Gesch. des Levantehandels im XIV J. H. Stuttgart, 1877, стр. 10.

куны его племянниковъ, «filiorum quondam Vincentii», поднесли каффинскому консулу живаго сокола въ знакъ ихъ зависимости отъ «Великой Общины», что впрочемъ не помѣшало владѣтелямъ Тамани быть данниками какихъ-то татарскихъ династовъ, отца, сына и внука, именуемыхъ «Janibech», «Costumych» и «Cadibeldi», изъ коихъ послѣдній изгналъ изъ Матреги (на время) въ 1457 году внука Симоне Захарія.

Изъ письма сего послѣдняго (Sacharias de guixulfis: Atti и пр. IV, CCLVII) къ протекторамъ банка св. Георгія, отъ 12 Августа 1482 года, мы между прочимъ узнаемъ что онъ, по взятіи его замка (lo mio castello de la Matrega) Турками, хотѣлъ перебраться въ Геную, но, будучи на пути своемъ ограбленъ воеводою валахскимъ (т. е. Молдавскимъ) Стефанохъ, принужденъ былъ возвратиться на островъ Тамань (campagna in Insula nostra Matrice), гдѣ искавшіе у него убѣжища готскіе князья до такой степени его раззорили, что онъ принужденъ былъ просить «Протекторовъ» банка прислать ему 1000 червонцевъ.

Получилъ ли онъ эти деньги или нѣтъ, намъ неизвѣстно, но зато не можемъ усомниться въ его тождествѣ съ княземъ таманскимъ Захаріемъ Гуйгурсисомъ, который пять лѣтъ спустя жаловался Іоанну Васильевичу на жестокое съ нимъ обхожденіе того же воеводы Стефана.

Если же въ письмѣ московскаго великаго князя Захарія названъ Евреяниномъ [64]), тогда какъ Захарій Гизольфи явно былъ христіанинъ, то придется тутъ допустить ошибку писца, происшедшую отъ того, что великій князь видѣлъ въ Захаріѣ Гуйгурсисѣ Иверіянина или Иверійца, или потому, что фамилія его съ давнихъ поръ пользовалась правомъ гражданства въ Грузіи, или же по той причинѣ, что тамошніе цари съ давнихъ поръ считались верховными владѣтелями всего Кавказскаго края, со включеніемъ Зихіи.

---

[64]) Зап. Од. Общ. V, 272.

По Уставу 1449 года Генуэзцы также не имѣли консула, но президента въ *Матѣ или Матарiо*, т. е. въ Анапѣ, какъ видно изъ картъ, которыя представляютъ намъ много именъ на восточномъ берегу Чернаго моря и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что берегъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ Итальянцамъ.

Главнымъ же центромъ торговыхъ ихъ сношеній съ туземцами былъ *Savastopoli*, совпадавшій какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію своему, съ крѣпостью Севастополисъ, построенной Римлянами въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главною милезійскою колоніей Діоскуріасъ, развалины которой до нынѣ не отысканы, хотя, подобно развалинамъ Ольвіи, Пантикапеона и другихъ городовъ, не могли не сохраниться въ нѣдрамъ земли или—надъ нею. Причина та, что по одному созвучію ихъ думали найти при мысѣ Искуріи, вмѣсто того чтобы искать древній городъ въ средне-вѣковомъ Савастополи, находившемся недалеко отъ нынѣшняго Сухумъ-кале, возлѣ турецкой крѣпости того же имени. Генуэзцы тутъ имѣли консула, изъ коихъ древнѣйшій, безъименный, упоминается подъ 1354 годомъ, но онъ вѣроятно имѣлъ предшественниковъ, поелику латинскій епископъ находился въ этомъ городѣ около 1330 года, какъ видно изъ письма тамошняго епископа Петра къ архіепископу кэнтбюрійскому, которому жалуется на производящуюся въ этомъ портѣ торговлю невольниками [65]). Савастополь былъ разрушенъ въ 1451 году высадившимися на берегъ Турками [66]) и въ 1455 году Абхазами (Atti VI, 317); тѣмъ не менѣе генуэзское поселеніе въ этомъ городѣ продолжало существовать по крайней мѣрѣ до 1473 года, въ которомъ тамъ еще былъ генуэзскій консулъ.

Должно думать, что и въ другихъ пунктахъ восточнаго берега были генуэзскія поселенія, какъ потому, что народное преданіе имъ приписываетъ сооруженіе разныхъ зданій, развалины которыхъ донынѣ тамъ сохранились, такъ и по той при-

[65]) Heyd, Le col. comm. II, 62.
[66]) Brosset, H. de la Géorgie, 1, 684.

чинѣ, что еще во времена Броніовія (l. l. 12) горцы хорошо помнили, что ихъ предки вліяніемъ Генуэзцевъ были обращены въ христіанство.

Что они еще въ XVI столѣтіи посѣщали эти мѣста, явствуетъ изъ того, что нынѣ еще въ православной часовнѣ въ Пицундѣ можно видѣть генуэзскій колоколъ, на которомъ изваяны: ликъ Богоматери, Вероника съ убрусомъ, епископъ съ латинской митрою и 1529 годъ.

Гораздо важнѣе восточнаго берега былъ для итальянскихъ купцовъ южный берегъ Чернаго моря, на которомъ они прежде всего встрѣчали большой городъ *Трапезунтъ*, служившій въ теченіе многихъ столѣтій съ одной стороны посредникомъ торговли Византійцевъ съ Арменіей и Персіей, а съ другой— складочнымъ мѣстомъ для произведеній европейскаго сѣвера, туда доставляемыхъ изъ крымскихъ портовъ.

Еще важнѣе стали торговые обороты Трапезунта съ тѣхъ поръ, когда онъ сталъ столицею особой имперіи, и къ сему періоду относятся всѣ данныя, которыя итальянскіе и греческіе источники намъ представляютъ касательно участія Венеціанцевъ и Генуэзцевъ въ трапезунтской торговлѣ.

Лежащій къ западу отъ Трапезунта городъ Самсунъ, древній Амисосъ, тогда, какъ и теперь, славился торговыми своими оборотами и посѣщаемъ былъ купцами египетскими и сирійскими, которые оттуда переправлялись въ Каффу. Самсунъ, или *Simisso* Итальянцевъ, собственно состоялъ изъ двухъ городовъ, на разстояніи выстрѣла изъ лука одинъ отъ другаго, магометанскаго и христіанскаго. Генуэзцы поселились въ послѣднемъ еще до 1317 года, потому что въ этомъ году они тамъ уже имѣли консула, и о немъ говорится также въ декретѣ 1398 года, по которому назначеніе его должно было послѣдовать уже не въ Каффѣ, но въ Officium Gazariae въ самой Генуѣ.

По мнѣнію г. Гейда (Le col. comm. II, 88) Генуэзцы тамъ держались до 1461 года, въ которомъ Магометъ II положилъ конецъ владычеству христіанъ на сѣверномъ берегу Малой

Азіи Но съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, такъ какъ въ Уставѣ 1449 года не упоминается болѣе о тамошнемъ ихъ консулѣ. Вѣроятно Генуэзцы были изгнаны изъ Симиссо въ 1419 году, по взятіи Магометомъ 1-мъ той части города, которая принадлежала невѣрнымъ [67]). Въ это время Шильтбергеръ находился еще въ Азіи и зналъ, кажется, что Генуэзцы тогда именно должны были выбраться изъ города: ибо говоря, что Итальянцы изъ Генуи (die wahlen von Genau) владѣли имъ во время Баязита, онъ хотѣлъ, вѣроятно, дать знать, что за тѣмъ ихъ уже тамъ не было. Въ 1404 году, когда мимо его проѣзжалъ Клавихо [68]), одинъ изъ тамошнихъ замковъ принадлежалъ еще Генуэзцамъ, другой Мусульману Chalabi т. е. сыну Баязита Челеби или принцу Сулейману († 1410: ср. Atti IV, pag. CXVI).

Имѣя въ виду выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе *Синопа* между Константинополемъ и Трапезунтомъ, безопасность его гавани, легкость сообщеній съ Судакомъ и Каффою, богатую рыбную ловлю въ его окрестностяхъ и богатство ихъ въ металлахъ, нельзя не удивиться, почему онъ не игралъ важной роли въ торговлѣ Итальянцевъ съ Левантомъ, и почему о тамошнихъ ихъ поселеніяхъ сохранилось мало извѣстій, а именно, что Венеціанцамъ тамъ принадлежала церковь Св. Маріи, и что Генуэзцы тамъ имѣли консуловъ въ 1429 и 1449 годахъ. Но дѣло въ томъ, что эмиры синопскіе изъ рода Сельджуковъ занимались въ большемъ размѣрѣ морскими разбоями и такимъ образомъ скорѣй препятствовали, чѣмъ благопріятствовали торговлѣ Итальянцевъ. Такъ напр., сынъ одного изъ этихъ эмировъ (Zalabi de Sinopi filius) въ 1313 году явился съ десятью галерами на рейдѣ Каффинскомъ и тамъ забралъ много генуэзскихъ судовъ «et multos bonos homines interfecit» [69]).

---

[67]) Hammer, Hist. de l'emp. Ott. II, 180 и 372.

[68]) Historia del Gran Tamorlan и пр. Madrid, 1782 стр. 82.

[69]) Continuaz. della Cronaca di J. da Varagine и пр. Genova. 1876 стр. 12

Зато Генуэзцамъ принадлежало къ западу отъ Синопа важное поселеніе въ *Samastri*, древнемъ Амастрисѣ, нынѣ Амассера, коего стѣны и башни, по сохранившимся на нихъ гербамъ и надписямъ, нынѣ еще свидѣтельствуютъ, что онѣ были построены Генуэзцами. Нельзя сказать, когда и по какому случаю они утвердились въ этомъ городѣ состоявшемъ (Phrantzes, 82) около конца XIV столѣтія подъ властью турецкаго эмира Диноса. Еще въ 1398 году Генуэзцы тамъ имѣли консула и вскорѣ спустя Клавихо, остановившимъ тамъ, во время путешествія своего къ Тамерлану, называетъ его генуэзскимъ городомъ (l. l. стр. 80). Консулы назначались самою метрополіею, но подчинялись каффинскимъ, какъ видно изъ устава 1449 года.

Переходя отъ южнаго берега Чернаго моря къ западному, мы оставляемъ въ сторонѣ южную его часть, принадлежавшую Византійцамъ, и обращаемся прямо къ большей, сѣверной части, подвластной царямъ болгарскимъ. Первое извѣстіе о сношеніяхъ съ ними Генуэзцевъ представляетъ намъ распоряженіе Officium, a Gazariae 22 марта 1316 года, по случаю разграбленія ихъ купцовъ во владѣніяхъ царя Святослава, который въ этой грамотѣ называется Fedixclavus (у Византійцевъ Σφαντισλάβος), imperator et dominitor Burgarie и imperator de Zagora. По отказѣ сего царя вознаградить генуэзскихъ купцовъ за понесенные ими убытки и наказать виновныхъ, Officium запретило первымъ посѣщать Болгарію подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Неизвѣстно, было ли это запрещеніе снято еще при Святославѣ († 1323), но достовѣрно, что затѣмъ еще совершались грабежи, убійства и насилія со стороны туземцевъ; притомъ и тутъ Генуэзцамъ пришлось состязаться съ Венеціанцами, которымъ царь Іоаннъ Александръ предоставилъ въ 1352 году разныя льготы, въ томъ числѣ право пріобрѣсть покупкою кварталъ для постройки церкви и магазиновъ въ *Варнѣ*, или быть можетъ, въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ, въ *Кострицѣ*, на мѣстѣ нынѣшней деревни того же имени,

гдѣ сохранились развалины и гдѣ по свидѣтельству Серры [70]) Генуэзцы также имѣли поселенія. Что они въ послѣдствіи снова водворились въ этихъ мѣстахъ видно изъ договора, заключеннаго 27 мая 1387 года въ Перѣ ихъ подестою Gior. de Mezano съ посланниками Costa и Solpani отъ имени «dominus Juanchus, filius bonae memoriae magnifici domini Dobordize».

Сильвестръ де Саси, обнародовавшій этотъ договоръ [71]), старался доказать [72]), что Juanchus былъ одно и тоже лицо съ нѣкоимъ «Janika-Ban», который былъ комендантомъ города Софіи, когда его осадили Турки въ 1382 году. Показавъ неосновательность сего мнѣнія, г. Гейдъ (Le col. 95; ср. нѣмецкое изд. 715), въ свою очередь, основываясь на томъ, что въ другой генуэзской грамотѣ говорится о войнѣ съ владѣтелемъ Dobordiza въ 1375 году, и что, по Энгелю, болгарскій берегъ къ сѣверу отъ Варны былъ въ 1388 году подъ властью нѣкоего Dobritza-oglu, узналъ въ немъ сына болгарскаго деспота Добротича, заимствовавшаго быть можетъ свое имя у Добруджи [73]).

Приведеннымъ договоромъ сынъ его обѣщалъ возвратить Генуэзцамъ похищенныя имущества ихъ согражданъ, обитавшихъ въ его владѣніяхъ, и защищать ихъ на будущее время. Для сей цѣли они должны были имѣть своего консула и получить кварталъ, гдѣ могли построить рядъ лавокъ (logia) и церковь; но едва ли они успѣли воспользоваться этими льготами, такъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя Болгарія была вся покорена Турками, чѣмъ и прекратились вѣроятно всѣ сношенія Генуэзцевъ съ береговымъ краемъ къ югу отъ Дуная.

Къ сѣверу отъ него бургундскій рыцарь Гильберъ де

---

[70]) Storia di Genova, IV, 56.

[71]) Not. et extr. XI, 65—71.

[72]) Mém. de l'Ac. d. Inscr. VII, 292—343.

[73]) См. мою статью въ Ж. М. Н. Просв. 1877 сент. стр. 62 съ сл.

Ланнуа [74]) засталъ въ 1421 году генуэзскую колонію въ Аккерманѣ или *Монкастро*, гдѣ по нынѣ сохранилась цитадель, которую обыкновенно считаютъ твореніемъ Генуэзцевъ, что не подлежало бы сомнѣнію, если бы гербъ, который и теперь еще можно видѣть надъ воротами внутренней части крѣпости, былъ дѣйствительно гербомъ фамиліи Дорія [75]). Другихъ слѣдовъ господства Генуэзцевъ въ Аккерманѣ не сохранилось; греческая же надпись, которая прежде тамъ находилась на стѣнѣ наружной крѣпости и теперь хранится въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, свидѣтельствуетъ, что эта крѣпость была построена при Стефанѣ, безъ сомнѣнія четвертомъ воеводѣ сего имени, или Великомъ, царствовавшемъ съ 1458 по 1504 годъ Извѣстно, что онъ послѣ побѣды, одержанной имъ при Розбоени въ 1476 году надъ Турками, въ ожиданіи съ ихъ стороны [76]) новыхъ нападеній спѣшилъ опоясать укрѣпленіями Аккерманъ, равно какъ и Килію, или *Ликостомо*, развалины которой видны противъ нынѣшняго города того же имени, или Киліанова.

Изъ неизданнаго Cartulario di Caffa [77]) явствуетъ, что въ Ликостомо находился въ 1382 году генуэзскій консулъ Петръ Эмброне.

Что-же касается извѣстія, переданнаго молдавскимъ старостою путешественнику аббату Босковичу (см. Heyd, 717), что онъ видѣлъ въ Сучавѣ, древней столицѣ Молданіи, болѣе 30 церквей съ генуэзскими надписями и замокъ съ генуэзскимъ гербомъ, то невѣроятно, чтобы Генуэзцы могли поселиться въ городѣ, столь отдаленномъ отъ моря; по сему самому я не думаю, что они имѣли поселеніе въ Сорокахъ, хотя преданіе имъ приписываетъ сооруженіе красиваго замка о пяти башняхъ, тамъ сохранившагося, но съ воротъ котораго снята къ сожалѣнію надпись, прежде тамъ находившаяся.

---

[74]) Voyages etc. ed. Mons, 31.

[75]) Мурзакевичъ, О Генуэзск. посел. въ Крыму, 88.

[76]) Палаузовъ, Рум. княж. 1859, p. 74.

[77]) Belgrano, въ Arch. stor. III, sér. II, p. 1 p. 109.

Зато можемъ сказать утвердительно, что Генуэзцы имѣли поселенія при нижнемъ Днѣпрѣ, около Алешекъ, или Олешья нашихъ лѣтописцевъ, по имени котораго рѣка на многихъ картахъ XIV столѣтія называется: fl. de ellexe, l'ellexe, elese и erese, вмѣсто fl. l'oso, подъ какимъ она значится въ другихъ. Ибо здѣсь явно находилось *castrum illicis*, построенное четырьмя братьями, Генуэзцами Сенарега, или купленное ими у Татаръ, съ тѣмъ, чтобы оно служило убѣжищемъ для христіанъ, желавшихъ избѣгнуть преслѣдованій первыхъ. Изъ документовъ, помѣщенныхъ въ VI томѣ «Atti della Società Ligure di Storia Patria», оказывается, что замокъ былъ у нихъ отнятъ измѣнически подданными молдавскаго князя Петра (dominus Velacscie inferioris et mocastri). Въ этихъ же мѣстахъ долженъ былъ находиться «*custrum Merualdi Spinula* in partibus ilicis» (Atti, V, 248), но гдѣ именно, не берусь рѣшить; замѣчу только, что преданіе приписываетъ Генуэзцамъ сооруженіе замка, коего развалины нынѣ еще видны при деревнѣ Тягинкѣ, не много выше Херсона, на правомъ берегу Днѣпра [79]).

Послѣ мира 1355 года Генуэзцы также не замедлили возвратиться въ Тану, по примѣру Венеціанцевъ, съ которыми продолжали быть въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ видно изъ переписки дожей обѣихъ республикъ въ 1361 году [80]). Выраженія преданности, которыми отличаются въ особенности письма дожа генуэзскаго, объясняются отчасти опасностью, грозившей тогда именно ихъ поселеніямъ въ Газаріи со стороны малоазіятскихъ Турокъ [81]). Притомъ они должны были желать, чтобы Венеціанцы имъ не помѣшали пользоваться для распространенія своего могущества въ Крыму, безпорядками, которые господствовали въ Золотой ордѣ по смерти Бирдибека.

---

[79]) Ист. о Казак. Запорожск. изд. Одесск. Общ. Ист., 72 пр. 100.

[80]) См. ст. г. Волкова въ IV т. Зап. Од. Общ. 219 и сл.

[81]) Heyd, col. comm. it. II, 145.

Дѣйствительно имъ удалось въ 1365 году овладѣть Солдаею съ 18 селеніями, простиравшимися «a Cosio usque ad Osdaffum», какъ читается въ документѣ 1381 года, въ которомъ онѣ поименованы и отчасти легко узнаются (Atti V, стр. 254).

Деревни эти хотя затѣмъ снова были отняты у Генуэзцевъ извѣстнымъ Мамаемъ, но были возвращены имъ опять по договору 1380 года, заключенному каффинскимъ консуломъ Giannone del Bosco съ владѣтелемъ солкатскимъ отъ имени хана кипчакскаго. Договоръ этотъ съ уйгурскаго языка (lingua ugaresca) переведенъ былъ въ 1383 году на итальянскій языкъ, по распоряженію консула Meliaduce Cattaneo, и дошелъ до насъ въ двухъ рецензіяхъ, до такой степени различествующихъ, что согласовать ихъ между собою до нынѣ не удалось. Такъ въ рукописи, обнародованной де Саси [82]), правителемъ Солката является то «Jharcasso segno», т. е. Tchercas-begh, то «lo segno Zicho», что и заставляетъ думать издателя, что въ договорѣ имя перваго иногда замѣняется его званіемъ: «scheich», съ чѣмъ согласенъ г. Гейдъ (L. H. II, 207). По моему же мнѣнію, переводчикъ, говоря здѣсь объ одномъ и томъ же лицѣ, называетъ его то его именемъ Черкасъ-бекъ, то черкаскимъ бекомъ, «lo zicho segno», переводя его имя посвоему.

Но, какъ бы то ни было въ другой рукописи тогоже, повидимому, договора, изданной Оливьери [83]) владѣтелемъ Солката названъ уже не Jharcasso segno, ни lo segno zicho, но «Ellias fiio de Inach Cottoloboga». Этотъ Кутлубуга явно одно и тоже лицо съ намѣстникомъ крымскимъ того-же имени въ царствованіе Джанибека [84]) и быть можетъ также съ Кутлубугою, который въ 1350 году былъ посланъ Тохтамышемъ въ Литву, чтобы извѣстить Ягайлу о восшествіи своемъ на престолъ [85]).

---

[82]) Not. et extr. XI, 52—55.

[83]) Carte e chronache manoscr. 72.

[84]) Makrizi, trad. p. Quatremère II, 2, 315.

[85]) Ярлыкъ Тохтамыша къ Ягайлу, Казань, 1850 стран. 55.

Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы думать, что сынъ его только во время его отсутствія исправлялъ должность намѣстника Крымскаго, поелику Кутлубуга по возвращеніи своемъ изъ Литвы, снова является эмиромъ Солкатскимъ. Ибо въ договорѣ, имъ заключенномъ съ Генуэзцами въ 1387 году [86]), онъ кромѣ договора, заключеннаго Эліасомъ въ 1380 г., утверждаетъ еще и договоръ, имъ самимъ заключенный отъ имени Тохтамыша съ каффинскимъ консуломъ Бартоломео де Якопо, который, занимая это мѣсто въ 1365 г., былъ вторично консуломъ въ 1382 г [87]).

Если же оказалось бы, что въ 1380 году были заключены два договора, т. е. что договоръ заключенный Черкасъ-бекомъ былъ подтвержденъ въ томъ же году сыномъ Кутлубуги, Эліасомъ, то я въ первомъ подозрѣвалъ бы сына Джанибека, Черкесъ-бека, который, по Хондемиру, былъ возведенъ на ханскій престолъ ок. 1360 года, и вѣроятно царствовалъ еще около 1367 года, судя по словамъ «casa de jarcasi» на картѣ братьевъ Пицигани, отмѣченнымъ на правомъ берегу нижней Волги.

Наши лѣтописи не упоминаютъ о ханѣ Черкесъ-бекѣ; но сохранились монеты, выбитыя съ его именемъ въ Астрахани въ 1375 году. При безначаліи, господствовавшемъ въ Ордѣ между 1360 — 80 годами, легко могло статься, что онъ, по

---

[86]) Mém. et extr. XI. 62.

[87]) Подъ договоромъ Черкасъ-бека, обнародованнымъ де Саси, поставлено послѣднее число шабана, т. е. 28 ноября 1380 г. и это самое число мы встрѣтили подъ договоромъ Эліаса по Оливіери; но тутъ то именно должна быть ошибка, которая объясняется слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма г. Десимони (секретаря Генуэзскаго историческаго общества). отъ 1 сентября 1870 года: j'ai consulté dernièrement les papiers diplomatiques des Archives revenues de Turin à Gênes et je crois avoir trouvé la clef de l'énigme. Le fait est qu'il y a deux parchemins de la même nature et de la même année; l'un où le seigneur de Sorcat est nommé Ihancassio, tandis que dans l'autre Ellias Bey paraît comme tel. Mais si l'année est la même, le mois ne l'est pas: la charte de Ihancassio est du mois de Schaban: celle d'Ellias du mois de Solcada, de manière qu'elle a été écrite plus de deux mois après la première. De plus elle, c. à d. celle d'Ellias, est ratifiée par lui, tandis que celle de Ihancassio n'a pas cette formalité.

низверженіи его съ престола, спасся въ Крымъ и тамъ удержался до паденія Мамая, который, въ свою очередь, послѣ пораженій, ему нанесенныхъ въ 1380 году Дмитріемъ Донскимъ и Тохтамышемъ, искалъ убѣжища въ Каффѣ, но по преданію тамъ былъ убитъ два года спустя.

Но какое бы ни было отношеніе между Черкасъ бекомъ и Эліасомъ, владѣтель Солката отказался въ 1380 году не только отъ упомянутыхъ селъ судакскихъ, но и отъ всѣхъ деревень, населенныхъ христіанами и лежавшихъ на южномъ берегу между Солдаею и Чембало въ Готіи, которая впрочемъ, если я не ошибаюсь, de facto уже принадлежала Генуэзцамъ, поелику дожъ Габріело Адорно (1363—70) согласился допускать венеціянскія суда къ тамошнимъ портамъ (Зап. Од. Общ. IV 227).

По приведенному документу 1381 года, каждая изъ этихъ деревень, имена коихъ сохранились понынѣ съ малыми измѣненіями, состояла подъ вѣдомствомъ своего «propto» (proto), а всѣ вмѣстѣ—подъ викаріемъ «riperiae marinae Gotiae» Въ военномъ отношеніи край этотъ былъ подчиненъ особенному начальнику (capitaneus), и кромѣ того, были учреждены особенныя консульства въ четырехъ изъ приведенныхъ деревень, а именно: въ Гурзуфѣ (Gorzovii), Партенитѣ (Pertinice), Ялтѣ (Jalite) и Алуштѣ (Lusce).

Вѣроятно, всѣ эти мѣста были отняты Генуэзцами не у Татаръ, но у Грековъ, вмѣстѣ съ Чембало или Балаклавою.

По Броневскому [88]), крѣпость эта имъ досталась безъ боя въ слѣдствіе неспособности и гордости греческихъ владѣльцевъ (duces), которымъ принадлежала эта часть Тавриды.

Къ числу ихъ долженъ быть отнесенъ Алексій, которому передались Балаклавцы, возмутившіеся въ 1433 году противъ Генуэзцевъ, и который въ ихъ грамотахъ и лѣтописяхъ называется «dominus de Lotodero, signor del Teodoro» etc.

---

[88]) Schwandtner, Script. rer. hung. I, 821.

Изъ надписи 1427 года на камнѣ, находящемся въ имѣніи Сабли близъ Симферополя, которая была обнародована, между прочимъ, Кёппеномъ (Кр. Сборн. 218) и Дюбуа (1, 1), видно, что этотъ Алексій владѣлъ не только городомъ Θеодоро, но считалъ себя также владѣтелемъ «морскаго берега», явно южнаго берега Крыма.

Что же касается города Θеодоро, то послѣ доказательствъ, мною уже приведенныхъ[89]), придется согласиться, что онъ совпадалъ съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ, по примѣру Тунмана, полагали прежде и теперь еще г. Гейдъ считаетъ возможнымъ, хотя невѣроятнымъ.

Въ обоихъ городахъ, въ особенности въ Инкерманѣ или Каламитѣ, какъ онъ назывался у Итальянцевъ, сохранились слѣды прежняго ихъ величія. Подобно всему Ираклійскому полуострову, Каламита принадлежала владѣтелямъ Θеодоро, поелику мы узнаемъ изъ генуэзскихъ актовъ, что по взятіи обратно Балаклавы Карломъ Ломеллино, посланнымъ изъ Генуи съ войскомъ въ 1434 году, Алексій задумалъ тамъ устроить гавань, что насъ не удивитъ, если припомнимъ, что еще въ XVII столѣтіи суда доходили до Инкермана.

Въ 18 деревняхъ судакскихъ, равно какъ и въ Готіи и въ окрестностяхъ Чембало, главное занятіе жителей тогда, какъ и теперь, состояло въ винодѣліи; Балаклавцы кромѣ того занимались весьма успѣшно рыбною ловлею и принимали также участіе въ торгѣ невольниками, который вообще производился въ большомъ размѣрѣ Итальянцами въ Каффѣ и Танѣ, какъ показалъ г. Гейдъ (Gesch. d. L. H. II стр, 543—550) вопреки мнѣнію г. Канале, который иногда отвлекается отъ истины своимъ желаніемъ выставить хорошую сторону соперничества между морскими республиками въ тогдашнемъ Восточномъ вопросѣ.

Изъ нихъ Генуэзская, въ ожесточенной борьбѣ, открывшейся въ 1378 году съ Венеціанцами за островъ Тенедосъ, уже успѣла совершенно изгнать послѣднихъ изъ Черноморья,

[89]) Notices etc.; ср. Heyd Gesch des L. H. II, стр. 215.

когда дѣла приняли другой оборотъ вслѣдствіе страшнаго пораженія генуэзкаго флота при «Chioggia», такъ что въ мирѣ, заключенномъ въ Туринѣ въ 1381 году, Генуэзцы должны были довольствоваться тѣмъ, что Венеціанцы обязались не посѣщать Тану въ теченіе двухъ лѣтъ.

По окончаніи этой войны, Генуэзцы обратили все свое вниманіе на лучшее устройство колоніальнаго своего государства въ Газаріи.

Такъ, положено было въ 1398 году, чтобы всѣ тамошніе чиновники назначались каффинскимъ консуломъ, вмѣстѣ съ попечительнымъ совѣтомъ и синдикаторами, на половину изъ Генуэзцевъ, на половину изъ гражданъ Каффы. Officium Газаріи предоставило себѣ только назначеніе консуловъ въ Каффу, Челбало, Солдаю, Тану, Сиамиссо и Іамастри, хотя всѣ они въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчинены были консулу каффинскому, который, какъ главный начальникъ всѣхъ генуэзскихъ колоній, иногда получалъ гордый титулъ консула «totius maris majoris» [90]).

По мѣрѣ возрастающей важности Каффы, какъ центра всѣхъ понтійскихъ колоній Генуэзцевъ, они продолжали снабжать этотъ городъ новыми укрѣпленіями. Такъ съ 1384—86 года, при консулахъ Джіакомо Спинола, Піетро Казани и Бенедетто Гримальди, даже предмѣстья были ими окружены. Слѣды этой стѣны и нынѣ еще замѣтны; изъ башень же сохранились только нѣкоторыя, а именно — приведенная выше башня Климента и двѣ другія, гдѣ стѣна примыкала къ морю. Гораздо величественнѣе развалины крѣпости Судакской, построенной на скалѣ, которая, круто поднимаясь съ моря, на противуположной сторонѣ образуетъ родъ террасы, которая окружена стѣною съ 10 башнями и покрыта развалинами церквей и другихъ зданій.

Хотя Солдая досталась Генуэзцамъ въ 1365 году, тѣмъ не менѣе они только двадцать лѣтъ спустя приступили къ приведенію сего города въ лучшее оборонительное положеніе.

---

[90]) Heyd, Le col. comm. II, 130.

Такъ по крайней мѣрѣ должно думать по сохранившимся въ немъ надписямъ, изъ коихъ древнѣйшая находится на башнѣ, построенной въ 1385 году во время управленія консула Торсело, какъ его называютъ Канале и Юргевичъ, а не Горзево, какъ читали его имя Кёппенъ, Мурзакевичъ, Дюбуа и др.

Другой камень съ надписью, найденный г. Юргевичемъ возлѣ судакской церкви, и хранящійся теперь въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, находился на башнѣ, построенной въ 1414 году. Слова надписи «hedificio tota facta» относятся, по мнѣнію г. Юргевича, ко всей крѣпости и означаютъ окончаніе ея постройки. Дѣйствительно всѣ прочія надписи на стѣнахъ и башняхъ, по большей части также открытыя г. Юргевичемъ (см. Зап. Од Общ. V), свидѣтельствуютъ, что всѣ постройки были сдѣланы между годами 1385 и 1414.

Нельзя сказать, когда именно Генуэзцы начали укрѣплять Балаклаву.

На одномъ изъ камней съ надписями, снятомъ съ тамошнихъ башень Піэмонтезцами въ 1855 году и хранящемся теперь въ генуэзской ратушѣ, читается 1467 годъ, тогда какъ на другомъ камнѣ отмѣченъ 1354 годъ, быть можетъ какъ думаетъ г. Десимоне (въ письмѣ отъ 9 ноября 1870 года), по ошибкѣ. Но зато мы узнаемъ изъ третьей надписи, незамѣченной генераломъ Ламармара и открытой г. Юргевичемъ на стѣнѣ церкви Двѣнадцати Апостоловъ вблизи крѣпости (Зап. Од. Общ. V, 175), что въ ней уже былъ генуэзскій консулъ въ 1357 году, почему и должно думать, что Формалеони [91]) не ошибается, когда говоритъ, что Джанибекъ, послѣ неудачной осады Каффы въ 1345 году, обратился противъ Балаклавы, откуда Генуэзцы должны были удалиться, такъ какъ еще не успѣли укрѣпить этотъ городъ надлежащимъ образомъ. Посему самому кажется, что они имъ завладѣли не задолго предъ тѣмъ

Имѣя въ виду что еще въ 1333 году было учреждено католическое епископство въ незначительномъ, судя по выра-

[91]) Navig. del mar Nero etc. XXI.

женію буллы, тогда городѣ Херсонѣ «въ Готіи», должно думать, что Лекіенъ и другіе писатели не знаютъ епископовъ *Cembalo'скихъ* только потому, что они ихъ превращали въ архіепископовъ *Chanbalik'скихъ* (Пекинскихъ).

Едва ли туда уже могъ добраться францисканецъ Вильгельмъ, назначенный въ 1370 году Урбаномъ V архіепископомъ «Cambaliensis» и викаріемъ «regionis Cathaye» [92]), вмѣсто Петра, переведеннаго ex ecclesia Cambaliensi ad Saraiensem in Tartaria.

Въ это время католическіе миссіонеры уже не были бы приняты въ Китаѣ, гдѣ туземная династія Минъ, въ 1368 г., низвергла монгольскихъ Юэнъ и перенесла столицу въ Нанкинъ изъ Пекина, который уже не означался монгольскимъ его именемъ «Ханбалу» или Ханбаликъ, т. е. Царьградъ.

Напротивъ того Генуэзцы тогда уже владѣли, какъ выше было показано, не только городомъ Чембало, но всѣмъ южнымъ берегомъ Крыма, или Готіею, въ которой по сему самому католическіе священники не были бы лишними, и которая въ папской канцеляріи легко могла быть смѣшиваема съ Китаемъ по той причинѣ, по которой Шильтбергеръ ее называетъ Kuthia [93]), т. е. по армянской формѣ имени Готіи (Dulaurier, Bibl. arm. 398). По сей же причинѣ въ папской буллѣ 1253 года страна «Cotharum» замѣняетъ страну «Gothorum» буллы 1247 г. между тѣмъ какъ Плано Карпини (ed l'Avezac, 320) превращаетъ въ «Cathos» тотъ же самый народъ, который польскій его спутникъ называетъ «Goti» (ibid), ставя ихъ жилища къ югу отъ Команіи.

Во всякомъ случаѣ уже не въ Пекинъ, но только въ Балаклаву могъ быть посланъ въ 1427 году, доминиканецъ Яковъ, поелику ему предоставили ecclesiam parochialem s. Laurentii Caphae... per ipsum unà cum ecclesia Gambalien quae inter Infideles et Tartaros constitit [94]).

---

[92]) Le Quien III, 1108—10.
[93]) См. Зап. Новор. Унив. 1.
[94]) Le Quien, III, 1351.

Туда также долженъ былъ отправиться въ 1429 году папскій легатъ Николай изъ Тиволи, а вовсе не въ Китай, какъ воображалъ Марчеллино де Чивета [95]), потому только, что Мартинъ V ему поручилъ побывать in Caffen, Chien, Metellin, Sollagen, Cimbalien et Samastrien, ac in terra Pera, Constantinopolis dioecesis.

Въ Балаклаву наконецъ были отправлены разные другіе монахи, которыхъ Лекіенъ превращаетъ въ архіепископовъ ханбаликскихъ, напр. «Александръ de Caffa *episcopus* Cymbaliensis», котораго папа рекомендовалъ въ 1462 году «protectoribus... s. Georgii urbis Januensis».

Дѣйствительно Балаклава состояла тогда уже подъ вѣдомствомъ комитета т. наз. протекторовъ знаменитаго банка св. Георгія, которому, по завоеваніи Турками Константинополя, Генуэзская республика уступила всѣ свои черноморскія колоніи, въ надеждѣ, что эта богатая корпорація устранитъ опасность, ей грозившую послѣ утвержденія власти Порты по обѣимъ сторонамъ Ѳракійскаго пролива.

Но еще до того времени, когда Турки овладѣли входомъ въ Черное море, разныя бѣдствія постигали итальянскія колоніи въ Газаріи.

Такъ надъ ними обрушились, еще предъ концемъ XIV столѣтія, пагубныя слѣдствія борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ. Извѣстно, что послѣдній, послѣ пораженія, нанесеннаго хану Кипчакскому въ 1395 году, овладѣлъ между прочими городами и Таною, откуда жители отчасти успѣли спастись на корабли, коихъ, къ счастію, тогда довольно было въ гавани. Но зато остальные, кромѣ мусульманъ, были плѣнены, и дома ихъ разграблены и разрушены.

Изъ грамотъ, сообщенныхъ Канале (II, 462—7), мы усматриваемъ, что Венеціанцы издерживали большія суммы для возстановленія стѣнъ и замковъ своего квартала, разрушенныхъ

---

[95]) Ср. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens, 12.

Тамерланомъ, а что Генуэзцы въ семъ отношеніи отъ нихъ не отставали, узнаемъ мы изъ Устава 1449 года, гдѣ назначается особая сумма для исправленія стѣнъ, построенныхъ братомъ Самуиломъ Терраво [96]). Но не такъ легко было возвратить Танѣ прежнее ея значеніе для всемірной торговли, поелику, послѣ разрушенія Сарая и Астрахани, товары индійскіе и китайскіе снова стали доставляться къ сирійскимъ портамъ, такъ что Тана осталась только центромъ торговли азовскою рыбою. Еще въ 1403 году Клавихо видѣлъ въ Константинополѣ 6 судовъ венеціанскихъ, шедшихъ изъ Таны, и хотя за тѣмъ обитавшіе тамъ Итальянцы много страдали отъ набѣговъ Татаръ въ 1410 году, Турокъ въ 1415 и снова Татаръ въ 1418 году, при чемъ до 640 однихъ венеціанскихъ купцовъ лишились жизни (Heyd, Le col. comm II, 142), тѣмъ не менѣе они, подобно генуэзскимъ, не переставали туда возвращаться какъ видно изъ свидѣтельствъ де Ланнуа, Шильтбергера и Барбаро (ср. Atti VI, стр. 541).

Хотя въ настоящее время признана неосновательность преданія, по которому Тамерланъ простеръ свое оружіе до Крыма [97]), тѣмъ не менѣе вредныя слѣдствія его борьбы съ Тохтамышемъ и тамъ обнаружились, когда, послѣ окончательнаго пораженія сего послѣдняго, одинъ изъ его сыновей искалъ убѣжища въ Каффѣ. Радушный пріемъ, ему оказанный жителями, былъ причиною опустошенія окрестностей ихъ города полчищами Эдигея (Clavijo, l. l. p. 197—9), игравшаго тогда въ Ордѣ ту же самую роль, которую прежде игралъ Мамай.

Еще гораздо опаснѣе были для итальянскихъ поселеній въ Газаріи враждебныя дѣйствія Гаджи-Герая, успѣвшаго, по смерти неумолимаго врага Тохтамышева рода, основать независимое ханство въ Крыму. Послѣ тщетныхъ стараній усмирить его уступчивостью и подарками, Каффинцы обратились къ своей метрополіи съ требованіемъ помощи. Исполненіе сего

---

[96]) Зап. Од. Общ. V, 807.

[97]) Bizarus, Hist. reip. Gen. IX, 200.

требованія возложено было на Карла Ломеллино, успѣвшаго только что завоевать обратно Чембало. Но въ этотъ разъ ему не посчастливилось. Приставши къ берегу въ Каффѣ и отправившись оттуда внутрь края, онъ претерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ окрестностяхъ Солката. Большая часть его войска была истреблена, самъ онъ съ немногими добрался до Каффы, откуда не замедлилъ возвратиться въ Генуу.

По свидѣтельству Лаоника Халкокондилы (ed Bonn. 284), генуэзскія поселенія въ Крыму приведены были тогда въ большую противъ прежняго зависимость отъ Татаръ, чѣмъ и объясняются различныя мѣры предосторожности, которыя мы встрѣчаемъ въ колоніальномъ уставѣ 1449 года. Такъ какъ любопытный этотъ документъ уже обнародованъ съ дѣльными примѣчаніями г. Юргевича [98]), то мы здѣсь коснемся только нѣкоторыхъ пунктовъ, относительно которыхъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. профессора.

Такъ какъ въ Уставѣ говорится о пушкарѣ (bombarderius) въ одной только Балаклавѣ, а вовсе о нихъ не говорится въ числѣ воиновъ гарнизона Каффы и Солдаи, то г. Юргевичъ полагаетъ, что въ этихъ крѣпостяхъ тогда вовсе не было пушекъ, и что по сему самому въ Уставѣ не могло быть рѣчи о приготовленіи и запасѣ пороха и ядеръ. Кажется однако, что эти именно предметы подразумѣвались подъ военными припасами, о коихъ упоминается въ статьѣ: «De conservandis munitionibus comunis» (V, 723).

По сему самому я полагаю, что огнестрѣльныя оружія могли встрѣчаться въ числѣ тѣхъ паръ «armorum», которыя главные каффинскіе чиновники должны были приносить въ даръ общинѣ «cum fada una» на каждую пару (V, 651), вмѣсто чего г. Юргевичъ предлагаетъ читать: cum spada una, съ однимъ мечомъ.

Всѣ эти припасы и оружія должны были запираться тремя ключами и храниться, первые въ «saЬaЬraria», или въ

[98]) Зап. Од Общ. V, 629—637.

арсеналѣ, какъ г. Юргевичъ переводитъ это слово; но я предпочелъ бы видѣть въ немъ означеніе пороховаго погреба, потому что слово это напоминаетъ мнѣ имя св. Варвары, S-a Barbara, покровительницы артиллеристовъ, между тѣмъ какъ въ Уставѣ арсеналъ называется «darsena» (p. 675).

Касательно же башни «stantalis», гдѣ должно было храниться оружіе, и которая, по г. Юргевичу, могла быть посвящена св. Виталію, я спросилъ бы: не находилась ли она возлѣ казармы, stantia, съ итальянскаго «stanza, luogo stantiale»?

Изъ Устава мы усматриваемъ, что въ Каффѣ и въ другихъ городахъ находились, кромѣ стрѣлковъ (balistarii) и другихъ наемниковъ, еще разные полицейскіе служители, въ томъ числѣ аргузіи (argusii, arguxii, orgusii), напоминающіе мнѣ испанскихъ алгузиловъ, такъ названныхъ по арабскому слову: аргузилъ (Jal, Dict. naut.), означавшему надзирателей надъ галерными невольниками. Въ 1449 году было положено чтобы въ Каффѣ было на лицо 20 аргузіевъ, въ Солдаѣ 8 и въ Чембало 4. Каждый изъ нихъ получалъ по 120 аспровъ мѣсячнаго жалованья, за что, кромѣ своей лошади, долженъ былъ имѣть оружіе, щитъ и «cabaricho» (tabaricho), или плашъ (tabarro), какъ думаетъ г. Юргевичъ, или же, быть можетъ, чепракъ.

Вѣроятно эти наѣздники были изъ Черкесовъ, поелику они въ Уставѣ также называются казаками, а подъ послѣдними тутъ нельзя разумѣть ни русскихъ, ни татарскихъ.

По преданію, сохранившемуся у кавказскихъ Черкесовъ, ихъ предки нѣкогда обитали въ Крыму; о пребываніи же казаковъ въ окрестностяхъ Сугдеи въ 1308 году читается въ одной изъ приписокъ синаксаря (Зап. Од. Общ. V № 161).

Что крѣпость эта около половины слѣдующаго столѣтія все еще не лишилась прежняго значенія, видно, между прочимъ, изъ письма, адресованнаго 1 ноября 1455 года протекторами банка св. Георгія къ папѣ Калисту IV съ тѣмъ, чтобы онъ, въ интересахъ всего христіанства, возбудилъ за-

падныхъ Европейцевъ къ защитѣ черноморскихъ владѣній ихъ вѣрителей: Et ne quis putet forsitan pro vili plebecula verba facere, habet Ponticus ille Angulus Imperium Trapezuntinum claris urbibus frequens; habet Capham non ambitu quidem moenium, sed populorum multitudine Constantinopoli facile praeferendam; habet Soldiam, habet Cembalum, haud contemnenda oppida [99]).

Впрочемъ и Банкъ съ своей стороны дѣлалъ все отъ него зависящее для обезпеченія своего колоніальнаго государства противъ властолюбія Порты и жертвовалъ огромныя суммы для покрытія возрастающаго годъ отъ году дефицита въ бюджетѣ Газаріи, для снабженія ея городовъ новыми укрѣпленіями и для отправленія имъ въ пособіе ратниковъ сухимъ путемъ и моремъ. Но корабли, посылаемые для сей цѣли изъ Генуи, рѣдко успѣвали пробираться чрезъ проливы по обѣимъ сторонамъ Мраморнаго моря, между тѣмъ какъ дальный путь и другія обстоятельства затрудняли пересылку въ Крымъ сухопутнаго войска. Поэтому жители Каффы обратились къ польскому королю Казиміру IV и набрали въ 1465 году, съ его согласія, 500 Малороссіянъ. По рукописи, хранящейся въ библіотекѣ графа Пржездецкаго въ Черноостровѣ [100]), начальникъ сего отряда былъ житель каффинскій, по имени Галеаццо, при которомъ еще находились семь Генуэзцевъ. Миновавъ городъ Брацлавъ, гдѣ люди сего отряда произвели безпорядки, они были настигнуты при Бугѣ литовскимъ гарнизономъ и истреблены за исключеніемъ начальника, его соотечественниковъ и пяти Русскихъ, которымъ удалось пробраться до Каффы.

Вскорѣ послѣ того Магомедъ II, раздраженный противъ Генуэзцевъ за ихъ неумѣстныя требованія относительно ихъ колоніи въ Галатѣ, овладѣлъ ихъ поселеніями на южномъ берегу Чернаго моря и около того же времени положилъ конецъ

---

[99]) Bainald, Ann. Eccl. an. 1455; привед. у Oderico, Lettere ligustiche, 190.

[100]) Зап. Од. Общ. I, 513.

эмирату Синопскому и имперіи Трапезунтской. Тѣмъ не менѣе Генуэзцы удержались въ Крыму, обязавшись платить султану дань и стараясь избѣгнуть новыхъ съ нимъ столкновеній.

Но Магомедъ, не довольствуясь этимъ, искалъ только повода совершенно изгнать ихъ изъ Черноморья. Поводъ этотъ поданъ былъ Эминекъ-бейемъ, занимавшимъ нѣсколько лѣтъ должность тудуна.

Этотъ «Vicarius Canlucorum» былъ отставленъ въ слѣдствіе интригъ каффинскаго консула Габеллы и другихъ членовъ колоніальнаго управленія сыномъ Гаджи-Герая Менгли-Гераемъ, который, по смерти отца въ 1456 году, низвергъ съ престола старшаго брата съ помощью Каффинцевъ. Но эти сношенія его съ невѣрными не нравились Татарамъ и увеличили число приверженцевъ Эминека, который не только явно возсталъ, но еще обратился къ султану съ требованіемъ пособія, въ чемъ ему не было отказано.

Весною 1475 года великій визиръ Кедукъ-Ахмедъ-паша явился въ Черномъ морѣ съ большимъ флотомъ и съ десантнымъ войскомъ. Прибывши на высоту Каффы, Турки высадили свою артиллерію и начали бомбардировать городъ со всѣхъ сторонъ. Въ невозможности противостоять непріятелю, жители рѣшились сдаться на условіяхъ, которыя однако были нарушены Турками.

Вмѣсто подробностей этой катастрофы всѣмъ извѣстныхъ представлю здѣсь отрывокъ изъ письма, написаннаго очевидцемъ на кораблѣ въ виду Константинополя, куда онъ былъ отправленъ изъ Каффы съ другими плѣнными (Canale, Della Crimea, III, 346).

Сказавъ, что Турки 31 мая вступили въ переговоры съ Татарами въ портѣ *Посидинія*, отстоявшемъ на семь миль отъ Каффы, авторъ письма передаетъ намъ, что въ слѣдующій день высадилось 1000 человѣкъ кавалеріи «a Santa-Maria di mezzo a vospro», вѣроятно вмѣсто di mezzo di a vespro. По разстоянію, въ которомъ Посидинія находилась отъ Каффы,

она должна была находиться при двухъ-якорной бухтѣ, также названной Текіе или Porto-Genovese, или же, еще вѣроятнѣе, далѣе къ западу у Кокъ-тебеля. Въ этомъ случаѣ Посидинія совпадала бы съ приведеннымъ выше портомъ Прованто и оказалось бы, что Perfidima (pecfidima etc.), отмѣченное въ картахъ на этомъ же мѣстѣ, попало въ нихъ по ошибкѣ вмѣсто Posidinia.

Церковь же Богоматери, возлѣ которой высадились Турки, находилась, по мнѣнію г. Вильнёва, бывшаго директора Ѳеодосійскаго музея, внѣ стѣнъ города возлѣ карантина, и совпадала бы поэтому вѣроятно съ церковью св. Маріи, два раза упомянутой въ Уставѣ 1316 года.

Въ немъ во первыхъ читается, что близь Каффы была мѣстность «quuc est ab illo loco in quo consuevit esse palatium Sadoni (см. стр. 203) eundo versus Bissane[101]), usque in mare et a dicto palatio redeundo versus ecclesiam, quae consuevit appellari Sanctae Mariae, usque ad fossatum factum extra murum de Caffa et usque ad fossatum veterum versus dictam ecclesiam Sanctae Mariae».

Консулъ имѣлъ право давать въ наемъ это пространство Грекамъ, Армянамъ и другимъ христіанамъ «qui non sunt Januenses, vel dicti seu appellati Januenses».

Въ другой статьѣ говорится, что базаръ находился «extra Caffa versus viam de Solcati, eundo videlicet a fossato veteri, quod consuevit esse a balneo Pal-Oani versus ecclesiam Sanctae Mariae[102]) et ab infra usque in mare».

Во всякомъ случаѣ мѣсто десанта находилось недалеко отъ города, поелику Турки могли его окружить въ тотъ же самый день, когда пристали къ берегу.

---

[101]) Можетъ быть мѣсто, гдѣ стояли барки, служившія для гонки; ср. Jal. l. c. v. Bissona. Уставомъ 1449 года положено было издерживать для сей цѣли ежегодно 630 аспровъ и покупку куска багроваго атласа въ 7 пикъ, т. е. приблизительно столько же аршинъ: pecia una zentimi carmosili piche septem (см. Зап. Од. Общ. V, 710).

[102]) Ср. Зап. Од. Общ. V, 705: S. M. de Bazali.

Далѣе читается въ письмѣ, что по взятіи города, а именно 7 и 8 іюня, всѣ Валахи, Поляки, Русскіе, Грузинцы, Черкесы и вообще христіане, за исключеніемъ Латинянъ, были ограблены, окованы, и проданы какъ невольники.

Изъ всѣхъ народовъ, которые имѣли представителей въ Каффѣ, при взятіи сего города, первое, безъ сомнѣнія, мѣсто послѣ Итальянцевъ занимали Армяне, имѣя тогда 29 церквей въ городѣ и 10 въ предмѣстьяхъ[103]). Тѣмъ не менѣе авторъ не ставитъ ихъ въ своемъ спискѣ христіанскихъ жителей Каффы. Молчаніе его подтвердило бы, въ случаѣ надобности, выше приведенное мнѣніе, что большая часть армянскихъ жителей Каффы состояла изъ католиковъ.

Наконецъ авторъ письма еще передаетъ намъ, что Турки еще не успѣли овладѣть сильною крѣпостью Готію и Θеодори, гдѣ находился, съ 300 Валахами «il signor della Gotia», явно потомокъ того Алексія, владѣтеля Θеодори, котораго возмутившіеся въ 1433 году Балаклавцы избрали начальникомъ и которымъ въ 1427 году былъ построенъ дворецъ, коего развалины донынѣ видны въ Мангупѣ (см. выше).

Кажется однако, что и эта крѣпость держалась не долго, ибо мы узнаемъ изъ другаго источника, что вскорѣ по взятіи Каффы Турки овладѣли ею вмѣстѣ съ Готіею[104]), чѣмъ и подтверждается извѣстіе у Гаммера (Hist. de l'emp. Ott.), что Турки овладѣли Мангупомъ и найденныя тамъ драгоцѣнныя вещи отправили въ Константинополь.

Еще до взятія Θеодори они уже овладѣли прочими итальянскими колоніями, равно какъ и Таною, подпавшей ихъ власти спустя мѣсяцъ по взятіи Каффы, какъ мы узнаемъ изъ приведеннаго письма, написаннаго въ августѣ 1475 года.

Между тѣмъ какъ авторъ сего письма съ товарищами злосчастія ожидалъ рѣшенія судьбы своей въ каналѣ Константинопольскомъ, другіе изъ подобныхъ имъ жертвъ вѣроломства

---

[103]) По рукописи, привед. въ Θеодос. журн. Радуга, 1860, № 11, стр. 172.

[104]) Hist. pol. Constant. ed Bonn, 45... *τοὺς Θεοδώρους, τὴν Γοτθίαν* и т. д.

Турокъ, овладѣвъ кораблемъ, который ихъ велъ туда же, направили свой путь къ Аккерману, гдѣ однако были ограблены и прогнаны тамошнимъ губернаторомъ (Heyd, Le col. comm. II, 161).

Вѣроятно они тогда уже пробрались въ Килію, гдѣ пристали къ берегу [105]) и гдѣ, если вѣрить автору румынскаго романа [106]), молодые Итальянцы радушно были приняты самымъ княземъ Стефаномъ.

Отъ нихъ, прибавляетъ авторъ въ выноскѣ, ведутъ свой родъ многія изъ нынѣшнихъ молдавскихъ фамилій, какъ-то Розетти, Негри, Конти и др.

По Гаммеру, спасшіеся изъ Каффы Итальянцы дѣйствительно были приняты въ Киліи Стефаномъ, у котораго султанъ, тщетно потребовавъ ихъ выдачи, велѣлъ отнять Аккерманъ. Но мы уже видѣли, что вскорѣ послѣ того городъ этотъ снова принадлежалъ Молдаванамъ, у которыхъ, подобно Киліи, былъ уже отнятъ Баязетомъ II въ 1484 г., при содѣйствіи Менгли-Гирая, который привелъ ему на помощь 50,000 Татаръ, за что получилъ въ награду отъ султана золотой колпакъ и другіе богатые дары.

Съ утвержденіемъ владычества Порты надъ сѣвернымъ берегомъ Понта, нашъ край лишился прежняго своего значенія въ торговомъ отношеніи, и только по мѣрѣ того, какъ сталъ переходить въ составъ Россіи, пробуждался отъ вѣковаго усыпленія, которое впрочемъ было слѣдствіемъ не одного только варварства и безпечности Турокъ, но и того обстоятельства, что геніемъ Колумба и Гамы были проложены новые пути для всемірной торговли.

Но такъ какъ въ этомъ отношеніи непремѣнно послѣдуетъ рѣшительный переворотъ съ открытіемъ пароходства по Суэзскому каналу и по окончаніи строящихся желѣзныхъ дорогъ для соединенія Черноморья съ Закавказскимъ и Зааральскимъ краемъ, то можно надѣяться, что нашъ гостепріимный

---

[105]) Engel, Gesch. d. Ung. R. IV, 2 стр. 141.

[106]) Asaky, Nouv. hist. de la Moldo-Roumanie, Yassy, 1859, стр. 136

Понтъ въ скоромъ времени снова будетъ звеномъ, соединяющимъ отдаленный востокъ съ образованными народами запада.

А вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованія, касающіяся состязанія морскихъ державъ Италіи за торговое наслѣдство Милезійцевъ, болѣе нынѣшняго окажутся достойными вниманія современниковъ.

XII.

О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами [1]).

До временъ Геродота обширное пространство земли, населенное въ настоящее время преимущественно Румынами, было покрыто мракомъ неизвѣстности. «Отецъ исторіи», оставившій намъ столь же подробное, какъ и мастерски начертанное изображеніе современнаго ему состоянія Новороссійскихъ степей, только мимоходомъ упоминаетъ о странѣ, лежащей къ западу отъ Днѣстра, между этою рѣкою, нижнимъ Дунаемъ и Карпатами.

По его взгляду восточная часть этой страны, заключающая въ себѣ соединенныя княжества и Бессарабію, входила еще въ составъ Скиѳіи, будучи орошаема притоками Истра — Пиретомъ, Тіарантомъ и протекавшими между ними Араромъ, Напарисомъ и Ордиссомъ, въ коихъ нельзя не узнать Прутъ, Алуту, Серетъ, Яломицу и Аржисъ. За Алутою, т. е. въ Трансильваніи и Венгріи, находились жилища Агаѳирсовъ, по обѣимъ сторонамъ «золотоносной» рѣки Марисъ, явно соотвѣтствующей нынѣшнему Марошу, до впаденія въ Тису, равно какъ и нижнему теченію сей послѣдней. Агаѳирсы принадлежали къ великому ѳракійскому племени, если позволено будетъ судить, не по ихъ языку, намъ неизвѣстному, но по обычаямъ ихъ, которые впрочемъ представляли нѣкоторыя отличительныя черты, какъ то: общность женъ и приведенное

---

[1]) Изъ VI тома Записокъ Одесск. Общества Исторіи и Древностей.

Аристотелемъ (Probl. XIX. 28) обыкновеніе сохранять въ памяти законы тѣмъ, что ихъ распѣвали.

Съ другой стороны не должно забывать, что Геродотъ приводитъ преданіе, по которому они были одинакаго происхожденія съ Скиѳами, и преданіе сіе получаетъ нѣкоторую подпору отъ извѣстій, что царь ихъ, по имени Спаргапейѳъ, умертвилъ хитростью скиѳскаго царя Аріапейѳа, (IV, 78) и что другой скиѳскій царь назывался Иданѳирсъ (127).

Во всякомъ случаѣ Нибуръ (Kl. Schriften I, 377) уже слишкомъ поступаетъ произвольно, когда отождествляетъ Агаѳирсовъ съ Гетами, которые, при Геродотѣ, еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная, но къ югу отъ этой рѣки по обѣимъ сторонамъ Балкана и при берегѣ Чернаго моря между Месемвріею и Бабадагской областью, которая тогда принадлежала къ Скиѳіи, такъ какъ устья Дуная еще находились въ предѣлахъ этой страны.

Геты отличались отъ прочихъ Ѳраковъ мужествомъ, съ которымъ противустояли, хотя тщетно, персидскому царю Дарію I, во время его перехода чрезъ ихъ страну. Тутъ же мы ихъ еще встрѣчаемъ, во время пелопоннезской войны, въ числѣ воиновъ царя ѳракійскаго Ситалка, союзника Аѳинянъ (Thuc. II, 29), равно какъ при македонскомъ царѣ Филиппѣ II, которому представились игравшіе на лирѣ посланники гетскаго царя Коѳеласа, съ предложеніемъ супругу Олимпіады руки царской дочери. Хотя Филиппъ дѣйствительно вступилъ въ брачный союзъ съ гетской царевною, тѣмъ не менѣе кажется, что ея соотечественники, тѣснимые съ одной стороны Скиѳами которые отъ Сарматовъ должны были бѣжать изъ нашихъ степей, а съ другой—усилившимися на западѣ Трибаллами (Древлянами?), начали около того же времени перебираться черезъ Дунай, вытѣсняя въ свою очередь Агаѳирсовъ, коихъ жилища позднѣйшими писателями помѣщаются ближе къ сѣверу при рѣкѣ Хезиносѣ [2]), въ которой Маннертъ угадалъ западную Двину.

---

[2]) Marc. Heracl. у Müller, Fragm. hist. graec. I, 559.

По крайней мѣрѣ извѣстно, что юный Александръ, послѣ неудачной попытки овладѣть островомъ Певки, т. е. сѣверною частью Бабадагской области (см. выше стр. 48) переправился тутъ же черезъ Дунай и разрушилъ городъ Гетовъ, который долженъ былъ находиться въ окрестностяхъ Картала. Жители бѣжали въ степи Буджака, прозванныя Страбономъ (VII 3, § 14) «пустынею Гетовъ», куда по кончинѣ Александра проникъ прежній его полководецъ, ѳракійскій царь Лизимахъ (въ 292 г.), но со всѣмъ своимъ войскомъ былъ взятъ въ плѣнъ гетскимъ царемъ Дромихетомъ, котораго владѣнія находились по обѣимъ сторонамъ Дуная. Если Лизимахъ, какъ должно думать, для возвращенія свободы не скупился въ платежѣ выкупныхъ денегъ, то и объясняется почему золотыя его монеты иногда открываются въ Бессарабіи.

Лишь только минула опасность, грозившая Гетамъ со стороны Македонянъ, какъ имъ пришлось бороться съ Кельтами, которые еще до временъ Александра проникли до сѣвернаго берега Адріатическаго моря (Arr. Exp. Alex. I, 4). Затѣмъ они, утвердясь въ Паннаніи, чрезъ Ѳракію и Македонію, проникли въ Грецію, опустошая все на пути своемъ, доколѣ не были разбиты при Дельфахъ соединенными силами Пелопоннеза и Эллады. Частью они тогда переселились въ Азію, гдѣ около половины Фригіи по ихъ имени была названа Галатіею; частью возвратились во свояси; остальные наконецъ удержались лѣтъ съ 66 (278—214) во Ѳракіи, гдѣ имя главнаго ихъ города сохранилось въ названіи «Туловско поле», примѣняемомъ къ котловинѣ, въ которой лежитъ Казанлыкъ [3]).

Нѣкоторые писатели желали ихъ выдать за тѣхъ Галатовъ, о которыхъ припоминаетъ знаменитая надпись въ честь Протогена, найденная въ развалинахъ Ольвіи. Въ этой надписи, хранящейся въ Черниговской губерніи, въ имѣніи Стольномъ, говорится о бѣдственномъ положеніи города Борисѳенеи-

[3]) См. статью Ирека въ S. B. der K. boehm. Gesellsch. der Wissensch. (4 дек. 1876).

товъ, тѣснимаго съ одной стороны Ѳисаматами, Скиѳами и Савдаратами, а съ другой Галатами. Къ сожалѣнію ученые до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ о времени, къ которому относится эта надпись. По Кёлеру [4]), она была составлена въ царствованіе Августа; Бёкъ [5]) относитъ ее къ 2-й или 1-й половинѣ втораго столѣтія до Р. Х; Шафарикъ [6]), по примѣру Нибура [7]), къ времени 2-й пунической войны, а Рёслеръ [8]), по примѣру Шмита [9]) даже къ первой половинѣ III вѣка до Р. Х.

«Но» говоритъ осторожный Укертъ (Skyth стр. 47), «ничего не позволяетъ думать, что Галаты уже тогда простерли свое оружіе такъ далеко къ С. В. и вообще за Дунай», и вѣроятно не ошибается, когда въ Галатахъ псефисмы узнаетъ Бастарновъ, которые, около половины II вѣка, господствовали между Карпатами и устьями Дупая и коихъ Цейсъ (Die Deutschen etc. 61) безъ основанія считаетъ Германцами, тогда какъ Дифенбахъ (Celt. II, 285) уже рѣшительно ошибается, когда въ приведенныхъ Галатахъ предполагаетъ Киммеріанъ, до-толѣ удержавшихся будто-бы въ окрестностяхъ Ольвіи: ибо, въ этомъ случаѣ, пришлось бы также допустить, что скирскіе ихъ товарищи также были старожилами въ нашихъ степяхъ.

Савдараты, упомянутые въ псефисмѣ, вмѣстѣ съ Скиѳами и Ѳисаматами, и болѣе нигдѣ, быть можетъ попали на памятникъ по ошибкѣ рѣзчика, вмѣсто Савроматовъ.

Съ вышеупомянутыми Бастарнами, по которымъ Карпаты были названны бастарнскими Альпами, Геты должны были бороться съ перемѣннымъ счастіемъ; въ одной изъ этихъ войнъ гетскій царь Оролесъ побѣжденныхъ своихъ подданныхъ заставилъ, въ наказаніе, исправлять обязанности у нихъ обыкно-

---

[4]) Zwei Aufschr. der St. Olbia, S. P. 1822.
[5]) C. I. G. II, 123.
[6]) Sl. Alt. I. 397.
[7]) Kl. Schriften. I, 387.
[8]) Die Geten etc. въ S. B. d. Wiener Ак. 1863. p. 175.
[9]) D. olb. Psephisma, въ Rh. Mus. 1836, стр. 273 съ сл.

венно возлагаемыя на женъ, до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ отличиться подвигомъ воинскимъ [10]).

Что подъ этими Гетами разумѣются именно тѣ, которые жили къ сѣверу отъ Дуная, видно уже изъ того, что историкъ Юстинъ ихъ называетъ Даками, т. е. именемъ, которымъ другіе писатели хотя и означаютъ Гетовъ, но только тѣхъ, которые обитали на лѣвомъ берегу Дуная [11]).

Послѣдніе, ослабленные внѣшними войнами и безначаліемъ, около половины I столѣтія до Р. Х стали сильнѣе прежняго при царѣ своемъ Биребистѣ, покорившемъ всѣ почти сосѣдственные народы; перешедши чрезъ Дунай [12]) онъ содѣлался опаснымъ Римлянамъ смѣлыми набѣгами на Македонію и Иллирію

При Веребистѣ Геты по всей вѣроятности простерли свое оружіе до Ольвіи, такъ какъ они, по Діону Хризостому (Orat. Borysth.), владѣли этимъ городомъ за 150 лѣтъ до его времени.

Юлій Цезарь, у котораго р. Истръ впервые является подъ именемъ Данубія, хотѣлъ было воевать съ Биребистомъ, но былъ убитъ, и прежде чѣмъ Августъ началъ войну съ царемъ дакійскимъ, сего послѣдняго постигла участь Цезаря. Государство его раздробилось на четыре части, которыя по сему уже не могли противустоять Римлянамъ: Элій Каттъ перевелъ 50,000 Гетовъ на южный берегъ Дуная, и также не малое число ихъ должно было находиться среди 100,000 плѣнныхъ, переведенныхъ изъ-за Дуная въ Мизію Тиб. Пл. Сильваномъ, побѣдителемъ царей дакійскихъ, по извѣстной надписи (Orelli, I. L. Coll. p. 183), почему и Діонъ Кассій (LI, 22) имѣлъ право сказать, что Даки обитали по обѣимъ сторонамъ Истра.

Обстоятельства перемѣнились въ ихъ пользу при слабомъ и жестокомъ Домиціанѣ, такъ что онъ подъ конецъ принужденъ былъ заключить съ царемъ Децебаломъ постыдный

---

[10]) Justin. XXXII, 3, 16.

[11]) Zeuss. Die Deutschen etc. 260; cf. Roesler, Das Vorrömische Dacien, въ Sitz.-Ber. d. Wiener Akad., XLV p. 315.

[12]) Strabo, VII, 3 § 11.

для имперіи миръ По сему самому война съ Даками должна была снова возгорѣться по восшествіи на престолъ «лучшаго» изъ римскихъ императоровъ. Послѣ огромныхъ приготовленій Римляне переправились чрезъ Дунай двумя отрядами, изъ коихъ первый состоялъ подъ личнымъ начальствомъ Траяна. Къ двумъ отрядамъ присоединился за тѣмъ третій, подъ К Лузіемъ, который и овладѣлъ дакійскою столицею Сармицегетузою. Самъ Децебалъ, послѣ многихъ пораженій, наконецъ долженъ былъ смириться. Въ столицѣ поселился римскій гарнизонъ, и императоръ съ тріумфомъ возвратился въ Римъ. Вскорѣ однако новыя враждебныя дѣйствія Децебала заставили Траяна спѣшить оттуда къ Дунаю, надъ которымъ сирійскимъ Грекомъ Аполлодоромъ строился знаменитый каменный мостъ, коего развалины еще замѣтны между башнею Турну-Северинулъ, близъ Чернеца въ Валахіи, и сербскимъ городомъ Кладова, на правомъ берегу.

Побѣдивъ своего соперника съ помощью Язиговъ, Буровъ и другихъ племенъ, Траянъ не довольствовался празднованіемъ побѣды великолѣпными играми и пирами, продолжавшимися 123 дня, но успѣлъ увѣковѣчить память о ней знаменитою колонною, поздвигнутою въ Римѣ, равно какъ и основаніемъ города Никополя, видимаго и доселѣ въ развалинахъ при деревнѣ Никюби, на р. Янтрѣ, между Систовомъ и Терновомъ.

Затѣмъ многіе римскіе колонисты изъ разныхъ угловъ имперіи переведены въ Дакію, превращенную въ провинцію границы которой Птолемей опредѣляетъ (III, 7) такъ: на сѣ, веръ (отъ Дакіи) Сарматія; на З. Язиги Метанасты (переселившіеся въ Венгрію съ сѣвернаго берега Чернаго моря); на Ю. и В. отдѣлена отъ Мизіи Истромъ и Гіеразомъ, (по всей вѣроятности Серетъ), противъ Диногетіи. Въ другомъ мѣстѣ александрійскій географъ (III, 5) говоритъ, что Сарматія граничила на югѣ съ землею Язиговъ (черноморскихъ), отъ южной оконечности сарматскихъ горъ до предгорья Карпатовъ, подъ 46 гр. долг. и 48 гр. 30 мин. шир., равно какъ и съ прилежащей къ нимъ Дакіею, подъ той-же параллелью до

устья Борисѳенеса, подъ 57 гр. 30 мин. долг. и 48 гр. 30 мин. шир Страну, лежавшую къ югу отъ этой линіи, нѣкоторыми относимую къ Сарматіи и заключавшую въ себѣ «пустыню Гетовъ» Страбона, т. е. Буджакъ или южную Бессарабію, онъ причисляетъ къ Мизіи (III, 10) и показаніе его подтверждается греко латинскою надписью (см. выше стр. 3).

Многіе изъ прежнихъ жителей Дакіи, пережившіе паденіе самостоятельности родины, мало по малу превратились въ Римлянъ; другіе, предпочитавши свободу отечеству, выселились [13]), но куда именно? намъ стольже мало извѣстно, какъ и дальнѣйшая ихъ судьба и языкъ, которымъ они говорили.

Кромѣ небольшаго числа названій растеній, на дакійскомъ языкѣ, сохранилось нѣсколько личныхъ и топографическихъ именъ, какъ дакійскихъ, такъ и готскихъ, хотя между этими именами не встрѣчается ни одного общаго обоимъ народамъ, почему и нѣтъ возможности съ помощью ихъ узнать что нибудь объ отношеніи, которое существовало между обоими языками.

Списокъ этимъ именамъ прибавленъ Рёслеромъ къ статьѣ, имъ помѣщенной въ Запискахъ Вѣнской Академіи подъ заглавіемъ: Dacier und Romänen [14]) и можетъ послужить, хотя и не къ рѣшенію вопроса о тождествѣ Гетовъ съ Даками, то по крайнѣй мѣрѣ для изслѣдованія происхожденія каждаго изъ этихъ народовъ.

Но такъ какъ трудъ Рёслера недоступенъ нѣкоторымъ нашимъ читателямъ, то мнѣ кажется не лишнимъ помѣстить здѣсь копію его списка приведенныхъ именъ.

I. Дакійскія имена растеній.

По странной игрѣ случая, до насъ доходили только наименованія самыхъ нѣжныхъ и непрочныхъ произведеній естественныхъ.

---

[13]) Dio Cass LI, 22, LXIII, 13, 14, 30; Eutr. VIII, 3, 6; Flor. III, 4.
[14]) S. B. d. phil.-hist. Classe LIII, 9—92.

Большая половина этихъ словъ встрѣчается въ сочиненіи «Περὶ ὕλης ἰατρικῆς», приписываемомъ Діоскориду и обнародованномъ, между прочимъ, у Кюна: Medicor. Graecor. Opera. Lipsiae, 1830. Изъ этой книги они были помѣщены Гриммомъ въ его «Geschichte d. deutscheu Sprache» (втор. изд. 142—150); предварительно онъ выражается такимъ образомъ (стр. 141):

Діоскоридъ, уроженецъ Аназарба въ Киликіи, жилъ въ первой половинѣ I столѣтія, почти въ одно время съ Плиніемъ, коего Historia Naturalis явилась однако, кажется, послѣ книги Діоскорида. При императорѣ Клавдіѣ Діоскоридъ былъ въ Италіи, за тѣмъ вѣроятно въ Галліи, Испаніи, Карѳагенѣ и Египтѣ, поелику у него отмѣчены имена растеній галльскія, иберійскія, кельтскія, пуническія и египетскія.

Діоскоридъ не сообщаетъ намъ именъ британскихъ и германскихъ, почему и должно думать, что онъ не бывалъ въ странахъ, гдѣ могъ познакомиться съ этими именами. Напротивъ того онъ былъ знакомъ съ Дакіею и нѣтъ причины утверждать, что дакійскія имена растеній прибавлены къ его труду послѣ покоренія этого края Римлянами при Траянѣ. Почему же римскіе путешественники не могли въ I вѣкѣ посѣщать Дакію, чрезъ Паннонію или Иллирію? Развѣ заключить по нѣкоторымъ почти чисто латинскимъ названіямъ, выдаваемымъ за дакійскія, что они туда были введены Римлянами только во II вѣкѣ. Впрочемъ, если даже всѣ дакійскія названія травъ были бы позднѣйшія вставки въ книгу Діоскорида, то и въ такомъ случаѣ они не лишены интереса для языкознанія. Правда и то, что названія эти являются часто искаженными отъ переписчиковъ и само собою разумѣется, что даже тамъ, гдѣ это не случалось, ихъ объясненіе сопряжено съ большими трудностями, потому что народныя названія растеній и животныхъ, подобно всѣмъ собственнымъ именамъ, касаются глубокой древности, и что по сему самому значеніе ихъ едвали можетъ быть разгадано въ языкѣ новомъ, хорошо извѣстномъ, и тѣмъ паче въ древнемъ, неизвѣстномъ.

1) βλῆτον, Ῥωμαῖοι βλίτουμ, Δάκοι βλής.

2) ἀναγαλλὶς ἄῤῥην, χελιδόνιον, Γάλλοι σαπάνα, Δάκοι κερκεραφρών. Var. Γάλλοι κέρκερ, Δάκοι τοῦρκ.

3) χελιδόνιον μέγα. Ῥωμαῖοι φάβιουμ, Γάλλοι θῶνα, Δάκοι κρουστάνη.

4) κενταύριον, Ῥωμαῖοι φευριφούγιαμ, οἱ δέ αὖρα μουλτιράδιξ, Δάκοι τουλβηλά.

5) δίψακος, Ῥωμαῖοι λάβρουμ Βένεριs, οἱ δέ κάρδουμ Βένεριs, Δάκοι σκιαρή.

6) ἠρύγγιον, Ῥωμαῖοι καπίτουλουμ κάρδους, οἱ δὲ καρτεραί, Δάκοι σικουπνοέξ.

7) θύμος, Ῥωμαῖοι θούμουμ, Δάκοι μόζουλα.

8) ἄνηθον τὸ ἐσθιόμενον, οἱ δὲ πολγίδος ... Δάκοι πόλπουμ.

9) ἀρτεμισία, Ῥωμαῖοι οὐαλέντια, οἱ δέ σερπύλλουμ, οἱ δὲ ἕρβα ῥέγια, οἱ δὲ βαπίουμ, οἱ δὲ τερταναγέτα, Γάλλοι πονέμ, Δακοι ζουόστη.

10) ὅρμινον ἥμερον, Ῥωμαῖοι γεμινάλις, Δάκοι ὅρμια.

11) λιθόσπερμον, Ῥωμαῖοι κολούμβαμ, Δάκοι γονολῆτα.

12) ὀνοβρυχίς, Ῥωμαῖοι ὀπακά, οἱ δὲ βριχιλλατά, οἱ δὲ λόπτα οἱ δὲ ἰουγκιναλεμ, Δάκοι ἀνιασσεξέ.

13) χαμαίπιτυς, Ῥωμαῖοι κυπριποῦμ, Δάκοι δοχελᾶ.

14) λειμώνιον, Ῥωμαῖοι οὐεράτρουμ νίγρουμ, οἱ δὲ τιντινάβουλουμ τέῤῥαι, Γάλλοι ἰουμβαροὺμ, Δάκοι δάκινα.

15) ξυρίς, Ῥωμαῖοι γλαδίολουμ, οἱ δὲ ἴριμ ἀγρέστεμ, Δάκοι ἄπρους.

16) ἄγρωστις, Ῥωμαῖοι γράμεν, οἱ δὲ ἀσιφόλιουμ, οἱ δὲ σαγγουινάλεμ, οἱ δὲ οὐνίολαμ, Ἱσπανοὶ ἀπαρία, Δάκοι κοτίατα.

17) βάτος, Ῥωμαῖοι σέντις, οἱ δὲ ῥούβουμ, οἱ δὲ μόρα βατικάνα, Δάκοι μαντεῖα.

18) πενταφύλλον, Ῥωμαῖοι κιγκεφόλιουμ, Γάλλοι πεμπέδουλα, Δάκοι προπεδουλά.

19) τράγιον, τραγόκερως, Ῥωμαῖοι κορνουλάκα, οἱ δὲ βιτουένσα, Δάκοι σαλία.

20) δοσκύαμος, Ῥωμαῖοι ἰνσάνα δεντάρια, Γάλλοι βιλινουντία Δάκοι διέλεια.

21) στρύχνον ἁλικάκαβον, Ῥωμαῖοι βισσικάλις, οἱ δὲ ἀπολλιναρις μίνωρ, οἱ δὲ ὀψάγινεμ, Δάκοι κυκωλίδα (Var. κοικοδιλά).

22) ἀκαλύφη, οἱ δὲ κνίδη, Ῥωμαῖοι οὐρτίκα, Δάκοι δύν.

23) ποταμογείτων, Ῥωμαῖοι βήναι φόλιουμ, οἱ δὲ ἐρβάγω, οἱ δὲ γλαδιατώριαμ, Δάκοι κοαδάμα, Γάλλοι ταυρούκ.

24) ἀστὴρ ἀττικός, οἱ δὲ ὀφθαλμον, Ῥωμαῖοι ἰγγυτάλις, Δάκοι βαθίβιδα.

25) βούγλωσσον, Ῥωμαῖοι λογγαίβουμ, οἱ δὲ λίγγουα, βόβουμ, Δάκοι βουδάλλα. Var. βουδάθλα.

26) κατανάγκη, Ῥωμαῖοι ἔρβα φιλικλά οἱ δὲ δατίσκα, οἱ δὲ Ἰόβις μάδιους, Δάκοι καροπίθλα.

27) ἀδίαντον, Ῥωμαῖοι κιγκινάλις, οἱ δὲ τέρβραι καπίλλους, οἱ δὲ σουπερκίλιουμ τέρβραι, Δάκοι φιθοφθεθελά.

28) ἑλλέβορος μέλας, Ῥωμαῖοι βερατρουμ νίγρουμ οἱ δὲ σαράκα, Δακοι προδίορνα.

29) ἀκτὴ, οἱ δὲ δένδρον ἄρκτου, οἱ δὲ ἥμερον, Ῥωμαῖοι σαμβούκουμ, Γάλλοι σκοβιὴν, Δάκοι σέβα

30) χαμαιάκτη, οἱ δὲ ἔλειος ἀκτὴ, οἱ δὲ ἀγρία ἀκτὴ, Ῥωμαῖοι ἔβουλουμ, Γάλλοι δουκωνὲ, Δάκοι ὅλμα.

31) κολοκυνθίς, Ῥωμαῖοι κουκούρβιτα σιλβάτικα, Δάκοι τουτάστρα. Var. τρουτράστα; по Гримму (560), вмѣсто τρουτάστρα.

32) ἄμπελος μέλαινα, οἱ δὲ βρυωνία μέλαινα, οἱ δὲ βρυκράνιον, Ῥωμαῖοι ὀβλαμήνια, οἱ δὲ βιτανούτα, οἱ δὲ βετισάλκα, Δάκοι πριαδήλα, οἱ δὲ πεγρίνα.

Нѣкоторыя изъ этихъ именъ сохранились, вмѣстѣ съ другими, въ позднѣйшей компиляціи изъ Діоскорида и Плинія, приписываемой Апулею (Apulejus Madaurensis) и подъ заглавіемъ «de herbarum virtutibus» помѣщенной въ сочиненіи: Medici antiqui, Ven. 1547 p. 112 съ слѣд. Parabilium medicament. Norimb. 1788. p. 127—350.

Вотъ эти имена, изъ коихъ тѣ только здѣсь представляются за №№, которыхъ не достаетъ выше:

33) Arnoglosson, arnion, cynoglosson, Galli Tardos, Lotios, Daci Simpeax.

Pentaphyllon, pentadactilon, Galli pompedulon, Daci propedula, alii drocila, Itali quinquefolium.

Hyoscyamos, alii adamantem, Galli dellinuntiam, Daci dieliam.

Artemisiam Graeci Toxatin appellant . . Galli Ponem, alii Titumen, Daci Zyred, alii Zuosten, Itali serpillum maius.

34) Aristolochiam, Graeci Ararezam vocant, Itali malum terrae, Daci Absynthium rusticum, alii Scardian.

Graeci Dicea, alli Stricionon.—Itali Apollinarim, Daci cycolida. Var. colida (Grimm, Gesch d. d. Sp. 2 изд. стр. 559, сравн. Diefenbach. Orig. Eur. 259)

35) Græci quidam Chamaemilon, alii Parthenion, Itali bene olentem, Daci amalustam, Campani amolaciam.

36) Chamæleonem quidam Græcorum nominant, alii Crocodrillon . . . Itali Labrum Veneris, Daci scithen—Chamæpityn — Itali Ibicam, alii Cypressum nigram — Daci dochela

Est et Centaurea minor a Græcis Elleborites vocata; Daci stirsozila, Itali febrifugiam.

37) Græce Prosopites aut Prosopes vocata est, Itali personatiam, Galli betilolen, Daci riborasta.

38) Græci Bryoniam Chelidonion—Itali uvam taminiam, Vitem albam—Daci dochlea appellavere.

A Græcis dicitur Batos sive Butosdæa—Itali Senticem, alii Moram silvaticam, Daci mantiam.

39) A Graecis dicitur Myriophyllos—et Chiliophyllos, Itali millefolium, alii Supercilium Veneris—Daci Diodela.

Ebulum Grœci Chamaeacten dicunt, Galli Ducone, Daci olma.

40) Græci eam dicunt Cissos Melas, Galli Bolus sellon, Daci Arborriam, Itali Hederam nigram.

41) Græeci dicunt Andrachne—Daci Lax, Itali Portulacam

II. Личныя имена гетскія и дакійскія.

Они собраны Рёслеромъ изъ разныхъ источниковъ, которые имъ же указаны въ ссылкахъ.

Изъ гетскихъ именъ имъ приведены: Astraeus, у Фотія 166 и 366, явно въ греческой формѣ; Cothelas, у Горація Od III, 23 и Флора II, 2, 28; Dapyx у Діона Кассія, 51 26; Dicomes, у Плутарха, Aut. 64; Dromichaetes, Gebeleizis; Meda у Satyr. frag; изд. Müller; ср. Μηδοσάδης, оракійское имя у Ксенофонта, Anab, VII, 1, 5; Roles у Діона 51, 26; Seuthes, у Поліена 7, 25, имя чисто оракійское; Tiris, ibid. 4, 46, тождественное съ оракійскимъ именемъ Τήρης, у Θукидида и др.; Zamolxis, Zyraxos, у Діона 51, 26.

Имена дакійскія: Balamua, ср. Ackner und Müller, Die röm. Inschr. in Dacien, 1865 № 867; Barcathes, ibid.; Bicilis, у Діона 68, 14; Blavus, Askner u. Müller, l. c.; Boerebistes (Byrebistes etc.), Briebelu, Ackner u. Müller; Comosicu, у Іорнанда гл. XI; Cotiso=оракійскій Cotys, Daga у Muratori, 1039, 3; Decaeneus, у Діона, Страбона, Іорнанда (Diceneus); Decebalus, Diegis у Діона, ср. оракійское имя Diegylis, у Страбона, Діодора и Валерія Максима (Diogyris); Drigisas у Muratori, l. c.; Diurpaneus (Dorpaneus); Duras; Natoporus, у Muratori; Pieporus ibid.; Oroles, у Юстина, и. б. ὁ Ρώλης Діона; Scorylo Frontin. Strateg.= Corillus у Іорнанда гл. 12; Sigavus, въ надписи изъ римскаго періода у Акнера, 1857; Sitalcus, у Іорнанда, ср. Σιτάλκης Θукидида, 2, 97; Susagus, Plin, Epist. 10, 16; Vezinas, Dio Cass. 67, 10 и Zanis «Decebali filius» у Акнера и Мюллера 867.

III. Географическія имена.

Изъ гетскихъ сохранились не многія, не представляющія аналогіи съ сохранившимися дакійскими. Рёслеръ приводитъ слѣдующія: Ciris, у Діона 51, 26; Cogaeonus, у Геродота, IV, 95; Genucla у Діона; Helis у Діодора, 21, 12

и имена рѣкъ: Oescus, у Прокопія, Aed. 4, 6; Utus, у Плинія; 3, 26, Escamus, ibid.; Jeterus, ibid 3, 29. ср. Athrys Геродота; Panysus, у Плинія и Птолемея III, 10, 8; Lyginus, Arrian, Exp. I, 3; Cebrus и Pingus, Plin. III, 26.

Птолемей передалъ имена многихъ племенъ и городовъ дакійскихъ, но до нынѣ не удалось опредѣлить мѣста, занимаемаго дѣйствительно тѣми и другими.

Къ племенамъ дакійскимъ онъ причисляетъ: Albocenses, Anarti, Bies, Burdeenses, Caucoenses, Ciagisi, Cistoboci, Cotenses, Piefigi, Potulatenses, Predavenses, Ratacenses, Saldenses, Senses, Teurisci.

Изъ именъ городовъ, имъ упомянутыхъ, многіе оканчиваются на «дава»; таковы: Acidava, Arcidava, Buridava, Capidava, Carsidava, Clepidava, Comidava, Docidava, Marcodava, Netindava, Patridava, Petrodava, Piroboridava, Rhamidava, Rusidava, Sagudava, Sandava, Singidava, Tamasidava, Zargidava, Ziridava.

Вотъ еще имена явно дакійскихъ городовъ, съ ихъ варіантами: Acmonia, Ακμωνία Ptol III, 8, 10; Agnavis, Agnavia Tab. Peut.; Ahihis, Aixi, Priscian; Amutria Tab. Peut. Ἀμούτριον Ptol. III, 8, 10; Apulum; Arcinna, Ἄρκινα, Ptol. III, 8, 10; Berzovia, Berzobis: Priscian l c. Drubeta, Drubetit, Tab. Peut, Drobeta: Not. dign., Gagana: Tab. Peut, Germigera, Not. dign. Lederata, Tab. Peut. Proc. De aedif. 4, 6; Lizisis; Mascliana, Tab. Peut. Napoca; Paloda; Paralissum; Pelendova, Tab. Peut; Pinum; Sornum; Stenarum; Tapae, Dio C. 67, 6; Tiasum; Tierna, Dierna, Tsierna, Cernensium colonia, Dinierna у Арнета и Бѣкинга, 503; Tibiscum; Zarmizegethusa, Zarmigethusum, Zarmisetusa, Zamursagethusa, все варіанты; у Ульпіана De censib. Sarmizegethusa, у Акнера 94; Sarmategte, въ Tab. Peut; Zermizirga и Zurobara.

Къ дакійскимъ именамъ рѣкъ могутъ быть причислены: Almus, Tab. Peut, ponte Almi; Aluta, pons Alitti, ibid. Ister, qui lingua Bessorum Hister vocatur, Iорд. гл. XII;

Hierasus, Ptol. III, 8, 4; Maris у Геродота, Marisius у Страбона, Marisio у Geogr. Raven., Μορήσος у К. Б., De adm. imp. 40; Pathisus, Plin IV, 26, Parthiscus Ammian, 17, 13, Tisa, Tisia, Geogr. Rav., Tisianus: Iorn., Τίτζα Const. Porph. Sargetia: Dio Cass., Sargentius, Sargentia у Цецеса. Tiarantus у Геродота, Tibiscus, Tibisia Geogr. Rav.).

Основываясь на томъ, что въ Дакіи недостаетъ ѳракійскихъ сложныхъ именъ на «bria» и «para,» и находя, что встрѣчающееся тамъ окончаніе топографическихъ именъ на «dava» не имѣетъ ничего общаго съ ѳракійскимъ «dama», Мюлленгофъ (Geten, у Эрша и Грубера) склоняется къ мнѣнію, что и гетскій языкъ существенно различался отъ дакійскаго. Но нельзя не согласиться съ Рёслеромъ (Dac. u Rom. стр. 38), когда онъ замѣчаетъ, что берлинскій академикъ напрасно ссылается на обстоятельство, которое могло быть слѣдствіемъ простой случайности. «Если бы напр.» говоритъ, онъ, «изъ швабскаго діалекта сохранились имена нѣкоторыхъ мѣстностей, оканчивающіяся на heim или на weiler, а изъ саксонскаго—только такія на rode и leben, то было бы ошибочно заключать изъ этого, что между нарѣчіями обѣихъ областей не могло быть родства. При томъ придатокъ «dava» не былъ совершенно чуждъ на южной сторонѣ Дуная; мы имѣемъ Thermidava въ Далмаціи (Ptol. II, 17), Quimedava въ Дарданіи (Proc. l. c. IV, I), Desudaba въ Медики (Liv. 44, 25)».

И такъ будемъ, до времени, держаться мнѣнія Страбона о сродствѣ языка гетскаго съ дакійскимъ, тѣмъ болѣе, что религіознымъ и политическимъ устройствомъ, равно какъ и нравами и обычаями своими, позднѣйшіе Даки напоминаютъ намъ древнѣйшихъ Гетовъ, тогда какъ различія между ними въ частностяхъ легко объясняются дѣйствіемъ времени и мѣстныхъ особенностей на характеръ и на обстановку всѣхъ народовъ, какому-бы племени они не принадлежали.

О религіи, религіозныхъ учрежденіяхъ и ихъ вліяніи мы имѣемъ больше извѣстій о Гетахъ, чѣмъ о Дакахъ; но за то качества сихъ послѣднихъ подробнѣе описаны древними авто-

рами; многія же частности относятся къ обоимъ въ одинаковой мѣрѣ.

Какъ у Гетовъ, такъ и у Даковъ встрѣчаемъ то одного царя, то—нѣсколькихъ; власть ихъ болѣе или менѣе ограничивалась вдохновленнымъ жрецомъ, каковымъ былъ предъ прочими миѳическій Замолксисъ, представитель бога Гебелейзиса, у Геродота IV, 95), или Декеней, совѣтникъ Биребиста, у Страбона (VII 3 § 5).

Оба народа были весьма набожны. Геты вѣрили въ безсмертіе души, по свидѣтельству Геродота, тогда какъ у Даковъ была секта полистовъ или плистовъ, родъ коммунистовъ, по Іосифу Флавію (Ant. Jud. XVIII, 1, 5), который ихъ сравниваетъ съ Эссеянами, вѣрившими въ безсмертіе. Благочестивыми своими жрецами они напоминаютъ ѳракійскихъ благочестивыхъ капнобатовъ и ктистовъ, которые, по Страбону (VII, 3, § 3), не имѣли женъ и почитались какъ святые. Жертвоприношенія людскія, бывшія еще въ обычаѣ у Гетовъ, до Геродота, замѣстились потомъ у нихъ, подобно какъ и у Даковъ, вопрошаніями оракула бога войны Замолксиса, и другихъ боговъ.

Въ вооруженіи и въ военномъ дѣлѣ замѣчаемъ нѣкоторое различіе между Гетами и позднѣйшими Даками. Первые были отличные ѣздоки и ловко стрѣляли изъ лука; въ рукопашномъ бою главнымъ оружіемъ былъ ножъ, въ родѣ короткой сабли. Даки же, кромѣ того, употребляли мечи, булавы, молотки и щиты. Войско ихъ состояло преимущественнѣе изъ пѣхоты; одежда также была удобнѣе чѣмъ у Гетовъ; но у обоихъ были въ употребленіи портки, которые потомъ у нихъ позаимствовали понтійскіе Греки. Даки еще носили короткія туники съ поясомъ и шапки, вмѣсто коихъ знатные надѣвали родъ шляпы. Жены ихъ носили длинныя рубашки съ рукавами и платокъ на головѣ (ср. изображенія на колоннѣ Траяновой, у Черткова, «О переселеніи ѳракійскихъ племенъ» и проч.).

Часть населенія у обоихъ народовъ жила въ городахъ, коихъ, какъ мы видѣли, было много въ Дакіи, если судить

по названіямъ тѣхъ городовъ, которые тамъ существовали еще въ римскомъ періодѣ.

Если же до сихъ поръ вопросъ о тождествѣ Гетовъ съ Даками не могъ быть рѣшенъ окончательно, то не удивительно, что ученые еще гораздо болѣе расходятся въ мнѣніяхъ касательно происхожденія послѣднихъ, признавая въ нихъ, по очереди, Германцевъ, Кельтовъ, Литовцевъ, Славянъ, или причисляя ихъ къ особенной, такъ называемой «ераклійской вѣтви» индо-европейскаго племени.

Въ прошломъ столѣтіи разные писатели склонялись въ пользу германскаго происхожденія Даковъ, основываясь преимущественно на Іорнандѣ, который въ извѣстномъ своемъ сочиненіи De rebus gestis Getarum s. Gothorum выдаетъ своихъ готскихъ современниковъ за потомковъ древнихъ Гетовъ, единственно по причинѣ случайнаго подобозвучія именъ обоихъ народовъ, и временнаго пребыванія Готовъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ прежде обитали Даки. Хотя за тѣмъ многими учеными было показано, что мнѣніе епископа равеннскаго, въ вопросахъ такого рода, не имѣло значенія, тѣмъ не менѣе гипотеза его нашла защитника въ знаменитомъ Яковѣ Гриммѣ, который въ прибавку къ тому открылъ въ позднѣйшихъ Датчанахъ потомковъ Даковъ. Но какъ неосновательность его доводовъ, послѣ ихъ опроверженія г. Куникомъ (Krit. Bem. и пр. въ Bull. hist. phit. d. l'Ac. d. S. P. VII. № 18—23), признана въ ученомъ мірѣ, то полагаю излишнимъ здѣсь о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ, хотя и считаетъ Нѣмцевъ прямыми потомками Гетовъ, тѣмъ не менѣе не только допускаетъ самую тѣсную связь между сими послѣдними и Литовцами (Gesch. d. d. Spr. второе изд. стр. 119), но и приводитъ примѣры, могущіе служить опорою мнѣнію другихъ ученыхъ, напр. барона Экштейна (ср. Magazin Pittoresque, févr. 1868 p. 71), что гетскій языкъ именно сохранился въ Литвѣ. Такъ напр. Гриммъ готовъ отождествить гетское божество Gebeleizis съ литовскою богинею богатства Gabjauja (стр. 131) и показываетъ, что имена гетскія разныхъ расте-

ній удобнѣе объясняются изъ литовскаго, чѣмъ изъ нѣмецкаго, какъ то: χρουστάνη (chelidonion, schwalbenkraut), явно соотвѣтствующее скорѣе (стр. 142 и 559) литовскому kregždéles или kregždyné, отъ krgžde, (ласточка), нежели готскому слову «hruzdo», которое имѣло-бы одинаковое значеніе, еслибы только когда либо было въ употребленіи, въ чемъ еще можно сомнѣваться. (Grimm, l. c. 142). Затѣмъ, отчаиваясь объяснить дакійское слово δοχελᾶ (cypripus) изъ нѣмецкаго, авторъ, сравниваетъ его съ литовскимъ; dagys, dagillelei, (терн, терновая трава); χοτίατα (gramen) напоминаетъ ему готское qivata (vivum gramen), но также литовское kotas (stengel am kraut); διέλεια (hyoscyamos); не встрѣчая и тутъ подходящаго нѣмецкаго слова, авторъ приводитъ литовское dilgele (крапива) и т. д.

Мнѣніе о кельтскомъ происхожденіи Даковъ не заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились, поелику оно отчасти основано на подобозвучіи именъ, быть можетъ, чисто случайномъ, частію же на сходствѣ друидизма съ религіозными постановленіями и обрядами Даковъ. Указываютъ также (Magazin Pittoresque l. c.) на то обстоятельство, что укрѣпленія особаго рода, которыя, по описанію Цезаря, исключительно строились въ Галліи, были одинаковы съ тѣми, которыя намъ представляются на колоннѣ Траяновой и что оружія обоихъ народовъ были однѣ и тѣже. Такъ, между прочимъ, Фр. Мюллеръ [15]) въ пользу родства Кельтовъ съ Даками приписываетъ особое значеніе топорамъ, найденнымъ въ большомъ числѣ, вмѣстѣ съ другими бронзовыми вещами, въ Трансильваніи, и совершенно похожими на подобнаго рода оружія, открываемыя въ странахъ, гдѣ нѣкогда обитали Кельты. Но едва ли эти оружія когда либо принадлежали Дакамъ, такъ какъ между ними не находился приведенный мечъ «gladius incurvus,» характеристическое ихъ оружіе, и было-бы странно, когда бы

[15]) Die Bronze-Alterthümer in Siebenbürgen (Archiv des Vereins f. siebenb. Landeskunde 1858).

оно у нихъ выдѣлывалось только изъ желѣза и исчезло въ слѣдствіе окисленія. Поэтому Рёслеръ (стр. 34) предпочелъ бы отнесть приведенныя бронзы какому нибудь изъ подчиненныхъ Дакамъ народовъ, но не имъ самимъ.

По моему же мнѣнію топоры скорѣе могли принадлежать народу жившему прежде Даковъ въ Трансильваніи, а именно Агаѳирсамъ, которые, вѣроятно, подобно скиѳскимъ ихъ сосѣдямъ, не умѣли еще обработывать желѣзо.

Отвергая, по справедливости, всякую связь между Гетами или Даками и Чудью, Шафарикъ [16]) причисляетъ первыхъ подобно Трибалламъ, Агаѳирсамъ и Кровизамъ, къ ѳракійскому племени, которое однако, по его мнѣнію, не имѣло ничего общаго съ Славянами, обитавшими къ сѣверу отъ нихъ по обѣимъ отлогостямъ Карпатовъ.

Напротивъ того Чертковъ (l. c.) позднѣйшихъ Славянъ считаетъ за потомковъ приведенныхъ ѳракійскихъ народовъ, мало по малу переселившихся съ праваго берега Дуная на лѣвый, и мнѣніе это старается подкрѣпить смѣлыми выводами, основанными частью на подобозвучіи собственныхъ именъ, частью же на сходствѣ, по видимому поразительномъ, оружій, орудій, жилищъ и нарядовъ русскихъ съ подобными имъ предметами, изображенными на Траяновой колоннѣ. Но такъ какъ всѣ эти предметы были признаны похожими на соотвѣтствующія имъ кельтскія древности (см. выше), да притомъ, принадлежности и бытъ каждаго народа въ теченіе вѣковъ подвергаются измѣненіямъ, то они, безъ другихъ доказательствъ, пока еще не могутъ рѣшить вопросъ о тождествѣ Славянъ съ Даками.

Еще менѣе Черткова, другіе славянологи, писавшіе прежде и послѣ него, успѣли дать твердую опору гипотезѣ о славянскомъ происхожденіи Гетовъ и Даковъ.

Такъ напр. Катанчичъ [17]) въ пользу сего мнѣнія приводитъ мнимое родство гетскаго языка съ греческимъ, основы-

---

[16]) Slav. Alterth., I стр. 243,714.

[17]) Istri accolae, II, стр. 284.

вался, совершенно не кстати, на нѣкоторыхъ стихахъ у Овидія (Tristia, V, 2, 68 и V, 7, 51), относящихся вовсе не къ Гетамъ, но къ греческимъ колоніямъ на западномъ берегу Чернаго моря, какъ то: Grajaque quod Getico victa loquela sono est, и in paucis remanent Grajae vestigia linguae. Столь же удачно Катанчичъ производитъ имена Гетовъ и Даковъ съ славянскаго: Djete quippe vox usque hodie apud Illyrios usitata adolescentem notat (ibid.). Daco casu vocandi honoratiorem quemvis et graviorem virum adpellamus.

Но если подобная простота извинительна у писателя XVIII вѣка, при тогдашнемъ состояніи сравнительной лингвистики, то спрашивается, что намъ подумать о Мицкевичѣ, когда онъ, въ своихъ чтеніяхъ о славянской литературѣ (III, стр. 68 нѣмецкаго перевода), превращетъ Мёзію или Мизію въ страну «мужей» славянскихъ, Паннонію — въ панство, Лидянъ въ «людей», тоже разумѣется изъ Славянъ, а въ имени Ѳраковъ слышитъ намекъ на свойственную имъ предъ прочими Славянами склонность къ дракѣ.

Даже Лелевель [18]) не успѣлъ дать прочнаго основанія фантазіямъ польскаго поэта-историка, когда выводитъ родство Гетовъ съ Славянами преимущественно изъ замѣченнаго имъ сходства нравовъ и религіозныхъ понятій обоихъ народовъ, поелику, какъ выше замѣчено, въ этихъ отношеніяхъ другіе ученые замѣчали подобное же сходство Гетовъ съ Кельтами.

Уже въ новѣйшее время болѣе серьезные доводы въ пользу славянскаго происхожденія Даковъ были приведены Мюлленгофомъ [19]). Между прочимъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Первый звукъ въ имени дакійскаго города Δίερνα у Птолемея, Tierna на таблицѣ Пейтингера, Tsierna въ надписи у Муратори, Zerne въ дигестахъ—былъ вѣроятно «tsch» (ч.); если же рѣка Серетъ названа Геродотомъ Τιαραντός (Тіаран-

[18]) Czesc bałwochwalcza Slawian i Polski. Posen, 1865; ср. рецензію Macciena де Шерваль въ Athénaeum français.

[19]) Ersch u. Gruber. Encycl. Geten, стр. 464 съ слѣд.

тосъ Геродота не Серетъ, но Алута), Птолемеемъ Ἱερασός, Амміаномъ Gerasus, то всѣ они явно только пытались передать намъ звукъ французскаго j (ж), польскаго ź, чешскаго ž; ибо g поставлено у Амміана вмѣсто j, а spiritus asper есть греческое добавленіе, вызванное созвучіемъ съ ἱερός. Такъ напр. Germigera у Космографа Равеннскаго соотвѣтствуетъ Птолемеевой Ζερμίζιργα.

Производная же форма αντός, asus въ Tiarantus, Ierasus, равно какъ и окончаніе въ Κοτήνσιοι, Βουριδεήνσιοι, Σήνσιοι и другія имена въ Дакіи, равно какъ и Οἰτήνσιοι, Ὀβουλήνσιοι при Гемѣ, Ναρήνσιοι въ Иллиріи—у Птолемея, (тогда какъ Плиній пишетъ Naresii), указываетъ на носовое ą- ę- какъ напр. въ польскомъ. Носовое ą подтверждается также именемъ рѣки Iantrus, Iatrus, Ieterus, Athrys. Если при томъ взять во вниманіе имя мѣстности Πάρτισκον, у Птолемея, при Тисѣ и колебаніе при наименованіи сей рѣки, называемой Tisia у Іорнанда и у Космографа, тогда какъ Плиній ее называетъ Pathissus, Амміанъ—Parthiscus; если къ тому еще имѣть въ виду имена городовъ Patavissa, Paloda и Parolissus въ Дакіи, то позволено будетъ думать, что Даки, по крайней мѣрѣ, имѣли сложныя слова, подобно славянскимъ Poříčí, Pomori, Polabany, Podgoritza etc. Быть можетъ и Naposa составлено такъ какъ náměsti.

«Можетъ быть», прибавляетъ Рёслеръ (Dac. и Rom. стр. 37) «и имя Ister, которымъ означался Дунай лишь въ нижнемъ теченіи своемъ, между Дакіею и Мизіею, находится въ связи съ славянскими рѣчными названіями Bistriz, Bistriza, Wisterniza etc».

Позволяю себѣ съ своей стороны замѣтить, что и славянскимъ ученымъ слѣдовало бы сдѣлать еще разъ тщательную ревизію дошедшихъ до насъ дакійскихъ словъ, сравниваемыхъ Гриммомъ въ одно и то же время съ нѣмецкими и литовскими, между тѣмъ какъ литовскій языкъ, находясь въ родствѣ болѣе съ славянскимъ, чѣмъ съ нѣмецкимъ, все таки не составляетъ звена, соединяющаго ихъ между собою [20])

[20]) Diefenbach, Orig. Eur. 357; ср. Grimm, стр. 712.

По этой то причинѣ, кажется, самъ Гриммъ, при объясненіи приведенныхъ словъ изъ литовскаго или нѣмецкаго, неоднократно считалъ нужнымъ искать ихъ значеніе въ языкѣ славянскомъ. Сказавъ, напр. предварительно (стр. 141), что, по его мнѣнію, имя упомянутаго Діономъ гетскаго царя Ῥώλης вѣроятно искаженіе имени дакійскаго царя Oroles, о которомъ говоритъ Юстинъ, онъ, подобно Черткову (l. c. 19, 89), узнаетъ въ этомъ имени славянское слово «орелъ», которое дѣйствительно въ немъ яснѣе отзывается, чѣмъ литовское названіе царя-птицы «errelis», или же древне-нѣмецкое «ara», «aro», къ которому Гриммъ охотно прибавилъ бы букву l: da auch unsere Sprache gern mit l ablautet.

Даже при отождествленіи «неоцѣнимаго» (Grimm, l. c. 559) χρουστάνη у Діоскорида съ литовскимъ названіемъ хелидоніума, отъ вниманія Гримма не ускользнуло, что у Славянъ крастелемъ, корастелемъ, называется, хотя и не ласточка, но другая перелётная птица. Не мѣшало-бы прибавить, что по имени этой птицы древлянскій городъ Коростень могъ быть названъ столь же правдоподобно, какъ упомянутый Геродотомъ (I, 57) оракійскій городъ Κρηστών, отъ гетскаго κρηστή, χρουστή, ласточка—и аистъ (Grimm, l. c. 555 и 544).

Такимъ же образомъ Гриммъ слышитъ въ дакійскомъ названіи растенія «μόζουλα» отголосокъ польскаго названія сего растенія: macierzanka, macierza dusze, и припоминаетъ наше слово пріятельница, (prijatelnitscha, вмѣсто prijatelnitza), при отысканіи значенія дакійскаго имени растенія πριαδήλα, хотя предпочитаетъ въ немъ узнавать древне-нѣмецкое «friudila», amica, и пр.

Мацеіовскій, разбирая въ свою очередь имена всѣхъ растеній, переданныя намъ Діоскоридомъ [21]) чтобы показать, что Даки были предками Полянъ, слышитъ отголосокъ дакійскаго названія дикаго винограда, πριαδήλα, въ старославянскихъ словахъ прати или же прѣти (стр. 35).

---

[21]) Maciejowski, Geto-Daki и проч. Warszawa, 1855.

Онъ же удачнѣе, сколько мнѣ кажется, сравниваетъ (стр. 31) дакійское названіе «σέβα» съ сербскимъ зоба, и указываетъ на сходство этихъ словъ съ польскимъ и чешскимъ названіемъ того же растенія: bez (бузина ср. Даль, Толк. Словарь). Гриммъ хотя и замѣчаетъ, что сербское зова (zova), sambucus nigra, какъ по формѣ, такъ и по значенію, близко походитъ на себа Діоскорида, тѣмъ не менѣе старается согласовать это слово не только съ кельтскимъ названіемъ бузины скобіенъ, но и съ нѣмецкими названіями разныхъ другихъ растеній (стр. 149).

Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ не счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ помощи и славянскаго языка при объясненіи «каждаго» изъ названій дакійскихъ, оставленныхъ намъ Діоскоридомъ.

Такъ напр. нѣмецкій авторъ отождествляетъ дакійское названіе чемерицы «προδίορνα» съ готскимъ fropjarna, «могущимъ означать растеніе, развивающее умъ», хотя знаетъ, что это растеніе славянскимъ своимъ названіемъ обязано тому обстоятельству, что оно сильно дѣйствуетъ на носовые нервы, деретъ т. ск или продираетъ нюхающаго. Названіе чемерицы онъ производитъ отъ члова cmyr, czmér, значущаго, по чешски и по польски «kriebeln in kopf was dem niesen vergeht» (покалываніе въ головѣ, предшествующее чиханію) По Мацеіовскому (31) это растеніе было названо προδίορνα, потому что разширяло źrenicy, «czyli przez jéj przedzieranie». Можно также сравнивать польское названіе октября «październik», происходящее по Гримму (стр. 68) «von der flachsbereitung» (отъ чесанія льна).

Сравнивши дакійское слово «χοαδάμα», означавшее какое то водяное растеніе, съ древне-нѣмецкимъ hodma (облако) и съ литовскимъ kodis, (кружка для воды), Гриммъ (стр. 147) сознается, что этимъ сравненіемъ мало выиграно (das sind ganz dünne Fäden), а затѣмъ спрашиваетъ: не лучше ли было бы указать на имя города бесскаго: Uscudama? Прибавимъ съ своей стороны, что, въ этомъ случаѣ, мы могли бы указать

на мѣстечко Кодыма, при рѣкѣ того-же имени, рѣзко отличающейся отъ прочихъ степныхъ рѣкъ Новороссійскаго края обиліемъ водъ и песчанистымъ свойствомъ своей долины [22]) и напоминающей намъ Птолемеево озеро Амадока, такъ названное, по Цейсу (l. c 697), — Даками, которымъ также присвоиваетъ (699) названіе Карпатовъ, тогда какъ Шафарикъ въ немъ узнаетъ славянское слово хрибъ, хребетъ, и тѣмъ даетъ намъ право видѣть въ Карподакахъ Зосимы (IV, 34) славянскихъ горцевъ, или Гораловъ, Коралловъ Страбона (VII, 5, § 13), Аппіана (Mithr. 69) и Овидія (Pont. IV, 2, 37 и 8, 83).

О дакійскомъ названіи Діоскоридова Apollinaris «κυκωλίδα», или colida, Гриммъ замѣчаетъ только (стр. 147), что оно, вѣроятно, ничто иное, какъ подражаніе латинскаго слова cuculus, по нѣмецки kukuskraut, nachtschatten. Но такъ какъ, по Дифенбаху (l. c 259), это растеніе у Словенъ называется травою sv. Apolónije, то слѣдовало указать (если даже, какъ должно думать, «colida» описка)—на славянское божество Коляда, или же на растеніе куколь, въ древне-славянскомъ kokoliça.

Наконецъ прекрасное растеніе ἀστὴρ ἀττικὸς, которое Даками было называемо «ραδίβιδα», а Гримму напоминаетъ древне-нѣмецкое radibid, tempus consultandi, видомъ своимъ могло обрадовать нашихъ предковъ столько-же какъ и Нѣмцевъ. Мацеіовскому (стр. 28) ραδίβιδα напоминаетъ славянскія слова: радити и бѣда.

Признавая своихъ соотечественниковъ за потомковъ Даковъ, Гриммъ слышитъ отголосокъ нѣмецкихъ словъ въ первой только половинѣ именъ городовъ Аргидава, Нентидава, Маркодава, и Сингидава; въ окончаніи же дава узнаетъ латинскую форму имени Dacus, т. е. Davus. Но не говоря о томъ, что окончаніе это иногда встрѣчается въ словахъ славянскихъ, имена городовъ Буридава, Пироборидава, Сандава,

---

[22]) Шмидтъ, Матер. для Геогр. и Стат. Херс. губ. I, стр. 161.

Русидава и др. столько же звучатъ по славянски, какъ Нентидава, или Нетнидава и др. по нѣмецки.

Въ пользу своего мнѣнія Гриммъ (119 и 131) считаетъ весьма важнымъ, что у прусскихъ Латышей польскіе, т. е. Самогеты, или Жмудь, называются Gudas или Guddas, и что въ имени гетскаго пророка Замолксиса или Салмоксиса, отзывается литовское szalmas, нѣмецкое helm.

Но такъ какъ это послѣднее слово въ древне-нѣмецкомъ нарѣчіи гласило schelm (Bergmann, Les Gètes, втор. изд. стр. 191), то мы имѣли бы также право привести въ пользу славянскаго происхожденія Гетовъ наше слово шлемъ, имѣющее одинакое значеніе съ нѣмецкимъ helm.

Что же касается литовскихъ именъ Самогеты и Гудасъ, то Шафарикъ (l. l. II, 466 и др.) показалъ, что они рѣшительно ничего не доказываютъ въ пользу предположеннаго Гриммомъ родства Гетовъ съ Готами.

Послѣдніе также, вопреки его мнѣнію, не имѣли ничего общаго съ «готскими» жрецами, которые, по Іорнанду (гл. X), назывались благочестивыми (illi (sacerdotes) qui Pii vocabantur) и въ коихъ нельзя не узнать «гетскихъ» πολισταί Іосифа Флавія и κτίσται Страбона.

Соглашаясь съ Рёслеромъ (Das vorr. Dacien, стр. 368, пр. 29), что оба автора говорятъ объ одномъ и томъ же классѣ людей, я потому именно не могу раздѣлять его мнѣніе, что тотъ и другой передали намъ только греческій переводъ туземнаго названія этихъ жрецовъ. Напротивъ того я думаю, что одно изъ этихъ названій должно считать за туземное. Если положить съ Гроскурдомъ (Strabons Erdbeschr. I, стр. 523, пр. 1), что такимъ было слово «ктисты», не смотря на греческую его форму, то мы имѣли бы право слышать въ немъ, съ Чертковымъ (l. c. 93), славянское слово «чистые». Разумѣется, въ этомъ случаѣ пришлось бы допустить, что ктисты Страбона называются у Іосифа уже не πολισταί [23]), но πλεῖστοι

[23]) Conditores, ср. ed. Dindorf. Par. 1845, стр. 695.

какъ читается въ прежнихъ изданіяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ всегда предпочитать безусловно новѣйшія.

По крайней мѣрѣ, если бы меня заставили выбрать одно изъ противуположныхъ мнѣній касательно народности Готовъ или Даковъ, то я считалъ бы правдоподобнѣйшимъ мнѣніе Черткова и Мюлленгофа, и видѣлъ бы въ обоихъ народахъ предковъ тѣхъ Славянъ, которые въ V и VI столѣтіяхъ изъза Дуная часто нападали на Византійскую имперію и которыхъ Ѳеофилактъ Симокатта (ed. Bonn. 119.) могъ, по справедливости, называть Гетами. Если же Генезій (ibid. 33) не ошибся, различая послѣднихъ отъ Славянъ, то онъ подъ своими Гетами могъ только разумѣть Готовъ, которыхъ также Марцеллинъ [24]) подъ тѣми же Гетами скорѣй могъ имѣть въ виду, чѣмъ Гунновъ Прокопія, то есть хаканскихъ Болгаръ, какъ полагалъ Гопфъ [25]), доказывая, что Фалльмерайеръ ихъ смѣшалъ съ Аварами Эвагрія.

Во всякомъ случаѣ Несторъ, говоря о борьбѣ ихъ съ Волохами, подъ послѣдними скорѣй имѣлъ въ виду Италійцевъ временъ Траяна, нежели, какъ утверждаетъ Рёслеръ (Dac. u. Rom. стр. 50 пр. 2), нашествіе Лонгобардовъ, жившихъ въ Паннонiи въ VI столѣтіи нашей эры, или же воинственныя движенія Галловъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., какъ полагаетъ Раулинсонъ (Hist. of. Herod. III, стр. 156 пр. 8), и какъ всѣми силами старается доказать Шафарикъ.

Не говоря о томъ, что упомянутые набѣги Галловъ IV и даже III вѣка едва ли касались Трансильванiи, не могу считать основательнымъ мнѣніе Шафарика, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Нѣмцы въ настоящее время не Французовъ, но Итальянцевъ, называютъ Вельшами, потому что предки ихъ подъ именемъ walah, wälsche, чужестранцы, разумѣли обитателей

---

[24]) Roncali, Vetust. lat. scriptt II, 303 et passim.
[25]) Allg. Encycl. LXXXV, 78.

всѣхъ покоренныхъ ими римскихъ провинцій, а не одной только Галліи.

2) Англосаксонскіе монахи, по сей именно причинѣ, жителей Франціи называли «Gal-walas», antiquo vocabulo quasi Gallos Romanos [26]).

3) Славяне, познакомившіеся въ Римлянами при посредствѣ Германцевъ и называющіе нынѣ не Французовъ, но Итальянцевъ, Волохами или Влахами, приняли сіе имя отъ Нѣмцевъ еще до временъ Нестора [27]), и затѣмъ уже имъ также стали означать народъ, который самъ себя называетъ Румынскимъ, т. е. Римскимъ, и говоритъ языкомъ гораздо ближе подходящимъ къ итальянскому, чѣмъ къ какому нибудь другому языку, не исключая древне-кельтскаго.

Притомъ авторъ «Славянскихъ древностей» хотя и узналъ Кельтовъ въ Несторовыхъ Влахахъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ, что Славяне подъ послѣднимъ именемъ разумѣли также Римлянъ, переселившихся въ Дакію, а по сему самому приходитъ къ заключенію, что лѣтописецъ нашъ, безъ сомнѣнія, смѣшалъ различныя преданія, сохранившіяся у Дунайскихъ Славянъ (Slav. Alt. I, 229—237), и такимъ образомъ сваливаетъ на Нестора свою собственную вину.

Признавая, подобно Шафарику (l. l. 32 и др.), нынѣшній валахскій или румынскій языкъ за одну изъ вѣтвей латинскаго, я отнюдь не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые, по неумѣстному, въ дѣлѣ строгой науки, патріотическому влеченію, хотятъ непремѣнно видѣть въ нынѣшнихъ Румынахъ, обитающихъ на сѣверной сторонѣ Дуная, прямыхъ потомковъ римскихъ колонистовъ, переселенныхъ Траяномъ въ Дакію, хотя не отрицаю, что число ихъ должно было значительно возрасти въ теченіе около двухсотъ-лѣтней зависимости этой провинціи отъ Римской имперіи.

Но зато не думаю, чтобы много оставалось Римлянъ на

---

[26]) Thierry, Conq. de l'Anglet. I, 153.

[27]) Schafarik, I, 229; ср. Jireček, Die Wlachen und Maurowlachen u пр. Prag, 1879.

сѣверной сторонѣ Дуная, послѣ того, когда «возстановитель имперіи» Авреліанъ уступилъ Дакію варварамъ, переведши оттуда войска и провинціаловъ (Fl. Vopiscus, Aurel.) изъ городовъ и селеній (Eutrop. 9, 15) въ средину Мизіи, гдѣ была учреждена новая провинція подъ именемъ Дакіи. Во всякомъ случаѣ, если даже допустить, что нѣкоторые изъ прежнихъ жителей остались тогда въ Траяновой Дакіи, то можно быть увѣрену, что они не могли сохранить свою народность долгое время въ странѣ, въ которой, послѣ нашествія Гунновъ на Европу, въ продолженіи пяти столѣтій смѣнялись, среди безпрерывной борьбы, Готы, Вандалы, Гунны, Гепиды, Славяне, Лонгобарды, Авары и Мадьяры.

Въ Авреліановой Дакіи, напротивъ того, равно какъ и въ прочихъ провинціяхъ Восточной имперіи, гдѣ также находились римскія общины въ большемъ или меньшемъ числѣ, онѣ, подобно албанскимъ и еврейскимъ, должны были тѣмъ легче сохранить свою народность, среди греческихъ и славянскихъ своихъ согражданъ, что при византійскомъ дворѣ и въ провинціальной администраціи долго еще преобладалъ латинскій элементъ. Нынѣ даже, въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Ѳессаліи и Эпирѣ, обитаетъ нѣсколько сотъ тысячъ т. н. Куцо-валаховъ, которые говорятъ языкомъ весьма близко подходящимъ къ румынскому и самихъ себя называютъ Румынами (Roesler, Dac. u. Rom 59). У византійскихъ писателей они подъ именемъ Влаховъ являются не раньше временъ Алексія Комнина (Anna Comn. V, 5), что и заставляетъ думать, что это прозваніе къ нимъ также перешло отъ Нѣмцевъ, хотя не прямо, но при посредствѣ Славянъ, подобно тому, какъ они отъ сихъ послѣднихъ заимствовали имена Россовъ, Варяговъ и Колбяговъ, (Датчанъ?), и даже самихъ Нѣмцевъ стали означать славянскимъ ихъ именемъ. По хрисовулу Алексія I, 1088 года, въ пользу монастыря св. Іоанна на островѣ Патмосѣ [28]) импе-

[28]) Аѳинскій журн. Пандора 1865 г. приведенн. Гопфомъ, въ энциклоп. лекс. Эрша и Груберя, LXXXV, 149.

раторская гвардія состояла тогда изъ контингентовъ: Ῥώσσων, Βαράγγων, Κουλπίγγων, Ἰγγλίνων, Φράγγων, Νεμίτζων, Βουλγάρων, Σαρακηνῶν, Ἀλανῶν, Ἀβασγῶν.

Подобно тому какъ и теперь, обитавшіе въ тѣ времена въ предѣлахъ имперіи Влахи были большею частію пастухи, изъ коихъ однако иногда собирали рекрутъ для императорскаго войска; одинъ изъ ихъ начальниковъ въ войнѣ съ Куманами назывался Пудиласъ (Anna Comn. VIII, 3). Затѣмъ они упоминаются въ царствованіе Мануила I (1143—1180); они берутъ въ плѣнъ (1185) бѣжавшаго предъ Нормандійцами изъ Константинополя императора Андроника (Nicet. Chon. p. 171); подъ начальствомъ Леона Ватацеса значительный отрядъ Влаховъ вторгается въ Венгрію, по свидѣтельству Киннама (VI, 3), который прибавляетъ, что ихъ считали сосѣдями Итальянцевъ, т. е. Римлянъ, и ихъ родство съ сими послѣдними было извѣстно позднѣйшему Халкокондилу (De rebus Turcicis, II, ed. Bonn. 77—78). Размножившись болѣе и болѣе, они отчасти кочевали во Θракіи между Гемомъ и Дунаемъ; другіе странствовали со стадами по отлогостямъ Пинда. Во время Веньямина Тудельскаго, часть Θессаліи именовалась Влахіею [29]). Никита (p. 841) знаетъ гористую часть Θессаліи подъ названіемъ Великой Влахіи и говоритъ о тамошнемъ владѣтелѣ, подъ которымъ однако не должно разумѣть туземнаго князя, но франкскаго завоевателя, графа Бартольда фонъ Катценэлленбогенъ (Allg. Enc. l. c. 165).

Влахи, обитавшіе между Гемомъ и Дунаемъ, мало по малу смѣшались съ ославянившимися Болгарами, которые со временъ Василія II находились въ весьма жалкомъ положеніи. Соединившись съ турецкими Куманами, оба народа возстали противъ Византійцевъ при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ (1185—1195) подъ предводительствомъ двухъ братьевъ изъ Болгаръ, Петра и Асѣня, и послѣ переворотовъ военнаго счастія, успѣли отложиться отъ имперіи. По убіеніи обоихъ, младшій братъ ихъ

[29]) Tafel, De Thessalonica etc. 467—520.

Іоаннъ продолжалъ успѣшно войну съ Алексіемъ III (1195—1203), вступилъ въ сношенія съ папою Иннокентіемъ III и даже папскимъ легатомъ былъ коронованъ въ Терновѣ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ изгнаніемъ Алексія крестоносцами изъ Константинополя. Болгаро-валахское царство держалось при слабой Латинской имперіи, и при Палеологахъ продолжало существовать, не смотря на внутреннія смуты и набѣги Монголовъ, до самаго 1388 года, въ которомъ подпало власти Турокъ.

Въ началѣ борьбы Болгаръ съ Греками могли совершиться, какъ думаетъ Рёслеръ (Dac. u. Rom. 71), первые переходы Румыновъ съ южнаго берега Дуная на сѣверный. Принуждаемые неоднократно искать убѣжище у половецкихъ своихъ союзниковъ, которые, какъ показалъ Бѣляевъ (Зап. Одесс. Общ. III, 37), около этого времени многочисленнѣйшими ордами разсыпались по западному берегу Днѣпра и далѣе за Днѣстръ до Дуная, многіе Валахи съ своими семействами оставались охотно въ тамошнихъ злачныхъ степяхъ, столь пригодныхъ для любимаго ими кочеваго образа жизни.

Когда въ первой трети XIII столѣтія Половцы, разбитые Монголами, стали перебираться въ Венгрію и Трансильванію, Валахи послѣдовали ихъ примѣру. По крайней мѣрѣ имя ихъ въ мѣстныхъ грамотахъ не упоминается раньше 1222 года (Roesler, l. c. p. 57). Если же затѣмъ, судя по другимъ грамотамъ (напр. Белы IV, 1237 года), орденъ Іоаннитовъ владѣлъ Куманіею съ Валахскою областью Литира (ibid. 72), то это только подтверждаетъ гипотезу о постепенномъ, мирномъ ихъ переходѣ съ южнаго берега на сѣверный. Подобное переселеніе Валаховъ въ Мармарошъ случилось, по достовѣрному извѣстію, при венгерскомъ королѣ Ладиславѣ IV, въ томъ же 1284 году, въ которомъ императоромъ Андроникомъ изданъ былъ приказъ, чтобы жившіе около Константинополя Валахи переселились въ Малую Азію. Легко могло статься, что они, если не всѣ, то нѣкоторая часть тогда же рѣшились выбрать изъ двухъ золъ меньшее и переселились въ страну, гдѣ обитали ихъ братья, вмѣсто того, чтобы переплыть въ со-

сѣдство сельджукскихъ Турокъ, непримиримыхъ враговъ христіанства.

Изъ Мармароша послѣдовало затѣмъ, (1359) заселеніе княжествъ, именно Молдавіи съ Бесарабіею, гдѣ они смѣшались съ обитавшими тамъ Русскими, которыхъ мало по малу успѣли олатинить (Dlugosz IX, 1122). Неудивительно, что они тамъ застали много Русскихъ, поелику весь край до Прута и даже до Серета прежде принадлежалъ къ Галицкому княжеству, и такъ какъ еще гораздо позже въ числѣ русскихъ городовъ упоминаются [30]): Дрествинъ, Бѣлгородъ, Черн, Аскій торгъ, Романовъ торгъ, Немечь, Сочава, Середъ, Баня и др.

Даже по основаніи княжества Молдавскаго, русскіе купцы не переставали посѣщать эти города ради торговли [31]).

Выводы, извлеченные здѣсь изъ показаній современниковъ, подтверждаются еще разными другими соображеніями.

Если напр. положить, что Румыны дѣйствительно оставались постоянно въ древнихъ своихъ жилищахъ къ сѣверу отъ Дуная, то мы были бы въ правѣ ожидать, что тамъ должны сохраниться кое какіе слѣды ихъ пребыванія. Неужели въ языкѣ ихъ не отразилось бы вліяніе другихъ народовъ, которые, по очереди, въ теченіе столѣтій, господствовали въ ихъ родинѣ? Неужели, вопреки разрушающему дѣйствію времени, въ позднѣйшихъ географическихъ именахъ не отзывался бы отголосокъ римскихъ названій? По крайней мѣрѣ подобное явленіе представляютъ намъ прочія романизованныя страны, въ которыхъ римскій элементъ остался преобладающимъ. Сколь насильственнымъ и глубокимъ не было бы на него вліяніе чужихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе они подъ конецъ имъ поглощались или изгонялись, бывъ малочисленнѣе и менѣе развиты. Такъ случилось во Франціи, Испаніи, Италіи и частью въ Англіи. Это испытали Франки, Вестготы, Свевы, Вандалы, Остготы, Лонгобарды. Частныя различія въ процессѣ смѣше-

---

[30]) П. С. Р. Лѣтоп. VII. 240.

[31]) Акты отн. къ ист. Зап. Росс. I, 30.

нія Германцевъ съ Римлянами постоянно отражались въ измѣненіяхъ языка, настоящаго хранилища грамотъ относительно хода сего процесса; въ этомъ архивѣ ничего не пропадаетъ; каждое нѣмецкое слово, новые идіотизмы романскихъ народныхъ языковъ, все это памятники древнихъ смѣшеній народовъ. Такъ, въ языкахъ испанскомъ и итальянскомъ встрѣчаемъ много германскихъ словъ и выраженій; еще болѣе ихъ представляетъ намъ языкъ французскій. Владычество Арабовъ, долгое ихъ пребываніе на Пиренейскомъ полуостровѣ увѣковѣчено въ арабскихъ словахъ испанскаго языка; основаніе кельтское и нынѣ еще до извѣстной степени замѣчается во французскомъ

Итакъ валахскій языкъ долженъ былъ также сохранить слѣды историческаго процесса, пережитаго Румынами, если не въ отношеніи къ грамматикѣ, то по крайней мѣрѣ въ лексикальномъ. Поелику же переселеніе народовъ, кончившееся во Франціи въ V столѣтіи, въ Италіи въ VI, въ Испаніи въ VIII, продолжалось до XIV вѣка при нижнемъ Дунаѣ, да при томъ новые пришельцы тутъ чаще смѣнялись, то и должно было послѣдовать на этомъ поприщѣ весьма пестрое смѣшеніе языковъ. Дѣйствительно, съ давнихъ поръ эта сильная смѣсь валахскаго языка съ чужими словами была замѣчаема всегда съ удивленіемъ.

Но какія именно чужестранныя слова мы встрѣчаемъ въ валахскомъ языкѣ? Если станемъ придерживаться обыкновеннаго мнѣнія, что Валахи никогда не оставляли древнихъ жилищъ своихъ въ Дакіи, то мы должны расчитывать на сильный контингентъ германскихъ словъ въ ихъ языкѣ. Вѣдь Готы и Гепиды довольно долго господствовали въ Траяновой Дакіи.

Между тѣмъ въ валахскомъ языкѣ не только не встрѣчаемъ болѣе германизмовъ, чѣмъ въ другихъ романскихъ языкахъ, но ихъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Небольшое число нѣмецкихъ словъ, представляемыхъ намъ лексикономъ, принадлежатъ новѣйшему времени и заимствованы изъ саксонскаго діалекта Трансильваніи.

Затѣмъ слѣдовало-бы ожидать, что намъ представится много словъ турецко-татарскихъ. Въ теченіе столѣтій въ древней Дакіи или въ ея сосѣдствѣ кочевали Печенѣги, Узы (Торки), Куманы (Половцы), и съ ними Румыны должны были, по крайней мѣрѣ, находиться въ многократныхъ сношеніяхъ, слѣды которыхъ должны были сохраниться въ ихъ языкѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что валахскому языку вовсе не свойственно отвращеніе къ усвоенію себѣ иностранныхъ словъ. Между тѣмъ нельзя указать на существованіе въ немъ подобныхъ словъ, хотя мы въ состояніи обсудить этотъ вопросъ, поелику до насъ достигъ довольно полный словарь куманскаго языка, относящійся къ XIV вѣку. Нужно только сличить столбцы этого Lexicon Comanicum съ румынскимъ словаремъ, чтобы убѣдиться, что между ними нѣтъ почти ничего общаго. Правда, нынѣшній валахскій языкъ содержитъ въ себѣ разныя турецкія формы и слова. Но эти тюркизмы относятся къ нынѣшнему турецкому языку, смѣси древне-тюркскаго, персидскаго и арабскаго, и являются въ валахскомъ языкѣ только съ тѣхъ поръ, когда владычество Порты утвердилось на нижнемъ Дунаѣ.

Итакъ тѣ именно языки, которые, до XIII столѣтія, господствовали къ сѣверу отъ нижняго Дуная, вовсе не имѣли вліянія на валахскій языкъ. Но еще страннѣе, по видимому, то, что языкъ этотъ подвергался преимущественно вліянію тѣхъ языковъ, которые были въ употребленіи исключительно на южной сторонѣ Дуная. Не говоря объ отоманскомъ языкѣ, о которомъ уже было упомянуто, и коего вліяніе начало обнаруживаться не ранѣе XV столѣтія, валахскій языкъ представляетъ намъ значительное число болгаро-славянскихъ и греческихъ словъ, суффиксовъ и формъ. Правда, что, по Шафарику (II, 199), Славяне до своего перехода въ Мизію и Ѳракію, обитали (въ VI вѣкѣ) въ Дакіи, что она затѣмъ входила въ составъ перваго болгарскаго царства подъ названіемъ Задунайской Болгаріи, и что болгарскіе цари часто туда переводили изъ Мизіи плѣнныхъ Славянъ для заселенія пустопорожняго края. Но по сему именно естественнѣе предпо-

ложить, что упомянутое смѣшеніе валахскаго съ болгарскимъ послѣдовало на югъ отъ Дуная, гдѣ преобладали Славяне и слѣдовательно могли скорѣе имѣть вліяніе на своихъ валахскихъ сосѣдей, чѣмъ переселенные на сѣверный берегъ Дуная ихъ соотечественники, не говоря о томъ, что послѣдніе тамъ, вѣроятно, не застали Валаховъ. Неоднократно было уже замѣчаемо, что въ румынскихъ государствахъ, возникшихъ въ XIV столѣтіи на сѣверъ отъ Дуная, всѣ высшія должности именовались славянскими названіями, какъ то: банами, великими дворниками, постельниками, ключарями, стольниками, коморниками, пахарниками. Являются бояры совѣта, исправники и другіе чиновники—все славянскіе. Отъ кого-же, если не отъ болгарскихъ царей, князья румынскіе могли заимствовать этотъ славянскій придворный штатъ?

«Развѣ правдоподобнѣе», спрашиваетъ г. Рёслеръ (77), «что они его приняли отъ бѣдныхъ, разъединенныхъ славянскихъ селеній на сѣверной сторонѣ Дуная?»

Мы уже имѣли случай замѣтить, что тамъ, даже послѣ монгольскаго нашествія существовали не только деревни, но и города, населенные Русскими.

Всетаки нельзя не согласиться съ г. Рёслеромъ, что не отъ нихъ, но отъ болгарскаго двора, вышеприведенныя должности перешли въ Молдавію и Валахію (Schafarik, II, 206).

Съ другой стороны, разныя латинскія слова въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ, свидѣтельствуютъ, что Болгары были въ сношеніяхъ съ народомъ, обитавшимъ къ югу отъ Дуная и говорившимъ романскимъ діалектомъ.

Греческіе элементы въ языкѣ Румыновъ также указываютъ на долговременную ихъ связь съ народомъ, говорившимъ по гречески, поелику изъ эллинизмовъ меньшая часть можетъ быть отнесена къ придворной жизни фанаріотскихъ господарей XVII вѣка: грецизмы эти тѣмъ чаще встрѣчаются, чѣмъ продолжительнѣе были сношенія съ Византіею: вотъ почему ихъ гораздо болѣе въ македоно-валахскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ сѣверномъ, не такъ долго подверженномъ вліянію греческаго языка.

Пытались иногда объяснить албанскія слова въ валахскомъ языкѣ инымъ образомъ, чѣмъ сосѣдствомъ обоихъ народовъ въ средніе вѣка Полагали, что дакійское основаніе сохранилось въ нынѣшнемъ валахскомъ языкѣ, что Даки и Иллиріяне говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и что отъ этого языка произошелъ нынѣшній албанскій языкъ.

«Новогреческій языкъ» говоритъ Миклошичъ [32]) «представляетъ особенности, которыя не могутъ быть объяснены изъ эллинскаго; болгарскій и частью сербскій заключаютъ въ себѣ загадки, которыя не могутъ быть рѣшаемы изъ языковъ славянскихъ. Въ румынскомъ мы находимъ явленія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ латинскимъ. Особенности эти, свойственныя языкамъ Балканскаго полуострова, могутъ быть приписываемы элементу автохтонскому и служить подпорою мнѣнію, что этотъ элементъ въ сущности тождественъ съ нынѣшнимъ албанскимъ».

Хотя мнѣніе это, высказанное еще Тунманомъ, нашло защитника въ ученомъ, который въ этомъ случаѣ долженъ быть почитаемъ судьею весьма компетентнымъ, тѣмъ не менѣе можно еще усомниться въ близкомъ родствѣ Иллиріянъ съ Ѳраками и слѣдовательно также Албанцевъ съ Даками.

Къ счастію нѣтъ надобности въ предстоящемъ изслѣдованіи рѣшать предварительно этотъ спорный и трудный вопросъ. Онъ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, а тѣмъ не менѣе прочія соображенія, только что представленныя, не теряютъ своей силы.

Поэтому до поры до времени можно придерживаться мнѣнія, что нѣкоторыя изъ особностей валахскаго языка перешли къ нему тогда, какъ Румыны были сосѣдями Шкипетаровъ.

Заимствовавъ изложенное здѣсь мнѣніе о судьбахъ тѣхъ именно потомковъ древнихъ Римлянъ, которые болѣе прочихъ

---

[32]) Das slav. Element im Rumunischen, стр. 5.

намъ близки по своему языку, по жилищамъ своимъ и по религіи, да притомъ съ нами связаны отчасти узами политическими,—преимущественно изъ трехъ, часто мною упомянутыхъ статей г. Рёслера, я считаю себя обязаннымъ представить здѣсь и тѣ положенія, которыми авторъ резюмируетъ, къ концу своего труда (стр. 98), результатъ критической дѣятельности своей относительно началъ исторіи и языка валахскихъ.

1) Римляне изгнали Даковъ изъ родины ихъ и заселили завоеванный край совершенно снова. При продолжающейся враждѣ между римскою провинціею дакійскою и обитавшими внѣ оной свободными Даками, смѣшеніе сихъ послѣднихъ съ Римлянами не могло состояться.

2) При недостаткѣ памятниковъ дакійскаго языка, до сихъ поръ не указаны остатки его въ румынскомъ: доказательствомъ въ ихъ пользу не можетъ служить сходство съ албанскимъ, поелику сходство сего послѣдняго (иллирійскаго) съ дакійскимъ (ѳракійскимъ) можетъ быть слѣдствіемъ общаго индо-европейскаго ихъ родства.

3) Валахи называютъ себя Румынами (Rumâni), потому что были подданными римской, т. е. византійской имперіи, подобно тому, какъ и Ново-греки и Болгары называютъ себя Ромеями (Ῥωμαῖοι).

4) Они суть потомки многочисленныхъ римскихъ колонистовъ, переведенныхъ изъ Траяновой Дакіи въ Авреліанову, разъединенныхъ переселеніями народовъ и заброшенныхъ по всему пространству восточной и средней частей Балканскаго полуострова. Должно различать двѣ вѣтви: сѣверную и южную. Родиною первой была Болгарія и оттуда заселены были Трансильванія, Валахія и Венгрія. Жилища южной вѣтви находятся и теперь еще въ Македоніи и Ѳессаліи. Сѣверная вѣтвь болѣе южной смѣшалась съ Славянами по причинѣ продолжительнѣйшей и тѣснѣйшей связи съ Болгарами.

5) Римская культура совершенно исчезла въ Траяновой Дакіи. Такъ какъ тамъ не осталось Римлянъ, то и ни одинъ изъ значительныхъ въ то время городовъ не сохранилъ своего

имени. Всѣ главныя мѣста въ Валахіи, Банатѣ и Трансильваніи основаны въ послѣдствіи, но не Румынами, которые ихъ не означали новыми именами, но довольствовались употребленіемъ прежнихъ, переводя или произнося ихъ по своему. Это мы усматриваемъ, между прочимъ, изъ сохранившихся древнихъ именъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Румынскія названія Oltu, Temesiu, Maresiu, вмѣсто Aluta, Tibiscus, Marisius, явно заимствованы изъ мадьярской ихъ формы. Подобныхъ явленій мы не встрѣчаемъ въ другихъ романизованныхъ странахъ: Италіи, Франціи, Испаніи. Даже въ Англіи, Швейцаріи и южной Германіи не замѣчаемъ столь рѣзкаго прекращенія связи съ прошедшимъ временемъ. И въ этихъ странахъ многія топографическія имена явно происхожденія римскаго.

6) Трансильванія и Дунайскія княжества не суть романскія страны, но были отчасти только романизованы, и то весьма поздно. Это явленіе отдѣляется промежуткомъ тысячелѣтнимъ отъ эпохи, когда Римляне выбыли изъ этихъ странъ.

7) Въ слѣдствіе пребыванія Валаховъ на югѣ отъ Дуная, языкъ ихъ столько мало смѣшался съ элементами германскими, какъ и съ куманскими или печенѣжскими.

8) Кочевой образъ жизни и незамѣченное появленіе Валаховъ въ областяхъ уже устроенныхъ въ гражданскія общества объясняетъ, почему до послѣдней трети XVIII столѣтія права ихъ не были опредѣлены въ Трансильваніи.

9) Переселеніе Валаховъ (на сѣверъ отъ Дуная) изъ греческой имперіи объясняетъ, почему они среди народовъ, исповѣдающихъ католицизмъ, придерживаются православія и постоянно оставались въ тѣсной связи съ Константинополемъ и Аѳонскою горою.

10) Обратное переселеніе Валаховъ въ частностяхъ мало извѣстно, поелику оно было постепеннымъ передвиженіемъ къ сѣверу странствующихъ пастуховъ: незамѣтное въ своихъ началахъ, оно продолжалось мирнымъ и тихимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе переселеніе ихъ въ Трансильванію и Княжества было

по своимъ слѣдствіямъ важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи народа Румынскаго.

Разумѣется, что положенія эти, основанныя на солидныхъ доказательствахъ, сильно потрясли шаткія подпоры румынской исторіографіи, а по сему самому не могли не произвесть большаго раздраженія по сю и ту сторону Алуты. Зато теорія Рёслера, подробнѣе имъ затѣмъ изложенная въ его Romänische Studien (1873), нашла многихъ приверженцевъ въ ученомъ мірѣ внѣ соединенныхъ княжествъ, и только въ послѣднее время явились противники оной, не въ одной Румыніи, но и въ собственномъ его отечествѣ. Къ нимъ принадлежалъ J. Jung въ сочиненіи (Römer und Romanen, 1877), слишкомъ расхваленномъ извѣстнымъ берлинскимъ географомъ Кипертомъ (Lehrbuch der alten Geographie, 1878 стр. 337), который главнымъ аргументомъ противъ гипотезы Рёслера, послѣ совпаденія области нынѣшняго румынскаго языка съ предѣлами царства и провинціи Дакіи, считаетъ то обстоятельство, что мадьярское слово «déak für lateinisch» свидѣтельствуетъ, что во время завоеванія края Мадьярами романизованные его обитатели все еще назывались Даками.

Къ сожалѣнію преждевременная смерть даровитаго грацскаго профессора († 1874) лишила насъ возможности узнать былъ-бы онъ принужденъ сознаться, что приведенными неопровержимыми (?) доказательствами Киперта былъ рѣшенъ окончательно спорный между ними вопросъ. Въ такомъ только случаѣ, я съ своей стороны считалъ бы весьма правдоподобнымъ мнѣніе, что по выходѣ главной массы Валаховъ [33]) въ Аврелiановую Дакію, небольшая часть ихъ соотечественниковъ удержалась въ прежнихъ своихъ жилищахъ въ Траяновой (Ср. Rösler, Romän. Studien, стр. 202, прим. 1).

---

[33]) Olah у Мадьяровъ, у которыхъ Итальянцы называются Olasz.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна.

(1852—1877 г.)

ЧАСТЬ II.

ОДЕССА,
Печ. въ тип. Г. Ульриха, Красный пер., домъ № 3.
1880.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна.

(1852—1877 г.)

ЧАСТЬ II.

ОДЕССА,
Печ. въ тип. Г. Ульриха, Красный пер., домъ № 3
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ *Н. Головкинскій.*

(Изъ XXX т. Зап. Имп. Нов. Унив.)

Предисловіе къ настоящей книгѣ подписано Ф. Брунomъ 1 Мая, а уже нѣсколько недѣль спустя моего горячолюбимаго отца не стало болѣе въ живыхъ! Онъ скончался 3-го Іюня, на 76 году отъ роду, въ м. Славутѣ Волынской губерніи, вдали отъ роднаго города, родныхъ и друзей, — отъ изнуренія вслѣдствіе выдержанной въ теченіи зимы болѣзни. Посвятивъ всю жизнь свою научному труду, онъ всецѣло преданъ былъ работамъ въ области своихъ спеціальныхъ изслѣдованій въ особенности въ послѣднія десятилѣтія своей жизни, и непосредственно предъ болѣзнью неустанно трудился одновременно надъ нѣсколькими серьезными работами, что́ несомнѣнно подорвало его силы и сократило его жизнь.

Печатаніе второй части сборника шло во время болѣзни моего отца подъ его наблюденіемъ, на сколько это ему дозволяла болѣзнь, и было окончено, за исключеніемъ указателя, еще при жизни его; но ему не суждено было имѣть тихую радость автора — выпустить въ свѣтъ самому настоящую книгу, какъ и не суждено было ему отдохнуть еще нѣсколько лѣтъ послѣ неутомимыхъ многолѣтнихъ трудовъ (въ текущемъ году исполнилось-бы 50 лѣтъ съ начала его учебной и ученой дѣятельности, т. е. со времени назначенія его учителемъ въ Витебскую гимназію, 30 Августа 1830 года; послѣ чего онъ состоялъ долгое время профессоромъ въ бывш. Ришельевскомъ Лицеѣ и затѣмъ въ Новороссійскомъ Университетѣ, гдѣ читалъ лекціи до послѣдняго года своей жизни).

Кромѣ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ, изъ числа остальныхъ статей моего покойнаго отца 12 близко подходятъ къ тому-же предмету, именно большею частью онѣ составляютъ переводы съ комментаріями иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; изъ нихъ одиннадцать помѣщены въ разныхъ изданіяхъ (см. предисл. къ I-й части сборн.), а послѣдняя, оконченная въ прошлую зиму, еще неизданная, — переводъ съ испанскаго записокъ путешественника Клавихо съ подробными примѣчаніями. — Въ связи съ учеными трудами отца находятся оставленныя имъ обширная корреспонденція его съ многими извѣстными учеными въ Россіи и за границей и небольшая спеціальная библіотека.

Людвигъ Филипповичъ Брунъ.

29 Іюня 1880 г.
Одесса,
Университетъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю себя обязаннымъ изъявить искреннюю признательность историко-филологическому факультету Имп. Новороссійскаго Университета за принятое имъ рѣшеніе помѣстить въ Запискахъ Университета и эту вторую часть Сборника моихъ статей, что̀ дало мнѣ возможность сдѣлать въ нихъ значительныя пополненія и исправленія сравнительно съ первымъ ихъ изданіемъ. Поэтому я надѣюсь, что и этотъ томъ будетъ принятъ компетентными судьями и публикой съ такимъ-же живымъ сочувствіемъ, какъ и первый томъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ предисловіи къ I части десяти статей, вторая часть заключаетъ въ себѣ еще одиннадцатую подъ заглавіемъ «Островъ Хортица». Вмѣсто предположенныхъ трехъ картъ здѣсь приложены только двѣ: карта Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земель и факсимиле карты Чернаго моря Генуэзца Весконте 1318 года. Третью-же карту оказалось неудобнымъ приложить здѣсь, такъ какъ она помѣщена уже въ IX т. Записокъ Нов. Унив., притомъ сравнительно съ факсимиле каталанской карты; взамѣнъ ея прилагается сравнительная таблица именъ прибрежныхъ пунктовъ восточнаго берега Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ.

Кромѣ того здѣсь помѣщены указатель личныхъ и географическихъ именъ къ обѣимъ частямъ Сборника и списокъ замѣченныхъ при составленіи указателя опечатокъ.

Ф. Брунъ.

Одесса, 1-го мая 1880 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ . .	1—104
Дополненіе. О попыткахъ объяснить извѣстія Геродота относительно похода Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ	105—120
II. Матеріалы для исторіи Сугдеи	121—158
III. Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV стол. . .	159—188
IV. Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи	189—241
V. Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплямъ и по компасовымъ картамъ	242—270
VI. О резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека I	271—285
VII. О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время . .	286—298
VIII. О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ средніе вѣка	299—324
IX. Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи	325—346
X. Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV стол.	347—362
XI. Островъ Хортица. Историко-географическія замѣтки .	363—379

Указатели личныхъ и географическихъ именъ къ I и II части.

Замѣченныя опечатки.

Карта Геродотовой Скиѳіи.

Факсимиле карты Чернаго моря II. Весконте 1318 г.

Топографическая таблица восточнаго берега Чернаго моря.

I.

Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ [1]).

Къ необходимости изучить сочиненіе Геродота, сознаваемой каждымъ любителемъ исторіи и географіи, присоединяется у насъ еще особый мѣстный интересъ. Если императоръ Французовъ посвятилъ часы досуга своего исторіи Цезаря; если Нѣмцы съ особенною любовью читаютъ, переводятъ и комментируютъ Тацита, то мы не можемъ не дорожить исторіею Геродота, и въ особенности IV-ою книгою ея, посвященной описанію странъ, которыя по большей части входятъ въ составъ Россіи, и были поприщемъ самыхъ важныхъ событій, совершавшихся во всѣхъ фазахъ ея существованія. Притомъ изображеніе, столь-же изящное какъ и основательное, которое Геродотъ оставилъ намъ о современныхъ ему отношеніяхъ Скиѳіи и сосѣдственныхъ ей земель, есть единственный источникъ для древнѣйшей исторіи Черноморскихъ степей, тогда какъ о другихъ странахъ, имъ описанныхъ, мы можемъ почерпать еще свѣдѣнія, болѣе или менѣе важныя, и изъ другихъ источниковъ.

Наконецъ эта часть безсмертнаго труда его должна была обращать на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей тѣмъ болѣе, что въ ней именно они встрѣчали много загадочнаго, подобно тому какъ таинственный мракъ, покрывавшій внутрен-

[1]) Изъ Древности Геродот. Скиѳ. и пр., изд. Имп. Арх. Комм. Вып. II. С. П. 1872 года; также во французск. изд. сего сборника, S. P 1873 Оба изданія съ картою, прилагаемою здѣсь въ уменьшенномъ видѣ.

нюю Африку, привлекалъ къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ болѣе, чѣмъ другія страны свѣта.

Дѣйствительно Геродотовы «Scythica» съ давнихъ поръ вызывали огромное число спеціальныхъ трудовъ со стороны этнографовъ, историковъ и въ особенности географовъ.

Не смотря однако на всѣ старанія толкователей «отца исторіи», согласить по возможности съ дѣйствительностью географическія извѣстія, которыя онъ намъ передалъ о Скиѳіи, до сихъ поръ въ ученомъ мірѣ существуютъ весьма различныя и противурѣчивыя мнѣнія касательно вида и объёма этой страны, равно какъ о мѣстахъ поселенія разныхъ народовъ, въ ней обитавшихъ, и ихъ сосѣдей.

Безъ сомнѣнія, подобную противуположность мнѣній должно приписать тому обстоятельству, что описаніе Геродотово распюложено по рѣкамъ, орошавшимъ Скиѳію, а между тѣмъ пріурочиваніе этого описанія къ рѣкамъ, дѣйствительно существующимъ въ южной Россіи, по многимъ причинамъ представляетъ огромныя затрудненія.

Такъ, во-первыхъ, всякій согласится со мною, что измѣненія, происшедшія въ физіономіи поверхности здѣшняго края, съ особенною силою должны были отразиться въ гидрографическихъ его отношеніяхъ.

Во-вторыхъ Геродотъ только о немногихъ рѣкахъ Скиѳіи говоритъ такъ обстоятельно, что нельзя ихъ не узнать, если только мы будемъ читать его безъ предубѣжденія; относительно прочихъ рѣкъ извѣстія, имъ сообщенныя, столь кратки, что безъ особенной натяжки могутъ быть примѣняемы, съ одинаковымъ по видимому правомъ, то къ одной, то къ другой изъ нашихъ рѣкъ и даже рѣчекъ.

Наконецъ Геродотъ, при всей добросовѣстности своей, едва ли могъ пріобрѣсти достовѣрныя свѣдѣнія о теченіи и объ источникахъ описанныхъ или только упомянутыхъ имъ рѣкъ. Подобнаго рода свѣдѣнія были ему передаваемы понтійскими Греками, которые не могли знать ничего достовѣрнаго о странѣ, гдѣ сами обитали только при берегахъ. Караваны, какъ

замѣчаетъ *Нейманъ* [2]), которые, по причинѣ торговыхъ выгодъ, безъ сомнѣнія держались пути, уже проложеннаго, не имѣли ни времени, ни охоты заниматься изслѣдованіями касательно источниковъ рѣкъ. Подобныя занятія важны только для науки; въ практической жизни о нихъ не заботятся, и потому они являются обыкновенно поздно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами собою возникаютъ безъ труда, напр. въ густо-населенныхъ и образованныхъ странахъ. Хотя слѣдов. греческіе купцы не имѣли никакого повода отыскивать въ лѣсахъ и болотахъ источники скиѳскихъ рѣкъ, но всетаки было весьма естественно, что при видѣ этихъ рѣкъ они составляли себѣ какія нибудь понятія о нихъ a priori, и многіе изъ Ольвіополитянъ могли утверждать и воображать себѣ, что, при своихъ странствованіяхъ, они достигали до источниковъ сказанныхъ рѣкъ. Но эти-же купцы, которыхъ проводники по однимъ и тѣмъ-же путямъ водили къ такимъ именно мѣстамъ, гдѣ броды или острова облегчали переправу чрезъ большія рѣки, по собственному опыту развѣ только могли говорить о числѣ рѣкъ, чрезъ которыя они переправлялись въ своихъ путешествіяхъ, да о томъ, какъ онѣ назывались и какъ велико было взаимное ихъ разстояніе у мѣстъ переправы. Въ отношеніи же верхняго или нижняго теченія этихъ рѣкъ они должны были довольствоваться собственными догадками, или указаніями туземцевъ, которые сами не могли имѣть точныхъ свѣдѣній касательно большихъ рѣкъ. Не должно забывать, что такого рода данныя уже сами по себѣ не могли имѣть одинаковую степень достовѣрности: варварскіе народы хотя и могли знать, какія племена обитали въ ихъ сосѣдствѣ, какимъ языкомъ они говорили, каковы были ихъ нравы и какими произведеніями отличался ихъ край (подобнаго рода извѣстія имѣютъ вообще нѣкоторую степень достовѣрности), но точныя свѣдѣнія о системѣ большой рѣки, безъ которыхъ основательное опредѣленіе ея источниковъ невозможно, предполагаютъ иную степень знаком-

[2]) Die Hellenen im Skythenlande, Leipz. 1855, стр. 203.

ства съ мѣстностями; оно можетъ быть достигнуто только посредствомъ картъ и астрономическихъ опредѣленій, или же вслѣдствіе весьма оживленныхъ торговыхъ сношеній по всѣмъ направленіямъ страны. Тотъ, кто берется критически обсуждать географическія извѣстія, долженъ предварительно справляться, какое имѣютъ онѣ происхожденіе; онъ долженъ умѣть оцѣнивать степень погрѣшности, возможной въ отношеніи къ матеріальному ихъ содержанію. Здѣсь то именно легко убѣдиться въ томъ, что гидрографическія извѣстія гораздо менѣе достовѣрны, чѣмъ орографическія или этнографическія. Путешественникъ постоянно имѣетъ сношенія съ туземцами и можетъ познакомиться съ ихъ особенностями; издалека уже ему бросаются въ глаза возвышенности и ихъ направленіе и долго онъ не теряетъ ихъ изъ виду; рѣка же легко укрывается отъ взоровъ его: онъ переправляется черезъ нее, можетъ быть, на такомъ мѣстѣ, гдѣ извилины ея могутъ возбуждать въ немъ совершенно ложное понятіе о главномъ ея направленіи.

Ко многимъ причинамъ, затрудняющимъ точное опредѣленіе рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, слѣдуетъ присовокупить еще и то обстоятельство, что наименованія всѣхъ почти рѣкъ, по крайней мѣрѣ большихъ, суть ничто иное, по справедливому замѣчанію *Клапрота*, какъ нарицательныя слова, означающія рѣку на какомъ либо языкѣ. Вотъ почему и при Геродотѣ, одно и тоже названіе могло быть примѣняемо къ различнымъ рѣкамъ, между которыми ничего не было общаго, какъ это еще нынѣ повторяется въ нашемъ краю съ двумя Бугами, западнымъ и южнымъ, съ двумя Ингулами, большимъ и малымъ, съ Дономъ и Донцомъ (послѣдній въ нашихъ лѣтописяхъ, подобно первому, названъ просто Дономъ [3]), съ двумя Самарами и т. п.

По всѣмъ этимъ причинамъ, экзегеты до сихъ поръ не могли согласиться на счетъ опредѣленія главныхъ рѣкъ, орошавшихъ Скиѳію Геродота; они истощались въ гипотезахъ для

---

[3]) *Арцыбышевъ*, Повѣствованіе о Россіи, 1838, I 62.

отысканія слѣдовъ таинственныхъ рѣкъ Пантикапеса, Гипакириса и Герроса, и даже отвергали ихъ существованіе. Такъ напр. *Данвиль*[4]) вовсе не вѣритъ, чтобы Пантикапесъ когда либо существовалъ; *Геерен*[5]) говоритъ тоже самое о Гипакирисѣ и Герросѣ, между тѣмъ какъ *Нейману* всѣ три рѣки кажутся непримѣнимыми къ дѣйствительности, почему онъ и думаетъ, что толкователи напрасно трудились надъ ихъ отыскиваніемъ. Другіе съ Пантикапесомъ носятся по неизмѣримому пространству вдоль лѣваго берега Днѣпра, останавливаясь и на Конскихъ водахъ, и на Самарѣ, и на Пслѣ, и на Сулѣ и даже наконецъ на Деснѣ. Герросъ обращаютъ то въ Кальміусъ, то въ Молочную, или же въ Самару и т. д. Наконецъ Гипакирисъ отыскиваютъ отъ Кинбурнской косы до внутренности Крымскаго полуострова; оттуда соединенными силами *Линднер*[6]) и *Надеждин*[7]) переносятъ его, подобно Герросу и Пантикапесу, на правый берегъ Днѣпра, съ тѣмъ только различіемъ, что первый узнавалъ Гипакирисъ въ Ингулѣ, тогда какъ *Надеждин* видѣлъ его въ Ингульцѣ. *Гинзен*[8]) однако же снова перемѣщаетъ рѣку Гипакирисъ съ праваго берега Днѣпра къ Сивашу и къ Донцу, и *Кольстер*[9]) восхищается этой уловкой въ особенности потому, что ею будто бы рѣшенъ и спорный вопросъ о мѣстоположеніи древняго города Каркинитиды, или Каркинитиса, лежавшаго при устьѣ Гипакириса.

Но изъ замѣтки Геродота можно было вывести также заключеніе, что съ опредѣленіемъ мѣстности, которую занималъ

---

[4]) Géographie d'Hérodote, въ Mém. de l'Académie des inscriptions XXXV, 579.

[5]) Ideen über die Politik, den Handel und den Verkehr der Völker der alten Welt I, 2, стр. 257.

[6]) Skythien und die Skythen des Herodot, 1841, стр. 18.

[7]) Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями, въ Зап. Одесскаго Общества Ист. и Древн. I, стр. 52, 53.

[8]) Ost-Europa nach Herodot, Dorpat, 1841, § 74 и слѣд.

[9]) Das Land der Scythen bei Herodot und Hippokrates und der Feldzug des Darius, въ Archiv für Philologie und Pädagogik, XIII, 1, стр. 22.

этотъ городъ, объяснилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ разумѣлъ подъ своимъ Гипакирисомъ.

Поэтому слѣдовало бы только предварительно удостовѣриться въ томъ, гдѣ именно на прибрежьѣ Понта находился Каркинитисъ, а потомъ уже отыскивать слѣды рѣки, изливавшейся въ его сосѣдствѣ. Если бы это удалось, то уже легко было бы опредѣлить, какимъ изъ нынѣшнихъ рѣкъ соотвѣтствовали притокъ Гипакириса, Герросъ, и протекавшая не въ дальнемъ отъ него разстояніи рѣка Пантикапесъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представилась бы возможность согласить съ дѣйствительностью и прочія географическія показанія Геродота, избѣгая крайностей, т. е. безъ надобности предполагать съ иными, что въ характерѣ здѣшняго края случились измѣненія невозможныя, или—съ другими, что Геродотъ намъ передалъ только баснословныя извѣстія.

Геродотъ вообще два только раза упоминаетъ о Каркинитисѣ. Сказавъ (IV, 55), что Гипакирисъ изливался въ море подъ этимъ городомъ, онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 99) говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ: Непосредственно отъ Истроса къ югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города, называемаго Каркинитисомъ. Лежащую отсюда по берегу того же моря, гористую и вдающуюся въ Понтъ страну населяетъ народъ Тавровъ даже до Херсониса (полуострова), называемаго неровнымъ, скалистымъ (Трахеею), т. е. до Керченскаго полуострова [10]).

Изъ этого указанія мѣстоположенія города должно заключить, что онъ лежалъ гдѣто на западномъ берегу Крыма. Уже по этой причинѣ мы вправѣ думать, что онъ совпадалъ не только по имени, но и по мѣстоположенію съ «Керкинитисомъ». Городъ этотъ, по измѣреніямъ Арріана [11]) и безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго [12]), по которому онъ

---

[10]) Kiepert, Lehrbuch der alten Geogr. Berlin, 1878 стр. 350.
[11]) Geographi graeci minores, ed. Gail, III, § 19, стр. 76.
[12]) Ibidem, стр. 216, § 9 и 10.

также назывался Коронитисъ, лежалъ на морскомъ берегу между Херсономъ и Калосъ-лиминомъ, на разстояніи 600 стадій отъ перваго и — 700 отъ послѣдняго.

Мѣстоположеніе Херсона всѣмъ извѣстно, а касательно мѣстности, занимаемой Калосъ-лиминомъ, существуютъ различныя мнѣнія. Такъ напр. Гёль[13]) и Нейманъ (стр. 375) ищутъ эту пристань на южной сторонѣ Каркинитскаго, или Перекопскаго залива, при Сарыбулатской косѣ, другіе же, напр. Тетбу[14]) — около Перекопа. Иные, въ томъ числѣ Кёлеръ[15]), увѣрены, что подъ «красивою пристанью» авторы перепловъ могли разумѣть одну только Акмечетскую бухту. Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ на южномъ берегу Каркинитскаго залива другаго пристанища для судовъ вовсе нѣтъ[16]), между тѣмъ какъ слѣды прежняго его значенія для моряковъ и рыбаковъ сохранились донынѣ[17]). Притомъ Калосъ-лиминъ, находясь тутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы отдѣленъ пространствомъ въ 300 стадій отъ пристани Тамираки, въ которой нельзя не узнать Джарылгачскую косу, отстоящую приблизительно на 300 стадій отъ Акмечетской бухты; разумѣется, что упомянутый Птолемеемъ и Стефаномъ Византійскимъ городъ Тамираки находился не на самой косѣ, а насупротивъ ея, около устья Каланчака, гдѣ слѣды этого города сохранились до нынѣ. Оказывается поэтому, что отстоявшій въ 700 стадіяхъ отъ Калосъ-лимина, городъ *Керкинитисъ* находился не близъ Евпаторіи, какъ я прежде думалъ, но въ 25-ти верстахъ къ сѣверу отъ нея, при Донгуславскомъ озерѣ, на сѣверномъ берегу котораго его и ищутъ[18]). Въ этой имен-

---

[13]) Ibidem, стр. 125.

[14]) Atlas de la mer Noire, Odessa, 1850, № 17

[15]) Mém. s. l. îles et la course d'Achille, въ Mém. de l'Acad. des Sc. de S.-Pétersb., X, стр. 616.

[16]) Лоція Чернаго моря, Николаевъ, 1851, стр. 43.

[17]) Пирамидки изъ глины, найденныя при Акмечетской бухтѣ, въ Зап. Одесск. Общ., I стр. 630 и слѣд.

[18]) Бурачковъ, О мѣстоположеніи древн. города Каркинитиса etc. въ З. О. О. IX, 123.

но мѣстности, отстоявшей отъ Карантинной бухты въ 600 стадіяхъ, итальянскія карты XIV и XV столѣтій представляютъ намъ приписку crichiniri, crerenichi, chiiti и chirechiniti (1351), явно тождественную съ именемъ Керкинитисъ или Каркинитисъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакой надобности, подобно Нейману и Фридлендеру [19]) различать его отъ позднѣйшаго Керкинитиса, если бы даже подлинность монетъ этого города была доказана, въ чемъ пока еще можно сомнѣваться [20]).

Нужно поэтому допустить, что:

1) Геродотъ по ошибкѣ могъ назвать заливъ рѣкою, и что подъ Гипакирисомъ онъ разумѣлъ лежащій къ сѣверу отъ Евпаторіи заливъ Перекопскій или Киркинитскій, о которомъ потому то и не упоминаетъ.

2) Если Геродотъ говоритъ, что городъ Истросъ, отстоявшій на 500 стадій отъ южнаго устья Дуная [21]), находился при устьѣ Истроса (II, 33), то онъ тѣмъ болѣе имѣлъ право сказать, что Каркинитисъ находился при устьѣ Гипакириса, хотя дѣйствительно городъ этотъ отстоялъ на 300 стадій отъ южной оконечности Каркинитскаго залива.

Что этотъ заливъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ Геродотову Гипакирису, становится еще болѣе яснымъ, когда припомнимъ, что эта мнимая рѣка, изливаясь въ Понтъ подъ городомъ Каркинитисомъ, оставляла вправо Гилею и Ахиллесово ристалище.

Касательно Дромоса Ахиллесова всѣ согласны, что подъ нимъ Геродотъ могъ разумѣть только полуостровъ Тендру, оканчивавшійся, по Страбону, мысомъ, названнымъ Священною рощею Ахиллеса, которая безъименнымъ авторомъ перипла (§ 11) обозначена рощею Гекаты, а Птолемеемъ (III, 5) просто наименована Священнымъ мысомъ.

---

[19]) Annali del' Instituto di corrispondenza archeologica, Roma 1845 XIV, стр. 232—234.

[20]) Спасскій, О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и его монетахъ, въ Зап. Одесск. Общ. II, стр. 21—35.

[21]) Strabo, VII, 3, § 15. и 6 § 1.

Что же касается Гилеи (IV, 18 и 76), лѣсной стороны, которая представлялась взорамъ путешественниковъ при въѣздѣ съ моря въ Борисѳенесъ, то она должна соотвѣтствовать Днѣпровскимъ плавнямъ, которыя и нынѣ богаты растительностью и составляютъ поразительный контрастъ съ совершенно обнаженными степями.

Такъ какъ это мнѣніе уже прежде было высказано другими, а именно *Надеждинымъ* [22]), то я не могу отказать себѣ въ удовольствіи представить здѣсь еще разъ изображеніе столь изящно имъ снятое съ природы Гилеи.

«Не смотря на пустынный, аравійскій характеръ окружа-
«ющихъ степей, края широкой долины, по которой Днѣпръ
«стремится къ морю, конечно вслѣдствіе благотворнаго вліянія
«питательной и крѣпительной влажности, по мѣстамъ украша-
«ются зеленью кустарниковъ, и даже сѣнью деревьевъ. Имен-
«но, на самой Кинбурнской косѣ, вскрай лимана, вокругъ мѣ-
«стечка Прогнойска, при селеніяхъ Бузовомъ и Рыбалчѣ, до
«сихъ поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя рощицы,
«храбро сражающіяся съ засыпающими ихъ песками. Нѣсколь-
«ко выше, вокругъ селенія Збурьевска, находится родъ лѣска,
«состоящаго изъ дуба, осины, ольхи и лозника. Наконецъ,
«еще выше, берегъ Днѣпра, на протяженіи около двадцати пяти
«верстъ, вокругъ города Алешекъ, опушается также, не рѣдко,
«болѣе или менѣе густыми купами древесной растительности,
«преимущественно ольхою и березою. И это, въ сравненіи съ
«наготою степей, конечно могло дать берегу Днѣпра названіе
«лѣсной стороны», особенно въ древнія времена, когда масса
«водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе,
«а потому и сила прозябанія вокругъ гораздо могущественнѣе.
«Но надо только взглянуть на самую долину Днѣпра, чтобы
«имѣть передъ глазами настоящую «лѣсную сторону», всю по-
«крытую густою, дремучею растительностью. Эта долина, раз-
«двигающаяся иногда верстъ до двадцати въ ширину, состоитъ

[22]) Геродотова Скиѳія и пр. стр. 48.

«изъ непрерывной сѣти т. н. плавней, или острововъ, образу-«емыхъ безчисленными развѣтвленіями рѣчной трубы, которыя «всѣ сплошь зарощены не однимъ камышемъ, но и настоящи-«ми, любящими влагу, деревьями. Въ безотрадной пустотѣ го-«лыхъ степей, она отливаетъ на горизонтѣ сизою полосою, «при видѣ которой въ самомъ не поэтическомъ воображеніи «невольно возбуждается идея мрачнаго «лѣса». Присоедините «сюда набережную опушку Днѣпра: и вы увидите въ натурѣ «Гилею, совершенно согласную съ тѣмъ описаніемъ, которое «объ ней оставлено Геродотомъ».

Но если и теперь еще въ Днѣпровскихъ плавняхъ нельзя не узнать его Гилею, лѣсную сторону, то эти плавни должны были обращать на себя вниманіе и тѣхъ писателей, которые говорятъ о нашемъ краѣ въ послѣдующіе вѣка. Такъ напр. Мела (II, 1, 5) который, согласно съ Геродотомъ, помѣщаетъ Гилею между Борисѳенесомъ и Гипакирисомъ, присовокупляетъ: *silvae deinde sunt, quas maximas hae terrae ferunt.* Въ свою очередь Плиній (V, 26, § 12) не ошибается касательно характера и положенія Гилеи, замѣчая, что она находилась къ востоку отъ Ахиллесова пристанища, и изобиловала деревьями. Онъ еще присовокупляетъ, что по ея имени близкая къ ней часть моря называлась Hylaeum mare, и что ея обитатели носили имя Enoecadloae. По примѣру поэта Скимна, безъименный авторъ перипла (§ 3) также ищетъ Гилею при нижнемъ Днѣпрѣ, и Валерій Флаккъ (Argon. VI. 76) восхваляетъ ее за изобиліе и высоту деревьевъ, въ ней растущихъ:

Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

Правда и то, что Страбонъ вовсе не упоминаетъ о Гилеѣ. Однако въ этомъ случаѣ его молчаніе, если бы оно даже не объяснялось пропускомъ въ родѣ тѣхъ, которые нерѣдко встрѣчаются въ его прекрасномъ трудѣ, не можетъ служить доказательствомъ, что, въ его время, свѣдѣніе о Гилеѣ сохра-

нилось развѣ въ одномъ только воображеніи поэтовъ, или что приведенные римскіе авторы довольствовались выписками изъ Геродота и неимѣли подъ рукою новѣйшихъ источниковъ для географіи края, тогда уже вошедшаго въ составъ Римской имперіи. Что въ то время Гилея еще не лишилась прежняго своего характера, видно изъ свидѣтельства посѣтившаго ее греческаго оратора Діона [23]), который сравниваетъ высокія ея деревья съ корабельными мачтами. Еще болѣе Діона увлекается поэтически-ораторскимъ восторгомъ историкъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8, 40), когда, не довольствуясь помѣщеніемъ города Борисѳенеса «*in marginibus nemorosis*» рѣки того же имени, присоединяетъ туда же городъ Cephalonesus и жертвенники, посвященные Александру Великому и Кесарю Августу.

Подобно тому, какъ Днѣпровскія плавни по изобилію лѣса были названы Гилеею, въ послѣдствіи по деревьямъ, въ нихъ растущимъ, онѣ могли получить названіе Ἀβιχή, подъ которымъ Гилея извѣстна Стефану Византійскому (подъ слов. Ὑλέα); таже самая причина могла побудить итальянскихъ моряковъ XIV и XV столѣтій наименовать ихъ pidea, тогда какъ находящійся тутъ городъ Алешки могъ быть такъ названъ по ольхамъ, растущимъ въ его окрестностяхъ (см. выше I, стр. 94 — 97). Назадъ тому лѣтъ полтораста тамъ безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, почему и Турки могли сказать, что Запорожцы, которые, послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ «*лѣсѣ братьевъ*». Въ среднихъ вѣкахъ этотъ лѣсъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства, слѣдовательно могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гильберъ де Ланнуа, во время своего путешествія изъ Монкастро въ Каффу, въ 1421 г. А что этотъ лѣсъ могъ тогда еще отчасти состоять изъ хвойныхъ деревьевъ, именно сосенъ, это явствуетъ изъ того, что и нынѣ, вопреки мнѣнію столь рѣшительно высказанному теперешнимъ владѣльцемъ час-

[23]) Orat. XXXVI, II ed, Reiske p. 74.

ти Гилеи, (см. Васильевскій: Разборъ соч. Ф. Бруна etc. 16) онъ самъ могъ убѣдиться въ существованіи прекраснаго сосноваго лѣса или рощи въ этихъ мѣстахъ, т. е. не только въ кучугурахъ или пескахъ въ 10 верстахъ отъ Алешекъ, близь почтовой дороги въ Каланчакъ, но даже въ самомъ городѣ [24]).

Такъ какъ плавни на правомъ берегу Днѣпра, т. е. на нагорной его сторонѣ простираются вверхъ по рѣкѣ до устья Подпольной, а на лѣвой даже почти до пороговъ [25]), то нѣтъ причины утверждать съ *Нейманомъ* (l. l. стр. 80) и другими, что, по взгляду Геродота, Гилея не переходила за окрестности Берислава.

Съ другой стороны *Нейманъ* (l. c. прим.) уже слишкомъ далеко раздвигаетъ Гилею къ востоку, потому только, что Геродотъ (IV, 9) упоминаетъ о пещерѣ въ Гилеѣ, и что таковыя встрѣчаются при Молочной. Если бы Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, то сказанную пещеру, гдѣ Геркулесъ встрѣтился съ эхидною, слѣдовало бы искать не на луговой сторонѣ рѣки, а около Берислава.

Но такъ какъ въ вышеозначенныхъ предѣлахъ лѣса встрѣчаются въ долинѣ Днѣпровской и на правой и на лѣвой сторонѣ рѣки, то и должно думать съ *Надеждинымъ*, что наименованіемъ Гилеи Геродотъ дѣйствительно означалъ оба берега, а не одинъ только лѣвый, какъ обыкновенно думаютъ на основаніи извѣстнаго мѣста въ описаніи Скиѳіи (IV, 18): *какъ перейдешь Борисѳенесъ, такъ первая отъ моря Гилея.* Легко могло статься, что Геродотъ этимъ хотѣлъ только означить, что въѣзжающему съ моря въ Днѣпръ представлялась тотчасъ Гилея, особенно если, какъ замѣчаетъ *Надеждинъ* (l. l. 51, примѣч. 63), имѣть въ виду, что у древнихъ Эллиновъ глаголъ διαβαίνειν означалъ не только «*переходить*», но и просто «*идти*», проходить мимо.

---

[24]) Извлечено изъ письма къ автору Д. Ст. В Зеленкевича, проживающаго въ Алешкахъ, отъ 13 го октября 1879 г.

[25]) *Шмидтъ* l. c. I, стр. 178.

Если же Геродотъ дѣйствительно хотѣлъ сказать, что «*перешедшему*» рѣку при устьѣ ея представлялась Гилея, то и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы совершенно правъ, потому что нынѣ еще на луговой сторонѣ лѣски начинаются гораздо ниже Алешекъ, какъ явствуетъ изъ отрывка, который мы только что привели изъ статьи *Надеждина*, тогда какъ на нагорной сторонѣ они являются уже за Херсономъ.

Предполагая же, что Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра, нѣтъ надобности переставлять, съ *Линднеромъ*, знакъ препинанія въ текстѣ Геродота, чтобы выводить изъ его словъ заключеніе, что Гилея находилась и на правой сторонѣ Днѣпра.

Надеждинъ могъ (l. l. стр. 406) догадку *Линднера* считать остроумною, но во всякомъ случаѣ не долженъ былъ сказать, что эта перестановка запятой требовалась, вынуждалась высшею критикою текста: вмѣсто того, чтобы этимъ способомъ «*открыть ларчикъ*», *Линднеръ* развѣ только перевернулъ его на другую сторону, т. е. изъ одной крайности впалъ въ другую.

Вообще мнѣ кажется, что нѣмецкому автору, порицавшему съ такою самонадѣянностью заслуги прежнихъ толкователей Геродота отъ *Целлария* до *Кёппена*, нашъ остроумный и ученый соотечественникъ оказалъ уже слишкомъ много чести, сказавъ, что книга *Линднера* есть «одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной археологической критики (l. l. стр. 394)». Едвали это не комплиментъ, сдѣланный *Надеждинымъ* баварскому совѣтнику посольства за то, что ему было «пріятно видѣть», что описаніе *Линднера* проникнуто вездѣ чувствомъ глубокаго уваженія и искренняго сочувствія къ благодѣтельному вліянію Россіи на древнюю Скиѳію (ibid. стр. 419).

Врочемъ, можно вполнѣ раздѣлять сочувствіе *Надеждина* къ чувствамъ *Линднера*, а тѣмъ не мѣнѣе думать, что первый не имѣлъ права сказать о послѣднемъ отъ имени Одесскаго Общества исторіи и древностей, что оно умѣетъ отдать пол-

ную справедливость его труду и считаетъ себя въ возможности и въ правѣ произнесть о немъ безпристрастное сужденіе.

По крайней мѣрѣ въ числѣ членовъ этого Общества, къ которому въ то время принадлежали, между прочимъ, *А. С. Струдза*, *П. В. Беккеръ* и *М. Д. Палеологъ*, находились, сколько я помню, и такіе, которые считали себя не менѣе безпристрастными, чѣмъ *Надеждинъ*, а все-таки согласились бы скорѣе съ мнѣніемъ *Неймана* (l. l. стр. 204 прим.), оцѣнивающаго достоинство приведеннаго сочиненія *Линднера* и двухъ другихъ его трудовъ слѣдующимъ образомъ: Ich habe alle drei Schriften gelesen, kann aber von ihnen keinen andern Gebrauch machen, als dass ich sie allen einer Erheiterung bedürftigen Philologen angelegentlichst empfehle.

Съ подобнымъ-же пренебреженіемъ отзываются о его трудахъ *Ганзенъ* (l. l. стр. 51) и *Кольстеръ* (l. l. 581), которые почти въ одно время съ *Надеждинымъ* старались объяснить извѣстія Геродота о Скиѳіи и Скиѳахъ. Впрочемъ попытка ихъ не совсѣмъ удалась. По крайней мѣрѣ вопросы топографическіе они только еще болѣе запутали, безъ сомнѣнія потому, что не имѣли случая посѣтить предварительно нашъ край и должны были составить себѣ понятіе о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ производилъ на путешественниковъ, познакомившихся съ нимъ болѣе или менѣе поверхностно.

Къ сожалѣнію нѣмецкіе филологи, считая книгу своего соотечественника-дилетанта годною только для развлеченія, не чувствовали расположенія одобрить даже тѣ изъ новыхъ гипотезъ его, которыя случайно могли оказаться основательными. Въ противномъ случаѣ *Кольстеръ* (l. l. XIII. 22) не сказалъ бы, что *Ганзенъ* рѣшилъ вопросъ о Пантикапесѣ, отыскавъ его въ Конкѣ, а *Нейманъ* (l. l. 205) не удовольствовался бы заявленіемъ, что тотъ-же Пантикапесъ долженъ соотвѣтствовать какой-нибудь изъ степныхъ рѣчекъ, протекающихъ къ востоку отъ Днѣпра. Напротивъ того, они бы едвали ошиблись, еслибы рѣшились повѣрить *Линднеру*, который

говоритъ, что Пантикапесу не могла соотвѣтствовать никакая другая рѣка, кромѣ Ингульца.

Рѣка эта вытекаетъ изъ разливовъ, скопившихся, въ лѣсистомъ оврагѣ Александрійскаго уѣзда, въ небольшомъ разстояніи отъ херсонскихъ поселеній Михайловки и Федваря. Направляясь преимущественно отъ сѣвера къ югу, она по прямому протяженію имѣетъ 217 верстъ, а съ многочисленными извилинами своими, столь выгодными для прилегающихъ къ ней степей, даже 523 версты, такъ что собственно заслуживаетъ названіе Большаго, а не Малаго Ингула, далеко оставляя за собою настоящій Ингулъ, имѣющій по прямому направленію только 148 верстъ, а со всѣми изгибами — 324. Принимая на пути своемъ до двадцати рѣчекъ, Ингулецъ въ верхнемъ теченіи своемъ образуетъ болотистую долину, а въ нижнемъ принимаетъ видъ большой рѣки, не уступающей въ ширинѣ главному руслу Днѣпра, съ которымъ соединяется въ 18 верстахъ выше Херсона (Шмидтъ, l. l. стр. 209) представляя и нынѣ еще взорамъ проѣзжающаго, особенно на лѣвомъ берегу своемъ, немалыя пространства, покрытыя лѣсомъ.

Предоставляю геологамъ рѣшить вопросъ: можно ли лѣсистый оврагъ и болота верхняго Ингульца признать за слѣды озера, изъ котораго по Геродоту (IV, 54) вытекалъ Пантикапесъ?

Если отвѣтъ знатоковъ будетъ отрицателенъ, то я готовъ сказать съ *Нейманомъ* (l. l. стр. 207), что это озеро, подобно тѣмъ, изъ которыхъ, по словамъ Геродота, вытекали другія рѣки Скиѳіи, могло быть произведеніемъ фантазіи современниковъ греческаго историка, пытавшихся такимъ образомъ объяснить ученую систему.

Какъ бы то ни было, но все остальное, что Геродотъ говоритъ о Пантикапесѣ, гораздо удобнѣе можетъ быть примѣнено къ подробностямъ, приведеннымъ нами объ Ингульцѣ, нежели къ особенностямъ одного изъ прочихъ притоковъ Днѣпра, по обѣимъ его сторонамъ отъ самыхъ пороговъ до устья.

Такъ, по Геродоту, Пантикапесъ, подобно Борисѳенесу,

течетъ съ сѣвера; между этими рѣками живутъ Скиѳы земледѣльцы (γεωργοί). За тѣмъ Пантикапесъ уже смѣшалъ свои воды съ Борисѳенесомъ, оросивши Гилею.

Извѣстно, что у Скимна и Безъименнаго (§ 4) страна эта названа Ивлою, какъ думаютъ, по ошибкѣ. Но въ этомъ случаѣ странно, что ошибочнымъ названіемъ этимъ означалась половецкая рѣка Ивла, подъ которой *Карамзинъ* [26]) разумѣлъ Ингулъ, *Арцыбышевъ* же [27]) — Бузувлукъ. Такъ какъ между этими рѣками течетъ Ингулецъ, то спрашивается, почему же онъ не могъ соотвѣтствовать половецкой рѣкѣ, особенно если принять во вниманіе, что ея имя напоминаетъ рѣку Ивулъ Константина Багрянороднаго [28]), которую обыкновенно принимаютъ не за Ингулъ или Бузувлукъ, а за Ингулецъ. Слѣды прежняго его наименованія до нынѣ сохранились въ рѣчкѣ Гивленкѣ, берущей свое начало близъ верховьевъ Ингульца [29])

Правда, что Геродотъ, идущій при описаніи рѣкъ Скиѳіи отъ запада къ востоку, сначала говоритъ о Борисѳенесѣ, а за тѣмъ уже переходитъ къ Пантикапесу. Но изъ этого можно только вывести заключеніе, что въѣзжающему въ Днѣпръ съ моря сперва представлялось устье Борисѳенеса, а за тѣмъ уже устье Пантикапеса. Дѣйствительно устье Днѣпровскаго лимана и даже самаго Днѣпра въ лиманъ находится къ западу отъ устья Ингульца [30]).

---

[26]) Ист. Госуд. Росс. изд. *Эйнерлинга*, III, прим. 74.

[27]) Повѣствованіе о Россіи, I, стр. 250.

[28]) De administrando imperio, гл. 42.

[29]) Исторія о Казакахъ Запорожскихъ (князя *Мышецкаго*), Одесса 1852, стр. 75.

[30]) Безъ сомнѣнія это обстоятельство еще не объясняетъ, почему Геродотъ, перейдя чрезъ Днѣпръ въ Гилею, возвращается оттуда на правый берегъ рѣки, чтобы перейти къ Пантикапесу, отдѣлявшему, по его словамъ, Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ кочующихъ. Чтобы устранить это недоумѣніе мнѣ остаются только два способа, а именно: 1) допустить, что въ текстѣ Геродота (IV, 18) первоначально не было словъ ἄνω или ἄνω ἰόντι, которыми комментаторы замѣнили слово ἀνάρωποι, явно по ошибкѣ только попавшее въ это мѣсто рукописей (ср. *Baehr* l. l. vol. II, c. XVIII, p. 325); или же 2) предположить съ г. профессоромъ *Стрѣлке*, что Геродотъ могъ смѣшать Борис-

Иное дѣло съ Ингуломъ, въ которомъ *Надеждинъ* (l. l. 51), при всемъ уваженіи къ догадливости *Линднера*, видитъ Пантикапесъ, единственно потому, что по его мнѣнію Геродотъ, называя Борисѳенесомъ собственно Днѣпръ, въ тоже время разумѣлъ подъ этимъ именемъ и Бугъ, казавшійся ему, «*почти до нынѣшняго Вознесенска, протокомъ Днѣпра*».

Излишнимъ было бы распространяться здѣсь объ ошибочности этого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что оно уже было опровергнуто, какъ нельзя лучше, г. *Думашинымъ*[31]). Замѣчу только, что Птолемей, на котораго въ особенности ссылается[32]) *Надеждинъ*, подъ устьемъ Борисѳенеса разумѣлъ не мѣсто впаденія Днѣпра въ лиманъ, а устье самаго лимана, почему и могъ, не ошибаясь, помѣстить устье Гипаниса къ востоку отъ устья Борисѳенеса. Западнымъ рукавомъ этой послѣдней рѣки онъ считалъ не Бугъ, какъ полагалъ *Надеждинъ* (l. l. стр. 44), ни Березину, какъ думали *Эйхвальдъ* и другіе, а — Ингулецъ, и потому то вовсе не упоминаетъ о Пантикапесѣ, хотя у него встрѣчаются имена другихъ рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, за исключеніемъ впрочемъ Гипакириса, превратившагося у него отчасти въ рѣку Каркинитисъ, отчасти въ заливъ того же имени.

Озеро Амадокасъ, изъ котораго вытекалъ западный ру-

ѳенесъ съ Пантикапесомъ, разумѣется только въ нижнемъ ихъ теченіи. Опорами этого, по видимому, слишкомъ смѣлаго мнѣнія, могло бы послужить, что и Птолемей, какъ ниже будетъ показано, видѣлъ въ Ингульцѣ второй Борисѳенесъ, что нижній Днѣпръ болѣе Ингульца заслуживаетъ названіе Пантикапесъ, протекая весь въ садахъ, и что онъ также лучше защищалъ бы жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ набѣговъ кочующихъ ихъ собратій; наконецъ что Святые пути пролегали по Геродоту (IV, 81) между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, между тѣмъ какъ эта мѣстность находилась явно между Бугомъ и Ингульцомъ.

[31]) О рѣкахъ Скиѳіи, по Геродоту, въ Трудахъ студентовъ Ришельевскаго Лицея, Одесса, 1852, стр. 35 и слѣд.

[32]) Зап. Одесс. Общ. I, стр. 44: «Одному Птолемею», говоритъ *Надеждинъ*, «удалось это соглашеніе (древнихъ текстовъ съ дѣйствительностью) естественнѣе и вѣрнѣе всѣхъ, оттого что онъ крѣпче придержался преданія о тождествѣ Буга съ Борисѳенесомъ У него Бугъ есть самостоятельная рѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ Борисѳенесъ, какъ вѣрно казался онъ и Геродоту».

кавъ Борисѳенеса, могло быть то самое, которое, по Геродоту, дало свое начало Пантикапесу.

Что Птолемей подъ западнымъ рукавомъ Борисѳенеса дѣйствительно разумѣлъ Ингулецъ явствуетъ еще изъ того, что городъ Митрополисъ, лежавшій, по его словамъ (III. 5), при сліяніи обоихъ рукавовъ Борисѳенеса, отмѣченъ у него подъ 56 гр. 30 м. долг. и 49 гр. 30 м. шир., стало быть точно въ такомъ же разстояніи отъ Ольвіи (57 гр. д. и 49 гр. ш.), въ какомъ этотъ городъ помѣщенъ отъ устья Борисѳенеса (57 гр. 30 м. д. и 48 гр. 30 м. ш.).

Если же, по словамъ Страбона (VII, 3 § 17), рѣка эта была судоходна только на 600 стадій, т. е. около ста верстъ, то мы вправѣ видѣть здѣсь намекъ на то, что во времена великаго географа большія суда поднимались до того мѣста, гдѣ я ищу городъ Митрополисъ Птолемея. Быть можетъ и Мела (II, 1, 6) означалъ этотъ городъ именемъ самой рѣки, говоря, что около устья Борисѳенеса существовали два города: Ольвія и Борисѳенесъ. Положеніе этого города при устьѣ Ингульца объяснило бы также ошибку нѣкоторыхъ древнихъ географовъ, по которымъ, какъ еще замѣтилъ ученый Плиній (IV, 12, 26), Борисѳенесъ принималъ рѣку Пантикапесъ, подъ Ольвіею, названною имъ также Милетополисомъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, вмѣсто Пантикапесъ слѣдовало бы сказать Гипанисъ, diligentiores Hypanim [33]).

---

[33]) Могло также статься, что Птолемей смѣшалъ рѣку Пантикапесъ съ Гипанисомъ (какъ это часто случалось, по словамъ Плинія) потому что, помѣщая устье Гипаниса на полградуса къ востоку отъ устья Борисѳенеса, онъ заставляетъ его совпадать съ тою точкою, въ которой Днѣпръ принимаетъ въ себя Ингулецъ, признанный нами за Геродотовъ Пантикапесъ. Если наша догадка справедлива, то западному рукаву Борисѳенеса соотвѣтствовалъ бы не Ингулецъ, а Бугъ, *Амадокское* же озеро совпадало бы съ *Кодымой*, «матерью Гипаниса». Въ пользу предположенія, что подъ именемъ втораго Борисѳенеса Птолемей дѣйствительно могъ разумѣть не Ингулецъ, а Бугъ, говоритъ еще то обстоятельство, что онъ называетъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ на берегу этой рѣки, какъ то: Ніоссонъ, Сарбаконъ или Барсаконъ и Лейновъ. Города эти врядъ ли могли помѣститься при степной рѣчкѣ, при

Такъ какъ Амміанъ Марцеллинъ вовсе не упоминаетъ о Гипанисѣ, то легко могло статься, что подъ городомъ Борисѳенесомъ, лежавшимъ въ «*плавняхъ Днѣпровскихъ*», онъ также разумѣлъ не Ольвію, а Митрополисъ. По крайней мѣрѣ Іорнандъ [34]), Анонимъ Равенскій [35]) и географъ Гвидо [36]) еще отличаютъ Ольвію отъ города Борисѳениды, почему и позволено думать, что подъ послѣднимъ городомъ они разумѣли Митрополисъ Птолемея и Стефана Византійскаго.

Обстоятельство, что александрійскій географъ, подобно Мелѣ (II, 1, 6), Плинію (IV, 26) и Страбону (VII, 3 § 17), указываетъ городу Ольвіи также мѣсто на Борисѳенесѣ, можетъ только служить доказательствомъ, что нижнюю часть Бугскаго лимана они считали частью Днѣпровскаго. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Геродотъ, который, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, говоритъ какъ очевидецъ (IV, 71), былъ того-же мнѣнія. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что Борисѳениты жили при Гипанисѣ (IV, 53), насупротивъ святилища Димитры, стоявшаго на мысѣ Гипполаевомъ, который въ видѣ клина выдавался между Борисѳенесомъ и Гипанисомъ, изливавшимися въ одну и ту же заводь, т. е. въ лиманъ.

которой и въ настоящее время нѣтъ большаго города. При Бугѣ, напротивъ того, Ніоссонъ весьма удобно могъ занимать мѣсто Николаева, а Сарбаконъ — мѣсто Вознесенска; Лейконъ же лежалъ, должно быть, нѣсколько ниже Кривоозера, потому что, по словамъ Птолемея, онъ находился около самаго озера Амадоки и, можетъ быть, даже именемъ своимъ былъ обязанъ этому сосѣдству (*Ducange*, Gl. Gr., *λήνοι*).

Кажется впрочемъ, что еще въ древности Бугъ означался и турецкимъ своимъ именемъ «Аксу» и что поэтому самому Птолемей подъ Аксіацесомъ, *вытекавшимъ изъ Карпатовъ*, разумѣлъ верхнее теченіе Буга, выше устья Кодыми, хотя, по его взгляду, устье Аксіацеса совпадало съ лиманомъ Тилигульскимъ, или, даже вѣрнѣе, съ Березанскимъ, который явно тождественъ съ рѣкою Аспросъ Константина Багрянороднаго и съ Бѣлобережьемъ Нестора и нынѣ еще представляетъ весьма рѣзкіе слѣды непосредственнаго сообщенія съ Бугомъ (ст. *Надеждина*, въ I томѣ Зап. Одесск. Общ. стр. 33, прим. 25).

[34]) De reb. gest. Getarum s. Gothorum, c. V.

[35]) Ravennatis Anonymi et Guidonis Cosmographia. Berol., 1860, стр. 173 и 370 (Poristenida).

[36]) Ibid. стр. 534 (Bomstenida).

Напрасно *Надеждинъ* (стр. 82; стр. 20, пр. 31 и стр. 44), чувствуя всю важность этого свидѣтельства, хочетъ насъ увѣрить, во первыхъ, что, подъ Борисѳенеитами Геродотъ имѣлъ здѣсь въ виду не тѣхъ, которые сами себя называли Ольвіополитами (IV, 18), а Скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые жили выше Гилеи, и которыхъ первые называли Борисѳенеитами; во вторыхъ — что мысъ Гипполаевъ долженъ быть ничто иное, какъ тотъ мысъ, который между лиманами Днѣпровскимъ и Березанскимъ выдается особенно при нынѣшнемъ Очаковѣ. «Здѣсь», восклицаетъ онъ, «насупротивъ другаго мыса, освященнаго воспоминаніями Ахилла, при первой встрѣчѣ отъ моря съ материкомъ, всего приличнѣе было мѣсто святилищу Димитры, Матери-Земли».

Оба эти мнѣнія рѣшительно неосновательны. Что касается Борисѳенеитовъ, то авторъ не могъ не замѣтить, что подъ этимъ именемъ Геродотъ неоднократно (IV, 78, 79) разумѣлъ Ольвіополитянъ, между тѣмъ какъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ всегда называетъ Скиѳами. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что подъ Борисѳенеитами, обитавшими при Гипанисѣ, Геродотъ также разумѣлъ Эллиновъ, а не Скиѳовъ. Но такъ какъ *Надеждину* нужны были «горожане Ольвіи», которые обитали бы при Борисѳенесѣ, Геродотъ же о таковыхъ вовсе не упоминаетъ, то онъ пытается обратить его молчаніе въ свою пользу, замѣчая, что «въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда напримѣръ жители нынѣшняго города Одессы, въ его портофранковой чертѣ, называютъ себя Одесситами. Всякому внимательному путешественнику скорѣе бросится въ глаза, и онъ охотнѣе замѣтитъ то, что жители Татарки, Усатовыхъ Хуторовъ, и даже Дальника, величаются также именемъ Одесситовъ».

Что же касается Гипполаева мыса, то неужели *Надеждинъ* надѣялся, что онъ «здѣсь порѣшилъ со всѣми недоумѣніями», объявивъ, что храму Димитры приличнѣе всего было стоять насупротивъ Кинбурна, или Килибуруна, если бы даже

этотъ мысъ, подобно городу Киліи на Дунаѣ, именемъ своимъ былъ обязанъ герою Иліады [37]).

По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что въ ученомъ мірѣ едва ли найдется компетентный судья, который не согласится съ мнѣніемъ, что Гипполаевъ мысъ могъ соотвѣтствовать одному только мысу Станиславскому, такъ какъ этотъ мысъ по Діону Хрисостому (l. c.) находился насупротивъ Ольвіи, а городъ этотъ лежалъ при Гипанисѣ, хотя и получилъ второе прозвище отъ Борисѳенеса.

Если же «все это», какъ говоритъ *Надеждинъ* (l. c. стр. 43), «и были только толки и догадки, порожденные желаніемъ согласить съ буквою древнихъ текстовъ измѣнившуюся или точнѣе дознанную дѣйствительность», то нельзя не видѣть въ догадкахъ *Надеждина* непониманіе яснаго въ этомъ случаѣ свидѣтельства Геродота. Со стороны человѣка, который взялся объяснить Геродотово описаніе Скиѳіи чрезъ сличеніе его съ мѣстностями, подобная погрѣшность становится гораздо предосудительнѣе, нежели напр. промахъ *Кольстера* (l. c. XII, стр. 616), который не имѣлъ случая видѣть своими глазами развалины Ольвіи и вывелъ изъ словъ Геродота заключеніе, будто бы торжище Борисѳенеитовъ находилось не въ селѣ Порутинѣ, а на противуположной сторонѣ Буга, около Русской косы.

---

[37]) Едва ли *Надеждинъ* имѣлъ въ виду это обстоятельство, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 53, пр. 66), вѣроятно по примѣру барона *Тотта* (Mém. s. l. Turcs et les Tartares, Maestricht, 1785, II, стр. 57), производитъ наименованіе Кинбурна отъ турецкаго Кылъ бурну, «мысъ волосъ». Скорѣе, мнѣ кажется, онъ съ *Кёлеромъ* и *Бларамберіомъ* сюда помѣщаетъ Священную рощу Ахиллеса, о которой говоритъ Страбонъ (VII, 3. 19), хотя послѣдній подъ этимъ мысомъ «безлѣснымъ» вѣроятно разумѣлъ оконечность острова Тендры, превращенную Безъименнымъ въ Священную рощу Гекаты; Птолемей же, который оконечность Тендры называетъ просто Священнымъ мысомъ, подъ рощею Гекаты могъ разумѣть оконечность Кинбурнской косы, или, пожалуй, Очаковъ. Не мѣшаетъ однако припомнить, что въ сосѣдствѣ этого города находится островъ Березань, который часто смѣшивали съ островомъ Ахиллеса, лежащимъ противъ Киліи, или Килліи (Зап. Од. Общ. I, 299), также иногда называемой Ахиллеею (*Sulzer*, Gesch. des transalpinischen Daciens, I, 1, стр. 458) и совпадавшей, быть можетъ, съ городомъ Ахолятра (Воскр. лѣт. 1793, I, стр. 20).

«Но» говоритъ *Надеждинъ* (l. l. стр. 31), «у Геродота не упоминается вовсе никакого города на Гипанисѣ: у него, и у Эллиновъ на Гипанисѣ, и у Эллиновъ на Борисѳенесѣ (?), царитъ одинъ городъ, который назывался Борисѳенесомъ, безъ сомнѣнія оттого что стоялъ при Борисѳенесѣ».

Напротивъ того, какъ уже замѣтилъ *Думшинъ* (l. c. стр. 36), у Геродота ясно опредѣлено мѣстоположеніе древняго города, но отнюдь не на Борисѳенесѣ, потому что онъ говоритъ (IV, 17): начиная отъ торжища Борисѳенеитовъ, которое находится въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, первые живутъ Каллипиды, которые суть Эллины-Скиѳы; выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Они и Каллипиды сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы-оратаи (или пахари, ἀροτῆρες), которые сѣютъ хлѣбъ не (только?) для снѣды, но и на продажу (ἐπὶ πρήσει). Выше ихъ живутъ Невры: отъ Невровъ къ сѣверу, сколько намъ извѣстно, лежитъ земля безплодная. Эти народы живутъ по рѣкѣ Гипанису, къ западу отъ Борисѳенеса

Такимъ образомъ, перечисляя народы, жившіе къ сѣверу отъ торжища Борисѳенеитовъ, Геродотъ идетъ вверхъ по Гипанису, и тѣмъ опредѣлительно указываетъ, что это торжище находилось при южной части рѣки, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ лежала древняя Ольвія.

Убѣдившись въ тождествѣ Гипаниса съ Бугомъ, постараемся отыскать мѣста обитанія различныхъ народовъ, жившихъ по его теченію, приводя здѣсь предварительно то, что Геродотъ самъ говоритъ объ этой рѣкѣ послѣ описанія Истроса и Тиреса, который, по его словамъ (IV, 51), стремится съ сѣвера, получивъ свое начало изъ большаго озера на границѣ между землею Скиѳскою и Неврикою. Сказавъ еще, что при устьѣ Тиреса жили Эллины, онъ продолжаетъ (IV, 52):

Третья рѣка, Гипанисъ, беретъ свое начало въ Скиѳіи, выходя изъ большаго озера, вокругъ котораго пасутся дикіе бѣлые кони. Это озеро по справедливости называется «*ма-*

терью Гипаниса». Выйдя изъ него, Гипанисъ течетъ небольшимъ каналомъ, и на пять дней плаванія воды его сладки, но потомъ, къ морю, на четыре дня, весьма горьки. Причина та, что въ него впадаетъ «*Горькій ключъ*», который такъ горекъ, что портитъ весь Гипанисъ, ποταμὸς ἐν ὀλίγοισι μέγας, т. е. рѣку большую между малыми, какъ эти слова Геродота были поняты многими, въ томъ числѣ *Надеждинымъ*, или же, какъ правильнѣе переводятъ *Летронномъ*[38]) и *Ганзенъ* (l. l. § 66), рѣку, которой по значительности своей равняются немногія. Нужно только допустить согласное съ дѣйствительностью предположеніе г. *Струве*, что эта замѣтка Геродота относится лишь къ четыремъ днямъ плаванія по нижнему теченію Буга, въ противоположность къ пяти днямъ пути, которыя рѣка протекала въ узкомъ руслѣ, или другими словами, что Геродотъ говоритъ не о длинѣ теченія, а о ширинѣ и величественномъ видѣ этой рѣки.

Далѣе Геродотъ говоритъ: находится же этотъ ключъ на предѣлахъ страны Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ, а имя какъ самому ключу, такъ и мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по скиѳски Эксампеосъ, по эллински — Святые пути. У Алазоновъ Тиресъ и Гипанисъ сближаются другъ съ другомъ; но потомъ, расходясь, тотъ и другой оставляютъ между собою широкое пространство.

Въ настоящее время Бугъ судоходенъ только около Александровки, въ 15 верстахъ выше Вознесенска. Дальнѣйшему плаванію вверхъ по рѣкѣ препятствуютъ гранитные острова и подводные камни, составляющіе только верхнюю часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою, и которые образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ.

Но такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ, берега рѣки сближаются къ самому ея теченію (*Шмидтъ*, l. l. стр. 189) и нигдѣ не образуютъ долины, возвышаясь надъ уровнемъ воды

---

[38]) Journal des Savans, 1817, стр. 98: d'une grandeur peu commune.

отъ 40 до 60 сажень, то позволено думать, что въ древности, когда всѣ наши рѣки, безъ сомнѣнія были значительнѣе, чѣмъ нынѣ, судоходство могло производиться и между Александровкою и Ольвіополемъ, по крайней мѣрѣ въ полую воду, особенно если принять во вниманіе, что весною и теперь еще у Ольвіополя горизонтъ Буга поднимается на двѣ сажени, и что разливы его затопляютъ не только камышевыя, но и луговыя плавни въ окрестностяхъ Вознесенска (ibid. 192), между тѣмъ какъ, по *Скальковскому*[39]), многіе изъ камней, лежащихъ въ рѣкѣ, могли свалиться туда въ теченіе вѣковъ отъ прибрежныхъ скалъ.

Вѣроятно графъ *Потоцкій*[40]) имѣлъ въ виду это обстоятельство, когда отыскивалъ Горькій ключъ Геродота въ Синюхѣ, изливающейся въ Бугъ при Ольвіополѣ. Но такъ какъ устье этого ключа отстояло только на четыре дня плаванія отъ моря, то мнѣнію графа я готовъ предпочесть мнѣніе, къ которому склоняется *Неймань* въ сочиненіи столь-же привлекательномъ, какъ и основательномъ, по крайней мѣрѣ въ географической части своей. Авторъ книги «Die Hellenen im Skythenlande» полагаетъ (см. прилож. къ его сочиненію карту), что *Святые пути* Геродота пролегали близь Вознесенска; въ пользу этого мнѣнія онъ могъ бы присовокупить, что Синяя вода именемъ своимъ менѣе припоминаетъ горькій ключъ нежели Мертвоводъ, между тѣмъ какъ послѣдній столь-же мало (по крайней мѣрѣ) годится для питья, какъ и вода Синюхи. Хотя на видъ она хороша, но для питья вредна, порождая лихорадку, (*Шмидтъ*, l. l. 214) вѣроятно по причинѣ спокойнаго стоянія водъ ея, не зыблемыхъ вѣтромъ, отъ которыхъ ихъ защищаютъ возвышенные берега. Но такъ какъ отъ сближенія этихъ береговъ въ полую воду быстрота теченія въ ней бываетъ очень велика, то легко могло статься, что, во времена Геродота, когда устье Мертвовода еще не засорилось окончательно (что случилось только въ 1856 г.), онъ болѣе нынѣшняго сообщалъ вредныя свойства

---

[39]) Опытъ Стат. Опис. Новоросс. края, I, стр. 10 .

[40]) *Potocki*, Voyage dans les steps, ed. Klaproth, II, стр. 158.

свои Бугу и дѣлалъ его воду негодною для питья (IV, 52), по крайней мѣрѣ по вкусу древнихъ Грековъ, которые лучше насъ умѣли отличать хорошую воду отъ дурной.

Разумѣется, что это вредное вліяніе Мертвовода могло быть ощутительно лишь на весьма небольшой части теченія Буга, почему и должно думать, что Геродотъ приписалъ Мертвоводу горечь, которая была слѣдствіемъ морской воды.

Такъ какъ вліяніе ея въ древности едва ли могло простираться до Синюхи, то мы имѣемъ новое доказательство, что устье горькаго ключа не могло находиться такъ высоко. Это подтверждается также приведенною выше замѣткою Геродота, что Гипанисъ уже послѣ соединенія съ горькимъ ключемъ принялъ видъ значительной рѣки. Таковою Бугъ становится дѣйствительно только ниже пороговъ.

Сказанная близость другъ къ другу береговъ Мертвовода объясняетъ еще, почему эта рѣка могла казаться Геродоту маленькимъ ключемъ: Хотя Мертвоводъ имѣетъ протяженія до 200 верстъ, но чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ источниковъ, тѣмъ болѣе врѣзывается въ берега, обнажаетъ гранитъ, представляющійся въ видѣ отвѣсно-стоящихъ скалъ, стѣсняющихъ его русло какъ бы въ трубу, въ одну сажень шириною. Подобные скалистые берега въ послѣдній разъ встрѣчаются на Мертвоводѣ въ 7 верстахъ выше Вознесенска, образуя узкое и до того извилистое ущелье, что по немъ съ трудомъ можетъ пройти челнокъ (*Шмидтъ*, l. c.).

Безъ сомнѣнія, все это еще не доказываетъ тождества этой рѣки съ горькимъ ключемъ Геродота, но зато можно сказать утвердительно, что ключъ этотъ могъ находиться только на лѣвой сторонѣ Буга. Геродотъ, лично посѣтившій эту мѣстность, помѣщаетъ ее между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ.

По этому то Скиѳы-пахари, равно какъ и Алазоны, между жилищами которыхъ протекалъ горькій ключъ (IV, 52, ср. 81), должны были жить, по крайней мѣрѣ отчасти, на лѣвой сторонѣ Буга, по теченію котораго первые обитали выше послѣднихъ. Еще выше, уже внѣ Скиѳіи, жили Невры, по край-

ней мѣрѣ до Днѣстра, такъ какъ онъ вытекалъ изъ озера, отдѣлявшаго Скиѳію отъ Невріки, которую жители, за одно только поколѣніе до похода Дарія, принуждены были покинуть вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія змѣй (105), хотя за тѣмъ, какъ видно изъ описанія того же похода, снова возвратились на прежнюю свою родину.

Если гдѣ-либо въ нашихъ степяхъ до такой степени могли расплодиться змѣи, то безъ сомнѣнія въ долинѣ Днѣстра ниже Дубоссаръ, вслѣдствіе разлитія рѣки, затопляющей сады, виноградники, огороды и луга, сливающейся съ Кучургапомъ и представляющей водное пространство отъ 6 до 10 верстъ шириною, которое сливается съ лиманомъ и образуетъ обширное сѣверное продолженіе его, верстъ на тридцать далѣе обыкновенныхъ его береговъ (*Шмидтъ*, 203).

Сознаюсь впрочемъ, что я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ именно Геродотъ разумѣлъ подъ озеромъ, изъ котораго вытекалъ Тирсъ.

Подобнымъ образомъ не отрицаю, что озеро, названное «матерью Гипаниса», могло существовать въ одномъ только воображеніи Геродота или его понтійскихъ соотечественниковъ.

Если же, на оборотъ, это озеро, вокругъ котораго паслись бѣлые кони, находилось въ Скиѳіи, то я готовъ отыскивать слѣды его въ нынѣшней Кодыми, впадающей въ Бугъ нѣсколько верстъ выше устья Синюхи, но съ правой стороны, и рѣзко отличающейся отъ прочихъ степныхъ рѣкъ Новороссійскаго края обиліемъ водъ и песчанистымъ свойствомъ своей долины (*Шмидтъ*, 161).

Рѣку эту, вытекающую изъ Ольгопольскаго уѣзда выше Балты, съ обѣихъ сторонъ облегаютъ высокія горы, которыя иногда раздвигаются и образуютъ долину до одной версты ширины, а во многихъ мѣстахъ и болѣе. Долина эта не похожа на долины рѣкъ лиманнаго образованія. Проходящія между Бугомъ и Днѣстромъ горы идутъ не параллельно между собою, но сближаются и удаляются, образуютъ скаты и разнаго рода паденія и весьма разнообразны. Въ началѣ впрочемъ, по границѣ

Херсонской губерніи, Кодымь протекаетъ въ довольно сжатой долинѣ, ниже села Ясенова течетъ мелкимъ ручьемъ и вскорѣ совершенно теряется въ «камышеватыхъ болотахъ» и луговинахъ, потомъ опять является маленькимъ ручейкомъ и снова исчезаетъ. Отъ села Криваго-озера до села Кумарова она течетъ въ довольно широкомъ ложѣ, у послѣдняго селенія опять совершенно исчезаетъ въ «болотистой» долинѣ, поросшей лѣсомъ, и отъ села Кодымки течетъ уже непрерывною рѣкою до Буга, въ который впадаетъ двумя устьями, образующими лѣсистый островъ. Въ обыкновенное время Кодымь не имѣетъ вовсе теченія и испорченная вода ея не бываетъ годна для употребленія. Въ полую же воду Кодымь широко разливается и тогда переѣздъ чрезъ нее бываетъ затруднителенъ, не столько отъ высоты воды сколько отъ грязи. Вся долина чрезвычайно живописна: начиная отъ Балты почти до самаго устья она усѣяна непрерывнымъ рядомъ обширныхъ деревень и мѣстечекъ, разбросанныхъ вдоль скатовъ волнообразныхъ и высокихъ горъ, что, вмѣстѣ съ небольшими садами и рощами, находящимися въ долинѣ, составляетъ живописный малороссійскій пейзажъ.

Долина Кодыми во многихъ мѣстахъ представляетъ довольно обширныя пространства песку, на которомъ растетъ лѣсъ, иногда большими рощами. Пространство этихъ песчаныхъ низменностей вдоль праваго берега Кодыми, въ Херсонской губерніи, составляетъ до семнадцати квадратныхъ верстъ (*Шмидтъ*, 219).

Неудивительно было бы, если бы въ древности дикіе кони водились по берегамъ этой рѣки, такъ какъ еще не очень давно они встрѣчались въ другихъ частяхъ Херсонской губерніи, хотя уже не бѣлаго, но мышеватаго цвѣта.

Послѣ всего сказаннаго нами объ особенностяхъ долины Кодыми, нельзя также считать слишкомъ натянутымъ предположеніе, что въ древности, когда всѣ наши водохранилища были обильнѣе нынѣшняго, она соотвѣтствовала «матери Гипаниса», особенно если принять во вниманіе, что это положеніе подкрѣпляется наименованіями населенныхъ мѣстъ, лежа-

щихъ въ долинѣ Кодыми. Таково мѣстечко Палеозеро, которое *Тунманомъ*[41]) помѣщено насупротивъ Балты, но вѣроятно совпадало съ нынѣшнимъ селомъ Криво-озеромъ, лежащимъ выше по рѣкѣ[42]). Сюда наконецъ можно отнести имена слѣдующихъ селъ и урочищъ: Перелиты, Ясеново, Бобрикъ, Сырово и др.

Въ пользу мнѣнія, что долина рѣки, заключающаяся между Балтою и Палеозеромъ или Кривоозеромъ, соотвѣтствовала озеру изъ котораго вытекалъ Гипанисъ, можетъ служить еще то, что разстояніе между послѣднимъ селеніемъ и Вознесенскомъ немногимъ только превышаетъ разстояніе на которое городъ этотъ отстоитъ отъ устья Бугскаго лимана. Такимъ образомъ оказывается, что разстояніе, отдѣляющее Криво-озеро отъ Вознесенска, равнялось бы тѣмъ пяти днямъ плаванія, которое Геродотъ полагаетъ между Горькимъ ключемъ и истокомъ Гипаниса. Разумѣется, что, въ этомъ случаѣ, слѣдовало бы также допустить, что Бугъ собственно, выше впаденія въ него Кодыми, остался неизвѣстнымъ Геродоту; этому не противурѣчила бы его замѣтка, что все теченіе Гипаниса не превышало девяти дней плаванія.

Что Геродотъ дѣйствительно принялъ нижнюю часть Кодыми за верхнюю часть Гипаниса, можно также заключить изъ того, что рѣка эта съ Тирасомъ сначало близко сходилась, между тѣмъ какъ Балта отстоитъ отъ Днѣстра верстъ на сорокъ, и что по преданію, съ нимъ была соединена въ старину водянымъ путемъ, — быть можетъ посредствомъ Ягорлыка, берущаго свое начало близь верховьевъ Кодыми, или посредствомъ Рыбницы, которая подходитъ къ ней еще ближе.

Достовѣрно только то, что Гипанисъ сходился съ Тирасомъ въ землѣ Алазоновъ, которые слѣдовательно жили не только на лѣвомъ берегу Буга, но и на правомъ, по крайней мѣрѣ

---

[41]) *Büsching*, Gr. Erdbeschreib. Troppau, 1784, IV, стр. 387.

[42]) *Lotter*, Carte géogr. représentant le théatre de la guerre entre les Russes, les Turcs etc., Augsbourg (безъ означенія года).

до Днѣстра, при устьѣ котораго, какъ уже было замѣчено выше, жили эллинскіе Тириты. Вѣроятно имъ-то принадлежалъ древній городъ Офіуса, занимавшій, какъ видно изъ показанія Страбона, (VII, 3 § 16), мѣсто нынѣшняго Аккермана и признанный тождественнымъ съ городомъ Тирасомъ другихъ авторовъ.

Между Тиритами и Ольвіополитами обитали Каллипиды; по этому-то Геродотъ и могъ сказать, что они были смѣсью Грековъ съ Скиѳами. По всей вѣроятности они были тождественны съ Карпидами, жившими, по словамъ Эфора, между Истросомъ и Борисѳенесомъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (fr. 102), у котораго это извѣстіе заимствовалъ, въ свою очередь, безъименный авторъ перипла Понта Евксинскаго (ed. Gail, стр. 208). Такимъ образомъ они занимали страну, которую Страбонъ (VIII, 3 § 14) назвалъ Пустынею Гетовъ, и въ составъ которой входилъ большой островъ Тирагетовъ, упомянутый Плиніемъ (IV, 26), отыскиваемый г. *Беккеромъ* въ плавняхъ Днѣстровскихъ между Паланкою и Маяками и соотвѣтствовавшій, по моему мнѣнію, полуострову, образуемому Кучурганомъ и Днѣстромъ, при которомъ тутъ, возлѣ села Коротнаго, лѣтъ тридцать тому назадъ, была найдена греко-латинская надпись, заслуживающая особенное вниманіе изслѣдователей римскаго права и вызывающая любителей археологіи къ раскопкѣ большаго кургана, стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ была найдена надпись (см. выше, I, стр. 3—13).

Во времена Геродота Геты еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная. Поэтому кажется, что жилища Алазоновъ и Каллипидовъ простиралась не только до Тираса, но находились также между этою рѣкою и Истросомъ, который пятью устьями изливался въ море въ недальнемъ растояніи отъ города Истріянъ (II, 33).

Протекая отъ запада къ востоку (IV, 48), Истросъ принималъ въ Скиѳіи пять рѣкъ, изъ которыхъ первую, самую восточную, Геродотъ называетъ Пиретосъ, хотя и прибавляетъ,

что Скиѳы рѣку эту называли Пората; другая, именуемая Тіарантосъ, протекала болѣе къ западу и уступала ей въ величинѣ. Остальныя, называемыя Арарось, Напарисъ и Ордиссосъ, протекая между ними, подобно имъ, изливались въ Истросъ.

Касательно Пиретоса, или Пораты, всѣ почти толкователи Геродота согласны въ томъ, что онъ подъ нею не могъ разумѣть никакой другой рѣки, кромѣ Прута. Но зато ученые болѣе или менѣе расходятся въ мнѣніяхъ при опредѣленіи прочихъ притоковъ Истроса, смотря потому, на сколько они хотѣли раздвинуть западную границу Скиѳіи, чтобы объяснить одно изъ самыхъ затѣйливыхъ мѣстъ въ четвертой книгѣ Геродота, а именно, что Скиѳія образовывала родъ четыреугольника, стороны котораго имѣли одинаковое протяженіе.

Предоставляя себѣ возстановить ниже этотъ четыреугольникъ въ видѣ по возможности правильномъ и стараясь здѣсь только сличить съ дѣйствительностью то, что Геродотъ говоритъ о Тіарантосѣ, я не могу не согласиться съ тѣми учеными, которые приняли эту рѣку за Алуту [43]).

Въ самомъ дѣлѣ Алута течетъ на западъ отъ Прута, и сначала даже направляется къ западу, чего впрочемъ Геродотъ не имѣлъ въ виду, хотя и говоритъ, что Тіарантосъ протекалъ πρὸς ἑσπέρης τε μᾶλλον [44]). Такъ какъ Истросъ, по его словамъ, входя въ Скиѳію, направлялъ свое теченіе къ востоку, то онъ не могъ тамъ же принимать рѣку, которая стремилась бы преимущественно отъ востока къ западу. Затѣмъ Алута, подобно Тіарантосу, меньше Прута; наконецъ между ними протекаютъ три рѣки, мало уступающія имъ въ величинѣ, а именно: Серетъ, Яломица и Арджисъ.

Такимъ образомъ остается только рѣшить вопросъ: какой изъ этихъ трехъ рѣкъ соотвѣтствовала каждая изъ тѣхъ, которыя Геродотъ припоминаетъ между Тіарантосомъ и Поратою.

---

[43]) *Байеръ*, Кратк. опис. Коммент. Академіи наукъ, 148, 149; *d'Anville*, Mém. de l'Acad. des Inscriptions XXVIII, стр. 161; *Niebuhr*, Kl. hist. Schriften, I, стр. 365; *Baehr*, l. l. стр. 397 и слѣд.

[44]) Ср. мнѣніе *Шведнейзера*, въ прив. трудѣ *Бера* стр. 398.

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать съ г. *Думиницымъ*[45]), что Геродотъ необходимо долженъ былъ помѣстить ихъ отъ востока къ западу, сообразно съ общимъ положеніемъ всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Истръ, а не на оборотъ, какъ полагалъ *Маннертъ*[46]). Въ послѣднемъ случаѣ ему нечего было дѣлать такіе скачки: сначала отъ востока къ западу (Пората, Тіарантосъ); потомъ отъ запада къ востоку (Арарось, Напарисъ, Ордиссосъ); наконецъ снова на западъ (Марисъ, Атласъ и другія), когда онъ могъ гораздо проще держаться одного и того-же направленія.

Итакъ Арарось совпадалъ съ Серетомъ, Напарисъ съ Яломицою и Ордиссосъ съ Арджисомъ: въ имени послѣдняго даже слышится древнее названіе его, между тѣмъ какъ Арарось могъ быть превращенъ Птолемеемъ (III, 10) въ Іерасосъ, который скорѣе соотвѣтствовалъ Серету, нежели Пруту, такъ какъ при его устьѣ Дунай круто поворачиваетъ къ востоку. Такимъ образомъ городъ Диногетію, лежавшій, по Птолемею, при впаденіи Іерасоса въ Дунай, пришлось бы искать не при Рени на Прутѣ, а нѣсколько къ западу отъ Галаца, на восточномъ берегу Серета, гдѣ сохранились развалины[47]).

Протекавшая къ западу отъ Тіарантоса рѣка Марисъ, подъ которой Геродотъ явно разумѣлъ Марошъ и Тиссу, отъ принятія ею перваго, находилась уже внѣ Скиѳіи въ землѣ Агаѳирсовъ, жилища которыхъ граничили къ С. В. съ Невріею.

Одинъ только *Линднеръ* (l. l. стр. 138) предполагалъ тождество Мариса съ Алутою, а *Надеждинъ* объявилъ это предположеніе фактомъ, не подлежащимъ уже никакому сомнѣнію, единственно на томъ основаніи, что Геродотъ (IV, 104) называетъ Агаѳирсовъ народомъ «золотоноснымъ» и что по этому-то протекавшій по ихъ странѣ Марисъ долженствовалъ быть ничто иное, какъ нынѣшняя «золотоносная Ольтъ или Алута»,

---

[45]) О рѣкахъ Скиѳіи, по Геродоту, стр. 17.

[46]) Geogr. der Griechen und Römmer, IV, стр. 105.

[47]) *Ukert*, Geogr. d. Griechen und Römer, III, 2, стр. 62[illegible]

берущая свое начало въ ущельяхъ Карпатскихъ горъ, не вдалекѣ отъ источниковъ Мароша.

Такъ какъ эта послѣдняя рѣка еще болѣе Алуты заслуживаетъ эпитетъ «золотоносной рѣки», то и нѣтъ надобности удалять Агаѳирсовъ изъ Трансильваніи, или Эрдиліи, еслибы даже между именемъ ихъ, напоминающимъ *Мюлленгофу*[48]) позднѣйшихъ Акацировъ, и турецкимъ словомъ агачеры, т. е. лѣсные жители, не было ничего общаго, кромѣ случайнаго созвучія.

Имя Агаѳирсовъ было передано Геродоту безъ сомнѣнія Скиѳами: послѣдніе же могли называть своихъ сосѣдей Агачерами въ такомъ развѣ случаѣ, когда сами были тюркскаго племени. Но это весьма сомнительно, не смотря на новые доводы, которые недавно въ пользу этого мнѣнія, высказаннаго уже другими, были представлены г. *Хвольсономъ*[49]) на основаніи турецкихъ именъ на еврейскихъ эпитафіяхъ, открытыхъ въ Чуфутъ-кале и въ другихъ пунктахъ Крыма и относимыхъ имъ къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

Предполагая, что Скиѳы обитали тогда еще въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ Геродотъ, г. *Хвольсонъ* увѣренъ, что приведенныя имена были заимствованы крымскими Евреями у нихъ, или же у Тавровъ. Но дѣло въ томъ, что еще въ IV или по крайней мѣрѣ въ III вѣкѣ до Р. Х. вмѣсто Скиѳовъ, въ Новороссійскомъ краѣ господствовали Сарматы; иранское происхожденіе послѣднихъ, еслибы оно даже не было признано всѣми изслѣдователями, явствуетъ уже изъ именъ на памятникахъ найденныхъ въ Ольвіи, равно какъ и въ разныхъ мѣстахъ Таврическаго полуострова и принадлежащихъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, къ той самой эпохѣ, къ которой г. *Хвольсонъ* относитъ объясненныя имъ надгробныя надписи.

---

[48]) Ueber die Sarmaten des Ptolemäus, въ Mon.-Berichte der Berl. Akad der Wiss. Januar, 1866, стр. 11.

[49]) Achtzehn hebr. Grabschr., въ Mém. de l'Acad. de St. Pét. Série VII-e, т. XI, № 7.

Поэтому турецкія имена, которыя на нихъ встрѣчаются, заставляютъ насъ только усомниться въ правильномъ опредѣленіи времени, на нихъ отмѣченномъ, но отнюдь ничего не доказываютъ въ пользу турецкаго происхожденія Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Вообще вопросъ о народности сихъ послѣднихъ сопряженъ съ бо́льшими трудностями, чѣмъ объясненіе хорографическихъ и топографическихъ извѣстій, переданныхъ намъ древними авторами о ихъ отечествѣ.

На этомъ поприщѣ мы можемъ постоянно сличать ихъ воззрѣнія съ дѣйствительностью, такъ какъ характеръ здѣшняго края, въ главныхъ чертахъ своихъ, не измѣнился. Напротивъ того мы въ немъ уже не встрѣчаемъ потомковъ древнихъ Скиѳовъ, и не только не знаемъ, куда они дѣвались, но и не можемъ даже сказать утвердительно, какіе именно изъ памятниковъ, донынѣ открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, въ нѣдрахъ земли и надъ нею, должны быть отнесены къ нимъ, а не къ сосѣдямъ ихъ или другимъ народамъ, попеременно гостившимъ въ нашихъ степяхъ послѣ нихъ, или даже ихъ опередившимъ. Такъ напр. невѣроятно, чтобы въ степяхъ совершенно исчезли памятники, воздвигнутые или оставленные внутри земли Киммеріянами, которые прежде Скиѳовъ владѣли сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, гдѣ слѣды ихъ пребыванія были еще замѣтны во времена Геродота и даже — Страбона.

По примѣру знаменитаго *Тьерри*, профессоръ оксфордскаго университета *Раулинсонъ*, въ особомъ прибавленіи къ своему переводу Геродота (III, стр. 150—156), старался доказать тождество этого народа не только съ позднѣйшими Кимбрами, громившими римскія владѣнія, но и съ кельтскими Кимрами (Cymry), нынѣшними обитателями Уэльса.

Правда г. *Георгіевскій* (Галлы въ эпоху К. Ю. Цез. 1865, стр. 46) увѣряетъ, что ему удалось не только поколебать, но и совершенно сокрушить этнографическое зданіе *Тьерри*, доказывая: 1) что Кимбры или Кимвры принадлежали не къ кельтскому, а къ германскому племени, и 2) что Киммеріяне

также были не Галлы, а народъ Ѳракійскаго племени, потому что, по Страбону (I, 3, 21 и XIV, 1, 40), къ нимъ принадлежали Триры, послѣдніе же, по словамъ Ѳукидида (II, 96), были народомъ Ѳракіи.

Впрочемъ г. *Георгіевскій* (стр. 47) самъ даетъ намъ поводъ думать, что зданіе, воздвигнутое приведенными учеными, не рушилось совершенно, допуская, что, кромѣ нѣмецкихъ Кимбровъ, въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, были и кельтскіе, и соглашаясь на ихъ счетъ съ слѣдующимъ мнѣніемъ *Дункера* (Orig. Germ. I, стр. 95—99): «еще задолго до подвиговъ Кимбровъ и Тевтоновъ, надѣлавшихъ столько шума въ римскомъ и греческомъ мірѣ, греческіе писатели (Клитархъ въ IV и грамматикъ Филемонъ въ III вѣкѣ) упоминаютъ о Кимбрахъ на берегу Океана, всадники которыхъ едва успѣли спастить отъ наводненія (по разсказу 1-го, ср. Strab. VII, 2, 1) и которые (по свидѣтельству 2-го) называли Балтійское море «Morimarusa» (Мертвое море) до мыса Rubeas, и Cronium (Запруженное) далѣе его (Plin. H. N. IV, 13), а эти слова скорѣе всего могутъ принадлежать именно Кимрскому языку (см. Diefenbach, Orig. Eur. p. 387—389). Точно такого-же мнѣнія держится *Нильсонъ* (Die Ureinw. d. Scand. Nord. нѣм. пер. стр. 114); онъ еще производитъ названіе мыса Рубеасъ отъ уэльскаго «Rhybyz», знакъ, и также говоритъ о наводненіи, которое началось у восточнаго берега Балтійскаго моря и изгнало обитавшихъ при немъ кельтскихъ Кимбровъ. Хотя въ геологической части своего труда, мнѣ недоступной, г. *Нильсонъ* и доказываетъ, что сказанная катастрофа случилась около 200 лѣтъ послѣ мореплавателя Пиѳея, тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что это было то самое событіе, о которомъ извѣстія дошли до Клитарха.

Такъ какъ въ его время кельтскіе Кимбры обозначали Балтійское море именемъ Мертваго или «Ледовитаго» (Nilsson, l. c.), то вѣроятно они добрались до него не съ сѣвера, а съ юга, а именно съ тѣхъ мѣстъ, откуда Киммеріяне были изгнаны Скиѳами.

Ничто не помѣшало бы намъ вѣрить Плутарху (Mar. XII) и другимъ древнимъ авторамъ, что эти Кимбры были даже потомками самихъ Киммеріянъ, если бы только мы могли устранить приведенное свидѣтельство Страбона о тождествѣ послѣднихъ съ Ѳракійскими Трирами. Разъясненіе этого вопроса повело бы бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что *Раулинсонъ* (I, 298), кажется справедливо доказываетъ, что Киммеріяне не были Ѳракіяне, хотя неоднократно вмѣстѣ съ сосѣдственными имъ Трирами нападали на Малую Азію. Поэтому насъ не удивляетъ, какимъ образомъ Страбонъ (XI, 2 § 4) могъ назвать «кимбрскимъ» мѣстечко, которое у другихъ называется киммерійскимъ. Отъ него мы узнаемъ также, что это мѣстечко было построено однимъ изъ царей воспорскихъ и находилось въ недальнемъ растояніи отъ рѣки Корокондаме и жилищъ Аспургіяновъ [50]), народность коихъ еще не разга-

---

[50]) Аспургіяне напоминаютъ нынѣшнюю деревню Асбургъ, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, близъ Везеля, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находился городъ Асцибургіумъ, основанный Улиссомъ, какъ говоритъ преданіе, сообщаемое Тацитомъ (H. IV, 3 и G. 3). Во времена Птолемея, имя этого города, лежавшаго въ Бельгійской Галліи, перешло на часть Герминійскаго лѣса; около этого Ἀσκιβούργιον (т. е. ὄρος) жили *Корконтоі* точно такъ, какъ Аспургіяне жили по близости отъ Корокондамы. Во всякомъ случаѣ *Гримму* (Gesch. der deutschen Sprache, 2-е изд., ч. I, стр. 534) не слѣдовало отождествлять ихъ съ Азами, упоминаемыми въ Эддѣ. Графъ *Потоцкій* также ошибся, отыскивая слѣды «ихъ города» въ Куркѣ, лежащей на Таманскомъ полуостровѣ, среди болота, въ которомъ лошади понесли его, закусивъ удила, потому что подъ ноги ихъ забился огромный карпъ (Voyage dans les steps etc. II, 240). Уже это приключеніе позволяетъ догадываться, что тамошніе жители преимущественно занимаются рыбною ловлею, которая, какъ намъ положительно извѣстно, въ этихъ мѣстахъ всегда производилась въ огромныхъ размѣрахъ.

Между различными родами водившихся тутъ рыбъ, преобладаютъ осетры (Nouv. journ. Asiat. 8 I, 298) или антакеи, какъ Геродотъ называетъ Борисѳенскихъ осетровъ. Безъ сомнѣнія, въ его время они водились также въ Бугѣ, въ которомъ они и теперь еще встрѣчаются въ большомъ количествѣ и который своимъ древнимъ названіемъ вѣроятно обязанъ былъ Кубани или Гипанису, точно такъ какъ Пантикапесъ получилъ свое имя отъ переселенцевъ, прибывшихъ изъ Пантикапеи, метрополіи милетскихъ колоній въ Воспорѣ (Amm. Marc. XXII, 8), орошаемыхъ рукавомъ этого Гипаниса. Поэтому неудивительно, что въ древности эта рѣка получила названіе Антикитей

дана. Впрочемъ на картѣ Пеутингерской мы встрѣчаемъ возлѣ ихъ имени приписку Tanais Galatie; въ этихъ же мѣстахъ могли обитать и Кимбры (Галаты) Діодора (V, 32; ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 301).

Если же допустить, что Киммеріяне донынѣ могли удержаться въ горахъ Уэльса, то нельзя не признать правдоподобнымъ мнѣніе *Гаттерера* и другихъ изслѣдователей, что Тавры, которыхъ Геродотъ рѣзко отличаетъ отъ Скиѳовъ, были именно Киммеріяне, удержавшіеся въ горной части Крыма по

са, подъ которымъ ее упоминаетъ *Страбонъ* (XI, 2, § 9). Можетъ быть подобному же обстоятельству обязана своимъ именемъ и Коронондама, сообщившая свое названіе большому озеру, въ которое впадалъ Антикитесъ. Въ такомъ случаѣ я готовъ признать за именемъ ея кельтское происхожденіе и произвести его или отъ слова «corroco» (иначе corrocho, carrhoco), которое встрѣчается только у Авзонія (Epist. V, 60) и принимается за древнее галльское имя осетра, называемаго Бордосцами и теперь еще «creac», или отъ слова «corujo», означающаго на языкѣ испанскихъ Галиційцевъ камбалу (Diefenbach, Or. Eur. 302). Названіе это явно искаженіе турецкаго «калканъ-балыкъ» щитъ рыба, которую Ѳеофанъ имѣлъ въ виду подъ «ксистомъ», ловля котораго производилась въ устьѣ Кубани, подобно тому какъ онъ подъ «мурзулиномъ» разумѣлъ осетра искаженіемъ турецкаго его названія «мерзинъ-балыкъ».

Что касается до послѣднихъ слоговъ имени Коронондамы, напоминающихъ намъ Темзу и древній городъ Дамасію въ Норикѣ, то они могли сохраниться въ названіи Тамани, которая, по словамъ *Дюбуа* (Voyage, V, p. 82—90), лежитъ на мѣстѣ древней Коронондамы, переиначенной Русскими въ Тмуторакань, Византійцами въ Таматарху, арабскими географами въ Матраху, а на картахъ XIV вѣка въ Матригу.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили Аспургіяне, находились также Птолемеевы Астурикане (V, 8), жившіе близъ Тарамбы, имя которой столько же отзывается галльскимъ происхожденіемъ (ср. Diefenbach, I. l. p. 432, 226 и слѣд.), сколько и рѣка Варданъ, протекавшая мимо нея и совпадавшая съ рѣкою Укрухъ, при которой, по Константину Багрянородному, лежалъ соименный ей городъ, тождественный съ городомъ Джаракъ Абульфеды.

Имя Варданъ напоминаетъ намъ рѣку Варшанъ, въ письмѣ хазарскаго царя къ министру Абдеръ-Рахмана III. По крайней мѣрѣ я не понимаю, на какомъ основаніи г. *Хвольсонъ* (Журн. Мин. Нар. Прос. Декабрь 1868, стр. 688) счелъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что подъ этою рѣкою «Царь могъ разумѣть *только* рѣки Донъ или Уралъ». Почему же не могъ онъ говорить о Кумѣ, о Терекѣ или даже о Кубани? Отождествляя *царскихъ* Скиѳовъ Геродота съ позднѣйшими Барзиліями, г. *Хвольсонъ* едва ли не допустить сродства именъ Варданъ и Варшанъ.

изгнаніи Скиѳами ихъ братьевъ изъ прочихъ частей нашего края. Правда, подобное заключеніе нельзя выводить прямо изъ словъ Геродота, но зато онъ свидѣтельствуетъ, что въ его время слѣды господства Киммеріянъ сохранились особенно въ окрестностяхъ «Таврики». Въ этой мѣстности имъ представлялось больше возможности противустоять напору Скиѳовъ, чѣмъ ихъ соотечественникамъ, которымъ менѣе благопріятствовали мѣстныя особенности ихъ жилищъ.

По крайней мѣрѣ въ исторіи мы рѣдко встрѣтимъ примѣръ, чтобы народъ, вытѣсненный непріятелемъ изъ низменныхъ частей своего отечества, не удержался въ его верхнихъ частяхъ, т. е. въ горахъ.

Наконецъ самое даже имя Тавровъ слышится въ именахъ «Teuristae» и «Tauriscі», которыхъ Посидоній (Fr. 75) называетъ Галлами, равно какъ и — въ имени города «Tauroeis», или «Tauroentium», города кельтскаго по Стефану Византійскому. Въ имени Таврики отзывается также, не по одному только подобозвучію, кельтское слово «Tauern», которымъ и теперь еще онѣмеченные жители древняго Норикума обозначаютъ гористый край.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о тождествѣ Киммеровъ и Киммеріянъ не мѣшало бы сличить такъ называемые «Celtic monuments» съ могильными памятниками, встрѣчающимися въ большомъ числѣ на южномъ берегу Крыма, равно какъ самые черепа и разнаго рода древности, уже найденныя, или которыя еще могутъ быть открыты, съ подобными предметами, хранящимися въ музеяхъ Соединенныхъ-Королевствъ.

По крайней мѣрѣ тогда объяснилась бы причина поразительнаго сходства между кельтскими «дольменами», или каменными столами и нашими крымскими «гробницами», которыя покойный *Фабрэ* ошибочно назвалъ жертвенниками, какъ показалъ г. *Чекалевз* (Зап. Одесс. Общ. VI, 516). Замѣчу кстати, что г. *Кондараки*, сообщая Одесскому Обществу Исторіи и Древностей извѣстія объ этихъ-же памятникахъ, говоритъ между прочимъ, что возлѣ деревни Скели, недалеко отъ про-

хода чрезъ Яйлу, извѣстнаго у Татаръ подъ именемъ Шайтанъ-мердевенъ (Чортова лѣстница), онъ замѣтилъ два громадныхъ камня, поставленныхъ стойма и издали имѣющихъ подобіе истукановъ.

Описывая два подобныхъ камня, видѣнныхъ имъ въ Швеціи на разстояніи 6 футовъ одинъ отъ другаго, и имѣющій каждый около 15 футовъ высоты, г. *Нильсонъ* (l. c. Nachtrag, p. 96), думаетъ, по разнымъ признакамъ, что они нѣкогда были связаны плитою, надъ ними лежавшею.

Еслибы тоже самое можно было сказать о столбахъ, видѣнныхъ г. *Кондараки*, то ихъ можно бы было сравнивать съ т. н. pierres levées, или каменными воротами изъ двухъ столбовъ съ такой-же перекладиной, часто встрѣчающимися въ Бретани (*Георгіевскій*, l. c. стр. 198), нынѣ еще населенной Кимрами.

Если допустить сродство народовъ, оставившихъ послѣ себя приведенные памятники, то я указалъ бы на нѣкоторые пункты Тавриды, имена которыхъ могли быть кельтскія, напр. на Ѳеодосію, которая, по Безъименному, на языкѣ Тавровъ или Алановъ, называлась «Ардабда» или «Ardavda», и на мысъ Кріуметопонъ, который, по Псевдо-Плутарху (De fluv. p. 28, ed. Huds.), названъ такъ Греками, переводившими туземное его названіе «Бриксаба» (ср. Diefenbach, Or. Eur. стр. 92: «ein vorskythisches Wort»).

Доказывая, что имя Ардабда происхожденія арійскаго, г. *Мюлленгофъ* (Ueber d. Herkunft u. Sprache d. pont. Scythen u. Sarm., въ Mon.-Ber. d. Ac. zu Berlin, VIII, 1866) видитъ въ немъ «скиѳское» названіе города, на томъ основаніи, что, по словамъ авторовъ перипловъ, Ѳеодосія не лежала въ области Тавровъ, и что во времена Геродота царскіе Скиѳы владѣли восточною частью полуострова. Но изъ того, что онъ говоритъ о южной границѣ Скиѳіи, явствуетъ также, что Тавры тогда еще жили на всемъ южномъ берегу до рва, слѣды котораго, подобно развалинамъ города Киммерикона, нынѣ еще замѣтны у подошвы горы Опукъ, къ востоку отъ Ѳеодосіи.

Не сомнѣваясь, подобно академику берлинскому, что Скиѳы были Арійцы, г. *Бергманъ* (Les Scythes, etc. 2-е изд. стр. IX) хочетъ насъ увѣрить, что слово «vriskava» есть *скиѳскій* переводъ киммерійскаго слова. Между тѣмъ ничто не мѣшало ему приписать его прямо Киммеріянамъ, такъ какъ въ нихъ онъ также признаетъ Индо-Германцевъ; мысъ же Кріуметопонъ находился не въ Скиѳіи, а въ странѣ, гдѣ не могли не удержаться Киммеріяне, даже послѣ временъ Геродота, и которая нынѣ еще называется, быть можетъ (см. выше), кельтскимъ именемъ своимъ [51]).

Поэтому я спросилъ бы знатоковъ этого языка, нельзя ли при помощи его объяснить и значеніе другихъ именъ, присвоенныхъ древними разнымъ мѣстностямъ Тавриды, какъ то Плиніевой: Taurorum civitas Placia; его же civitas Parasinum in Taurorum peninsula и тамошняго холма Librosus, или упомянутыхъ Птолемеемъ мыса Corax, городовъ Boeon, Argoda, Lagyra и рѣки Istrianus (ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 302).

Что же касается Скиѳовъ, то упомянутая выше неопредѣленность вещественныхъ памятниковъ, имъ приписанныхъ, не помѣшала бы намъ выйти изъ недоумѣнія касательно ихъ народности, если бы только намъ хорошо былъ извѣстенъ языкъ, которымъ они говорили. Къ сожалѣнію Геродотъ и другіе авторы передали намъ лишь небольшое число скиѳскихъ словъ, и то въ столь искаженномъ видѣ, что они могли служить средствомъ для защищенія мнѣній, діаметрально противуположныхъ другъ другу.

Такъ напр. *Карлъ Фридрихъ Нейманъ*, въ увѣнчанномъ парижскою академіею сочиненіи (Die Voelker d. südl. Russl.

---

[51]) Такъ какъ Киммеріяне изгнаны были изъ Тавриды Скиѳами, которыхъ *Исседоны* (IV, 13) или *Эсседоны* (Mela, Plinius и др.) въ свою очередь вытѣснили изъ древней ихъ родины, то мнѣніе о киммерійскомъ происхожденіи Галловъ могло бы быть согласно съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у послѣднихъ особый родъ повозокъ назывался esseda или essedum (Diefenbach l. l. p. 338).

2 изд. стр. 12) приводитъ разныя изъ этихъ словъ для подтвержденія своего мнѣнія, что Скалоты (Скиѳы) говорили по турецки.

Въ свою очередь *Карлъ Нейманъ* въ извѣстномъ трудѣ своемъ (Die Hellenen im Skythenlande, стр. 194 и др.), при помощи тѣхъ же словъ, пытается подкрѣпить высказанное *Нибуромъ* и принятое *Шафарикомъ*, *Ганзеномъ* и другими мнѣніе, что Геродотовы Скиѳы были Монголы. Но по совершенному незнакомству автора съ языкомъ монгольскимъ попытка эта должна была остаться безъ результата, какъ это показалъ г. *Шифнеръ* (Sprachl. Bedenken g. d. Mongolenthum d. Sk., въ Bull. de l'Ac. d. St.-Pét. XIII, стр. 205), который, по видимому, склоняется къ мнѣнію, что наши Скиѳы едва ли не были Арійцы, какъ это полагали уже графъ *Потоцкій* и *Клапротъ*. Мнѣніе это, принятое за тѣмъ многими знаменитыми учеными, а именно *Гриммомъ* и *Цейсомъ*, въ послѣднее время нашло новыхъ защитниковъ, которые всѣ, независимо одинъ отъ другаго, старались объяснить географическія и личныя имена, относимыя Геродотомъ къ Скиѳамъ, изъ санскрита, или же изъ языка древнихъ Бактріянъ.

Задачу эту взялись рѣшить, въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ, страсбургскій профессоръ *Бергманъ*, оксфордскій *Раулинсонъ* (III, 157—167) и академикъ *Мюлленгофъ*.

Къ сожалѣнію всѣ они, хотя и совершенно согласны касательно главнаго пункта, почти всегда расходятся въ результатахъ при отысканіи корней различныхъ скиѳскихъ словъ въ древнихъ индо-германскихъ нарѣчіяхъ и этимъ, разумѣется, вредятъ дѣлу, которое они взялись защищать.

По крайней мѣрѣ непосвященные въ таинства сравнительной лингвистики остаются въ недоумѣніи, кто изъ нихъ правъ, и могутъ роптать на берлинскаго академика за то, что онъ счелъ лишнимъ указать на причины, по которымъ, въ этихъ частностяхъ, признанъ неосновательнымъ взглядъ своихъ предшественниковъ.

Если слѣдовательно кажется, что г. *Мюлленгофъ*, съ по-

мощью «глоттики», не достигъ вполнѣ своей цѣли, т. е. окончательно не рѣшилъ вопроса объ арійскомъ происхожденіи Скиѳовъ, то нужно ему отдать справедливость, что онъ вопросъ этотъ значительно подвинулъ впередъ разными другими соображеніями. Впрочемъ онъ заходитъ уже слишкомъ далеко, когда основываясь на томъ, что Аргимпеи (которыхъ Геродотъ различаетъ отъ Скиѳовъ) явно были Монголы, не только заключаетъ, что Скиѳы должны были принадлежать къ какому либо другому племени, но и утверждаетъ, что они непремѣнно были Арійцы, въ томъ предположеніи, что Будины (которыхъ Геродотъ дѣйствительно также различаетъ отъ Скиѳовъ), подобно «волжскимъ» ихъ сосѣдямъ, были Финны, потому что отличались красноватою кожею тѣла и голубыми глазами.

По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство не помѣшало бы ему сказать на оборотъ, что Будины (жилища коихъ далеко не доходили до Волги) были Арійцы, и что Скиѳы, которые, по Гиппократу, также были рыжи, принадлежали къ финскому или уральскому племени, къ которому ихъ и относитъ отчасти *Вивіенъ де Сенъ-Мартенъ* (Mém. sur la géogr. anc. du Caucase, p. 77), придерживаясь весьма правдоподобнаго мнѣнія г. *Куника*, что имя ихъ имѣло въ извѣстномъ періодѣ значеніе географическое, а не этнографическое, т. е. что оно рано отъ народа арійскаго въ Трансоксанѣ перешло къ разнымъ другимъ народамъ, обитавшимъ къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ нихъ.

За то нельзя не согласиться съ г. *Мюлленгофомъ* въ томъ, что кочевая жизнь, которую вели отчасти наши Скиѳы, ничего не доказываетъ противъ арійскаго ихъ происхожденія, такъ какъ и другіе народы того же племени не имѣли постоянныхъ жилищъ, да при томъ человѣкъ вообще, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, зависитъ отъ мѣстныхъ особенностей края, въ которомъ избралъ свое жилище.

Затѣмъ г. *Мюлленгофъ*, въ пользу своего мнѣнія, могъ бы сослаться на замѣтку Геродота (IV, 10), что родоначальники Скиѳовъ и Гелоновъ были младшими братьями родоначаль-

ника Агаѳирсовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе принадлежали къ народу Гетовъ, арійское происхожденіе которыхъ весьма правдоподобно, хотя бы они и небыли Славянами, что, вопреки мнѣнію *Шафарика*, я считаю возможнымъ (см. выше, I, стр. 259).

Особенно-же важный аргументъ въ пользу иранскаго происхожденія Скиѳовъ г. *Мюлленгофъ* находитъ въ томъ, что, по словамъ Геродота, Сарматы говорили испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ, тогда какъ *Шафарикъ* изъ этихъ-же словъ древняго автора вывелъ ошибочное заключеніе, что «монгольскіе» Скиѳы заимствовали многія слова изъ языка мидо-персидскихъ, т. е. иранскихъ Сарматовъ.

Имя послѣднихъ затѣмъ долго еще сохранилось, хотя въ смыслѣ чисто географическомъ, будучи примѣняемо къ различнымъ народамъ (*Schafarik I, 372*), обитавшимъ къ сѣверовостоку отъ Германіи, и въ томъ числѣ къ Литовцамъ, которые, подобно Славянамъ и Германцамъ, принадлежатъ къ индогерманскому племени. Къ нимъ часто причисляютъ Ятвяговъ (ibid. стр. 349, п. 2), потомковъ, можетъ быть, сарматскихъ Язиговъ, или Яциговъ, единоплеменниковъ Алановъ, жившихъ, по словамъ Птолемея, при рѣкѣ Рубонъ или, правильнѣе, Рудонъ (Marc. Herac).), Rhudon, т. е. Западной Двинѣ (*Schaf.* I, 496; ср. *Peschel*, G. d. Erdk. 4), именемъ своимъ обязанной, безъ сомнѣнія, народу, который къ рѣкамъ Скиѳіи примѣнилъ имена: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и Дунай, и по которому Англосаксонецъ Альфредъ называетъ Балтійское море: Sermondise.

Что между тѣмъ Агаѳирсы изъ прежнихъ своихъ жилищъ при Марисѣ переселились въ ихъ сосѣдство, явствуетъ не только изъ Птолемея, но и изъ Маркіана, который помѣщаетъ жилища ихъ при рѣкѣ Хезиносъ, текущей въ Балтійское море.

Такимъ образомъ мы имѣли бы нѣкоторое право видѣть въ нихъ предковъ лѣсныхъ жителей, хотя и не турецкихъ, но славянскихъ, т. е. Древлянъ, даже въ такомъ случаѣ, если бы прежніе ихъ сосѣди, т. е. Невры, Андрофаги и Меланхлены,

оказались не Финнами, а также Славянами, какъ думаетъ г. *Мюлленгофъ* (стр. 576), который къ финскому племени, кромѣ Будиновъ, относитъ еще Θисагетовъ и Иврковъ.

Различные отъ Будиновъ Гелоны, въ свою очередь, подобно Агаѳирсамъ, принадлежали бы къ арійскому племени, если бы даже говорили по гречески, будучи потомками эллинскихъ выходцевъ, какъ замѣчаетъ Геродотъ.

Возвращаясь наконецъ къ потомкамъ младшаго сына Геркулеса, т. е. къ Скиѳамъ, сродственнымъ Агаѳирсамъ и Гелонамъ, замѣтимъ только, что г. *Бергманъ* можетъ быть и не ошибается, выдавая ихъ за праотцевъ Германцевъ, хотя доказательства, собранныя имъ для подкрѣпленія этого мнѣнія, невольно припоминаютъ французскую пословицу: qui prouve trop, ne prouve rien.

Мнѣнію его, впрочемъ, дастъ нѣкоторую опору замѣтка Плинія (IV, 28), что прежніе Скиѳы стали называться не только Сарматами, но и Германцами: Scythorum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos.

Хотя Страбонъ (XII, 3, § 21), который вовсе не упоминаетъ объ Агаѳирсахъ, считаетъ недостовѣрнымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Мела (II, 1, 7; cf. Sol. c. 20) снова говоритъ о нихъ, помѣщая жилища ихъ между Гипанисомъ и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не признать Тилигула, принятаго *Надеждинымъ* (l. c. стр. 36 и слѣд.) за Геродотовъ Гипанисъ. Не говоря о томъ, что Тилигулъ, все теченіе котораго отъ истоковъ до Чернаго моря составляетъ менѣе двухъ сотъ верстъ, (*Шмидтъ*, l. l. I, стр. 222), въ древности едва-ли былъ судоходенъ на девять дней плаванія (если даже на каждый день положить съ *Надеждинымъ* отъ 20 до 30 верстъ), несообразность его гипотезы уже явствуетъ изъ того, что Тилигулъ, нынѣ отдѣленный отъ моря широкою полосою, въ старину хотя и могъ прилегать къ нему посредственно, но только на разстояніи двадцати пяти верстъ отъ устья Днѣпровскаго лимана. Гипанисъ же впадалъ въ

верхнюю часть того-же лимана, изливаясь въ одно и тоже болото, или въ одну и туже заводь (ἕλος) съ Борисѳенссомъ.

Таковою Геродотъ уже никакъ не могъ назвать ту часть Чернаго моря, которая заключается между Очаковымъ и Одесскимъ заливомъ.

Кромѣ Каллипидовъ, сосѣдями Эллиновъ, обитавшихъ при Гипанисѣ, были еще Скиѳы-земледѣльцы, жилища которыхъ простирались къ востоку (отъ Ольвіи, или же отъ храма Димитры) на три дня ходьбы до Пантикапеса, т. е. до Ингульца, а затѣмъ еще на одинадцать дней вверхъ по Днѣпру, т. е., какъ обыкновенно думаютъ, до окрестностей Никополя, такъ какъ плаваніе вверхъ по рѣкѣ и нынѣ еще потребовало бы столько времени. Что Геродотъ въ этомъ случаѣ (IV, 18) говоритъ о плаваніи противъ теченія, становится правдоподобнымъ и по другому мѣсту (IV, 53), гдѣ онъ для жилищъ этихъ-же Скиѳовъ внизъ по рѣкѣ считаетъ только десять дней плаванія, вмѣсто прежде упомянутыхъ имъ чертырнадцати дней (11 и 3).

Впрочемъ плавни Днѣпровскія, не только на лѣвомъ, но и на правомъ берегу рѣки, въ которыхъ и нынѣ не занимаются хлѣбопашествомъ (*Шмидтъ*, I, стр. 168), не могли входить въ составъ области, занимаемой Скиѳами-земледѣльцами.

Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ показаніе Геродота совершенно согласно съ характеромъ мѣстности. Такъ онъ говоритъ (IV, 19): на востокъ отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, если перейти Пантикапесъ рѣку, живутъ Скиѳы-кочующіе (νομάδες), которые ни сѣютъ, ни орутъ. Затѣмъ, какъ бы желая нарочно доказать, что имъ уже принадлежали плавни рѣки, тутъ-же присовокупляетъ: вся эта страна «кромѣ Гилеи» совершенно безлѣсна. Наконецъ еще замѣчаетъ: эти кочующіе Скиѳы къ востоку занимаютъ страну, простирающуюся на четырнадцать дней сухопутной ходьбы, до рѣки Герроса.

Такъ какъ при описаніи рѣкъ Скиѳіи, Геродотъ (IV, 55) не только помѣщаетъ Гипакирисъ между Пантикапесомъ и Герросомъ, но еще говоритъ, что онъ, т. е. Гипакирисъ,

протекалъ чрезъ средину земли кочующихъ Скиѳовъ, то намъ представляется новое доказательство въ пользу мнѣнія, что подъ Гипакирисомъ онъ не могъ разумѣть ничто иное, какъ Каркинитскій или Перекопскій заливъ, при устьѣ котораго лежалъ городъ Каркинитисъ, Керкинитисъ или Carcine другихъ авторовъ, и который изливается въ море, оставляя вправо Гилею и такъ называемый Ахиллесовъ бѣгъ. Этого нельзя сказать ни объ одной изъ рѣкъ, въ которыхъ до сихъ поръ хотѣли видѣть Геродотовъ Гипакирисъ.

Исключеніе составляетъ одинъ только Каланчакъ, или Канилчакъ, такъ какъ это единственная рѣка между Кинбурномъ и Перекопомъ.

Рѣка эта образуется изъ двухъ небольшихъ разливовъ въ степи, между селеніями Малый Чокракъ (гдѣ нынѣ новые переселенцы) и Чаплинкою (гдѣ почтовая станція): приблизительно въ 6 верстахъ отъ перваго и въ 8 отъ послѣдняго. Затѣмъ Каланчакъ протекаетъ мимо соименнаго рѣкѣ казеннаго селенія, которое, по словамъ обывателей, названіе свое получило отъ находящагося въ 7 верстахъ отъ него старинаго укрѣпленія, названнаго Татарами Кале-кучукъ. Но едва ли не скорѣе настоящее имя рѣки и селенія произошло отъ татарскаго-же «Каклычикъ», находившагося въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Перекопа [52]) и съ которымъ совпадалъ разграбленный Адашевымъ, въ 1559 году, улусъ на «Коглинкѣ», отстоявшій отъ Перекопа на 15 верстъ [53]).

Нельзя также не узнать въ имени «cotoluce» (cotuluza, coltaluçe), отмѣченномъ въ этихъ мѣстахъ на каталанской и итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій, испорченное моряками туземное названіе рѣки. Если же эта рѣка могла обратить на себя вниманіе итальянскихъ картографовъ и нашихъ лѣтописцевъ, то кажется, что она въ древности не была такъ незначительна, какою является теперь лѣтомъ. Но дѣло въ томъ, что и

---

[52]) Зап. Одесс. Общ. I, стр. 331 и 389.
[53]) *Арцыбышевъ*, l. l. IV, прим. 1703.

въ настоящее время въ полую воду эта рѣчка принимаетъ видъ значительной рѣки; тѣмъ болѣе она могла быть таковою въ дни Геродота. Притомъ и теперь еще при Каланчакѣ, не далеко отъ Чаплинки, замѣтны остатки каменнаго моста, безъ сомнѣнія того самаго, который у Запорожцевъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Даріева моста», еще въ XVI столѣтіи [54]).

Уже въ прошломъ вѣкѣ французскій консулъ *Пейсонель*[55]) полагалъ, что въ этой рѣкѣ скрывается Геродотовъ Гипакирисъ; мнѣніе это затѣмъ было принято нѣкоторыми изъ новѣйшихъ толкователей Геродота, а именно *Эйхвальдомъ* [56]), *Спасскимъ* (l. l. II, стр. 26), *Думашпымъ* (l. l. стр. 5 —61) и *Мальденомъ* [57]). На этомъ основаніи всѣ они ищутъ древнѣйшій городъ Каркинитисъ около впаденія Каланчака въ Перекопскій заливъ. Но такъ какъ съ этимъ взглядомъ трудно согласовать прочія замѣтки Геродота о томъ же городѣ и вышеприведенное свидѣтельство Безъименнаго о мѣстоположеніи города Тамираки при устьѣ Каланчака, то я, не отрицая, что эта рѣка соотвѣтствовала верхней части Гипакириса, не вижу необходимости отказаться отъ мнѣнія, что подъ нижней частью этой рѣки Геродотъ разумѣлъ Каркинитскій заливъ.

Въ настоящее время этотъ заливъ отдѣленъ отъ Сиваша, или Гнилаго озера, перешейкомъ, который въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ около семи верстъ ширины. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ древности водяной путь не могъ соединять озера съ заливомъ. Напротивъ того, мы должны думать, что нѣкогда между ними существовала подобная связь. Такъ напр. Плиній (IV, 26) прямо говоритъ, что Таврика, лежавшая къ

---

[54]) *Конискій*, Ист. Малороссіи, изд. Моск. 1846, стр. 25; сравн. *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, 2 изд., III, стр. 111, прим.

[55]) Observations hist. et. géogr, s. l. peuples barbares, Paris, 1765, стр. 6. Мнѣніе *Пейсонеля* раздѣляетъ знаменитый его соотечественникъ *Даннвиль* (l. l. стр. 580), который также узналъ Гипакирисъ въ «рѣкѣ» Каркинитисъ Птолемея.

[56]) Alte Geographie d. Kaspischen Meeres, стр. 305.

[57]) Journal of the Royal Society XV, стр. 354, прив. у *Бера*, l. l. стр. 416.

востоку отъ Каркинитскаго залива, нѣкогда была окружена моремъ, даже тамъ, гдѣ въ его время, уже были равнины, т. е. на сѣверѣ. Это замѣчаніе можетъ также послужить къ объясненію слѣдующаго темнаго мѣста въ его сочиненіи. Упомянувъ о рѣкѣ Pacyris въ сосѣдствѣ Каркинитскаго залива и перейдя къ рѣкамъ, находившимся болѣе къ востоку, авторъ Hist. natur. продолжаетъ: Buges, Gerrhus, Hypanis, ex diverso venientes tractu. Nam Gerrhus Basilidas et Nomadas separat; «Hypanis» per Hylaeos et Nomadas fluit manu facto alveo in Bugen (Сивашъ), naturali in Coretum (с. з. часть Азовскаго моря). Нужно только допустить, что, по небрежности писцовъ, Пакирисъ, равно какъ и Гипанисъ, занимаетъ здѣсь мѣсто Гипакириса, подъ которымъ Плиній разумѣлъ верхнюю часть Геродотовой рѣки того же имени, т. е. Птолемееву рѣку Каркинитисъ, или Каланчакъ.

Дѣйствительно, рѣка эта такъ близко подходитъ къ лиману Чокракскому, изливающемуся въ Сивашъ, что въ старину легко могла быть соединена съ нимъ каналомъ. Могло даже статься, что во времена Геродота лиманъ этотъ сливался съ Каланчакомъ въ полую воду: по увѣренію туземцевъ, это и теперь еще иногда случается при сильномъ и продолжительномъ вѣтрѣ, дующемъ съ востока.

Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, мы могли бы указать на Сивашъ, какъ на озеро, изъ котораго, по Геродоту (IV, 55), вытекалъ Гипакирисъ.

Если, какъ я надѣюсь, изложенное здѣсь мнѣніе объ этой рѣкѣ будетъ признано основательнымъ, то таинственную рѣку Герросъ, которая, по Геродоту (IV, 56), отдѣлившись, или пожалуй, будучи отдѣлена [58]) отъ Борисѳенеса въ томъ краю, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, и устремляя свое теченіе къ морю, изливалась въ Гипакирисъ, предлагаю искать:

1) Въ Конкѣ, которая, по *Мышецкому* (l. c. стр. 60), вѣроятно не читавшему Геродота и еще менѣе мечтавшему о

[58]) Cf. *Baehr*, l. l. стр. 417.

Герросѣ,—хотя и соединяется съ Днѣпромъ въ 20 верстахъ ниже устья Московки, но тутъ же снова отдѣляется отъ него и течетъ подлѣ Днѣпра особымъ русломъ даже до самаго города Кинбурна, и

2) въ Черной долинѣ, которая соединяясь съ Каланчакомъ при селеніи Веселомъ посредствомъ такъ называемаго Большаго Вертутива яра, идущаго прямо отъ сѣвера къ югу [59]), съ другой стороны находится въ связи съ Конкою посредствомъ впадины, пролегающей мимо деревень Чернявки и Балки лежащей при Конкѣ возлѣ Каховки (противъ Берислава).

Черная долина и теперь еще отличается отъ окрестныхъ степей относительнымъ обиліемъ воды. Что и въ старину она славилась этою-же особенностью, въ томъ убѣждаетъ насъ царскій посланникъ Зотовъ, донося, что весною 1682 года на пути своемъ изъ Перекопа въ Кизикерманъ (Бериславъ) онъ ночевалъ въ степи, въ урочищѣ, при водахъ «Черной долины», явно тождественной съ отмѣченнымъ на картѣ Риччи Цанони притокомъ Днѣпра Кара-дереси [60]).

Подобнымъ образомъ Русское войско, возвращаясь въ 1736 году изъ Крыма тѣмъ-же путемъ и отдыхая въ Августѣ нѣсколько дней въ «Черной долинѣ», нашло въ изобиліи траву и «воды», какъ для людей, такъ и для скота [61]).

Если же мнѣ будетъ доказано, что Конка никогда не могла соединяться съ Каланчакомъ посредствомъ Черной долины, то я возвращусь къ мнѣнію, прежде мною изложенному, что эта связь производилась чрезъ Чаплинку и Бѣлозерскій *лиманъ*, мимо Ангальтъ-Кётена, Агаимана, Большихъ и Малыхъ Сѣрагозъ. Такимъ образомъ оказалось бы и болѣе простору для кочевьевъ Скиѳовъ-номадовъ.

Что подобное явленіе могло имѣть мѣсто въ сѣверной

---

[59]) См. Военно топограф. трехъ-верстную карту, рядъ XXX и XXXI, листъ 12.

[60]) Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. томъ II, стр. 645.

[61]) Tagebuch des Generalfeldmarschalls Münnich etc. 2te Beilage, въ Beiträge zur Gesch. d. russ. Reichs, von *Herrman*, Leipzig. 1843, стр. 237.

части Таврической губерніи, составляющей огромную равнину, въ томъ убѣждаютъ насъ замѣтки въ вышеприведенной книгѣ князя *Мышецкаго*, въ родѣ слѣдующей (стр. 60): рѣка Конка вышла изъ степи, изъ рѣки Берды, и т. п.

Но мнѣ скажутъ, можетъ быть, что по Геродоту (IV, 19) страна, занятая Скиѳами-кочующими и доходившая къ востоку до рѣки Герроса, простиралась на четырнадцать дней пути, тогда какъ Конка съ Черною долиною и съ Бѣлозерскимъ лиманомъ находятся отъ нижняго Днѣпра въ гораздо меньшемъ разстояніи.

На это возраженіе я могъ бы отвѣчать, что Геродотъ опредѣлительно не говоритъ, въ какомъ направленіи онъ измѣряетъ протяженіе четырнадцати дней. Поэтому онъ не мѣшаетъ намъ думать, что въ измѣреніи своемъ также, какъ при опредѣленіи жилищъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, считаетъ протяженіе не отъ запада къ востоку, а отъ юга къ сѣверу, т. е. отъ окрестностей Евпаторіи до Черной долины и до Конки, да за тѣмъ, плавнями вверхъ по ней, до того мѣста, гдѣ рѣка эта, соединившись съ Днѣпромъ ниже Александровска, впервые отдѣляется отъ него, т. е. до окрестностей Малой Знаменки, или Каменки. Разстояніе между этимъ селомъ и Евпаторіею составляетъ около 350 верстъ и равняется приблизительно четырнадцати днямъ ходьбы, или 2,800 стадіямъ Геродота.

Онъ дѣйствительно вовсе и не хотѣлъ сказать, что разстояніе между Пантикапесомъ и Герросомъ было такъ велико, потому что въ противномъ случаѣ это разстояніе вышло бы четырьмя днями длиннѣе того, которое, по его-же словамъ (IV, 101), отдѣляло Борисѳенесъ отъ Меотиды. Такимъ образомъ пришлось бы помѣстить рѣку Герросъ довольно далеко за проливомъ Геническимъ, между тѣмъ какъ она непремѣнно должна была находиться въ окрестностяхъ Перекопскаго перешейка. Рѣка Герросъ, какъ уже было замѣчено, отдѣляла страну Скиѳовъ-кочующихъ отъ страны царскихъ Скиѳовъ, которымъ явно принадлежала сѣверо-восточная часть Крыма, по-

тому что сосѣдями ихъ съ южной стороны были обитатели горъ Тавриды, а къ востоку жилища ихъ простирались отъ рва, вырытаго «дѣтьми слѣпыхъ рабовъ», до торжища Кримны при Меотійскомъ озерѣ (IV, 20), которое отдѣляло ихъ отъ Савроматовъ (IV, 57). За тѣмъ страна ихъ прилегала еще къ рѣкѣ Танаису (IV, 20); тутъ уже кончалась Скиѳія и начиналась область Савроматовъ (IV, 21). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ-царскихъ жили Меланхлены, или Смурые Кафтаны, и предполагалась безлюдная пустыня съ озерами (IV, 20). Между Меланхленами и Неврами обитали Андрофаги, или Людоѣды; жилища ихъ доходили къ югу до большой пустыни, за которою жили, еще болѣе къ югу, вышеупомянутые Скиѳы-земледѣльцы (IV, 18).

Подъ рвомъ, который простирался отъ горъ Таврическихъ до Меотиды (IV, 3), Геродотъ явно разумѣлъ ничто иное, какъ ровъ, которымъ полуостровъ Керченскій, при своемъ началѣ, прорѣзывался нѣкогда поперекъ, отъ моря до моря, и который впослѣдствіи, укрѣпленный Асандромъ, служилъ оплотомъ и границею царству Воспорскому. Ровъ этотъ точно начинался у горъ Таврическихъ, простирающихся до окрестностей Ѳеодосіи и оканчивался при Азовскомъ морѣ, не вдалекѣ отъ Арабата.. Нынѣшняя почтовая дорога изъ Ѳеодосіи въ Керчь пересѣкаетъ его слѣдъ между станціями Аргиномъ и Султановкою.

Гораздо труднѣе, повидимому, объяснить себѣ, какимъ образомъ Геродотъ могъ сказать, что Скиѳія отдѣлялась отъ Савроматовъ Меотійскимъ озеромъ, и что, тѣмъ не менѣе, между жилищами обоихъ народовъ протекалъ Танаисъ, который, выходя изъ большаго озера, изливался однимъ рукавомъ въ то-же Меотійское озеро (IV, 57), а другимъ — въ Воспоръ Киммерійскій [62]) (IV, 45).

---

[62]) Иначе нельзя здѣсь понимать слова Геродота: *καὶ ποροθμήια τὰ κιμμέρια*; ср. *Baehr*, l. l. стр. 390 и *Miot*, Hist. d'Hérodote, Par., 1858, I, стр. 537, прим. 22. Что въ этихъ мѣстахъ обитали Скиѳы, это видно изъ замѣтки Геродота (IV, 28), въ которой говорится, что они часто на повозкахъ пе-

Между тѣмъ и тутъ Геродотъ нисколько не противурѣчитъ себѣ или дѣйствительности, если только слова его будутъ поняты въ настоящемъ смыслѣ.

Во-первыхъ должно думать, что подъ Скиѳами, отдѣленными Меотидою отъ Савроматовъ, онъ разумѣлъ не тѣхъ, жилища которыхъ прилегали къ Танаису, а ихъ собратьевъ, обитавшихъ за вышеприведеннымъ рвомъ, т. е. въ странѣ, омываемой къ сѣверу юго-западною частью Меотійскаго озера (IV, 100) и заключавшей въ себѣ города Киммеріонъ и Порѳміонъ, или пожалуй — укрѣпленія киммерійскія и перевозы киммерійскіе, если таковъ именно смыслъ слѣдующихъ словъ Геродота (IV, 12): Καὶ νῦν ἔστι μεν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμήϊα Κιμμέρια.

Тѣмъ не менѣе, эти укрѣпленія Киммерійскія находились вѣроятно возлѣ порта Киммерійскаго, упоминаемаго безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго (§ 6), т. е., какъ уже полагалъ *Палласъ*, на восточной сторонѣ горы Опукъ; *Бларамбергъ* хотѣлъ перемѣстить его отсюда на западную сторону и увлекъ туда за собою строгихъ своихъ критиковъ *Кёлера* и *Гребе*[63]). Въ свою очередь я готовъ помѣстить въ сосѣдствѣ этого порта городъ Киммериконъ, при которомъ, по Страбону (XI, 2 § 5 ср. VII, 4, § 3, 5, 6), находились ровъ и стѣна, служившіе для охраненія полуострова, т. е. Керченскаго, какъ уже думалъ *Ларше* (Baehr, стр. 312), тогда какъ другіе изслѣдователи этотъ городъ и полуостровъ перенесли въ Азію. Само собою разумѣется, что ровъ, о которомъ здѣсь говоритъ Страбонъ, былъ тотъ самый, надъ которымъ трудились дѣти рабовъ киммерійскихъ.

реѣзжали чрезъ замерзшій Воспоръ къ обитавшимъ на азіатской его сторонѣ Синдамъ. Подъ Скиѳами Геродотъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Скиѳовъ-царскихъ (βασιλήιοι), которыхъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 110) онъ называетъ свободными (ἐλεύθεροι) вѣроятно потому, что прочіе обитатели Скиѳіи имъ были подчинены (IV, 20; ср. *Völker*, Mythol. Géographie I, стр. 177, прим. у *Бера*, l. l. стр. 513).

[63]) Отзывъ акад. *Кёлера* и *Гребе* о сочиненіи *Бларамберга*: Observations etc. напечатанъ въ Зап. Одесс. Общ. V, стр. 958.

Подобнымъ же образомъ для перевоза киммерійскаго я не нахожу мѣста болѣе удобнаго, какъ самую узкую часть пролива Еникальскаго; здѣсь, по Страбону (VII, 4 § 5), находилось мѣстечко Парѳеніонъ, которое, по Безъименному (§ 5), называлось Порѳмитисъ, а по Стефану Византійскому (см. Πορθμία) просто Порѳмія или Порѳміонъ.

Далѣе, слѣдовало бы допустить, что Кримны находились не въ окрестностяхъ Бердянска, гдѣ обыкновенно ищутъ это торжище, а между проливомъ Геническимъ и лиманомъ Уклюкскимъ, въ которомъ нельзя не узнать вышеупомянутаго залива «Coretus», отдѣленнаго, по словамъ Плинія, скалистою грядою (Арабатскою стрѣлкою) отъ Бугеса, или Сиваша. Можетъ быть, упомянутый заливъ древнимъ своимъ наименованіемъ (отъ κόρη, дѣва) обязанъ преданію, по которому Амазонки когда-то бурею были прибиты къ берегу возлѣ Кримнъ, гдѣ, по тому же преданію (IV, 110—113), отъ смѣшенія ихъ съ юными Скиѳами образовался народъ Савроматовъ.

Если же Савроматы, перейдя чрезъ Танаисъ (IV, 116), покинули берегъ Меотиды и обратились къ сѣверу, то позволено будетъ заключить:

1) что рѣка, которую они перешли, была Молочная, имѣвшая въ тѣ времена широкое устье, нынѣ отдѣленное отъ моря низменною пересыпью;

2) что Амазонки на своемъ языкѣ, непонятномъ для Скиѳовъ (IV, 114) и тѣмъ болѣе для Геродота, означали эту рѣку нарицательнымъ именемъ *дона*, которое вообще значитъ *текущая вода, рѣка*, и

3) что, при такихъ обстоятельствахъ, Геродотъ могъ смѣшать эту рѣку съ Танаисомъ позднѣйшихъ авторовъ, т. е. съ Дономъ собственно, о верхнемъ теченіи котораго онъ не могъ имѣть точныхъ свѣдѣній, какъ это между прочимъ показалъ *Надеждинъ*. Такъ напр. онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 25): «Что касается до второй, менѣе величественной (чѣмъ Дунай), но не менѣе важной рѣки: я разумѣю Танаисъ, рѣку завѣтную, признаваемую издревле границей между двумя глав-

ными частями свѣта, Европой и Азіей; то объ ней Геродотъ, очевидно, не имѣлъ не только наглядно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, но и достаточныхъ извѣстій изъ вторыхъ рукъ. Все, что сказано имъ о Танаисѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ общихъ, неопредѣленныхъ словъ; изъ всѣхъ многочисленныхъ его притоковъ именованъ только одинъ какой-то (Иргисъ); даже ни одной выразительной чертой не обозначается физіономія его устья.» «Эта краткость и неопредѣленность», говоритъ *Надеждинъ* еще въ другомъ мѣстѣ (стр. 56), «дала поводъ къ тому, что между изслѣдователями возникли толки и разногласія.»

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ въ свою очередь г. *Думшинъ* (стр. 69), нѣкоторые ученые предполагали, что подъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ нынѣшнюю Волгу, или по крайней мѣрѣ верхнее ея теченіе; другіе находили Танаисъ въ Сѣверномъ Донцѣ; иные наконецъ приписывали Геродоту различныя ошибки и заставляли означать Танаисомъ нижнее теченіе Дуная. Словомъ, каждый считалъ себя въ правѣ распоряжаться съ Танаисомъ по собственному произволу и пріурочивать его, по мѣрѣ надобности, къ чему бы то ни было.

Одинъ только *Надеждинъ*, обыкновенно столь смѣлый въ своихъ выводахъ, сознается въ невозможности изъ словъ самаго Геродота разрѣшить вопросъ: что̀ послѣдній разумѣлъ подъ своимъ Танаисомъ, настоящій-ли Донъ, или не скорѣе-ли Сѣверный Донецъ (стр. 56)?

Между тѣмъ, вотъ какъ *Надеждинъ* отзывается о Геродотовомъ Гипанисѣ: «Было уже неоднократно замѣчено, что точка созерцаній и наблюденій Геродота постоянно находилась на Борисѳенесѣ, и при томъ не на нынѣшнемъ руслѣ Днѣпра, но на нынѣшнемъ руслѣ Буга. Слѣдовательно, взоръ его, обращаясь на Сѣверъ, естественно долженъ былъ направляться вверхъ по Бугу, какъ по главной, основной чертѣ, какъ по истинному меридіану, раскидывавшагося передъ нимъ горизонта (стр. 65).»

Съ намѣреніемъ я привелъ здѣсь мнѣніе *Надеждина* ка-

сательно различной степени достовѣрности извѣстій, которыя Геродотъ намъ передалъ о Гипанисѣ и о Танаисѣ: мнѣ хочется предупредить упрекъ, что я самъ, пріурочивая послѣднюю рѣку къ Молочнымъ водамъ, оказываюсь виновнымъ не менѣе *Надеждина*, уничтожившаго самостоятельность Буга для того, чтобы превратить Гипанисъ въ Тилигулъ, который впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, далеко уступаетъ Молочной, если не въ длинѣ теченія, то въ обиліи воды. По крайней мѣрѣ Тилигулъ, берущій свое начало въ окрестностяхъ Ананьева, по выходѣ изъ этого города, до самаго лимана представляетъ совершенно высохшее ложе, одѣтое дерномъ (*Шмидтъ*, I, стр. 235). Молочная же, напротивъ того, вытекающая изъ овраговъ сѣверной части Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ и направляющаяся прямо отъ сѣвера къ югу, отъ самаго начала своего до устья орошаетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ меннонитскихъ и другихъ не менѣе богатыхъ нѣмецкихъ колоній, расположенныхъ по ея берегамъ.

Притомъ замѣчаніе Геродота (IV, 45), что Танаисъ изливался въ Киммерійскій Воспоръ, относится не къ одному только Дону, но и къ другимъ рѣкамъ Азовскаго бассейна, въ томъ числѣ и къ Молочной, которая могла казаться рѣкою болѣе значительною, чѣмъ она теперь оказывается на самомъ дѣлѣ.

Въ пользу моего мнѣнія о тождествѣ ея съ Танаисомъ Геродота я могу привести еще то обстоятельство, что по взгляду Геродота, послѣдняя рѣка, какъ уже замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи Скиѳіи [64]), изливалась въ «сѣверо-западный» уголъ Меотиды. Подобное мнѣніе не было совершенно оставлено даже въ такое время, когда прибрежье это стало болѣе извѣстнымъ, т. е. въ римскомъ періодѣ.

Такъ напр. Страбонъ (II, 3 § 5; ср. VII, 4, § 5) знаетъ, что Танаисъ изливался въ сѣверо-восточный уголъ Мео-

[64]) *Ukert*, l. l. III, 2, стр. 78: und in den «nordwestlichen» Winkel (der Maeotis) fällt der Tanais.

тиды, а все-таки не рѣшается протестовать противъ мнѣнія «знакомыхъ съ мѣстностью», по которымъ рѣка эта изливалась прямо съ сѣвера такимъ образомъ, что устье рѣки и самой Меотиды, равно какъ и извѣстная часть теченія первой, лежали всѣ подъ однимъ и тѣмъ-же меридіаномъ. Это, безъ сомнѣнія, можно было сказать скорѣе о Молочной, чѣмъ о Донѣ или о Донцѣ.

Если въ первой изъ этихъ трехъ рѣкъ дѣйствительно скрывается Геродотовъ Танаисъ, то оказалось бы, что озеро, изъ котораго онъ вытекалъ и подъ которымъ нѣкоторые[65]) разумѣли крошечное Иванъ-озеро (имѣющее въ длину до ста шестидесяти сажень, а въ ширину едва до шестидесяти), могло соотвѣтствовать значительной низменности между Орѣховымъ и колоніею Гальбштадтъ, лежащею при соединеніи Токмака съ Молочною. Во всякомъ случаѣ, эта низменность, которую нынѣ еще объѣзжаютъ во время разлитія упомянутыхъ рѣкъ, могла составлять въ древности непрерывное скопище водъ, или одно большое озеро.

Графъ *Потоцкій*, по которому Молочная непремѣнно была Геродотовъ Герросъ, полагалъ также, что область того-же имени, гдѣ находились гробницы Скиѳскихъ царей (IV, 71), простиралась отъ Днѣпровскихъ пороговъ на юго-востокъ до сказанной рѣки Токмакъ.

«Возвращаясь», говоритъ онъ[66]), «осенью 1798 года изъ Крыма, я отправился къ Токмаку, чтобы посѣтить Ногайскаго князя Баязета, обитавшаго возлѣ рѣки. Оттуда я намѣревался отыскать область Герросъ и гробницы Скиѳскихъ царей. Мнѣ кажется, что я вполнѣ достигъ своей цѣли. Какъ только я удалился отъ истоковъ Токмака и приблизился къ Днѣпру, такъ попалъ въ страну, покрытую «тысячами» холмовъ

---

[65]) *Байеръ*, Краткое описаніе комм. Акад. наукъ I, стр. 154; *Tzschukke* ad. Pomp. Mel. nott. exegg. стр. 640 sqq.; *Potocki*, Voyage dans les steps d'Astrachan etc. I (II), стр. 191.

[66]) *Potocki*, Hist. prim. des peuples de la Russie etc., стр. 172.

въ родѣ тѣхъ, которые Скиѳы имѣли обыкновеніе насыпать надъ гробницами знатныхъ лицъ, и убѣдился въ томъ, что эта мѣстность, даже послѣ истребленія Скиѳовъ, служила постоянно кладбищемъ для кочующихъ народовъ. Рядомъ съ древними могилами, которыя весьма уменьшились отъ времени и вслѣдствіе уступчивости почвы, я узналъ гробницы Командовъ, на которыхъ встрѣчаются безобразныя статуи, равно какъ и гробницы преемниковъ Чингисхана, покрытыя маленькими могилами, устроенными изъ кирпича. Поэтому я полагаю, что положеніе области Герросъ болѣе не можетъ подлежать сомнѣнію».

Пок. *Терещенко* вѣроятно имѣлъ въ виду эту-же мѣстность, говоря [67]), что на дорогѣ изъ Орѣхова въ колонистскую степь встрѣтилъ на 11-й верстѣ отъ города мелкія насыпи, разсыпанныя до деревни Блюменталь, на протяженіи пяти верстъ къ Днѣпру, а въ окружности на 30 верстъ. «Многія (прибавляетъ онъ) сравнялись съ землею. Вокругъ ихъ какъ бы съ намѣреніемъ разставлены большія могилы, служившія искусственною оградою. Безъ сомнѣнія здѣсь было кладбище, но чье? Не Запорожцевъ-ли? Если допустить, что это слѣды глубокой древности, то сему противурѣчатъ могилы, ибо въ древности онѣ были большія и высокія и пр.».

Объѣзжая лѣтомъ 1864 года различныя части Новороссійскаго края, я, въ свою очередь, убѣдился въ томъ, что на всемъ пути отъ Александровска почти до Бердянска въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются цѣлыми кучами небольшія земляныя насыпи отъ 1 до 2 футовъ высоты. Къ нимъ принадлежали вѣроятно тѣ мелкія насыпи, которыя ученый графъ замѣтилъ тысячами въ степи, и которыя количествомъ своимъ поразили также г. *Терещенко.*

Если же оба они дѣйствительно имѣли въ виду тѣ бугры, о которыхъ я здѣсь говорю, то имъ не слѣдовало искать въ нихъ ни скиѳскихъ гробницъ, ни кладбища Запорожцевъ.

---

[67]) Очерки Новороссійск. края, въ Журналѣ Мин. Нар. Прос. 1853, Іюль, стр. 24 и слѣд.

Встрѣтившись въ Керчи съ многоуважаемымъ моимъ дерптскимъ сотоварищемъ, г. академикомъ фонъ *Гельмерсеномъ*, я узналъ отъ него, что по всей вѣроятности эти бугры накиданы извѣстнаго рода сурками, или байбаками (Murmelthier), которыхъ ему неоднократно приводилось заставать надъ подобною работою, во время своего путешествія въ Киргизскую степь. Наконецъ, возвратившись въ Одессу, я усмотрѣлъ изъ статьи *Кёппена*[68]), что подобное-же мнѣніе касательно этихъ насыпей было уже высказано покойнымъ академикомъ еще въ 1843 году.

Хотя такимъ образомъ возвышенія эти не могутъ имѣть ничего общаго съ гробницами Скиѳскихъ царей, тѣмъ не менѣе я счелъ здѣсь нелишнимъ упомянуть о нихъ затѣмъ, чтобы мнѣніе, высказанное въ этомъ отношеніи польскимъ магнатомъ съ такою увѣренностью и казавшееся неоспоримымъ другимъ ученымъ, которые не имѣли случая видѣть эти насыпи, какъ наприм. *Нейманъ* (стр. 212) и *Дюбуа*[69]), не повлекло и другихъ къ ложнымъ выводамъ о значеніи упомянутыхъ насыпей.

Что же касается настоящихъ кургановъ, которые графъ *Потоцкій* замѣтилъ среди безчисленнаго множества малыхъ и которые онъ приписываетъ исключительно Команамъ, то въ величинѣ ихъ я не вижу препятствія отнести ихъ къ благороднѣйшему изъ Скиѳскихъ племенъ (IV, 20), раздѣляя мнѣніе графа, что область Герросъ, въ которой находилась и сама царевщина, должна была лежать въ описанной имъ мѣстности, а именно между Токмакомъ, Днѣпромъ и Конкою.

Что область Герросъ находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ томъ согласны всѣ нѣмецкіе толкователи Геродота, за

---

[68]) Kurze Uebersicht der in den Jahren 1842—44 an der Nordseite des Asofschen Meeres geöffneten tumuli, въ Bull. historico-philologique de l'Acad. d. Sc. de S.-Pétersb. II, № 13.

[69]) *Dubois de Montpéreux*, Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale, въ Annuaire des voyages et de la géogr. (изд. Lacroix) Paris, 1846, p. 41.

исключеніемъ *Линднера*, который, за невозможностію перетолковать по-своему ясныя въ этомъ случаѣ слова Геродота, предполагаетъ здѣсь описку въ текстѣ, и говоритъ, что, по его мнѣнію (стр. 49), вмѣсто словъ «рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипакиринсъ», должно читать: рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипанисъ.

Даже *Надеждинъ* оставляетъ тутъ своего остроумнаго путеводителя, и соглашается, что страна Герросъ, которая, по его мнѣнію, подобно сопменной ей рѣкѣ (Бузулуку, или Базувлуку), не могла уже не находиться на правомъ берегу Днѣпра, находилась тѣмъ не менѣе между мѣстечкомъ Никополемъ и Александровскомъ. «Здѣсь дѣйствительно», говоритъ онъ, «по обѣ стороны Днѣпра, столпленъ въ наибольшемъ количествѣ таинственные курганы, которые весьма часто оказываются ничѣмъ инымъ, какъ могилами» (стр. 84).

Мнѣніе Надеждина, что гробницы скиѳскихъ царей могли находиться на правомъ берегу Днѣпра признанъ весьма правдоподобнымъ составитель Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ въ 1853 году.

«Всѣ изслѣдованія», говорится въ этомъ отчетѣ [70]), «о мѣстности ихъ (Екатеринославскихъ кургановъ) приводятъ къ тому заключенію, что несудоходнымъ мѣстомъ Геродотъ называлъ Днѣпровскіе пороги, отъ которыхъ ошибочно считалъ сорокъ дней плаванія до моря. Слѣдовательно, Герры обитали по Днѣпровскому побережью, а гробницы Скиѳскихъ царей должны были находиться на сѣверъ отъ пороговъ».

На этомъ основаніи осмотрѣна была, на правомъ берегу Днѣпра, мѣстность между Сурою и Базувлукомъ, и начата *Терещенкомъ* раскопка Александропольскаго кургана въ 70 верстахъ отъ Днѣпра и въ 30 отъ Базувлука [71]).

---

[70]) Извлеченіе изъ всеподд. отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. С. П., 1853, стр. 47—65.

[71]) На картѣ, приложенной къ отчету 1853 года, курганъ Александропольскій, по ошибкѣ, отмѣченъ на лѣвомъ берегу Днѣпра; разстояніе же кургана отъ этой рѣки составляетъ, по отчету 1859 года, не 70 верстъ а только 50.

Тогда какъ по вещамъ, найденнымъ въ Сурскихъ курганахъ, оказалось, что послѣдніе явно были могилами двухъ эпохъ, результаты раскопки Александропольскаго кургана подтвердили мнѣніе, что онъ «несомнѣнно принадлежитъ къ разряду могильныхъ кургановъ царей Сколотовъ (Скиѳовъ), роскошное погребеніе коихъ подробно описалъ Геродотъ».

Въ отчетѣ за 1859 годъ [72]) Археологическая Коммисія представляетъ еще слѣдующія дополнительныя замѣчанія касательно раскопки этого кургана: «подъ его циклопическимъ основаніемъ, состоявшимъ изъ такихъ камней, что нѣкоторые съ трудомъ могли быть сдвинуты 15-ю человѣками, скрывались пространныя подземелья, которыя должны были заключать въ себѣ смертныя останки царя и всѣхъ, схороненныхъ съ нимъ. Здѣсь вѣроятно находились также его кони, колесницы и нѣкоторыя принадлежности, положенныя въ могилу въ томъ предположеніи, что и послѣ смерти онъ будетъ имѣть тѣ-же потребности, какія имѣлъ при жизни. Къ сожалѣнію, подземелья найдены были уже обысканными и раззоренными въ незапамятныя времена. Отъ погребенныхъ въ нихъ лицъ только два остова остались нетронутыми на своихъ мѣстахъ. Изъ вещей же, сверхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ, уцѣлѣло еще значительное число золотыхъ и серебряныхъ, по большею частью мелкихъ, незамѣченныхъ или растерянныхъ обыскателями»... Однѣ изъ этихъ вещей признаны греческими, а между другими вещами, издѣлія не греческаго, нѣкоторыя, какъ видно изъ отчета, весьма сходны съ такъ называемыми чудскими древностями, открываемыми по преимуществу въ юго-западной Сибири.

Вообще съ 1859 года раскопка кургановъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, прерванная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, снова стала производиться съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ, въ особенности въ 1860—1863 годахъ. Самому тщательному изслѣдованію была подвергнута, въ первый изъ этихъ годовъ, такъ, называемая, Толстая могила, на дорогѣ изъ Екатерино-

[72]) Отчетъ за 1859 годъ. С.-Петербургъ, 1862, стр. IV.

слава въ Никополь, у станціи Краснокутской, верстахъ въ двадцати отъ упомянутаго Александропольскаго кургана, или Луговой могилы, съ которою она имѣла большое сходство въ отношеніи устройства. Еще болѣе сходства оказалось между вещами, найденными въ обоихъ курганахъ. Большая часть вещей, найденныхъ въ Толстой могилѣ, не только по формѣ или по характеру, но даже по работѣ, ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которыя были открыты въ Луговой.

Въ числѣ найденныхъ вещей особенно отмѣчены въ Отчетѣ сложенныя въ этой могилѣ въ двухъ кучкахъ разные перегнутые остатки колесницы и до семидесяти желѣзныхъ удилъ. «Быть можетъ», сказано по сему случаю въ Отчетѣ, «это та самая колесница, въ которой, по свидѣтельству Геродота, возили останки сколотскаго царя по всѣмъ подвластнымъ ему народамъ, прежде чѣмъ привозили въ страну Герровъ, гдѣ находилось ихъ царское кладбище. Точно также семьдесятъ удилъ указываютъ, быть можетъ, число коней, сопровождавшихъ погребальное шествіе. Чрезвычайно сильно перегнутые и поломанные колесные ободья колесницы, втулки и другія его крѣпи, сдѣланныя изъ толстаго желѣза, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она разломана была не случайно, а нарочно и сложена здѣсь въ двухъ кучахъ въ то время, когда совершалось погребеніе».

Вмѣстѣ съ остатками колесницы найдено множество разныхъ мѣдныхъ вещей, особенно бляхъ, которыя были нашиты на какую-то тканую матерію, небольшіе колокольчики, разныя привѣски отъ конскихъ уборовъ и четыре большихъ литыхъ изображеній драконовъ, у которыхъ снизу находятся трубки для насаживанія на древки, четыре точно такихъ же изображеній грифона и два—парящей птицы [73]).

Еще блистательнѣе были результаты, которые доставило изслѣдованіе Толстой Чертомлыцкой могилы, находящейся въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ двадцати къ с. з. отъ

[73]) Отчетъ за 1860 годъ. С.-Петербургъ, 1862, стр. VII I.

Никополя. Раскопка этого огромнаго кургана, начатая въ 1862 году, на слѣдующій годъ была окончена, и въ этомъ то году въ немъ добыты были весьма драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ вещи, не смотря на то, что главная гробница оказалась уже разграбленною до-чиста. Кромѣ чрезвычайнаго множества золотыхъ узорчатыхъ украшеній, въ грабительскомъ подземельѣ найдены между прочимъ двѣ большія пластины изъ чеканеннаго золота съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи, относимыя, по стилю своему, къ періоду высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Затѣмъ, въ боковыхъ подземельяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія сложенныхъ въ нихъ сокровищъ, открыты, въ числѣ многихъ другихъ вещей, серебряныя большое блюдо, ложка и ваза съ позолоченными рельефными фигурами признанныхъ Скиѳами людей, занятыхъ уходомъ за своими конями, грифоновъ, терзающихъ оленей, птицъ и цвѣтовъ. По стилю и отдѣлкѣ своей этотъ превосходный сосудъ отнесенъ къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства IV вѣка до Р. Х.[74]), между тѣмъ какъ золотыя вещи представляютъ разительное сходство съ такого же рода древностями, найденными въ Керчи.

Но если даже предметы, открытые въ Чертомлыцкомъ курганѣ, или часть ихъ, подобно вещамъ, прежде найденнымъ въ другихъ курганахъ Екатеринославскаго уѣзда, принадлежали нѣкогда соотечественникамъ Геродотовыхъ Скиѳовъ, то я все-таки не считалъ бы себя обязаннымъ перемѣстить сюда область, въ которой они «въ его время» хоронили своихъ царей. Такъ какъ Скологы вскорѣ, вѣроятно, были изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ, будучи тѣснимы съ запада Гетами, а съ востока Сарматами, то имъ удобнѣе всего было перебраться чрезъ Днѣпръ между Никополемъ и Александровскомъ, послѣ чего еще цѣлыя столѣтія могли оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились разрытые курганы.

---

[74]) Отчетъ за 1863 годъ. С.-П., 1864, стр. III—VIII; сравн. ст. *Забѣлина*: Скиѳскія могилы, въ Трудахъ Московск. Арх. Общ.: Древности, I, стр. 71—90.

Въ этихъ новыхъ жилищахъ своихъ Скиѳы могли уже познакомиться съ серебромъ, которое у нихъ вовсе не было въ употребленіи во времена Геродота (IV, 71).

Даже въ такомъ случаѣ, если бы найденныя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ вещи оказались не только похожими на скиѳскія, но также и «современными» Геродоту, я все-таки не могъ бы, если бы и хотѣлъ, помѣстить туда область Герросъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, тутъ именно должны были обитать Меланхлены. Жилища этого народа граничили на югѣ (IV, 20) съ владѣніями царскихъ Скиѳовъ, которыя простирались къ сѣверу до области Герросъ включительно, — предполагаемой мною на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Александровска.

Впрочемъ, Меланхлены, которые имѣли одинаковые нравы съ Скиѳами (IV, 107) и, подобно имъ, были управляемы царями, также могли имѣть обыкновеніе хоронить послѣднихъ вмѣстѣ съ ихъ конями и колесницами.

Такъ какъ сосѣдственные Меланхленамъ Андрофаги обитали къ сѣверу отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, то оказывается, что и на правой сторонѣ Днѣпра кочевья третьяго скиѳскаго племени, т. е. номадовъ, не доходили до сѣверной границы самой Скиѳіи. Оно и не могло быть иначе. Ибо на этой, нагорной сторонѣ рѣки, Скиѳамъ-кочующимъ принадлежали однѣ только плавни, которыя, какъ уже было замѣчено, не переходили за устье Подпольной, соединяющейся съ Днѣпромъ гораздо ниже Никополя, до окрестностей котораго доходили за тѣмъ вверхъ по рѣкѣ жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ.

Если же Геродотъ говоритъ (IV, 53), что выше отъ ихъ жилищъ Борисѳенесъ протекалъ чрезъ пустыню, то подъ этою пустынею онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ ту самую, которая находилась къ «сѣверу» отъ ихъ страны (IV, 18), между нею и землею Андрофаговъ. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы сказать, что теченіе Борисѳенеса было направлено отъ сѣвера къ югу.

Но какимъ образомъ, спроситъ меня читатель, Меланхлены могли обитать на правомъ берегу Днѣпра выше Никополя? Вѣдь они не были обитателями сказанной пустыни.

На это возраженіе я позволю себѣ отвѣтить, что хотя Геродотъ и полагалъ, что Борисѳенесъ протекалъ вообще отъ сѣвера къ югу, но, какъ онъ самъ сознается (IV, 53), не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о теченіи этой рѣки выше области Герросъ. Поэтому ему, безъ сомнѣнія, не было извѣстно, что уже отъ окрестностей Кіева до Екатеринослава Днѣпръ болѣе и болѣе обращается къ востоку, а затѣмъ, протекая прямо къ югу до Бѣленькой (ниже Александровска), круто поворачиваетъ отъ востока къ западу, и наконецъ уже, отъ устья Базувлука, ниже Никополя, направляется болѣе къ югу.

Въ этомъ-то четыреугольникѣ, образуемомъ Днѣпромъ и Базувлукомъ и соотвѣтствующемъ нынѣшнему Екатеринославскому уѣзду, обитали, по моему мнѣнію, Меланхлены. Вотъ почему, если не ошибаюсь, они хотѣли оставаться нейтральными въ войнѣ между Скиѳами и Персами (IV, 99), подобно Андрофагамъ, Неврамъ и Агаѳирсамъ, которые всѣ обитали между Дунаемъ и Днѣпромъ, равно какъ и Таврамъ, которыхъ защищали горы. Если бы жилища Меланхленовъ находились на лѣвой сторонѣ Днѣпра, то они, вѣроятно, устрашились бы Скиѳовъ болѣе, нежели Персовъ, и не послѣдовали бы примѣру упомянутыхъ народовъ, а присоединились бы къ Скиѳамъ, подобно Сарматамъ, Гелонамъ и Будинамъ, которые всѣ явно обитали за Днѣпромъ. Было бы, однако, невѣроятнымъ, чтобы памятники, сооруженные Меланхленами, могли сохраниться до нашихъ временъ, а отъ народа, гораздо сильнѣйшаго, не осталось ничего подобнаго въ той области, въ которой находилось его святилище.

Къ счастію, различные памятники и преданія даютъ нѣкоторую опору мнѣнію, что это святилище находилось именно въ предположенной мною мѣстности, къ которой по крайней мѣрѣ столь-же удобно какъ къ Екатеринославскому уѣзду, можетъ быть примѣнена слѣдующая замѣтка *Надеждина* (стр. 84): «Вообще должно замѣтить, что эта сторона до самыхъ позднѣйшихъ временъ играла важную роль на всемъ пространствѣ степей Южно-Россійскихъ, что она была какъ-бы клю-

чемъ всего нижняго По-Днѣпровья, что здѣсь именно, на островѣ Хортицѣ, лежащемъ почти подъ самыми Порогами, находилась, какъ было замѣчено, послѣдняя столица послѣднихъ преемниковъ Скиѳовъ, Козаковъ-Запорожцевъ, царевавшихъ отсюда по всему сѣверному Черноморью».

Но, какъ съ островомъ Св. Григорья, хорошо извѣстнымъ основателямъ Русскаго государства, такъ и съ окрестностями этого прекраснаго острова, принадлежащаго нынѣ миролюбивымъ Новокрещенцамъ, сопряжены воспоминанія о временахъ, отдаленныхъ отъ насъ болѣе, нежели періодъ, въ которомъ славянскіе «викинги» старались подражать примѣру норманскихъ «искателей добычи и славы».

Такъ, во-первыхъ, князь *Мышецкій* (l. c. p. 60), сказавъ, что Конка отдѣляется отъ Днѣпра, продолжаетъ: «На оной рѣкѣ Конки, у самаго Днѣпра имѣлся издревле городъ называемый Самысъ, гдѣ была прежнихъ татарскихъ князей столица и въ этомъ городѣ имѣлось 700 мечетей».

Эта мѣстность принадлежала, безъ сомнѣнія, къ той области, о которой Новороссійскій губернаторъ Чертковъ писалъ Кошу Запорожскому, 30 ноября 1772 года, слѣдующее: «Близъ Александровской и Никитинской крѣпости на пространствѣ 30 верстъ между рѣками Кучукомъ и Конскою (слѣдовательно на т. н. Великомъ Лугу) по направленію къ великимъ пескамъ (Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи) найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены жилые, мраморомъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими Татарами и другими народами; но дабы скорѣе окончить постройку Днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только воспрещать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, выбирать, но еще поощрять отыскать другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду пять рублей за кирпичный и по десять за известковый запасъ».

Чрезвычайно важно для археолога также село Малая

Знаменка, или Каменка, лежащее насупротивъ Никополя, отъ котораго отдѣляется сначала Днѣпромъ, а потомъ Конкою, и прилегающее или даже принадлежавшее къ той области, о которой говоритъ губернаторъ.

Окрестности этого села, какъ справедливо замѣчаетъ *Терещенко* (l. l. p. 31), покрыты песчаными буграми, но едва замѣтными, а если и есть большіе, то отъ наноса песку. Между ними видны слѣды искуственныхъ каналовъ, водоемовъ и окоповъ; на пескѣ въ чрезвычайномъ множествѣ валяются битая глиняная посуда, состоящая изъ донышекъ, горлышекъ, ручекъ и т. д., кости человѣческія, лошадиныя, рогатаго скота и овечьи. Упомянувъ о разныхъ монетахъ и другихъ предметахъ, здѣсь открытыхъ и относящихся, по мнѣнію *Терещенки*, къ среднимъ вѣкамъ и даже позднѣйшему времени, онъ однако не скрываетъ, что въ 1845 году дѣтьми найдены разныя золотыя вещи, именно пуговицы, кольца, птички, полумѣсяцы и выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ. Изъ этихъ вещей *Терещенкѣ* самому достались пуговичка, кружечикъ, ракообразный, какъ бы съ изображеніемъ глаза внизу, кружечикъ съ изображеніемъ медузиной головы, пластинка съ изображеніемъ головы, покрытой остроконечной шапкою, какъ бы короною и половинка трубочки. «Все это», говоритъ онъ, «украшало одежду, можетъ быть коронованной особы, и было отнюдь не скиеская, но греческая работа». Отвергая наконецъ мнѣніе, будто бы тамъ погребенъ былъ скиескій царь, *Терещенко* приходитъ къ тому заключенію, что на этомъ именно мѣстѣ стоялъ городъ Самисъ, упомянутый *Мышецкимъ*.

Въ свою очередь графъ *Уваровъ*, изслѣдовавшій окрестности Каменки нѣсколько раньше *Терещенки*, убѣдился, что прежде Татаръ тутъ обитали Греки, и даже говоритъ опредѣлительно, что поселеніе, найденное имъ въ окрестностяхъ Никополя, занимаетъ мѣсто города Серимума, упомянутаго однимъ только Птолемеемъ (III, 5) и отмѣченнаго у него подъ 75 гр. долготы и 50 гр. широты, третьимъ вверхъ по Борисѳенесу.

На мнѣніе графа касательно мѣстоположенія этого города

мнѣ можно бы было сослаться въ пользу того, что я сказалъ о городѣ Митрополисѣ, который Птолемеемъ помѣщенъ между Ольвіею и Керимумомъ и казался графу загадочнымъ [75]).

Но такъ какъ александрійскій географъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ гораздо менѣе довѣрія при опредѣленіи градусовъ долготы и широты различныхъ мѣстностей, чѣмъ при передачѣ этимъ путемъ извѣстія объ относительномъ взаимномъ разстояніи между ними, то я скорѣе готовъ искать городъ Керимумъ около Берислава. Четвертый же городъ вверхъ по Днѣпру, т. е. Сарумъ, отмѣченный впрочемъ не подъ 54 градусомъ широты, а подъ 51 гр 15 мин., столь-же мало могъ находиться около Новомосковска, гдѣ его предполагалъ *Манкертъ*, какъ около Кіева или Кременчуга, куда его хотѣлъ помѣстить графъ *Уваровъ*.

Охотнѣе всего я сталъ бы искать этотъ городъ Сарумъ въ Каменкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ бы, что имя его передѣлано Птолемеемъ (у котораго встрѣчается уже много турецкихъ именъ) изъ татарскаго слова Сарай. Причина, по которой, по мнѣнію моему, городъ этотъ никакъ не могъ находиться около Новомосковска или еще выше по Днѣпру, заключается въ томъ, что въ такомъ случаѣ городъ Амадоку, лежавшій, по Птолемею-же, недалеко, по къ сѣверу отъ Сарума, пришлось бы помѣстить выше пороговъ. Между тѣмъ они-то именно образуются тѣмъ горчымъ кряжемъ, который, пересѣкая всю юго-западную Россію до Азовскаго моря, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ горамъ Амадокскимъ, находившимся, по словамъ Птолемея, къ сѣверу отъ соименнаго имъ города. По этому послѣдній не могъ находиться выше Александровска, ибо лишь здѣсь прекращаются пороги.

Но не только на пространствѣ, заключенномъ между этимъ городомъ и Каменкою, сохранились памятники минувшихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи не менѣе достойны вниманія окрест-

---

[75]) Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. С. П. 1851, стр. 29.

ности села Большой Знаменки, лежащаго въ девяти верстахъ ниже Каменки, внизъ по Конкѣ. Я разумѣю такъ называемый Бѣлозерскій городокъ, находящійся, въ двухъ верстахъ отъ сего. Этотъ городокъ омываютъ рѣка Конка, гирло и Бѣлозерскій лиманъ, которые весною въ полую воду сливаются вмѣстѣ. Съ сухопутной стороны отъ Конки до Бѣлозерскаго лимана онъ огражденъ земляным валомъ и канавами, изъ которыхъ, по сказанію стариковъ-обывателей, лѣтъ сорокъ назадъ, первый былъ такъ высокъ, а послѣдніе такъ глубоки, что не было возможности безъ затрудненія сойти до глубины рва. Еще и теперь валъ вышиною въ 2 или $2^1/_2$ сажени надъ горизонтомъ земли, каналы же глубиною мѣстами въ $1^1/_4$, а мѣстами немногимъ болѣе аршина. Въ валѣ замѣтны проходы и внутри городка площадь, усѣянная незначительными курганчиками. Внутри этой площади насыпанъ другой земляной валъ со рвомъ; изъ нихъ первый вышиною, а послѣдній глубиною одинаковъ съ первымъ. Въ этомъ валѣ замѣтенъ одинъ только проходъ; каналъ же, по свидѣтельству жителей, былъ выложенъ тесаным камнемъ, который вырытъ и употребленъ на постройку церкви въ Большой Знаменкѣ. Рядомъ стоятъ четыре кургана значительной высоты; вершины ихъ были разрыты поселянами для добыванія тесанаго камня и жженаго кирпича, который, судя по оставшимся обломкамъ, былъ превосходнаго качества.

Планъ этого городка съ подробнымъ описаніемъ помѣщенъ г. *Вертильякомъ* въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (IV, 144). По этому я замѣчу здѣсь только, что внутреннюю часть городка жители называли въ 1847 году Кремлемъ и что г. *Вертильяку* удалось пріобрѣсти найденныя въ этомъ городкѣ золотыя украшенія [76]), конскую сбрую и большой глиняный кувшинъ.

---

[76]) Украшенія эти, хранящіяся теперь въ Музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн., представляютъ лежащаго льва, женское лицо прямо, раковину, треугольникъ, весь составленный изъ точекъ, узелки и выпуклыя большія и маленькія пуговицы.

«Внизъ по рѣкѣ Конкѣ, отъ вала за селомъ Большой Знаменки», говоритъ еще г. *Вертильякъ*, «находится мѣсто, по которому на горѣ проходитъ рядъ кургановъ и которое называется Мамурзаки».

«Я твердо убѣжденъ», оканчиваетъ г. *Вертильякъ* свою статью, «что это именно мѣсто есть тотъ городъ, гдѣ хоронили Скиескихъ царей и что постоянныя разысканія по всей этой мѣстности доставили бы много полезныхъ открытій, въ историческомъ отношеніи нашихъ предковъ» (ibid. стр. 145).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о нашемъ родствѣ съ Геродотовыми Скиѳами, я также того мнѣнія, что тщательное изслѣдованіе этой мѣстности могло бы значительно двинуть впередъ вопросъ о мѣстоположеніи области Герросъ. Я не отказался бы отъ этого мнѣнія даже въ такомъ случаѣ, если бы здѣшніе курганы оказались расхищенными и если бы раскопка ихъ не доставила столь блистательныхъ результатовъ, какъ раскопка нѣкоторыхъ кургановъ Екатеринославскаго уѣзда. Въ этомъ случаѣ я могъ бы примѣнить къ Бѣлозерскимъ курганамъ замѣчаніе, къ которому раскопка различныхъ кургановъ одного и того же разряда уже привела Археологическую Комиссію, а именно: «опустошеніе могилъ совершалось ближайшими потомками погребенныхъ, между которыми свѣжи еще были преданія и память о томъ, въ какую именно могилу положены искомыя богатства [77])».

Разумѣется, что для рѣшенія вопроса о времени и виновникахъ постройки Бѣлозерскихъ кургановъ, если бы послѣдніе дѣйствительно оказались расхищенными, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на ихъ форму, на расположеніе могущихъ въ нихъ встрѣтиться гробницъ и другихъ принадлежностей, какъ напр. «каменныхъ бабъ», которыя въ нашихъ степяхъ нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ количествѣ, какъ по обѣимъ сторонамъ Молочныхъ водъ, между Днѣпромъ и Бердою, и кото-

[77]) Отчетъ за 1861 годъ. С.-П. 1863, стр. XII.

рыя безспорно принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ памятникамъ старины въ нашемъ краю [78]).

Сколько можно судить по свѣдѣніямъ, до сихъ поръ собраннымъ объ этихъ статуяхъ, которыя названіемъ своимъ и неизящнымъ видомъ напоминаютъ изображенія, изсѣченныя на т. н. pierre aux demoiselles близъ Женевы [79]), то большая часть изъ нихъ представляетъ чисто монгольскій типъ, выражающійся особенно въ формѣ глазъ. Впрочемъ встрѣчаются нерѣдко и такія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго; да кромѣ того онѣ различествуютъ однѣ отъ другихъ чертами лица, одеждою и другими принадлежностями. Къ этому разряду принадлежали вѣроятно тѣ статуи, которыя Рубруквисъ [80]) приписалъ Команамъ, т. е. народу тюркскому. Итакъ, эти загадочныя статуи, кажется, не могутъ быть отнесены къ одному только народу или племени, а представляютъ намъ, такъ сказать, портретную галлерею различныхъ націй, которыя, въ теченіе вѣковъ, являлись въ нашихъ степяхъ, проходили по нимъ и изчезали.

Какъ происхожденіе этихъ памятниковъ, такъ и цѣль ихъ сооруженія до нынѣ не объяснена. По мнѣнію *Кёппена* (l. l. 3), эти истуканы служили идолами для поклоненія; мнѣніе это онъ частью основываетъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ курганахъ, разрытыхъ въ 1842 году меннонитомъ Корнисомъ около устья Молочной, вовсе не было найдено труповъ, между

---

[78]) Одесское Общество Исторіи и Древностей успѣло собрать довольно значительную коллекцію этихъ грубоизсѣченныхъ статуй доставленныхъ по большей части съ западнаго прибрежья Азовскаго моря. Почти всѣ онѣ имѣютъ обликъ монгольскій и держатъ въ рукахъ прижатое къ чреву что то въ родѣ чаши, подобно статунмъ Команскимъ, о которыхъ говоритъ Рубруквисъ. Эта чаша, по мнѣнію *Спасскаго* (З. О. О. I. 590) и *Фундуклея* (Обзоръ могилъ и пр. Кіевской губерніи. Кіевъ, 1848), была аттрибутомъ идоловъ монгольскихъ; по мнѣнію же *Флоренсова* эти мнимыя чашки, имѣющія часто углубленіе вверху и внизу, суть ничто иное, какъ полотенца, или ручники, вложенныя въ руки умершему.

[79]) *Фабръ*, О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ, древле-обитавшихъ въ Новоросс. краѣ, въ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., II, стр. 43.

[80]) Itinerarium, въ Recueil de voy., IV, p. 235.

тѣмъ какъ въ одной изъ могилъ находились куски каменной бабы.

По мнѣнію другихъ, именно г. *Флоренсова*[81]), эти истуканы, напротивъ того, были ничто иное, какъ портреты, ставившіеся на могилы усопшихъ, что скорѣе подтверждается, нежели опровергается результатами изслѣдованій Екатеринославскихъ кургановъ.

Такъ напр. при раскопкѣ большаго кургана у селенія Бѣленькаго, въ четырехъ верстахъ отъ Днѣпра, кромѣ обломковъ такой бабы, стоявшей вѣроятно еще въ оградѣ, подлѣ гробницы, найденъ огромный камень въ родѣ бабы изъ красноватаго песчаника[82]).

Кажется впрочемъ, что не всѣ курганы, по крайней мѣрѣ у насъ, были непремѣнно гробницами, хотя, правда, большая часть наименованій, которыми различные народы ихъ означали, имѣютъ связь съ этимъ назначеніемъ[83]).

По *Дюбуа*[84]) кромѣ могилъ собственно (tumulus funéraires), въ юго-западной Россіи встрѣчаются еще: курганы пограничные (t. limites); курганы, служившіе для культа древняго друидійскаго или пелазгическаго грома (t. rugés); курганы-телеграфы (t. télégraphes) и курганы, воздвигнутые для ознаменованія подвиговъ (t. trophées). Всѣ эти различнаго рода курганы, по мнѣнію *Дюбуа*, ничѣмъ не отличаются отъ могильныхъ кургановъ.

Такимъ образомъ, для рѣшенія вопроса къ какому именно разряду принадлежалъ разрытый курганъ, слѣдуетъ только опредѣлить: что такое значили вещи, которыя бы въ немъ оказались.

Опредѣлить это однако не всегда легко, судя по противуположнымъ мнѣніямъ, которыя вызваны были нѣкоторыми

---

[81]) О каменныхъ бабахъ, въ Зап. Одесс. Общ., II, стр. 822.

[82]) Отчетъ Арх. Комм. за 1860 годъ, стр. X.

[83]) *Броніовій*, говоря (Schwandtner, Script. rer. hungar., I, 819), что tumuli, или могилы, Татарами называемы были «Cosles», быть можетъ, по недоумѣнію примѣнилъ къ нимъ татарское же слово «Кишла», становище.

[84]) Des tumulus etc. въ Ann. d. voyages, 2 année, 1843, p. 183.

мѣдными вещами, найденными нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ невысокомъ курганѣ у села Козорѣзова, въ Бобринецкомъ уѣздѣ [85]).

Въ Одесскомъ музеѣ можно было видѣть эти вещи, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, отправленныхъ Одесскимъ Обществомъ въ С.-Петербургъ, въ тамошнее Археологическое Общество и въ Императорскій Эрмитажъ Тогда какъ въ Эрмитажѣ они были приняты за серпы, а въ Археологическомъ Обществѣ за скребницы, г. секретарь Одесскаго Общества Исторіи и Древностей призналъ въ найденныхъ орудіяхъ ножи въ родѣ тѣхъ, которые были въ употребленіи у древнихъ Скиѳовъ для приношенія богамъ человѣческихъ жертвъ, выбиравшихся преимущественно изъ военноплѣнныхъ или чужестранцевъ.

Не мнѣ рѣшить какому изъ этихъ трехъ мнѣній слѣдуетъ отдать преимущество. Позволю себѣ только замѣтить, что мнѣніе г. секретаря нѣсколько подтверждается мѣстомъ находки этихъ орудій. Если они дѣйствительно служили Скиѳамъ при жертвоприношеніяхъ, то легко могли быть ими оставлены или зарыты въ мѣстности, чрезъ которую пролегали Святые пути, когда Скиѳамъ самимъ пришлось удалиться изъ своей родины. Не могу однакоже скрыть что затѣмъ въ Музей Общества были доставлены еще подобныя орудія, найденныя въ 1856 году близь Березани; кромѣ того я имѣлъ случай видѣть мѣдную вещицу, найденную въ имѣніи графа Канкрина на Конкѣ: она похожа на два другія орудія, доставленныя Обществу вмѣстѣ съ приведенными ножами и признанныя г. секретаремъ за сѣкиры, которыми умерщвлялись, ударомъ въ лобъ, люди и животныя, обреченныя на жертву. По Геродоту (IV, 103) впрочемъ не Скиѳы, а Тавры, поступали такъ съ Эллинами, брошенными судьбою на берегъ моря, названнаго нѣкогда не безъ причины негостепріимнымъ. Богиню, которой приносимы были эти жертвы, сами Тавры выдавали за дочь Агамемнона, Ифигенію. Храмъ ея, построенный на кру-

[85]) Записки Од. Общ., III, стр. 567.

томъ мѣстѣ[86]), столь же хорошо могъ находиться на мысѣ Фіолентъ, къ западу отъ Балаклавы, какъ въ деревнѣ Партенитъ у подошвы Аюдага, куда его хотѣлъ перемѣстить *Бларамберг*, по мнѣнію котораго упомянутый Страбономъ храмъ «божественной дѣвы», находясь на разстояніи 100 только стадій отъ города Херсониса, долженъ былъ стоять на низменномъ мысѣ того-же имени.

Къ сожалѣнію Страбонъ, столь отчетливо описавшій Таврическій полуостровъ, не говоритъ, почему именно сѣверная часть его называлась «Малою Скиѳіею» (VII, 4, 5), а мимоходомъ только упоминаетъ о «царскихъ» Скиѳахъ (VII, 3, § 17). Это впрочемъ не мѣшаетъ намъ помѣстить принадлежавшую имъ область Герросъ ниже пороговъ Днѣпровскихъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки.

Труднѣе согласить съ этимъ мнѣніемъ слѣдующую замѣтку Геродота о Борисѳенесѣ. Сказавъ (IV, 53) что рѣка эта величиною своею уступала только Истросу и Нилу, и что обиліемъ водъ своихъ она доставляла прибрежнымъ жителямъ много выгодъ, онъ продолжаетъ: «до области Герросъ, до которой сорокъ дней плаванія, Борисѳенесъ знаемо течетъ съ сѣвера; выше же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія. Только одной этой рѣки да еще Нила я не въ состояніи указать источниковъ; да и никто, думаю, изъ Эллиновъ, не укажетъ ихъ». За тѣмъ Геродотъ переходитъ къ описанію нижней части рѣки, извѣстной ему гораздо лучше.

Всѣ почти толкователи Геродота, кромѣ тѣхъ, которые искали область Герросъ выше пороговъ, около Екатеринослава[87]), Кіева[88]), и даже Чернигова (Hansen, p. 42), принуждены были допустить, что разстояніе между нею и устьемъ Борисѳене-

[86]) Eurip. Iphig. in Taur. v. 1375 etc. см. выше ч. I. стр. 67.
[87]) *Думашевъ*, l. l. p. 38; *Kolster*, l. l. p. 19.
[88]) *Mannert*, l. l. p. 80; *Eichwald*, l. l. p. 304.

са не могло составить сорокъ дней водянаго пути. По этому большая часть изъ нихъ, для соглашенія показанія Геродота съ дѣйствительностью, сходилась въ мнѣніи, что число 40 попало въ текстъ по ошибкѣ вмѣсто 14.

Весьма немногіе, въ томъ числѣ графъ *Потоцкій*[89]), думаютъ, что сорока днями плаванія Геродотъ хотѣлъ опредѣлить не разстояніе между устьемъ Борисѳенеса и Герросомъ, но часть рѣки, протекающей до этого мѣста съ сѣвера.

Не имѣя другаго средства устранить здѣсь недоумѣніе, я принужденъ сознаться, что мнѣніе графа мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) такъ какъ Геродотъ уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 18), что Скиѳи-земледѣльцы обитали вверхъ по Борисѳенесу на 14 дней, то ему небыло надобности говорить еще разъ объ этихъ 14 дняхъ уже и потому, что тутъ-же (IV, 53) прибавляетъ, что нижняя часть рѣки, внизъ по ея теченію, составляла десять дней плаванія;

2) такъ какъ Скимнъ Хіосскій[90]) и Мела[91]), которые также говорятъ о сорокадневномъ плаваніи по Борисѳенесу, явно заимствовали это извѣстіе у Геродота, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, по какой бы то ни было причинѣ, дѣйствительно говоритъ о сорока дняхъ;

3) изъ словъ Геродота не слѣдуетъ, что онъ этимъ числомъ непремѣнно хотѣлъ опредѣлить протяженіе нижней части Борисѳенеса, а не верхней, заключенной между Герросомъ и тѣмъ пунктомъ, гдѣ рѣка начинаетъ стремиться съ сѣвера къ югу. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ право присовокупить, что никому не было извѣстно, какіе люди жили выше по рѣкѣ, т. е. выше Герроса: ибо, въ другомъ мѣстѣ (IV, 71), онъ упоминаетъ, что Борисѳенесъ далѣе этого края не былъ судо-

---

[89]) Voyage dans les steps etc, II, p. 173.

[90]) Frag. 70; Peripl. P. Euxini § 12.

[91]) Мела, II, 1, Солинъ, 15, и Амміанъ, XXII, 8, по примѣру Плинія, ищутъ источники Борисѳенеса у Невровъ, обитавшихъ скорѣе при верховьяхъ Ингульца, чѣмъ около Смоленска.

ходенъ, безъ сомнѣнія по причинѣ пороговъ, при которыхъ конечно и тогда, какъ теперь, прекращалось всякое судоходство вверхъ по рѣкѣ. Впрочемъ въ словахъ Геродота я не вижу намека на это препятствіе. Напротивъ того, я думаю, что онъ ничего не зналъ о порогахъ: иначе, какъ уже замѣтили другіе и между прочимъ *Нейманъ* (l. l. p. 211), онъ не преминулъ бы упомянуть о нихъ при сравненіи Борисѳенеса съ Ниломъ.

Молчаніе Геродота въ этомъ случаѣ служитъ сильнымъ доводомъ противъ вышеупомянутаго мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые хотятъ помѣстить область Герросъ выше пороговъ и думаютъ этимъ увѣрить насъ, что Геродотъ умалчиваетъ о нихъ, хотя они и находились въ странѣ, ему хорошо извѣстной. Притомъ не понятно, какимъ образомъ устье Днѣпра разстояніемъ въ 40 дней плаванія могло быть отдѣлено отъ области Герросъ, тогда какъ отъ земли Меланхленовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ области, можно было дойти до моря пѣшкомъ въ 20 дней [92]).

Познакомившись съ мѣстами пребыванія различныхъ обитателей Геродотовой Скиѳіи, посмотримъ теперь, не могутъ ли предѣлы этой страны, мною предположенные, послужить къ объясненію вопроса, какимъ образомъ ему могла придти мысль сказать, что Скиѳія была родъ четыреугольника, который съ двухъ сторонъ примыкалъ къ морю и имѣлъ ровное протяженіе, какъ въ средиземьѣ, такъ и вдоль моря. Чтобы показать, что онъ говоритъ это не на угадъ, онъ затѣмъ прибавляетъ (IV, 101): «Отъ Истроса до Борисѳенеса десять дней сухопутья; а отъ Борисѳенеса до озера Меотиды другихъ десять. Средиземьемъ отъ моря до Меланхленовъ, которые живутъ надъ Скиѳами, сухопутья двадцать дней. Я считаю на день сухопутной ходьбы двѣсти стадій. Стало быть въ поперечныхъ бокахъ вый-

[92]) Непонятно, какимъ образомъ *Берг* (l. l. p. 497) послѣ приведеннаго указанія Геродота, счелъ необходимымъ перемѣстить Меланхленовъ изъ Полтавы, гдѣ ихъ искалъ *Кольстерг* (l. l. p. 607), въ окрестности Москвы.

детъ въ каждомъ по четыре тысячи стадій, и въ продольныхъ по направленію въ средиземье, въ каждомъ, опять по стольку же. Вотъ и вся величина области».

Нельзя не согласиться, что подъ первою изъ сторонъ своего четыреугольника Геродотъ могъ разумѣть только сѣверный берегъ Чернаго моря, заключающійся между устьями Дуная и Днѣпра; затѣмъ продолженіе этого берега до окрестностей Евпаторіи и наконецъ линію, мысленно приведенную имъ оттуда поперекъ Крыма, къ сѣверу отъ горной части полуострова до Керченскаго пролива.

Безъ сомнѣнія, вся эта сторона, пролегающая между Истросомъ и Меотидою, далеко не составляетъ прямой линіи: если же она могла казаться такою Геродоту, то это показываетъ только, что Каркинитскій заливъ былъ ему извѣстенъ столь же мало, какъ Перекопскій перешеекъ и Сивашъ [93]).

Но если таковъ былъ взглядъ Геродота на ту сторону, которую онъ долженъ былъ знать лучше прочихъ, то и нельзя требовать отъ него болѣе точности при опредѣленіи прочихъ сторонъ Скиѳіи, доступныхъ ему гораздо менѣе.

Послѣ сказаннаго мною о мѣстѣ пребыванія царскихъ Скиѳовъ, я въ правѣ думать, что подъ «второю стороною», которая простиралась отъ моря до жилищъ Меланхленовъ, Геродотъ не могъ не разумѣть сѣверное прибрежье Керченскаго полуострова, Арабатскую стрѣлку и рѣки Молочную и Конскую, до впаденія послѣдней въ Днѣпръ. Правда, что такимъ образомъ эта сторона вышла бы на столько короче 4000 стадій, положенныхъ Геродотомъ на каждую изъ сторонъ его четыреугольника, на сколько первая сторона въ дѣйствительности превосходитъ ихъ длиною своею. Зато по крайней мѣрѣ вторая сторона, какъ можно усмотрѣть изъ карты южной Россіи, гораздо болѣе первой походитъ на прямую линію.

Остальныя двѣ стороны, параллельныя двумъ первымъ, по взгляду Геродота, соотвѣтствовали линіи, которая, по моему

---

[93]) *Ukert*, l. l. III, p. 458.

же мнѣнію, должна быть проведена отъ южнаго устья Дуная вверхъ по теченію этой рѣки до устья Алуты и даже немного выше. За тѣмъ линію эту надобно провести не прямо, а съ соблюденіемъ по возможности указанной Геродотомъ параллельности съ двумя первыми сторонами—поперекъ Придунайскихъ Княжествъ и Бессарабіи, по южной части Подоліи и сѣверо-восточной части Херсонской губерніи до устья Базувлука и оттуда вверхъ по Днѣпру до устья Конской, ниже Александровска.

Геродотъ не говоритъ прямо, гдѣ находился уголъ, образуемый этими двумя сторонами; но такъ какъ, по его словамъ, онѣ имѣли одинаковое протяженіе, то мы должны помѣстить точку, ихъ раздѣлявшую, въ серединѣ всей проведенной нами линіи между Дунаемъ и Днѣпромъ, т. е. около Бѣльцъ или Могилева на Днѣстрѣ. Такимъ образомъ будутъ опредѣлены остальныя двѣ стороны четыреугольника и окажется не только, что на каждую приходится около 4000 стадій, но что Геродоту могло показаться, будто бы одна изъ нихъ параллельна описанной имъ поперечной сторонѣ, а другая—береговой.

Во всякомъ случаѣ попытка моя и въ этомъ отношеніи согласовать показаніе Геродота съ дѣйствительностью не нуждается въ уловкахъ и натяжкахъ въ родѣ тѣхъ, къ которымъ до сихъ поръ принуждены были прибѣгать всѣ старавшіеся возстановить Скиѳскій четыреугольникъ, такъ какъ они предубѣждены были въ томъ, что одна изъ сторонъ этого четыреугольника непремѣнно должна была примыкать къ Дону.

Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется новое доказательство въ пользу моего мнѣнія, что подъ Танаисомъ Геродотъ скорѣе могъ разумѣть Молочную, нежели Донъ, или же устье этой рѣки съ Донцомъ.

Но вотъ, кстати, въ случаѣ надобности, еще другое доказательство справедливости этого мнѣнія.

По свидѣтельству Платона [94]), воинственныя женщины, названныя Савроматидами, обитали при Понтѣ, тогда какъ, по

[94]) De legg. ed. Bipont., VIII. 355, 377.

Гиппократу [95]), скиѳскій народъ Савроматы обитали при Меотидѣ. Скилаксъ (p. 30, ed. Huds.) помѣщаетъ Сарматовъ къ сѣверу отъ Меотиды, надъ Таврикою, откуда *Укертъ* [96]) съ *Нибуромъ* [97]) напрасно хотѣли ихъ удалить, объявивъ, что слова ὑπὲρ τῆς Ταυρικῆς по ошибкѣ только попали на мѣсто, занимаемое ими въ периплѣ.

Тимосѳенъ [98]), современникъ Птолемея Филадельфа, опредѣляя жилища народовъ по странамъ свѣта, говоритъ: противъ Ѳракіаса, къ сѣверу отъ Ѳракійцевъ, обитаютъ Скиѳы; противъ Бореаса находятся Понтъ, Меотида, Савроматы. Словомъ, вскорѣ послѣ Геродота, Савроматы или Сарматы [99]) уже являются на западномъ берегу Азовскаго моря, между тѣмъ какъ ни у одного древняго автора нѣтъ намека на то, что они переселились туда изъ-за Дона. Даже у позднѣйшихъ писателей мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Страбонъ, говоря (VII, 3 § 13) о движеніяхъ народовъ при Истросѣ, замѣчаетъ, что Скиѳы, Бастарны и Сарматы переправились чрезъ рѣку и переселились частью на южный берегъ этой рѣки. Хотя Плиній (VI, 7) и говоритъ о какихъ то измѣненіяхъ при Танаисѣ, но никто не упоминаетъ о походахъ и завоеваніяхъ Сарматовъ.

Правда, что по словамъ *Нибура* (l. l. 395), Сарматы медленно распространялись до Дуная и до Вислы, истребляя Скиѳовъ и тѣсня Гетовъ (die Geten einschränkend); но онъ самъ принужденъ сознаться, что историки молчатъ объ этомъ передвиженіи Сарматовъ (ibid. 388): оно только должно было имѣть мѣсто, sie (die Ausbreitung) lässt sich nur wahrnehmen und folgern.

При всемъ уваженіи къ дару комбинацій великаго критика, я въ этомъ случаѣ считаю себя въ правѣ вывести со-

---

[95]) De aëre etc. § 89, 91; ср. *Potocki*, l. c. I, p. 90, § 16.

[96]) Geogr. d. Gr. u. R., p. 322, пр. 62 (III, 2).

[97]) Kleine hist. Schriften, I, стр. 382.

[98]) Agathemer., I, 2.

[99]) О тождествѣ Савроматовъ и Сарматовъ см. между прочимъ: *Baehr*, l. l. II, p. 331 и *Vivien de Saint-Martin*, Recherches s. l. populations primitives etc. du Caucase, Par. 1847, p, 161, note 2.

вершенно иное заключеніе изъ упорнаго молчанія древнихъ авторовъ относительно постепеннаго передвиженія Сарматовъ изъ предкавказскаго края до Карпатовъ. Мнѣ кажется, что этотъ народъ, по крайней мѣрѣ во времена Геродота, долженъ былъ обитать на западной сторонѣ Азовскаго моря. По этому то и Танаисъ, который, подобно сему морю, отдѣлялъ ихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, гораздо удобнѣе могъ означать Молочную, нежели Донъ съ Донцомъ.

Такъ какъ страна, занимаемая Сарматами, простиралась, по Геродоту, къ востоку за Танаисъ на три дня ходьбы по берегу Азовскаго моря (IV, 96), а къ сѣверу на пятнадцать дней (21), то и оказывается, что жилища ихъ находились между Молочною и Кальміусомъ, и доходили къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу Волчьей и нижней Самары, до Днѣпра, который между Екатеринославомъ и Александровскомъ отдѣлялъ ихъ отъ Меланхленовъ. Пространство это составляетъ большею частью унылую, безводную степь, и соотвѣтствуетъ замѣчанію Геродота (IV, 21), что обширная страна, въ которой обитали Сарматы, была совершенно гола и безлѣсна.

Напрасно *Нейманъ* (l. l. p. 83) изъ приведеннаго имъ французскаго перевода извѣстія Рубруквиса выводитъ заключеніе, будто-бы въ XIII вѣкѣ нашей эры лѣса еще существовали на гранитной формаціи между Молочною и Бердою. По крайней мѣрѣ, если держаться латинскаго текста, то всѣ рукописи согласны въ томъ, что степь эта тогда уже не представляла взорамъ путешественника ни лѣсовъ, ни горъ, ни камней: solitudo, in qua nulla silva, nullus mons, nullus lapis, herba optima [100]). Таковъ безъ сомнѣнія и смыслъ французскаго перевода этого мѣста дневника: où on ne trouve *que* des forests, des montagnes, avec des pierres [101]).

---

[100]) Itinerarium въ Recueil de Voyages, t. IV, p. 246.

[101]) *Rubruquis*, Voyage en Tartarie, ed. Bergeron, 1735, p. 26; ср. *Rogeard* (Les propos de Labienus, 8-me edit., p. 7): et je n'ai *que* faire de l'avis du paysan du Danube.

Слабые слѣды долгаго пребыванія Сарматовъ въ предѣлахъ, мною предположенныхъ для ихъ жилищъ, сохранились, быть можетъ, въ именахъ, если не Берды и Самары, напоминающихъ хотя созвучіемъ имена славныхъ нѣкогда городовъ въ Арранѣ и Согдіанѣ, то, по крайней мѣрѣ, Днѣпра, или Danapris. Еще въ древности (Перип. Безъим. § 11) Борисѳенесъ былъ извѣстенъ подъ этимъ наименованіемъ, въ окончательномъ слогѣ котораго, какъ справедливо замѣчаетъ *Надеждинъ* (l. l. p. 32), слышится какъ будто первая половина названія Борисѳенесъ, тогда какъ начало всего слова Дана составлено изъ какого-то таинственнаго звука «д-н», являющагося въ нынѣшнихъ названіяхъ и другихъ сопредѣльныхъ Днѣпру рѣкъ, какъ-то Днѣстра, Дуная и Дона.

Впрочемъ *Надеждину*, вѣроятно, не было безъизвѣстно, что это таинственное «д-нъ» слышится также въ нарицательномъ имени донъ, что значитъ текущая вода, рѣка, на языкѣ Осетинцевъ, которые еще нынѣ [102]) сами себя называютъ Иронъ и въ которыхъ неоднократно признавали потомковъ Сармáтовъ, выведенныхъ, по Діодору (II, 44), Скиѳами изъ Мидіи на Кавказъ [103]).

За Сарматами, къ востоку разумѣется [104]), вторую область занимали Будины (IV, 21), у которыхъ земля была покрыта всякаго рода лѣсомъ. Это былъ народъ великій, многочисленный, съ голубыми глазами и русыми волосами (γλαύκον καὶ πῤῥον). У нихъ былъ большой деревянный городъ, именуемый Гелоносъ (IV, 108); жители его были потомками Эллиновъ, поселившихся у Будиновъ, отъ которыхъ различались языкомъ своимъ, полускиѳскимъ и полуэллинскимъ, равно какъ и образомъ жизни. Повторивъ еще разъ, что земля Будиновъ вся была зарощена лѣсомъ, Геродотъ (IV, 109) продолжаетъ: «Въ самой глубокой пущѣ находится большое многоводное озеро, а

---

[102]) *Sjögren*, Ossetische Sprachlehre, S. P., 1844, p. 383.

[103]) *Vivien de S. Martin*, l. c.

[104]) *Bobrik*, Geogr. d. Herodot, Königsberg, 1838, p. 117.

вокругъ него болото, поросшее тростникомъ. Въ этомъ озерѣ ловились выдры и бобры и другіе звѣри съ четыреугольною мордою, шкуры которыхъ употреблялись на обшивку платья, тогда какъ ядра весьма почитались пригодными въ маточныхъ болѣзняхъ».

Такъ какъ при описаніи народовъ, обитавшихъ за Скиѳіею, Геродотъ придерживается того-же порядка отъ запада къ востоку, то жилища Будиновъ, по моей гипотезѣ, должны были находиться за Бердою, съ одной стороны между Кальміусомъ и Волчьею-водою, а съ другой между Міусомъ и Самарою до соединенія съ нею Волчьей.

Къ счастію, мѣстныя особенности этой полосы, соотвѣтствующей Міусскому округу Земли Донскаго войска (кромѣ приморскаго края, въ которомъ обитали Меоты, какъ увидимъ ниже) и частямъ уѣздовъ Павлоградскаго и Бахмутскаго, позволяютъ мнѣ безъ натяжки примѣнить къ ней то, что Геродоту показалось достойнымъ вниманія въ землѣ Будиновъ.

Что касается лѣсовъ, которыми она изобиловала въ его время, то нельзя не убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, если припомнить, какъ значительны были здѣсь лѣса лѣтъ двѣсти тому назадъ. Такъ напр. *Боплант*[105]) не могъ надивиться богатству строеваго лѣса, находившагося въ окрестностяхъ Самары. Не смотря на безпощадное истребленіе ихъ Татарами и казаками, на берегахъ этой рѣки, названной послѣдними Священною, находились еще, около ста лѣтъ спустя, сосновый боръ, дубовый и другой черный лѣсъ. Болѣе или менѣе густыя купы деревьевъ встрѣчались тогда же по берегамъ Волчьихъ водъ, Кальміуса и Міуса[106]). Поэтому неудивительно, что несчастная для Мамая встрѣча съ Тохтамышемъ, въ 1380 году, могла произойти въ «Калкскихъ лѣсѣхъ»[107]), или что Рубруквисъ могъ говорить о проѣздѣ своемъ чрезъ «большой лѣсъ» на западной сторонѣ Дона[108]).

---

[105]) Beschreib. d. Ukraine, übers. v. *Moeller*, Breslau, 1780, p. 24.

[106]) *Черкасскій*; у *Мышецкаго*, l. l. p. 83.

[107]) *Карамзинъ*, l. l. V. пр. 88

[108]) *Itinerarium*, въ вышеприведенномъ Recueil, p. 250.

Но не только въ столь отдаленныя отъ насъ времена, даже до нынѣ сохранились слѣды существованія значительныхъ лѣсовъ въ этой части Новороссійскаго края. Такъ напр. ученый агрономъ *Бауманъ*, хорошо знакомый съ этою мѣстностью, выражается слѣдующимъ образомъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Многіе ученые отвергаютъ возможность существованія первобытныхъ лѣсовъ въ южностепномъ краѣ въ отдаленныя отъ насъ времена; я самъ принадлежалъ къ приверженцамъ сего мнѣнія; но послѣднее путешествіе по землѣ Донскаго войска совершенно меня убѣдило въ справедливости противуположнаго мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, ни одна страна южной Россіи не способна такъ убѣдить наблюдателя въ этомъ мнѣніи, какъ та, въ которой, можно сказать, на нашихъ глазахъ, постоянно образуются степи.... Донской кряжъ (о Задонской степи здѣсь не говорится) имѣетъ мѣстность возвышенную, волнообразную; если этотъ край, именно на возвышенностяхъ, былъ бы лѣсистый, то онъ защищалъ бы всю южную Россію отъ вреднаго для сельскаго хозяйства вліянія палящаго юговосточнаго и восточнаго вѣтровъ, дующихъ съ разгоряченныхъ пустынь Азіи. Съ другой стороны нигдѣ въ южной Россіи, за исключеніемъ, быть можетъ, сѣверной части Бессарабіи (замѣчаетъ г. *Бауманъ* въ другомъ мѣстѣ), нѣтъ такихъ остатковъ величественныхъ лѣсовъ, какъ въ землѣ Войска Донскаго» [109]).

Подобные остатки сохранились впрочемъ до нынѣ также въ упомянутыхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Такъ напр. кустарники и лѣса, которые и нынѣ еще встрѣчаются во множествѣ около береговъ Орели [110]), занимаютъ еще большія пространства на берегахъ Самары въ Новомосковскомъ уѣздѣ; встрѣчается не малое число прямыхъ деревъ, въ три и даже четыре сажени вышины, хотя и сучковатыхъ. Почва не пред-

[109]) Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1856; Мартъ и Іюль.

[110]) *Павловичъ*, Матеріалы для Геогр. и Статистики Екатеринославской губ. С.-П., 1862, стр. 43.

ставляетъ здѣсь препятствія къ произростанію, хотя, въ настоящее время, большею частью лѣса здѣсь растутъ лишь вблизи рѣкъ, на низменныхъ и ровныхъ плоскостяхъ. Въ Павлоградскомъ уѣздѣ лѣса мѣстами довольно густы, хотя пространства, ими занимаемыя, не слишкомъ велики. Почва весьма хороша и способствуетъ произрастанію всѣхъ родовъ лѣса. Если же въ настоящее время деревья твердыхъ породъ большею частью кривы и неравномѣрны, то это происходитъ оттого, что они растутъ отъ корней и пней прежде срубленныхъ деревьевъ, а не отъ самосѣва: доказательствомъ сказаннаго служитъ находящаяся не въ дальнемъ отъ этихъ лѣсовъ разстояніи, сбереженная дача помѣщика Родзянки, въ которой имѣются дубы значительной толщины и вышины, при весьма прямомъ ростѣ (ibid. стр. 154).

Стараясь доказать, что въ этой именно части южной Россіи находились жилища Будиновъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отыскать здѣсь слѣды озера, находящагося среди лѣсовъ: это озеро такъ обстоятельно описано Геродотомъ, что его уже нельзя выдавать за произведеніе фантазіи тогдашнихъ теоретиковъ.

Обязанный указать этому озеру приличное мѣсто, я готовъ предпочесть всѣмъ прочимъ мѣстностямъ — окрестности города Павлограда, между рѣкою Самарою и притокомъ ея съ лѣвой стороны, Волчьей, которыя представляютъ низменность и теперь еще во многихъ мѣстахъ покрытую болотами (ibid. стр. 19). Все это обширное пространство заливается часто весенними водами, такъ что иногда цѣлые обозы задерживаются здѣсь недѣли по двѣ, по трудности переправы чрезъ обѣ рѣки (ibid. стр. 41). Къ этому пространству примыкаютъ также весьма топкія болота (между Волчьей и маленькою рѣкою Кочергою, текущею въ Самару) по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Павлограда въ село Вязовки. Эти болота покрыты кустарникомъ и проходимы только лѣтомъ въ сухое время. Самая же дорога, пролегающая между ними, грязна, а весною и осенью весьма затруднительна для переѣзда (ibid. стр. 47). Вся-

кій согласится, что по причинамъ, часто приводимымъ въ настоящей статьѣ, эти топкія мѣста, представляющія рѣзкій контрастъ съ обыкновеннымъ характеромъ прочихъ степей, могли быть въ древности порядочнымъ озеромъ.

Кажется даже, что части этого озера существуютъ еще доселѣ, если имѣть въ виду отмѣченные въ этихъ мѣстахъ на картѣ *Шуберта*[111]) «водяной оврагъ» и довольно значительное озеро, названное «Лиманъ Солоной», — хотя вода въ немъ прѣсная (*Павловичъ*, l. l. p. 45). Въ настоящее время это озеро, имѣющее $3^1/_2$ версты въ длину и 2 версты въ ширину, лѣтомъ почти высыхаетъ; но по увѣренію старожиловъ, глубина его въ прежнія времена была весьма значительна (ibid. l. c.).

Находящіяся въ его сосѣдствѣ деревни Лѣсная и Дубравая и оврагъ Лозоватый припоминаютъ пущу и тростникъ, окружавшіе нѣкогда озеро Будиновъ.

Неудивительно было бы, если бы въ то время въ этомъ тростникѣ водились выдры, потому что онѣ и нынѣ еще попадаются въ рѣкахъ Екатеринославской губерніи. Во времена Геродота эти рѣки могли даже изобиловать бобрами, такъ какъ они недавно еще водились на берегахъ Дона[112]). Въ средніе вѣка они встрѣчались во всѣхъ нашихъ рѣкахъ; Арабы получали бобровые мѣха не только отъ Турокъ, но и отъ Славянъ, зная и употребляя славянское названіе этого животнаго, а по словамъ Эдриси лѣса къ сѣверу отъ земли Комановъ были мѣстопребываніемъ бобровъ.

Вѣроятно мѣха ихъ вывозились изъ портовъ Азовскаго моря еще въ Генуэзскомъ періодѣ; можетъ быть, по этой причинѣ одинъ изъ прибрежныхъ пунктовъ, отмѣченный на ихъ картахъ около нынѣшняго Молочанскаго лимана, названъ lena de castori (gastori, gospori etc.), т. е. бобровое озеро[113]), подобно тому, какъ притокъ Самары, при которомъ лежитъ вышеупомянутое село Вязовокъ, нынѣ еще называется Бобровкой.

---

[111]) Спеціальная карта зап. Россіи, листъ 47.

[112]) V. d. *Brincken*, Bewaldung d. Steppen etc., p. 68.

[113]) *Ducange*, Gloss. Graec. v. λειμν: lacus aquam continentes.

Напрасно *Эйхвальдъ* [114]) думаетъ, что подъ третьимъ животнымъ, ядра котораго употреблялись противъ женскихъ болѣзней, Геродотъ разумѣлъ куницу, хотя бы разные виды этого животнаго и встрѣчались въ Пинскихъ лѣсахъ и болотахъ во времена Геродота. Мнѣ кажется, что скорѣе отъ взоровъ наблюдателя, столь мастерски уловившаго особенности нашихъ степей, не могъ укрыться выхухоль (Myogale moschata), который и нынѣ еще водится почти исключительно при рѣкахъ южной Россіи [115]). Нѣмцами это животное названо Rüsselmaus, по причинѣ формы его морды, которую въ строгомъ смыслѣ можно назвать четыреугольною. Притомъ шкуры выхухоля служатъ для обшивки платья, между тѣмъ какъ изъ подъ его хвоста отдѣляется жидкость съ сильнымъ запахомъ мускуса, или, правильнѣе, цибета.

Пусть врачи и естествоиспытатели рѣшатъ, справедливо ли изложенное здѣсь мнѣніе. Послѣдніе опредѣлятъ также лучше меня, что̀ такое растеніе понтиконъ: по словамъ Геродота (IV, 23) оно въ изобиліи росло у подошвы высокихъ горъ, между которыми и страною Скиѳовъ, отдѣлившихся отъ царскихъ (IV, 22), лежала обширная область каменистая и гористая. Растеніе понтійское равнялось величиною смоковницѣ и имѣло фрукты величиною въ бобъ, но съ зерномъ. Туземцы, монгольскаго племени, выжимали изъ этихъ фруктовъ черный сокъ, названный ἄσχυ, и употребляли его для питья, смѣшавъ его съ молокомъ.

По мнѣнію *Кольстера* (l. l. XIII, p. 43), *Ганзенъ* успѣлъ опредѣлить это растеніе указаніемъ на *Эрмана*, по словамъ котораго Козаки, Башкиры и Калмыки нынѣ еще готовятъ себѣ пищу изъ фруктовъ Prunus Padus L., или черемухи, а казанскіе Татары называютъ кислоту Atschi [116]).

Хотя мнѣніе о тождествѣ понтикона съ черемухою, вы-

---

[114]) Alte Geogr. d. Caspischen Meeres, p. 276.

[115]) *Graefe*, Handbuch d. Naturgesch. Leipz., 1836, I, p. 178.

[116]) *Erman*, Reise um die Erde, I, p. 427.

сказанное впрочемъ уже прежде *Гензена* другими [117]), было принято также *Дункеромъ* [118]) и *Беромъ* [119]), тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ также вопросъ о жилищахъ Аргимпеевъ, я позволяю себѣ считать нерѣшеннымъ. Мнѣ кажется, что растеніе понтійское столь же удобно, какъ черемуху, могло доставлять туземцамъ и вишню. Вотъ причины, которыя побуждаютъ меня отклониться и въ этомъ отношеніи отъ обыкновеннаго мнѣнія.

Будучи переведено изъ Керазуса въ Италію знаменитѣйшимъ гастрономомъ послѣднихъ временъ римской республики, вишневое дерево (Cerasus acida)[120]), которое и теперь еще весьма рѣдко встрѣчается въ Греціи [121]), уже послѣ временъ Геродота могло быть привезено въ Малую Азію съ Кавказа, гдѣ оно и въ настоящее время чрезвычайно распространено и цѣнимо. Между прочимъ это явствуетъ изъ слѣдующаго осетинскаго преданія, сообщеннаго мнѣ молодымъ Тагаурцемъ Асланъ-Бекомъ Кундуховымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Одессѣ.

Какой то царь предпочелъ выдать дочь не за сватавшаго ее могущественнаго князя, а за человѣка, богатство котораго заключалось въ одномъ только вышневомъ деревцѣ. Когда, по опредѣленію судьи, деревцо это, подобно разнымъ другимъ растеніямъ, принадлежавшимъ богатому жениху, для опыта посажено было вечеромъ въ пепелъ, то оно такъ быстро расцвѣло, что къ утру вѣтвями своими покрыло большія пространства и что не доставало рукъ для собиранія его плодовъ. При томъ огромномъ значеніи, какимъ вишневое дерево пользовалось у Осетинцевъ, понятно, почему они называютъ его «балбаласъ».

---

[117]) *Heeren*, Ideen etc. I, 2, p. 283. Едва ли графъ *Потоцкій* (l. l. II, p. 149) имѣлъ въ виду черемуху, говоря, что волжскіе Калмыки имѣли обыкновеніе смѣшивать кумысъ съ сокомъ «небольшаго» растенія, называемаго «zergene».

[118]) Gesch. d. Staaten d. Alterthums, 1855, I, p. 462.

[119]) Herodoti Musae, II, p. 341.

[120]) *Graefe*, Handbuch d. Naturgeschichte, II, p. 324.

[121]) *Ruprecht*, Flora Ingrica, II, p. 54.

Слово это можно перевести дерево деревьевъ, т. е. дерево par préférence, такъ какъ дерево вообще по осетински называется баласъ [122]). Молоко же, смѣшиваемое этими горцами съ вишнями, именемъ своимъ «ахсиръ» напоминаемъ сокъ ἄσχυ, который обитавшіе у подошвы горъ Аргиппеи, или Аргимпеи (ср. *Müllenhoff*, l. l. 554), смѣшивали съ молокомъ. Изъ вишенъ, высушенныхъ на солнцѣ, Осетинцы готовятъ также родъ пастилы, подобно тому, какъ Аргимпеи (по Геродоту, IV, 23) дѣлали это съ густою частью фруктовъ, выжавъ изъ нихъ сокъ.

Если же казанскіе Татары кислоту называютъ атчи, то изъ этого не слѣдуетъ, что Геродотово асхи изготовлялось не изъ кислыхъ вишенъ, а изъ горьковатой черемухи.

Замѣчу еще кстати, что *Боплант* [123]) встрѣтилъ при нижнемъ Днѣпрѣ дикорастущія вишневыя деревья, имѣвшія не болѣе двухъ съ половиною футовъ вышины. Фрукты этихъ деревьевъ, величиною въ сливу, показались ему чрезвычайно вкусными; поспѣвали же они не раньше Августа мѣсяца.

До страны, занятой Аргимпеями, говоритъ Геродотъ (IV, 24), можно было получить достовѣрныя свѣдѣнія отъ Скиѳовъ, посѣщавшихъ эту страну, и даже отъ Грековъ, которые отправлялись туда изъ торжища Борисѳенеитовъ, равно какъ и изъ другихъ Черноморскихъ портовъ.

Дѣйствительно, скалистую страну, чрезъ которую путешественники добирались до Аргимпеевъ съ помощью семи переводчиковъ (IV, 24), нельзя не узнать въ Общемъ Сыртѣ, этомъ пограничномъ валѣ между европейскою и арало-каспійскою низменностью. Холмы его достигаютъ до 500 футовъ и, прерванные Волгою, сопровождаютъ ее подъ именемъ нагорнаго берега до долины Маныча; затѣмъ этотъ «скалистый» оплотъ, покрытый черноземомъ, рѣшительно поворачиваетъ къ западу и теряется въ степяхъ. Протекающія здѣсь рѣки врѣзываются глубоко въ почву и имѣютъ крутые берега [124]).

---

[122]) *Sjögren*, l. l. p. 484.

[123]) Beschreibung d. Ukraine, p. 21.

[124]) *Даніель*, Учебная книга географіи, перев. Корсакъ, Москва, 1863 р. 363.

Но въ этомъ случаѣ должно согласиться съ тѣми изслѣдователями, по которымъ жилища Аргимпеевъ находились при южной оконечности Уральскаго хребта, до котораго насъ ведетъ Общій Сыртъ; въ нѣдрахъ его скрываются неистощимыя залежи минеральныхъ породъ, которыя въ древности должны были привлекать сюда Скиѳовъ и Грековъ.

Сознавая невозможность сказать что нибудь положительное о народахъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Аргимпеевъ и отдѣленныхъ отъ нихъ высокими горами, Геродотъ (IV, 25) считалъ еще хорошо извѣстнымъ край, лежащій на востокъ и населенный Иссидонами, отдѣленными, какъ онъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ (I, 201), отъ Массагетовъ теченіемъ Аракса. Если онъ прибавляетъ, что истоки этой рѣки находились недалеко отъ Гинда, притока Тигра (I, 189), что она текла на востокъ и наконецъ изливалась однимъ рукавомъ въ Каспійское море (I, 202), то ясно, что онъ здѣсь имѣлъ въ виду притокъ Кура, который тогда, какъ показалъ г. *Берэ* [125]), дѣйствительно однимъ рукавомъ впадалъ въ Каспійское море. Съ другой стороны также ясно, что при этомъ Араксѣ не могли обитать ни Иссидоны, ни Массагеты. Поэтому должно думать, что Геродотъ смѣшалъ съ нимъ или Оксъ, который въ его время также изливался въ Каспійское море, или Уралъ, или даже, можетъ быть, Волгу.

Въ послѣднемъ случаѣ, въ пользу котораго *Нейманъ* (l. l. p. 122) привелъ убѣдительные доводы, объяснилось бы также, почему Геродотъ не говоритъ болѣе о Волгѣ, хотя она не могла не обратить на себя вниманіе Грековъ, передавшихъ ему то, что имъ показалось достойнымъ вниманія на пути къ Иссидонамъ. Нужно только допустить, что послѣдніе обитали не только къ востоку, но и къ югу отъ Аргимпеевъ, и что жилища Массагетовъ доходили до лѣваго берега нижней Волги.

---

[125]) *Baer*, Der alte Lauf des Armenischen Araxes, въ Bulletin de la classe historique etc. de l'Académie Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg, t. XIV, p. 306—351.

Но пора возвратиться къ Будинамъ и къ деревяному городу Гелоносъ, который находился въ ихъ странѣ. Такъ какъ этотъ городъ былъ построенъ греческими выходцами гораздо ранѣе Геродотовыхъ временъ, то мы имѣемъ новый доводъ, что страна Будиновъ находилась на правой сторонѣ Дона. По крайней мѣрѣ невѣроятно, чтобы въ столь отдаленныя времена Греки могли водвориться въ задонской степи. Подобнымъ образомъ, Невры не переселились бы такъ далеко, когда были вытѣснены змѣями (см. выше) изъ прежнихъ своихъ жилищъ и искали убѣжища у Будиновъ. Если же Невры, какъ обыкновенно думаютъ, были Славяне, то подтвердилось бы мнѣніе тѣхъ писателей, которые признавали таковыхъ и въ Будинахъ: въ противномъ случаѣ Неврамъ едва ли могло придти на мысль переселиться именно къ нимъ.

Если бы Будины обитали за Дономъ, то и Стефанъ Византійскій не помѣстилъ бы городъ Гелоновъ въ «Европейской» Сарматіи; таранды же или лоси, которые, по Аристотелю [126]), встрѣчались въ окрестностяхъ этого города, не могли не водиться въ древности въ болотахъ Павлоградскихъ, потому что митрополитъ Пименъ, въ своемъ хожденіи въ Царьградъ, видѣлъ ихъ во множествѣ на Донскомъ побережьѣ, въ сообществѣ съ выдрами и бобрами [127]).

Въ пользу мнѣнія, что Будины, которыхъ позднѣйшіе писатели подразумѣваютъ подъ именемъ Гелоновъ [128]), уже при Геродотѣ обитали въ предположенныхъ мною мѣстахъ, служитъ еще и то обстоятельство, что жилища ихъ, по свидѣтельству Скилакса (32), Скимна (fr. v. 124), Плинія (IV, 26), Птолемея (III, 5) и другихъ писателей древности [129]), находились на западной сторонѣ Дона, между тѣмъ какъ никто изъ нихъ не говоритъ ни слова о переходѣ Будиновъ или Гелоновъ чрезъ Танаисъ.

---

[126]) De mirabilibus, c. XXIX.

[127]) Никон. лѣтопись, IV. стр. 159.

[128]) *Ukert*, l. l. III, 2, p. 539.

[129]) Ibidem.

Допуская мнѣніе *Неймана* (l. l. 96), что во времена Птолемея Будины могли обитать въ окрестностяхъ Кіева, въ Черниговской губерніи, нельзя также не согласиться съ нимъ, что *Кольстерь* (l. l. XIII, p. 37) явно погрѣшилъ, превративъ Будиновъ въ Птолемеевыхъ Болиновъ-далматскихъ, и перемѣстилъ послѣднихъ съ береговъ Адріатическаго моря къ Дунаю съ тѣмъ только, чтобы выставить ихъ какъ свидѣтелей въ пользу страннаго мнѣнія, будто-бы Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Истросомъ.

Но такъ какъ Будины жили къ востоку отъ Сарматовъ, то намъ представляется еще новое доказательство, что тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ послѣднихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, скорѣе долженъ былъ соотвѣтствовать Молочной, нежели Дону.

Выше Будиновъ, къ сѣверу, была, по Геродоту (IV, 22), пустыня, на семь дней сухопутья; потомъ, за пустынею, по направленію къ востоку, обитали Ѳиссагеты, народъ многочисленный, занимавшійся звѣроловствомъ.

Отъ нихъ вытекали четыре большія рѣки, которыя, пройдя чрезъ страну Меотовъ, впадали въ озеро, названное Меотидою, а именно: Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ, Сиргисъ. Сожителями Ѳиссагетовъ были Иврки (Ἰύρκαι), также звѣроловы, въ которыхъ часто признавали Турокъ и которые, по крайней мѣрѣ подобозвучіемъ именъ, припоминаютъ Туркменовъ Малой-Азіи, или т. н. Юрюкъ, являющихся въ XIV столѣтіи еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда охотились Иврки [130]).

Имѣя въ виду, что пустыня, простиравшаяся на семь дней пути, прилегала не къ восточной, а къ сѣверной границѣ земли Будиновъ, мы должны искать ее въ странѣ, заключающейся между среднимъ теченіемъ Орели и Донцомъ, равно какъ въ находящейся за этою рѣкою южной части Харьковской губерніи, въ странѣ дѣйствительно голой и безлѣсной [131]).

---

[130]) *Hammer*, Gesch. d. Gold. Horde, p. 362, прим. 2, ср. *Vivien de S. Martin*, L'Asie Mineure, II.

[131]) Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древн., т. I, стр. 88.

Находясь къ востоку отъ этой пустыни, страна Θиссагетовъ и Ивpковъ должна была соотвѣтствовать полосѣ, орошаемой нижнимъ теченіемъ Донца, равно какъ лежащей между этою рѣкою и Дономъ. Полоса эта, въ которую входятъ уѣздъ Славяносербскій и округи Донской и Усть-Медвѣдицкій, нынѣ еще изобилуетъ лѣсомъ, и потому приходилась бы очень по вкусу людей, единственное занятіе которыхъ состояло въ звѣриной ловлѣ.

Такъ какъ жившіе въ сосѣдствѣ Θиссагетовъ царскіе Скиѳы, удалившіеся туда вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, должны были обитать въ этихъ-же мѣстахъ, то легко могло статься что они раньше или позже добрались до окрестностей Новочеркаска внизъ или вверхъ по Дону. Потому-то золотыя украшенія и другія вещи, найденныя въ этомъ городѣ лѣтомъ 1864 года, могли принадлежать имъ, еслибы, по сравненіи ихъ съ другими предметами подобнаго рода оказалось, что они вообще были принадлежностями Скиѳовъ временъ Геродота.

Что страна Θиссагетовъ должна была находиться на западной сторонѣ Дона, явствуетъ еще изъ замѣчанія Геродота (IV, 123), что рѣки, которыя получали въ ней свое начало, изливались потомъ въ Азовское море, въ странѣ Меотовъ.

Послѣдніе—если имѣть въ виду одно только имя—безъ сомнѣнія, столь-же удобно могли обитать и на восточной сторонѣ Азовскаго моря какъ на западной. Но зато никакъ нельзя допустить, чтобы Геродотъ могъ передать наименованія небывалыхъ или ничтожныхъ рѣчекъ между Кубанью и Дономъ и въ тоже время умолчать о тѣхъ, которыя дѣйствительно протекали между Дономъ и Днѣпромъ. Правда, что Геродотъ не передаетъ намъ никакихъ подробностей объ этихъ рѣкахъ; мы можемъ только догадываться, что онъ при исчисленіи этихъ рѣкъ идетъ не отъ востока къ западу, но на оборотъ, какъ онъ это дѣлаетъ при исчисленіи рѣкъ Скиѳіи. Если такъ, то слѣдовало бы заключить, что первая изъ этихъ рѣкъ, т. е. *Ликосъ*, явно тождественная съ рѣкою сего имени, которая, по Птолемею (III, 10) изливалась въ Азовское море

съ западной стороны, совпадала, не съ Кальміусомъ, какъ обыкновенно думаютъ, но съ Бердою, такъ какъ эта рѣка въ восточномъ направленіи первая слѣдуетъ послѣ Молочныхъ водъ, признаваемыхъ нами тождественными съ Танаисомъ Геродота и Агаросомъ Птолемея. Такимъ образомъ слѣдующая по Геродоту, послѣ Ликоса рѣка *Оарос* соотвѣтствовала бы Кальміусу, берущему свое начало не далеко отъ истоковъ Волчьей. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ пришлось бы отождествить третью изъ Θиссагетскихъ рѣкъ Геродота т. е. *Танаис* съ Міусомъ (Поритосомъ Птолемея), и держаться мнѣнія, другими уже высказаннаго, что этотъ Танаисъ, кромѣ названія, не имѣлъ ничего общаго съ упомянутымъ Геродотомъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 57) Танаисомъ, который, вытекая изъ озера, принималъ въ себя рѣку Иргисъ и составлялъ границу между владѣніями Скиѳовъ и Сарматовъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣли бы полное право различать, съ Укертомъ (III, 2, стр. 199) этотъ Иргисъ, изливавшійся въ Танаисъ, отъ *Сиргиса*, который впадалъ въ Меотиду далеко отъ Скиѳіи, орашавъ жилища Θиссагетовъ и Меотовъ, и могъ соотвѣтствовать Донцу съ нижнимъ теченіемъ Дона, т. е. Танаису Птолемея и Плинія, отъ котораго узнаемъ что въ старину эта рѣка называлась Силисъ, т. е. именемъ, въ которомъ отзывается, хотя и не ясно, Геродотовъ Сиргисъ.

Опредѣливъ жилища разныхъ отраслей Скиѳскихъ и сосѣдственныхъ съ ними народовъ, я считаю нужнымъ показать, что выводы, добытые мною изъ показаній Геродота по сравненіи ихъ съ дѣйствительностью, могутъ быть соглашены съ подробностями, которыя онъ намъ передалъ о походѣ Дарія Гистаспа, гдѣ онъ касался именно тѣхъ географическихъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ я старался по возможности двинуть впередъ. Нельзя не согласиться, что трудъ мой не будетъ совершенно безполезенъ, если окажется, что при моемъ взглядѣ на объемъ и на предѣлы Скиѳіи и смежныхъ съ нею областей можно повѣрить тому, что Геродотъ говоритъ о «поприщѣ и продолжительности» этого похода, и не представится надобно-

сти заставлять несчастныхъ Персовъ маршировать до Москвы, до Саратова или до Березины.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой провѣркѣ моихъ мнѣній, необходимо представить краткій обзоръ маршрута и военныхъ дѣйствій Персовъ. Такъ какъ подобный обзоръ уже сдѣланъ былъ, между прочимъ, *Надеждинымъ*, то я приведу здѣсь его слова, какъ вслѣдствіе таланта, съ какимъ онъ успѣлъ придать особый интересъ сухому по видимому изложенію переходовъ Персидскаго войска, такъ и потому, чтобы читатели не могли думать, что изъ повѣствованія Геродота я, хотя и безъ намѣренія, пропустилъ то или другое обстоятельство, которое могло бы послужить если не для опроверженія, то для поколебанія моей системы.

«Дарій, распространившій великую монархію, основанную Киромъ, на юго-востокъ до предѣловъ Индіи, вздумалъ на сѣверо-западѣ отъискивать Скиѳовъ во глубинѣ ихъ безпредѣльныхъ пустынь, съ тѣмъ, чтобы наказать и смирить въ нихъ опасныхъ сосѣдей, искони враждебныхъ Ирану (IV, 1). Съ этою цѣлію онъ собралъ войско, состоящее изъ семи-сотъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, и, сопровождаемый флотомъ въ шесть-сотъ кораблей, проникъ изъ Азіи въ Европу чрезъ Константинопольскій проливъ по нарочно устроенному мосту (IV, 87). Затѣмъ, держась западнаго берега Чернаго моря, прошелъ нынѣшнія Румелію и Булгарію, тогда носившія общее имя Ѳракіи, до Истроса, т. е. до Дуная (IV, 89—93). Здѣсь, въ растояніи двухъ дней плаванія отъ моря въ верхъ по Дунаю, тамъ гдѣ рѣка начинаетъ развѣтвлять свое устье, приготовленъ былъ заблаговременно также мостъ, по которому вся громада, влекшаяся въ слѣдъ Дарія, ввалилась наконецъ въ Скиѳію (IV, 97). По окончаніи переправы, царь приказалъ было разорить мостъ; но, послушавшись благоразумнаго совѣта, внушеннаго предусмотрительною осторожностью, отмѣнилъ свое повелѣніе, поручивъ вмѣсто того іонійскимъ Эллинамъ остаться для охраненія моста, но не далѣе, какъ на шестьдесятъ дней, въ продолженіе которыхъ надѣялся совершенно

окончить предпринимаемую экспедицію (IV, 97 — 98). Между тѣмъ Скиѳы, слыша про грозящую бѣду, отправили пословъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ, требуя совѣта и помощи (IV, 102). Цари ихъ выслушали пословъ въ общемъ собраніи, и потомъ раздѣлились въ мнѣніяхъ: только Гелонскій, Будинскій и Савроматскій объявили себя готовыми помогать Скиѳамъ; напротивъ остальные, т. е. цари Агаѳирсовъ, Невровъ, Людоѣдовъ, Смурыхъ-Кафтановъ и Тавровъ сказали, что они будутъ защищать самихъ себя, когда окажется нужда, а до тѣхъ поръ будутъ нейтральными (IV, 118, 119). Тогда Скиѳы, чувствуя себя не въ силахъ выдержать и отразить натискъ Персовъ, рѣшились принять противъ нихъ систему отступательную: они раздѣлились на три отряда, изъ которыхъ одинъ, въ соединеніи съ Савроматами, долженъ былъ остаться назади, въ аріергардѣ; два же другіе, соединенные съ Гелонами и Будинами, двинулись на встрѣчу непріятелю, съ тѣмъ однако, чтобы, постоянно отступая передъ нимъ, заманивать дальше и дальше въ глубину степей, которыхъ естественная дикость была нарочно увеличена всѣми возможными опустошеніями (IV, 120—121). Дарій попался на уду: встрѣтясь съ Скиѳами въ трехъ дняхъ разстоянія отъ Дуная, онъ пустился въ слѣдъ ихъ и заведенъ былъ ими не только до Танаиса, но и за Танаисъ, въ страны Савроматовъ и Будиновъ (IV, 122). Здѣсь онъ имѣлъ удовольствіе спалить деревянный городъ Гелоновъ, совершенно оставленный жителями; наконецъ, дошедши до пустыни, отдѣляющей Будиновъ отъ Ѳиссагетовъ, расположился отдохнуть на берегахъ рѣки Оароса, гдѣ велѣлъ выстроить линію изъ осьми крѣпостей, разстояніемъ одна отъ другой на шестьдесятъ стадій, т. е. верстъ на десять (IV, 123—124). Но между тѣмъ Скиѳы обошли кругомъ и воротились назадъ въ свои степи (IV, 124). Дарій, бросивъ тотчасъ свою позицію, пустился опять за ними въ погоню: тогда Скиѳы, съ намѣреніемъ, повели его въ страны тѣхъ народовъ, которые отказались имъ помогать, а именно сначала къ Смурымъ-Кафтанамъ, потомъ къ Людоѣдамъ, далѣе къ Неврамъ, наконецъ и

къ Агаѳирсамъ; послѣдніе не пустили однако ихъ въ свою землю; почему они, а въ слѣдъ за ними и Дарій, должны были отъ Невровъ убираться назадъ въ Скиѳію (IV, 125). Не видя конца безплоднымъ скитаніямъ, царь рѣшился вступить въ сношенія съ неуловимыми врагами, требуя отъ нихъ или сраженія, или покорности; но это не имѣло никакого успѣха (IV, 126 — 127). Гордость падишаха, осмѣлившагося предложить рабство сынамъ вольныхъ степей, раздражила ихъ до того, что они сдѣлались гораздо смѣлѣе: стали сами нападать на Персовъ внезапными, ночными, вылазками, разумѣется обращавшимися предпочтительно въ ихъ пользу (IV, 128 — 130). Между тѣмъ, тотъ отрядъ Скиѳовъ, который находился въ аріергардѣ, чтобы сдѣлать неизбѣжною погибель врага, попавшаго такъ неосторожно въ разставленныя сѣти, отправился на Дунай, въ намѣреніи уговорить Іонійцевъ разломать мостъ, ввѣренный ихъ стражѣ, и тѣмъ лишить Персовъ всякаго средства къ спасенію (IV, 133). Съ своей стороны Скиѳы, бывшіе передъ Персами, убѣдясь въ крайности ихъ положенія, приняли такой рѣшительный и самоувѣренный видъ, что Дарій, при всей своей надменности, открылъ наконецъ глаза и вдругъ, неожиданно, подъ кровомъ ночи, пустился со всею возможною поспѣшностью назадъ изъ роковыхъ степей, по направленію къ Дунаю (IV, 131—135). Скиѳы, совершенно знакомые съ мѣстностями, успѣли опередить его, и оба отряда, соединясь вмѣстѣ, потребовали отъ Іонійцевъ, чтобы они разломали мостъ, тѣмъ болѣе, что и срокъ, назначенный имъ Даріемъ, наконецъ уже истекъ (IV, 136). Хитрые Эллины, которыхъ личный интересъ, вопреки идеямъ общаго народнаго блага, требовалъ сохраненія Персовъ, обманули Скиѳовъ ложными обѣщаніями; и въ то время, какъ эти послѣдніе вернулись назадъ въ степи, чтобы перехватить бѣглеца, отворили ему спасительный мостъ, такъ что Дарій успѣлъ благополучно перебраться чрезъ Дунай и возвратиться, по крайней мѣрѣ самъ цѣлъ, изъ знаменитаго похода, который тѣмъ и кончился (IV, 137—144)» [132]).

[132]) Зап. Одесск. Общества Истор. и Древн., т. I, стр. 105—107.

Примѣняя это извлеченіе изъ текста Геродота къ вопросу, который меня здѣсь занимаетъ, я прежде всего желалъ бы опредѣлить: на какомъ именно пунктѣ Дуная былъ приготовленъ мостъ, по которому персидское войско перешло въ Скиѳію.

Изъ словъ самого Геродота съ *точностью* нельзя узнать это столь же мало какъ изъ свидѣтельства Страбона; можно только догадываться, по причинамъ выше мною приведеннымъ (I, 40 и 49), что мостъ былъ построенъ, не при Исакчи (какъ доказывалъ Крузе), но около *Тульчи* (какъ полагалъ уже Маннертъ) отдѣленной отъ Измаила двумя рукавами. Такимъ образомъ Іонійцы, разломавши мостъ, наведенный надъ однимъ изъ этихъ рукавовъ, легче могли обмануть Скиѳовъ и лучше могли слышать голосъ Египтянина, призвавшаго на помощь Гистіея (IV, 141).

Какъ бы то ни было, Персы, встрѣтившись съ своими врагами въ первый разъ на разстояніи трехдневнаго пути отъ Дуная, преслѣдовали ихъ до Танаиса, до котораго, если его принять за Молочную, отстоящую отъ Тульчи менѣе чѣмъ на 600 верстъ, могли добраться въ 20—25 дней. Нужно только допустить, что Персы, преслѣдуя Скиѳовъ, которые, по словамъ Геродота (IV, 122), отступили къ востоку, держались пути вдоль морскаго берега и что, круглымъ числомъ, они могли пройти столько, сколько въ наше время обыкновенно приходится на войско въ переходѣ, т. е. около 25 верстъ въ сутки. При томъ можно еще принять во вниманіе, что при переходѣ самаго Дарія чрезъ Дунай большая часть его арміи уже двинулась вѣроятно въ Скиѳію и легко могла быть имъ догнана, хотя бы и находилась на разстояніи нѣсколькихъ дней перехода отъ рѣки.

Проходя чрезъ область Савроматовъ и Будиновъ, Персы остановились при рѣкѣ Оаросѣ, совпадавшей, какъ я старался доказать, съ Кальміусомъ.

Изъ словъ Геродота впрочемъ не слѣдуетъ, что царь повлекъ туда за собою всѣ свои полчища. Часть ихъ онъ могъ оставить въ разныхъ мѣстахъ Скиѳіи, при Тирасѣ, Гипанисѣ,

Борисѳенесѣ и Танаисѣ, подобно тому, какъ Іонійцы оставлены при Дунаѣ изъ предосторожности, или же по другимъ причинамъ: трудности продовольствія, по болѣзнямъ и т. п.

Правда, Геродотъ ничего не говоритъ о переправѣ персидскаго войска чрезъ эти рѣки, и молчаніе его часто приводятъ какъ доказательство противъ подлинности похода, имъ описаннаго, считая при томъ невозможнымъ, что бы персидскія полчища могли переправляться чрезъ эти рѣки и существовать два или три мѣсяца сряду въ странѣ, опустошенной самими жителями.

Но это послѣднее препятствіе, по видимому почти непреодолимое, не покажется намъ болѣе такимъ, когда мы припомнимъ, что войско персидское состояло изъ Азіатцевъ, въ числѣ которыхъ многіе уже привыкли проходить караванами чрезъ обширныя пустыни и брать съ собою припасы на нѣсколько мѣсяцевъ, не будучи слишкомъ разборчивы касательно количества и качества ежедневной пищи своей. «Изучившимъ исторію востока», говоритъ *Раулинсонъ* (l. c. III, 96), «знающимъ, съ какими огромными арміями Чингисханъ и Тамерланъ проходили чрезъ пустынныя степи Туркестана и Татаріи, не покажется страннымъ, что Персы могли совершить двухъ или трехъ-мѣсячный походъ, для котораго они заблаговременно приготовились, зная, что страна куда хотѣли вторгнуться представить имъ весьма мало средствъ для продовольствія». «Тимуръ», говоритъ *Гиббонъ*, «предпринялъ свой походъ въ Кипчакъ съ столь огромною ратью, что разстояніе между обоими крылами ея составляло тринадцать миль. При пяти-мѣсячномъ переходѣ своемъ Монголы не встрѣчали ни одной души и часто для пропитанія своего должны были довольствоваться добычею болѣе или менѣе счастливою, которую имъ доставляла охота» (облава).

Что же касается трудности переправы чрезъ большія скиѳскія рѣки, то она, какъ справедливо замѣчаетъ *Раулинсонъ*, не должна была казаться чрезмѣрною для воиновъ, которымъ съ давнихъ поръ приходилось перебираться чрезъ разныя другія рѣки, не уступающія скиѳскимъ въ ширинѣ и глубинѣ

своего русла, какъ-то Тигръ, Евфратъ, верхній и нижній Забъ, Діала, Керха и пр. Для плаванія по этимъ рѣкамъ служили тогда (Геродотъ, I, 194), какъ и нынѣ (*Березинъ*, Нашествіе Батыя, въ Ж. М. Н. Просв. 1855, V, 95, пр. 46), различной величины круглые кожанные мѣшки. (турсуки), наполненые воздухомъ, безъ сомнѣнія въ родѣ тѣхъ, которые изображены на памятникахъ Немрудскихъ (*Layard*, Plates 15, 16, 33), или же — тѣхъ, при помощи которыхъ Монголы, подвязывая ихъ къ плоту изъ весьма тонкихъ жердей, переправлялись чрезъ широкія рѣки, по свидѣтельству Плано-Карпини, Барбаро, Контарини и другихъ путешественниковъ.

Почему же Персы не могли взять съ собою въ Скиѳію достаточное количество подобныхъ мѣшковъ, которые имъ не только были необходимы для переправы чрезъ ея рѣки, но еще могли служить для транспорта воды отъ одной изъ этихъ рѣкъ къ другой?

Притомъ для переправы чрезъ рѣки Скиѳіи, Персы могли употреблять то самое средство, къ которому прибѣгнулъ Александръ Македонскій, чтобы переправить свою фалангу чрезъ Дунай, т. е. къ кожамъ (служившимъ вмѣсто палатокъ), которыя были набиты сѣномъ и крѣпко связаны.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что для переправы своего багажа Персы могли пользоваться греческими судами и паромами: по крайней мѣрѣ должно думать, что подобныя суда плавали по всѣмъ скиѳскимъ рѣкамъ, такъ какъ, по словамъ Геродота, они поднимались вверхъ по Днѣпру до области Герросъ.

Если же тѣмъ не менѣе «одинъ Днѣпръ», какъ говоритъ *Надеждинъ*[133]), «при малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны Скиѳовъ могъ бы положить непреодолимую преграду и не для восьмисотъ-тысячной арміи» — то эта замѣтка не можетъ быть примѣнена къ походу Дарія, такъ какъ Скиѳы нарочно не хотѣли остановить непріятеля, а рѣшились заманить его во вну-

[133]) Loc. l. стр. 109.

тренность своего отечества, и потому должны были скорѣе благопріятствовать, чѣмъ препятствовать его переправѣ чрезъ Днѣпръ.

При такихъ обстоятельствахъ молчаніе Геродота касательно переправы Персовъ чрезъ эту рѣку, равно какъ и чрезъ Бугъ и Днѣстръ, еще не доказываетъ, что переправа эта вовсе не состоялась, и не оправдываетъ подозрѣнія *Надеждина*[134]), что «вся экспедиція Дарія ограничивалась только западною границею четвероугольника Скиѳскаго и заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи».

По крайней мѣрѣ я не думаю, что нашъ критикъ поступилъ «осторожно», относя распространеніе похода за предѣлы Буджака къ «поэтизированной амалгамѣ преданія», на томъ только основаніи, что у Геродота не сказано, какъ и гдѣ Персы переправлялись чрезъ Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ.

Осторожность требовала скорѣе допустить, что Геродотъ могъ считать неумѣстнымъ упоминать объ этихъ подробностяхъ, по малому ихъ интересу для его слушателей, или же — по какой либо другой причинѣ. Подобнымъ же образомъ онъ ничего не говоритъ о роли, какую играли понтійскіе Греки въ этомъ походѣ; между тѣмъ послѣдній касался бы ихъ даже въ такомъ случаѣ, если бы крайнимъ его предѣломъ была рѣка, при которой обитали Тириты. Могло еще статься, что въ позднѣйшихъ копіяхъ Геродотова труда, относящихся къ періоду, когда Эллины вступили въ тѣснѣйшую связь съ понтійскими соотечественниками своими, была пропущена та именно часть, гдѣ онъ распространяется о дѣйствіяхъ сихъ послѣднихъ въ пользу персидскаго деспота.

Такъ или иначе, но по словамъ Геродота (IV, 125), Дарій добрался не только до *Тираса*, но и до *Оароса*, а оттуда съ находившимся при немъ войскомъ ускоренными переходами (IV, 125) возвратился въ Скиѳію; затѣмъ чрезъ земли Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ снова двинулся въ

---

[134]) Loc. l. стр 110.

западную часть Скиѳіи и подъ конецъ уже прежнимъ путемъ (IV, 140) вернулся поспѣшно къ Дунаю.

По моему мнѣнію, изъ этого маршрута слѣдуетъ, что съ береговъ Кальміуса Персы отправились прямо къ Александровску, а затѣмъ, оставивъ въ сторонѣ скиѳскій Кремль, до котораго добраться уже не позволили обстоятельства, переправились чрезъ Днѣпръ и возвратились къ Дунаю чрезъ южную часть Екатеринославскаго уѣзда, Херсонскую губернію и Буджакъ.

Такимъ образомъ войску пришлось пройти отъ Молочной до Кальміуса и оттуда обратно къ Дунаю всего не болѣе 800—850 верстъ. Для совершенія этого пути Персамъ достаточно было пяти недѣль, такъ что, со включеніемъ еще одной недѣли, употребленной ими примѣрно для постройки укрѣпленій при Оаросѣ, они могли явиться у моста, если и не къ условленному сроку, то по крайней мѣрѣ не слишкомъ долго по его истеченіи. Послѣднее даже болѣе согласовалось бы съ показаніемъ Геродота, такъ какъ Скиѳы по второй разъ пришли къ мосту уже по истеченіи назначенныхъ царемъ шестидесяти дней, между тѣмъ какъ Іонійцы тогда еще ничего не знали о Персахъ, съ которыми Скиѳы даже не встрѣтились, когда возвращались въ свои степи въ увѣренности, что мостъ былъ разломанъ Греками. Поэтому весьма естественно думать, что царь, который, безъ сомнѣнія, находился впереди своей арміи, могъ прибыть къ мосту цѣлою недѣлею позже, чѣмъ предполагалъ, и даже еще болѣе.

Чтобы показать, что походъ его могъ быть совершенъ въ предѣлахъ мною указанныхъ, въ два съ половиною мѣсяца даже по мнѣнію людей, посвященныхъ въ тайны военнаго искусства, я приведу здѣсь, въ переводѣ съ нѣмецкаго, отрывокъ, сообщенный мнѣ г. академикомъ *Куникомъ* изъ письма, полученнаго имъ отъ бывшаго почтъ-директора при арміи Кутузова, *фонъ-Смита*, автора исторіи Суворова и другихъ уважаемыхъ сочиненій.

«Геродотъ говоритъ:... ремень съ 60-ю узлами. Слѣдо-

вательно походъ Дарія простирался на 30 дней перехода отъ Дуная (30 туда и 30 назадъ). При столь многочисленномъ, безпорядочномъ войскѣ, нельзя считать на день перехода, если включить дневки, болѣе 3 миль или 20 верстъ на каждый день, хотя Геродотъ на день ходьбы считаетъ 200 стадій или 30 верстъ: и такъ берите тридцать разъ двадцать или, коли хотите, тридцать верстъ, то получите 600 или 900 верстъ. Кладите циркуль ближе къ устью Дуная, гдѣ вѣроятно войско Персидское перешло чрезъ рѣку, примѣрно около Тульчи или Исачки, и проведите радіусомъ кругъ въ 600 или, если угодно, въ 900 верстъ, то этотъ кругъ нигдѣ не перейдетъ далѣе какъ къ востоку до Днѣпра, а къ сѣверу, куда походъ вѣроятно былъ направленъ, до Кременца, Острога, Житомира, Бѣлой-Церкви, т. е. до Подоліи, Волыни, Украйны, и едва ли Дарій съ своею неповоротливою массою зашелъ такъ далеко».

Въ статьѣ, обнародованной затѣмъ предъ самою смертью автора приведенныхъ строкъ[135]), онъ для оправданія этого сомнѣнія приводитъ свидѣтельство Страбона и Ктезія. Извѣстно, что по послѣднему (Pers. 16), Дарій проникъ внутрь Скиѳіи только на 15 дней разстоянія отъ Истроса, а по Страбону (VII, 3 § 14) рисковалъ умереть отъ жажды, со всѣмъ своимъ войскомъ, въ пустынѣ Гетовъ, если бы не воротился во время.

Но лейбмедикъ Дарія Оха, который вообще по достовѣрности извѣстій имъ сообщенныхъ не въ состояніи идти въ сравненіе съ Геродотомъ[136]), въ этомъ случаѣ едва-ли можетъ поколебать свидѣтельство сего послѣдняго, такъ какъ никогда не былъ въ Скиѳіи, а свѣдѣнія свои о несчастномъ походѣ Дарія I въ эту страну получилъ отъ персидскихъ царедворцевъ, которые, изъ ложнаго патріотизма, должны были стараться

---

[135]) Ueber den Feldzug des Darius g. d. Scythen in d. J. 513; въ Bulletin de l'Acad. des Sc. de St. Pétersbourg, VIII, p. 316—339.

[136]) *Blum*, Herodot und Ktesias, Heidelberg, 1836, pag. 123 и др.

всячески уменьшить важность этого предпріятія, подобно тому, какъ у составителей французскихъ бюллетеней 1812 года бѣгство «великой арміи», напомнившей покойному *Смиту* ополченцевъ иранскихъ, называлось боковымъ маршомъ на С. Петербургъ.

Что же касается извѣстія, сообщеннаго Страбономъ мимоходомъ при описаніи пустыни Гетовъ, то оно нисколько не противурѣчитъ повѣствованію Геродота, потому что, по словамъ послѣдняго, бѣдствія Персовъ, если не начались, то, по крайней мѣрѣ, значительно увеличились (IV, 125—128) уже по возвращеніи ихъ изъ Неврики въ западную часть Скиѳіи[137]), которая именно совпадала съ Страбоновою пустынею Гетовъ. Поэтому *Смитъ* напрасно выводитъ изъ словъ его заключеніе, будто-бы Персы вовсе не переходили чрезъ Тирасъ.

Впрочемъ самъ авторъ разсматриваемаго здѣсь историко-стратегическаго изслѣдованія не раздѣляетъ приписаннаго имъ Страбону мнѣнія о поприщѣ похода 513 года. По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ говоритъ (p. 495), что «по всей вѣроятности» походъ этотъ былъ направленъ съ береговъ Дуная къ Днѣстру, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до Збруча, а оттуда также вверхъ до окрестностей Острога на Горыни.

Безъ сомнѣнія авторъ тутъ не заслуживаетъ упрека, сдѣланнаго имъ (p. 485) *Маннерту*, *Реннелю*, *Рейхарту* и вообще «географамъ старой школы и обыкновеннымъ филологамъ» за то, что они, желая не отклониться отъ своего текста, заставляли Персовъ странствовать вдоль и поперекъ всей Европейской Россіи.

---

[137]) *Struve*, Der Feldzug des Darius gegen die Scythen, въ Abhandlungen und Reden; Koenigsberg, 1822, p. 18. Подобно *фонъ Смиту*, извѣстный директоръ Кенигсбергской гимназіи, бывшій въ 1812 году еще учителемъ въ Дерптѣ, пораженъ сходствомъ похода Дарія съ нашествіемъ Наполеона на Россію. Разница между обоими изслѣдователями состоитъ только въ томъ, что *Струве* въ Сентябрѣ 1812 года предвѣщалъ этому исполинскому предпріятію тотъ жалкій исходъ, о необходимости котораго *Смитъ* разсуждаетъ какъ «ретроспективный пророкъ».

Зато можно обвинить *Смита* въ томъ, что щадя ноги Персовъ, онъ немилосердно обходился съ Геродотомъ, единственно для подкрѣпленія своего мнѣнія касательно направленія Даріева похода къ сѣверу.

Такъ напр., возобновляя мнимыя доказательства *Эйхвальда*[138]), онъ хочетъ увѣрить читателей, что Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Тирасомъ, Θиссагетовъ съ позднѣйшими Тирагетами (p. 486) и Меотійское озеро съ Пинскими болотами (ibid.). Послѣ всего этого ему уже не трудно было открыть, что рѣка Ликосъ, изливавшаяся, по Геродоту и другимъ авторамъ, въ Меотиду, должна была совпадать со Стыремъ, единственно на томъ основаніи, что эта волынская рѣка «могла» въ старину называться Лукъ или Луцкъ. Не менѣе удачно признаетъ онъ въ Ооросѣ—Горынь и превращаетъ Сиргисъ сначала въ Силгисъ, затѣмъ въ Слигисъ и наконецъ — въ Случь, а всѣ эти измѣненія приписываетъ Эллинамъ, durch Buchstabenversetzung und Hellenisation. Не находя на Волыни рѣки, которая столь-же удобно могла заимствовать свое наименованіе отъ Танаиса, нашъ авторъ предоставляетъ читателю принять эту рѣку за Бугъ или за Тетеревъ, хотя ни та, ни другая не изливаются въ Пинскія болота (p. 487). Въ болотахъ этихъ, кромѣ Меотійскаго озера, помѣщается еще озеро Будиновъ (p. 480), преимущественно по той причинѣ, что въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Пинска встрѣчаются нынѣ еще, если не Геродотовы, то по крайней мѣрѣ *Эйхвальдовы* животныя съ четыреугольною мордою.

Къ «востоку» отъ Будиновъ покойный *Смитъ* находитъ Сарматовъ (p. 418), ссылаясь въ этомъ случаѣ на Геродота (IV, 110—115), по словамъ котораго однако они обитали на западъ отъ Будиновъ. Но это можетъ быть описка, которая не заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ *Смитъ* болѣе не заботится о Сарматахъ, признанныхъ имъ Монголами: wahrschein-

[138]) Dorpater Jahrbücher, 1834, Juli, p. 7.

lich ein mongolischer Stamm, der uns übrigens hier nicht weiter angeht.

Предоставляя читателю оцѣнить подобное безцеремонное обращеніе съ ближайшими сосѣдями и надежнѣйшими союзниками Скиѳовъ, я сознаюсь, что доводы, представленные авторомъ въ пользу своего мнѣнія, будто-бы походъ Дарія былъ направленъ къ сѣверу, еще болѣе прежняго убѣждаютъ меня въ томъ, что походъ этотъ могъ только быть направленъ къ востоку.

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что отступленіе Скиѳовъ, отправившихъ предварительно женъ и дѣтей къ сѣверу (IV, 121), было направлено къ востоку, нельзя допустить, что Дарій, безъ всякой надобности, нарушилъ бы нейтралитетъ тѣхъ именно народовъ, которые не хотѣли принять стороны враговъ его, и жилища коихъ находились къ сѣверу отъ Скиѳіи. Кромѣ того Персы, при своемъ вторженіи въ эту страну, по разнымъ причинамъ должны были желать, чтобы не были прерваны ихъ сообщенія съ Ольвіею, Каркинитисомъ и другими іонійскими поселеніями, лежавшими на морскомъ берегу. Едва ли собственныя выгоды могли побудить Дарія проникнуть въ лѣса и болота волынскія, хотя неоспоримо, что направленіе похода зависитъ, какъ выражается *Смитъ* (p. 494), отъ наступающаго полководца, тогда какъ разбитые (чѣмъ впрочемъ Скиѳы не были) должны слѣдовать пути, имъ указанному.

Наконецъ, мы усматриваемъ изъ греческой надписи, недавно изданной [139]), что въ народѣ сохранилось преданіе, хо-

---

[139]) Annali del Institt. archeol. Romae, 1853; pag. 88: *Δαρεῖος ἐπὶ Σκύθας διέβη ζεύξας τὸν Κιμμέριον Βόσπορον.* По мнѣнію *Генцена* (ibid. p. 103) и *Франца* (*Boeckh*, Corp. Inscr. Gr. IV, p. 19) Воспоръ Ѳракійскій превращенъ здѣсь въ Киммерійскій. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я однако не могу себѣ представить, чтобы составитель надписи впалъ въ столь грубую ошибку, если бы до его времени не сохранилось преданіе о томъ, что походъ Персовъ, послѣ ихъ перехода чрезъ Дунай, былъ направленъ къ востоку, т. е. къ Азовскому морю. Во всякомъ случаѣ Персидскій царь поступилъ бы

тя и запутанное, о направленіи Дарієва похода къ Воспору Киммерійскому, до котораго Персы безъ сомнѣнія никогда не добрались бы путемъ, ведущимъ къ южному Меотійскому озеру.

Если же *Смитъ* считалъ не только возможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ, что Персы въ двухъ-мѣсячный походъ могли дойти до Новгорода Волынскаго, или же до Украины и обратно, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ право думать, что крайнимъ предѣломъ ихъ похода могла быть рѣка Кальміусъ, отъ которой до устья Дуная не будетъ далѣе, чѣмъ отъ этой рѣки до Горыни. Здѣсь уже никакъ не могли быть построены Персами укрѣпленія, которыя отчасти еще видны были (IV, 124) во время Геродота, при Оаросѣ, изливавшемся въ Азовское море.

Если же слѣды этихъ укрѣпленій не исчезли совершенно съ лица земли, то можно питать надежду, что при усердіи и знаніи дѣла, съ какимъ въ послѣдніе годы начали изслѣдовать скиѳскія древности, мѣстность, до которой проникъ Персидскій царь, какъ и другіе пункты, которыхъ я коснулся въ настоящей статьѣ, выйдутъ изъ того полумрака, изъ котораго мнѣ не по силамъ было извлечь ихъ.

согласно съ правилами военнаго искусства, если бы, при своемъ вторженіи въ Скиѳію, отрядилъ часть флота, состоявшаго изъ 600 судовъ (IV, 87) въ тылъ непріятельской арміи. По Ктезію (l. c.) сатрапъ Каппадокіи, Ариѣрамнъ, еще прежде Даріємъ былъ отправленъ съ флотомъ въ Скиѳію, откуда вывелъ большое число плѣнныхъ и въ томъ числѣ брата царя Скиѳарха. Безъ сомнѣнія, эта экспедиція была направлена скорѣе къ Керченскому проливу, чѣмъ въ Бессарабію или на Волынь.

ДОПОЛНЕНІЕ.

О попыткахъ объяснить Геродотовы извѣстія относительно похода Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ перечитанныхъ мною сочиненій о Геродотовой Скиѳіи, полагаю нелишнимъ представить здѣсь, въ видѣ особаго прибавленія, краткій обзоръ результатовъ, добытыхъ наиболѣе извѣстными авторами при разъясненіи видимаго противурѣчія въ показаніяхъ Геродота между поприщемъ похода Персовъ въ Скиѳію и сосѣдственныя ей земли и—временемъ, въ которое этотъ походъ былъ совершенъ ими.

Безъ сомнѣнія, въ обоихъ отношеніяхъ многія частности останутся для насъ загадочными, при недостаткѣ другихъ источниковъ, съ помощью которыхъ мы могли бы пополнить историческія и географическія извѣстія, переданныя намъ Геродотомъ. Тутъ намъ придется довольствоваться отрицательнымъ результатомъ, т. е. убѣжденіемъ, что различныя подробности касательно маршрута и военныхъ дѣйствій персидской арміи никогда не будутъ объяснены.

Это однако не даетъ намъ права переиначивать имена или перетолковывать по своему произволу слова Геродота, въ такихъ случаяхъ, когда, *по нашему взгляду*, они не могутъ быть соглашены съ дѣйствительностью. Не слѣдуетъ также, въ подобныхъ случаяхъ, довольствоваться объявленіемъ, что повѣствованіе Геродота, будучи основано на преданіи, имѣетъ болѣе характеръ миѳическій, чѣмъ историческій, и потому-то часто не представляетъ возможности отличать у него истину отъ вымысла.

Вѣдь касательно свидѣтельства его о чудесахъ Египта и Вавилона господствовало точно такое-же мнѣніе до тѣхъ поръ,

пока ближайшее знакомство Европейцевъ съ долиною Нила и съ Месопотаміею не повело къ открытіямъ, которыя уже не позволяютъ сомнѣваться въ точности и достовѣрности данныхъ, заключающихся въ первыхъ двухъ книгахъ его Исторіи.

Почему же намъ не питать надежды, что при тщательномъ изслѣдованіи Скиѳскихъ древностей, недавно лишь начавшемся, не далеко отъ насъ время, когда всѣми будетъ признано, что «отецъ исторіи и географіи» поступилъ столь-же добросовѣстно при описаніи современнаго ему состоянія южной Россіи и происходившей въ ней борьбы. О послѣдней онъ вѣроятно справлялся у лицъ, въ памяти которыхъ это всемірно-историческое событіе еще должно было сохраниться въ то время, когда онъ собиралъ матеріалы для своего неоцѣнимаго труда.

Если, такимъ образомъ, нѣтъ достаточнаго повода отрицать подлинность тѣхъ извѣстій, которыя онъ намъ сообщаетъ о направленіи, предѣлѣ и продолжительности этой войны, то нельзя не согласиться съ академикомъ *Куникомъ*, что отчетливое, хотя и краткое свидѣтельство Геродота относительно времени, протекшаго отъ передвиженія Персовъ съ береговъ Дуная до Оароса и оттуда обратно къ Дунаю *должно служить повѣркою при обсужденіи различныхъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія географическихъ воззрѣній Геродота на Скиѳію:* Jede geographische Untersuchung über das Herodot'sche Scythien muss die Probe aushalten an seinem Bericht über den Zug des Darius.... (въ письмѣ г. академика, отъ 12 ноября 1865 года).

Дѣйствительно, при всякомъ другомъ способѣ объясненія, изслѣдователь по неволѣ подвергается опасности свалить на Геродота свою собственную вину, т. е. приписать ему неточности и погрѣшности потому только, что самъ не понялъ настоящаго смысла его словъ.

Разбирая съ этой точки зрѣнія вопросъ, какъ ученые до сихъ поръ пытались согласить между собою и съ дѣйствительностью различныя извѣстія Геродота о Скиѳіи, я нахожу, что это соглашеніе никѣмъ не было достигнуто.

По крайней мѣрѣ, нѣкоторые комментаторы Геродота, довѣряя его правдивости и вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣваясь, что они хорошо его поняли, принуждены были предположить, что въ теченіи времени въ мѣстныхъ особенностяхъ здѣшняго края произошли небывалыя и невозможныя измѣненія, или что въ

наше время войска передвигаются съ мѣста на мѣсто съ меньшею быстротою, чѣмъ иранскіе ополченцы.

Другіе ученые, не рѣшаясь допустить столь существенныя перемѣны въ природѣ края или въ физическихъ силахъ человѣка, предпочли сдѣлать разныя поправки въ текстѣ Геродота и этимъ средствомъ обратить его свидѣтельство въ пользу своего собственнаго мнѣнія о *мѣстности*, до которой дошелъ Дарій, и *времени*, проведенномъ имъ въ Скиѳіи.

Остальные комментаторы Геродота, не считая себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію ни съ текстомъ его, ни съ природою, сочли нужнымъ утверждать, что въ его описаніи похода 513 года событіе, дѣйствительно случившееся, является въ другомъ видѣ, искаженномъ и преувеличенномъ преданіемъ.

Чтобы убѣдить читателей въ справедливости моихъ словъ, я считаю достаточнымъ упомянуть только о томъ, какимъ образомъ извѣстнѣйшіе авторы, трудившіеся надъ Геродотовыми «Scythica», старались возстановить мысленно его загадочный скиѳскій четыреугольникъ и къ какому убѣжденію каждый изъ нихъ пришелъ относительно его описанія войны, происходившей, около 2400 лѣтъ тому назадъ, въ нашихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ «Танаиса».

До конца XVII столѣтія нельзя было и думать о сличеніи Геродотова описанія Скиѳіи съ дѣйствительностью, такъ какъ европейскіе ученые гораздо менѣе его были знакомы съ мѣстными особенностями Новороссійскаго края. По примѣру *Целларія* (род. 1638, ум. 1707 г.; Notitia orbis antiqui; Leipzig, 1701), большая часть географовъ долго еще довольствовалась передачею на своихъ картахъ номенклатуры Геродота, мало заботясь о правильномъ распредѣленіи различныхъ именъ рѣкъ, городовъ и областей. Только со временъ Петра Великаго страна между устьями Дона и Дуная, благодаря русскому оружію и просвѣщенному стремленію Царя къ сближенію своихъ подданныхъ съ Западомъ, болѣе прежняго стала обращать на себя вниманіе ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не появиться попытки сравнить тогдашнее состояніе Черноморскаго прибрежья съ тѣмъ, въ какомъ оно находилось во времена Геродота.

Въ числѣ ученыхъ, которые взялись за разсмотрѣніе этого вопроса, однимъ изъ первыхъ былъ знаменитый академикъ

Байеръ (De origine et priscis sedibus Scytharum и De situ Scythiae sub aetatem Herodoti, въ Comm. Acad. Sc. Petropol. I, 1728, p. 387 — 424). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отчасти ошибочнаго мнѣнія о величинѣ стадій у Геродота (т. е. 500, вмѣсто 600 на градусъ), онъ пришелъ къ тому заключенію, что Скиѳія находилась между 45 и 57 гр. долготы, и 47 и 55 гр. широты (p. 408). Такимъ образомъ ему пришлось искать Меланхленовъ около Москвы, Андрофаговъ — въ Витебской губерніи, а Будиновъ и Гелоновъ—въ Полѣсьѣ. Поэтому нечего жалѣть о томъ, что онъ вовсе не говоритъ о походѣ Дарія, хотя, вѣроятно, онъ и не согласился бы съ мнѣніемъ французскаго академика *Дегинья* (De Guignes, Mémoire, dans lequel on entreprend de fixer la situation de quelques peuples Scythes, dont il est parlé dans Hérodote etc. въ Mém. de l'Ac. des Inscr. etc. XXXV, p. 539—572), который, на оборотъ, преимущественно старается дать себѣ отчетъ въ переходахъ Персовъ, и этимъ средствомъ пытается отыскать жилища Скиѳовъ и ихъ сосѣдей.

Желая въ этомъ отношеніи обратить свидѣтельство Геродота въ пользу своихъ мнѣній, *Дегинь* прежде всего считаетъ фактами, не подлежащими никакому сомнѣнію: 1) что Геродотъ сократилъ время похода и 2) что Дарій совершилъ этотъ походъ ускореннымъ маршемъ (p. 545: Dar. y employa beaucoup de célérité). Затѣмъ, находя что, по Геродоту, Будины обитали *къ югу* отъ Сарматовъ, за Танаисомъ, и полагая что эта рѣка непремѣнно совпадала съ Дономъ, онъ отождествляетъ Будиновъ съ Черкесами, озеро, въ ихъ землѣ находившееся—съ Волгою, рѣку Оаросъ—съ Кубанью, а крѣпости, построенныя Даріемъ при Оаросѣ — съ Дербендскою стѣною. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ геніальнымъ открытіемъ жилищъ Аргимпеевъ въ Поднебесномъ царствѣ и тождества растенія «понтійскаго» съ деревомъ «li-tchi», въ изобиліи растущимъ въ китайскихъ провинціяхъ: Fo-kien, Kuang-tung и Kuang-si (p. 554) и доставляющимъ плоды, которые вкусиѣе всѣхъ другихъ фруктовъ въ свѣтѣ.

Порицая знаменитаго синолога, своего сочлена по Академіи Надписей, за то, что онъ вовлекъ Персовъ въ такую даль, *Данвиль* (Examen critique d'Hérodote, sur ce qu'il rapporte de la Scythie, въ томъ же журн., стр. 573 — 591) впалъ въ другую крайность: основываясь на томъ, что въ 2-хъ мѣсячный по-

ходъ Персы не могли пробраться за Донъ и находя, подобно *Байеру* и *Гешнью*, что Геродотъ (говоря о переходѣ Персовъ за Танаисъ, отдѣлявшій Скиѳовъ отъ Сарматовъ) непремѣнно имѣлъ въ виду Донъ и Донецъ, онъ думаетъ, что поприщемъ похода была лишь степь между Дунаемъ и Днѣстромъ. Въ пользу этого мнѣнія онъ ссылается на извѣстіе Страбона, что Персы рисковали умереть отъ жажды въ пустынѣ Гетовъ. Но *Данвиль* не довольствуется однимъ только ограниченіемъ круга дѣйствій воюющихъ; кромѣ того онъ считаетъ нужнымъ представить себѣ Скиѳію въ уменьшенномъ видѣ, держась ошибочнаго мнѣнія, что Геродотъ измѣряетъ разстоянія стадіями, изъ которыхъ уже не 600, а 750 приходилось на градусъ.

Тѣмъ не менѣе, судя по его картѣ, ему удалось изобразить довольно вѣрно топографію Геродотовой Скиѳіи, и я вполнѣ согласенъ съ *Линднеромъ* (см. ниже), что *Данвиль*, при вѣрности своего географическаго взгляда, угадалъ бы всю истину, если бы имѣлъ подъ руками нынѣшнія географическія средства. Но, вопреки *Линднеру*, я не думаю, что въ этомъ случаѣ область Герросъ съ рѣкою того-же имени и Гипакирисомъ *Данвиль* перемѣстилъ бы съ лѣвой стороны Днѣпра на правую.

Извѣстный французскій переводчикъ Геродота, *Ларше* (Histoire d'Hérodote etc. 1786, 2 изд., 1802, IX т.), снабдилъ свой трудъ не только многими дѣльными примѣчаніями, но прибавилъ къ нему еще особый томъ (VIII во 2-мъ изд.), посвященный объясненію географическихъ именъ, встрѣчающихся у Геродота. Въ одномъ изъ примѣчаній, *Ларше* (III, 511) касается вопроса о скиѳскомъ четыреугольникѣ и соглашается съ мнѣніемъ англійскаго маіора *Реннеля*, автора прославленнаго сочиненія о географической системѣ Геродота (The geographical System of Herodotus, 1800), что Меотійское озеро составляло одну изъ сторонъ этого четыреугольника. Зато онъ отвергаетъ рѣшительно (VIII, 375) мнѣніе *Реннеля* о тождествѣ Оароса съ Волгою и старается доказать, что, по взгляду Геродота, первая изъ этихъ рѣкъ находилась къ западу отъ Дона. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ, что походъ Дарія долженъ былъ продолжаться около 5 мѣсяцевъ (III, 509), то это объясняется тѣмъ, что по его мнѣнію Танаисъ, чрезъ который переправились Персы до прибытія къ берегамъ Оароса, совпадалъ съ ѳиссагетскою рѣкою того-же имени, т. е. съ Дономъ.

Графъ *Янъ Потоцкій*, въ сочиненіи, вышедшемъ еще въ 1802 году, и затѣмъ снова изданномъ *Клапротомъ* (Histoire primitive des peuples de la Russie, Par. 1829), опредѣляетъ объемъ Скиѳіи слѣдующимъ образомъ: 1-я сторона шла отъ устья Дуная, берегомъ, до устья Дона; 2-я отъ устья этой рѣки до ея истока; 3-я отъ Ивановскаго озера до истоковъ Вислы и 4-я оттуда до устья Дуная (p. 191). Жилища «чудскихъ» Будиновъ онъ помѣщаетъ выше Воронежа и полагаетъ, что Персы могли пройти туда и обратно къ Дунаю въ теченіе шести мѣсяцевъ. Поэтому онъ увѣренъ, что Геродотъ слишкомъ сократилъ срокъ похода, не подозрѣвая, что жилища Будиновъ могли находиться на срединѣ пути между Воронежомъ и устьями Дуная.

Между тѣмъ великій историкъ *Нибуръ* подалъ нѣмецкимъ ученымъ поводъ заниматься изученіемъ Геродотовой Скиѳіи, безъ пріурочиванія Геродотовыхъ извѣстій къ дѣйствительности.

Въ двухъ небольшихъ статьяхъ (Ueber die Geographie Herodots, 1812, въ Kl. hist. und phil. Schriften, 1, 132 — 158 и Untersuchungen über die Gesch. der Skythen etc, тамъ же, 352—398) *Нибуръ* проводитъ мысль, что весь вопросъ о видѣ Геродотовой Скиѳіи заключается лишь въ разъясненіи обстоятельства, почему Геродотъ воображалъ, что страна эта составляла правильный четыреугольникъ, и что сличеніе ошибочныхъ въ этомъ отношеніи воззрѣній Геродота съ дѣйствительнымъ видомъ края было бы дѣломъ совершенно лишнимъ. Съ большимъ остроуміемъ онъ успѣлъ возстановить этотъ *искусственный* четыреугольникъ, заставляя Геродота думать, что большая часть теченія Дуная была направлена отъ с. къ ю., и что западный берегъ Азовскаго моря пролегалъ параллельно Дунаю, также отъ с. къ ю. Подъ третьею стороною своего четыреугольника Геродотъ долженъ былъ разумѣть линію, идущую параллельно четвертой, т. е. параллельно морскому берегу и примыкающую къ двумъ первымъ сторонамъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ протяженіе равнялось длинѣ берега, заключеннаго между ними. Въ этомъ-то четыреугольникѣ помѣщались кое-какъ всѣ скиѳскія рѣки отъ Танаиса до Истроса, за исключеніемъ пяти притоковъ послѣдняго, для которыхъ уже не оставалось мѣста между Тирасомъ или Днѣстромъ, и текущимъ параллельно съ нимъ Дунаемъ. Уже по этому обстоятельству должно заключить, что о

теченіи этой рѣки Геродотъ не имѣлъ такого ошибочнаго понятія, какъ воображаетъ *Нибуръ*, и что четыреугольникъ, выдуманный послѣднимъ, не былъ похожъ на Геродотовъ.

Сокрушитель древней исторіи Рима считаетъ повѣствованіе о походѣ Дарія баснословнымъ преимущественно потому, что огромныя силы Персовъ никакъ не могли бы проникнуть въ глубину степей, на 700 верстъ за Дономъ. Но такъ какъ изъ словъ Геродота вовсе не слѣдуетъ, что рѣка Оаросъ, до которой дошли Персы, непремѣнно находилась за Дономъ, то покрайней мѣрѣ ничто не помѣшало бы *Нибуру* искать ее въ числѣ рѣкъ, изливающихся въ Азовское море на западной его сторонѣ, до которой онъ вѣроятно не отказался бы допустить Дарія, не соглашаясь съ мнѣніемъ позднѣйшихъ писателей (р. 372), что крайнимъ предѣломъ похода, предпринятаго подъ личнымъ начальствомъ Дарія, могла быть рѣка Тирасъ.

Въ полной увѣренности, что *Нибуромъ* раскрыто ошибочное мнѣніе Геродота о видѣ Скиѳіи и что *Реннель* справедливо отождествляетъ Оаросъ съ Волгою, *Дальманъ*, въ своей біографіи Геродота (Herodot etc. въ Forschungen auf dem Gebiete d. Gesch. II, 1, 1823), приходитъ къ тому результату (стр. 161), что всѣ подробности о походѣ Дарія недостовѣрны, и что Геродотъ потому только не сомнѣвался въ ихъ точности, что представлялъ себѣ скиѳскій четыреугольникъ въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Но если бы на дѣлѣ оказалось, что тутъ ошибся не Геродотъ, а самъ *Дальманъ*, т. е. что онъ значительно увеличилъ объемъ Скиѳіи, въ сравненіи съ дѣйствительной ея величиной, придерживаясь обыкновеннаго мнѣнія, что, по взгляду Геродота, страна эта простиралась до устья Дона, то и *Дальману* пришлось бы согласиться, что крѣпости при рѣкѣ Оаросѣ, напоминающія ему Аварскіе «ringos», могли быть построены Персами (онъ самъ увѣренъ, что царь ихъ дѣйствительно былъ въ Скиѳіи) и что, по странному стеченію обстоятельствъ, Дарій своимъ спасеніемъ обязанъ былъ сторожившимъ мостъ Эллинамъ, или, какъ выражается *Дальманъ*, тиранамъ, предпочитавшимъ рабство и власть — свободной жизни среди свободныхъ согражданъ.

Вслѣдъ затѣмъ другіе ученые, увлеченные, подобно *Дальману*, авторитетомъ *Нибура*, выступили съ новыми гипотезами

для точнѣйшаго опредѣленія воззрѣній Геродота на скиѳскій четыреугольникъ. Вопросомъ этимъ занимались между прочимъ: *Лелевель* (нѣмецкій переводъ, подъ заглавіемъ: Beschreibung d. Her. Sc въ Kleinere Schriften, 1836), *Брандштеттеръ* (Scythica, 1837) и *Бобрикъ* (Georg. d. Her. 1838). Соглашаясь съ мнѣніемъ *Нибура*, что сѣверный берегъ Чернаго моря и западный берегъ Азовскаго соотвѣтствовали двумъ сторонамъ Геродотова четыреугольника, они расходятся въ мнѣніяхъ какъ съ нимъ, такъ и между собою, при опредѣленіи двухъ остальныхъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ приведенные ученые спорили о болѣе или менѣе правильномъ видѣ скиѳскаго четыреугольника, извѣстный географъ *Маннертъ* (Geogr. d. Griechen und Römer, 1820) счелъ подобныя упражненія совершенно лишними для своей науки, стараясь преимущественно опредѣлить дѣйствительный объемъ и предѣлы Скиѳіи во времена Геродота. По его мнѣнію, она граничила къ з. съ Трансильваніею, къ с. з. линіею, проведенною отъ истоковъ Днѣстра и Буга до Днѣпра, около Екатеринослава; наконецъ, къ в. Меотійскимъ озеромъ и линіею, проведенною оттуда къ с., такъ что съ восточной стороны жилища Скиѳовъ простирались далѣе къ сѣверу, чѣмъ владѣнія ихъ при Борисѳенѣ. Въ Танаисѣ Геродота — *Маннертъ* видѣлъ не только Донъ, но и часть теченія Волги (p. 110), а Будины, полагалъ онъ, могли частью обитать при Каспійскомъ морѣ, тогда какъ главная масса этого народа жила въ Польшѣ (p. 138). Къ нимъ то, по его мнѣнію, былъ направленъ походъ Дарія, но Геродотъ смѣшалъ ихъ съ каспійскими Будинами, иначе война не окончилась бы въ одно лѣто.

У меня не было подъ рукою статьи прославленнаго въ свое время географа *Рейхарда* объ этомъ походѣ (D. Feldzug im Lande d. Skythen, въ журналѣ Hertha, Stuttgart, 1828), но, судя по нижеслѣдующимъ двумъ отрывкамъ, перепечатаннымъ въ другихъ сочиненіяхъ, я не думаю, что ему удалось устранить видимое противурѣчіе между внѣшними условіями похода, т. е. между пространствомъ и временемъ, которыя въ этомъ случаѣ, какъ будто нарочно, опредѣлены Геродотомъ какъ нельзя болѣе положительно.

«Такъ какъ», говоритъ *Рейхардъ* въ одномъ мѣстѣ (*A. Brandstätter*, l. c., Addenda) «Геродотъ долженъ былъ знать, что Скиѳія не была равносторонній четыреугольникъ, то и слѣду-

етъ думать, что подъ квадратомъ онъ разумѣлъ не видъ страны, а меньшія ея части вмѣстѣ взятыя и сложенныя въ родъ квадрата «und das Ganze etwa quadratisch genommen». Въ другомъ мѣстѣ (*Schafarik*, Slavische Alterthümer, I, 274) *Рейхардъ* водитъ Персовъ вдоль и поперекъ всей Россіи, а именно: отъ нижняго Дуная до устья Дона, вверхъ по этой рѣкѣ и по Волгѣ до устья Самары, затѣмъ къ сѣверу, чрезъ Оку, у Касимова (сюда помѣщаетъ castella Darii) до озера Ильменя, оттуда къ ю.-з., мимо верхней Вилiи и Пинска до истоковъ Буга и наконецъ мимо нижняго Днѣстра до Дуная.

Издѣваясь надъ подобнымъ взглядомъ ученаго Нѣмца, авторъ Славянскихъ древностей (нѣм. изд. 1843, I, 274) въ свою очередь не сомнѣвается, что по Геродоту «государство» Скиѳское доходило къ в. до устья Дона и до пункта, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ; къ с. до мѣста впаденія Псела въ Днѣпръ и оттуда до истоковъ Буга и Днѣстра. *Шафарикъ* (p. 187) вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что «славянскіе» Будины жили въ Бѣлоруссіи и на Волыни, куда Персы могли пробраться въ двухъ-мѣсячный походъ и откуда, по его мнѣнію, Геродотъ ошибочно перемѣстилъ ихъ за Донъ, потому что 60 лѣтъ послѣ похода уже не могъ собрать достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Свѣдѣнія эти однако же оказались бы совершенно точными, если бы *Шафарикъ* могъ допустить, что Будины (пожалуй, славянскіе) обитали не при истокахъ обоихъ Буговъ, а между обоими Танаисами Геродота, т. е. между Молочной и Дономъ съ Донцомъ.

Въ этихъ мѣстахъ ихъ уже искалъ *Линднеръ* (Skythien etc. 1841), о которомъ мною выше приведены совершенно различные отзывы нашего отечественнаго критика и нѣмецкихъ филологовъ.

Но какъ *Линднеръ*, кажется, правъ въ отождествленіи рѣки Пантикапеса съ Ингульцемъ, такъ ему удалось также угадать, что по взгляду Геродота, восточная сторона скиѳскаго четыреугольника не могла совпадать съ западнымъ берегомъ Азовскаго моря. Такимъ образомъ ему дана была возможность искать землю Будиновъ и рѣку Оаросъ на западъ отъ Дона. Къ сожалѣнію рѣку эту, т. е. Оаросъ, которая, по Геродоту, изливалась прямо въ Меотиду, *Линднеръ* предпочелъ принять за Айдаръ, притокъ Донца, признаваемаго имъ за Геродотовъ

Танаисъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно высказывается въ пользу мнѣнія, что всѣ подробности Геродотова разсказа о походѣ Дарія имѣютъ историческое основаніе.

Замѣчательно, что *Надеждинъ* (Геродотова Скиѳія, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. I, 3—114; и рецензія соч. *Линднера*, тамъ же, 393—431), который раздѣляетъ, вообще говоря, мнѣніе *Линднера* касательно вида и объема Скиѳіи, не вѣритъ тому, что Геродотъ говоритъ о походѣ, и подозрѣваетъ, что вся экспедиція Дарія заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи (р. 110). Правда, онъ тутъ же прибавляетъ, что нѣтъ основательныхъ причинъ сжимать въ столь узкіе предѣлы событіе, оставившее по себѣ столь величественныя воспоминанія. Поэтому *Надеждинъ* готовъ допустить, что изъ Буджака Персы двинулись далѣе, но отнюдь не къ востоку, какъ явствуетъ изъ словъ Геродота, или къ сѣверо-востоку, какъ полагаетъ *Линднеръ*, а къ сѣверу, т. е. на Волынь, куда его, подобно *Смиту*, вовлекъ *Эйхвальдъ* (Alte Geographie des Kasp. Meeres, 1838, и Dorp. Jahrbücher, 1834, III, 1). Послѣдняго онъ ставитъ чуть ли не выше *Линднера* за его «счастливую мысль» вести Дарія въ западную Украину, за перенесеніе озера Будиновъ въ Пинскія болота и за удачное пріуроченіе ѳиссагетскихъ рѣкъ къ притокамъ Припети, а именно: Ликоса къ Случу, Оароса къ Горыни, Танаиса къ Лану и Сиргиса къ Стыри.

Подобными геніальными открытіями не отличается трудъ *Ганзена* (Ost-Europa nach Herodot etc. 1844), вышедшій въ томъ-же самомъ году, когда издана была статья *Надеждина*, такъ что послѣдній едва-ли могъ уже пользоваться имъ: иначе онъ вѣроятно убѣдился бы въ неосновательности смѣлыхъ гипотезъ *Линднера* и *Эйхвальда*. Впрочемъ въ этомъ отношеніи погрѣшилъ и *Ганзенъ*. Считая себя обязаннымъ держаться мнѣнія, что подъ ѳиссагетскимъ Танаисомъ Геродотъ непремѣнно долженъ былъ разумѣть тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ Скиѳовъ отъ Сарматовъ, и пріурочивая рѣку эту не только къ Дону, но и къ Волгѣ, онъ приведенъ былъ къ заключенію, что скиѳскій четыреугольникъ заключалъ въ себѣ кромѣ всего Новороссійскаго края и Бессарабіи, еще губерніи Харьковскую, Полтавскую, всю почти Кіевскую, Воронежскую, Курскую и Черниговскую, затѣмъ,—«da im Osten der Tanais die Gränze macht», —Землю Донскаго войска, и на западѣ отчасти Подолію.

Не сомнѣваясь въ томъ, что земля Будиновъ должна была находиться гдѣ-то около покатостей южнаго или средняго Урала, *Ганзенъ* съ одной стороны понималъ, что Персы не могли проникнуть такъ далеко, а съ другой не рѣшился считать миѳическимъ повѣствованіе Геродота о событіи, случившемся не задолго до его времени.

Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, ему слѣдовало бы допустить, что скиѳскій четыреугольникъ не былъ такъ великъ и что земля Будиновъ не находилась на столь большомъ разстояніи отъ Дуная, какъ онъ полагалъ потому только, что боялся отличать Танаисъ ѳиссагетскій отъ скиѳскаго.

Кольстерп (Das Land der Skythen, въ Archiv für Phil. und Paed. XII, 568—632; XIII, 5—77) полагаетъ (XIII, 25), что Геродотъ говоритъ о *двухъ* Танаисахъ, изливающихся въ Меотиду, но тѣмъ не менѣе выводитъ изъ словъ Геродота, что его четыреугольникъ заключался между окрестностями Полтавы на сѣверѣ и устьями Дуная и Дона на югѣ, хотя подобно *Ганзену*, убѣжденъ въ томъ, что походъ Дарія, вообще говоря, состоялся въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ у Геродота. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ Будины не могли обитать за Полтавою, или за Дономъ, то *Кольстерп* заключаетъ, что Геродотъ смѣшалъ эту рѣку, т. е. ѳиссагетскій *Танаисъ*, съ Истросомъ, или *Дунубіемъ*, вмѣсто того, чтобы подозрѣвать, что подъ своимъ *Танаисомъ* онъ могъ тутъ разумѣть не ѳиссагетскую рѣку этого имени, а скиѳскую. Такимъ образомъ *Кольстеру* удалось отождествить Агаѳирсовъ съ Ѳиссагетами и утвердить при рѣкѣ Дравѣ крѣпости, построенныя Даріемъ при рѣкѣ Оаросѣ, орошавшей землю Будиновъ. Но если, въ чемъ я согласенъ съ *Кольстеромъ*, Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, то не было надобности обвинять его въ ошибочномъ примѣненіи этого имени къ Дунаю, чтобы доказать, что Персы могли дойти до земли Будиновъ. Стоило только допустить, что подъ скиѳскимъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ Молочную, и нетрудно было убѣдиться въ томъ, что Персы скорѣе могли дойти до окрестностей Павлограда, чѣмъ до Эссека, или далѣе вверхъ по Дравѣ, «oder etwas weiter stromaufwärts».

Затѣмъ, правда, *Кольстерп*, въ своей рецензіи книги *К. Неймана* о Скиѳіи (Neue Jahrbücher für Phil. und Paedag. XXVIII, (27), стр. 332), сознается, что онъ уже слишкомъ увлекся,

стараясь доказать, что Геродотъ смѣшалъ Данубій съ Танаисомъ и что Дарій дошелъ чуть-ли не до Балатонскаго озера. Забывая однако же вмѣстѣ съ тѣмъ, что самъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, онъ отождествляетъ обѣ рѣки съ Дономъ. Но такъ какъ Персы въ двухъ-мѣсячный походъ едва ли могли проникнуть въ задонскую степь, то г. *Кольстерп* скорѣе готовъ обвинить Геродота въ неточности, чѣмъ допустить, что Геродотъ не только умѣлъ различать Дунай отъ сиссагетскаго Танаиса, но и не могъ не знать, что рѣка эта, кромѣ имени, не имѣла ничего общаго съ скиескимъ Танаисомъ, т. е. съ Молочною.

Сказавъ въ одномъ мѣстѣ (p. 537), что, по взгляду Геродота, рѣка *Танаисъ* протекала чрезъ землю Будиновъ, а въ другомъ (p. 541), что жилища ихъ находились къ сѣверу отъ Сарматіи, *за Танаисомъ* (стало быть другимъ), осторожный и основательный *Укертъ* (Skythien, 1846) сознается, что до сихъ поръ никто не успѣлъ опредѣлить съ точностью мѣстоположеніе области Будиновъ, хотя о нихъ писали болѣе, чѣмъ о какомъ другомъ народѣ сѣвера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ клонится къ мнѣнію, что Персы едва ли могли проникнуть такъ далеко, какъ говоритъ Геродотъ, хотя послѣдній и былъ увѣренъ въ возможности подобнаго предпріятія. Кромѣ другихъ доводовъ противъ этой возможности, которые я уже старался поколебать въ моей статьѣ, какъ-то: обширности и нынѣшняго характера края, величины рѣкъ, трудности продовольствія 700,000 ной арміи и т. д., *Укертъ* (p. 26) приводитъ замѣтку *Ренеля*, что войску даже гораздо меньшему понадобилось бы 150 дней, чтобы пробраться отъ Дуная до Волги, и, по крайней мѣрѣ 100 дней чтобы дойти до Дона. Но, не говоря о томъ, что, по Геродоту, Персамъ, быть можетъ, вовсе не пришлось забираться столь далеко, я думаю, что, въ случаѣ надобности, наши ополченцы могли бы прибыть изъ Таганрога въ Измаилъ гораздо раньше, чѣмъ полагаетъ англійскій маіоръ.

Какъ въ изданіи Геродота (Her. Hal. Musae, vol. sec. 1857), такъ и въ своемъ переводѣ его Исторіи (Die Musen d. Her. v. Hal. 1859), *Бэръ* (Baehr) придерживается мнѣнія *Нибура*, что, по понятіямъ Геродота, теченіе Дуная было направлено отъ сѣвера къ югу и составляло одну изъ сторонъ скиескаго четыреугольника, хотя неосновательность этого мнѣнія была уже до-

казана *Кольстеромъ*, имъ-же приведеннымъ (Musae, II, 496). Далѣе *Бэръ* думаетъ что подъ восточною стороною четыреугольника Геродотъ разумѣлъ западный берегъ Меотиды, полагая, что и берегъ этотъ пролегалъ прямо отъ сѣвера къ югу. Жилища Будиновъ нѣмецкій переводчикъ не рѣшается указать въ точности, готовъ однако же помѣстить ихъ около Воронежа или Саратова (l. l. p. 333 и въ переводѣ IV книги, 35). Но такъ какъ въ двухъ-мѣсячный походъ Персы не могли дойти до этихъ мѣстъ, то онъ предпочитаетъ свидѣтельству Геродота извѣстіе Ктезія, что Дарій вообще не проникъ въ Скиѳію далѣе 15-ти-дневнаго пути.

Въ примѣчаніяхъ къ новѣйшему французскому переводу Геродота (Miot, Hist. d'Hérodote, 2 изд. 1858), которому *Летронне* (Journ. d. Savants, Mars 1823) во многихъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество предъ переводомъ *Ларше*, не заключается ничего особеннаго касательно мнѣнія Геродота о видѣ и объемѣ Скиѳіи и вовсе не говорится о походѣ Дарія въ эту страну.

Новѣйшій же англійскій переводчикъ исторіи Геродота (George *Rawlinson*, History of Herodotus, IV, 1862) помѣстилъ подъ своимъ трудомъ не только много дѣльныхъ примѣчаній, но и прибавилъ къ нимъ еще особый «Essay» о географіи Скиѳіи (III, 168—174). Въ немъ *Раулинсонъ* разбираетъ «теорію» *Нибура* о видѣ Геродотовой Скиѳіи и доказываетъ всю слабость этой теоріи, незыблемой въ глазахъ *Дальмана*, котораго *Шафарикъ*, въ свою очередь, считалъ самымъ благоразумнымъ толкователемъ Геродота.

Показавъ, что Геродотъ вовсе не былъ такъ далекъ отъ истины, какъ воображалъ *Дальманъ* (l. c. 88), *Раулинсонъ* доказываетъ точность извѣстій Геродотовыхъ о рѣкахъ Скиѳіи, примѣняетъ къ нимъ результаты изслѣдованій *Палласа*, *Мурчисона* и другихъ естествоиспытателей, и находитъ, что русла этихъ рѣкъ со временъ Геродота претерпѣвали весьма значительныя перемѣны.

Такимъ образомъ онъ, на своей картѣ, правильно пріурочилъ рѣку Пантикапесъ къ Ингульцу и тѣмъ не менѣе, согласно съ словами Геродота, помѣстилъ ее къ *востоку* отъ Борисѳенеса. Предположенное измѣненіе нынѣшняго русла этой рѣки послужило ему, кромѣ того, для оправданія сбивчивыхъ,

повидимому, извѣстій Геродота о Герросѣ и Гипакиресѣ. Съ помощью подобныхъ «supposed ancient course» не трудно было наконецъ въ Донѣ признать не одинъ только Танаисъ, но и Ликосъ, и, для удобнѣйшаго помѣщенія Оароса, заставлять Волгу изливаться, хотя однимъ рукавомъ, въ Азовское море. Мѣстоположеніе земли Будиновъ, орошаемой этой рѣкою, *Раулинсонъ* не берется опредѣлить съ точностью, но думаетъ, что они жили около Тамбова (p. 79 и 174). Скиѳскій же четыреугольникъ, по его мнѣнію (p. 171), заключалъ въ себѣ нынѣшнія губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, землю Донскаго войска, губерніи Воронежскую, Рязанскую, Орловскую, Тульскую, Черниговскую, Могилевскую, Минскую, часть Волынской, Кіевскую и Подольскую съ Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею, такъ что въ составъ этого четыреугольника входили два большихъ бассейна Дона и Днѣпра и два меньшіе—Днѣстра и Буга, и сѣверная половина бассейна нижняго Дуная отъ Орсовы до моря.

Не смотря на то, что по такому взгляду Геродотова Скиѳія обнимала бы половину Европейской Россіи *Раулинсонъ* не считалъ себя въ правѣ усомниться въ подлинности Геродотовыхъ извѣстій о походѣ Дарія, и приводитъ весьма уважительныя доказательства въ пользу мнѣнія, что Персы дѣйствительно могли совершить свой переходъ до рѣки Оароса и оттуда обратно къ Дунаю въ указанное Геродотомъ время, т. е. не въ два, а въ три мѣсяца, или въ срокъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы показанію Геродота.

Доводы эти, безъ сомнѣнія, нисколько не потеряли бы своей силы, если бы *Раулинсону* угодно было согласиться со мною въ томъ, что онъ уже слишкомъ раздвинулъ сѣверную и восточную стороны скиѳскаго четыреугольника, и что Будины обитали не въ Тамбовской, а въ Екатеринославской губерніи или въ Міусскомъ округѣ.

Замѣтку эту я охотно представилъ бы на судъ г. *Дункера*, хотя онъ и не раздѣляетъ увѣренности *Раулинсона*, что походъ Дарія состоялся въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ его представляетъ Геродотъ.

Излагая, въ извѣстной своей Исторіи древняго міра (Gesch. d. Alterthums, II, изд. 3, p. 851—859), подробности объ этомъ походѣ, *по Геродоту*, г. *Дункеръ* заставляетъ его говорить, что

Сарматы, Гелоны и Будины обитали къ востоку за *Дономъ*, и что Персы, перейдя чрезъ рѣку (p. 857) остановились только при *Волгѣ*, гдѣ и были построены укрѣпленія, существовавшія отчасти въ его время. Затѣмъ г. *Дункеръ*, основываясь на томъ, что Персы въ какіе-нибудь 80 — 90 переходовъ (p. 863) не могли дойти до Волги и оттуда обратно къ Дунаю, заключаетъ, что Геродотъ слишкомъ поспѣшно (p. 865) повѣрилъ тому, что понтійскіе Скиѳы ему разсказывали объ этомъ походѣ, равно какъ и преданіямъ, которыя походъ породилъ у его соотечественниковъ въ Ордиссосѣ (?) и въ Ольвіи.

Но пока г. *Дункеръ* не убѣдитъ насъ въ томъ, что по *взгляду Геродота*, приведенные народы обитали дѣйствительно между Дономъ и Волгою и что подъ Оаросомъ Геродотъ непремѣнно разумѣлъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ, я считаю себя въ правѣ думать, что, быть можетъ, *Дункеръ* отчасти потому только не вѣритъ въ подлинность извѣстій Геродота, что слишкомъ довѣряетъ своей собственной непогрѣшимости при сличеніи географическихъ воззрѣній своихъ на Скиѳію съ дѣйствительностью.

Напрасно также г. *Дункеръ* (p. 868) изъ словъ Геродота выводитъ заключеніе, что походъ Персовъ былъ направленъ къ сѣверу и что крайнимъ предѣломъ его были озера въ окрестностяхъ Лемберга или, еще вѣрнѣе, болота близъ источниковъ Буга, отстоящія, въ прямой линіи, отъ Рени при Дунаѣ на 65 нѣмецкихъ миль. По крайней мѣрѣ Геродотъ, сказавъ предварительно, что одному изъ отрядовъ Скиѳовъ и Сарматовъ (IV, 120) поручено было отступить въ прямомъ направленіи къ Танаису и Меотійскому озеру, говоритъ (IV, 122), что Персы дѣйствительно преслѣдовали ихъ въ *восточномъ направленіи* до Танаиса и даже за Танаисъ.

Такимъ образомъ походъ ихъ дѣйствительно былъ направленъ къ устьямъ Днѣстра, Тилигула, Буга и Днѣпра, т. е. въ ту сторону, гдѣ, какъ говоритъ г. *Дункеръ* (p. 861), «линейные» корабли Персовъ могли бы подкрѣплять дѣйствія сухопутнаго войска и снабжать его необходимыми припасами. Но такъ какъ г. *Дункеръ* (p. 872) не сомнѣвается, что Дарій, по возвращеніи своемъ къ Дунаю, засталъ тамъ еще болѣе 400 изъ этихъ кораблей, которыми могъ располагать по своему усмотрѣнію (neben der Brücke waren mindestens vierhundert Schiffe dispo-

nibel), то г. профессору пришлось бы только отказаться отъ ошибочнаго мнѣнія своего касательно вторженія Персовъ въ Галицію или Подолію, и убѣдиться въ томъ, что во время похода флотъ могъ приставать къ различнымъ береговымъ пунктамъ и въ томъ числѣ къ Ордиссосу, если только городъ этотъ совпадалъ съ пристанью Одиссосъ Арріана и Безъименнаго, лежавшею при запруженномъ нынѣ устьѣ Тилигульскаго лимана, и существовалъ уже во время Геродота. Въ такомъ случаѣ я готовъ отождествить этотъ городъ Ordessus (по Птолемею) или Ordesus (по Плинію) съ Скиескимъ городомъ Kardesus, о которомъ говоритъ одинъ только Гекатей.

Показавъ, что корифеи науки до сихъ поръ не могли рѣшить, въ какой степени повѣствованіе Геродота о походѣ Дарія заслуживаетъ довѣрія, я отнюдь не хотѣлъ сказать, что они напрасно трудились надъ этимъ спорнымъ и запутаннымъ вопросомъ. Напротивъ того, я понимаю, что удачнымъ рѣшеніемъ многихъ частныхъ вопросовъ, относящихся до географіи и исторіи Скиѳіи всѣ они болѣе или менѣе проложили будущимъ изслѣдователямъ путь къ окончательному разъясненію темныхъ мѣстъ въ IV книгѣ Геродота.

Если же моя попытка содѣйствовать достиженію этой цѣли окажется не совершенно лишнею, то я удачу свою приписалъ бы единственно тому обстоятельству, что, сличая постоянно различныя гипотезы моихъ предшественниковъ, усвоилъ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя болѣе другихъ представляли мнѣ возможность вѣрить Геродоту на слово, не заставляя лгать природу.

II.

Матеріалы для исторіи Сугдеи[1]).

Лучшимъ памятникомъ генуэзскаго зодчества въ Крыму, по справедливости, считаются остатки крѣпости, сохранившіеся по настоящее время подлѣ нѣмецкой колоніи Судакъ, на южномъ берегу. Сѣровато-известковая скала, надъ которой эти укрѣпленія воздвигались пирамидально тремя этажами, круто поднималась со стороны моря, доступна только съ противуположной стороны, при устьѣ широкой долины, гдѣ скала эта образуетъ родъ террассы. На этой террассѣ стоитъ нижняя и обширнѣйшая часть крѣпости, окруженная стѣною съ десятью, частью круглыми, а частью четыреугольными, башнями и съ воротами, охранявшимися передовыми укрѣпленіями. Выше этой террассы на скалѣ расположена средняя крѣпость или цитадель, а еще выше, на вершинѣ горы, стоитъ четыреугольная башня, связанная съ прочими частями крѣпости стѣною, спускающеюся по покатости скалы. Внутри крѣпости находятся развалины разныхъ зданій, на которыхъ сохранились многія надписи, гербы и разные орнаменты. Внѣ крѣпости, предъ ея воротами, видѣнъ еще и теперь древній фонтанъ, снабжавшій водою крѣпость и предмѣстье, занимавшее мѣсто нынѣшней нѣмецкой колоніи и ея окрестностей; древняя же гавань находилась къ западу отъ крѣпости въ глубокой и защищенной съ трехъ сторонъ бухтѣ, которую Татары до нынѣ называютъ Судагъ-лиманъ; въ этой мѣстности сохранились остатки зданія,

[1]) Изъ Новороссійскаго Календаря на 1872 годъ.

похожаго на церковь или на монастырь, съ замѣтными слѣдами живописи.

Всѣ эти памятники, столь-же драгоцѣнные для художниковъ, какъ и для археологовъ, были спасены отъ гибели въ 1869 году Высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ комитета гг. министровъ по иниціативѣ президента Одесскаго общества исторіи и древностей графа А. Г. Строганова и при содѣйствіи г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу. По этому рѣшенію участокъ земли (16 десят.) съ развалинами крѣпости Солдайской переданъ въ вѣдѣніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей «съ обязательствомъ заботиться о сохраненіи этихъ развалинъ».

Въ Русскихъ лѣтописяхъ городъ здѣсь находившійся называется Сурожъ, безъ сомнѣнія отъ имени Суракъ или Судакъ, подъ которымъ онъ является у восточныхъ писателей, за исключеніемъ Эдриси, у котораго городъ этотъ названъ Шолдадія, отъ итальянской формы его имени: Солдадія или Солдая. О важности, которую этотъ городъ нѣкогда долженъ былъ имѣть въ торговомъ отношеніи, можно судить уже по тому обстоятельству, что у Арабовъ Черное море нерѣдко именуется моремъ Судакскимъ, тогда какъ по свидѣтельству Цеца[2]), въ его время весь Крымъ, по греческому имени города, назывался *Сугдеею* или *Сугдаею*.

По припискамъ на древнемъ греческомъ синаксарѣ[3]) городъ этотъ былъ основанъ въ 212 году нашей эры. Основываясь на этомъ фактѣ, достовѣрность котораго мы не имѣемъ права отрицать, можно полагать, что городъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ Аланамъ, господствовавшимъ уже въ то время надъ большею частью Таврическаго полуострова. Въ подтвержденіе приведеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить то,

---

[2]) Ioannes Tzetzes, Chil. XIII, v. 93—95.

[3]) Синаксаръ этотъ въ рукописи найденъ въ Константинополѣ архимандритомъ Антониномъ; списанныя имъ изъ этой книги замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Сугдеѣ, напечатаны въ V томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, стр. 594—628; см. №№ 61, 62 и 63.

что имя Сугдея, не имѣя никакого значенія на греческомъ языкѣ, напоминаетъ намъ Согдіану, искони прославленную своимъ плодородіемъ и причисленную мусульманами къ четыремъ земнымъ раямъ[4]). Подъ Согдіаною древніе авторы разумѣли не всю страну между Оксомъ и Яксартомъ, или туркестанскую Месопотамію, но — долину, гдѣ находятся города Самаркандъ и Бухара, и которая нынѣ еще у восточныхъ писателей называется Согдъ[5]), а въ книгахъ Зороастра — Сугда[6]). Такъ какъ древніе обитатели этой страны были Иранцы, подобно Аланамъ или Ясамъ нашихъ лѣтописцевъ, предкамъ нынѣшнихъ Осовъ (Осетовъ, Осетинцевъ), которые сами себя называютъ Иронъ, отличаясь отъ другихъ горцевъ языкомъ, нравами, преданіями и даже внѣшнимъ видомъ своимъ, то можно допустить предположеніе, что Иранцы, переселившись изъ зааральскаго края въ Черноморье, новое свое жилище въ долинѣ Судакской назвали Сугдеею въ память той именно области Мавераннагра, которая одна только и равнялась ей по своему плодородію. Этими-же Аланами, вѣроятно, Ѳеодосія была переименована въ Ардабду, т. е. городъ *семи боговъ*. Опираясь на свидѣтельство безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго[7]), Палласъ[8]) объясняетъ это названіе слѣдующимъ образомъ: на языкѣ кавказскихъ Кистовъ «варъ» значитъ семь, а «дада»—отецъ или богъ. Но такъ какъ между Кистами и Аланами нѣтъ ничего общаго, то знаменитый естествоиспытатель поступилъ-бы, быть можетъ, правильнѣе, если бы связалъ имя города «семи боговъ» съ именемъ Ардибегешта, втораго изъ шести Аншаспандовъ, которые, подъ предсѣдательствомъ Оромазда, управляли міромъ, по религіознымъ понятіямъ древнихъ народовъ Ирана[9]). Даже всѣхъ семь этихъ правителей

[4]) Mordtmann, Das Buch der Länder p. 125.

[5]) Lebeau, Hist. du Bas-empire, P. 1832; X p. 49, note 1.

[6]) Justi, Handbuch der Zendsprache, Leipzig, 1864, p. 295.

[7]) Müller, Geographi Graeci minores, I, 415.

[8]) Bemerkungen auf einer Reise durch die südlichen Statthalterschaften d. R. R. I, 375.

[9]) Duncker, Gesch. der Arier, 1867 p. 529.

Палласъ нашелъ-бы подразумѣваемыми въ аланскомъ имени Θеодосіи, если-бы только могъ согласиться съ мнѣніемъ Мюлленгоффа[10]), который не сомнѣвается въ томъ: 1) что ἄβδα есть ничто иное, какъ зендское hapta, греческое ἕπτα, санскритское saptan, латинское septem, нѣмецкое sibun; 2) что ἀρδ тождественно съ зендскимъ eredhwa, т. е. возвышенный, въ древне-персидскомъ arda, въ латинскомъ arduus, въ кельтскомъ arduas, и 3) что переписчикомъ были смѣшаны буквы ρ и β, похожіе другъ на друга, и что онъ по сему самому легко могъ писать Ἀρδάβδα вмѣсто Ἀβδάρδα, или Ἁβδάρδα, «die durch sieben (Götter) erhobene Stadt».

Подобно Арріану, безъименный авторъ перипла Понта[11]), считаетъ не болѣе 200 стадій (около 35 верстъ) отъ этой древней колоніи милезійской до гавани Скиѳотавровъ или Аѳинеона, которую Дюбуа[12]) отыскивалъ въ Судакѣ. Но такъ какъ послѣдній отстоитъ отъ Θеодосіи болѣе чѣмъ въ 300 стадіяхъ, то я предпочелъ бы мнѣніе Неймана[13]), который ищетъ портъ Скиѳотавровъ въ Отузѣ, гдѣ еще и теперь встрѣчаются развалины. Притомъ разстояніе между Отузомъ и Ламбатомъ почти равняется 600 стадіямъ, которыя, по Безъименному, отдѣляли портъ Скиѳотавровъ отъ Лампаса, въ которомъ нельзя не узнать нынѣшній Ламбатъ, отстоящій отъ Судака только въ 400 стадіяхъ. Должно думать поэтому, что въ измѣреніяхъ своихъ Безъименный вовсе не касается Судака. Однако изъ молчанія его еще нельзя заключать, что городъ этотъ въ его время вовсе не существовалъ. Скорѣй можно держаться противнаго мнѣнія, на томъ основаніи, что у географа Равеннскаго, почерпавшаго столь много данныхъ изъ сочиненій, явившихся гораздо прежде его времени, городъ Sugdabon упомянутъ въ сосѣдствѣ Тавроскиѳовъ, между крымскими Готами и Фанагоріею, въ слѣдующемъ отрывкѣ: Item ad

---

[10]) Monatsberichte d Berl Academie, August, 1866 p. 564.

[11]) Müller, l. l. и 395.

[12]) Voyage autour du Caucase, V, 337; VI, 5, 6.

[13]) Die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855 p. 464.

frontem Roxolanorum regionis sunt patriæ, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, nec non Gethogithorum, *Sugdabon* (т. е. Sugdaion), Fanaguron, paludis Mæotidon[14]). Послѣ этого не трудно угадать, гдѣ находилась *Сοιδίανα*, изъ которой св. апостолъ Андрей отправился въ Эѳіопію, или Колхиду, по свидѣтельству Софронія († 390) и другихъ историковъ IV столѣтія, которые могли означать Крымъ именемъ города Сугдеи, тогда уже существовавшаго. Зато было-бы слишкомъ смѣло признавать Сугдаитовъ, которые, въ 569 году, тщетно старались проложить себѣ дорогу чрезъ Персію для торговли шелкомъ[15]), за нашихъ крымскихъ, хотя эта отрасль промышленности у нихъ процвѣтала до такой степени, что купцы, торговавшіе шелкомъ въ Москвѣ, въ нашихъ лѣтописяхъ называются *Сурожанами*, и что еще нынѣ существующій въ Москвѣ рядъ лавокъ съ шелковыми издѣліями называется *Суровскій рядъ*[16]).

Если даже допустить, что впрочемъ не вѣроятно, что крымскіе Сугдаиты или Сугдеиты занимались этимъ промысломъ еще въ VI столѣтіи, то можно быть увѣреннымъ, что приведенный выше фактъ касается не ихъ, но азіатскихъ, такъ какъ мы узнаемъ отъ Менандра, что тѣ Сугдаиты, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, обитали при Оксѣ и находились подъ властью Персовъ, пока не были покорены Гефталитами или Бѣлыми Гуннами, въ свою очередь подпавшими подъ власть восточныхъ Турокъ, т. е. Хазаровъ. Между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что Крымъ не былъ никогда подчиненъ Персамъ, хотя они, во время Менандра, дѣйствительно простерли свое оружіе до Кубани. Подобнымъ образомъ Гефталиты не доходили до Крыма, потому что этотъ народъ, отличавшійся отъ прочихъ Гунновъ бѣлымъ цвѣтомъ тѣла, нравами и образомъ жизни, обиталъ къ С. отъ Персіи, въ окрестностяхъ города Горго,

---

[14]) Ravennatis anonymi cosmogr. ed. Pinder, 1860 p. 175, 6.
[15]) Menander, Excerpta de legationibus; ed. Bonn. p. 295.
[16]) Кёппенъ, Крымскій Сборникъ, 120.

явно тождественнаго съ городомъ Горганъ или Джорджанъ арабскихъ писателей, близь юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, т. е. въ древней Гирканіи. Касательно народности этихъ бѣлыхъ Гунновъ ученые, впрочемъ, до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ [17]).

Что-же касается Турокъ, покорившихъ Гефталитовъ, то они въ то самое время могли быть въ сношеніяхъ съ крымскими Сугдеитами, такъ какъ эти Турки или Кермихіоны, т. е. Харезмійцы [18]), какъ ихъ называли Персы, или скорѣй Греки, тогда уже простерли свое оружіе до Танаиса и вскорѣ за этимъ, овладѣвши Воспоромъ, осадили Херсонъ (581). Что наша *Сугдея* не переставала существовать, можно заключить изъ того, что 100 лѣтъ спустя она была резиденціею архіепископа. Нельзя сказать, когда именно учреждена была эта каѳедра, но намъ извѣстно, что патріархомъ Германомъ (715 — 730) былъ поставленъ *новый* архіепископъ. Однимъ изъ преемниковъ послѣдняго былъ св. Стефанъ Сурожскій, признаваемый за одно и тоже лицо съ Стефаномъ, епископомъ Сугдейскимъ, участвовавшимъ во второмъ Никейскомъ соборѣ [19]). Слѣдовало-бы только допустить, что епископъ этотъ имѣлъ тогда около 86 лѣтъ, или что небольшіе анахронизмы вкрались въ славянское жизнеописаніе Стефана Сурожскаго, равно какъ и въ краткое житіе Стефана Сугдейскаго, списанное безграмотною рукою на приведенномъ выше синаксарѣ. Это рукописное сказаніе не заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, никакихъ новыхъ данныхъ, за исключеніемъ развѣ того, что св. Стефанъ былъ родомъ изъ села Моривасу въ Каппадокіи, и что, по смерти своихъ родителей, все что имѣлъ роздалъ бѣднымъ, и отправился въ Аѳины, желая поклониться храму Богоматери. По славянскому-же жизнеописанію Стефана, онъ пятнадцати-лѣтнимъ юношею прибылъ съ родины въ Царьградъ,

---

[17]) Vivien de Saint-Martin, Sur les Huns blancs ect. въ Nouv. Ann. des Voyages, 1849, III.

[18]) Neumann, D. Völker d. südl. Russl. 2 изд. 112.

[19]) Кёппенъ l. c. 129.

пробылъ тамъ 15 лѣтъ, долго жилъ въ уединеніи и, наконецъ будучи рукоположенъ патріархомъ въ архіерея, успѣлъ остановить распространившееся въ Сурожѣ еретичество и «за пять лѣтъ крестилъ весь городъ Сурожскій». Будучи посаженъ иконоборцами въ константинопольскую темницу, онъ по смерти Льва Исаврянина получилъ свободу, по просьбѣ царицы, супруги Константина Копронима, которая была дочь «корчемскаго» царя, слышавшая еще въ своемъ отечествѣ о св. Стефанѣ, который, возвратившись туда, поставилъ на свое мѣсто архіепископомъ клирика своего Филарета. Изъ приписокъ къ синаксару мы узнаемъ, что св. Стефанъ Сугдейскій былъ погребенъ въ алтарѣ *св. Софіи*, и что церковь сія была обновлена въ 793 году (№№ 1 и 135 [20]).

Насъ нисколько не удивитъ, что Судакъ подобно Керчи въ то время принадлежалъ Хазарамъ, если припомнимъ, что весь почти полуостровъ былъ имъ подвластенъ еще въ то время, когда тамъ искалъ убѣжища византійскій императоръ Юстиніанъ II (704). Не задолго послѣ смерти Стефана, *Сурожъ* былъ взятъ и разграбленъ Руссами, подъ предводительствомъ какого-то князя Бравлина (Бравалинъ, Бравленинъ), который однако, познавъ въ болѣзни, постигшей его, наказаніе отъ угодника Божія, принужденъ былъ не только возвратить все похищенное и всѣхъ плѣнниковъ, но и самъ креститься съ боярами своими. Но между тѣмъ какъ это сказаніе сохранилось въ нѣкоторыхъ русскихъ хронографахъ [21]), въ греческой рукописи X вѣка и въ латинскомъ ея переводѣ Болландистовъ [22]), та же самая легенда отнесена къ малоазійскому городу Амастрису и къ тамошнему епископу св. Георгію.

---

[20]) Къ сожалѣнію, я, при перепечатаніи этой статьи, не могъ пользоваться трудомъ, который г. Васильевскій намѣревался помѣстить въ Ж. М. Н. Просв. (См. Февраль, 1877 г.), и который кажется до сихъ поръ не былъ напечатанъ.

[21]) См. Горскій, О походѣ Руси на Сурожъ, въ Зап. Од. Общ. I, 191—196.

[22]) См. Гедеоновъ, Отрывки изъ изслѣд. о Варяжскомъ вопросѣ, прилож. въ I т. Зап. Имп. Ак. Н. въ С. П. р. 59.

По мнѣнію г. Гедеонова, оба эти извѣстія взяты изъ древнѣйшаго греческаго источника, восходящаго за 866 годъ и относящаго походъ и чудо, подобно славянской легендѣ, къ Сурожу и св. Стефану. Напротивъ того г. Куникъ[23]) убѣжденъ въ томъ, что въ ней смѣшаны два событія, оба ошибочно отнесенныя къ Сурожу, а именно: крещеніе русскаго князя въ Амастрисѣ въ 865 году и крещеніе св. Владиміра, или «бранливаго» князя, превращеннаго, какъ еще думалъ Востоковъ, переписчиками легенды св. Стефана, въ небывалаго князя Бравалина. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. академика уже по той причинѣ, что вслѣдъ за описаніемъ чуда, послѣдовавшаго на гробѣ св. Стефана, въ жизнеописаніи его сказано, что съ его помощью исцѣлилась и царица Анна, сильно заболѣвшая въ «черной водѣ», на пути своемъ изъ Корсуня въ Керчь, тогда какъ эта царица не могла быть никто иная, какъ супруга Равно-апостольнаго князя.

Новобрачная чета легко могла этимъ путемъ добраться изъ Херсона до Кіева, такъ какъ Азовское море съ давнихъ поръ было доступно Руссамъ, какъ свидѣтельсвуютъ, между прочимъ: завоеваніе Тмуторокани Святославомъ; переданное Львомъ Діакономъ извѣстіе, что Игорь, послѣ неудачнаго своего похода въ Грецію, возвратился восвояси чрезъ Киммерійскій Воспоръ[24]), и самый договоръ Игоря съ Греками, въ которомъ упоминается о правахъ его на Херсонскіе города. Что вскорѣ спустя крымскіе Готы, возмутившіеся противъ Хазаровъ по наущенію своего епископа Іоанна, добровольно подчинились Руси, становится вѣроятнымъ изъ обнародованнаго Газомъ въ боннскомъ изданіи Льва Діакона (496 съ слѣд. стр.) отрывка, писаннаго въ X столѣтіи и содержащаго записки греческаго градоначальника въ Тавридѣ о нападеніи *непоименованнаго* имъ варварскаго народа на т. н. χλήματα,

---

[23]) Kunik, въ Bull. hist. phil. de l'Ac. de S.-P. VI, col. 370 и Mélanges russes 1, p. 147.

[24]) Leo Diac. ed. Bonn. 106.

или южный берегъ Крыма. Нельзя сказать, находилась-ли Сугдея въ числѣ десяти городовъ, разграбленныхъ Руссами въ этомъ походѣ, а затѣмъ ими-же возвращенныхъ Грекамъ; но во всякомъ случаѣ городъ остался за послѣдними послѣ того, какъ ихъ полководецъ Монгъ, съ помощью русскаго князя Сфенга, положилъ конецъ владычеству Хазаровъ на полуостровѣ, въ 1015 году.

Въ слѣдующемъ столѣтіи Сугдейская епархія была соединена съ Фулльской; но до сихъ поръ неизвѣстно, гдѣ находился городъ Φοῦλλα или Φοῦλλοι. Для желающихъ заняться рѣшеніемъ сего вопроса, замѣчу только, что этотъ городъ упоминается въ Acta Sanctorum, по случаю чуда, совершеннаго епископомъ готѳійскимъ, св. Іоанномъ [25]), и также въ житіи св. Кирилла, срубившаго большой дубъ въ окрестностяхъ Фуллы, «во Фульстѣ языцѣ». По справедливому замѣчанію Горскаго [26]), въ біографіи апостола Славянъ, составленной вскорѣ послѣ его смерти, говорится также о Сугдеѣ: явѣ же суть Армяне, Перси, Авазъги, Иверіи, *Гугди* (вмѣсто Сугды) Готѳи, Обри, Турсіи, Казари и проч.

Въ словѣ о полку Игоревѣ *Сурожъ*, подобно по-Сулью, Корсуню и Тьмутороканскому блъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ, подъ которыми здѣсь должны мы разумѣть съ Бѣляевымъ [27]) не земли, вовсе незнакомыя Русскимъ, но утраченныя, потому что всѣ онѣ въ это время уже были подчинены Половцамъ или Команамъ, подъ какимъ именемъ ихъ знаетъ Эдриси, заимствовавшій имя это также у итальянскихъ моряковъ. Подобнымъ образомъ славный тогда еще городъ Херсонъ, коего имя въ ихъ картахъ пишется cersono, cressona, crexona, giriçonda, gerezonda, у него называется Керсона. Между этимъ городомъ и Шолдадіею у него слѣдуютъ имена разныхъ береговыхъ пунктовъ, съ сохраненіемъ итальянской

---

[25]) См. Херсон. Епархіальн. вѣдомости, 1862, № 12 стр. 167.
[26]) Москвитянинъ, 1843, № 6, стр. 405—435.
[27]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. III, 35.

ихъ формы (какъ увидимъ ниже) и съ означеніемъ взаимнаго ихъ разстоянія[28]) какъ-то: Джалита (Ялта), Гарзуни (Гурзуфъ), Бертабита (Партенитъ), Лебада (Ламбатъ), Шалуста (Алушта) и въ 20 миляхъ за *Судакомъ*, Бутеръ или Бутра[29]), отдѣленный такимъ же разстояніемъ отъ устья Русской рѣки, при которой лежалъ соименный ей городъ, въ 27 миляхъ отъ города Матрахи или Матрихи, который въ свою очередь находился въ 20 миляхъ отъ устья Русской рѣки, при большой рѣкѣ Сакирѣ, притокѣ Итиля. Мы не можемъ утверждать, что Эдриси подъ рѣкою Сакиръ, напоминающей рѣку Хадеръ Константина Багрянороднаго[30]), разумѣлъ одинъ изъ рукавовъ Кубани; но зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ подъ устьемъ Русской рѣки имѣлъ въ виду Керченскій проливъ, а посему я и теперь не могу отказаться отъ оспариваемаго г. Гейдомъ[31]) мнѣнія, что Эдриси подъ русскимъ городомъ разумѣлъ нынѣшнюю Керчь, а подъ Матрахою городъ Тмуторокань нашихъ лѣтописцевъ, на островѣ Тамани, тождественный съ городомъ Таматарха Константина Багрянороднаго, названномъ τὰ Μέτραχα въ древнемъ спискѣ греческихъ епископствъ[32]) и превращенномъ въ matrega на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія. По Эдриси городъ этотъ былъ весьма богатъ и многолюденъ, въ него стекались купцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Жители его, постоянно воюя съ жителями Русскаго города, были подъ властью князей, которыхъ французскій переводчикъ арабскаго географа[33]), по недоразумѣнію, превращаетъ въ Абхазовъ, тогда какъ Эдриси[34]) только гово-

---

[28]) Edrisi, Géogr. tr. p. Jaubert, II, 395.

[29]) Неразгаданное имя Бутеръ или Бутра напоминаетъ мнѣ, хотя подобозвучіемъ, Страбоново (XI, 2 § 8) мѣстечко *Πατραεύς*, при Воспорѣ Киммерійскомъ и замѣтку Амміана (XXII, 8, 30) о Меотидѣ: per *Patares* angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum.

[30]) De adm. imperio, ed. Bonn. 181.

[31]) Gesch. des Levantehandels I, 228 ср. Черноморье, I, 121 съ сл.

[32]) Hier. Syn et Not. gr. episc. ed. Parthey, p. 100.

[33]) Edrisi, l. c. ср. p. 400.

[34]) Edrisi, Descr. de l'Afrique etc. trad. p. Dozy et Gocje, Préface, XIX.

ритъ, что они были весьма храбры и страшны для своихъ сосѣдей. Безъ сомнѣнія тутъ говорится о князьяхъ русскихъ, которые въ XI столѣтіи владѣли не только Русскимъ городомъ, но и Матригою, какъ видно изъ извѣстной надписи на мраморной плитѣ, найденной въ 1792 году въ Тамани, и которые вѣроятно еще удержались въ Тмуторокани, и послѣ того, какъ Половцы уже отняли у нихъ Корчевъ.

Еще въ началѣ XII столѣтія Половцамъ принадлежали, по сказанію лѣтописцевъ, разные города, населенные Ясами и лежавшіе, какъ обыкновенно думаютъ, на Дону [35]). Но, быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ городовъ находились въ Крыму, напр. *Сугровъ*, который былъ обращенъ въ пепелъ Русскими въ походѣ 1111 года, два дня послѣ того, какъ они были радушно приняты жителями Осенева, до котораго достигли только по прошествіи мѣсяца со дня выступленія въ походъ и послѣ перехода чрезъ многія рѣки. Города эти принадлежали хану Шарукану, владѣнія котораго явно находились въ Крыму: иначе готскимъ красавицамъ не приходилось бы, на берегу синяго моря, воспѣвать месть Шароканю [36]).

Если-бы походъ 1111 года дѣйствительно простирался до окрестностей Сурожа (Сурога, Сугрова), то и объяснилось бы, почему слава объ этомъ походѣ разнеслась отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима [37]); объяснилось бы также, почему во времена Герберштейна и Стрійковскаго могло быть въ ходу преданіе, что знаменитыя бармы, хранившіяся въ оружейной палатѣ въ Москвѣ, перевезены были туда изъ Каффы Владиміромъ Мономахомъ [38]), который дѣйствительно участвовалъ въ походѣ 1111 года; или наконецъ—почему въ народной памяти такъ долго не забывалось, какъ пилъ онъ Донъ

---

[35]) Карамзинъ, изд. Эйнерл. 11, 84 и 90; Арцыбышевъ, Повѣств. о Россіи, II, 65.

[36]) Русск. Истор. Сборникъ, III, 118.

[37]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 21, 3.

[38]) Starczewski, Hist. ruth. scriptores exteri etc. 1841; I, p. 16 ср. Siestrzencewicz, Hist. du royaume de la Chers. Taur. 192.

золотымъ шеломомъ, какъ окаянныхъ Агарянъ загналъ за Желѣзныя врата[39]). Если-же Половцы дѣйствительно принуждены были бѣжать такъ далеко «за Обязы», то подъ Дономъ, достигнутымъ Русскими только послѣ мѣсячнаго перехода, я видѣлъ-бы не Донъ или Донецъ, но Керченскій проливъ. Что наши лѣтописцы, подобно столь многимъ другимъ авторамъ, древнимъ и средневѣковымъ, восточнымъ и западнымъ, считали этотъ проливъ за одно изъ устьевъ Дона явствуетъ изъ того, что по Воскресенскому списку[40]) князь Михаилъ Тверской, отправившись въ орду, засталъ хана Узбека близь устья Дона и что рѣка эта изливалась въ море «суражское». Такъ какъ Сурожъ лежалъ не при Азовскомъ морѣ, но при Черномъ, то вопреки мнѣнію Карамзина[41]) и Кёппена[42]), я не сомнѣваюсь, что князь представился верховному своему владѣтелю не при устьѣ Дона, впадающаго въ Азовское море, но въ недальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ море это изливается въ Керченскій проливъ, почему и полагаю что Узбекъ находился тогда въ Солкатѣ или Эски-крымѣ. Что дѣйствительно злосчастный князь явился предъ ханомъ не въ окрестностяхъ Азова, но въ Крыму, можно также заключить изъ совѣта, даннаго ему служителями, умолявшими его спастись въ горы[43]). Отъ Азова до горъ, гдѣ князь могъ-бы себя считать въ безопасности, было далеко, между тѣмъ какъ изъ Солката онъ могъ очень скоро пробраться въ горную часть Крыма, гдѣ тогда обитали православные Готы и находились замки и города, принадлежавшіе греческимъ династамъ. Если же на плѣнаго Михаила сошлись смотрѣть «множество изъ всѣхъ языкъ», то это обстоятельство заставляетъ думать, что эти посѣтители пришли не изъ окрестностей Азова, но изъ разныхъ мѣстъ Таврида, тѣмъ болѣе, что между ними находились «Цареградцы

[39]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 155.
[40]) Воскресенская лѣтопись, II, p. 288.
[41]) Ист. Госуд. Росс. V, прим. 32 и 133.
[42]) Крымскій Сборникъ, 121.
[43]) Арцыбышевъ, I. c. кн. 3. p. 76.

и Нѣмцы»[44]), подъ которыми лѣтописецъ могъ разумѣть, если не Готовъ, то, покрайней мѣрѣ, Венеціанцевъ, которыхъ тогда не мало было въ Крыму.

Правда, по завоеваніи Константинополя крестоносцами, Сугдея, подобно Херсону и Южному берегу, по всей вѣроятности, признала верховную власть Алексія Комнина, основателя Трапезунтской имперіи; но тотчасъ по восшествіи на престолъ зятя и преемника его (1222), Андроника I Гида, была взята полководцами Чингисхана, Джебе-ноянômъ (миріархъ) и Субудаемъ-багадуромъ (храбрецъ)[45]). По крайней мѣрѣ мы узнаемъ изъ одной приписки на нашемъ синаксарѣ[46]), что Татары впервые овладѣли Сугдеею 27 января 1223 г. А такъ какъ они тамъ не оставались, но обратились противъ Русскихъ и бѣжавшихъ къ нимъ Половцевъ, то уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что сраженіе при Калкѣ произошло не въ 1224 году, какъ читается во всѣхъ нашихъ историческихъ учебникахъ, но *весною 1223 года*, что, впрочемъ, г. Куникъ успѣлъ уже доказать въ прекрасной статьѣ, помѣщенной во второмъ томѣ Ученыхъ Записокъ Имп. Академіи Наукъ по I и III отд. стр. 733 seqq.

Въ то время, когда сказанное несчастіе постигло Сугдею, городъ этотъ былъ, по Ибнъ-эль-Атиру (ibid. 660), главнымъ въ Кипчакѣ и весьма важнымъ въ торговомъ отношеніи, «потому что», говоритъ онъ, «приходятъ къ нему суда съ одеждами, и ихъ покупаютъ и вымѣниваютъ на невольницъ и невольниковъ, чернобурыхъ лисицъ (?), бобровъ, бѣлокъ и другіе товары, находящіеся въ той землѣ». Затѣмъ Ибнъ-эль-Атиръ, подобно Рашидъ-Эддину[47]), свидѣтельствуетъ, что по случаю нашествія Монголовъ жители Судака разсѣялись: часть ихъ ушла въ горы съ своими семействами и имѣніемъ, а часть сѣла

---

[44]) Никоновская лѣтопись, III, 118.

[45]) Березинъ, Нашествіе Монголовъ и пр. въ Журн. Мин. Н. Просв. 1853, IX p. 227.

[46]) Зап. Од. Общ. V, p. 600 № 33.

[47]) Березинъ, l. c.

на суда и ушла въ Малую Азію. Кажется однако, что по удаленіи Монголовъ эмигранты, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, возвратились къ своимъ пенатамъ: иначе мы не встрѣчали бы въ синаксарѣ приписку, что Татары вторично напали на Сугдею въ 1239 году[48]). Десять лѣтъ спустя Сугдеиты праздновали свое освобожденіе отъ иновѣрнаго ига и вмѣстѣ съ ними, кажется, Гото-греки южнаго берега и обитатели Ираклійскаго полуострова; ибо, когда, по удаленіи Татаръ, севастъ или губернаторъ «счелъ народъ», то оказалось на лицо 308.000 душъ, стало быть гораздо болѣе, чѣмъ тогда могло ихъ быть въ одномъ только городѣ. Въ это время, или вскорѣ спустя, онъ уже состоялъ подъ властью не Великихъ Комниновъ, но Палеологовъ, если судить по двумъ припискамъ, внесеннымъ въ греческій нашъ синаксаръ, найденный въ Константинополѣ[49]). Тогда какъ въ первой изъ этихъ замѣтокъ читаемъ: Въ тотъ же день (24 іюня 1254) взялъ Синопъ Комнинъ «господинъ» Мануилъ; другая, написанная, повидимому, той-же рукой, гласитъ: Въ тотъ-же день (24 іюля 1261) взялъ городъ «святой царь» Палеологъ Михаилъ. Правда, еще въ 1374 году въ титулѣ трапезунтскаго императора Алексія III упоминается «Заморье» (περατεία), т. е. крымскія владѣнія[50]); нужно полагать однако, что они тогда, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежали цареградскому его товарищу Іоанну II; иначе непонятно, какимъ образомъ сынъ сего послѣдняго, Мануилъ (1391—1425), могъ дать сыну своему Константину въ удѣлъ черноморскія владѣнія, смежныя съ Хазаріею[51]).

Какъ бы то ни было, греческія владѣнія въ Крыму, послѣ похода Батыя, находились въ большей или меньшей зависимости отъ Татаръ и платили имъ дань, подобно той, которую,

---

[48]) Зап. Од. Общ. V, p. 611 № 104.

[49]) Ibid. p. 617 № 148 и 171.

[50]) Fallmerayer, Original-Fragmente... zur Gesch. d. Kaiserth. Trapezunt, въ Denkschr. d. bayer. Ac. der Wissensch. III, 3, (1 Abth. p. 87).

[51]) Ducas, Hist. Byz. ed. Bonn. 134.

по свидѣтельству Рубруквиса [52]), Половцы прежде брали съ Херсона, Солдаи и находившихся между ними сорока замковъ: «et sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma: inter quos erant multi Goti quorum idioma est teutonicum».

Я уже старался доказать [53]) что подъ этими «quadraginta castella» Рубруквиса скрывается тогдашнее названіе города Киркъ-ера, значущее «Сорокъ мѣстъ», какъ явствуетъ изъ обнародованнаго Березинымъ [54]) ярлыка хана Токлукъ Тимура, 1497 года. И нынѣ еще бакчисарайскіе Караимы такъ называютъ опустѣвшій городъ Чуфутъ-кале, занимающій явно мѣсто сего Киркъ-ера, который затѣмъ былъ одной изъ резиденцій хановъ крымскихъ, хотя отъ прежняго его величія мало сохранилось слѣдовъ. Поэтому мнѣ казалось, что Барбаро [55]) не ошибся, когда, упоминая о городѣ «Cherchiarde», прибавляетъ, что это названіе значило «Quaranta luoghi», а не «сорокъ мужей», какъ полагалъ Абульфеда [56]) въ слѣдствіе ошибочнаго чтенія тюркскаго названія города: Киркеръ вмѣсто Киркъ-еръ.

Между тѣмъ г. Гейдъ [57]) придерживается обыкновеннаго мнѣнія, что Рубруквисъ вовсе не имѣлъ въ виду этотъ городъ, но замки, развалины которыхъ отчасти по нынѣ сохранились между Херсономъ и Судакомъ. Только въ выноскѣ г. библіотекарь приводитъ причины, которыя его заставляютъ смѣлую мою гипотезу считать неосновательною, замѣчая, что въ дипломѣ хана Тимуръ-Кутлука говорится не о городѣ Киркъ-ерѣ, но объ области Киркъ-ерской, и затѣмъ спрашиваетъ: wie könnte man Dschufut-kale zwischen Soldaja und Cherson setzen?

---

[52]) Itinerarium W. de Rubruk., въ Recueil de Voyages et de Mém. P. 1835, IV, p. 217.

[53]) Notices.... sur la Gazarie, въ Mem. de l'Acad. etc. стр. 22.

[54]) Ханскіе ярлыки, II, Казань 1851, стр. 11 и 35.

[55]) Семеновъ, Библіотека Иностр. писат. I, 1.

[56]) Géogr. d'Aboulfeda, trad. p. Reinaud, II, 319.

[57]) Gesch. des Levantehandels, II, 210.

wie passen zu Dschufut-kale die gleich darauf genannten Gothen?

Но, не говоря о томъ, что сѣверная граница Готіи доходила до окрестностей Чуфутъ-кале, я не вижу, почему и Рубруквисъ не могъ его помѣстить между Солдаею и Херсономъ, тогда какъ въ приведенномъ ярлыкѣ сказано, что «Крыско-Кыркъ-ерская область» находилась въ сосѣдствѣ селенія именуемаго Судагкъ, и хотя городъ, по которому область явно была названа Кыркъ-ерскою, находился въ недальномъ разстояніи отъ Херсона, на пути между этимъ городомъ и Судакомъ.

Поэтому я развѣ только могу допустить, что Рубруквисъ, по какому нибудь недоумѣнію, въ имени Кыркъ-еръ видѣлъ только намекъ на большое число замковъ южнаго берега [58]). Замѣчу еще кстати, что эти замки не имѣли ничего общаго съ 40 городами, о которыхъ говоритъ Абульфеда въ другомъ мѣстѣ (282), такъ какъ онъ къ нимъ кромѣ Судака причисляетъ еще Солгатъ и Каффу.

Съ предположеніемъ, что слова Рубруквиса относились къ тремъ городамъ, становится понятнымъ, какимъ же образомъ каждый изъ этихъ городовъ могъ отличаться отъ двухъ другихъ народностью своихъ обитателей.

Если-же не подлежитъ сомнѣнію, что Херсонъ былъ преимущественно населенъ Греками, то мы узнаемъ отъ Абульфеды, что въ Киркерѣ обиталъ народъ ol As, или Аланы, которые у Плано Карпини и Рубруквиса также являются подъ именемъ As, или Aas, и явно тождественны съ Ясами нашихъ лѣтописцевъ, жилища коихъ, какъ мы видѣли, въ XII столѣтіи находились далѣе на западѣ, чѣмъ теперь. Что христіанскіе Аланы обитали въ окрестностяхъ Херсона не задолго до посѣщенія Крыма Рубруквисомъ видно изъ письма къ нимъ епископа Ѳеодора [59]), на которое г. академикъ Куникъ обязательно обратилъ мое вниманіе; потомки ихъ, вѣроятно, были

---

[58]) Кёппенъ, Крымскій Сборникъ, прим. 454.

[59]) Nova patrum bibliotli. VI, Romae, 1843.

членами православнаго прихода въ Хрихари, т. е. въ Киркъерѣ. Впрочемъ, самъ Рубруквисъ, проѣзжая чрезъ этотъ край, встрѣтилъ тамъ Алановъ, называвшихся Acias или Akas, т. е. бѣлыми или свободными [60]). Въ свою очередь посланники, отправленные десять лѣтъ спустя (1263) египетскимъ султаномъ Бибарсомъ къ Берке-хану и приставшіе къ *судакскому* порту, свидѣтельствуютъ, что они, достигнувъ вершины горы, были встрѣчены намѣстникомъ этой области Табукомъ или Таюкомъ, и что этотъ чиновникъ провожалъ ихъ до города Крыма (Солкатъ), населеннаго Кипчаками, Русскими и Аланами [61]). Къ послѣднимъ принадлежали и тѣ Аланы, съ помощью которыхъ вскорѣ спустя извѣстный Ногай, по Пахимеру (Hist. V, стр, 236), образовалъ независимое отъ хановъ царство на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и изъ которыхъ многіе по его убіеніи (1299) переселились въ Грецію. Но что они отчасти удержались въ Крыму даже послѣ временъ Абульфеды, явствуетъ изъ письма Марино Санудо къ французскому королю Филиппу VI отъ 13 октября 1334 г., гдѣ къ народамъ, зависившимъ отъ Татаръ, причислены Готы съ небольшимъ числомъ Алановъ (Gothi et aliqui Alani) въ Галгаріи, т. е. въ Газаріи, Хазаріи, Крыму [62]); что еще въ 1384 году въ числѣ спорныхъ между митрополитами херсонскимъ и готѳійскимъ приходовъ упоминается Аланійскій [63]), и что наконецъ Барбаро [64]) не безъ основанія могъ сказать, что Аланія простиралась отъ крымскихъ горъ или Готіи до Монкастро, т. е. до Аккермана.

Что-же касается народности третьяго изъ упомянутыхъ Рубруквисомъ городовъ, т. е. Судака, въ которомъ онъ про-

---

[60]) Recueil de voyages etc. IV, 243 ср. Vivien de Saint-Martin, Les Alains въ Nouv. ann. de voyages.

[61]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. VI, ср. Quatremère, Hist. des sultans mamlouks de l'Egypte, P. 1837, I, 213—218.

[62]) Kunstmann, Studien über Marino Sanudo, München 1855, p. 105.

[63]) Acta Patr. Const. II, № 367.

[64]) Семеновъ, l. c.

былъ довольно долго, то мною уже было замѣчено [65]), что между его обитателями должны были преобладать Армяне. Большая часть ученыхъ, занимавшихся рѣшеніемъ вопроса, съ какого времени Армяне обитаютъ въ Крыму, не сомнѣвались въ справедливости мнѣнія Сестренцевича [66]), который, на основаніи данныхъ найденныхъ имъ въ посмертныхъ запискахъ архіепископа князя Долгорукова-Аргутинскаго, полагалъ, что Татары, покоривъ Арменію въ 1262 г., перевели часть жителей ея въ нынѣшнія Казанскую и Астраханскую губерніи, откуда они перешли въ Крымъ и поселились съ согласія Генуэзцевъ въ 1340 году въ Каффѣ, въ Старомъ Крыму и близъ Судака. Не отвергая, что многіе Армяне около упомянутаго времени появились въ Россіи вслѣдъ за Татарами, и что часть ихъ могла пробраться чрезъ степи въ Крымскіе города, г. Юргевичъ показалъ, что Армяне также переселились въ Крымъ другими путями и гораздо раньше 1340 года, такъ что намъ остается только повторить сказанное г. Юргевичемъ объ этомъ вопросѣ [67]).

Съ начала XI столѣтія несчастные обитатели Арменіи, одна часть которой покорена была Курдами, а другая сохраняла еще тѣнь самостоятельности, стали переселяться изъ своего отечества, терзаемаго съ одной стороны опустошеніями сельджукскихъ Турокъ, а съ другой притѣсненіями византійскихъ императоровъ. Начиная съ 1021 года, когда царь Васбурганскій Іоаннъ Сенекеримъ уступилъ свои земли императору Василію II и самъ удалился въ Каппадокію, переселенія происходили очень часто.

Описывая происшествія 1160 года, современный армянскій писатель, священникъ Григорій [68]), говоритъ: Греческіе императоры никогда ничего не сдѣлали для освобожденія Арменіи; напротивъ того, они были виновниками паденія ихъ го-

[65]) Notices etc. 56.
[66]) Hist. du royaume de la Chers. taur. 320.
[67]) Записки Од. Общ. V, p. 828.
[68]) Dulaurier, Bibl. arm. I, 357.

родовъ и завоеванія провинцій. По ихъ милости Армяне принуждены были оставить отечество, невѣрные же усилились и, овладѣвъ Ардзеномъ, Мелитеною, Севастіею и столицею Ани, простерли свои завоеванія до Константинополя. Правда, эти переселенія дѣлались преимущественно въ Киликію, гдѣ образовалось государство Малой Арменіи; но преслѣдованія религіозныя и завоеванія Турокъ, безъ сомнѣнія, заставляли многихъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ крымскихъ горахъ и въ другихъ странахъ болѣе отдаленныхъ. По Райнальду [69]) крымскіе Армяне были выходцами изъ Малой Азіи: Nec Armeni modo qui in Cilicia atque Armenia agebant Romanæ ecclesiæ dogma sunt amplexi; verum alii etiam qui a Saracenis suis pulsi sedibus in Taurica Chersoneso agebant etc. Число ихъ уже въ XIII столѣтіи было такъ велико въ Крыму, что у нѣкоторыхъ современныхъ писателей страна эта даже называется приморскою Арменіею, Armenia maritima [70]), которая затѣмъ является съ прозвищемъ Великой; въ папскихъ грамотахъ касательно тамошней церкви Солдайской, говорится: in partibus Armeniæ majoris, in quibus Soldaiensis ecclesia sita est [71]). При склонности Армянъ къ торговлѣ невѣроятно, чтобы они не играли важной роли въ городѣ Солдаѣ уже въ то время, когда, по свидѣтельству Рубруквиса [72]), Русскіе въ немъ вымѣнивали бумажныя и шелковыя ткани, пряныя коренья и другія произведенія Востока на драгоцѣнные мѣха и другіе товары. Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать утвердительно, что армянская колонія существовала въ Судакѣ гораздо раньше той эпохи, къ которой архіепископъ Долгоруковъ-Аргутинскій отнесъ первое появленіе своихъ соотечественниковъ въ Крыму. Въ одной изъ приписокъ синаксара говорится, что въ 1292 году, когда свѣтлый праздникъ выпалъ на 6 апрѣля, сугдейскіе Армяне отпраздновали свою пасху 16

[69]) Raynald. Annal. eccles. a. a. 1318.
[70]) Heyd, Le col. comm. in Oriente, II, 35.
[71]) Le Quien, Oriens christ. III, 1107.
[72]) Recueil de Voyages et de Mém. IV, l. c.

того-же мѣсяца, «потому что потерялись»[73]). Еще до этого между Греками и Армянами происходили неоднократно сильные споры касательно правильнаго празднованія пасхи. Такъ еще въ 1006 году, когда пасха праздновалась православными 6-го апрѣля, этотъ праздникъ былъ отложенъ Армянами на 13, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ историкъ Матѳей Эдесскій нападаетъ на Грековъ за то, что будто они, въ высокомѣрномъ своемъ упрямствѣ, перенесли пасху впередъ на вербное воскресенье «ноелику секта философовъ объявила войну святому духу»[74]). Въ 1102 г. оба народа снова стали сильно спорить по поводу этого вопроса. Но такъ какъ Армяне уже не могли праздновать христіанскую пасху въ среду, то кажется, что въ эту любопытную замѣтку вкралось какое либо недоразумѣніе, или что самъ авторъ оной ошибся, написавъ шестьнадцать, вмѣсто тринадцать. Впрочемъ кѣмъ бы тутъ не была сдѣлана ошибка, во всякомъ случаѣ въ числѣ жителей Сугдеи въ 1292 году должно было находиться не мало Армянъ; иначе они не обратили-бы на себя вниманія писавшаго замѣтку. Можетъ быть онъ зато и считалъ ихъ «потерявшимися», что они тогда уже признали надъ собою духовную власть папы, какъ это сдѣлалъ ихъ патріархъ на іерусалимскомъ соборѣ въ 1141 году и примѣру котораго затѣмъ послѣдовали духовныя и свѣтскія власти Великой и Малой Арменіи[75]). Посему самому легко могло статься, что епископъ, оказавшій радушный пріемъ Рубруквису, во время его пребыванія въ Солдаѣ, скорѣе былъ армянскій, чѣмъ православный, который не могъ быть благорасположенъ къ миссіонеру, дерзнувшему незадолго передъ тѣмъ въ константинопольскомъ соборѣ св. Софіи проповѣдывать о преимуществахъ латинской церкви предъ греческою[76]).

Хотя въ столицѣ латинскихъ императоровъ союзники ихъ

---

[73]) Зап. Од. Общ. V. p. 609 № 88.

[74]) Dulaurier, l. l. p. 37, 38, 245, 246, 390, 391.

[75]) Heyd, Die Kolonien d. röm. Kirche in den Kreuzfahrer-Staaten, въ Zeitschrift f. d. hist. Theol. 1856, 2 p. 291.

[76]) Recueil de Voyages etc.

Венеціанцы постоянно пользовались большими льготами, тѣмъ не менѣе конторы, тамъ основанныя другими Итальянцами еще при Комнинахъ, продолжали существовать. Но болѣе обширное поприще представлялось для коммерческой дѣятельности Пизанцевъ и Генуэзцевъ только въ такихъ мѣстахъ, которыя менѣе столицы имперіи были подчинены вліянію ихъ соперниковъ. Поэтому не удивительно, что Плано Карпини на пути своемъ въ орду въ 1246 году[77]) могъ встрѣтить въ Кіевѣ не только купцовъ венеціанскихъ, но также пизанскихъ и генуэзскихъ; понятно также почему послѣдніе около того-же времени могли утвердиться въ Крыму, какъ это доказалъ г. Гейдъ[78]), въ противуположность установившемуся мнѣнію, по которому поселеніе ихъ въ Каффѣ было основано съ согласія Оранъ-Тимура, получившаго этотъ городъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ Солкатомъ, отъ кипчакскаго хана Менгу, только въ 1266 году. Быстрое процвѣтаніе новаго поселенія Генуэзцевъ видно уже изъ того, что жители его могли послать въ 1289 году три большихъ военныхъ корабля на помощь Триполису въ Сиріи, который однако былъ взятъ Сарацинами до ихъ прибытія[79]). Главная причина столь быстраго усиленія Каффы заключается, безспорно, въ возстановленіи Греческой имперіи Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 году, послѣ предварительнаго договора, имъ заключеннаго въ томъ-же году съ Генуэзцами въ Нимфеонѣ. Хотя Грекамъ удалось овладѣть Константинополемъ до прибытія къ нимъ на помощь генуэзскаго флота, тѣмъ не менѣе императоръ свято исполнилъ всѣ статьи договора и тѣмъ заставилъ Венеціанцевъ удалиться не только изъ его столицы, но и прервать всѣ свои сношенія съ Чернымъ моремъ. Запрещеніе посѣщать это море хотя и не касалось Пизанцевъ, но они на немъ уже не могли состязаться съ Генуэзцами. По крайней мѣрѣ, о дѣйствіяхъ ихъ на Черномъ

---

[77]) Ibid. p. 376.
[78]) Heyd, Le col. comm. II, 14—16.
[79]) Ann. Januens. y. Pertz, Monum. XVIII, 324.

морѣ современные историки ограничиваются передачею намъ извѣстія о несчастномъ для нихъ морскомъ сраженіи съ Генуэзцами, въ виду Солдаи, въ 1277 году[80]). Зато послѣднимъ пришлось снова опасаться соперничества Венеціанцевъ, потому что императоръ съ ними примирился и особымъ договоромъ, заключеннымъ четыре года послѣ договора нимфеонскаго[81]), предоставилъ имъ право возобновить прежнія свои сношенія съ Черноморьемъ. Венеціанцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и снова стали посѣщать *Судакскій* портъ, не смотря на то, что онъ, или по крайней мѣрѣ ближайшія его окрестности, были уступлены Берке-ханомъ бывшему иконійскому султану Исъ-Эддину, освобожденному изъ плѣна у Грековъ братомъ Батыя, въ то время когда ханъ, перешедши чрезъ замершій Дунай, проникъ до окрестностей Константинополя, въ 1263 году[82]). Вмѣстѣ съ султаномъ переселилась въ Тавриду туркменская колонія, вышедшая не задолго передъ тѣмъ изъ Малой Азіи въ Добруджу, подъ предводительствомъ чтимаго мусульманами Сади-Салтука, по имени котораго былъ названъ городъ Баба-салтукъ, отдѣленный, по свидѣтельству Ибнъ-Батуты[83]), отъ греческихъ владѣній восемнадцати-дневнымъ путемъ по безплодной и частью безводной степи. Городъ этотъ находился, слѣдовательно, не въ Добруджѣ или въ Бабадагской области, какъ думаетъ Гаммеръ, но въ недальнемъ разстояніи отъ Судака, откуда Ибнъ-Батута прибылъ въ Баба-салтукъ, на пути своемъ въ Константинополь. Исъ-Эдинъ, за котораго Берке, по возвращеніи въ Орду, выдалъ свою дочь, умеръ вскорѣ спустя въ Крыму.

Между тѣмъ Венеціанцы болѣе и болѣе стали селиться въ Судакѣ, такъ что правительство республики рѣшилось уже въ 1287 г. назначить туда консула, который вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[80]) Ibid. 286.
[81]) Tafel und Thomas, III, p. 70.
[82]) Makrizi, l. l. I 1, p. 218 ср. Hammer, Hist. de l'emp. ott. I, 47.
[83]) Ibn-Bathouta, trad. p. Defrémery et Sanguinetti, II, 417.

былъ-бы консуломъ для всей Газаріи [84]), подъ какимъ именемъ Итальянцы разумѣли не только Крымъ, но вообще земли, прилежащія къ Черному морю съ Азовскимъ, за исключеніемъ входившихъ въ составъ Романіи, т. е. Византійской имперіи. Къ этому времени принадлежитъ переданное намъ Абульфедою извѣстіе Ибнъ-Саида, что Судакъ, по важности своихъ торговыхъ оборотовъ не уступалъ Каффѣ [85]); а посему самому насъ не удивляетъ, что въ немъ могла существовать католическая миссія еще при ханѣ Тохтѣ († 1313) [86]), который былъ женатъ на греческой царевнѣ и въ столицѣ своей имѣлъ даже зависящаго отъ Кіевскаго митрополита православнаго епископа [87]).

Сынъ и преемникъ Тохты, Узбекъ, въ первыхъ годахъ своего ханствованія, также благопріятствовалъ христіанамъ, какъ видно изъ письма къ нему папы Іоанна XXII отъ 1318 года [88]). Но вскорѣ послѣ того, когда имъ замученъ былъ св. Михаилъ Тверской, правовѣрный ханъ началъ преслѣдовать своихъ христіанскихъ подданныхъ и въ томъ числѣ обитателей Сурожа. Изъ приписокъ нашего синаксара мы усматриваемъ, что первый ударъ нанесенъ былъ городу ханскимъ легатомъ Кара-Булатомъ и миріархомъ (туманджи) Толактемиромъ 8-го августа 1322 года. Хотя Татары овладѣли Сугдеею безъ боя, тѣмъ не менѣе приказали снять всѣ колокола, уничтожить иконы и кресты и затворить церкви. Въ началѣ слѣдующаго года «Агаряне» закрыли икону Спасителя, которая находилась на царскихъ воротахъ города [89]). Тщетно папа въ томъ-же году обращался къ Узбеку съ просьбою, чтобы онъ позволилъ христіанамъ возвратиться въ Солдаю и чтобы возвратилъ имъ церкви, превращенныя въ мечети [90]). По крайней мѣрѣ весною

---

[84]) Canale, Della Crimea, II, 441.

[85]) Aboulfeda, trad. p. Reinaud, II, 319.

[86]) Kunstmann, Die mittelalt. Missionen. въ Hist.-Pol. Blätter, 1856 II, 706.

[87]) Hammer, Gesch. d. Goldenen Horde, 279.

[88]) Mosheim, Hist. Tart. eccles. Appendix № 81 p. 177 seq.

[89]) Зап. Од. Общ. V p. 600 № 30 и 621 № 181.

[90]) Hammer, Gesch. d. Gold. Horde, p. 290.

1327 года замокъ и церкви св. Софіи, св. Стефана и св. Варвары были раззорены по приказанію хана и Толактемира нѣкіимъ Агачь-пасли, котораго авторъ приписки называетъ «сквернавцемъ деревоголовымъ», смѣясь надъ его именемъ и титуломъ (ὁ μιαρὸς ξυλοκέφαλος)[91]). Ибнъ-Батута, столь радушно принятый губернаторомъ Толактемиромъ, безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду его-же подвиги, когда говоритъ, что незадолго до его пріѣзда въ Судакъ многіе христіане были оттуда изгнаны и что населеніе города состояло изъ мусульманъ, за исключеніемъ небольшаго числа греческихъ ремесленниковъ[92]). Показаніе Ибнъ-Батуты подтверждаетъ современникъ его Абульфеда.

Бѣдствія постигшія Сугдею не только не касались Каффы, но служили вѣроятно къ большему еще развитію коммерческой дѣятельности этого города, въ портѣ котораго Ибнъ-Батута засталъ 200 судовъ. Полными хозяевами здѣсь были невѣрные Генуэзцы, которые затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій успѣли утвердить свою власть въ разныхъ другихъ городахъ Газаріи.

Такъ имъ удалось еще въ 1365 г. овладѣть Солдаею съ 18 селеніями, простиравшимися «a Cosio usque ad Osdaffum inclusivamente, de levante a ponente», какъ читается въ документѣ 1381 года[93]), въ которомъ они поименованы. Вотъ списокъ этимъ именамъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя я могъ себѣ объяснить: casale: Coxii (Козъ), Sancti Johanni, Tarataxii (Таракташъ), Lovolli, de lo Sille (Шедень), de lo Sdaffo (Osdaffum), Canecha, (между Туакомъ и Ускутомъ), Karpati (Арпатъ), de lo Scuto (Ускутъ), Bezalega, Buzult (Эльбузлы), Carachoclak (Кутлукъ или Токлакъ), de lo Diavollo, de lo Carlo, sancti Erigni, Saragaihi (Сари-кая), Paradixi, de lo Cheder. Хотя деревни эти затѣмъ были отняты

---

[91]) Зап. Од. Общ. V, 611 № 103.

[92]) Ibn-Bathouta, tr. p. Defrém. etc. II, 415, Aboulfeda, l. c.

[93]) Atti della Società Ligure di storia patria, V, 255.

у Генуэзцевъ извѣстнымъ темникомъ Мамаемъ, но снова имъ достались по договору, заключенному въ 1380 году кафинскимъ консуломъ Giannone дель Боско съ владѣтелемъ Солкатскимъ отъ имени хана кипчакскаго на уйгурскомъ языкѣ (lingua ugaresca) и переведенному на итальянскій языкъ въ 1383 году по распоряженію консула Меліадуче Каттанео. Подробный разборъ сего перевода, дошедшаго до насъ въ двухъ редакціяхъ, мною уже былъ помѣщенъ въ I томъ сего сборника (стр. 224). Но и въ этомъ случаѣ многоуважаемый мною г. Гейдъ (Gesch. des L. H. II стр. 207—209) съ моимъ взглядомъ не могъ согласиться, доказывая, что упомянутый въ одной изъ этихъ редакцій Кутлубуга не могъ быть одно и то же лицо съ Кутлубугою, посланнымъ Токтамышомъ къ Ягайлѣ въ 1380 г., заключившимъ договоръ съ Генуэзцами въ 1387 году[94]), бывшимъ намѣстникомъ крымскимъ не только въ 1392 но еще въ 1396 году, въ которомъ онъ погибъ въ борьбѣ съ Витольдомъ (ч. I, 72). Далѣе г. Гейдъ, моему мнѣнію, что въ другомъ переводѣ заключившій договоръ владѣтель Солката называется попеременно Черкесъ-бекомъ (Jarcassio segno) и черкескимъ Бекомъ (lo segno Zicho), предпочитаетъ мнѣніе Сильвестра de Sacy, что владѣтель Солката является въ договорѣ, то подъ собственнымъ именемъ своимъ «Jarkass», то съ означеніемъ лишь его званія («Scheikh»).

Немедленно по занятіи Генуэзцами Солдаи и ея окрестностей, городъ былъ поставленъ подъ вѣдомство особаго консула, избираемаго на годъ т. н. Officium Gazariæ въ самой Генуи, хотя, подобно консуламъ другихъ городовъ Газаріи въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчиняемъ былъ кафинскому консулу, который, въ своемъ качествѣ главнаго начальника всѣхъ генуэзскихъ черноморскихъ колоній иногда получалъ гордый титулъ консула «totius maris majoris». Въ свою очередь консулъ солдайскій, который вмѣстѣ былъ коммен-

[94]) Silvestre de Sacy, Notices et extraits, XI, 62.

дантомъ (castellanus) и въ послѣдствіи соединялъ еще въ своемъ лицѣ финансовое управленіе (massaria) и военачальство (capitánea), имѣлъ право утверждать старостъ по деревнямъ, подвѣдомственнымъ Солдаѣ (protos cazalium Soldaie) избираемыхъ жителями этихъ деревень. Населеніе ихъ состояло отчасти изъ Татаръ, отчасти изъ Грековъ, коихъ было не мало въ самомъ городѣ, такъ какъ по уставу 1449 года, не только особые чиновники, знавшіе греческій языкъ, должны были состоять при консулѣ, но что власть его даже ограничивалась попечительнымъ комитетомъ (Officium provisionis), состоявшимъ изъ двухъ членовъ, одного Латинца, а другаго Грека и избираемыхъ консуломъ вмѣстѣ съ гражданами изъ среды ихъ. Главное занятіе сихъ послѣднихъ было винодѣліе, которымъ и теперь еще отличается судакская долина если не по качеству, то по количеству собираемаго въ ней винограда. Что этотъ промыселъ тамъ уже былъ въ цвѣтущемъ состояніи во времена владычества Грековъ, явствуетъ изъ слова «ambelopaticum», которое употребляется въ генуэзскихъ актахъ для означенія особой подати, взымаемой съ тамошнихъ виноградниковъ. Съ какимъ усердіемъ генуэзское правительство заботилось о снабженіи виноградниковъ водою, видно изъ того, что въ городѣ находился постоянно гидротектъ (magister unus ductor et salvator aquarum), который смотрѣлъ за водопроводами, слѣды коихъ и нынѣ отчасти сохранились. Право раздавать и давать воду людямъ, имѣющимъ виноградники, принадлежало попечительному комитету, которому также поручено было смотрѣть за сохраненіемъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и оружія, на что равно какъ и для починокъ и другихъ необходимыхъ издержекъ служили подати, взымаемыя съ жителей. Для сей цѣли и для исполненія другихъ порученій начальства находились въ городѣ особые полицейскіе чиновники, въ томъ числѣ аргузіи (argusii, arguxii, orgusii ect.), напоминающіе мнѣ, по крайней мѣрѣ именемъ своимъ, испанскихъ алгвазиловъ, такъ названныхъ по арабскому слову «arguzil», означавшему надзирателей надъ галерными невольн-

никами[95]). По уставу 1449 года ихъ было 20 въ Каффѣ, 8 въ Солдаѣ и 4 въ Чембало. Каждый изъ нихъ получалъ 120 аспровъ мѣсячнаго жалованья, за что, кромѣ своей собственной лошади, долженъ былъ имѣть оружіе, щитъ и «cabarichio» или плащь, какъ думалъ г. Юргевичъ но не чепракъ, какъ я считалъ возможнымъ[96]). Вѣроятно эти наѣздники были Черкесы, поелику въ уставѣ они также называются казаками, тогда какъ подъ послѣдними нельзя разумѣть ни русскихъ, ни татарскихъ. По преданію, сохранившемуся у кавказскихъ Черкесовъ, ихъ предки нѣкогда обитали въ Крыму[97]); о пребываніи-же *казаковъ* въ окрестностяхъ Сугдеи въ 1308 году читается въ одной изъ приписокъ къ синаксару[98]).

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ стрѣлковъ (balistarii) и другихъ наемниковъ подъ начальствомъ консула и двухъ подкомендантовъ (subcastellani) въ замкахъ св. Креста и св. Ильи. Если я не ошибаюсь, то подъ этими замками мы должны разумѣть среднюю крѣпость и верхнюю башню, изъ коихъ первая Татарами называется Катара-кулле, а другая Кызъ-кулле (дѣвичья башня). Вѣроятно послѣдняя (т. е. замокъ св. Ильи) уже существовала, когда Сугдея занята была Генуэзцами, которые только двадцать лѣтъ позже приступили къ приведенію сего важнаго для нихъ города въ лучшее оборонительное положеніе. По крайней мѣрѣ такъ должно думать по сохранившимся надписямъ, изъ коихъ древнѣйшая находится возлѣ воротъ нижней крѣпости, на башнѣ, построенной во время управленія консула Якопо Торсело, какъ читаютъ Канале и Юргевичъ, тогда какъ у Кеппена, Мурзакевича и другихъ— консулъ этотъ называется Горзево. Другой камень съ надписью, найденный г. Юргевичемъ въ судакской колоніи, возлѣ церкви, и хранящійся теперь въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и

[95]) Jal, Dict. nautique, s. v.

[96]) См. выше, I, 234; ср. Desimoni, J conti dell Ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII. 1879, стр. 76 и 146: tabarro o gabbano, mantello.

[97]) Карауловъ, Крым. пещеры. гор. и пр. въ VIII т. Зап. Од. Общ. стр. 46.

[98]) Записки Общества, V, 613.

Древностей, находился на другой сторонѣ тѣхъ-же воротъ, также на башнѣ, построенной въ 1414 г. при консулѣ, главномъ казначеѣ, комендантѣ и военачальникѣ Солдаи Барнабо де Франки ди Пагано. Слова надписи «hedificio tota facta», относятся, по мнѣнію г. Юргевича, ко всей крѣпости и означаютъ окончаніе ея постройки. Дѣйствительно всѣ прочія надписи на стѣнахъ и башняхъ, по большей части также открытыя г. Юргевичемъ, свидѣтельствуютъ, что эти постройки были сдѣланы между годами 1385 и 1414. Считаю не лишнимъ представить здѣсь эти надписи, въ хронологическомъ порядкѣ, въ переводѣ, сдѣланномъ г. Юргевичемъ и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ они находятся [99]), такъ какъ еще недостаетъ полнаго списка консуламъ солдайскимъ и такъ какъ по сему самому счастливая находка новыхъ надписей легко можетъ вести къ пополненію сего списка или же къ возстановленію правильнаго чтенія именъ и времени управленія консуловъ, упомянутыхъ въ другихъ источникахъ, менѣе надежныхъ.

1) «1386, 29 дня мая, это строеніе построено во время управленія отличнаго мужа Федерико Астагверра, почтеннаго консула и коменданта Солдаи».

Эта надпись открыта г. Юргевичемъ на башнѣ, находящейся въ значительномъ разстояніи отъ башни Торсело, на небольшой скалѣ, въ ущельѣ, близь моря.

2) «† 1388 года во время управленія благороднаго мужа Джіованни Маріоне, достопочтеннаго консула и коменданта Солдаи».

Также открыта г. Юргевичемъ на западной сторонѣ крѣпости, на громадной башнѣ, первой отъ воротъ и башни Торсело.

3) «† 1389, 9 дня іюля, во время управленія отличнаго и могущественнаго мужа, господина Батиста ди Зоали, прежде Андоло, достопочтеннаго консула Солдаи. Богу благодареніе».

Надпись эта вдѣлана надъ крѣпостными воротами въ стѣну и впервые прочитана г. Юргевичемъ.

) Зап. Од. Общ. стр. 832; ср. стр. 169 съ слѣд.

4) «† 1390, 9 дня іюля, эта постройка сдѣлана во время управленія....

Надпись вдѣлана въ стѣну, высотою въ 20 футовъ, соединяющая башню Торсело съ башнею Маріоне.

5) «† 1392, въ первый день августа, эта постройка сдѣлана во время отличнаго и могущественнаго мужа господина Пасквале Джіудиче, достопочтеннаго консула Солдаи».

Еще Кеппенъ возстановилъ правильное чтеніе этой надписи, отнесенной Канале къ 1332 году, по худому снимку оной, ему сообщенному докторомъ Казарето. Она находится въ сѣверной части нижней крѣпости на башнѣ первой отъ воротъ къ морю.

6) «Настоящая высокая башня основана и украшена консуломъ Гварко Румбальдо и единственная изъ башень во всемъ городѣ построена удивительной громадности съ великими трудами. 1394, перваго дня іюля».

Дѣйствительно громаднѣйшая изъ всѣхъ башень солдайскихъ тождественная, быть можетъ, съ замкомъ св. Креста; надпись открыта г. Юргевичемъ.

7) «Эта постройка сдѣлана во время управленія отличнаго и могущественнаго мужа Коррадо Чигала, достопочтеннаго консула и коменданта Солдаи. 1404, въ 10 день мая».

Камень съ этой надписью попалъ въ тарапанъ у сосѣдняго съ крѣпостью помѣщика г. Паскевича, у котораго ее списалъ г. Юргевичъ.

8) «† 1409, перваго дня августа, эта постройка сдѣлана во время управленія благороднаго и могущественнаго мужа господина де Флиско Лазани, графа и достопочтеннаго консула и коменданта Солдаи и Бартоломео де Илліони всадника и капитана».

Надпись эта, впервые прочитанная г. Юргевичемъ, находится въ сѣверной части крѣпости.

Г. Юргевичъ также первый прочелъ въ 1861 году надпись внутри крѣпости надъ углубленіемъ стѣны зданія, которую могъ повѣрить, по случаю вторичной поѣздки въ Судакъ

въ 1873 году [100]). «Пользуясь нынѣ лучшимъ освѣщеніемъ, говоритъ онъ, «я нашелъ, что первое мое чтеніе было не вѣрное (см. Зап. Общ. V, 174). Оказывается, что я принялъ тогда за consul Talanus имя R и фамилію Catalanus и прочелъ ошибочно сокращеніе Christus съ прибавленіемъ custodiat».

Такимъ образомъ онъ теперь сообщаетъ слѣдующій переводъ этой исправленной надписи: «Во имя Христа Аминь 1423, въ день 4 января эту постройку соорудилъ, Господи, Р. Каталано. Да хранитъ Христосъ». Затѣмъ г. Юргевичъ прибавляетъ еще въ выноскѣ, «членъ лигурійскаго ученаго Общества и нашъ корреспондентъ г. Десимони предлагаетъ въ своемъ письмѣ замѣнить чтеніе знака I въ числахъ, буквой L, такъ какъ знакъ I на надписи MCCCIXXIII не можетъ стоять по напрасно.... Я полагалъ что черта I принадлежитъ къ послѣдней буквѣ C. Если согласиться съ догадкой Десимони, то надпись представляетъ годъ 1373.... На надписи весьма испорченной надъ фонтаномъ имя Аталано, если читать Каталано, подтверждаетъ эту догадку» [101]). Вѣроятно это была церковь, превращенная въ послѣдствіи въ мечеть, такъ какъ возлѣ нея еще видны слѣды минарета. Это зданіе, вѣроятно, превращенное снова, по завоеваніи Крыма Русскими, изъ мечети въ церковь св. Матѳея, изъ которой затѣмъ богослуженіе было перенесено, по трудности всхода на гору, во вновь выстроенную посреди су-

---

[100]) Юргевичъ, Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ, Зап. Общ. IX, 398.

[101]) Приведу кстати слѣдующій отрывокъ изъ письма г. Десимони ко мнѣ (изъ Генуи 6 іюня 1876 года): «Quant au *Catalanus* une série des Podesta de Gênes de 1292 à 1339. dont je m'occupe, a reveillé mon attention sur un Catalanus de la ville d'Asti qui était Podesta de Gênes au commencement du XIV siècle; mais il ne pourrait pas être le même, si celui de l'inscription est du commencement du XV siècle. Pour ôter tous les doutes il faudrait avoir un très fidèle fac-simile. Les chiffres C (100) dans les inscriptions sont quelquefois formés de manière qu'on les croirait un double C (200). Vous avez vu combien la photographie a pu seule ôter tout doute sur l'inscription du pape Clément». Что католическія церкви существовали въ Солдаѣ въ началѣ XIV вѣка, видно, между прочимъ, изъ письма папы къ Узбеку, отъ 1323 г., котораго проситъ о возвращеніи христіанамъ церквей отобранныхъ и превращенныхъ въ мечети (Hammer, Gesch. der G. H. p. 290).

дакской долины церковь во имя Покрова Богородицы. Затѣмъ уже первая служила нѣмецкимъ колонистамъ на время для подобной цѣли, такъ что по очереди въ ней молились Богу католики, правовѣрные, православные и протестанты.

Въ значительномъ разстояніи отъ этой церкви, возлѣ башни Астагверра, сохранилась другая гораздо меньшая, на стѣнахъ которой и теперь еще не изгладились изображенія 12 фигуръ, представляющихъ, какъ должно думать, 12 апостоловъ.

Вѣроятно эти двѣ церкви принадлежали къ числу тѣхъ трехъ католическихъ церквей, которыя Броневскій еще засталъ въ нижней крѣпости, свидѣтельствуя, что тамъ также уцѣлѣло нѣсколько греческихъ церквей, впрочемъ небольшихъ и похожихъ болѣе на часовни, и что по словамъ жителей ихъ тамъ въ прежнія времена было нѣсколько сотень, чему, разумѣется, нельзя безусловно вѣрить.

Въ 1449 году въ Солдаѣ было еще по крайней мѣрѣ тринадцать церквей [102]), къ числу которыхъ могли принадлежать слѣдующія восемь, о коихъ упоминается въ синаксарѣ: св. Софіи, св. Стефана, св. Аѳанасія, св. Димитрія, св. Николая, св. Варвары, Пр. Богородицы (Одигитиріи) и Скутаріотиссы — въ монастырѣ.

Хотя Сугдея съ давнихъ поръ была резиденціею православнаго епископа, возведеннаго въ 1282 году въ санъ митрополита, тѣмъ не менѣе въ припискахъ синаксара, изъ которыхъ послѣдняя относится къ 1419 году, упоминается изъ преемниковъ Ѳеодора († 1282), объ одномъ только Лукѣ, скончавшемся въ 1339 году и погребенномъ почему-то въ Каффѣ. Замѣчательно, что въ припискѣ этой онъ титулуется не митрополитомъ, но архіереемъ, и то просто Сугдейскимъ, а не Сугдеи и Фуллы, какъ титуловались его предшественники. Въ уставѣ 1449 года о епископахъ этихъ не говорится, но только о католическомъ епископѣ, какимъ тогда могъ быть

[102]) Зап. Од. Общ. 782.

доминиканецъ Августинъ (fr. Augustinus de Capha), назначенный на эту каѳедру папою Евгеніемъ IV въ 1432 году, вмѣсто умершаго Людовика де Санъ Піетро, занимавшаго ее съ 1423 года[103]). Безъ сомнѣнія у него были предшественники, по крайней мѣрѣ съ 1365 года, когда Солдая была занята Генуэзцами. Если-же до сихъ поръ объ этихъ епископахъ повидимому мы ничего не знаемъ, то этому причина, что ихъ смѣшивали неоднократно съ архіепископами султанійскими.

Такъ напр. я охотно видѣлъ бы епископа солдайскаго въ братѣ Бонифаціи, переведенномъ въ 1393 году изъ Sedes Vernensis (Варна) въ ecclesia Soldanensis, тогда какъ по мнѣнію Лекіена (Or. Chr. III, 1121) онъ былъ назначенъ архіепископомъ въ городъ Султанію. Еще С. де Саси[104]) не хотѣлъ вѣрить, что этотъ святитель былъ отправленъ въ резиденцію ильхановъ, подпавшую подъ власть Тамерлана въ 1387 г.

Но въ этомъ случаѣ и францисканецъ Іоаннъ Гренлавъ, который наслѣдовалъ Бонифацію въ 1401 году въ званіи епископа soltansis, не могъ быть архіепископомъ султанійскимъ, тѣмъ болѣе, что папа едва-ли могъ послать франциканца во владѣнія Тамерлана въ то самое время, когда онъ, какъ видно изъ грамоты Бонифація IX, того-же года[105]) поручилъ было другимъ монахамъ того же ордена противудѣйствовать вооруженною силою успѣхамъ монгольскаго завоевателя.

Притомъ архіепископомъ султанійскимъ былъ уже назначенъ въ 1400 году доминиканецъ Іоаннъ, въ которомъ С. де Саси[106]) узналъ «marhasia», т. е. епископа Іоанна, которому было поручено препроводить письма Тамерлана и сына его къ Карлу VI. Но такъ какъ французскій король въ своемъ отвѣтѣ отъ 1403 года этого Іоанна называетъ архіепископомъ «totius Orientis», то я подозрѣваю, что онъ былъ изъ числа

[103]) Canale, l. l. I, 279.
[104]) Mém. de l'Ac. des Inscriptions, VI, 505.
[105]) Kunstmann, Die Kenntniss Indiens, 6.
[106]) Mém. de l'Ac. des Inscriptions, l. l. 519.

армянскихъ священниковъ, которые были членами ордена зависѣвшаго отъ доминиканцевъ (т. н. fratres prædicatorum uniti), учрежденнаго въ 1321 году для скрѣпленія уніи армянской церкви съ католической.

Безъ сомнѣнія и послѣ занятія Сугдеи Генуэзцами Армяне не переставали преобладать между жителями сего города по своему числу, по крайней мѣрѣ относительному, хотя онъ затѣмъ много пострадалъ, подобно прочимъ поселеніямъ Генуэзцевъ въ Газаріи, какъ во время войнъ ихъ съ Венеціанцами, Татарами и съ императорами трапезунтскими, такъ въ особенности въ слѣдствіе злоупотребленій, вкравшихся въ правительственныя мѣста ихъ колоніальнаго государства. Когда же, послѣ взятія Турками Константинополя, финансы республики совершенно разстроились, то правительство оной, отчаиваясь въ возможности защищать свои черноморскія колоніи противъ опасности имъ грозившей со стороны новыхъ владѣтелей Воспора, рѣшилось уступить всѣ эти колоніи въ полную собственность богатому банку св. Георгія (ср. I, 231), 15 ноября 1453 г.

При всей своей энергіи «протекторы» банка не могли тотчасъ водворить въ Газаріи новый порядокъ вещей, тѣмъ болѣе что къ внутреннимъ безурядицамъ, происходившимъ тогда въ особенности въ Каффѣ, присоединился страшный голодъ въ слѣдствіе повсемѣстнаго неурожая въ Крыму, такъ что банку пришлось заботиться о доставкѣ туда хлѣба не только моремъ (тогда почти недоступнымъ для Генуэзцевъ), но сухимъ путемъ чрезъ Венгрію, Польшу и Валахію [107]).

Хотя Сугдеѣ, подобно другимъ городамъ, тогда пришлось не мало терпѣть отъ недостатка припасовъ, но зато, какъ уже замѣтилъ г. Волковъ [108]), въ другихъ отношеніяхъ, судьба ей то особенно улыбалась, даровавъ ей превосходнаго начальни-

---

[107]) Atti Tauro-liguri, I, 115: scribendo regi ungarie et polonie ac domino blancho, явно ошибочно вмѣсто blacho, vlacho.

[108]) Зап. Од. Общ. VIII 132.

ка въ лицѣ консула Карла Чикала. Держа твердою и нелицепріятною рукою вѣсы правосудія, онъ до такой степени заслужилъ благодарность жителей, что они, когда насталъ срокъ замѣнить его другимъ консуломъ, обратились къ банку съ просьбою продлить срокъ управленія Чикала. Хотя въ числѣ подписавшихъ это прошеніе 18 гражданъ (Итальянцевъ и Грековъ) не было, кажется, ни одного Армянина, то изъ этого не слѣдуетъ, что они не составляли по прежнему массу жителей города [109]). Скорѣй слѣдуетъ думать противное, судя по слѣдующему мѣсту въ прошеніи, отправленномъ 6 сентября банку общиннымъ совѣтомъ Каффы объ отозваніи фанатическаго ихъ епископа Якова Кампоры: «Scitis enim terra ista populata esse in majori parte *ermenis*, qui sunt nobis fidelissimi et boni mercatores, dantes civitati magnum benefitium, quos cotidie perturbare volebat et eis inovare que non solita erant [110]).

Хотя, сколько извѣстно, просьба Каффинцевъ была уважена, но этимъ они мало выиграли, потому что новый епископъ оказался такимъ же гонителемъ иновѣрцевъ, какъ его предшественникъ. Тогдашній Солдайскій епископъ, доминиканецъ Августинъ, приложившій свою подпись къ прошенію, поданному банку о сохраненіи Чикала въ должности консула, напротивъ того былъ пастырь кроткій и вѣротерпимый. Когда же онъ вскорѣ спустя скончался, то уже стараніями Чикала достойнымъ его преемникомъ былъ назначенъ кроткій, богобоязненный и ученый Доминикъ де Маріана, монахъ ордена францисканскаго [111]). Описавъ жалкое положеніе, въ которомъ онъ засталъ укрѣпленія Сугдеи, Чикала въ письмѣ къ прямому своему начальнику (т. е. консулу каффинскому) настаивалъ на необходимости ихъ исправить и пополнить постройкою новыхъ, требовалъ увеличенія гарнизона и всячески обращалъ свое вни-

---

[109]) Atti Tauro-liguri, VI, стр. 315.
[110]) Ibid. стр. 365.
[111]) Ibid. стр. 347.

маніе на интересы города, кажется съ полнымъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ въ инструкціи, данной протекторами 19 февраля 1459 года, посланному въ Римъ банкомъ епископу Маріаны (въ Корсикѣ) доминиканцу Джироламо Монтенегро, о Солдаѣ еще говорится, какъ о первомъ послѣ Каффы городѣ въ Газаріи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывается опасеніе паденія тамошняго ихъ владычества въ ближайшемъ будущемъ [112]).

Взятіе Каффы великимъ визиремъ Кедукъ-Ахмедъ-пашою 4 іюня 1475 года рѣшило участь прочихъ генуэзкихъ поселеній, въ томъ числѣ и *Солдаи*, которая, послѣ храброй защиты со стороны гарнизона и жителей, должна была сдаться по причинѣ голода. Если вѣрить подробностямъ, переданнымъ Броневскому греческимъ митрополитомъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ Солдаѣ спустя 100 лѣтъ, то, около 1000 человѣкъ отборныхъ воиновъ по сдачѣ города Туркамъ, еще нѣсколько дней храбро оборонялись въ нижней крѣпости, но наконецъ, затворившись въ большой церкви, всѣ тамъ погибли. Турки заложили камнями двери и окна этой церкви, гдѣ трупы убитыхъ еще лежали безъ погребенія, какъ говорили Броневскому, который, однако, не могъ удостовѣриться въ справедливости этого разсказа, такъ какъ турецкій комендантъ не позволилъ ему войти въ эту церковь. Изъ его свидѣтельства мы также узнаемъ, что городъ, повидимому, пострадалъ менѣе крѣпости отъ времени и нерадѣнія людей. По крайней мѣрѣ Броневскій засталъ въ немъ значительную таможню и могъ любоваться прекрасными садами и виноградниками, воздѣлываемыми въ окрестностяхъ города Турками, Христіанами и Евреями, на пространствѣ болѣе чѣмъ на двѣ мили. Хотя изъ путешественниковъ, посѣтившихъ Крымъ въ XVII столѣтіи, не многіе только упоминаютъ о Судакѣ, тѣмъ не менѣе, кажется, что жители его не переставали заниматься весьма успѣшно винодѣліемъ. Что промыслъ этотъ гораздо позже все еще находился въ цвѣтущемъ состояніи, въ томъ мы удостовѣряемся изъ

[112]) Atti Tauro-liguri VI, 899.

дневника фельдмаршала Мюниха[113]), который лучшими изъ всѣхъ крымскихъ винъ считалъ вино, добываемое около *Судака*, хотя, правда, прибавляетъ, что оно какъ по цвѣту, такъ и по вкусу подходило къ хорошему сорту саксонскихъ винъ: und ist an Geschmak und Farbe einem guten Schieler von dem Meissner sehr gleich. Въ преимуществахъ Судакскихъ винъ предъ прочими крымскими винами былъ также убѣжденъ французскій консулъ Адамъ Эворка[114]), котораго фельдмаршалъ велѣлъ допрашивать въ Бакчисараѣ о крымскихъ дѣлахъ. Такъ какъ этотъ агентъ былъ родомъ Мадьяръ, то нашъ сѣверный Евгеній съ его словъ, вѣроятно, внесъ въ свой дневникъ, что многіе изъ крымскихъ виноградниковъ были заведены венгерскими невольниками, а затѣмъ уже, когда большая часть изъ нихъ погибла отъ чумы въ 1704 году, то виноградники эти перешли къ Грекамъ и Армянамъ, которые въ свою очередь имѣли обыкновеніе приготовленное ими вино вывозить въ Украйну и тамъ вымѣнивать на масло, водку и другіе русскіе товары, или же продавать на наличныя деньги.

По присоединеніи Крыма къ Россіи, заботливое правительство, считая себя обязаннымъ содѣйствовать успѣхамъ винодѣлія въ краѣ, гдѣ оно съ давнихъ поръ составляло главный источникъ народнаго богатства, сознавало прежде всего необходимость въ наставленіи, какъ разводить лозы и ходить за ними, какъ выдѣлывать и сберегать вино. Для сей цѣли поручено было знаменитому Палласу въ 1804 году учредить въ Судакской долинѣ училище винодѣлія, которое въ 1809 году, по продажѣ Палласомъ своихъ собственныхъ виноградниковъ въ этой долинѣ, поступило въ непосредственное вѣдѣніе Таврическаго гражданскаго губернатора и оставалось въ его вѣдѣніи, пока не было закрыто въ 1830 году.

Въ теченіе двадцатилѣтняго существованія своего, училище это, безъ сомнѣнія, способствовало также успѣхамъ

---

[113]) Tagebuch etc. въ Beiträge zur Gesch. des R. R. v. Herrmann, 210.
[114]) Ibid. 216.

винодѣлія у колонистовъ изъ южной Германіи, которымъ даны были въ 1805 году 300 десятинъ земли, примыкающей къ району крѣпости, гдѣ при занятіи Крыма Русскими, еще находилась татарская деревня съ мечетью, слѣды которой болѣе не замѣтны [115]).

Что-же касается Судакской крѣпости, то она была переименована Русскими въ *Кирилловскую* и новыя казармы возникли среди развалинъ и отчасти даже изъ самыхъ генуэзскихъ зданій, но вскорѣ, подобно имъ, опустѣли, такъ какъ предположеніе геніальнаго преобразователя Новороссійскаго края, желавшаго назначить Судакъ столичнымъ городомъ Тавриды, не сбылось.

Въ настоящее время тишина кладбища господствуетъ въ этой мѣстности; но громадныя башни и стѣны въ ней сохранившіяся, поражая взоры любознательнаго туриста, ясно говорятъ ему, почему Русское море Нестора въ старину также называлось моремъ *Сурожскимъ*, и заставляютъ его мечтать поневолѣ о превратностяхъ судьбы и минувшемъ величіи *Судеи*.

Списокъ генуэзскимъ консуламъ въ Солдаѣ, имена и время управленія которыхъ извѣстны намъ по надписямъ и другимъ источникамъ.

Годы.	Имена консуловъ.
1374	Филиппо де Монтальдо.
1381	Джуліано Панцано.
1382	Джіованни ди Камоли.
1385	Якопо Торсело.
1386	Федерико Астагверра.
1388	Джіованни Маріоне.
1389	Баттиста ди Зоали.
1392	Пасквале Джудиче.
1394	Гварко Румбальдо.
1404	Коррадо Чикала.
1405	Лукино Бьянко де Флиско.
1409	Лукино де Флиско Лазани.
1414	Барнаба де Франки ди Пагано.
1420	Джіованни Муссо.
1444	Габріеле Дорія.
1446	Бенедетто Маруффо.
1447	Джіакомо Спинола.
1449	Бартоломео Каффика.

[115]) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in d. s. Statth. d. R. Reichs II, 194.

1450 Бартоломео Джудиче.
1454 Якопо ди Вивальди.
1455 Карло Чикала.
1456 Герардо Кавалорто.
1457 Никколо Пассано.
1458 Васили Детели.
1459 Джіанотто Ломеллино.
1460 Бартоломео Джентиле.
1461 Агостино Адорно.
1462 Франческо Савиньоне.
1463 Дамьяно Кьявари.
1464 Антоніо Борласка.
1465 Баттисто ди Аллегро.
1466 Антонію Борласка.
1468 Бернардо Амико.
1470 Бартоломео Сантамброджіо.
1472 Кристофоро ди Негро.

III.

Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія [1]),

Въ настоящее время, когда къ Каспійскому морю можетъ быть примѣняемо названіе «Русскаго», подъ которымъ Черное было еще извѣстно Нестору; когда совершающееся на нашихъ глазахъ соединеніе ихъ между собою и съ Аральскимъ озеромъ посредствомъ пароходовъ и паровозовъ предвѣщаетъ, что въ ближайшей будущности неминуемо послѣдуетъ переворотъ въ торговлѣ западной Европы съ отдаленнымъ Востокомъ, или, другими словами, что взаимныя ихъ сношенія снова будутъ производиться тѣми же путями, которые ихъ соединяли въ древности и въ средніе вѣка.

Въ семъ отношеніи особенно важенъ періодъ, въ которомъ Монголы, распространивъ свое могущество отъ Тихаго океана до Карпатовъ, по собственнымъ выгодамъ своимъ, поддерживали крестоносцевъ въ борьбѣ ихъ съ египетскими султанами и дозволяли предпріимчивымъ сынамъ Италіи поселяться на берегахъ «Великаго» моря, съ давнихъ поръ уже привлекавшаго Амальфитянъ, Пизанцевъ, Генуэзцевъ и Венеціанцевъ. Утвердившись въ Солдаѣ, Каффѣ, Севастополѣ, Матригѣ и Танѣ, итальянскіе купцы стали перевозить свои товары на «корабляхъ пустыни» мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря въ Туркестанъ, откуда разными путями проникали даже до резиденціи великаго хана (Ханъ-балыкъ = Пекинъ), равно какъ и до Мултана и Дели, между тѣмъ какъ востор-

[1]) Изъ VIII тома Записокъ Имп. Новор. Унив.

женные монахи не безъ успѣха старались обратить къ христіанству мусульманскихъ обитателей Ирана, индѣйскихъ послѣдователей Брамы и буддистовъ «Небеснаго» царства, оправдывая такимъ образомъ слова поэта:

«Güter zu suchen geht der Kaufmann,
Doch an sein Schiff hängt das Gute sich an».

Дѣйствительно, еще до того времени, когда папы вступили въ дипломатическія сношенія съ первыми преемниками Чингисхана, генуэзскіе корабли посѣщали Каспійское море ради торговли шелковыми издѣліями, которыя въ такомъ количествѣ вывозились изъ Гилана, что извѣстнаго рода шелковыя матеріи означались тогда именемъ этой области [2]).

Дабы имѣть понятіе о томъ, въ какой степени всѣ берега Каспійскаго моря были извѣстны западнымъ Европейцамъ въ XIV столѣтіи, достаточно взгляда на одну изъ картъ извѣстнаго атласа каталанскаго 1375 года [3]), или же на прекрасную карту братьевъ Франциска и Доминика Пицигани [4]) 1367 года, которая во многихъ частностяхъ различается отъ первой, что и заставляетъ думать, вопреки мнѣнію Лелевеля [5]), что составители ихъ не пользовались одними и тѣми же источниками.

Подобно бывшему профессору виленскому, французскіе ученые Бюшонъ и Тастю (Not. et Extr. l. c.) и Де-ла-Примоде [6]) взяли на себя трудъ сличенія этихъ картъ съ дѣйствительностью. Но такъ какъ никто изъ нихъ не могъ основывать свои сужденія о ней на собственномъ опытѣ, а только на книгахъ и нынѣшнихъ картахъ, то не удивительно, что попытки ихъ не были слишкомъ удачны и не повели къ такимъ же результатамъ, какіе уже были добыты для Черноморья въ слѣдствіе сличенія *очевидцами* именъ, отмѣченныхъ на сред-

---

[2]) Pauthier, Le livre de Marco Polo, I p. 44.
[3]) Notices et Extraits des Manuscrits de la bibl. du roi, XIV.
[4]) Jomard, Monuments de la Géographie, X, 3.
[5]) Géogr. du Moyen-âge, II, 54.
[6]) Etudes sur le commerce au M. âge, I, 266—294.

невѣковыхъ картахъ, съ нынѣшнею номенклатурою соотвѣтствующихъ имъ береговыхъ пунктовъ. Должно думать, поэтому, что тогда только могутъ быть рѣшены разные спорные или вовсе нетронутые вопросы касательно исторіи и географіи странъ, къ Каспійскому морю прилежащихъ, когда приведенныя выше карты предварительно будутъ сличены съ нынѣшними — лицами, хорошо знакомыми съ самими мѣстностями. Но такъ какъ легко можетъ статься, что многіе изъ такихъ лицъ потому только не возьмутся за подобный трудъ, что у нихъ подъ рукою нѣтъ этихъ картъ, то мнѣ казалось кстати помѣстить здѣсь ихъ номенклатуру съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ замѣтокъ о значеніи тѣхъ только именъ, которымъ мы можемъ указать законное ихъ мѣсто на нынѣшнихъ картахъ, и съ помощью коихъ, по сему самому, легче будетъ помѣстить на нихъ промежуточныя между ними имена и приступить затѣмъ уже къ ихъ объясненію.

Къ именамъ, значеніе коихъ не можетъ быть оспариваемо, принадлежитъ отмѣченное на одной только картѣ каталанской имя города *agitarcam*, т. е. Астрахань, или, правильнѣе, Гаджитарханъ, какъ городъ этотъ названъ Ибнъ-Батутою [7]), посѣтившимъ его около 1333 года. Притомъ Аджитарканъ отмѣченъ при устьѣ огромной рѣки Эдиль, берущей свое начало въ *los munts de sebur*, и направляющей свое теченіе съ начала отъ В. къ З., а потомъ отъ С. къ Ю.

Ошибочнымъ было бы заключить изъ этихъ указаній, будто-бы составитель каталанской карты имѣлъ превратное понятіе о верхнемъ теченіи Волги, поелику не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что, по его взгляду, *lo gran flum Edil* совпадалъ:

1) съ Бѣлой, или бѣлою Воложскою Книги Большому Чертежу (изд. Языкова 151), берущей свое начало въ Ураль-

[7]) Изд. Defrémery et Sanguinetti, II, 446.

скомъ хребтѣ, или, по старинному названію, Сибирскомъ камнѣ, и считавшейся, вмѣсто Камы, главною рѣкою [8]);

2) съ Камой, по принятіи ею Бѣлой, такъ какъ первая изъ нихъ, по тогдашнимъ понятіямъ, принимала Волгу, а не на оборотъ; наконецъ—

3) съ Волгою, отъ соединенія съ ней Камы до устьевъ.

Въ недальнемъ разстояніи отъ истоковъ Эдиля, такимъ же образомъ представленнаго на картѣ пицигапской, читается на обѣихъ имя города *sebur*, въ которомъ нельзя не узнать Сибирь, или Искерь, на одномъ изъ притоковъ Оби. Затѣмъ слѣдуетъ на картѣ пицигапской изображеніе и имя города *sacetim*, превращеннаго ошибочно на каталанской картѣ въ *fachatim*, если, какъ должно думать, тутъ имѣлся въ виду городъ Жукотинъ, лежавшій на Камѣ и взятый Русскими въ 1360 году [9]).

Далѣе мы встрѣчаемъ на первой картѣ, послѣ города *char* (вѣроятно, только начало его имени), городъ *pascerty*, явно тождественный съ городомъ *pascherti*, отмѣченнымъ на томъ же мѣстѣ въ картѣ каталанской, и обязаннымъ своимъ именемъ Башкирамъ, которые у Рубруквиса называются Pascatir, и, по князю Курбскому [10]), жили «вверхъ великія рѣки Камы». Между городомъ башкурдскимъ и Жукотинымъ мы еще встрѣчаемъ на обѣихъ картахъ, на южной сторонѣ Итиля, но уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, городъ *marmorea*, напоминающій намъ Моримовъ, которые, по Рашидъ Эддину [11]), были покорены Батыемъ; подъ ними всего вѣроятнѣе должно разумѣть не Мордву, чрезъ землю коихъ Монголы прошли безпрепятственно, но Черемисъ, которые сами себя называютъ Мари и, какъ племя болѣе воинственное, (особенно луговые) оказали Монголамъ сопротивленіе.

Ниже по Итилю отмѣчены на картѣ каталанской имена

---

[8]) Березинъ, О мѣстоположеніи Болгара, 75.

[9]) Арцыбышевъ, Повѣств. о Россіи, III, пр. 784.

[10]) Арцыбышевъ, l. c. IV, пр. 1304.

[11]) Стат. Березина въ Журн. М. Н. Просв. 1855, Май, 102.

городовъ *jornan* и *castrama*, т. е. Кострома, попавшій такимъ образомъ ниже нынѣшней Казани, такъ какъ онъ помѣщенъ при сліяніи Эдиля съ безъименною рѣкою, идущей съ запада и явно означающей верхнее теченіе Волги, до принятія ею Камы. Эта безъименная рѣка замѣнена на картѣ пицигапской изображеніемъ соотвѣтствующей ей рѣки съ припискою: *flm ... tyrus q̃ omnīi.. flmo demondo dicit et maior.* Вѣроятно, эта величайшая въ извѣстномъ тогда мірѣ рѣка названа Тиромъ вмѣсто Тигръ, подъ какимъ именемъ Волга является у Марко Поло (I, 7 ср. Yule, The book of ser M. P. 2 изд. v. I, 9) и у испанскаго миссіонера Пасхаля [12]) — по той же причинѣ, по которой Шильтбергеръ, Контарини и Барбаро подъ тѣмъ же именемъ разумѣютъ рѣку Куръ, быстротою своего теченія не уступающую Тигру, о которомъ Плиній (VI, 27) выражается слѣдующимъ образомъ:... qua tardior fluit Diglitto, unde concitatior a celeritate Tigris incipit vocari. Ita adpellant Medi sagittam. По Тифенталеру [13]), стрѣла по персидски называется «тиръ», а посему и рѣка, по его мнѣнію собственно называлась не Тигрисъ, но Тирисъ (Tiris), стало быть — именемъ, напоминающимъ намъ хотя подобозвучіемъ нашъ Тирисъ (Tyris): «nullo tardior amne Tyras» Овидія (Ex Ponto, IV, 10, 47), т. е. Днѣстръ. Если это сходство не чисто случайное, то оно служило бы подтвержденіемъ мнѣнія, въ пользу котораго приведены были недавно уважительные доводы г. Мюлленгоффомъ [14]), т. е., что Скиѳы Геродота принадлежали къ арійскому племени.

Что Шильтбергеръ, подобно современнымъ ему итальянскимъ дипломатамъ, не по недоумѣнію, но нарочно примѣнялъ къ Куру наименованіе «Тигръ», явствуетъ изъ того, что сія послѣдняя рѣка носитъ у него арабское ея названіе Шатъ, чѣмъ и объясняется, почему она у Барбаро называется Сетъ.

---

[12]) Mosheim, H. Tart. eccl. p. 194.
[13]) Ср. Forbiger, Hbuch der Geogr. II, 66.
[14]) M. B. d. Acad. zu Berlin, August, 1866.

Зато я не отрицаю, что оба набожные католика вытекающій изъ рая Тигръ думали найти не въ Месопотаміи, но въ Закавказьѣ, гдѣ впрочемъ его отыскивали и наши лѣтописцы (П. С. Р. Лѣт. VI, 88, 89) — съ такимъ же правомъ, съ какимъ другіе писатели помѣщали земной рай въ разныхъ другихъ странахъ стараго и новаго свѣта.

Подобнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Марко Поло и братья Пицигани умѣли различать Волгу отъ Тигра, поелику эта послѣдняя рѣка на ихъ картѣ отмѣчена подъ названіемъ рѣки багдадской, flum de baldach, а знаменитымъ ихъ соотечественникомъ просто названа великою рѣкою, un moult grant flun (l. l. 47). Если же они (ibid. пр. 5 на стр. 8) вмѣсто этой рѣки отождествяли Волгу съ райскимъ Тигромъ, то ошибка ихъ ничего не значитъ въ сравненіи съ страннымъ мнѣніемъ Іоанна Мариньолы [15]), что она составляла только часть Фисона, поелику эта таинственная рѣка, по епископу бизиньянскому, оросивъ область Евилахъ въ Индіи, не только переходитъ въ Китай подъ именемъ Карамора (Карамуранъ, черная рѣка, монгольское названіе Желтой рѣки), но затѣмъ еще снова является за Каффою и образуетъ море Vatuch, т. е. Баку (Каспійское) за Chana, т. е. за Таною.

Сколь бы не показалось смѣлымъ это мнѣніе, тѣмъ не менѣе съ нимъ отчасти сходится гипотеза, выставленная недавно касательно теченія Фисона уважаемымъ географомъ К. Ф. Раумеромъ [16]), съ остроумною аргументаціею котораго да позволено мнѣ будетъ познакомить здѣсь читателей.

Указавъ предварительно на сходство именъ области Евилахъ (Hevilah) и народа Хвалисовъ, по которому Каспійское море было названо Хвалисскимъ, онъ продолжаетъ: «Много есть признаковъ древняго соединенія Каспійскаго моря съ Аральскимъ озеромъ [17]). По указаніямъ древнихъ авторовъ,

---

[15]) Reise ins Morgenland, ed. Meinert, 18.

[16]) Palaestina, IV изд. Der Pison, 462 sqq.

[17]) V. Hoff. Gesch. d. durch Ueberlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche, I, 116, 117; Ritter II, 670.

Каспійское море было гораздо больше нынѣшняго его объема, напр. по Плинію почти вдое больше. По Геродоту и Страбону, Оксъ и Яксартъ изливались въ Каспійское море, а не какъ нынѣ, въ Аральское, которое не было извѣстно древнимъ какъ особенное море; по ихъ понятіямъ, протяженіе Каспійскаго моря отъ В. къ З. было гораздо значительнѣе его протяженія отъ С. къ Ю. въ противоположность къ нынѣшнему. По всей вѣроятности, Оксъ изливался, ок. 1660 года, однимъ рукавомъ въ Каспійское море [18]), которое такимъ образомъ было связано съ Аральскимъ озеромъ водянымъ путемъ».

«Къ С. и къ В. отъ Аральскаго озера до Тобольска простирается большая степь Киргизовъ «ohne relativ sichtbare Anhöhen» (Ritter, II, 648). Въ этой степи съ лѣниво-текущими рѣчками, съ горько-солеными колодцами, солеными озерами и лагунами, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль, нѣтъ ни жилищъ, ни травы, ни лѣса; лошади пропадаютъ отъ горечи водъ и растеній, а повсюду, на глубинѣ двухъ только футовъ, открывается желтоватая, гнилая вода съ худымъ запахомъ. Сто лѣтъ тому назадъ рѣка Сарасу еще изливалась въ Аральское озеро, нынѣ въ Телегулъ, на разстояніи пятидневнаго пути отъ Арала «ein Bild im kleinen vom Gihon und Kaspischen und Aralsee im grossen». И нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ поверхность постоянно измѣняется постепеннымъ высыханіемъ почвы между нижнимъ Сихономъ, верхнимъ Иртышемъ, Тоболемъ и Ураломъ. Съ давнихъ поръ замѣчено, что солончаки, которые тутъ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ, также высыхаютъ, и кажется, что соленыя и болотистыя степи ишимскія и барнаульскія суть ничто иное, какъ древнее дно морское, которое тому назадъ тысячилѣтіе было нѣчто среднее между моремъ и материкомъ и составляло продолженіе Каспійскаго моря».

«Подобнымъ образомъ болотистыя пространства, лежащія къ западу отъ устья Оби до устья Печоры, въ старину были

---

[18]) Ritter, II, 667; Humboldt's Central-Asien II, 446, sqq.

покрыты водою, а оттуда не далеко до Камы, большаго притока Волги. Водораздѣльная черта между этою рѣкою и Двиною — незначительной высоты, поелику обѣ рѣки нынѣ соединены посредствомъ каналовъ».

«Если-бы Каспійское море поднялось на 500 футовъ, то оно, по Раттеру, было-бы въ связи съ Чернымъ моремъ. Между тѣмъ явствуетъ изъ многихъ показаній древнихъ (v. Hoff. I, 106, sqq.) и изъ нынѣшнихъ произведеній природы, что такая связь нѣкогда существовала. Скимну Хіосскому была извѣстна связь между Танаисомъ и Аракcомъ. По Валерію Флакку, Черное море простиралось далеко на Сѣверъ и величиною не уступало Средиземному. Соль и раковинки встрѣчаются въ степи къ Сѣверу отъ Каспійскаго моря до Сарпы, и раковинки эти подходятъ къ тѣмъ, которыя находятся въ этомъ же морѣ. По Палласу, водораздѣльная черта между бассейнами Черноморскимъ и Каспійскимъ, при истокѣ Манича, не превышала 71 туаза, или 400—500 футовъ надъ Азовскимъ моремъ».

«Если же Палласъ тутъ правъ, то можно допустить существованіе въ первобытныя времена слѣдующаго водянаго сообщенія: отъ нагорной страны армянской, Фисонъ, или Аракcъ, направлялъ свое теченіе въ Каспійскому морю, которое было въ связи съ Аральскимъ; но это послѣднее было въ сообщеніи съ бассейномъ Иртыша посредствомъ низменныхъ степей и солончаковъ. Иртышъ ведетъ насъ къ Оби и къ Ледовитому морю, откуда мы по Печерѣ и Двинѣ возвращаемся къ Волгѣ и Каспійскому морю».

«Но это же водяное сообщеніе опоясало бы Уральскій хребетъ, на западной покатости котораго мы встрѣчали Хвалисовъ, обитателей области Евилахъ (ср. v. Hoff. I, 103)».

«По Діодору Сицилійскому, Черное море и Азовское нѣкогда были въ связи съ Каспійскимъ. Къ западу они были запружены около Византіи, но воды, прорвавшись, образовали Воспоръ, перебрались въ Средиземное море и такимъ образомъ отдѣлили Каспійское море отъ Чернаго. Тогда только этотъ

Уральскій островъ, или окруженная водою область Евилахъ соединилась съ остальною Азіею».

«Извѣстно, что по Моисею область эта изобиловала золотомъ и что въ ней находили бделліонъ и драгоцѣнный камень ониксъ».

«Трудно сказать, что такое бделліонъ [19]) «Nil certi de hoc nomine definiri potest»; но приведенная гипотеза не въ противорѣчіи съ извѣстіемъ Галена и Аеція, по которымъ изъ двухъ родовъ бделліона одинъ былъ арабскій, другой *скиѳскій*. Столь же мало намъ извѣстенъ ониксъ, но зато минералогическое понятіе «золото» никогда не подлежало сомнѣнію».

Въ доказательство, что этотъ металлъ характеризовалъ въ первобытныя времена область Евилахъ, Раумеръ, открывшій эту область въ Уральскомъ хребтѣ, приводитъ разныя статистическія данныя о неимовѣрномъ изобиліи золота, которымъ въ настоящее время отличается этотъ хребетъ, и оканчиваетъ свой экскурсъ о Фисонѣ и области Евилахъ слѣдующими словами: «Вѣроятно, область эта въ допотопныя времена отличалась климатомъ благорастворенныхъ, такъ что въ ней могли водиться слоны, гиппопотамы, носороги и другія животныя, въ настоящее время встрѣчающіяся только въ жаркой полосѣ. Это подтверждается остатками названныхъ животныхъ, найденными въ Сибири».

Что венеціанскіе картографы подъ своимъ Тиромъ разумѣли Тигръ М. Поло, т. е. Волгу, явствуетъ еще изъ того, что у нихъ при теченіи перваго отмѣченъ городъ *tifer*, за которымъ слѣдуютъ ниже по этой же рѣкѣ изображеніе города съ неясною приписко̀ю seray и другаго непоименованнаго города. Если бы позволено было видѣть въ этомъ seray прозвище Костромы, (ср. Шпилевскій, 187. *Мнимый* городъ епископальный Сара Великій, etc.), то я полагалъ бы, что подъ непоименованнымъ городомъ скорѣй скрывается Нижній Новгородъ, чѣмъ Казань, тогда еще не существовавшій.

При сліяніи Тира съ Эдилемъ, т. е. на томъ самомъ мѣ-

[19]) Rosenmüller, Scholia in vetus Test. I, 50.

стѣ, гдѣ на картѣ каталанской стоитъ городъ Кострома, пицыганская карта помѣщаетъ безъименный городъ, подъ которымъ чуть ли не разумѣется городъ Ошель (у Татищева Ашля) взятый Русскими въ 1220 году. Противъ него, на лѣвомъ берегу соединившихся рѣкъ, отмѣченъ городъ cormancucho, т. е. болгарскій городъ Керманчукъ, упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ, безъ точнаго означенія мѣста, гдѣ онъ находился и отождествляемый Березинымъ (l. l. 90; ср. Шпилевскій. Древніе города и пр. въ Казанской губ. Казань, 1877, стр. 54) съ городомъ Кернекомъ, взятымъ Монголами въ 1236 г.

За Керманчукомъ карта пицыганская представляетъ намъ имена и изображенія многихъ городовъ и селъ, или становищъ (casar) по обѣимъ сторонамъ рѣки, одни противъ другихъ, а именно:

на правомъ берегу	на лѣвомъ берегу
lo casar de boca	городъ borgar
casar de sancoga. . . .	» carabolam
casar de arabuh	устье рѣки, изливающейся въ Волгу
lamayram	городъ samar
casar de li bocosi. . . .	устье притока Волги
lo tresch	çiçera, противъ начала острова, образуемаго двумя рукавами Волги (Самарская лука?)
городъ lochahi	yolachi
casa de jarcasi, противъ оконечности приведеннаго острова	городъ taraga
jambalec	» tanice
	» kabaco, и подъ нимъ,
bazar . . } за Дономъ . bercimam . }	но уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки: salne
между нимъ и Волгою pasagium; за тѣмъ:	городъ kabanco
городъ jaguracam	
» tortanlli	
» cibocary	civitas regio d' sara.

Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ узнается при первомъ взглядѣ, какъ напр. первое и послѣднее изъ отмѣченныхъ на лѣвомъ берегу явно означаютъ города Болгаръ и Сарай. Небольшая русская деревня, отстоящая отъ Волги въ прямомъ направленіи въ 6 верстахъ, расположена среди развалинъ перваго изъ этихъ городовъ, которыя поражаютъ нынѣ еще путешественника своею обширностью, относясь преимущественно къ монгольскому періоду, въ которомъ, по разрушеніи этой столицы Русскими, городъ снова процвѣталъ и даже сдѣлался первою резиденціею хановъ Золотой Орды. Имѣя въ виду важность этихъ развалинъ, огромное количество древностей и монетъ, которые тамъ постоянно находятся и свидѣтельство арабскихъ авторовъ и путешественниковъ о торговыхъ сношеніяхъ и оборотахъ древнихъ волжскихъ Болгаръ, часто занимались вопросомъ, почему же этотъ народъ не избралъ для главнаго своего города болѣе выгодное положеніе на самомъ берегу рѣки? Только въ новѣйшее время этотъ интересный вопросъ былъ окончательно рѣшенъ г. профессоромъ геологіи въ Казанскомъ, теперь ректоромъ Новороссійскаго Университета, Головкинскимъ.

Онъ именно указываетъ [20]) относительно приволжской мѣстности въ Каз. губ. на 4 эпохи: мамонта и носорога, степи, лѣсовъ и современную. Въ современную эпоху высшій уровень Волги упалъ покрайней мѣрѣ на 15 фут., сравнительно съ предыдущею эпохою. При положеніи уровня Волги на 15 фут. выше настоящаго, должна потопляться средняя терраса лѣваго края долины Волги, т. е. между прочимъ, вся низменная часть города Казани и мѣсто, занятое городомъ Спасскомъ. При этомъ вода непремѣнно подходила къ с. Болгарамъ.... По характеру мѣстности весьма возможно, что при Казани и Болгарахъ даже въ межень существовали тогда непересыхавшіе рукава Волги, или русла ея протоковъ. Въ

[20]) Древніе остатки человѣка въ Каз. губ., въ Трудахъ 1 съѣзда русск. естествоиспытателей, приведено Шпилевскимъ, l. l. стр. 303.

Казани можно считать за остатокъ такого протока Булакъ и три Кабана, въ Болгарахъ болотистую низменность подъ самой горой.

Подъ Сараемъ братья Пицигани могли только разумѣть тогдашнюю резиденцію хановъ, развалины которой по нынѣ сохранились при городѣ Царевѣ на верхней Ахтубѣ, т. е. въ т. н. Новомъ Сараѣ, названномъ Великимъ нашими лѣтописцами. Объ отношеніи сего города къ древнѣйшему Сараю будетъ говорено ниже въ другой статьѣ.

Лежащій между Болгаромъ и Сараемъ городъ Самаръ вѣроятно совпадалъ съ мѣстечкомъ Джемеръ (Hammer, Gesch. d. Gold. Horde, 9), предвѣстникомъ нынѣшней Самары.

Подобнымъ образомъ можно, не ошибаясь, отождествить «çiçega» съ арабскимъ названіемъ острова (и полуострова) «джезире» отзывающагося въ имени города Сызрань, лежащаго при Великой Лукѣ; yolachi — съ турецкимъ словомъ яйлакъ, значущимъ лѣтнія становища, и salne — съ соляннымъ озеромъ, вѣроятно, Элтонскимъ.

Наконецъ, можно догадываться, что carabolam, напоминающее намъ, хотя подобозвучіемъ, урочище Карабулатъ, ниже по Волгѣ лежавшее (Арцыбышевъ, l. l. IV, 1379), было становище татарскаго бека Карабалыка, павшаго въ сраженіи при Важѣ въ 1378 году (Hammer, l. l. 325).

Но зато я уже никакъ не могу себѣ объяснить значеніе именъ: taraga, tanice, kabaco и kabanco, а по сему самому предоставляю болѣе меня свѣдущимъ рѣшить, не вкралась-ли буква n только по ошибкѣ въ послѣднее имя?

Еще труднѣе дать себѣ отчетъ въ значеніи именъ, отмѣченныхъ на правомъ берегу Волги, за исключеніемъ имени lochahi, въ которомъ нельзя не узнать монгольскій городъ Укекъ, совпадавшій съ городищемъ Увѣшинскимъ Книги Большому Чертежу и съ нынѣшнимъ селомъ Увѣкомъ въ Саратовскомъ уѣздѣ [21]). Если же не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь также находился городъ «Oucaca», чрезъ который проѣзжали

[21]) См. Fraehn, въ Mém. de l'Ac. d. Sc. de S. P. VI série III, p. 73—89.

отецъ и дядя Марко Поло на пути своемъ изъ Болгара въ Бухару, то Френъ вѣроятно ошибся, помѣщая сюда и городъ Окакъ, чрезъ который въ свою очередь проѣзжалъ Ибнъ-Батута на пути своемъ изъ Астрахани въ Судакъ, и который находился на разстояніи десятидневномъ, какъ отъ послѣдняго города, такъ и отъ Сарая. По крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, и мнѣніе мое раздѣляетъ Yule (M. P. 2 изд. II, 488), что арабскій Марко Поло тутъ говоритъ скорѣй о городѣ, находившемся около нынѣшняго Маріуполя, при устьѣ Кальміуса, или Калки, и носившемъ на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія, не исключая пициганской, названіе locachi, или locaq, вмѣсто Окакъ, или Укекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ карта наша показываетъ, что и отмѣченный на ней волжскій городъ lochahi, или Oucaca Марко Поло, не *по ошибкѣ* называется на монетахъ и у восточныхъ писателей Укекъ, вмѣсто Увекъ, какъ увѣряетъ г. Артемьевъ [22]) на томъ основаніи, что городъ подъ этимъ именемъ является у писателей XVI вѣка и нынѣ еще слыветъ въ народномъ говорѣ. Что ни то, ни другое въ настоящемъ случаѣ ничего не значитъ, тому можетъ служить примѣромъ прежнее имя Азова; иначе пришлось бы допустить, что и крѣпость эта только по ошибкѣ была названа Монголами и Турками «Азакъ».

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ именъ, отмѣченныхъ на нагорной сторонѣ Волги въ окрестностяхъ Укека, напоминаютъ намъ татарскихъ князей, жившихъ какъ-разъ въ то время, когда братья Пицигани были заняты черченіемъ своей карты. Поэтому приведенныя имена могли отчасти означать становища современныхъ имъ туземныхъ князей. Такъ напр. «casar de boca» напоминаетъ намъ Салтана, сына «бакова» или, пожалуй, какъ читаетъ Савельевъ [23]), бекова, который получилъ въ 1369 г. отъ русскихъ князей лежавшій противъ селенія de boca городъ Болгаръ. Подобнымъ образомъ селеніе arabuh могло быть обязано своимъ названіемъ царевичу Арапшѣ русскихъ лѣто-

[22]) Саратов. губ. въ Списк. насел. мѣстъ, 1862, XXVI.

[23]) Монеты Джучидовъ etc. 1858, II, 222.

писей, т. е. Арабшаху, происходившему, по Абулгази (Савельевъ l. l. 238), въ шестомъ колѣнѣ отъ Шейбана, пятаго сына Джучіева и успѣвшаго, какъ видно изъ монетъ его 1377 — 1378 годовъ, властвовать, хотя кратковременно, въ Золотой Ордѣ. Но еще правдоподобнѣе, что селеніе Арабухъ совпадало, по своему имени и мѣстоположенію, съ нынѣшнимъ *Арбухимскимъ* городищемъ, на правомъ берегу Волги близь села Кріушъ, въ 30 верстахъ отъ Симбирска и въ 20 отъ Сингилея. Изъ ст. г. Невоструева «О городищахъ Древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ» и пр.[24]) мы усматриваемъ, что, кромѣ разныхъ другихъ металлическихъ и глиняныхъ вещей, въ этой мѣстности недавно были найдены мѣдныя и серебряныя монеты съ татарскою надписью. Ниже по рѣкѣ, въ 14 верстахъ къ югу отъ Сингелея, еще въ 1870 году найдено было крестьяниномъ, пахавшимъ землю, древнее татарское (стальное) зеркало, въ одномъ изъ тамошнихъ кургановъ, называемыхъ Чувашами и Татарами «Марами» и напоминающихъ, по крайней мѣрѣ мѣстоположеніемъ, имя Iamaugam, отмѣченное на правомъ берегу Волги, непосредственно послѣ имени селенія Арабухскаго.

Наконецъ, да позволено будетъ видѣть въ «casa de jarcasi» резиденцію Черкесъ-бека, не упомянутаго нашими лѣтописцами, но который ханствовалъ въ ордѣ ок. 1375 года, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся монеты, битыя на его имя въ Астрахани (Френъ, Мон. Джуч. 22). По Хондемиру, приведенному Гаммеромъ (Gold. Horde, 316), онъ былъ сынъ Джанибека и вступилъ на престолъ гораздо ранѣе (ок. 1360), что̀ однако не помѣшаетъ намъ отождествить его съ солгатскимъ правителемъ Jharcasso segno (signore), т. е. Черкесъ-бейемъ, которымъ былъ заключенъ договоръ съ Генуэзцами 28 ноября 1380.года. (См. I, стр. 224 и II стр. 145).

Что касается именъ jambalec и jaguracum, то я охотно спросилъ бы, не означало-ли первое мѣстность при устьѣ Ба-

[24]) См. Труды Перв. Арх. Съѣзда въ Москвѣ (1869) 1871, II, стр. 556.

лыклея, который по Книгѣ Большому Чертежу впадалъ въ Волгу 40 верстъ ниже Камышина, и не могла-ли эта мѣстность быть обязана своимъ именемъ тому обстоятельству, что тамъ находилась соборная мечеть, или Джамъ?

Если-же это предположеніе показалось-бы слишкомъ смѣлымъ, то я предложилъ-бы вопросъ, не находились-ли тогда въ этихъ мѣстахъ кочевья Джамболукской орды, къ которой, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Татаринъ «Jambo», провожавшій въ 1421 г. бургундскаго рыцаря Гильбера де Ланнуа [25]) въ его путешествіи по Новороссійскому краю? Имя же Джагаракамъ, которое, по мѣсту имъ занимаемому на картѣ, ведетъ насъ къ развалинамъ, нынѣ еще сохранившимся въ трехъ верстахъ выше Дубовки, могло означать жилища ханскихъ служителей, обязанныхъ участвовать въ облавахъ съ хортами и ястребами, или такъ называемыхъ Сакарджи и Чакарджи, (Hammer, G. H. 233), вмѣсто коихъ приличнѣе было-бы содержать тутъ стражу для охраненія ханской столицы противъ набѣговъ итальянскихъ промышленниковъ, которымъ не трудно было перебираться съ своими судами изъ Дона въ Волгу чрезъ волокъ, ихъ отдѣляющій, или *pasagium*, какъ онъ названъ на картѣ пицигапской. Отмѣченный въ недальномъ отъ него разстояніи, хотя уже за Дономъ, стало быть около Качалинской станицы и Бѣляевской пристани [26]), городъ bercimam съ своимъ базаромъ, явно тождественный съ городомъ berchimam карты каталанской и съ городомъ Belcimen карты Фра-Мавро, совпадалъ вѣроятно съ городомъ «Baltschunkin», мимо котораго прошелъ Тамерланъ на пути изъ окрестностей Ельца внизъ по Дону, къ Азову [27]), равно какъ и съ городомъ Балджаманъ, хотя онъ, по мнѣнію Абульфеды [28]) лежалъ при Итилѣ или Волгѣ, около Царицина.

Наконецъ мы, можетъ быть, не ошибемся, относя къ городу Тортанли (Чертанлей?) развалины каменныхъ зданій, лѣтъ

---

[25]) Voyages et amb. éd. Mons, p. 25.

[26]) Красновъ, Земля Войска Донскаго, С.-П. 1863, стр. 546.

[27]) Hammer, Gesch. d. G. H. 362, пр. 3.

[28]) Géogr. d'Aboulfeda, trad. par Reinaud, II, 81.

пятьдесятъ тому назадъ еще существовавшія близь села Городища, въ 10 верстахъ выше Царицина, или Сари-чина, въ окрестностяхъ котораго намъ, въ этомъ случаѣ, пришлось-бы отыскивать городъ cibocary, можетъ быть Цибирца (Шпилевскій, 183), хотя онъ именемъ своимъ напоминаетъ городъ Чебоксары, гораздо выше по Волгѣ лежащій [29]).

Изъ приведенныхъ топографическихъ именъ на картѣ каталанской отмѣчены только borgar, *zizera*, *ciutat* de sarra и berchimam. Что-же касается имени *pasgue*, то оно, если только въ немъ не скрывается pasagium карты пициганской, могло означать урочище Бешкызъ, находившееся, по Книгѣ Большему Чертежу, въ 90 верстахъ выше Астрахани.

За этимъ городомъ слѣдуютъ внизъ по теченію Волги, на картѣ каталанской, имена *bachanti* и *mondasi*, изъ коихъ послѣднее также отмѣчено на картѣ пициганской *(mondassi)*, хотя уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Имена эти, напоминающія озеро Башсызъ и урочище Мочакъ Книги Большему Чертежу, Базцыжъ-Мочакъ Никоновской лѣтописи (VII, 220), могутъ послужить для опредѣленія мѣстности, гдѣ находился часто упоминаемый въ лѣтописяхъ городъ Бездежъ, и гдѣ мы должны искать городъ Бундазъ, чрезъ который проѣзжалъ миссіонеръ Юліанъ въ 1236 году [30]).

Далѣе мы встрѣчаемъ на обѣихъ картахъ, но уже на морскомъ берегу, имя *cotaba*, а затѣмъ, на одной только картѣ каталанской, имена *fabinagi*, *cubene*, golf *de terchi* и *therchi*, вмѣсто коихъ карта пициганская намъ представляетъ одну только приписку: *flum terqi*.

Всякій согласится, что подъ этой рѣкой должно разумѣть Терекъ; что golf de terchi—Аграханскій заливъ и что слѣдующее за нимъ имя therchi означаетъ или древній городъ Тарки, въ сосѣдствѣ нынѣшняго, или же, еще вѣрнѣе, городъ Терки, находившійся въ дельтѣ Терека и совпадавшій, какъ

---

[29]) Перетятковичъ, Поволжье, 1877, стр. 237.

[30]) Зап. Одесск. Общ. Ист. V, 1000.

думаютъ, съ знаменитымъ хазарскимъ городомъ Семендеръ, разрушеннымъ Русскими, по Ибнъ-Гаукалу.

Въ этихъ мѣстахъ долженъ былъ также находиться городъ «Uchindjé», взятый Тамерланомъ въ 1396 году [31]), равно какъ и городъ «Origens», чрезъ который проѣзжалъ Шильтбергеръ на пути своемъ изъ Дербенда въ Джуладъ.

Съ этимъ городомъ Оригенсомъ, а не съ Азовомъ или Ургендзомъ, слѣдуетъ отождествить, если я не ошибаюсь [32]), загадочный городъ Орна или Тенексъ (Tornax, Cornax) монаха Альберика, civitas Ornarum Плано Карпини, Арначъ или Орначъ нашихъ лѣтописцевъ и большой городъ «Andjac», который, по свидѣтельству персидскаго поэта Хакани и также Абульфеды [33]), находился въ недальнемъ разстояніи отъ Астрахани, на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря. Правда по французскому переводчику арабскаго географа (Reinaud, Géogr. d'Aboulféda), городъ этотъ назывался не Andjac, но Artuanadj; но, если до такой степени ученые расходятся въ чтеніи имени одного и того же города, то не слѣдуетъ удивляться, что имя его могло быть превращаемо лѣтописцами въ Арначъ или Орначъ.

Что городъ этотъ, подобно Оригенсу Шильтбергера, скорѣй находился при Терекѣ, чѣмъ при Джихунѣ, или при Донѣ, явствуетъ еще изъ слѣдующаго мѣста древней поэмы, гдѣ, послѣ описанія побѣды, одержанной Дмитріемъ Донскимъ надъ Мамаемъ въ 1380 году, читается: «кликнули быша дивы въ Русской земли, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ ли къ *Караначи* Криму и *к* Саеѣ, по морю и къ Которнову, а потомъ ко Царюграду на хвалу русскимъ княземъ» [34]).

Наконецъ, не должно забывать, что лѣтописцы подъ своимъ «Арначъ» едва-ли могли разумѣть столицу Харезма, такъ какъ она у нихъ постоянно называется Юргенцъ.

---

[31]) Cheref-eddin, Hist. de Tam. II, 384. ср. Кеппенъ, Кр. Сб. 181.

[32]) См. м. перев. путеш. Шильтб. въ I томѣ Зап. Новор. Универс.

[33]) См. Khanikof, въ Journ. asiat. six. Série, 5, 316, note 2.

[34]) Временникъ Моск. Общ. Ист. XIV, 4.

Непосредственно послѣ города Терки слѣдуетъ на картѣ каталанской basciax (или basciay?) при самомъ устьѣ рѣки, вытекающей изъ горнаго хребта, изображающаго явно Кавказъ, хотя ему дано направленіе, параллельное съ моремъ. Къ югу отъ этой безъименной рѣки, подъ которою должно разумѣть или Сулукъ, или же «flum terqi» карты пицигапской, слѣдуютъ одни за другими: *cicie*, *cobaso*, *burch*, *barsac*, *mache*, *abseran*, *fasach* и *derbt*.

Для объясненія этихъ именъ, за исключеніемъ послѣдняго, подъ которымъ легко узнается Дербендъ, было бы необходимымъ рѣшить предварительно вопросъ: относятся ли они къ различнымъ береговымъ пунктамъ, или же къ мѣстностямъ, въ самихъ горахъ находящимся?

На картѣ пицигапской, гдѣ ихъ недостаетъ, отмѣчены только на морскомъ берегу, послѣ Терека: *niche* (м. б. вмѣсто cicie к. к.) *acle*, *Derbent*, съ припискою: *hic est custodia husbeci*, т. е. сторожевая башня на границѣ между владѣніями Узбека и его преемниковъ и владѣніями персидскихъ ильхановъ, именно Абуль-Саида (Бунзы).

Изъ именъ, отмѣченныхъ на этой картѣ между Дербендомъ и Баку, нѣкоторыя только относятся къ тѣмъ мѣстностямъ, имена коихъ намъ представляетъ карта каталанская на этой части берега.

Вотъ порядокъ, въ которомъ эти имена слѣдуютъ одни за другими:

На картѣ пициг.	На картѣ катал.
caiol est custodia bunsa	caraol (сторожевая башня)
mimio	mumor (р. Самуръ?)
xialtam	xamay (Шемаха)
barmancu	barmanchu (гора Бармакъ)
	barg
	cap de preala (мысъ Апшеронскій, возлѣ котораго островъ «Piralagoi», см. карту у Эйхвальда: Alte Geogr. d. Casp. M.)
bacu	bacu

Точно такимъ же образомъ имена, которыя на обѣихъ картахъ слѣдуютъ одни за другими на остальной части западнаго и на всемъ южномъ берегу Каспійскаго моря, отчасти только могутъ быть примѣняемы къ однѣмъ и тѣмъ же мѣстностямъ, несмотря на то, что прежнія имена ихъ, какъ замѣчаетъ Мельгуновъ [35]), по большей части и нынѣ еще въ употребленія.

Вотъ списокъ этимъ именамъ:

На картѣ пицигапской	На картѣ каталанской
codaspi	costasi
anaz (м. б. вмѣсто araz, т. е. Аракеъ)	maumetauat (г. Махмудъ-абадъ)
mogam (равн. Карабагъ) . .	anmaga
daloyo	dolayo (Talych)
	layam (Laydscham)
	renchu (Ranecu)
	caxinam, Caxinaro (Дорнъ, Каспій, 132)
	sangra
dalepe	dalep
ponal	
chilam	gellam (Gilan)
chilam	temelder (Tschelender?)
yelam	allam (Alämrud)
ricobesante	richobesante (Meschediser)
corasam	achdio
neopaya	mopaya
	beeizet
	cap de cilam
mirmadam (гавань Mandradani, у Барбаро)	masandra (Мазендеранъ)
	golf de masandra, заливъ Астрабадскій.
deystam	deystam.

[35]) Das südl. Ufer des Kasp. M.

Послѣ этого имени, напоминающаго намъ не однимъ только созвучіемъ страну древнихъ «Dahae», карта пиціганская, къ сожалѣнію, прерывается, тогда какъ по картѣ каталанской берегъ, который тутъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, а затѣмъ постепенно болѣе склоняется къ сѣверо-западу, представляются намъ слѣдующія имена: *golf de d...*, *cavo doschi*, *flum amo*, *amo*, *daldozen*, *ogus*, *punta de sabium* и *fl. dorganci*. Рѣка сія также обозначена на картѣ пиціганской, на которой, кромѣ того, на правомъ берегу, отмѣченъ городъ, съ припискою: *civitas de vorgancio*, т. е. важный въ то время городъ Ургендзъ. Но такъ какъ городъ этотъ лежалъ при Аму-дарьи, то рѣка сія должна была изливаться тогда въ Каспійское море. Странно почему г. Р. Ленцъ, который въ статьѣ помѣщенной въ Mém. de l'Ac. Imp. des sc. de S. Pét. VII série, XVI. № 3, подъ заглавіемъ: Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu-Daria, пытался защищать противное мнѣніе, ссылается, между прочимъ, на то, будто бы Клавихо ничего не говоритъ объ устьѣ этой рѣки въ Каспійское море[36]). Но кастильскій посланникъ, напротивъ того, показываетъ намъ всю неосновательность гипотезы г. Ленца, прямо говоря[37]), что «большая рѣка» Віадме (Viadme), оросивши область Самаркандскую и Татарію и отдѣливши Самаркандскія владѣнія отъ Хорасана, изливалась въ Бакинское море. Что Клавихо подъ этой «большой рѣкой», въ которой онъ видѣлъ одну изъ рѣкъ, протекавшихъ изъ рая, могъ только разумѣть Аму, явствуетъ изъ того, что онъ, на пути своемъ изъ «большаго города Vaeq» (т. е. Балкъ) въ Самаркандъ, проѣзжалъ чрезъ нее и затѣмъ прибылъ немедленно въ «большой городъ Termit», т. е. Термедъ, лежащій на сѣверномъ берегу Аму-дарьи. На обратномъ пути, чрезъ «Boyar», т. е. Бухару, Клавихо снова переправился чрезъ Аму-дарью или «Biamo», какъ онъ

---

[36]) Стр. 14: auch weiss Clavijo im Jahr 1405 nichts von einer Mündung des Amu ins Caspische Meer.

[37]) Hist. del Gran Tamorlan e Itinerario etc. Madrid 1782 стр. 137, 138

ее тутъ (стр. 199) называетъ. Если же эта рѣка въ 1405 году еще изливалась въ Каспійское море, то становится весьма правдоподобнымъ, что она добиралась до него и въ то время, къ которому относятся карты братьевъ Пицигани и каталанская.

Зато мы, съ помощью послѣдней, въ состояніи рѣшить разные, до нынѣ спорные, вопросы касательно тогдашней гидрографіи Туркестана. Такъ мы, во первыхъ, усматриваемъ изъ нея, что Аму-дарья должна была изливаться нѣкогда въ Каспійское море, по крайней мѣрѣ, двумя рукавами, отдѣленными одинъ отъ другаго довольно значительнымъ разстояніемъ: ибо, кромѣ рѣки Ургендза, она представляетъ намъ еще, гораздо болѣе къ югу, приписку amo, которая также не могла не означать ту же самую рѣку, на которой лежалъ Ургендзъ, т. е. Аму-дарью или древній Оксусъ.

Разбирая различныя мнѣнія, до сихъ поръ выставленныя объ устьяхъ рѣки, на которую теперь, какъ при великомъ царѣ македонскомъ, обращено вниманіе всего образованнаго міра, мы находимъ, что нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Гумбольдтъ (Central-Asien, II, 358), замѣняющій многихъ, убѣждены въ томъ, что Аму-дарья изливалась однимъ или двумя устьями въ одинъ только Балканскій заливъ. Другіе же придерживались того мнѣнія, что она текла не въ этотъ заливъ, но въ Карабугасскій, отстоящій отъ него въ 150 верстахъ. Такъ полагали еще Дженкинсонъ въ XVI столѣтіи, и затѣмъ, между прочими, Бланкеннагель, Левшинъ, Циммерманъ[38]). Наконецъ третьи, какъ напр. Муравьевъ, Эйхвальдъ и Бларамбергъ[39]) склоняются къ мнѣнію, что Аму-дарья достигала Каспійскаго моря двумя рукавами чрезъ Балканскій заливъ, третьимъ же чрезъ заливъ Карабугасскій, или, правильнѣе, чрезъ его продолженіе, озеро Кюли-дарья, хотя уже не прямо съ восточной, но сѣверо-восточной стороны.

---

[38]) Cf. Central-As. изд. Mahlmann, II, 375.

[39]) Зап. Геогр. Общ. IV, 83 и 91.

Достаточно взгляда на каталанскую карту, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что послѣднее изъ приведенныхъ трехъ мнѣній правдоподобнѣе двухъ первыхъ, и что Аму-дарья добиралась до моря различными путями въ одно и то же время, вопреки мнѣнію Генса[40]), по которому она только со временемъ перешла отъ одного изъ этихъ путей къ другому. Далѣе мы усматриваемъ изъ каталанской карты, что въ XIV столѣтіи рѣка Яксартъ или Сыръ-дарья смѣшала свои воды съ Аму-дарьею. По крайней мѣрѣ, на этой картѣ города *bacara* и *samarchati* помѣщаются, подобно городу *choya*, т. е. Хивѣ, къ югу отъ теченія flum dorgancі, тогда какъ Бухара и Самаркандъ лежатъ къ сѣверу отъ Аму-дарьи, между ней и Сыръ-дарьею, въ Мавераннагрѣ, туркестанской Месопотаміи. Притомъ на рѣкѣ Ургендской помѣщены еще города *cogitati* и *cotam*, въ коихъ нельзя не узнать Ходжентъ и Коканъ, которые оба лежатъ не при Аму, но недалеко отъ Сыръ-дарьи. Что и въ этомъ случаѣ нашъ картографъ не ошибся, оказывается изъ доставшейся г. Раулинсону персидской рукописи 1417 года[41]), содержащей подробное описаніе Хорасана, составленное безъименнымъ авторомъ, въ которомъ подозрѣваютъ министра знаменитаго владѣтеля Герата, Шахъ-Рохъ султана. Такъ какъ Мурчисонъ[42]) пытался поколебать достоинство этого безъименнаго труда, то кстати будетъ припомнить съ рецензентомъ новѣйшаго англійскаго перевода книги Марко Поло[43]), что извѣстное сочиненіе Абдорразака, переведенное Катремеромъ[44]), по большей части списано слово въ слово съ приведенной Гератской рукописи, и что по сему самому къ ней долженъ быть отнесенъ слѣдующій отзывъ французскаго академика о ея копіи: «L'ouvrage est, sans contredit, un des plus cu-

[40]) Beiträge II, 9, 16; cf. Centr.-As. II, 377.

[41]) См. Proceedings of the R. Geographical Society, XI, № 3, стр. 116.

[42]) См. его «Adress» въ Journal of the R. Geogr. Soc. XXXVII стр. CXXXV.

[43]) См. Yule's edition of M. P. въ Edinburgh Review, Jan. 1872, стр. 10.

[44]) Not. et extraits etc. XIV, I.

rieux et des plus véridiques, qui aient été écrits dans les langues de l'Orient». Нельзя поэтому не вѣрить безъименному автору самой рукописи, когда онъ говоритъ: «Рѣка Ходжентская, орошая въ нижнемъ теченіи своемъ степи Харезма, соединяется съ Оксомъ и такимъ образомъ достигаетъ, наконецъ, Каспійскаго моря». Изъ этой замѣтки Раулинсонъ заключаетъ, что Яксартъ, около 1417 года, протекалъ ниже Отрара, влѣво отъ нынѣшняго его русла и соединялся съ Оксомъ между Кунградомъ и Хивою. Но такъ какъ Мурчисонъ, по геологическимъ причинамъ, не допускаетъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ могло послѣдовать соединеніе обѣихъ рѣкъ, то онъ и не рѣшается вѣрить персидскому автору, хотя послѣдній говоритъ какъ очевидецъ основательно знакомый съ мѣстностью. Правда, его свидѣтельство не подтверждается никакимъ другимъ источникомъ, ни даже сказаніями древнихъ; но англійскій геологъ напрасно ссылается, въ пользу своего мнѣнія, на это обстоятельство, ибо онъ самъ вообще придаетъ весьма мало вѣса сбивчивымъ показаніямъ древнихъ географовъ касательно гидрографіи средней Азіи. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что на кипертовой картѣ Турана (Berlin, 1864) отмѣченъ отдѣляющійся ниже Отрара рукавъ Яни-дарья, который, отчасти посредствомъ Кизиль-дарьи, находится въ связи съ Оксомъ, котораго достигаетъ недалеко отъ Ходжейли.

Если-же эта рѣка въ старину была въ связи съ Сыръ-дарьею, то уже нѣтъ надобности спорить о томъ, къ которой изъ нихъ принадлежатъ найденныя въ 1849 году глубокія устья рукава Джани-дарьи [45]). Придется только признать справедливымъ счастливое предположеніе г. Макшеева, что тутъ именно Улу-дарья, главный притокъ Аму-дарьи, *до своего впаденія въ море*, принималъ главный рукавъ Сыръ-дарьи, Джани-дарью, тогда какъ прочіе рукава, не исключая того, на

[45]) Макшеевъ, Описаніе Аральскаго моря, въ Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 57.

которомъ лежалъ Яникентъ (коего развалины были недавно вновь открыты въ недальномъ разстояніи отъ устья Сыръ-дарьи), терялись еще въ болотахъ, которыя потомъ уже превратились въ большое скопище водъ и образовали нынѣшнее Аральское озеро. Дѣйствительно, оно хотя и было хорошо извѣстно арабскимъ географамъ IX — XII столѣтія, однакожъ вовсе не обозначено на каталанской картѣ и, слѣдовательно, по всей вѣроятности, уже не существовало въ XIV вѣкѣ. По сему самому позволено будетъ думать, что тогдашніе восточные авторы, напр. Якутъ, Абульфеда и Казвини, если еще и упоминаютъ о немъ, то развѣ потому только, что пользовались древнѣйшими источниками, или даже списывали извѣстія объ озерѣ другъ у друга.

По весьма убѣдительнымъ причинамъ, приведеннымъ Ханыковымъ[46]), нельзя не признать справедливымъ его мнѣніе, что періодъ, въ которомъ Аму-дарья перестала течь въ Каспійское море, заключается гораздо вѣрнѣе между IX и XII вѣками по Р. Х., а не между XII и XVI. Но такъ какъ Аральское озеро преимущественно обязано своимъ существованіемъ водамъ, которыя ему доставляютъ Оксусъ и Яксартъ, то и не удивительно, почему оно, существовавъ между IX и XII вѣками, затѣмъ должно было исчезать и могло образоваться вновь тогда только, когда Джейхунъ вторично пересталъ течь въ Каспійское море. Иначе нельзя будетъ объяснить себѣ причину, по которой ни Плано Карпини, ни Рубруквисъ не говорятъ ни слова объ озерѣ, при описаніи пути своего, приведшаго перваго изъ Сарая въ Яникентъ; посланника же Людовика IX — въ городъ Кеншатъ, вѣроятно тождественный съ городомъ Кендше, лежавшимъ, по Эдриси (tr. p. Jaubert, II, 208), выше по этой рѣкѣ. Во всякомъ случаѣ къ ней относится замѣтка Рубруквиса, что непоименованная имъ большая рѣка, въ окрестностяхъ города Кеншатъ, исчезла въ землѣ:

---

[46]) О перемежающихся измѣненіяхъ уровня К. м. въ Зап. К. Отд. Геогр. Общ., II, 116.

Magnus fluvius qui irrigabat totam regionem secundum quod volebant aquam ducere, nec descendebat in aliquod mare, sed absorbebatur a terra, et faciebat etiam multas paludes.

Что Аральское озеро не успѣло вновь образоваться и въ слѣдующемъ вѣкѣ, явствуетъ притомъ изъ того обстоятельства, что Ибнъ-Батута столь же мало встрѣчалъ его на своемъ пути изъ Сарайчика въ Харезмъ, какъ и Пеголотти, когда описываетъ путь, пролегавшій съ восточнаго берега Каспійскаго моря въ Отраръ[47]).

Ко всѣмъ этимъ отрицательнымъ доказательствамъ справедливости мнѣнія, что Аральское озеро не безъ основательной причины пропущено на картѣ каталанской, приведенная персидская рукопись доставляетъ намъ положительное подтвержденіе. При описаніи азіатскихъ озеръ Безъименный говоритъ объ Аралѣ, которое онъ называетъ Харезмійскимъ озеромъ: «въ старыхъ книгахъ сказано, что это озеро принимало рѣку Оксъ; нынѣ-же, т. е. въ 820 году геджры (1417), озеро сіе уже не существуетъ; ибо Джейхунъ (арабское названіе Амударьи) проложилъ себѣ особый путь къ Каспійскому морю, котораго достигаетъ при Карлавнѣ, какъ будетъ сказано ниже». Въ другомъ же мѣстѣ рукописи, гдѣ описываются азіатскія рѣки, читается: «въ старыхъ книгахъ сказано, что съ этого пункта Джейхунъ поворачивалъ къ Харезмійскому озеру и въ него изливался; но въ настоящее время озеро это уже не существуетъ, такъ какъ рѣка проложила себѣ новое русло, ведущее къ Каспійскому морю, въ которое изливается въ мѣ-

---

[47]) Послѣ выхода этой статьи въ VIII т. Записокъ Новороссійскаго Университета, нѣкоторые ученые, бывшіе въ Туркестанѣ, изъ нея вывели заключеніе, что итальянскіе картографы ничего не знали о гидрографическихъ отношеніяхъ этой страны. Поэтому я уже намѣревался выразиться осторожнѣе въ настоящемъ ея изданіи. Но затѣмъ рѣшился оставить оное въ прежнемъ видѣ, убѣдившись изъ сочиненія, составленнаго на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій (Аму и Узбой, Самара 1879), что въ XIV столѣтіи рѣка Аму-Дарья изливалась въ Каспійское море.

стности, именуемой Карлавнъ или Акриче. Все почти пространство отъ этого пункта до Харезма состоитъ изъ пустынь». Что и Сейхунъ (Яксартъ), подобно Джейхуну, въ это время не изливался въ Аральское озеро, оказывается между прочимъ изъ слѣдующаго отрывка изъ Записокъ великаго султана Бабера (Leyden's Baber. I), хорошо знакомаго съ топографіею своего роднаго края и признаннаго Юлемъ и даже Мурчисономъ самымъ добросовѣстнымъ и надежнымъ свидѣтелемъ: «Сейхунъ течетъ къ сѣверу отъ Ходженда и къ югу отъ Финакета, нынѣ лучше извѣстнаго подъ именемъ Шахрохіи; затѣмъ, направляя свое теченіе къ сѣверу, онъ переходитъ въ Туркестанъ и, уже не встрѣчаясь съ какой-либо другой рѣкою, тамъ совершенно всасывается въ песчаныхъ степяхъ и исчезаетъ».

Итакъ оказывается, что Аральское озеро, питаемое почти исключительно водами Окса и Яксарта, до начала XVI столѣтія не существовало. Съ другой стороны, намъ представляются, немного спустя, свидѣтельства о новомъ его появленіи. Въ этомъ отношеніи особенно важно показаніе англійскаго купеческаго агента Дженкинсона, который, приставши въ 1559 году къ полуострову Мангишлакъ, оттуда прибылъ къ прежнему устью Окса, гдѣ однако ему передали, что рѣка сія, перемѣнивъ свое теченіе, тогда уже изливалась въ Аральское озеро. Около ста лѣтъ спустя, тамошній владѣтель Абулгазиханъ, въ исторіи своихъ предковъ (ср. Lenz l. l. 25) подробно говоритъ объ этомъ измѣненіи и даже упоминаетъ годъ, въ которомъ Оксусъ снова началъ изливаться въ Аральское озеро, хотя изъ свидѣтельства Дженкинсона явствуетъ, что хронологическое его указаніе не совсѣмъ вѣрно.

При такихъ обстоятельствахъ, неудивительно, что Аральское озеро могло быть упомянуто въ Книгѣ Большому Чертежу, гдѣ оно названо Синимъ моремъ, хотя восточные писатели подъ этимъ именемъ разумѣли Каспійское море, которое и теперь еще такъ называется у Туркоманов[48]).

[48]) Hellwald, D. Russen in Centralasien, 1869 II, N. 1.

Поелику же невозможно, чтобы Аральское озеро означалось какимъ бы то ни было именемъ въ періодѣ, въ которомъ оно вовсе не существовало, то уже не подлежитъ сомнѣнію, что Русскіе, во время владычества Монголовъ, подобно симъ послѣднимъ, подъ Синимъ моремъ разумѣли море Каспійское, а не топкія мѣста, которыя уже въ послѣдствіи образовали Аральское озеро.

Если же, въ чемъ всѣ писатели согласны, такъ называемая Синяя орда обязана своимъ именемъ Синему морю, то не трудно будетъ согласовать между собою сбивчивыя, повидимому, понятія о значеніи и предѣлахъ этой орды.

Такъ напр., обыкновенно полагаютъ, что наши предки подъ Синею ордою разумѣли улусъ старшей линіи Джучидовъ, т. е. потомковъ Орда-Ичена, извѣстный у Монголовъ подъ именемъ Бѣлой (Акъ-орду), тогда какъ Золотая орда нашихъ писателей, или улусъ потомковъ Батыя, у нихъ называется Синею[49]).

«Гаммеръ напрасно», говоритъ Савельевъ (М. Джуч. 159) «упрекаетъ всѣхъ русскихъ историковъ въ неправильномъ употребленіи этого слова: оно основано на старинномъ употребленіи на Руси».

Но дѣло въ томъ, что Русскіе столь же хорошо умѣли различать Бѣлую орду отъ Синей, какъ Монголы различали послѣднюю отъ Золотой (Шира или Сари-орду); ибо тѣ и другіе подъ Синею ордою разумѣли одинъ только улусъ потомковъ пятого сына Джучіева, Шейбана, которому, въ награду за храбрость, оказанную въ Батыевомъ походѣ на Русь, даны были въ удѣлъ кочевья въ окрестностяхъ *Каспійскаго моря;* ибо лѣтнія находились при Яикѣ, а зимнія у Сыръдарьи, и такимъ образомъ отдѣляли Золотую орду отъ Бѣлой, которая обнимала сѣверную половину позднѣйшаго коканскаго царства.

Если же въ повѣсти о Тамерланѣ говорится о Синей

---

[49]) Кёкъ-орду, cf. Hammer l. l. 249, 252, 327 и др.

ордѣ, какъ о самаркандской, лежавшей за Желѣзными вратами, въ сосѣдствѣ съ Индіею, то нельзя не согласиться съ г. Срезневскимъ [50]), что она представляется не тѣмъ, что Синяя орда, надъ которой господствовалъ въ 1455 году Сиди-Ахмедъ, въ улусахъ котораго отецъ Дмитрія Шемяки судился съ великимъ княземъ (*И. Г. Р.* V, пр. 350 и 351). Во всякомъ случаѣ Карамзинъ (изд. Эйнерл. V, 26) не долженъ былъ сказать, что посланники сего царя, или что приведенный выше Арабшахъ, прибывшій въ Мамаеву орду изъ Синей орды, — пришли съ береговъ Синяго или «Аральскаго» моря.

Въ свою очередь Гаммеръ (l. l 324) напрасно нападаетъ на русскихъ лѣтописцевъ за то, что они Синюю орду, изъ которой пришелъ царевичъ Арапша, различаютъ отъ Золотой, которую баронъ отождествляетъ съ Синею: «welche die der Nachkommen Batus».

Наконецъ Френъ (ibid. 582), замѣтивъ, что еще прежде автора Исторіи Золотой Орды, Татищевъ былъ убѣжденъ въ томъ, что подъ Синимъ моремъ первоначально разумѣлось не Аральское, а Каспійское, долженъ былъ съ ними согласиться, вмѣсто того, чтобы сказать, съ полною увѣренностью непогрѣшимости своихъ собственныхъ воззрѣній: wenn das seine Richtigkeit hätte, so würde ein ganzes Revier der Asiatischen Geographie für uns ganz anders gestaltet.

Послѣ flum d'Organci слѣдуетъ на картѣ каталанской *cavo de stayra* и возлѣ этого мыса изображеніе города съ припискою civitas de... Этотъ безъименный городъ могъ быть Estrana, откуда, по Пеголотти, индѣйскіе товары доставлялись моремъ въ Астрахань, если только флорентинскій commis voyageur не имѣлъ тутъ скорѣй въ виду городъ Strava, т. е. Астрабадъ (Eichwald l. l. 106).

Затѣмъ мы встрѣчаемъ на той же картѣ: *cavo sancho*, *cochinachi* и *memnemeselach*. Въ послѣднемъ имени легко

---

[50]) Хожденіе за три моря etc. въ Уч. Зап. кн. II, отд. 3 р. 241.

узнается полуостровъ Мангишлакъ, превращенный на картѣ пицигапской въ *melmeselack*.

Къ сожалѣнію, на этой картѣ не достаетъ имени, весьма неясно отмѣченнаго на картѣ каталанской на самомъ полуостровѣ, такъ что нельзя ручаться въ томъ, что оно гласило *mansuna*, какъ полагаютъ французскіе издатели.

Наконецъ намъ еще представляются между полуостровомъ и дельтою Волги слѣдующія имена:

на картѣ пициг.	на картѣ катал.
trestago	trestargo
golfo de moranty . . .	golf de monumentis
conilicaty	flum layech
flum laych.	catolicati
jaiete	cremis
boca de lo sara.	

Изъ обѣихъ картъ мы усматриваемъ, что Трестаго, или Трестарго былъ городъ и что онъ лежалъ гдѣ-то на сѣверномъ берегу Мертваго Култука, совпадавшаго съ заливомъ de moranty или de monumentis, какъ по мѣсту имъ занимаемому на обѣихъ картахъ, такъ и по значенію обоихъ его именъ.

Труднѣе угадать значеніе имени Трестаго или Трестарго. Пешель (Gesch. d. Erkunde, 156) отождествляетъ городъ этотъ съ Терескендомъ; по моему же мнѣнію, онъ скорѣй совпадалъ съ урочищемъ Учуканъ, или, правильнѣе, Учьаканъ (три ручья). По обнародованному г. Григорьевымъ «Описанію Хивинскаго царства», составленному въ 1803 году[51]), въ этомъ урочищѣ, находящемся при Каспійскомъ морѣ между рѣкою Ембою и Мангишлакомъ, сохранились развалины каменныхъ зданій, построенныхъ, по словамъ кочующихъ, ордами Чингисхана.

Не сомнѣваясь въ тождествѣ рѣки laych, или layech, съ Яйкомъ, можно догадываться, что conilicaty карты пицигапской и catolicati карты каталанской должны были означать одну и ту же мѣстность, и что по сему въ одной изъ нихъ

[51]) Зап. И. Г. Общ. I, 110.

она отмѣчена не на той сторонѣ рѣки Урала, гдѣ находилась. Не берусь разбирать, гдѣ тутъ истина, не осмѣливаясь слышать въ обоихъ именахъ искаженіе имени Гюлистанъ эль-Джедидъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто, гдѣ находилась эта резиденція ханская, еще не опредѣлено съ точностью [52]).

Къ сѣверу отъ Кониликати мы встрѣчаемъ на картѣ пицигапской, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, изображеніе безъименнаго города и возлѣ него какого-то зданія съ припискою: *torcal, id est sepulcrum imperat. q. decedunt circa flum de sara.* Эта замѣтка, свидѣтельствуя, что тутъ явно говорится о Сарайчикѣ на Уралѣ, гдѣ хоронились ханы Золотой орды (ibid. 28), вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ послужить для объясненія слѣдующаго темнаго мѣста къ книгѣ Большему Чертежу (р. 78): «Да изъ Яйка-жъ рѣки, съ лѣвыя стороны, выше Сорочика острова 25 верстъ потекла протока въ море Саванлы; протоку *изъ Терка* до моря 70 верстъ, моремъ же отъ усть тое протоки до усть Яйка, 25 верстъ».

За именемъ этой рѣки отмѣченъ на той же картѣ, вмѣсто имени *cremis* карты каталанской, городъ *jaiete*, къ которому относятся, быть можетъ, развалины, нынѣ еще видимыя въ Селитряномъ городкѣ, называемомъ также Джигитъ, по имени мусульманскаго святаго, тамъ погребеннаго (Григорьевъ, l. l. IX, 458).

Наконецъ, слова boca de lo sara, отмѣченныя на пицигапской картѣ противъ устья самаго восточнаго рукава Волги, заставляютъ насъ думать, что рукавъ этотъ служилъ звеномъ, соединявшимъ столицу Золотой орды съ Синимъ моремъ.

---

[52]) См. Григорьевъ, Мѣстоп. Сарая, въ Журн. М. Вн. Дѣлъ IX, 213 и X, 31.

IV.

Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи [1]).

Походы Каракаллы, познакомившіе Римлянъ съ именемъ Алламановъ, привели ихъ также (около 215 г. по Р. Х.) въ столкновеніе съ Готами, вышедшими, по древнему преданію, изъ Скандинавіи, а затѣмъ, во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ нашей эры, отъ устьевъ Вислы и Янтарнаго берега распространившими свою власть надъ равнинами, прилегающими къ югу и востоку отъ Карпатовъ до устьевъ Дуная и до Сѣвернаго берега Чернаго моря. Оттуда они, при первыхъ преемникахъ Каракаллы, неоднократно нападали на римскія провинціи по обѣимъ сторонамъ Дуная и проникли во Ѳракію, гдѣ въ борьбѣ съ ними палъ императоръ Децій, близъ нынѣшней Варны, въ 251 году. Распаденіе римской имперіи казалось неминуемымъ, когда послѣ краткаго царствованія непосредственныхъ преемниковъ Деція, Галла и Волузіана, вступилъ на престолъ Валеріанъ, въ 254 году. Терзаемая внутри междоусобіями и чумою, она вмѣстѣ съ тѣмъ подвергалась и нападеніямъ Персовъ съ восточной стороны; съ западной-же разныхъ германскихъ племенъ. Тогда какъ Франки, Аламаны и Маркоманы вторгались въ предѣлы имперіи чрезъ Рейнъ и верхній Дунай, Черноморскіе Готы съ союзными имъ Карпами, Боранами и другими, переправившись чрезъ нижній Дунай, опустошили Ѳракію и

[1]) Изъ XXIV тома Записокъ Имп. Акад. Наукъ (С.-П. 1874).

Македонію, гдѣ начали осаду Ѳессалоники и привели въ трепетъ всю Грецію.

Тогдашніе Греки не походили на великихъ своихъ предковъ, но утопали въ нѣгѣ и роскоши тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ уже отвыкли, вслѣдствіе политики римской, отъ воинскихъ упражненій и отъ участія въ публичныхъ дѣлахъ. Но и римскіе гарнизоны были тогда незначительны въ Греціи, да и тамошнія крѣпости были въ худомъ состояніи. Понятно, что извѣстіе о приближеніи Готовъ должно было тамъ произвести сильное впечатлѣніе. Повсюду взялись за оружіе, старались охранять Ѳермопильское ущелье, между тѣмъ какъ Аѳиняне спѣшили возстановить городскія стѣны, бывшія со временъ Митридата въ развалинахъ. Пелопоннезцы въ свою очередь приступили къ укрѣпленію Коринѳскаго перешейка.

Но на этотъ разъ опасность, грозившая Греціи, минула; ибо Готы, послѣ неудачной осады Ѳессалоники, возвратились во свояси, обремененные богатой добычею.

Между тѣмъ восточныя ихъ собратья, вставъ твердою ногою въ Крыму, готовились къ нападеніямъ на восточный и на южный берега Чернаго моря, охраняемые дотолѣ Воспорцами, союзниками Римлянъ. Обстоятельства перемѣнились вслѣдствіе внутреннихъ споровъ, открывшихся въ этомъ царствѣ и побудившихъ его жителей предложить Готамъ быстрыя на ходу суда свои, названныя камарами и вмѣщавшія въ себѣ, каждое, отъ 25 до 30 человѣкъ. На подобныхъ судахъ, управляемыхъ опытными воспорскими моряками, Готы отправлялись, въ 255 году, въ завѣтную Колхиду, гдѣ находился извѣстный портовый городъ «Pityus», нынѣ Пицунда. Построенный въ древности Греками и затѣмъ разрушенный горцами, онъ снова былъ укрѣпленъ Римлянами, которые подъ начальствомъ энергическаго коменданта Сукцессіана, съ успѣхомъ защищали его отъ Готовъ. Положеніе послѣднихъ даже становилось весьма опаснымъ, потому что они отпустили часть флота своего домой и опасались возстанія прочихъ мелкихъ римскихъ крѣпостей, ими покоренныхъ на пути своемъ. Впрочемъ Готамъ удалось возвра-

титься безъ большихъ потерь. (Объ этомъ походѣ и о слѣдующихъ, см. Bernhardt, Gesch. Roms etc. Berlin, 1867 и Oberdick, Die römerfeindlichen Bewegungen im Orient, Berlin, 1869 — гдѣ приведены источники). Они не замедлили даже предпринять туда же новый походъ, когда узнали, что императоръ Валеріанъ назначилъ Сукцессіана префектомъ преторіанцевъ и перевелъ въ Антіохію, для возстановленія сего города, только что разрушеннаго Персами.

Отправившись въ 256 году, снова на воспорскихъ судахъ, Готы въ этотъ уже разъ не дозволили имъ возвратиться послѣ того, какъ пристали къ берегу близь устья Фазиса (къ югу отъ устья Ріона, при озерѣ «Палiостомо») — въ той мѣстности, въ которой, по преданію, стоялъ нѣкогда дворецъ Аэтеса съ рощею, гдѣ сохранялось золотое руно и гдѣ еще показывали якорь, принадлежавшій Аргонавтамъ. Тутъ же находился городъ Фазисъ, также построенный Милезійцами и превращенный Римлянами въ сильную крѣпость съ гарнизономъ изъ 400 человѣкъ отборнаго войска. Недалеко отъ города возвышалось святилище мѣстной богини, кумиръ которой былъ подобенъ знаменитой статуѣ Фидія въ Метронѣ Аѳинъ и воздвигнутъ, какъ явствуетъ изъ его аттрибутовъ въ честь богини Кибелы[2]). Богатства сего святилища въ особенности прельщали Готовъ; но предпріятіе ихъ неудалось, что и побудило ихъ обратиться снова противъ Питіуса, которымъ въ этотъ разъ они овладѣли. Успѣхъ этотъ побудилъ ихъ попытаться завладѣть Трапезунтомъ, на каппадокійскомъ берегу Понта, основаннымъ жителями города Синопе въ 1 году шестой Олимпіады (стало быть въ одно время съ Римомъ) и отстоявшимъ въ 2260 стадіяхъ, т. е. около 380 верстъ отъ Діоскурія или позднѣйшаго Севастополя, недалеко отъ нынѣшняго Сухумъ-Кале. Трапезунтъ процвѣталъ въ особенности въ римскомъ періодѣ, именно при Траянѣ и Адріанѣ, изъ коихъ первый сдѣлалъ его главнымъ городомъ провинціи, а второй — устройствомъ отличной гавани

[2]) Rhea Cybele, см. Preller, Gr. Myth. I, 502—514.

оказалъ большую услугу матеріальнымъ его выгодамъ. Хотя Трапезунтъ былъ сильно укрѣпленъ и охраняемъ значительнымъ гарнизономъ, тѣмъ не менѣе Готамъ удалось, при безпечности и недостаткѣ дисциплины въ римскомъ войскѣ, ворваться ночью въ городъ, откуда они возвратились лѣтомъ въ 257 году съ несмѣтною добычею. Это побудило ихъ земляковъ предпринять скоро новый походъ, хотя уже, по случаю приближающейся зимы, не моремъ, но сухимъ путемъ.

Прошедши мимо городовъ Истроса, Томи и Анхіала они достигли находящейся недалеко отъ Византіи бухты Филейской, гдѣ, захватя большое число рыбачьихъ лодокъ, переправились на азіатскій берегъ съ цѣлью напасть на Халкедонъ. Овладѣвъ предварительно извѣстнымъ храмомъ Юпитера при выходѣ изъ Чернаго моря, они безъ труда заняли оставленный жителями и гарнизономъ городъ, который разграбили. Подобная участь постигла затѣмъ славные тогда города Никомедію, Никею, Кіосъ, Апамею и Прузу, послѣ чего Готы возвратились весною 258 г. съ огромною добычею, хотя разлитіе Риндака и помѣшало ихъ намѣренію овладѣть главнымъ городомъ Виѳиніи Кизикомъ.

Прекратившіеся на время набѣги Готовъ возобновились съ бо́льшею силою, когда до нихъ дошло извѣстіе о плѣненіи императора Валеріана Персами.

Такъ они, еще въ 262 году, снова проникли во Ѳракію и Македонію, между тѣмъ какъ другіе отряды опустошили Малую Азію, гдѣ между прочимъ разрушили знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ. Два года спустя Готы съ сѣвернаго берега Чернаго моря снова перебрались въ Малую Азію и разоряли Каппадокію и Галатію, пока не принуждены были возвратиться во свояси шедшимъ имъ на встрѣчу владѣтелемъ Пальмиры Оденатомъ. И всетаки Готы, немедленно по смерти императора Галліена въ 268 году, собрались въ новый походъ, по числу участниковъ далеко превышавшій всѣ прежніе ихъ набѣги, если ихъ ополченіе и не доходило до 320,000 человѣкъ, не считая старцевъ, женъ и дѣтей. Во всякомъ случаѣ столь

огромное число людей никакъ не могло бы помѣститься на 2,000[3]) или, пожалуй, на 6,000 судахъ (по Зосиму, I, 42), на которыхъ Готы отправились въ путь съ устья Днѣстра.

Впрочемъ съ самаго начала предпріятія Готамъ пришлось бороться съ разными препятствіями. Уже на Черномъ морѣ многія изъ судовъ погибли отъ бури; другія хотя и приставали къ разнымъ гаванямъ азіатскаго и европейскаго берега, но безуспѣшно: главные изъ прибрежныхъ городовъ удачно отразили враговъ; остальныя же мѣстности, уже разоренныя прежними ихъ набѣгами, еще не успѣли оправиться отъ своего опустошенія и не представляли желанной добычи. Наконецъ часть Готовъ пробралась въ Средиземное море, разграбила острова Родосъ, Критъ и Кипръ, тогда какъ бо̀льшая часть ихъ проникла въ Македонію и осадила главный городъ ея Ѳессалонику. Варвары уже надѣялись имъ овладѣть; вдругъ они узнали, что противъ нихъ выступилъ съ отборнымъ войскомъ императоръ Клавдій, преемникъ Галліена, еще прежде отличившійся въ борьбѣ съ ними. Готы тогда сняли осаду съ Ѳессалоники и отступили къ сѣверу; но они были настигнуты Римлянами, нанесшими имъ рядъ пораженій и окончательно ихъ разбившими въ сраженіи при Наиссѣ (нынѣ Нишъ, въ Сербіи); оно стоило Готамъ 50,000 человѣкъ и доставило Клавдію почетное прозвище «Gothicus» (269).

Въ этой войнѣ отличился въ особенности бывшій потомъ императоромъ Авреліанъ, котораго потому-то именно императоръ назначилъ намѣстникомъ въ Иллиріи, поручивъ въ тоже время тогдашнему префекту Египта (также впослѣдствіи императору) Пробу, съ содѣйствіемъ александрійскаго флота, прекратить разбои Готовъ на морѣ, что Пробъ и выполнилъ безъ большаго труда, такъ какъ Готы, избѣгая встрѣчи съ нимъ, спѣшили возвратиться домой съ набранною въ Архипелагѣ добычею. Безъ сомнѣнія Клавдій, въ письмѣ къ сенату, ужъ слишкомъ увлекается, когда, между прочимъ, говоритъ:

[3]) Hist. Aug. Claud. c. 8; Ammian. Marc. XXXI, 5, 15.

«delevimus trecenta millia Gothorum, duo millia navium mersimus», однако-же пораженіе имъ нанесенное Готамъ было для нихъ весьма чувствительно, какъ можно заключить изъ того, что въ теченіе цѣлаго столѣтія они болѣе уже не нападали на имперію. Правда, ихъ можетъ быть менѣе удерживало римское оружіе, чѣмъ мудрая политика преемника Клавдія, Авреліана, добровольно имъ уступившаго Дакію.

Съ этихъ поръ греческіе и римскіе писатели часто смѣшивали Готовъ, по сходству ихъ имени, съ Гетами (Даками), и сами Готы стали воображать себѣ, что предки ихъ уже обитали въ Дакіи и воевали съ Даріемъ Гистаспомъ и съ Александромъ Македонскимъ. Хотя уже многими учеными и было доказано, что это мнѣніе лишено всякаго основанія, тѣмъ не менѣе оно нашло защитника въ знаменитомъ Яковѣ Гриммѣ, который сверхъ того въ позднѣйшихъ Датчанахъ открылъ потомковъ Даковъ.—Впрочемъ неосновательность его доводовъ, послѣ опроверженія ихъ г. Куникомъ[4]) и др., признана въ ученомъ мірѣ, и я полагаю излишнимъ здѣсь распространяться о нихъ.

Въ новыхъ своихъ жилищахъ Готы сблизились съ понтійскими Греками и въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, мы должны признать одну изъ тѣхъ причинъ, по которымъ они впослѣдствіи отличались отъ своихъ соотечественниковъ высшею степенью образованности и бо́льшими успѣхами въ искусствахъ, тогда еще процвѣтавшихъ въ прежнихъ эллинскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Изъ этихъ колоній многія, въ томъ числѣ Пантикапеонъ, Фанагорія, Ѳеодосія, Танаисъ, входили въ составъ Воспорскаго царства, которое само находилось подъ верховною властью Римлянъ; другія же находились непосредственно въ большей или меньшей зависимости отъ послѣднихъ, какъ-то Тирасъ, Ольвія и Херсонисъ.

Извѣстно, что здѣсь, равно какъ и въ Воспорскомъ царствѣ, съ давнихъ поръ существовали христіанскія общины;

---

[4]) Krit. Bemerk. въ Bull. hist.-phil. VII, № 18—23.

поэтому тамошніе Готы не могли не познакомиться съ обрядами христіанства еще до того времени, когда туда возвращались изъ своихъ набѣговъ на Каппадокію съ плѣнниками, которымъ обыкновенно приписываютъ распространеніе между ними ученія Спасителя.

Дѣйствительно, мы узнаемъ изъ письма епископа неокесарійскаго Григорія, и изъ другаго мѣста его сочиненія, что еще въ 258 году крымскіе Готы исповѣдывали христіанскую вѣру, а именно православіе, такъ какъ около половины 3-го столѣтія не могло быть и рѣчи объ аріанизмѣ[5]). Къ нимъ, безъ сомнѣнія, относится также то, что св. Аѳанасій говоритъ (подъ гг. 319—321) о вліяніи христіанства на варваровъ и о мученической смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, православіе крымскихъ Готовъ явствуетъ изъ того обстоятельства, что къ числу подписавшихъ рѣшеніе Никейскаго собора принадлежалъ *готскій* епископъ Ѳеофилъ, Theophilus Bosporitanus.

Напрасно Кёппенъ (Крымскій Сборникъ стр. 65) хочетъ его отождествить съ извѣстнымъ апостоломъ Готовъ Вульфилою, такъ какъ сей послѣдній скончался около 380 года (по Бесселу, Leben des Ulfilas, до 381 года; по Вайцу, Leben und Lehre des Ulfila, даже въ 388 году), достигши 70-лѣтняго возраста, слѣдовательно во время Никейскаго собора былъ еще малолѣтенъ. Касательно его происхожденія и религіозной дѣятельности ученые еще до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ, что неудивительно при сбивчивости извѣстій, переданныхъ намъ о немъ современными церковными историками. При всѣхъ различіяхъ въ частности, они (Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ) утверждаютъ, будто бы онъ былъ приверженцемъ православія, но затѣмъ, въ угожденіе усердному аріанину императору Валенту, взялся распространить лжеученіе Арія у Готовъ. Но съ подобнымъ взглядомъ трудно согласовать сви-

[5]) Mascov, Gesch. d. Teutschen I, 173, привед. у Pallmann'a, Die Gesch. d. Völkerwanderung, 1863, p. 65, n. 2.

дѣтельство самаго Вульфилы, который въ началѣ своего аріанскаго исповѣданія, говоритъ: «Ego Ulfila semper sic credidi» (Текстъ Фрагмента у Waitz'a, p. 21). Такое же мнѣніе о религіозныхъ его убѣжденіяхъ приводитъ аріанскій историкъ Филосторгій, котораго поэтому Фотій, передавшій намъ извлеченіе изъ его труда, не долженъ былъ назвать прямо лжецомъ (Phot. bibl. № 40). Зато ученый патріархъ едва ли ошибся бы, если бы усомнился въ достовѣрности извѣстія у того же историка, что родители Вульфилы были изъ числа плѣнниковъ, приведенныхъ Готами во время ихъ набѣговъ на Каппадокію; по крайней мѣрѣ, судя по его имени, онъ родомъ былъ скорѣе Готъ, нежели Грекъ или Римлянинъ; чѣмъ впрочемъ еще не рѣшается вопросъ о его происхожденіи, какъ показалъ г. Васильевскій (Житіе Іоанна Готскаго, въ Ж. М. Н. Просв., іюнь 1877, стр. 101), который тутъ же, не безъ основанія, не считаетъ нужнымъ выводить изъ приведенныхъ словъ Вульфилы, что онъ не могъ быть православнымъ христіаниномъ до принятія имъ ложнаго ученія Арія.

Во всякомъ случаѣ можно сказать утвердительно, что, посвященный въ епископы Евсевіемъ († 341) около 340 года въ Константинополѣ, Вульфила былъ посланъ оттуда миссіонеромъ къ Вестготамъ или Тервингамъ (отъ triu, дерево, стало быть нѣмецкіе Древляне), обитавшимъ въ Траяновой Дакіи (Трансильваніи и Валахіи), и въ смежной съ ней части Мизіи (Молдавіи и Бессарабіи), и отдѣленнымъ рѣкою Днѣстромъ отъ Остготовъ или Грейтунговъ (отъ griut, песокъ, степь, Поляне), въ степяхъ между Днѣстромъ и Дономъ, равно какъ и въ Крыму. Тогда какъ православіе рано имѣло послѣдователей между тамошними Готами, западные ихъ собратья были еще язычниками, когда изъ Константинополя къ нимъ возвратился Вульфила. Вѣроятно онъ еще до этого перевелъ для нихъ библію (за исключеніемъ Царственника), составивши предварительно готскій алфавитъ изъ греческихъ буквъ и нѣсколькихъ рунъ.

Подраздѣленные на разныя колѣна, Тервинги управлялись

королями изъ дома Бальтовъ (Balth—отважный), тогда какъ короли Грейтунговъ были изъ дома Амаловъ или Амелунговъ.

Къ нимъ принадлежалъ Эрманрихъ, при которомъ могущество Остготовъ достигло высшей степени.

Кромѣ сродственныхъ Готамъ Геруловъ, обитавшихъ при Меотидѣ, онъ подчинилъ своей власти Языговъ, Роксолановъ, Венедовъ и прибалтійскихъ Аистовъ (Aestii, вѣроятно литовскаго племени). Еще до этого имъ покорены были разные другіе народы сѣвера, имена которыхъ являются у Іорданиса (XXIII) въ столь искаженномъ видѣ, что даже Шафарикъ[6]) отказывается отъ объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ; зато съ нимъ нельзя не согласиться, когда онъ въ остальныхъ узнаетъ имена: Чудь, Мордва, Весь, Меря, Черемись и, можетъ быть, также—позднѣйшихъ Пермяковъ, Ятвяговъ и Голядовъ. Но, если такъ, то авторъ Славянскихъ древностей (428) напрасно упрекаетъ Іорданиса въ томъ, что онъ безсовѣстно (unverschämt) преувеличилъ подвиги Готовъ, въ особенности же Эрманриха, тѣмъ болѣе, что на обширности его завоеваній намекаетъ также Амміанъ (XXXI, 3), когда его называетъ: bellicosissimus rex et per multa variaque fortiter facta vicinis nationibus formidatus, сказавъ предварительно, что ему были подвластны late patentes et uberes pagi. Что главныя дѣйствія его не оставались неизвѣстными и другимъ римскимъ писателямъ, явствуетъ притомъ изъ замѣтки Іорданиса, что «nonnulli majores» сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ. Если же никто изъ нихъ, сколько намъ пока извѣстно, не говоритъ подробнѣе о завоеваніяхъ Эрманриха, то тому причина вѣроятно та, что въ его царствованіе Римляне разъ только столкнулись съ Грейтунгами, и то случайно, когда императоръ Валентъ, усмиривъ возставшаго противъ него родственника Юліана Прокопія, хотѣлъ наказать Тервинговъ за участіе, принятое ими въ дѣлѣ послѣдняго.

Война съ ними началась въ 367 году, продолжалась три

---

[6]) Slav. Alterthümer, I, 304.

года и кончилась миромъ на прежнемъ основаніи, съ нѣкоторыми впрочемъ тягостными для Готовъ ограниченіями. Для насъ эта война имѣетъ мѣстный интересъ, потому что въ ней императоръ проникъ въ нашъ край «далѣе, чѣмъ когда либо прежде посланники» (Ammian. XXVII, 5). Именно, въ 369 году переправившись чрезъ Дунай при Новіодунумѣ, близь нынѣшняго г. Исакчи [7]) въ «barbaricum», или землю Вестготовъ, Римляне, послѣ многихъ переходовъ, добрались до границъ «храбрыхъ» Грейтунговъ, куда предъ ними отступилъ вестготскій начальникъ, «judex potentissimus» Атанарихъ

Такимъ онъ значится у Аммiана; но у другихъ современныхъ писателей онъ титулуется dux ἡγεμών, regulus, и даже rex и βασιλεὺς (ср. Köpke, D. Anfänge des Königthums bei den Gothen). Признавая поэтому ошибочнымъ мнѣніе, часто высказанное, что Атанарихъ былъ только вассаломъ или «генераломъ» Эрманриха (ср. Pallmann, l. l. 85, пр. 2), мы вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваемъ, что чужестранцы не могли себѣ дать отчета въ значеніи перваго между его соотечественниками. Но такъ какъ вышеприведенные титулы примѣняются не

---

[7]) Съ давнихъ поръ съ этой мѣстностью были связаны важныя по своимъ слѣдствіямъ событія. Здѣсь, по всей вѣроятности, переправился чрезъ Дунай Александръ Македонскій (см. ч. I, стр. 40). Что и въ римскомъ періодѣ этотъ важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ не былъ преданъ забвенію, явствуетъ изъ надгробныхъ камней съ латинскими надписями, найденными на противуположной сторонѣ Дуная близь колоніи Карталъ (Зап. Од. Общ., I, 627), откуда начинаются ряды свай въ плавняхъ образуемыхъ рѣкой, т. е. слѣды деревяннаго моста. Въ ближайшія къ намъ времена подобный мостъ могъ только быть построенъ владѣтелями праваго лѣсистаго берега Дуная, но уже не для войска, которое по безлѣсной степи двинулось къ рѣкѣ. Турецкій географъ Гаджи-Хальфа (Hammer, Rumili und Bosna, 33) говоритъ, что султанъ Османъ II, въ походѣ своемъ противъ Польши въ 1029 (1620) г., велѣлъ наводить мостъ при Исакчѣ для переправы своей арміи, причемъ еще замѣчаетъ, что тутъ съ давнихъ поръ была главная переправа Молдаванъ, Татаръ и Венгерцевъ. Въ 1789 г. 90,000 Турокъ перешли чрезъ Дунай по мосту у Исакчи, откуда двѣ трети отправились, къ своему несчастію, на встрѣчу Суворову, оставивъ остальную часть стражею у моста.

Къ этому времени относятся вѣроятно сваи, сохранившіяся понынѣ въ плавняхъ картальскихъ.

только къ имени Атанариха, но и другаго современнаго ему предводителя Вестготовъ, Фритигерна, то ясно, что у нихъ еще не водворилось единодержавіе въ то время, когда у Остготовъ вся власть была сосредоточена въ рукахъ Эрманриха.

Немедленно по заключеніи мира съ Римлянами, Атанарихъ началъ преслѣдовать христіанскихъ своихъ соотечественниковъ; главою же ихъ является Фритигернъ. Въ 371 году между ними даже возгорѣлась война, заставившая Фритигерна съ своими приверженцами прибѣгнуть подъ покровительство Римлянъ. Примѣру его вскорѣ спустя принужденъ былъ послѣдовать и Атанарихъ съ остальными Тервингами по случаю нашествія Гунновъ, въ которыхъ нельзя не подозрѣвать народъ монгольскаго племени, если судить по тому впечатлѣнію, какое они видомъ и образомъ жизни своей произвели какъ на Римлянъ, такъ и на Готовъ (Ammian. XXX, 2; Iornand. XXIV).

Дѣйствительно, въ ученомъ мірѣ и теперь еще преобладаетъ мнѣніе, высказанное еще Дегинемъ (Hist. des Huns), что Гунны не по одному только имени, но и по происхожденію, сходны съ монгольскимъ народомъ Гіонгъ-ну (Hiong-nou), который, вышедши изъ страны, лежащей къ сѣверу отъ степи Гоби, покорилъ Манджуровъ, опустошилъ сѣверныя области Китая и успѣлъ, не смотря на воздвигнутую противъ него Великую стѣну (около 200 г. до Р. Х.), покорить все «Поднебесное» царство, гдѣ удержался до 90 г. по Р. Х. Ослабленные междоусобіями и голодомъ Гіонгъ-ну или Гуны (Гунны) принуждены были удалиться въ IV столѣтіи изъ своихъ степей болѣе въ западу, а затѣмъ собрались въ двѣ массы: одна поселилась при рѣкѣ Оксѣ, гдѣ стала извѣстною своимъ сосѣдямъ подъ названіемъ Гефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ; другая проникла чрезъ Уралъ и, двинувшись оттуда къ западу, столкнулась съ Аланами.

Нужно однако замѣтить, что нѣкоторые ученые, какъ то: Клапротъ, Сенъ-Мартенъ, Шафарикъ и Палацкій, въ Гуннахъ не хотятъ видѣть Монголовъ, но народъ турецкаго или же

уральскаго племени, обитавшій въ сѣверо-западной Азіи и съ которымъ, по переходѣ его въ Европу, соединились его собратья, съ нетерпѣніемъ носившіе иго Эрманриха. Считая преувеличенными извѣстія, переданныя намъ современниками, о странномъ видѣ Гунновъ, противники монгольскаго ихъ происхожденія въ особенности ссылаются на сходство именъ гуннскихъ съ финскими (?) и тюркскими; но это обстоятельство едва ли можетъ поколебать мнѣніе, основанное на единогласномъ свидѣтельствѣ современниковъ объ образѣ жизни и чисто монгольскомъ типѣ Гунновъ, особенно, если взять во вниманіе, что къ нимъ безъ сомнѣнія присоединились, подобно тому, какъ въ послѣдствіи къ полчищамъ Чингизхана, покоренныя ими на пути своемъ финскія и тюркскія племена. Вѣдь извѣстно, что въ теченіи времени коренной языкъ татарскій раздѣлился на три вѣтви болѣе или менѣе подходящія къ финскому языку: но это сходство не можетъ служить доказательствомъ сродства народовъ столь различныхъ физически. Къ тому же Эдвардсъ [8]) встрѣтилъ въ числѣ Мадьяровъ, т. е. предполагаемыхъ потомковъ Гунновъ, смѣшавшихся съ Финнами и Тюрками, не мало такихъ, которыхъ не могъ не причислить къ Монголамъ и тѣмъ подтвердилъ мнѣніе Дегиня физіологическими причинами. Наконецъ извѣстіе западныхъ писателей о движеніяхъ воинственныхъ Гунновъ совершенно согласно съ тѣмъ, что китайскіе лѣтописцы говорятъ о своихъ Гіонгъ-ну. Правда, у нихъ нѣтъ намёка на отвратительный видъ сихъ послѣднихъ; но это именно доказываетъ, что они были Монголы, а не Финны или Турки: ибо Китайцы, будучи сами монгольскаго племени, не могли найти ничего страннаго или отвратительнаго во внѣшнемъ видѣ Гіонгъ-ну. Такимъ имъ казался, наоборотъ, видъ народовъ кавказскаго поколѣнія; такъ, наприм., ихъ поражали глубоко лежащіе глаза и высокій носъ Турокъ и другихъ народовъ этой рассы.

---

[8]) Des caract. physiol. des races humaines, ср. Neumann, Die Völker d. südl. Russl. 2 изд. 30.

Какъ бы то ни было, Гунны подъ предводительствомъ Баламбера (или Баламира) напали на Алановъ около 372 г. и разбили ихъ близь рѣки Танаисъ. Часть побѣжденныхъ тогда къ нимъ присоединилась и вмѣстѣ съ ними отправилась далѣе къ западу; изъ остальныхъ, не желавшихъ лишиться свободы, одинъ отрядъ удалился въ Германію; прочіе искали убѣжища на Кавказѣ, гдѣ потомки ихъ донынѣ сохранились подъ именемъ Осетовъ, рѣзко различаясь отъ другихъ горцевъ видомъ своимъ, нравами и языкомъ, надъ которыми успѣшно трудились С.-Петербургскіе академики Шёгренъ и Шифнеръ, доказавшіе, между прочимъ, что этотъ народъ, который самъ себя называетъ Ironъ, и въ которомъ нельзя не узнать Ясовъ нашихъ лѣтописцевъ, равно какъ и Аасъ или Асъ средневѣковыхъ путешественниковъ, хотя и принадлежалъ къ Иранцамъ, но не имѣетъ ничего общаго съ миѳическими готскими ансами=âсами, или людьми, одаренными божественными качествами, съ которыми ихъ отождествляли Шафарикъ, Гриммъ, Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ и другіе изслѣдователи.

При приближеніи Гунновъ и Алановъ подвластные Остготамъ народы возстали, именно первые Роксоланы, обитавшіе тогда при Азовскомъ морѣ. Старецъ Эрманрихъ, отчаявшись въ судьбѣ своего государства, самъ лишилъ себя жизни. Сынъ его Гунимундъ и большая часть Остготовъ тогда покорились Гуннамъ и даже помогали имъ въ борьбѣ ихъ съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые, подъ предводительствомъ родственника Эрманриха Витимера, пытались имъ противиться; но по смерти его въ одномъ сраженіи, эти Готы принуждены были отступить за Днѣстръ.

Въ ихъ сосѣдствѣ также сталъ лагеромъ Атанарихъ съ своими Вестготами, но не могъ удержаться въ этой позиціи, поелику Гунны обошли ее, переправившись чрезъ рѣку. Тогда уже Атанарихъ искалъ убѣжища за высокою стѣною, тянувшейся, вдоль по области Тайфаловъ, между Дунаемъ и Герасомъ, безъ сомнѣнія тождественнымъ съ Іерасомъ Птолемея (Арамомъ Геродота), стало быть не Прутомъ, но Серетомъ.

Стѣна сія, вѣроятно существовала со временъ Траяна и конечно не должна быть смѣшиваема съ такъ называемымъ Траяновымъ валомъ, перерѣзывающимъ Бессарабію, и Румынами напрасно приписываемымъ «лучшему» изъ римскихъ императоровъ, подобно тому какъ они же мѣсто ссылки Овидія изъ города Кюстенджи перемѣщаютъ къ Днѣстровскому лиману.

Впрочемъ, Атанарихъ, убѣдившись въ невозможности бороться съ преслѣдовавшими его Гуннами, предпочелъ оставить свою позицію между Дунаемъ и Герозомъ и удалиться далѣе на западъ въ окруженную горами область «Каукаландъ», населенную тогда Сарматами (Amm. Marc. XXXI, 4), которые имъ были изгнаны и вѣроятно тождественны съ Iazyges Metanastæ Птолемея или Sarmatæ Limigantes позднѣйшихъ римскихъ писателей.

Между тѣмъ, главныя силы Тервинговъ подъ начальствомъ Фритигерна спѣшили къ Дунаю съ намѣреніемъ перебраться на правый берегъ этой рѣки. Валентъ, находясь въ Антіохіи, старался распространить ученіе Арія и слѣдовалъ за движеніями Персовъ, когда предъ нимъ явились посланники вестготскіе съ просьбою дозволить имъ переселеніе во Ѳракію. Должно думать, что Созоменъ (VI, 3, 7) только по недоразумѣнію могъ сказать, что въ числѣ этихъ посланниковъ находился и старецъ Вульфила, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности (сравн. Pallmann, 71 и 79) еще около 348 года, со многими изъ своихъ приверженцевъ, не желая подвергаться преслѣдованіямъ Атанариха, съ согласія императора Констанція, переселился въ южную часть Нижней Мизіи, около Никополя (нынѣ Никюби на Янтрѣ, близь Систова).

Такъ какъ, если не самъ Фритигернъ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ его сподвижниковъ были послѣдователями Арія, то императоръ согласился на ихъ прошеніе, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Вестготы предварительно выдали свое оружіе и дѣтей знатнѣйшихъ особъ въ видѣ заложниковъ. Но первое изъ этихъ условій не было исполнено по корыстолюбію римскихъ чиновниковъ; тѣ же чиновники, по переходѣ чрезъ

Дунай 200,000 Готовъ съ семействами и рабами, не давали имъ средствъ пропитанія иначе, какъ за огромную цѣну. Доведенные наконецъ до отчаянія, Готы возмутились и начали опустошать страну, а тутъ еще присоединились къ нимъ пришедшіе изъ-за Дуная отряды Тайфаловъ, Алановъ и Сарматовъ, равно какъ и бѣжавшіе предъ Гуннами Грейтунги подъ начальствомъ Алатея и Сафраха.

Соединенныя ихъ силы два года боролись съ Римлянами, военная дисциплина которыхъ, крѣпости и арсеналы давали полководцамъ Валента возможность противустоять своимъ врагамъ. Но послѣ блистательной побѣды, одержанной 9 августа 378 года при Адріанополѣ надъ императоромъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи, Готы проникли до окрестностей Константинополя и затѣмъ безпрепятственно проходили по всѣмъ провинціямъ, раздѣлившись на два отряда. Тогда какъ Вестготы, опустошая все на пути своемъ, дошли до границъ Ахаіи, Остготы съ Аланами по своему хозяйничали въ сѣверныхъ частяхъ полуострова, пока императоръ Граціанъ не примирился съ ними, уступивъ имъ Паннонію съ Верхней Мизіей. Возстановленіе же мира на Востокѣ онъ поручилъ новому своему соправителю Ѳеодосію, которому дѣйствительно это удалось, хотя не столько силою оружія, сколько хитрою политикою, причемъ ему много благопріятствовала случившаяся во время смерть Фритигерна. Его Вестготы получаютъ жилища во Ѳракіи и отчасти вступаютъ въ службу императорскую, подобно ихъ соотечественникамъ, вытѣсненнымъ Остготами изъ Кавказа и, по приглашенію Ѳеодосія, переселившимся въ имперію подъ своимъ начальникомъ старцемъ Атанарихомъ. Даже по смерти его (25 января 381 года) въ Константинополѣ, дружескія сношенія между Римлянами и Вестготами не прерывались; они продолжали служить въ римскомъ войскѣ въ видѣ союзниковъ (foederati); какъ «колоны» переселяются отчасти изъ Ѳракіи въ Виѳинію и Фригію и, по свидѣтельству Ѳемистія[9])

[9]) De regno, ed. Petav. 23, прив. у Körke, 117.

оказываются столь же отличными домоводами, какъ прежде — воинами.

По удаленіи Тервинговъ изъ прежнихъ своихъ жилищъ между Дунаемъ и Днѣстромъ, Грейтунги изъ-за послѣдней рѣки мало по малу проникли далѣе на западъ, находясь до временъ Аттилы († 453) въ бо́льшей или меньшей зависимости отъ Гунновъ и отчасти даже смѣшавшись съ ними. Еще предводитель ихъ Баламиръ избралъ себѣ супругою княжну изъ дома Амаловъ, Валадамару, и многіе члены сего дома занимали потомъ важныя мѣста въ гуннскомъ войскѣ, тогда какъ по Іорданису (IX), многіе Готы стали называться гуннскими именами: Gothi plerumque mutuantur Hunnorum (nomina). Но бывало и наоборотъ, что, впрочемъ, неудивительно, ибо Готы безъ сомнѣнія отъ своихъ побѣдителей отличались гораздо высшей степенью образованности. Дѣйствительно, новѣйшіе ученые (см. Köpke, 137) узнаютъ готское имя Мундавехъ въ имени отца Аттилы Мундіохъ, въ именахъ его дядей Руа и Откаръ—Ругила и Отара, и готскими же признаютъ имена Бледы и самаго Аттилы. По смерти послѣдняго, Готы, подобно другимъ народамъ ему подчиненнымъ, отложились изъ-подъ власти Гунновъ и затѣмъ участвовали въ сраженіи при Нетадѣ, гдѣ могущество сихъ послѣднихъ было окончательно сокрушено. Тогда уже Готы, съ согласія императора Маркіана, переселились къ своимъ собратьямъ въ Паннонію, а затѣмъ, послѣ многихъ войнъ съ Греками и готскими же ихъ союзниками, въ Нижнюю Мизію, откуда, съ согласія императора Зенона, въ 488 году отправились подъ предводительствомъ своего короля Теодериха въ Италію, гдѣ какъ извѣстно, удержались до временъ Юстиніана.

Между тѣмъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря являются господствующими сродственныя племена Славянъ и Антовъ (Іорданисъ, V), явно потомки тѣхъ Венетовъ, которые подъ верховной властью Эрманриха обитали къ югу отъ покоренныхъ имъ же Финновъ и Литовцевъ. Славяне именно жили въ лѣсахъ и болотахъ между Вислою, Днѣстромъ, городомъ «Civi-

tas nova» (Новіодуномъ) и озеромъ Musianus, не при Мурзіи на Дравѣ [10]), но при озерѣ Рамзинъ (см. I, стр. 41). Жилища же Антовъ, болѣе храбрыхъ чѣмъ первые, находились въ прибрежномъ краѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, а по Прокопію (B. G. V, 474), простирались даже до Меотиды, къ сѣверу отъ кочевьевъ гуннскихъ Кутургуровъ. Имъ то была отдана Юстиніаномъ опустошенная область къ сѣверу отъ Дуная (см. ч. I, стр. 167), стало быть та самая, гдѣ прежде обитали Тервинги и куда доходили жилища готскихъ Гепидовъ. Этимъ объясняется, почему еще въ IX столѣтіи готскій языкъ употреблялся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились жилища Тервинговъ во времена Амміана. По крайней мѣрѣ у Валафрида Страбона (De rebus eccles. 7) читается слѣдующій разсказъ, переданный ему миссіонерами: «Gothi, qui et Getae, eo tempore, quo ad fidem Christ perducti sunt, in Graecorum provinciis commorantes, nostrum id est theodiscum sermonem habuerunt et, ut historiae testantur, postmodum studiosi illius gentis divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerunt, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur. Et fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione divina hactenus recitari officia».

Неудивительнымъ было бы также, если бы въ числѣ христіанскихъ священниковъ, которыхъ Болгары застали въ Мизіи при своемъ вторженіи въ эту страну [11]), были и готскіе. Но въ этомъ случаѣ мы имѣли бы право приписать также Готамъ изсѣченныя въ скалахъ днѣстровскихъ церкви и кресты, слѣды которыхъ, отчасти понынѣ сохранившіеся, замѣтны были уже во время Константина Багрянороднаго [12]) на обращенной къ Болгаріи сторонѣ рѣки.

---

[10]) См. Rösler, Zeitpunkt d. slav. Ans. an d. Donau, въ Sitzb. d. Wiener Acad. phil. hist. Cl. 1873, I, 37; ср. Schafarik, Sl. Alt. II, 660.

[11]) Schafarik, Sl. Alt. II, 162.

[12]) De adm. imp. c. 37.

Какъ долго сохранилось воспоминаніе о пребываніи Готовъ въ этихъ мѣстахъ, видно изъ того, что Матвей Эдесскій [13]), говоря о событіяхъ случившихся въ Болгаріи около 1041 г., называетъ ее Готіею, la contrée de Goths. По Кедрину (II, 532,3) главную роль тамъ тогда игралъ племянникъ царя Самуила, Алусіанъ, тогда какъ приведенный армянскій писатель (p. 34) самого Самуила называетъ Алусіаномъ, согласно съ Самуиломъ Анійскимъ [14]), у котораго онъ, кромѣ того, названъ Готомъ (Кутъ), быть можетъ потому, что онъ его смѣшалъ съ предшественникомъ Самуила Куртомъ, о которомъ говоритъ Асохигъ (пер. Эмина, 175). По сему же автору Самуилъ изъ родины своей, армянской области Дерджанъ, вмѣстѣ съ братьями былъ переведенъ въ Македонію, бѣжалъ оттуда въ Болгарію и овладѣлъ тамошнимъ престоломъ, упраздненнымъ по смерти послѣдняго Дулоида. По другимъ же авторамъ [15]), Самуилъ только воцарился по низверженіи и ослѣпленіи роднаго отца Шишмана, котораго Гильфердингъ напрасно отождествляетъ съ Мокромъ у Анны Комниной (VIII, 3), такъ какъ она подъ этимъ именемъ явно разумѣла Крума, если судить по приведенному самимъ Гильфердингомъ мѣсту изъ сочиненія царевны. Но въ такомъ случаѣ Самуилъ не могъ быть Армянинъ, но принадлежалъ къ дворянской фамиліи болгарской, въ чемъ лучшіе знатоки исторіи Болгаръ уже не сомнѣваются (Jireček, Gesch. der Bulgaren, 189). Если же Тервинги такъ долго удержались при нижнемъ Дунаѣ и Днѣстрѣ, то и объяснилось бы, почему Анты, съ ними смѣшавшись, стали называться Тиверцами, пободно тому какъ въ послѣдствіи Рѳсы, ославянившись, передали свое имя Полянамъ, или же какъ южные Славяне, смѣшавшись съ Болгарами, стали называться ихъ именемъ.

Въ устахъ Славянъ Тервинги легко могли быть перенме-

---

[13]) Chronique etc. trad. p. Dulaurier, p. 72.

[14]) Lebeau, H. du Bas-Emp. XIV, p. 183.

[15]) См. Гильфердингъ, Собр. Соч. I, 199 и 195.

нованы въ Тиверцевъ, подобно тому какъ они передѣлали на свой ладъ многія другія готскія слова, получившія право гражданства въ ихъ языкѣ [16]).

Впрочемъ, слова эти могли быть отчасти заимствованы Антами и вообще Венедами не у Вестготовъ, но у Остготовъ, съ которыми и послѣ временъ Эрманриха не переставали быть въ сношеніяхъ. Къ этимъ Готамъ должны быть отнесены т. н. Тетракситы, которые во времена Юстиніана обитали на азіатской сторонѣ Воспора Киммерійскаго, въ области именуемой Прокопіемъ Эвлисіею (Εὐλυσία) и находившейся въ окрестностяхъ нынѣшней Анапы, занимающей мѣсто Синдики или Синдикской гавани древнихъ авторовъ. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ отъ непоименованнаго автора Перипла Понта Эвксинскаго [17]), что около того времени, когда писалъ Прокопій, Синдика уже называлась Эвдусіею (Εὐδουσία), и что береговой край между этимъ портомъ и нынѣшнимъ Геленджикомъ (Pargae portus qui nunc Heptali portus vocatur), гдѣ прежде обитали Керкеты или Тореты, населенъ былъ тогда Эвдусіанами, которые говорили *готскимъ* и *таврскимъ* языкомъ.

Изъ другаго мѣста сего же Перипла явствуетъ, что подъ языкомъ таврскимъ здѣсь разумѣется аланскій и потому можемъ догадываться, что Аланы слѣдовали примѣру Готовъ, когда они рѣшились переселиться изъ Крыма въ Эвдусію или, такъ какъ Анапскій портъ, нынѣ незавидный, былъ въ тѣ времена весьма удобенъ, правильнѣе Эвлисію (Эвдусію), въ сообществѣ Утургуровъ, которымъ дотолѣ противустояли съ успѣхомъ, не только по причинѣ труднаго доступа къ ихъ жилищамъ, но и потому, что они были храбрѣе всѣхъ другихъ варваровъ. Въ ихъ имени Cassel (Der chazarische Königsbrief, 1876 стр. 21) узнаетъ худое чтеніе вмѣсто Тетрархиты, на томъ основаніи, что они по принятію христіанства еще въ Крыму, примѣнили къ своимъ владѣніямъ тогдашнее раз-

[16]) См. списокъ подобнымъ словамъ у Шафарика l. l. I, 429.

[17]) Fragm. hist. graec. 1870 p. 181, 182.

дѣленіе Палестины на четыре области, управляемыя тетрархами, для различенія отъ таврическихъ своихъ соотечественниковъ еще не принявшихъ св. крещеніе.

Въ новыхъ своихъ жилищахъ закавказскіе Готы, узнавъ, что къ *ближайшимъ ихъ сосѣдямъ Абасгамъ* былъ посланъ епископъ изъ Константинополя, отправили туда же въ 547 году четырехъ посланниковъ съ просьбою, чтобы императоръ и къ нимъ послалъ новаго епископа, разумѣется православнаго; должно думать, что и крымскіе ихъ предки никогда небыли приверженцами Арія, хотя Прокопій оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. По крайней мѣрѣ намъ, кромѣ вышеприведеннаго епископа Θеофила, извѣстенъ еще одинъ изъ его преемниковъ Унила, посланный къ крымскимъ Готамъ Іоанномъ Златоустомъ около 400 года (Bessel, Leben des Ulfilas, 115).

Вѣроятно просьба Тетракситовъ была исполнена императоромъ Юстиніаномъ, такъ какъ они затѣмъ, числомъ 2,000 человѣкъ, *перешедши чрезъ Танаисъ*, вмѣстѣ съ Утургурами нанесли сильное пораженіе Кутургурамъ, врагамъ имперіи.

Дальнѣйшая судьба Тетракситовъ намъ неизвѣстна. Развѣ только можемъ догадываться, что къ нимъ принадлежали тѣ «Готы», которые *вмѣстѣ съ Гуннами, Аланами* и *Лазами* принимали участіе въ возстаніи самозванца Θомы противъ Михаила II[18]) въ 823 году. Въ этомъ случаѣ Тетракситы могли также находиться въ войскѣ, съ которымъ абхазскій князь Беръ, обитавшій за горами, въ землѣ Сарматовъ, напалъ въ 943 году на городъ Карсъ съ тѣмъ, чтобы тамошняя церковь Апостоловъ была передана Армянами послѣдователямъ православія. Такъ какъ грузинскіе лѣтописцы вовсе не знаютъ абхазскаго князя по имени Беръ, то г. Броссе[19]) готовъ видѣть въ этомъ Берѣ Черкеса или Кабардинца; но съ подобнымъ же правомъ мы могли бы узнавать въ немъ потомка поселившагося на границѣ Абхазіи царя или князя Тетракситовъ,

[18]) Lebeau, XIII, 48, пр. 4.

[19]) Inscript. géorg. въ Mém. de l'Ac. de S. P. VII S. VIII, № 10, p. 4.

коего столица нынѣшнимъ именемъ своимъ «Анапа» вѣроятно обязана Абхазамъ[20]).

Имя это, превращенное на компасовыхъ картахъ въ «mapa» (мапа) близко подходящее къ имени Anaph — Urden'a, который при Цимисхіѣ былъ протоспаѳаромъ Дерджана, т. е. родины вышеприведенныхъ Алусіановъ, напоминающихъ, хоть подобозвучіемъ именъ, позднѣйшихъ аріянскихъ Лузиньяновъ и прежнихъ готскихъ Эвлусіановъ.

Подобнымъ образомъ готское имя Theodahad отзывается въ имени грузинскаго вельможи Thevdat, между тѣмъ какъ имя Tykeikus[21]), бывшее съ давнихъ поръ въ употребленіи у Готовъ, не слишкомъ различествуетъ отъ греческой формы имени сына Тевдата, Джоджика, т. е. Τζιτζιχίος, который въ 1016 г. былъ комендантомъ крѣпости Доростоль (Cedr. II, 465).

Такъ какъ этотъ «патрицій» Джоджикъ или Цицикій былъ еще въ живыхъ въ 1036 году, то г. Броссе едва ли не ошибается, считая его однимъ и тѣмъ же лицомъ съ «княземъ князей»[22]) Джоджикомъ, участвовавшимъ въ усмиреніи возставшаго противъ Василія II Барда Склера въ 976 году; достаточнымъ было сказать, что оба Джоджика были членами одной и той же фамиліи, dont la généalogie ne nous est pas autrement connue.

Къ этой, пока еще неизвѣстной, фамиліи могла также принадлежать «Царева дочь изъ Обезъ», на которой Изяславъ Мстиславичъ женился въ 1154 году. По крайней мѣрѣ молчаніе грузинскихъ лѣтописцевъ объ этомъ бракѣ заставляетъ думать, что супруга великаго князя не была изъ роду грузино-абхазскихъ царей (Brosset, Add. 289). Посему самому позволено будетъ спросить, не могла-ли эта царевна быть родственницею князя Тетракситовъ, еще удержавшихся въ краю, примыкающемъ къ владѣніямъ князей Тмуторокапскихъ?

---

[20]) Cp. Schiefner, Abchas. Studien, въ Mém. VII S. V, № 12: ànap., nap., anapy.

[21]) Diefenbach, Vergl. W. B. II, 787.

[22]) Add. à l'Hist. de la Géorgie, 177.

Напрасно г. Ламбинъ [23]) считаетъ себя въ правѣ отождествить этихъ Готовъ азіатскихъ съ тѣми ихъ родичами, о которыхъ Прокопій говоритъ въ другомъ сочиненіи (De Aedificiis, III, 7), а именно: что послѣ того, когда главная масса Остготовъ перебралась въ Италію, они не хотѣли туда слѣдовать за Теодерихомъ, но остались въ прекрасной приморской странѣ Дори (Δόρυ) между Херсономъ и Воспоромъ, которые тогда еще входили въ составъ Византійской имперіи. Затѣмъ Прокопій еще говоритъ, что изъ числа этихъ Готовъ 3,000 человѣкъ служили въ войскѣ императорскомъ и что обитатели области вообще отличались храбростью, любовью къ земледѣлію и услужливостью чужестранцамъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, прибавляетъ секретарь Велисарія, императоръ велѣлъ построить замки Алустонъ и Горзубитовъ. Развалины этихъ замковъ донынѣ видны на южномъ берегу Крыма, и посему мы должны искать приморскую страну Дори въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, хотя уже не на южномъ, но на сѣверномъ склонѣ Таврическихъ горъ, какъ показалъ г. Карауловъ (Древнее Сюренское укрѣпленіе, въ Новоросс. Календ. на 1870 г.)

Подобно тому какъ донынѣ никому не удалось объяснить, почему именно Прокопій тѣхъ Готовъ, которые переселились на восточный берегъ Чернаго моря, называетъ Тетракситами, а страну, гдѣ они водворились—Эвлусіею, ученые еще расходятся въ мнѣніяхъ касательно значенія названія области, гдѣ удержались крымскіе родичи Тетракситовъ.

Тогда какъ Дюбуа [24]) и другіе авторы думаютъ, что область эта названа была Дори по дубамъ, въ ней растущимъ, Am. Thierry (H. d'Attila I, 353) хочетъ насъ увѣрить, что это слово есть ничто иное, какъ галльское или киммерійское названіе горной части Крыма, «доръ» или «торъ», превратившееся въ устахъ Грековъ въ Тавриду. Съ своей стороны я

[23]) Походъ Олега и пр. въ Ж. М. Н. Просв., іюль 1873 г., стр. 127 и его же разсужденіе о Тмуторокапской Руси, январь 1874.

[24]) Voy. autour du Caucase, VI, 224.

считалъ себя въ правѣ слышать въ названіи области отголосокъ армянской формы слова Таврида, т. е. Дорось, такъ какъ Прокопій извѣстіямъ своимъ о Крымѣ скорѣй могъ быть обязанъ Армянамъ, нежели какимъ бы то ни было потомкамъ древнихъ Киммеріанъ. Но и съ этой гипотезой трудно согласовать то обстоятельство, что Прокопій явно различаетъ область Дори отъ Тавриды, подъ которой разумѣетъ, подобно Геродоту, всю горную часть полуострова. Поелику-же древнее названіе сего края безъ сомнѣнія не было неизвѣстно и Готамъ, то придется допустить, что они, произнося по своему слово Таврида, замѣнили его словомъ daur, daura, porta, janua, что̀ и побудило Прокопія называть лишь область ими занимаемую Дори. Готское daura, въ связи съ словомъ stuls, престолъ, слышится также въ названіи вышеприведенной крѣпости Δορύστολος или Δορύστολον (Leo Diac. VIII, 9), исправленной при Юстиніанѣ и въ окрестностяхъ которой также остались Готы изъ тѣхъ, которые не послѣдовали за Теодерихомъ въ Италію (Proc. B. P. I, 8).

Нужно однако замѣтить, что послѣ временъ Прокопія предѣлы области Дори были раздвинуты до самаго Херсона включительно, судя по смыслу подписи присутствовавшаго на соборѣ 692 года Георгія: ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δώραντος. Кёппенъ (Кр. Сборн. пр. 79) въ отношеніи къ этой подписи довольствуется ссылкою на Le Quien'a (Or. christ. I, 1333), который только говоритъ: «Quid vox Dorantis significet, me nescire fateor». Въ свою очередь о. Макарій (Ист. Хр. до Влад.) выводитъ изъ этой подписи, что готская епархія была по видимому въ зависимости отъ херсонскаго епископа. «Но» замѣчаетъ пр. Иннокентій Херсонскій [25]) «такъ могъ подписаться онъ (Георгій) и въ другомъ смыслѣ, наприм., по странѣ Дори, которая обнимала собою и Херсонъ». Что таковъ дѣйствительно смыслъ подписи, въ томъ убѣждаетъ насъ то, что и въ составленномъ въ IX столѣтіи пр. Епифаніемъ опи-

[25]) См. его Зап. о Епархіи Готской, въ Херс. Епар. Вѣд. 1862 г., стр. 169.

саніи подвиговъ св. апостола Андрея Херсонисъ названъ городомъ Готовъ [26]).

Даже въ папской буллѣ 1333 года о назначеніи епископа херсонскаго еще читается: In terra Gothiae locus Chersona vocatus [27]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ это время въ составъ Готіи уже входилъ, кромѣ области Дори и Ираклійскаго полуострова, весь южный берегъ между Балаклавою и Алуштою, гдѣ населеніе отчасти состояло изъ Готовъ, туда вѣроятно мало по малу переселившихся изъ области Дори чрезъ Байдарскую долину, входившую въ составъ этой области.

Не подлежитъ сомнѣнію, что по ея имени была названа лежащая на границѣ Готіи крѣпость Доросъ или Дорасъ, куда изъ Херсона бѣжалъ экс-императоръ Юстиніанъ II, который затѣмъ женился на Θеодорѣ, сестрѣ хазарскаго кагана, переселившись въ Фанагорію, гдѣ тогда находился хазарскій намѣстникъ или *тудунъ*, также какъ и въ Херсонѣ, гдѣ однако же власть императора была возстановлена нѣсколько лѣтъ спустя (710) силою оружія среди ужаснѣйшихъ жестокостей.

Замѣчательно, что у Хазаръ являются тудуны только въ двухъ городахъ, смежныхъ съ жилищами Готовъ и входившихъ, по крайней мѣрѣ первый изъ этихъ городовъ, даже въ составъ Готіи. Что отъ Хазаръ слово тудунъ перешло къ Монголамъ, видно изъ устава генуэзскихъ колоній въ Газаріи, гдѣ говорится о сановникѣ, который названъ «Titanus seu Vicarius Canluchorum» [28]). Другихъ титановъ или тудуновъ наши Монголы не знаютъ. Изъ прочихъ восточныхъ народовъ, перешедшихъ въ Европу, одни только Вархониты имѣли своихъ тудуновъ; но этотъ именно гуннскій народъ, выдававшій себя за Аваровъ, имѣлъ случай также близко познакомиться съ Готами, какъ во время своего скитальчества по нашимъ степямъ,

---

[26]) Муравьевъ, Житія Святыхъ Росс. Ц., ноября, 442.

[27]) Theiner, Vetera mon. Pol. et. Litth. hist. illustrantia, I, 347.

[28]) Зап. Одесск Общ. Ист. и Древн. V, 763.

такъ и послѣ своего перехода въ Паннонію. О тамошнихъ аварскихъ или гуннскихъ тудунахъ или туданахъ (Thodanus) упоминаютъ разные нѣмецкіе анналисты [29]). Поелику же слово это не только по созвучію, но и по своему значенію близко подходитъ къ готскому слову thiudans, rex, dominator, то я позволилъ себѣ спросить, дѣйствительно ли, какъ обыкновенно думаютъ, тудунъ чисто турецкое слово и уже никакъ не могло быть заимствовано Хазарами и псевдо-Аварами у Готовъ? Это воззрѣніе г. академикъ Куникъ считаетъ ошибочнымъ въ сочиненіи своемъ, вышедшемъ въ 1874 г. [30]), приводя убѣдительные доводы въ пользу мнѣнія имъ уже прежде высказаннаго [31]), что слово Тудунъ происходитъ отъ турецкаго глагола «тутъ» (держать) и означаетъ, подобно итальянскому tenente, намѣстника. Но если г. академикъ правъ, въ чемъ я теперь уже не сомнѣваюсь, то мнѣ кажется, что Клавихо [32]) видѣлъ въ этомъ титулѣ собственное имя, когда говоритъ, что 8 лѣтъ до проѣзда пословъ кастильскихъ чрезъ большой городъ Кальмаринъ (т. е. до 1404 года), онъ былъ разрушенъ императоромъ татарскимъ «Tetani».

Приводя это мѣсто изъ дневника Клавихо, г. Ханыковъ [33]) прибавляетъ отъ себя, что тутъ явно подразумѣвается извѣстный походъ Тохтамыша въ Арменію и Адербендшанъ 727 года (1386 п. Р. Х.); по этому, полагаетъ онъ, придется видѣть въ 8 годахъ опечатокъ вмѣсто 18, дѣйствительно протекшихъ съ 1386 года до 1404. Какъ бы то ни было, не могу не согласиться съ г. Ханыковомъ, что Клавихо тутъ говоритъ о городѣ Сурмали, тѣмъ болѣе, что самъ я еще прежде его, могъ указать на это тождество [34]). Но я не думаю, что Кла-

---

[29]) У Pertz'a, Scr. I, 180 et passim.

[30]) О запискѣ готскаго топарха и пр. въ XXIV т. Записокъ И. Акад. Наукъ.

[31]) Die Berufung der schwed. Rodsen II, 261.

[32]) Hist. del Gran Tamorlan, Madrid, 1782 стр. 102.

[33]) Иранъ, С.-П. 1874, стр. 588.

[34]) Путеш. И. Шильтбергера, въ I т. Зап. Новор. Унив., стр. 42.

вихо подъ своимъ императоромъ Тетани могъ разумѣть Тохтамыша, уже по той причинѣ, что онъ послѣдняго всегда называетъ «Totamix», между прочимъ на той страницѣ дневника, гдѣ описываетъ походъ его 1393 года въ область имъ снова упомянутаго города Кальмаринъ. Притомъ еще спрашивается, участвовалъ ли Тохтамышъ лично въ набѣгѣ его полководцевъ на Арменію въ 1386 году и былъ ли имъ городъ Сурмали или Сурбмали именно тогда взятъ и разрушенъ [35]).

Наконецъ мы узнаемъ отъ Шерефъ-Эддина приведеннаго Вейломъ [36]), что Тимуръ, овладѣвъ осенью того же 1386 г. этимъ городомъ, плѣнилъ тогдашняго владѣльца его, Туркмена Тутана, въ которомъ легко узнается владѣтель Кальмарина, Тетани.

Итакъ Клавихо явно ошибается, выдавая послѣдняго за «Emperador de Tartaria», тогда какъ онъ былъ только его Тудунъ или locum tenens. Изъ приведеннаго выше мѣста устава генуэзскихъ колоній въ Газаріи мы уже видѣли, что подобная должность тогда существовала въ золотой ордѣ: Titanus seu vicarius Canluchorum.

По причинѣ дружескихъ отношеній тѣхъ изъ Остготовъ, которые остались въ Тавридѣ, съ имперіею, къ нимъ шло бы названіе Гото-Грековъ, которое поэтому едва ли не скрывается въ вышеприведенномъ мѣстѣ (см. выше, стр. 125) въ сочиненіи непоименованнаго космографа Равеннскаго. Если нельзя ручаться за то, что къ Гото-Грекамъ принадлежали Тавро-скиѳы, упомянутые подъ 626 годомъ позднѣйшимъ византійскимъ писателемъ [37]), то уже вѣроятно родомъ былъ изъ Крыма тотъ Гото-Грекъ, который по торговымъ дѣламъ находился въ Новгородѣ [38]) въ 1106 году и, кажется, могъ объясняться съ гостившими тамъ Колбягами и Варягами на ихъ языкѣ, подобно тому, какъ еще 350 лѣтъ позже его крымскіе земляки—

[35]) Charmoy, Chèref-Nâmeh, 1873, II, 1, стр. 426.
[36]) Gesch. der Chalifen, V, 29.
[37]) Muralt, Chron. Byz. стр. 382.
[38]) Куникъ, О зап. готск. топарха, 142.

съ нѣмецкимъ служителемъ итальянскаго путешественника. Иначе Русскіе называли бы его не «Готфиномъ», но просто Грекомъ.

До конца VIII столѣтія эти Готы отстаивали, повидимому, свою самостоятельность противъ Хазаръ; послѣдніе только въ 787 году успѣли овладѣть готской крѣпостью Доросъ, явно тождественной съ той, въ которой искалъ убѣжища Юстиніанъ, равно какъ и съ городомъ Дори, упомянутымъ приведеннымъ космографомъ между Херсономъ и Capolis (Callipolis; Callipode Іорданиса) и наконецъ съ позднѣйшей столицею Готіи Θеодоросъ или Θеодори (см. ниже). Хотя Готамъ, возставшимъ противъ Хазаръ по совѣту ихъ епископа св. Іоанна, и не удалось изгнать хазарскій гарнизонъ изъ этой крѣпости, тѣмъ не менѣе они успѣли возстановить прежнія свои отношенія къ византійской имперіи. Это мы, между прочимъ, усматриваемъ изъ обнародованнаго извѣстнымъ Газе въ бонискомъ изданіи Льва Діакона отрывка (p. 496 съ слѣд.), писаннаго въ X или XI столѣтіи и содержавшаго записки безъименнаго византійскаго сановника о нападеніи непоименованнаго также варварскаго народа на такъ называемыя Климаты (τὰ κλίματα) или горную часть Крыма ему подвѣдомственную.

Выше было уже замѣчено, что страна сія въ то время была уже доступна Рѳсамъ.

Между тѣмъ мы узнаемъ отъ автора приведеннаго отрывка, что обитатели общинъ ему подвѣдомственныхъ, вмѣсто того, чтобы къ нему присоединиться для отраженія варваровъ, предпочли искать защиты у могущественнаго князя, жившаго къ сѣверу отъ Дуная и близко къ нимъ подходившаго, если не по своему происхожденію, то своими нравами.

Всѣ почти изслѣдователи въ томъ согласны, что люди, которые такимъ образомъ отвергли предложенія греческаго топарха, были Готы, обитавшіе въ то время въ окрестностяхъ Херсона, гдѣ тогда какъ и теперь процвѣтало винодѣліе, которымъ еще въ глубокой древности, какъ видно изъ сохранившихся памятниковъ, тамошніе эллинскіе колонисты занимались

съ большимъ успѣхомъ. Одинъ только г. Васильевскій, не отрицая, что между ними могли находиться Готы, перемѣщаетъ ихъ изъ Крыма въ Болгарію (Зап. греч. топарха, въ Ж. М. Н. Пр. Мартъ 1876).

Узнавая русскаго князя въ могущественномъ монархѣ, къ которому долженъ былъ представиться самъ авторъ отрывковъ, ученые только расходятся въ мнѣніяхъ, когда берутся рѣшить вопросъ, какого же именно изъ нашихъ князей онъ могъ имѣть въ виду?

Такъ г. Ламбинъ убѣжденъ, что тутъ явно идетъ рѣчь объ Олегѣ, тогда какъ г. Гедеоновъ не менѣе утвердительно выражается въ пользу Святослава, вопреки мнѣнію Газе, который, основываясь на однихъ только палеографическихъ признакахъ, отождествляетъ это нашествіе варваровъ на Климаты съ походомъ св. Владиміра на Херсонъ.

Мнѣніе это я пытался подкрѣпить другими доводами [39]), тогда какъ гг. Куникъ и Васильевскій предпочитаютъ мнѣніе Гедеонова, что русскій князь, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, вѣроятнѣе всего былъ Святославъ.

Подобно личности монарха и мѣстности, гдѣ его засталъ посланникъ, намъ пока неизвѣстно, гдѣ находилась крѣпость Маврокастронъ, куда онъ хотѣлъ добраться на возвратномъ пути, пролегавшемъ по заднѣпровской степи, гдѣ ему пришлось преодолѣть величайшія препятствія, подобно тому какъ при предварительной переправѣ своей чрезъ Днѣпръ. Изъ описанія его пути можно смѣло заключить, что приведенная крѣпость не могла быть Аккерманъ, хотя онъ въ древнѣйшихъ итальянскихъ картахъ также называется maurocastron, m° castro, чѣмъ и объясняется искаженная форма moncastre, mancastre и проч., подъ которой онъ отмѣченъ на позднѣйшихъ компасовыхъ картахъ. Столь же мало какъ Аккерманъ нашъ путешественникъ подъ своимъ Маврокастрономъ могъ разумѣть Очаковъ, названный Татарами Каракерманъ, т. е. Чернымъ городомъ, (см. ч. I. стр. 178).

---

[39]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. V, 125.

Поелику-же Черная крѣпость, о которой говоритъ крымскій намѣстникъ, находилась явно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, да притомъ въ значительномъ разстояніи отъ этой рѣки, то я спрашивалъ не была ли эта крѣпость именно Мангупъ, названный также Карасу, по свидѣтельству турецкаго чиновника, побывавшаго въ Крыму около половины прошлаго столѣтія[40]). Если же аѳинскій митрополитъ Мелетій († 1714) въ своемъ географическомъ сочиненіи также говоритъ о *крѣпости* Карасуй, то онъ подъ ней скорѣй разумѣлъ Мангупъ, такъ какъ прибавляетъ, что крѣпость эта находилась близь морскаго берега, куда также современникъ его Витсенъ помѣщаетъ Мангупъ[41]). Но замѣтки, мнѣ затѣмъ обязательно сообщенныя письменно г. академикомъ Куникомъ, убѣдили меня въ томъ, что топархъ подъ своимъ Маврокастрономъ не могъ разумѣть Мангупъ, и побудили меня подозрѣвать, что онъ желалъ добраться по крайней мѣрѣ до Карасу-базара, гдѣ, по Тунманну (Büsching, Erdbeschr. 1784, IV, 348) находился монастырь, принадлежавшій въ началѣ XIV столѣтія францисканцамъ въ городѣ «Marumcastrum» (Hist.-Polit. Blätter 1856, II, 708). Какъ названіемъ такъ и мѣстоположеніемъ своимъ Карасу-базаръ напоминаетъ Черную воду, гдѣ по легендѣ заболѣла царица Анна на пути своемъ изъ Корсуня въ Корчевъ. Наконецъ Карасу-базаръ находился, кажется, не въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ *Боріона*, достигнутаго топархомъ на обратномъ пути немедленно послѣ переправы своей чрезъ Днѣпръ и лежавшаго вѣроятно при Крарійскомъ бродѣ, гдѣ, въ тѣ времена, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, Херсонцы и Печенѣги переправлялись чрезъ эту рѣку. Изъ словъ императора явствуетъ, что сказанный бродъ находился между порогами и островомъ Хортицей, стало быть у нынѣшней колоніи Эйнлаге или Кичкасъ, гдѣ еще во время Ласоты и Боплана Татары и Казаки имѣли

---

[40]) Sitz.-Ber. d. Wiener Acad. XL, 550—593.

[41]) См. Кёппенъ, Кр. Сб. пр. 366 и 429.

обыкновеніе переправляться чрезъ Днѣпръ, и гдѣ даже нынѣ пролегаетъ главная дорога изъ запорожья въ Крымъ.

Хотя поэтому вопросъ, откуда и куда именно выѣхалъ нашъ фрагментистъ, остается *нерѣшеннымъ*, тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ видѣ своемъ трудъ его весьма важенъ для древней исторіи нашего отечества, представляя намъ сильный аргументъ въ пользу скандинавскаго происхожденія основателей русскаго государства, а именно, что они къ намъ пришли изъ юго-восточной части Швеціи, которая и нынѣ еще называется Готландія и откуда, по преданію, Готы нѣкогда переселились въ юго-западную Россію.

Правда, недавно г. Иловайскій (О мнимомъ призваніи Варяговъ, 1871) успѣлъ доказать недостовѣрность разсказа Нестора о призваніи Славянами и Финнами Рюрика съ братьями въ 860 году. Но этимъ онъ не только не поколебалъ мнѣніе такъ называемой норманской школы о народности основателей русскаго государства, но еще нехотя представилъ новую опору для сего мнѣнія, устранивъ главную причину, по которой всѣ были увѣрены, что водвореніе Варяго-Рѳсовъ въ сѣверо-восточной Россіи не могло послѣдовать ранѣе 860 года. Если же намъ позволено будетъ, по примѣру г. Иловайскаго, отнести къ области миѳовъ то, что Несторъ намъ передаетъ о событіяхъ сего года, то ничего уже не мѣшаетъ предположить, что шведскіе Готы еще въ началѣ IX вѣка и даже гораздо раньше успѣли не только подчинить себѣ прибалтійскихъ Финновъ (что и безъ того не подлежало сомнѣнію), но еще соединить ихъ съ Новгородцами въ одно политическое тѣло подъ именемъ Руси, которое норвежскій ученый Мунхъ[42]) весьма неудачно производитъ отъ готскаго слова rodjan, говорить; датскій же Thomsen[43]) отъ roths, гребцы, но въ которомъ скрывается скорѣй, какъ думаетъ г. Куникъ (Каспій, стр. 400) *первоначальная* форма имени Hrodhgot'овъ, прослав-

[42]) Det norske Folks Hist нѣмецкій переводъ, 62.

[43]) Нѣмец. изд. Ueber den Ursprung d. R. Staats, 100.

ленныхъ въ сѣверныхъ сагахъ и въ имени которыхъ г. Васильевскій (112) слышитъ имя Грейтунговъ или Гроѳунговъ Эрманриха.

Впрочемъ, какое бы ни было первоначальное значеніе имени государства, образовавшагося изъ смѣшенія шведскихъ Готовъ съ Славянами и Финнами—имя это могло служить для различенія его членовъ какъ отъ послѣднихъ, такъ и отъ заморскихъ родичей первыхъ.

Поэтому неудивительно, что еще въ 839 году могли явиться въ Константинополѣ посланники: «quos rex eorum Chacanus vocabulo» отправилъ къ императору Ѳеофилу, и которые «se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»; неудивительно также почему въ Германіи, чрезъ которую эти посланники хотѣли возвратиться, ихъ приняли за Шведовъ[44]).

По внимательному чтенію продолжателя этихъ лѣтописей (отъ 835—861 г.) епископа Пруденція нельзя не убѣдиться въ томъ, что онъ подъ своимъ «Chacanus vocabulo» имѣлъ въ виду короля по имени Hâkon, какъ еще догадывался академикъ Струбе. Пруденцій никогда не ставитъ слово vocabulo для означенія достоинства, тогда какъ оно у него только встрѣчается вмѣсто nomine; напр. на стр. 439, гдѣ читается о городѣ Метцѣ: in urbe Mediomatricorum *Metis vocabulo*. Въ подобномъ смыслѣ употребляютъ это слово другіе нѣмецкіе современные писатели, напр. Виттекиндъ, когда говоритъ, что сына Генриха I умертвилъ «quidam autem militum *Maincia vocabulo*»[45]). Съ другой стороны современные же нѣмецкіе писатели обыкновенно передаютъ намъ титулъ кагановъ (хагановъ, хакановъ) подъ формою не chacanus, но caganus, chaganus, напр. Гинкмаръ, продолжатель бертинскихъ анналовъ послѣ смерти Пруденція, подъ 864 годомъ, въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ подъ своимъ каганомъ явно имѣлъ въ виду болгарскаго царя Михаила Бориса: «Hludovicus rex Germaniae,

---

[44]) См. Извлеченіе изъ письма Ѳеофила къ императору Людовику въ Бертинскихъ лѣтописяхъ у Pertz'a I, 434 съ сл.

[45]) II, 11 у Pertz'a, Scr. III.

hostiliter obviam Bulgarorum Cagano...?...pergit». (Pertz, I, 465).

Напрасно поэтому г. Гедеоновъ (О варяжскомъ вопросѣ, 103) выводитъ изъ словъ Пруденція, будто-бы Рѳсы въ 839 году управлялись хаганомъ, и слѣдовательно ошибается, полагая, что ему удалось съ помощью неизвѣстнаго Шведамъ хаганата уничтожить систему норманскаго происхожденія Руси. Форма «Chacanus» подходитъ къ другимъ древне-нѣмецкимъ формамъ имени «Hâkon», по древне-шведскому произношенію «Hakun». Насъ поэтому вовсе не удивляетъ, почему именно въ Новгородѣ въ послѣдствіи такъ часто являются сановники по имени Якунъ или Акунъ, и въ томъ числѣ посадникъ Якунъ Мирославичъ, выдавшій даже дочь свою, въ 1176 году, за одного изъ Рюриковичей. Не даромъ, кажется, въ преданіи, Рюриковъ внукъ называется Акунъ, т. е. Hakun. Какъ видно имя это сохранилось въ династіи, и Рюрикъ, если только когда либо существовалъ, былъ, можетъ быть, сынъ Гакона, Рюрикъ Акуновичъ[46]).

Правда, изложенное здѣсь мнѣніе сильно поколеблено аргументами г. Куника[47]), доказывающаго, что въ IX столѣтіи имя Hâkon не могло превратиться въ Chacan въ устахъ Франка или Вестгота. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. академикъ убѣждаетъ насъ въ ошибочности взгляда г. Гедеонова, приводя убѣдительныя причины въ пользу мнѣнія, что Пруденцій принялъ титулъ «Chacanus» за имя собственное.

Если же предъ императорами римскимъ и византійскимъ рѳскіе посланники явились въ 839 году, то мнѣ казалось позволеннымъ считать ихъ соотечественниками тѣхъ язычниковъ, называемыхъ «Русъ», которые грабили и разорили Севилью въ 844 году, по свидѣтельству Ахмеда эль-Катиба[48]). Но и тутъ нельзя не признать справедливымъ мнѣніе г. Куника, что

---

[46]) Kunik, Die Berufung d. Schw. Rodsen I, 139, 140; II, 172, 173.

[47]) Въ 1864 г., въ Зап. Имп. Ак. Наукъ, VI, Прил. стр 73.

[48]) Ср. Kunik, Berufung etc. II, 149.

арабскій авторъ грабившихъ Севилью Норманновъ только потому называлъ «Русъ», что въ его время (онъ писалъ ок. 890 года) послѣдніе были уже хорошо извѣстны на востокѣ по случаю описаннаго патріархомъ Фотіемъ ихъ нападенія на Константинополь и грабительскихъ поисковъ на Черномъ морѣ въ 865 году. Что эти Русь затѣмъ часто туда отправлялись внизъ по Днѣпру, въ сообществѣ своихъ славянскихъ сподвижниковъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; всѣмъ извѣстно, что Константинъ Багрянародный, при описаніи пути, по которому они слѣдовали, передаетъ намъ даже названія Днѣпровскихъ пороговъ на рѳсскомъ и на славянскомъ языкахъ, хотя, къ сожалѣнію въ весьма искаженномъ видѣ. Но такъ какъ къ этимъ названіямъ онъ прибавляетъ и греческій переводъ, то не слишкомъ трудно объяснить себѣ славянскія названія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзываются еще нынѣшнія названія пороговъ. Но подобно тому какъ Осторувнипрахъ, Неасытъ, Вулнипрахъ и др. дѣйствитнльно звучатъ по славянски, рѳсскія имена, какъ-то: Ульфорсы, Геландри (см. Куникъ, Berufung, II, 430) Аифаръ[49]), и другія уже рѣшительно должны быть отнесены скорѣй къ языку шведскихъ Готовъ, чѣмъ къ другому діалекту славянскаго языка, какъ старается доказать г. Иловайскій. Кажется, однако, онъ самъ чувствуетъ, что это ему не удалось, поелику въ выноскѣ (стр. 27) онъ готовъ допустить, что эти загадочныя названія сохранились изъ эпохи болѣе древней, когда рядомъ съ Славянами въ южной Россіи обитали еще племена: Литовскія, Готскія и Чудскія. Поелику же самъ г. Иловайскій въ *рѳсскихъ* именахъ пороговъ слышитъ славянскіе звуки, то конечно съ нами согласится, что во всякомъ случаѣ въ этихъ именахъ скорѣе скрываются готскія слова, чѣмъ чудскія, такъ какъ чудскій языкъ гораздо болѣе готскаго удаленъ отъ языка славянскаго. Что же касается Литовцевъ, то они до временъ Гедимина едва ли имѣли случай ближе познакомиться съ порогами, которые

[49]) См. ст. Грота въ журналѣ Мин. Народн. Просв. январь 1873.

еще во времена Эрманриха входили въ составъ Hrêd или Reidgôtaland», коего столица Danapirstadir, т. е. Днѣпровскій городъ, чуть ли не занимала мѣсто позднѣйшей метрополіи русскихъ городовъ[50]).

Съ своей стороны г. Гедеоновъ (стр. 115), не отрицая что рôсскія имена пороговъ у Константина могутъ быть скандинавскія, но, не желая видѣть въ Рôсахъ родичей Варяговъ, —хочетъ насъ увѣрить, будто они приняли эти названія отъ «лоцмановъ» изъ Нормановъ, принимавшихъ участіе въ русской торговлѣ съ Греціею и въ походахъ Руси на Царьградъ. Безъ сомнѣнія, послѣ основанія русскаго государства, норманскія викинги или морскіе разбойники, подобно наемникамъ изъ ихъ соотечественниковъ, или варягамъ, не переставали посѣщать Россію; но гораздо прежде Готы жили въ окрестностяхъ днѣпровскихъ пороговъ и по сему самому могли столь же хорошо, какъ варяжскіе лоцманы, передавать названія, которыми сами означали пороги, единоплеменнымъ имъ Рôссамъ, обитавшимъ, еще во времена Константина, при верхнемъ Днѣпрѣ и въ имени которыхъ даже слышится отголосокъ приведенныхъ Hrôthgot'овъ Эрманриха[51]).

Мы видѣли, что Рôсы въ своихъ походахъ встрѣчали Готовъ при Днѣстрѣ, въ окрестностяхъ Херсона и при Воспорѣ Киммерійскомъ, а по сему не считаемъ слишкомъ смѣлымъ мнѣніе, что они могли застать ихъ, хотя въ небольшомъ уже числѣ, при нижнемъ Днѣпрѣ. Правда, по Нестору, въ этихъ мѣстахъ съ давнихъ поръ обитали Поляне, которые явно были Славяне; но въ теченіе долгаго періода, протекшаго до составленія его лѣтописи, обитавшіе тамъ готскіе Поляне, могли превратиться въ славянскихъ. Замѣтивъ, что Несторъ ничего не говоритъ о родствѣ Полянъ, обитавшихъ при Вислѣ съ приднѣпровскими, Шафарикъ (II, 126) заключаетъ, что тождество имени обоихъ могло быть только слѣдствіемъ его значе-

[50]) См. статью г. Куника о походѣ 1043 г., прим. 9.

[51]) См. стр. 430 въ соч. г. Дорна: О походахъ Русскихъ въ Табаристанъ.

нія = campani. Имя это напоминаетъ мнѣ вышеприведенныхъ Кампанидовъ, подъ которыми географъ Равеннскій столь же хорошо, какъ нашихъ Кампановъ, могъ разумѣть готскихъ. По крайней мѣрѣ т. н. баварскій географъ въ свой списокъ русскихъ Славянъ еще не помѣщаетъ Полянъ (Schafarik, II, 125), и даже императоръ Константинъ проходитъ ихъ молчаніемъ, хотя нѣсколько разъ упоминаетъ о славянскихъ данникахъ Руси: Древлянахъ, Угличахъ, Дреговичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Правда, онъ также не знаетъ Готовъ при нижнемъ Днѣпрѣ; но ихъ-то онъ скорѣе, чѣмъ тогдашнихъ славянскихъ запорожцевъ, могъ причислить къ своимъ Рѳсамъ, по той же причинѣ, по которой, на оборотъ, Русскіе у Литовцевъ до нынѣ еще называются Гудасъ, множ. Гудай, т. е. по родству шведскихъ Варяговъ съ Черноморскими Готами, съ которыми Латыши, подобно Финнамъ, рано имѣли случай познакомиться (Schafarik, I, 436, пр. 4). Въ свою очередь Финны, у которыхъ нынѣшніе Русскіе и вообще Славяне называются Венелане (Венедами), подъ именемъ Руотсолане, которымъ нынѣ означаютъ Шведовъ, могли первоначально разумѣть Рейдготовъ и единоплеменныхъ имъ Рѳсовъ Константина, чѣмъ и объяснилось бы, почему прежде и послѣ его времени, ихъ такъ часто смѣшивали съ сарматскими Роксаланами Страбона и другихъ древнихъ авторовъ. Такъ поступаетъ напр. географъ Равеннскій, когда говоритъ, что Роксоланы обитали въ странѣ, за которой лежалъ большой островъ Сканца; или (въ другомъ мѣстѣ) что Океанъ (Балтійское море) омывалъ побережье земель Роксолановъ, Свариковъ и земли Сарматовъ, орошаемой Вислою, Луттою и другими рѣками.

Подобно порогамъ Днѣпровскимъ лежащій подъ ними прекрасный островъ св. Григорія, на которомъ Рѳсы приносили жертвы своимъ богамъ и который, уже въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ, называется Хортицкимъ, христіанскимъ своимъ названіемъ скорѣе могъ быть обязанъ православнымъ Готамъ, нежели поклонникамъ Одина и Перуна. Тоже самое можно сказать о лежащемъ при устьѣ Днѣпра небольшомъ островѣ

нынѣ Березань. Въ то время, когда св. Еѳерій брошенъ былъ бурею на этотъ островъ, затѣмъ по его имени названный [52]), въ сосѣдствѣ сего острова господствовали Остготы, изъ коихъ многіе тогда уже были христіане и по усердію, свойственному новообращеннымъ, не могли не отнестись сочувственно къ участи, постигшей херсонскаго священномученика, такъ сказать, на ихъ глазахъ.

Въ пользу мнѣнія здѣсь изложеннаго, можетъ еще послужить то, что оно не принуждаетъ насъ считать позднѣйшею вставкой мѣсто въ біографіи св. Кирилла, гдѣ говорится, что апостолъ Славянъ нашелъ въ Херсонѣ Евангеліе и Псалтыри, писанныя рушькими письмены. Въ то время, около половины IX столѣтія, св. мужъ засталъ бы тамъ, если не Рѳсовъ, то по крайней мѣрѣ Готовъ, близко къ нимъ подходившихъ своими нравами и языкомъ, тогда какъ въ алфавитѣ готскомъ попадаются, какъ допускаетъ г. Васильевскій (114) письмена (руны) сходныя съ бывшими издавна въ употребленіи въ Скандинавіи и съ которыми св. Кириллъ могъ познакомиться въ Херсонѣ [53]). Извѣстно, что городъ этотъ былъ уже завоеванъ потомками Рѳсовъ, превратившихся въ Славянъ, болѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя. Я вполнѣ согласенъ съ г. *Иловайскимъ*, что это завоеваніе не было какое-то случайное, а — слѣдствіемъ давнихъ отношеній между Византійцами и Русью. Но славный подвигъ равноапостольскаго князя отнюдь ничего не доказываетъ касательно народности «рѳсскихъ» посланниковъ короля Гакона, прибывшихъ въ Германію въ 839 году и казавшихся тамъ не Славянами, но Шведами; или же — касательно славянскаго происхожденія «рѳсскаго Игемона» (не Кагана), который съ своими свирѣпыми сподвижниками, опустошивъ Пропонтиду, проникъ, въ 865 году, въ Черное море и разграбилъ, между прочимъ, Амастриду, стало быть въ то самое время, когда, по нашимъ сказаніямъ, русскій князь Бравалинъ, вы-

[52]) См ч. I стр, 14—38.

[53]) Munch, 66, 240; ср. Schafarik, II, 473.

шедши изъ Новогорода, разграбилъ Сурожъ. Выше (стр. 128) нами уже было замѣчено, что изъ сравненія этихъ двухъ легендъ результаты взаимно исключающіеся были добыты гг. Куникомъ и Гедеоновымъ, которые впрочемъ въ томъ согласны, что признаютъ необходимымъ подвергнуть обѣ легенды строгой критикѣ. Прибавлю здѣсь только, что, въ свою очередь, г. Васильевскій [54]) не сомнѣвается, что вопросъ о Сурожскомъ житіи и легендѣ требуетъ еще критической повѣрки въ связи съ другими подобными вопросами.

Онъ же, въ другомъ изъ глубокочерпающихъ его отрывковъ [55]) доказываетъ, что изъ легенды о св. Георгіѣ можно развѣ только заключить, что Русь ранѣе 842 года была уже извѣстна Византійцамъ не только по имени и что она совершала разбойническіе набѣги на припонтійскія азіатскія области, при чемъ прибавляетъ: «а какая это была Русь? отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ другихъ источникахъ».

Въ другомъ мѣстѣ [56]), онъ же, приведя, что въ числѣ воспорскихъ городовъ у географа Равеннскаго на ряду съ Малороссой и Мурмикіемъ (Murmicon) встрѣчается Machara, замѣчаетъ въ выноскѣ, что г. Паткановъ (Армянская Географія VII вѣка, стр. 37) признаетъ возможность видѣть въ словѣ Гудамахары сложное слово и въ первой половинѣ находитъ Готовъ. Быть можетъ г. Васильевскій при случаѣ не откажется отвѣчать на вопросъ покойнаго Гедеонова: что такое Малоросса? и докажетъ что въ VII вѣкѣ обитателями таврическаго города сего имени могли быть скорѣй Грутунги или Hrodhgot'ы), чѣмъ предки позднѣйшихъ Малороссіянъ. Вѣроятно городъ тогда принадлежалъ еще Грекамъ и во всякомъ случаѣ остался за ними послѣ того, какъ ихъ полководецъ Монгъ, съ помощью русскаго князя Сфенга, положилъ конецъ владычеству Хазаровъ на полуостровѣ плѣненіемъ Георгія Цула, ихъ «архонта (не тудуна-ли?) Хазаріи» (Cedren. II, 464).

[54]) Житіе Стефана Новаго, въ Ж. М. Н. Просв. 1877, II стр. 285.
[55]) Житіе Георгія Амастридскаго, тамъ же 1878, III, 181.
[56]) Житіе св. Іоанна Готскаго, 97.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ Сурожъ, подобно Корсуню и Посулью, отнесены уже къ землямъ незнаемымъ, подъ которыми мы здѣсь съ г. Бѣляевымъ (Зап. Од. Общ. III, 35) разумѣли не земли вовсе не знакомыя Русскимъ, но утраченныя, потому что всѣ онѣ въ то время уже были подчинены Половцамъ. Понятно, что Готія, лежавшая между Херсономъ и Сурожемъ, должна была подвергнуться той же участи, которая постигла эти два города, чѣмъ и объясняется, почему готскія красавицы принуждены были на берегу Синяго моря воспѣвать месть Шароканю, явно тождественному соименному ему хану половецкому, пораженному Русскими въ знаменитомъ походѣ 1111 года. Хотя русскій поэтъ подъ «Синимъ моремъ», у берега котораго тогда слышны были нѣмецкіе звуки, вѣроятно имѣлъ въ виду море Азовское, то изъ этого обстоятельства еще не слѣдуетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ жили тогда еще Тетракситы, если даже согласиться съ г. Васильевскимъ (Ж. св. Іоанна Готск. стр. 111), который въ словѣ Таматарха слышалъ отголосокъ ихъ имени, въ чемъ я однако не могъ убѣдиться. Ибо, не говоря о томъ, что Тетракситы переселились изъ Крыма на восточный берегъ не Азовскаго, но Чернаго моря, гдѣ прежде обитали Черкесы и Тореты, мнѣ кажется, что спутники ихъ, Утургуры, которые не могли избрать себѣ новыя жилища къ югу отъ нихъ въ Закавказьѣ, удобнѣе всего помѣстились бы съ своими стадами на Таманскомъ полуостровѣ (что имъ не помѣшало развернуть свои кочевья и на восточномъ берегу Азовскаго моря), и гдѣ они затѣмъ долго удержались подъ именемъ Болгаръ, хотя въ послѣдствіи подъ верховной властью Хазаровъ. Если же хазарскій хаканъ въ X столѣтіи, въ свою очередь принужденъ былъ уступить Тмуторакань Русамъ[57]), то слѣдуетъ еще доказать, что послѣдніе тамъ именно еще застали родичей своихъ—Тетракситовъ. Зато легко могло статься, что Половцы туда именно перевели нѣмецкихъ красавицъ изъ родины ихъ на южномъ берегу Кры-

[57]) Куникъ, Извѣстія Ал-Бекри и пр. С.-П. 1878, стр. 109.

ма. Что тутъ еще былъ въ употребленіи нѣмецкій языкъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ словъ Рубруквиса (см. выше, стр. 135), который во время долгаго пребыванія въ Судакѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай тамъ встрѣчать Готовъ и съ ними бесѣдовать. Если, какъ думаетъ г. Гейдъ, Готы тогда уже не имѣли отвращенія для огораживанія своихъ жилищъ, то это еще не доказываетъ, что Рубруквисъ не могъ смѣшать замки южнаго берега съ современнымъ ему именемъ города Чуфутъ-кале, лежащаго также между Херсономъ и Судакомъ.

Въ это время вся южная Россія находилась подъ властью Монголовъ, такъ какъ при второмъ ихъ нашествіи на наше отечество тѣ изъ Половцевъ, которые не хотѣли имъ покориться, перевели свои кочевья въ Венгрію подъ начальствомъ своего хана изъ роду Іедисанъ [58]) хотя только частью, потому что одна изъ ордъ, кочевавшихъ въ здѣшнемъ краю до присоединенія его къ Россіи, была Іедисанская. На основаніи дошедшаго до насъ по счастливому случаю, составленнаго въ XIV столѣтіи половецкаго словаря [59]) г. Блау [60]) показалъ, что наши Половцы были по языку чистые восточные Турки; изъ чего, разумѣется, еще не слѣдуетъ, что сказанный словарь долженъ былъ служить для облегченія торговыхъ сношеній между Итальянцами и Половцами нашего только края, а не съ переселившимися, послѣ разгрома монгольскаго въ Венгрію и въ Болгарію, гдѣ одному изъ ихъ начальниковъ даже посчастливилось основать новую династію, извѣстную въ западной Европѣ своими торговыми договорами съ Венеціанцами и Генуэзцами.

Въ 1239 г. Монголы овладѣли Сугдеею (см. выше, стр. 134) и въ этомъ же году они, вѣроятно, утвердили свою власть и надъ Херсономъ, такъ какъ мы узнаемъ отъ Рубруквиса, что оба города принуждены были имъ платить ту же дань, кото-

---

[58]) Ж. Мин. Нар. Просв., іюнь 1853 года, III, 11.

[59]) Vocabulaire latin, perse et coman de la bibl. de Francesco Petrarca у Клапрота (Mém. relatifs à l'Asie, III, 113—254.

[60]) Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen въ особ. оттиск. изъ Zeitschrift der Zt. Morgenl. Gesellschaft, XXIX.

рую съ нихъ прежде взимали Половцы. Должно полагать, что отношенія Монголовъ къ Готіи были такого же рода, хотя императоры царьградскіе и трапезундскіе не переставали считать себя законными владѣтелями этой страны.

Во всякомъ случаѣ узы политическія, связавшія крымскихъ Готовъ съ Греками, были менѣе прочны, чѣмъ религіозныя. Готская епархія, возведенная еще въ IX вѣкѣ въ архіерейство, переведена была въ митрополію при Андроникѣ старшемъ въ 1283 году, подобно Сугдеи или Сурожу, который тогда еще важностью своихъ торговыхъ оборотовъ мало уступалъ Каффѣ, уступленной Монголами Генуэзцамъ около 20 лѣтъ передъ тѣмъ.

Но ихъ соперничество и жестокости хана Узбека противъ христіанскихъ жителей Сугдеи были столь пагубны для этого города, что Ибнъ-Батута, посѣтившій его въ 1331 г., засталъ въ немъ однихъ только мусульманъ, за исключеніемъ небольшаго числа греческихъ ремесленниковъ. Послѣ тщетной попытки Венеціанцевъ возстановить въ 1358 году прежнія свои конторы въ Солдаѣ, городъ этотъ былъ уступленъ Монголами Генуэзцамъ въ 1365 г., съ 18 деревнями, въ его окрестностяхъ лежащими (ч. I, 226), которыя вѣроятно вмѣстѣ съ Балаклавою достались имъ. Въ уставѣ 1449 года говорится только объ общинахъ и деревняхъ Готіи.

По грамотѣ 1381 года[61]) деревни эти были: Fori, Chichineo, Lupico, Musacori, Orianda, Jalita, Sicita (нынѣ Никита), Gorzovium, Pertenite, Lambadie, Lusta. Каждая изъ нихъ состояла подъ вѣдомствомъ своего propto (proto), а всѣ вмѣстѣ подъ викаріемъ riperiae marinae Gotiae, или Gozie. Въ этой области находились еще: Otuzii locus nuper fabricatus (1461) и Fonna.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ устава для Генуэзскихъ колоній въ Газаріи 1449 г., къ приведеннымъ чиновникамъ еще прибавились: военный начальникъ или capitaneus и кон-

[61]) Atti della Società ligure di Storia Patria V, 254.

сулы въ Гурзуфѣ, «Партенитѣ, Ялтѣ и Алуштѣ. Въ актахъ патріархата константинопольскаго (Зап. Одесск. Общ. V и VI) передаются намъ небезинтересныя подробности какъ объ этихъ мѣстностяхъ, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ, не упомянутыхъ въ генуэзскомъ спискѣ, но также принадлежавшихъ къ готской епархіи или же у ней оспариваемыхъ херсонскими митрополитами, равно какъ и сугдейскими. Такъ мы узнаемъ, между прочимъ, что Ялита и другія патріаршескія владѣнія въ готской епархіи переданы были въ 1371 году въ вѣдѣніе сугдейскаго митрополита; что въ 1384 г. митрополитъ сугдейскій былъ посланъ для рѣшенія спорнаго дѣла, возникшаго между митрополитомъ херсонскимъ и «архіепископомъ» готскимъ за приходы Сикиты, Партеніеты, Алушты, Фуны (явно Фонна Итальянцевъ) и Аланіи, мѣстоположеніе которой, подобно Фунѣ, намъ пока неизвѣстно. Тоже самое мы должны сказать о мѣстечкѣ Кинзанусѣ, которое, вслѣдствіе донесенія сугдейскаго митрополита, готскій архіепископъ долженъ былъ отдать митрополиту херсонскому въ 1385 году. Подъ 1390 годомъ сказано, что мѣстечко это ему дѣйствительно было возвращено вмѣстѣ съ приморскими селами: Фуною, Алустою, Аланіею, Ламбадо Партенитскимъ, Сикитою и Хрихори, т. е. Кыркъ-іеръ или Чуфутъ-кале, что доказываетъ, что населеніе его, по крайней мѣрѣ отчасти, состояло тогда изъ христіанъ. Находясь внѣ предѣловъ Готіи, Кыркъ-іеръ никогда не принадлежалъ Генуэзцамъ, но Татарамъ и по причинѣ крѣпкаго положенія былъ одной изъ главныхъ резиденцій ихъ хановъ.

Интересно не менѣе приведенныхъ извѣстій касательно готской епархіи содержаніе греческой надписи 1427 года въ предъалтарной части церкви апостоловъ Петра и Павла, значительные остатки которой были недавно открыты въ Партенитѣ [62]).

Памятникъ этотъ знакомитъ насъ не только съ именемъ тогдашняго «митрополита» готѳійскаго (Даміанъ); но мы еще

[62]) См. ст. Караулова, въ VIII т. Зап. Одесск. Общ. Ист.

узнаемъ, что онъ не титулуется просто митрополитомъ Готіи, но митрополитомъ «города Θеодори и всей Готѳіи», изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, что она, по крайней мѣрѣ отчасти, не могла быть подвластна Генуэзцамъ. Что же касается города Θеодори, то, послѣ доказательствъ мною приведенныхъ (Notices... 64), придется согласиться, что онъ совпадалъ съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ, по примѣру Туннана, думали Карамзинъ, Кёппенъ и другіе; тогда какъ сохранившіяся въ Инкерманѣ развалины означаютъ намъ мѣсто, гдѣ находился не маловажный нѣкогда городъ Каламита. Поэтому нѣтъ надобности спорить о томъ, гдѣ находилась резиденція князя Алексѣя, которому передались въ 1433 году возмутившіеся противъ Генуэзцевъ Балаклавцы, и который въ ихъ грамотахъ и лѣтописяхъ значится dominus de Lotodero, signor del Teodoro «che luogo vicino del Cembalo». Изъ надписи 1427 года на камнѣ, находящемся въ имѣніи Саблы, близъ Симферополя, и которая была обнародована Кёппеномъ и Дюбуа, видно что этотъ Алексѣй титулуется владѣтелемъ города Θеодоро и также—морскаго берега [63]), тогда какъ изъ генуэзскихъ актовъ мы усматриваемъ, что, по взятіи Генуэзцами у него обратно Балаклавы въ 1434 году, онъ задумалъ устроить гавань въ Каламитѣ, и слѣдовательно былъ самостоятельнымъ владѣтелемъ на прибрежьѣ Севастопольскаго рейда, или Каламитскаго залива. Что князь Алексѣй, хотя и былъ членомъ царствовавшей въ Константинополѣ фамиліи, за владѣнія свои въ Готіи считался вассаломъ республики, видно изъ того, что съ лѣвой стороны надписи изсѣченъ генуэзскій гербъ, тогда какъ правая представляетъ половину двуглаваго орла [64]).

По смерти его въ 1456 году, Генуэзцы не замедлили поздравить его сына «Olobey signore di Teodoro» съ вос-

---

[63]) Тѣмъ не менѣе Дюбуа, увлеченный авторитетомъ Туннана и Кёппена, не рѣшается искать Θеодоросъ въ Готіи, и довольствуется замѣтить (стр. 258): Mais si Théodoros est synonyme d'Inkerman, le texte même de l'inscription prouverait presque l'impossibilité de la supposition.

[64]) Кёппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 218.

шествіемъ на престолъ и увѣрить его въ дружескомъ ихъ расположеніи къ сосѣду (bona vicinanza ed amicizia). Охотно я видѣлъ бы въ немъ близкаго родственника преп. Кассіана углицкаго (въ мірѣ Константинъ), прибывшаго въ Москву въ 1472 году вмѣстѣ съ Софіею, невѣстою великаго князя Іоанна и племянницею послѣдняго греческаго императора (К. имѣлъ тогда 30 лѣтъ отъ роду: Филаретъ, Русскіе Святые, 2 изданіе, отд. 3, стр. 188). Въ Прологѣ подъ 21 мая сказано о немъ: бяше отъ италійскія страны, отъ Аморія, рода княжеска, Мавнукскаго града. На томъ основаніи, что Мавнукомъ крымскимъ до 1475 года владѣли Готеы; что Морея — не часть Италіи, а Мавнука не было ни въ Морѣ, ни въ Италіи, о. Филаретъ (стр. 180, прим. 19) признаетъ за вѣрное только то, что Константинъ родился въ Морѣ отъ благородной фамиліи, и догадывается, что онъ былъ Славянинъ, такъ какъ въ Морѣ жили тогда большею частью (?) Славяне. Но почему не допустить, что онъ былъ изъ рода греческихъ владѣтелей Мавнука крымскаго, т. е. Мангупа, и что онъ оттуда былъ отправленъ въ юныхъ лѣтахъ въ Константинополь. Затѣмъ, когда городъ этотъ былъ взятъ Турками, онъ могъ искать убѣжища въ Италіи, подобно брату императора Ѳомѣ Палеологу (1461). Наконецъ, князь мангупскій могъ быть удостоенъ чести провожать дочь «владѣльца морейскаго» въ Россію, отчасти по той причинѣ, что тамъ уже находились члены его фамиліи. Ибо еще въ 1391 году выѣхалъ изъ Крыма въ Москву Грекъ, бывшій владѣтелемъ городовъ Судака, Мангупа и Балаклавы, князь Степанъ Васильевичъ, по прозвищу Ховра, Хомра или Комра, родоначальникъ знаменитой въ русскихъ лѣтописяхъ фамиліи Головиныхъ (Князь Долгоруковъ, Росс. Родословная книга, III, 105). Преподобный же Кассіанъ скончался въ глубокой старости, проведши послѣдніе годы своей жизни въ обители имъ основанной на берегу рѣки Учьмы (въ 22 верстахъ отъ Углича) и существовавшей до 1764 г. Теперь на мѣстѣ упраздненнаго монастыря находятся двѣ приходскія каменныя церкви, стоящія рядомъ; одна

изъ нихъ двухъ-этажная, гдѣ въ нижнемъ храмѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи его.... При входѣ въ эту церковь, у двери на наружной стѣнѣ вставлена кафельная плита съ рельефнымъ изображеніемъ въ кругу, двухглаваго орла съ опущенными внизъ крыльями безъ коронъ, что напоминаетъ гербъ владѣтеля Алексѣя изъ рода Комниныхъ [65]).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что владѣтели Θеодоро были люди значительные, почему и неудивительно, что современные монархи могли быть съ ними связаны узами родства. Такъ въ хроникѣ Панарета, приведенной у Фалмерейера (l. c.), упоминается о дочери Алексѣя изъ Θеодори Маріи, на которой былъ женатъ послѣдній трапезунтскій императоръ Давидъ Комнинъ. Изъ крымскихъ дѣлъ мы усматриваемъ, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ требовалъ еще въ 1475 году для своего сына руки дочери мангупскаго князя Исайко, явно тождественнаго съ упомянутымъ (подъ 1471 годомъ) въ генуэзскихъ граматахъ владѣтелемъ Teodoro Saich (Atti d. S. L. VII, p. 769). Посланникъ русскій Старковъ долженъ былъ справляться о томъ, сколько тысячъ злотыхъ приданнаго (взятка) Исайко намѣренъ дать за дочерью своею (Зап. Одесск. Общ. V, 187.). Этотъ «mariage de raison» не состоялся вѣроятно только потому, что уже въ слѣдующемъ году. Турки овладѣли Мангупомъ, найденныя тамъ сокровища отправили въ Константинополь и подчинили себѣ всю Готію, οἱ Θεόδωροι καὶ ἡ Γοτθία (Hist. pol. Const. ed. Bonn. 45).

Въ томъ же походѣ Турки овладѣли всѣми генуэзскими поселеніями въ Газаріи, равно какъ и Анапою [66]), откуда, впрочемъ, по мнѣнію г. Десимони Генуэзцы вѣроятно выступили до занятія Каффы Турками, хотя онъ не можетъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно, при недостаткѣ документовъ, касающихся массаріи послѣ 1472 года. За то можно сказать ут-

[65]) Струковъ, Благов. Константинъ, князь Мангупскій въ иночествѣ Кассіанъ, С. П. 1874.

[66]) Evliya Efendi, Travels etc. transl. by Hammer, II, 59.

вердительно, что, подобно (ч. I, 216) приведеннымъ готскимъ князьямъ, на которыхъ князь Таманскій жаловался Банку въ 1482 году современные имъ обитатели Анапы были христіане, поелику мы узнаемъ отъ Гаджи-Халфы [67]), что еще въ его время къ числу христіанскихъ Черкесовъ принадлежали Джехаки или Шегаки. Между тѣмъ, такъ именно нынѣ еще называются или назывались (по Дюбуа: *les maritimes*) обитатели Анапы и окрестностей для различія отъ ихъ сосѣдей.

Если же турецкій туристъ Эвлія-эфенди (II, 59), который самъ былъ въ Анапѣ въ 1641 году, сказавъ, что городъ этотъ былъ подъ вѣдомствомъ «воеводы» санджакства Таманскаго, губерніи Кафинской, прибавляетъ, что жители его были всегда готовы къ возмущенію, то ясно, что онъ имѣлъ въ виду христіанскихъ *Шегаки*, хотя говоритъ, что они принадлежали къ племени *Шефаки*. По тому же автору тамошній замокъ такъ хорошо сохранился, какъ будто только что былъ построенъ. Кажется поэтому что Тетбу, бывшій въ Анапѣ въ 1824 году, не ошибся (Voy. Circassie 154) когда узналъ въ развалинахъ крѣпости творенія генуэзцевъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы познакомить читателей съ отрывкомъ изъ письма г. Десимони, члена Лигурійскаго Общества, отъ котораго я надѣялся узнать, не сохранились ли въ архивѣ банка св. Георгія неизданныя до нынѣ извѣстія касательно Анапы во время владычества Генуэзцевъ: «Въ картуляріяхъ массаріи мнѣ удалось открыть два только мѣста, касающіяся Анапы, а именно: 1) подъ 1423 годомъ, гдѣ рѣчь идетъ о ежегодной субвенціи для защиты замка «de lo Mapa», и 2) подъ 1471 годомъ, гдѣ говорится объ издержкахъ in mittendo fustam in maparium ad comburendam certos casapales. Казалось бы, что подъ послѣднимъ словомъ разумѣлись дома или хаты; но не много ниже читается: expense pro redimendo... captos a Casapalibus Berzeboch, подъ

[67]) Gihan-Numa, ed. Norberg p. 581.

которыми стало быть здѣсь, вѣроятно, разумѣлись подданные или вассалы сего владѣтеля, вѣроятно тождественнаго съ упомянутымъ въ другомъ мѣстѣ «Dominus Coparii Berzebuch», мужа Борунды (Domina Borunda) и отца «Cambelot'a»[68]). Онъ же вѣроятно одно и тоже лицо съ «Belzebuch», съ которымъ была заключена конвенція въ 1462 году «pro conducendis populis», т. е. для найма солдатъ, равно какъ и съ упомянутымъ подъ 1455 годомъ «Dominus Coparii Parcibech» съ прозваніемъ Jehticus или Geticus, заставляющимъ думать, что къ владѣтелямъ Копарія принадлежали также «Usdemoroch Dominus Jeticorum», о которомъ говорится подъ 1446 годомъ, и мнимые «готскіе» князья, гостившіе у владѣтеля Тамани въ 1482 году.

Безъ сомнѣнія, они были Черкесы, явно тождественные съ Зихами или Джихами другихъ писателей. Форма ихъ имени въ генуэзскихъ актахъ объясняется туземнымъ названіемъ ихъ страны, т. е. Джикети. По той же причинѣ императоръ Трапезунтскій называетъ ихъ «la nation des Gith» въ письмѣ къ герцогу Филиппу Бургундскому 22 апрѣля 1453 года[69]), гдѣ онъ исчисляетъ своихъ союзниковъ въ предположенномъ крестовомъ походѣ противъ Турокъ.—Я даже подозрѣваю, что главнокомандующимъ контингента христіанскихъ Зиховъ былъ именно вышеупомянутый Dominus Coparii Parcibech. Въ небольшомъ разстояніи отъ его резиденціи должна была находиться подвластная нѣкоему Биберди прекрасная область Кремухъ, куда прибылъ Барбаро на 3 или 4 день по выѣздѣ изъ Таны вдоль по восточному берегу Азовскаго моря. Безъ сомнѣнія это та самая область, которую его современникъ Интеріано называетъ Кромухъ, прибавляя, что она находилась близъ татарской

[68]) Затѣмъ г. Десимони усмотрѣлъ изъ документа 1448 г., что Берозохъ былъ отецъ вышеупомянутой Бика-канонъ и что она была супруга не Симоне де Гизолфи, но его сына Винкентія, стало быть мать Захарія.

Итакъ я ошибся, полагая, что имя ее гласило Бика-катунъ и что она могла быть дочь грузинскаго вельможи Бека II.

[69]) Aeneae Sylvii Epist. 391, приведенный у Brosset, Addit. 408.

границы въ Зихіи и отличалась отъ всѣхъ прочихъ долинъ сего края выгоднымъ положеніемъ и густою населенностью.

О томъ куда дѣвались родственники Исаика, по занятіи Турками ихъ владѣній въ Крыму, до насъ не дошло достовѣрныхъ извѣстій. Поэтому мы ограничиваемся упомянуть здѣсь лишь о событіи, касающемся одного члена этой знаменитой фамиліи, такъ какъ оно, въ случаѣ надобности, убѣдитъ читателя, что замокъ построенный княземъ Алексѣемъ въ Ѳеодори въ 1427 году былъ тотъ самый, который полутораста лѣтъ спустя очевидецъ Броніовій[70]) засталъ еще въ Мангупѣ.

Воинственный, дикій Селимъ, возсѣвши на престолъ еще живаго отца своего, Султана Баязита, принялъ благосклонно посланнаго къ нему великимъ княземъ Василіемъ въ концѣ 1512 года дворянина Алексѣева и при выѣздѣ сего послѣдняго обратно изъ Константинополя вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Россію князя Мангупскаго Камала[71]), принадлежавшаго вѣроятно къ свитѣ султана, когда сей послѣдній съ татарскимъ войскомъ возвратился изъ Крыма, гдѣ онъ годомъ прежде искалъ убѣжища у своего тестя Менгли-Герая[72]). Этотъ посолъ султанскій съ пути писалъ въ Москву именитому чиновнику Греку Юрію Тарханіоту: «Господине братце Георгій отъ мене Камала, нѣкогда завомый Ѳедоритъ: послалъ есми къ твоему господству племянника своего Мануила и проч.»[73]).

Новое имя князя Мангупскаго и присовокупленный къ нему титулъ би, вмѣсто Бей или бегъ[74]), заставляетъ думать, что онъ получилъ или надѣялся получить обратно свою вотчину въ Крыму, отказавшись отъ вѣры своихъ предковъ.

Во всякомъ случаѣ ему никогда не могло придти на мысль, что онъ прежде назывался Ѳеодоритомъ, если бы онъ не былъ членомъ династіи княжеской, резиденція которой была

---

[70]) Schwandtner, Script. Rerum Hungar. III, 113 съ сл.

[71]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, VII, 38.

[72]) Hammer, Hist. de l'Empire ottoman, IV, 120.

[73]) Карамзинъ, l. c. примѣч. 105.

[74]) Кёппенъ, Крымскій Сбор., 284, прим. 420.

хорошо извѣстна Итальянцамъ и Византійцамъ подъ названіемъ Θеодоросъ или Θеодори.

Подобно этимъ князьямъ и членамъ духовенства, многіе жители крымской Готіи были Греки; но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ XV столѣтія тамъ еще встрѣчались люди, которые исповѣдуя православную вѣру говорили языкомъ, гораздо болѣе подходящимъ къ нѣмецкому, нежели къ эллинскому.

Въ этомъ удостовѣряетъ насъ извѣстіе у Шильтбергера [75]), что смежная съ Херсономъ приморская страна «Sudi» или «Suti» названа была Татарами «that», населена была греческими христіанами и производила отличное вино. Ясно, что Суди или Сути ничто иное, какъ ошибочное чтеніе арійской формы имени Готіи, т. е. Kouth, Kuti [76]). Ибо въ другомъ мѣстѣ (101) Шильтбергеръ намъ передаетъ, что къ языкамъ, на которыхъ служили Богу по греческому исповѣданію, принадлежалъ, между прочимъ, языкъ, названный имъ «kuthia sprauch», и что этотъ языкъ у язычниковъ также назывался that. Что языкъ этотъ именно былъ готскій, въ томъ насъ убѣждаетъ свидѣтельство I. Барбаро, коего записки г. Срезневскій [77]) считаетъ лучшимъ изъ памятниковъ путешественной литературы XV в., и который тѣмъ болѣе заслуживаетъ наше довѣріе, что онъ въ этомъ случаѣ говоритъ какъ очевидецъ, описывая свое путешествіе изъ Таны (Азовъ) въ Крымъ.

Вотъ его собственныя слова: «dietre dell'isola di Capha d'intorno che è sul mar maggior, si trova la Gotthica... Gotthi parlano in todesco; et so questo, perche — havendo un fameglio todesco con mi, parlavano insieme, ed intendevansi assai ragionevolemente, cosi come si intenderia un Forlano cun un Fiorentino».

Но, если такъ, то мы не вправѣ отрицать возможность существованія Готовъ въ Крыму сто лѣтъ спустя, и посему

---

[75]) Путешествія, въ I т. Зап. Новор. Универс. 58.

[76]) Dulaurier, Bibl. hist. arm., 398.

[77]) Хожденіе за три моря и пр. 1859 г., стр. 25.

самому должны быть благодарны барону Бузбеку за то, что онъ передалъ намъ сообщенные имъ въ Константинополѣ, куда былъ посланъ римскимъ императоромъ въ 1565 году, списки словамъ, по которымъ становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что древне-готскій языкъ дѣйствительно былъ тогда еще въ употребленіи въ Крыму.

Сказавъ предварительно, что тотъ изъ крымскихъ депутатовъ, у котораго онъ справлялся о готскомъ языкѣ, omnibus vero dictionibus praeponebat articulum tho или the, Бузбекъ, различая въ числѣ переданныхъ ему словъ подходящія къ нѣмецкимъ, отъ тѣхъ, которыя съ ними не имѣютъ ничего общаго, продолжаетъ:

1) Nostratia aut parum differentia hæc erant:

Broe. Panis.	*Tag.* Dies.
Plut. Sanguis.	*Oeghene.* Oculi.
Stul. Sedes.	*Bars.* Barba.
Hus. Domus.	*Handa.* Manus.
Wingart. Vitis.	*Boga.* Arcus.
Reghen. Pluvia.	*Miera.* Formica.
Brudes. Frater.	*Ring.* s. *Ringo.* Annulus.
Shvvester. Soror.	*Brvnna.* Fons.
Alt. Senex.	*Apel.* Pomum.
Wintch. Ventus.	*Schieten.* Mittere sagittam.
Silvir. Argentum.	*Schlipen.* Dormire.
Goltz. Aurum.	*Kommen.* Venire.
Kor. Triticum.	*Singhen.* Canere.
Salt. Sal.	*Lachen.* Ridere.
Fisct. Piscis.	*Criten.* Flere.
Hoef. Caput.	*Geen.* Ire.
Thurn. Porta.	*Breen.* Assare.
Stern. Stella.	*Schvvalth.* Mors.
Sune. Sol.	*Knauen tag* erat illi Bonus dies.
Mine. Luna.	*Knauen* bonum dicebat.

2) Et pleraque alia cum nostra lingua non satis congruentia usurpabat, ut

Iel. Vita sive sanitas.	*Telich.* Stultus.
Ieltsch. Vivus s. sanus.	*Stap.* Capra.
Iel uburt. Sit sanum.	*Gadeltha.* Pulchrum.
Marzus. Nuptiæ	*Atochta.* Malum.
Schuos. Sponsa.	*Wichtgata.* Album.
Baar. Puer.	*Mycha.* Ensis.
Ael. Lapis.	*Lista.* Parum.
Menus. Caro.	*Schedit.* Lux.
Rintsch. Mons.	*Borrotsch.* Voluntas.
Fers. Vir.	*Cadariou.* Miles.
Statz. Terra.	*Kilemschkop.* Ebibe calicem.
Ada. Ovum.	*Tzo Warthata.* Tu fecisti.
Ano. Gallina.	*Jes Varthata.* Ille fecit.

Ich malthata. Ego dico.

3) Iussus ita numerabat: Ita, tua, tria, fyder, fyuf, seis, sevene, ahte, nyne, thiine, thiin-ita, thiine-tua, thiine-tria, etc. Viginti dicebat stega, triginta threithyen, quadraginta furdeithien, centum sada, hazer mille.

4) Quin etiam cantilenam ejus linguæ recitabat, cujus initium erat huiusmodi:

Wara wara ingdolou:
Scu te gira Galizu
Hoemisclep dorbiza ea.

«При первомъ взглядѣ насъ поражаетъ», говоритъ Масманъ[78]) «въ этомъ спискѣ странная смѣсь новыхъ словъ и формъ и явныхъ описокъ съ такими словами, которыя болѣе или менѣе близко подходятъ къ древне-готскимъ и даже съ ними совершенно совпадаютъ».

Къ такимъ словамъ онъ, въ своемъ разборѣ всѣхъ этихъ словъ причисляетъ, между прочимъ, слово schvvalth (var. schuualch, mors) соотвѣтствующее готскому svalts (Luc. 7, 2)

[78]) Haupt, Zeitschrift für Deutsches Alterthum, Leipz. 1841, I, стр. 359.

и принадлежащее, по Дифенбаху[79]) къ доказательствамъ достовѣрности извѣстій, переданныхъ Бузбекомъ.

Къ такимъ словамъ принадлежитъ, быть можетъ, и Бузбеково vinegart или gert, vitis; оно напоминаетъ мнѣ наше слово виноградъ, которое у другихъ Славянъ не служитъ для означенія растенія или плода vitis vinifera, но употребляется только въ смыслѣ нашего: виноградье, виноградникъ.

Дифенбахъ (Vergl. W. B. II, 392) объясняетъ это различіе недоразумѣніемъ со стороны Русскихъ, а именно тѣмъ, будто бы они смѣшали слова «grad» и «grozd», лоза.

Но почему же не допустить, что церковно-славянское и русское «виноградъ» прямо заимствовано изъ готскаго «veinagards», и что послѣднее слово употреблялось, на подобіе греческому ἄμπελος, въ двоякомъ смыслѣ, какъ vitis и какъ vinea. По крайней мѣрѣ можно думать, что наши предки познакомились съ винодѣліемъ при посредствѣ Черноморскихъ Готовъ, на что, впрочемъ, намекаютъ и наши пѣсни и припѣвы о виноградѣ, виноградьѣ зеленомъ и о Дунаѣ рѣкѣ (Даль, Толк. Слов.).

Если же у Русскихъ, по какой бы то ни было причинѣ, слово «виноградъ» могло войти въ употребленіе для означенія не сада съ лозами, но самаго растенія и кустовъ съ его плодами, то Греки, въ старину, могли легко, на оборотъ, означать край, весь почти покрытый лозами, множественнымъ числомъ слова κλῆμα, тѣмъ болѣе, что оно и теперь у нихъ употребляется въ подобномъ смыслѣ, напр., на Іоническихъ островахъ.

Вотъ почему я, вопреки мнѣнію Тафеля[80]), не думаю, что нашъ авторъ и современникъ его императоръ Константинъ только по ошибкѣ горную часть Крыма называютъ τα κλήματα, вмѣсто κλίματα «die Orte», какъ переводитъ Тафель.

По крайней мѣрѣ труднѣе согласовать съ этимъ чтеніемъ

---

[79]) Vergl. W. B. d. Goth. Sprache, II, 366.

[80]) Theoph Chronogr., особый оттискъ изъ S. B. d. Wiener Ac. 1852, 153.

почему императоръ ставитъ слова «τὰ λεγόμενα» (c. I, p. 68) предъ названіемъ края, составлявшаго какъ бы одно виноградіе и посему самому еще спрашивается, не по ошибкѣ ли въ 41 главѣ (p. 180) непоименованные замки, явно служившіе для охраненія сего края противъ набѣговъ варваровъ, названы τὰ κάστρα τῶν χλιμάτων.

Но и въ числѣ словъ, которыя по мнѣнію Бузбека не имѣютъ ничего общаго съ нѣмецкими, попадаются еще болѣе замѣчательныя, какъ напр., mycha, ensis, явно тожественное съ готскимъ meki или mekeis, которое не могло быть извѣстно барону, такъ какъ оно не встрѣчается въ доступныхъ ему частяхъ такъ называемаго Codex argenteus, но впервые является въ открытыхъ въ 1817 году миланскихъ палимпсестахъ (Ephes 6, 17).

Подобнымъ образомъ въ приведенныхъ Бузбекомъ словахъ ael, menus, iel, ieltsch отзываются древне-готскія: hallus (petra), menus (mims, въ I, Cor. 8, 13 вмѣсто κρέα) и hail, hails (sanitas). Между тѣмъ, всѣхъ этихъ словъ недостаетъ въ Codex argenteus, коего текстъ со словаремъ притомъ изданъ былъ Юніусомъ въ Дортрехтѣ въ 1665 году, стало быть почти сто лѣтъ послѣ временъ Бузбека.

За исключеніемъ таинственнаго ita (1) *всѣ* числа до 40 напоминаютъ намъ соотвѣтствующія имъ готскія названія, такъ какъ къ нимъ относится также stega (20). Напротивъ того, крымскіе Готы заимствовали, безъ сомнѣнія, у своихъ инородныхъ сосѣдей слова sata или sada (100) и hazer (1000).

Но это именно смѣшеніе иностранныхъ словъ съ готскими, равно какъ и старыхъ съ новыми, свидѣтельствуетъ въ пользу добросовѣстности Бузбека, поелику онъ, въ противномъ случаѣ, не оставилъ бы, по возвращеніи своемъ въ Германію, сообщить *всѣмъ* словамъ своего списка такой именно видъ, по которому они болѣе были бы похожи на готскія слова въ доступныхъ ему рукописяхъ. Не довольствуясь справляться о языкѣ крымскаго народа его въ особенности интересовавшаго, Бузбекъ старался познакомиться съ тогдашнимъ ихъ состояні-

емъ, съ ихъ нравами и проч. Между прочимъ, онъ узналъ, что Готы все еще, какъ во времена Прокопія, были народъ воинственный и населяли много деревень, изъ коихъ ханъ татарскій бралъ до 800 пѣшихъ склопетаріевъ, составлявшихъ лучшую часть его войска (Aiebat gentem esse bellicosam, quae complures pagos hodieque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cùm expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, praecipuum suarum copiarum firmamentum); главные же ихъ города были Мангупъ и Сциварінъ, т. е. Сюрень, на лѣвомъ берегу Бельбека, гдѣ и теперь видны остатки стариннаго укрѣпленія съ хорошо уцѣлѣвшею двухъэтажною башнею, построенною не Генуэзцами, но Византійцами, какъ показалъ г. Карауловъ [82]).

Изъ небольшаго числа путешественниковъ, побывавшихъ въ горной части Крыма въ теченіе двухъ столѣтій, протекшихъ отъ временъ Бузбека до занятія сего края Русскими, никто тамъ уже не встрѣчалъ Готовъ или Татъ, какъ ихъ называли Татары, по свидѣтельству Шильтбергера. Въ настоящее время они примѣняютъ это названіе, значущее, по Клапроту [83]), покоренный народъ, ко всѣмъ инородцамъ обитателямъ полуострова. Должно думать поэтому, что Готы мало по малу смѣшались съ Греками, Армянами и другими христіанами или совершенно исчезли въ массѣ Татаръ.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что со временъ Екатерины II многіе знаменитые ученые перенесли свои пенаты какъ разъ въ тѣ мѣста, гдѣ такъ долго жили Готы. Между тѣмъ, мы не ошибемся утверждая, что въ числѣ этихъ ученыхъ были и такіе, которые, подобно Бузбеку, были убѣждены въ томъ, что изслѣдованія касательно дѣйствій и судьбы прежнихъ обитателей Тавриды столь же интересны и важны, какъ описаніе климата и качества почвы, или флоры и фауны этой завѣтной страны.

---

[81]) Древнее Сюреньское укрѣпленіе, 5—11.
[82]) Potocki, Voyage d. l. step. etc. II, 48.

V.

Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ[1]).

Тогда какъ намъ положительно извѣстно, какимъ мѣстностямъ соотвѣтствовали имена, отмѣченныя, какъ въ Периплахъ Скилакса, Арріана и непоименованнаго автора, такъ и въ картахъ XIV и XV столѣтій, на сѣверномъ берегу Чернаго моря; ученымъ понынѣ не удалось опредѣлить съ точностью древнюю и средневѣковую топографію восточнаго берега, въ тѣ времена не уступавшаго первому, по важности своей въ коммерческомъ отношеніи. На основаніи новаго устава Одесск. Общ. Ист. и Древн. восточный берегъ включенъ теперь въ кругъ его занятій, почему и всѣ изслѣдованія, до его исторіи и географіи касающіяся, требуютъ нашего вниманія болѣе прежняго.

Безъ сомнѣнія, и на этомъ берегу не могли совершенно исчезнуть памятники старины въ родѣ тѣхъ, которые сохранились на поверхности земли или были открыты въ нѣдрахъ ея на сѣверномъ берегу,—памятники, которымъ мы преимущественно обязаны окончательнымъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ касательно мѣстоположенія тамошнихъ поселеній, какъ древнихъ, такъ и средневѣковыхъ. Такъ напр., только съ открытіемъ керченскихъ древностей Дюбрюксомъ содѣлалось из-

---

[1]) Изъ IX тома Записокъ И. Одесск. Общ. Ист. и Древн., съ прибавленіемъ другой статейки подъ заглавіемъ «Берегъ Чернаго моря между Ріономъ и Чорохомъ», посланной въ рукописи въ Тифлисъ для V Археологическаго съѣзда. Здѣсь приложена сравнительная таблица географическихъ именъ восточнаго берега.

вѣстнымъ, гдѣ находился древній Пантикапеонъ. Подобнымъ образомъ разные предметы искусства, найденные въ селѣ Порутинѣ, дали Муравьеву-Апостолу возможность опредѣлить мѣстоположеніе Ольвіи, которую тѣмъ не менѣе Кольстеръ вздумалъ перемѣстить на противуположный берегъ Буга, считая достаточнымъ, для рѣшенія сего вопроса, положиться на свое собственное толкованіе свидѣтельства древнихъ классиковъ. Столь же произвольнымъ образомъ разсуждали въ ученомъ мірѣ о мѣстоположеніи Танаиса, пока Стемпковскому не представился случай видѣть близь с. Недвиговки развалины и тѣмъ подать поводъ къ раскопкамъ, послѣ которыхъ уже нельзя было сомнѣваться, гдѣ обитали Танаиты, по крайней мѣрѣ, послѣ разрушенія древнѣйшаго ихъ города царемъ Воспорскимъ, Полемономъ.

Если въ наше время болѣе не спорятъ о томъ, гдѣ должны были находиться Тирасъ, Нимфеонъ, Фанагорія и другіе города, болѣе или менѣе важные въ древности и въ среднихъ вѣкахъ, то единственною тому причиною должно считать открытіе разнаго рода памятниковъ въ Аккерманѣ, при озерѣ Чурубашъ, при станціи Сѣнной и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Мангупѣ, гдѣ сохранились развалины дворца, явно свидѣтельствующія, что тутъ находилась столица Готіи Ѳеодори, которую до сихъ поръ всѣ изслѣдователи, русскіе и иностранные, увлеченные авторитетомъ Тунмана, отождествляли съ Инкерманомъ, не подозрѣвая, что сохранившіяся въ немъ развалины относятся къ городу Каламита.

Нельзя поэтому не согласиться, что Стемпковскій имѣлъ полное право сказать[2]): «когда свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи земель соединены съ изученіемъ памятниковъ древности, въ томъ что относится до Географіи, тогда можно на точныхъ основаніяхъ полагать сужденія свои о древнихъ мѣстоположеніяхъ; можно, такъ сказать, видѣть оныя каждое на своемъ

[2]) Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго. С. II. 1826, стр. 14 и 15.

мѣстѣ. Симъ пріобрѣтается даже средство судить, справедливы ли, или, до какой степени невѣрны, описанія древнихъ авторовъ; иначе всѣ изслѣдованія могутъ быть основаны на одномъ только умственномъ представленіи предметовъ: смотря потому, какъ мы разумѣемъ или толкуемъ тѣ описанія».

Само собою разумѣется, что съ открытіемъ слѣдовъ главныхъ нѣкогда городовъ на восточномъ берегу Чернаго моря представилась бы возможность сличить съ дѣйствительностью смежные между ними береговые пункты, отмѣченные въ приведенныхъ картахъ и описанные въ Периплахъ съ означеніемъ взаимнаго ихъ разстоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ становилось бы легче объяснить себѣ значеніе часто загадочныхъ названій этихъ мѣстностей въ приведенныхъ источникахъ; рѣшеніе же этихъ загадокъ могло бы давать поводъ къ пополненію, подтвержденію или опроверженію извѣстій, переданныхъ намъ о Закавказскомъ краѣ греческими, римскими, восточными, западно-европейскими и нашими писателями.

Вотъ соображенія, побудившія меня воспользоваться средствами, доставленными мнѣ Обществомъ для предпринятія лѣтомъ 1874 года поѣздки на восточный берегъ съ тѣмъ, чтобы сличить съ мѣстностями соотвѣтствующія имъ имена на картахъ XIV и XV столѣтій и касающіяся ихъ же топографическія извѣстія у древнихъ авторовъ. При этомъ мнѣ дана была къ счастію возможность пользоваться весьма важнымъ источникомъ, недавно открытымъ, т. е. фрагментомъ Перипла Понта Евксинскаго непоименованнаго автора, хранящимся въ рукописи въ Британскомъ музеѣ и впервые изданнымъ въ 1870 году Карломъ Мюллеромъ[3]).

Фрагментъ этотъ, заключая въ себѣ описаніе Черноморскаго берега отъ Офиса (пограничной рѣки Колхиды) до устья Меотиды, пополняетъ неизвѣстную дотолѣ среднюю часть Перипла Понта, составленнаго около временъ Юстиніана I непоименованнымъ авторомъ, преимущественно на основаніи Перипла

[3]) Fragmenta historicorum graecorum, V, I p. 174—184.

Арріана и сочиненій другихъ древнихъ писателей. Хотя въ приведенномъ отрывкѣ «Безъименный» не поступилъ иначе,— но за то онъ, къ даннымъ, имъ заимствуемымъ у гораздо древнѣйшихъ авторовъ, нерѣдко прибавляетъ совершенно новыя и тѣмъ болѣе интересныя извѣстія, что они обличаютъ въ немъ человѣка хорошо знакомаго съ описываемыми имъ береговыми пунктами.

Изъ нихъ одинъ только городъ Питіусъ (Pityus), «opulentissimum oppidum», по Плинію, не подавалъ повода къ противуположнымъ мнѣніямъ со стороны ученыхъ, пытавшихся отыскать мѣсто, имъ занимаемое въ дѣйствительности. Всѣ согласны, что городъ этотъ, разграбленный сначала Геніохами, а затѣмъ снова Готами, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, совпадалъ съ городомъ «peçonda» средневѣковыхъ картъ, грузинскимъ «Bidchwinta» т. е. съ нынѣшнею Пицундою, гдѣ и теперь сохранился великолѣпный храмъ, построенный при Юстиніанѣ I.

Имъ же этотъ городъ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ и теперь замѣтны, не смотря на разрушающее дѣйствіе времени и на частые набѣги варварскихъ сосѣдей.

Если я не ошибаюсь, то Питіусъ иногда назывался Сотирополисъ [4]). По крайней мѣрѣ, Константину Багрянородному, (De adm. imp. c. 42), который ничего не говоритъ о Питіусѣ, былъ извѣстенъ абхазскій городъ Сотиріополь, тогда какъ еще въ 1347 году Сотирополь ская епархія была соединена съ Аланійской (Acta Patr. Const. CXIV), а по Кодину [5]), Пиѳія (Pythia) прежде называлась Сотирополь.

Подобно Арріану, безъименный фрагментистъ полагаетъ 350 стадій (или $46^2/_3$ миль римскихъ) на разстояніи между Питіусомъ и Севастополемъ, занимавшимъ, по ихъ же свидѣтельству, мѣсто знаменитой милезійской колоніи Діоскуріасъ, наслѣдницы баснословныхъ богатствъ Колхиды. Извѣстно, что

---

[4]) Ст. Куника въ Учен. Зап. И. Ак. Наукъ, II, 740.

[5]) Cf. Hierocl. Syn. etc. ed. Parthey, 315.

городъ Діоскуріасъ былъ не только центромъ торговли съ горцами, но также, послѣ основанія бактрійскаго государства, складочнымъ мѣстомъ для индійскихъ товаровъ, которые туда доставлялись вверхъ по Оксу, изливавшемуся тогда, хоть однимъ рукавомъ въ Каспійское море, затѣмъ—вверхъ по Куру до волока между нимъ и Фазисомъ и внизъ по этой рѣкѣ.

Процвѣтая еще во времена Страбона, Діоскуріасъ, по свидѣтельству Плинія, въ его время былъ уже въ развалинахъ и уступилъ свое мѣсто крѣпости Севастополь. Арріанъ засталъ тамъ гарнизонъ со всѣми принадлежностями, что не удивительно при мѣстоположеніи этой крѣпости на краю римскихъ владѣній за Кавказомъ, съ которымъ былъ связанъ военною дорогою, ведущей въ Иберію мимо Каспійскихъ воротъ (Дарiельскаго прохода?), какъ видно изъ Пейтингеровой карты. Изъ Notitia utraque dignitatum мы узнаемъ, что въ V вѣкѣ въ Севастополѣ стояла первая Cohorta Claudia equitata. Важность города въ военномъ отношеніи еще увеличилась при Юстиніанѣ [6]) и можетъ быть онъ не лишился прежняго значенія во времена Анонима равеннскаго, тогда какъ въ торговомъ отношеніи снова процвѣталъ съ тѣхъ поръ, когда на Черномъ морѣ водворились Итальянцы. Въ XIV столѣтіи Севастополь былъ резиденціею католическаго епископа и генуэзскаго консула, и торговыя его сношенія съ Итальянцами не прекратились даже послѣ разграбленія его Турками въ 1451 году [7]).

Не смотря на важность Діоскуріаса и Севастополя въ древности и въ среднихъ вѣкахъ, изслѣдователи по нынѣ не могли согласиться въ томъ, въ какой мѣстности слѣдуетъ искать ихъ слѣдовъ. Такъ Мюллеръ [8]) и Броссе (l. l. 62), по примѣру Клапрота и Дюбуа, помѣщаютъ Діоскуріасъ при мысѣ Искуріи, отстоящемъ отъ Пицунды по крайней мѣрѣ въ 40

---

[6]) Nov. const. 28; Procop. B. G. IV, 4.

[7]) Brosset, Hist. de la Géorgie, I, 684, Зап. Общ. V, 809, Kunstmann, Studien über Marino Sanudo, 112.

[8]) Geogr. graec. min. I. 375 и Fragm. hist. gr. V, I, 186.

морскихъ миляхъ или въ 400 стадіяхъ въ прямомъ направленіи. Но такъ какъ по точному измѣренію Арріана, къ которому Страбонъ лишь прибавляетъ 10 стадій, протяженіе берега между Питіусомъ и Севастополемъ равнялось какъ разъ разстоянію между Пицундою и Сухумомъ, то не могу не согласиться съ мнѣніемъ Неймана [9]) и покойнаго сочлена нашего Тетбу де Мариньи, по которымъ послѣдній именно городъ занимаетъ мѣсто Діоскуріаса. Мнѣніе это еще тѣмъ подтверждается, что по грузинскимъ лѣтописцамъ городъ Севастъ, гдѣ Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе, въ ихъ время назывался Tzkhoum (Brosset, l. l. 61) т. е. Сухумъ, подъ какимъ именемъ его знаетъ также Абульфеда (пер. Reinaud, II, 40), тогда какъ на компасовыхъ картахъ городъ Севастополь помѣщается при соименномъ ему заливѣ, въ которомъ нельзя не узнать прекрасную бухту Сухумскую.

Правда, при этомъ «golfo di savastopoli» читается также на нѣкоторыхъ картахъ XV столѣтія приписка porto mengrello, превращенное на картѣ 1519 года въ porto de malfitan. Такъ какъ Амальфитяне едвали въ то время еще посѣщали Черное море, то трудно угадать, почему ихъ имя было примѣнено къ порту мингрельскому, который, судя по мѣсту сего названія на картахъ, долженъ былъ находиться при устьѣ рѣчки Келасуръ, гдѣ и теперь еще видны развалины крѣпости св. Георгія съ остатками стѣны, построенной, по преданію, однимъ изъ князей Мингрельскихъ [10]), и находится родовое имѣніе князей Шарвашидзе, прежнихъ владѣтелей побережнаго края. Келасуромъ же это имѣніе, подобно рѣчкѣ, названо туземцами, произносившими по своему греческое слово χλεισσουρα, т. е. ущелье, которымъ эта мѣстность означается у византійскихъ писателей.

За porto de malfitan слѣдуетъ на картѣ Маіолло приписка cavo ziziban, вѣроятно, подобно catancha на картѣ Вес-

[9]) Die Hellenen im Skythenlande, 576.
[10]) Brosset, Desc. géogr. de la Géorgie etc. 403.

конте, только варіантъ имени cicaba[11]), которое читается въ прочихъ картахъ и узнается въ названіи села Цхюбинь, не далеко отъ мыса Кодора и рѣки одного съ нимъ имени. Изливаясь въ море тремя устьями, верстахъ въ 20 отъ Сухума, эта быстрая и широкая рѣка обтекаетъ укрѣпленіе Дранды, замѣчательное по византійскому храму IX столѣтія, возобновленному въ 1871 г. За исключеніемъ карты Весконте, всѣ прочія представляютъ намъ названіе этой рѣки, хотя въ искаженномъ видѣ, т. е. goto или gotto; но такъ какъ она не доступна даже и для гребныхъ судовъ[12]), то въ ней уже нельзя видѣть древній Astelephus, поелику эта рѣка, по авторамъ перипловъ, представляла удобное пристанище для судовъ. Скорѣй Астелефъ, который во времена Безъименнаго назывался Еврипомъ (Euripus), могъ совпадать съ небольшою рѣкою, изливающеюся, за мысомъ Искурія, въ заливъ Скурджа, въ которомъ можно укрываться отъ С. З. вѣтровъ; почему и кажется, что Безъименный, по которому протяженіе берега между Діоскуріасомъ и Астелефомъ составляло 135 стадій, ближе къ истинѣ, чѣмъ Арріанъ, полагавшій на разстояніе между рѣкою и городомъ только 120 стадій.

По обоимъ авторамъ, устье Астелефа отстояло въ 30 только стадіяхъ отъ Гиппа (Hippus), въ которомъ я тѣмъ охотнѣе призналъ бы протекающую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Скурджи рѣку Лагвашъ, что, по свидѣтельству Безъименнаго, въ его время рѣка Гиппъ уже называлась Лагумпса.

Рѣка эта, подобно Астелефу, не обозначается въ средневѣковыхъ картахъ: за именемъ «goto», всѣ они, кромѣ карты Весконте, помѣщаютъ приписку tamassa (tamasa, tamansa), напоминающую слѣдующія за Лагвашемъ рѣки Тамышъ и Джамышъ и означающую безъ сомнѣнія или ту или другую.

Вмѣсто ихъ въ картѣ Весконте отмѣчены рѣки murcula и laxoporamo, явно нынѣшнія Меркулъ и Гализга, по двумъ

---

[11]) Cichaba, cicupa, icaba и т. д.

[12]) Лоція Черн. моря; изд. 2, I, 185.

сторонамъ урочища Очамчиръ, имѣнія прежнихъ владѣтелей Абхазіи съ якорнымъ мѣстомъ, посѣщаемымъ и нынѣ еще турецкими кочермами ради торговли лѣсомъ, въ особенности самшитовымъ, которымъ весь берегъ восточный былъ покрытъ тому назадъ еще не болѣе 40 лѣтъ [13]).

Изъ протяженія берега между Лагвашемъ и Меркуломъ можно заключить, что послѣдняя изъ этихъ рѣкъ совпадаетъ съ Тарсуромъ (Tarsuras), отстоявшимъ въ 150 стадіяхъ отъ Лагумпсы и называвшимся, по Безъименному, также Мохе (Moche). Имя это напоминаетъ намъ знаменитый древній монастырь въ селеніи Мокви, при соименномъ ему притокѣ Меркула, тогда какъ смежная имъ рѣчка Очамчиръ, подобно Тассиру въ картѣ Пейтингеровой и Тасбиру Географа равеннскаго напоминаетъ Тарсуръ Арріана и Анонима.

Подобнымъ образомъ отмѣченное на всѣхъ картахъ castro corenbedia, или просто corebendia, отзывается въ имени селенія Бедіа близь Илори, гдѣ также сохранился древній монастырь, тогда какъ слѣдующее затѣмъ во всѣхъ почти картахъ nega или megapotamo явно означало величайшую на всемъ прибрежьи рѣку послѣ Ріона, т. е. Ингуръ, отстоящую въ 20 верстахъ отъ Очамчиръ. Рѣку эту авторы перипловъ разумѣли подъ судоходной рѣкою Sigames или Ziganis, отстоявшей въ 120 стадіяхъ отъ Тарсура и 210 отъ Хоба, въ которомъ нельзя не узнать нынѣшній Хопи. Но такъ какъ разстояніе между этой рѣкой и Ингуромъ не превышаетъ 70 стадій, то придется согласиться съ остроумною догадкою Мюллера (p. 176), что въ источникѣ, которымъ пользовался Арріанъ, число O', по какому нибудь недоумѣнію замѣнено было числомъ CI', оставленнымъ Безъименнымъ по недосмотру и въ своей рукописи.

Гораздо труднѣе согласовать съ дѣйствительностью измѣреніе обоихъ авторовъ протяженія берега между Хобомъ и Фазисомъ, и указать на мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться

---

[13]) Ст. Нордмана въ Bull. de l'Ac. des Sc. de S. P. № 6, col. 93.

лежавшій при устьѣ послѣдней рѣки соименный ей городъ. Вопросъ этотъ, вопреки мнѣнію Дюбуа, отыскавшаго древній городъ Фазисъ въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ Поти при устьѣ Ріона, я считаю все еще не рѣшеннымъ, потому что, по Аррiану[14]), древній Фазисъ былъ отдѣленъ разстояніемъ 180 стадій отъ рѣки Хоба, между тѣмъ какъ Редутъ-кале при устьѣ Хопи, т. е. Хоба отстоитъ только въ 9 морскихъ миляхъ или 90 стадіяхъ отъ Поти при устьѣ Ріона. Поэтому я охотно отождествилъ бы нижнее теченіе послѣдняго, именемъ своимъ напоминающаго Реонъ Прокопія съ Аріемъ, Харіеномъ или Харіисомъ, который, по Арріану, изливался въ море какъ разъ въ серединѣ между устьями Хоба и Фазиса; вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы искать устье древняго Фазиса въ болотистой низменности, примыкающей къ южной оконечности нынѣшняго озера Палеостома или Палостомо, при чемъ я сослался бы на измѣненія, которымъ, по свидѣтельству Страбона (XI, 2, 17) эта «песчаная, мягкая и низменная» мѣстность искони была подвержена. Измѣненія эти достаточно объясняются слѣдующими словами двухъ столь же точныхъ какъ и добросовѣстныхъ наблюдателей, которые говорятъ какъ очевидцы: «Débarquer à l'embouchure du Phase», восклицаетъ Дюбуа[15]), «c'est à peu-près débarquer à Damiette ou dans les lagunes de Ravenne» etc. Въ свою очередь Вагнеръ (Reise nach Kolchis, 227) пишетъ: «Wenige Flüsse in der Welt führen reichlichern Niederschlag von Sand, Lehm und Humus mit sich wie der braune Rion». Въ пользу мнѣнія, что съ устьемъ этой рѣки не совпадало устье древняго Фазиса приведу еще то обстоятельство, что, по точнымъ измѣреніямъ Арріана и непоименованнаго автора перипла Понта, разстояніе между устьемъ Фазиса и крѣпостью Севастополь составляло 810 стадій, тогда какъ по Лоціи Чернаго моря сумма смежныхъ разстояній между Поти и Сухумомъ, занимающимъ мѣсто древняго Севастополя состав-

[14]) Müller, Geogr. gr. min. I, 2.

[15]) Bulletin de la Société de Géogr. avril 1847, p. 244.

ляетъ менѣе 70 морскихъ миль или 700 стадій. Съ другой стороны прямое разстояніе между Поти и Батумомъ не превышаетъ 340 стадій, тогда какъ по Арріану, рѣка Фазисъ отдѣлена была разстояніемъ 360 стадій отъ рѣки Батиса или Ватиса, при устьѣ которой лежитъ нынѣшній Батумъ, vati или lovati итальянскихъ картъ, совпадавшій, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію съ лежащимъ, по Контарини (изд. Семенова I, 2, 31) въ 60 миляхъ отъ города Ассо (вмѣсто Фассо) мингрельскаго города Liati или Varti. Ибо оба эти имена суть только описки вмѣсто Vathi, по Барбаро (ibid. I, 1, 45) большой мингрельской крѣпости при Черномъ морѣ и которая удобнѣе всего помѣщается въ нынѣшнемъ Батумѣ.

Здѣсь также долженъ былъ находиться городъ «Bata en Careche», изъ котораго «Gorgora», т. е. атабекъ Кваркваре (II) писалъ въ 1459 году герцогу бургундскому о своемъ намѣреніи воевать съ Турками [16]). Ибо этотъ городъ Бата явно совпадалъ съ городомъ Varti или Vati [17]) принадлежавшимъ Горболѣ или Горгорѣ, *владѣтелю* города Calticheа или Calcicap (Ахалчикъ), превращенному Семеновымъ въ *область* Гурію, такъ что самъ онъ, а не Контарини «сбился въ именахъ», подобно тому какъ напрасно превращаетъ Дадіана въ мингрельскаго бендіана, о которомъ упоминаютъ Барбаро (45) и Контарини (31—33) и въ которомъ нельзя не узнать Бедіана, союзника ахалчикскаго князя, какъ видно изъ приведеннаго письма сего послѣдняго. На томъ основаніи, что городъ Бата, какъ видно изъ письма царя грузинскаго Георгія VIII къ тому же герцогу и того же года, лежалъ «près de la Tente», Броссе полагаетъ, что союзники были уже готовы выступить въ предположенный походъ противъ Турокъ. Но не хотѣлъ ли царь грузинскій только сказать, что городъ Бата находился въ недальнемъ разстояніи отъ резиденціи своего союзника атабека и для этого считалъ достаточнымъ перевесть

---

[16]) Brosset, Additions etc., 409.

[17]) Семеновъ, I, 2, стр. 140 и 161.

подобно Рубруквису, татарское слово орда, или собственно урду, которое первоначально значило шатеръ или кибитку, а наконецъ и весь его дворъ (Языковъ, Путеш. къ Татарамъ, 273 пр. 3). Но такъ какъ Кварквare былъ христіанинъ, то царь грузинскій подъ своей палаткою вѣроятно разумѣлъ не лѣтнюю резиденцію атабека, но расположенное близь Батума становище другаго члена ихъ союза противъ султана, «личнаго врага» его «Assem-Bech, roi de Mesopotamie», т. е. Узунъ-Гассана, внука [18]) а не сына (Brosset, Add. 480) Кара Елека, начальника Туркменовъ Бѣлаго барана. Еще до этого онъ, по Вахушту (id. Hist. 688) назывался ханомъ (quen) востока и запада и простеръ свое оружіе далеко въ Арменію и Грузію, которая была опустошена его полководцами. Хотя Броссе (686) ничего не встрѣчалъ объ этомъ нашествіи въ грузинскихъ лѣтописяхъ и во французскихъ переводахъ мусульманскихъ авторовъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ самомъ фактѣ, иначе Абулъ-Магазинъ [19]) не сказалъ бы, что Гассанъ послалъ султану египетскому въ 863 году (1458—9) ключи многихъ грузинскихъ замковъ, имъ завоеванныхъ.

Можетъ быть, къ этимъ замкамъ принадлежалъ *Раиджже*, мимо развалинъ котораго проѣзжалъ въ 1641 году турецкій туристъ Эвлія-эфенди [20]) на пути своемъ изъ Гоніи (на Чорохѣ) въ Анапу, послѣ предварительнаго плаванія мимо четырехъ другихъ пристаней: *Софари*, *Хандра*, *Сури* и *Ярисса*. Подобно Раиджже, всѣ эти пристани находились на границѣ Мингреліи и въ послѣднемъ также замѣтны были слѣды древняго замка. Миновавъ пристань Раиджже, Эвлія присталъ къ большой рѣкѣ Фашечай или Фаша, подъ которой онъ впрочемъ могъ разумѣть не Ріонъ, но Ингуръ. Въ этомъ предположеніи, въ пользу котораго г. Введянскій [21]) привелъ вѣскіе доводы, я охотно допустилъ бы, что Эвлія подъ замкомъ Раиджже имѣлъ

[18]) Weil, Gesch. der Chalifen, V, 306.
[19]) Cod. Ber. f. 64 ap. Weil, ibid. V, 307, пр. 1.
[20]) Hammer, Narrative of travels etc. II, 52.
[21]) Зап. Одесск. Общ. X, 501—503

въ виду находившуюся на полуденномъ разстояніи къ югу отъ Ингура крѣпость Цихе-ганджо. Если же положить, что первая пристань, которую онъ засталъ по выѣздѣ изъ Гоніи, то есть *Сафари*, напоминающая намъ «Сафарскій монастырь въ Самцхе»[22]), должна была находиться близь Батума, то прочія, за исключеніемъ развѣ Раиджи, помѣстились бы между устьями Ватиса и Фазиса Арріана, по которому тутъ протекали рѣки: Mogrus, Isis, Acilasus (Κίνασος по непоименованному автору перипла), въ одинаковомъ одинъ отъ другаго разстояніи 90 стадій. Но если такъ, то я, можетъ быть, не ошибаюсь, полагая, что Арріанъ имѣлъ въ виду рѣку *Субсу* подъ Могромъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ по выѣздѣ изъ города Фазиса, стало быть, изъ Палостома, западная часть котораго въ то время не только была въ связи съ моремъ посредствомъ Пичоры, но, подобно сей рѣчкѣ, къ нему принадлежала. Самъ же древній городъ лежалъ выше, такъ какъ онъ, по Страбону (XI, 3, § 4), прилегалъ съ одной стороны къ морю, а съ другой къ рѣкѣ, съ третьей-же стороны находился въ недальнемъ разстояніи отъ озера т. е. отъ восточной части нынѣшняго Палостома, покрывавшаго по преданію древній городъ и распространившагося надъ нижнимъ теченіемъ Квирилы. Эту рѣку, а не Ріонъ, Страбонъ имѣлъ въ виду подъ своимъ Фазисомъ, когда говоритъ, что рѣка сія вытекала изъ Арменіи и была судоходна до Сарапана (XI, 2, 17), нынѣ Шарапанъ. Въ этихъ мѣстахъ имя Фазисъ перешло на Ріонъ, тогда какъ нижнее теченіе послѣдней рѣки совпадало, какъ я старался доказать, съ Харесомъ Страбона, Харіесомъ Арріана и Реономъ Прокопія.

Что же касается рѣки *Изиса* или Исисъ, полагаемой Арріаномъ какъ разъ въ «серединѣ пути между его Фазисомъ и Ватисомъ», то она совпадала, если я не ошибаюсь, съ рѣкою Хиносъ-цкали или Кинтриши при устьѣ которой находится резиденція Гуріелей Аламбари (Бакрадзе, l. c, 15), напоминаю-

[22]) Бакрадзе, Археол. Пут. по Гуріи стр. 37 и 157.

щая намъ отмѣченное на компасовыхъ картахъ къ югу отъ paliostomo имя «castris».

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ дана возможность отыскать развалины замка *Яриссы* въ недальномъ оттуда разстояніи къ югу около селенія прилегающаго къ замку *Цихисэ-дзири* (Бакрадзе, ibid. 12—17), который, массивными своими стѣнами выступая на утесѣ, на самомъ берегу моря, извѣстенъ неудачною осадою Русскими въ 1829 году. Замокъ этотъ явно тождественъ съ замкомъ Каджетисъ-цихе Вахушта и вѣроятно также съ крѣпостью *Петра*, которая, по Прокопію, была также окружена съ одной стороны моремъ, съ другой утесами (Бакрадзе, 276). Къ этой мѣстности я отнесъ бы также охотно отмѣченное на приведенныхъ картахъ имя св. Григорія (S. ghirghorio, 1436) или правильнѣе св. Георгія другихъ современныхъ картъ (scoçorçi, scozorzie, san giorgio), потому что въ Гуріи издревле много было церквей посвященныхъ послѣднему, тогда какъ не было ни одной, посвященной св. Григорію (Списокъ населенныхъ мѣстъ Кутаисской Губерніи, Тифлисъ, 1879). При томъ мы имѣли бы нѣкоторое право заключить, что въ этой именно мѣстности могла находиться факторія республики св. Георгія.

Наконецъ, пристань *Хандра* напоминаетъ мнѣ, хотя лишь именемъ своимъ ущелье *Хандере*, чрезъ которое Эвлія пробрался въ 1647 г. на пути изъ Эрзерума въ Нахшеванъ и гдѣ онъ засталъ развалины монастыря названнаго Семью-церквами. Подобнымъ образомъ пристань *Сури* не имѣетъ ничего общаго съ деревнею *Суреби* близъ рѣки Субсы (Бакрадзе, 326), кромѣ случайнаго созвучія именъ.

Возвращаясь къ Сигамесу, считаю не лишнимъ еще замѣтить, что сумма смежныхъ разстояній отъ этой рѣки до Астелефа, составляя 300 стадій, равнялась 30 морскимъ милямъ, отдѣляющимъ Ингуръ отъ Искурія (Лоція Ч. м. I, 187). Итакъ, мы могли бы въ случаѣ надобности, привести новое доказательство, что древній Діоскуріасъ, отстоявшій въ 134, или пожалуй въ 120 стадіяхъ отъ Астелефа, долженъ былъ

находиться скорѣе около Сухума, чѣмъ при мысѣ, если бы даже, что я не отрицаю, въ нынѣшнемъ названіи послѣдняго слышалось искаженное названіе славной столицы Колхиды.

Поэтому и неудивительно, что около мыса Искуріи вовсе не сохранилось слѣдовъ какого бы то ни было эллинскаго поселенія, тогда какъ подобнаго рода слѣды, какъ то: древнія глиняныя амфоры и черепки, и теперь попадаются въ самомъ Сухумѣ при устьѣ Баслы или Баслаты и на морскомъ берегу, гдѣ притомъ, въ особенности послѣ проливныхъ дождей и бурь, находятъ много монетъ разныхъ древнихъ понтійскихъ городовъ и въ томъ числѣ много серебряныхъ Колхидскихъ, которыя, вѣроятно, были биты въ самомъ Діоскуріасѣ современно съ автономными монетами сего города, которыя также попадаются въ Сухумѣ, хотя рѣже. При томъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ сохранились разные памятники архитектуры, которые, если даже не были сооружены жителями милезійской колоніи, по крайней мѣрѣ, подверждаютъ вышеизложенное нами мнѣніе, что прекрасная мѣстность, гдѣ они водворились, даже послѣ паденія ихъ города, не лишилась совершенно прежняго своего значенія. Такъ на вершинѣ, возвышающейся надъ самымъ Сухумомъ, уцѣлѣла часть стѣны, очевидно, спѣшно выстроенной изъ камней на цементѣ, въ безпорядочномъ видѣ сложенныхъ и перемѣшанныхъ съ плинѳами, кирпичами и черепицею Въ недальнемъ разстояніи отъ этой горы, но уже за Баслатой, видны на другой горѣ, развалины замка съ большими амбразурами, въ обиходѣ полагаемаго Сухумцами генуэзскимъ, подобно хорошо сохранившемуся каменному мосту съ укрѣпленіями при немъ, въ 6 верстахъ отъ города, на Баслатѣ же. Къ сожалѣнію, разлитіе рѣкъ вслѣдствіе постоянныхъ дождей, во время восьмидневнаго пребыванія моего въ Сухумѣ, помѣшали мнѣ пробраться до этого моста, мимо котораго пролегала, быть можетъ, вышеприведенная римская дорога «ad fontem felicem» въ 15 римскихъ миляхъ отъ Севастополя и въ 45 отъ Меркурія, отстоявшаго въ 5 только миляхъ отъ Каспійскихъ воротъ, если бы можно было ручаться за

точность измѣреній въ Пейтингеровой таблицѣ. Желательно, чтобы комиссія инженеровъ, занимающаяся въ настоящемъ году изысканіемъ кратчайшаго и наивыгоднѣшаго пути изъ Сухума къ верхней и средней Кубани обратила вниманіе на этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго пролило бы много свѣта на исторію закавказскаго края во время его зависимости отъ Римлянъ. Гораздо позднѣйшему времени должно быть приписано сооруженіе четыреугольной крѣпости, развалины которой видны на морскомъ берегу, недалеко отъ устья Гумисты, въ 6 верстахъ отъ города. Въ народѣ она слыветъ подъ именемъ Стараго Сухума, для различія отъ крѣпости, примыкающей къ самому городу и построенной Турками въ началѣ прошлаго столѣтія, какъ явствуетъ изъ надписи, которая и теперь еще читается на ея воротахъ. На морскомъ берегу, между ней и устьемъ Баслаты, попадаются именно вышеприведенные остатки древности, служившіе намъ для рѣшеніе вопроса о мѣстоположеніи Діоскуріаса, что однако намъ не мѣшаетъ допустить, что генуэзская факторія въ Севастополѣ могла быть устроена въ старо-сухумскомъ замкѣ.

Слѣдующая на генуэзскихъ и на другихъ компасовыхъ картахъ flm Nicofia, съ его варіантами, означаетъ явно рѣчку Псырту и обязано своимъ названіемъ крѣпости Анакопіи, слѣды которой сохранились близь этой рѣчки.

Отмѣченною между ней и Пицундою cavo de bux столь же легко узнается въ мысѣ Суукъ-су, подлѣ Бомборъ, какъ и слѣдующее послѣ peçonda «cavo de giro»—въ мысѣ Пицундскомъ, который, по остроумной догадкѣ г. Десимони[23]), прежнее свое названіе получилъ отъ святилища (Hieron), которое нѣкогда находилось въ его сосѣдствѣ, гдѣ также отмѣчено на нѣкоторыхъ картахъ имя s. sofia, означающая по мнѣнію весьма правдоподобному г. Кондакова, что знаменитый храмъ Пицундскій только по недоумѣнію могъ быть позднѣйшими авторами названъ Маріенскій.

---

[23]) См. его примѣчаніе къ моей статьѣ въ Giornale Ligustico, 1874 p. 362.

Слѣдующее затѣмъ на всѣхъ картахъ sacarі, какъ по мѣсту, которое оно на нихъ занимаетъ, такъ и по созвучію, совпадаетъ съ Гагрою, отстоящей отъ Пицунды въ 15 м. миляхъ, равняющихся 150 стадіямъ, отдѣлявшимъ Питіусъ отъ Нитики, по Арріану, которому въ этомъ случаѣ слѣдуетъ Безъименный. Правда, у него читается Стеннитики, вмѣсто Нитики, но нельзя не согласиться съ Миллеромъ, который тутъ подозрѣваетъ небрежность писца. Значеніе имени мнѣ также мало удалось угадать, какъ и причину, по которой эта мѣстность еще носила названіе Триглитисъ, также приведенное Безъименнымъ. Зато считаю себя въ правѣ отождествить его рѣку Abascus, отстоявшую отъ Нитики въ 90 стадіяхъ, съ нынѣшнею рѣкою Псу, изливающеюся въ море на такомъ же разстояніи отъ Гагры. Въ 6 м. миляхъ далѣе находится рѣка Мзымта, въ которой уже Мюллеръ узналъ рѣку Боргисъ Арріана, хотя она у него отмѣчена въ 120 стадіяхъ отъ Абаска. У Безъименнаго, не повѣрявшаго это измѣреніе, Боргисъ уже называется Мизигосъ, т. е. именемъ, въ которомъ слышится нынѣшнее названіе этой рѣки. Прибавляя, что она также называлась Брухонъ, онъ насъ знакомитъ съ жилищами «еврейскихъ» Брухатовъ, обитавшихъ, по Плано Карпини [24]), на южной сторонѣ Кавказа; отъ него мы также узнаемъ, что Брухи, которые, по Прокопію (B. G. IV, 4), обитали между Абхазіею и Аланіею, были чуть ли не тождественны съ Мизиміанами или Миндиніанами, чрезъ землю которыхъ византійскій посланникъ Земархъ не хотѣлъ проѣзжать, на обратномъ пути изъ Туркестана.

Не представляя удобной стоянки для судовъ, обѣ эти рѣки, т. е. Псу и Мзымта, не обратили на себя вниманія составителей средневѣковыхъ картъ. Зато мы въ нихъ встрѣчаемъ, непосредственно послѣ Гагры, приписку laiaza, означающую, быть можетъ, селеніе Ліушъ, при которомъ, по свидѣтельству Эвліи-эфенди (Зап. Од. Общ. IX, стр. 175), была пристань племени Артларъ, коего названіе сохранилось въ урочищѣ Адлеръ,

[24]) Recueil de Voyages etc. IV, 709 и 749.

близъ устья Мзымты. Хотя отъ этой рѣки до мыса Соча-бытхъ около 10 миль, тѣмъ не менѣе я согласенъ съ Мюллеромъ, что въ немъ намъ представляется отстоявшій, по авторамъ перипловъ, въ 60 только стадіяхъ отъ Мизигоса мысъ Heracleum, или Pyxites, какъ онъ также называется у Безъименнаго, безъ сомнѣнія по самшитовымъ деревьямъ, на немъ растущимъ. И нынѣ еще самшитовый лѣсъ покрываетъ мысъ Соча-бытхъ, въ названіи котораго даже слышится отголосокъ греческаго названія сего растенія. Смежную съ этимъ мысомъ рѣку Соча-пста я поэтому считаю, также по примѣру Мюллера, тождественною съ рѣкою Несисъ, которая, изливаясь въ море, подлѣ мыса, отдалена была отъ рѣки Масетики (Masaetica) разстояніемъ 90 стадій.

Отмѣченное на всѣхъ разсматриваемыхъ нами картахъ послѣ layazo названіе, costa (costo, gusto) явно означало мысъ при первой изъ этихъ рѣкъ, тогда какъ слѣдующее затѣмъ на нихъ cuba (guba, chuba, cavo de chubba) какъ по имени такъ и по мѣстоположенію узнается въ мысѣ Жообже, въ недальномъ разстояніи отъ Царской фермы, въ долинѣ Вардане. Ее-то именно Безъименный разумѣлъ подъ приведенною рѣкою Масетикою, отстоявшей въ 60 только стадіяхъ отъ рѣки «Achaeus», которая, въ его время называлась «Basis». Мюллеръ видитъ въ ней небольшую рѣчку «Khasi-Aps; но едва ли мы ошибемся, признавъ въ Басисѣ рѣку Субешисъ или Шахе, съ главнымъ его притокомъ Бзычь[25]). Отъ Ахеунта до другаго мыса Heracleum, также названнаго τὰ Ἔρημα (Deserta), Безъименный считаетъ 150 стадій, которыя ведутъ насъ до ущелья Мокупсе, подходящаго съ обѣихъ сторонъ близко къ морю и образующаго высокое скалистое прибрежье, характеръ котораго не измѣняется до самой рѣчки Туапсе, чѣмъ и объясняется почему этотъ мысъ могъ быть названъ «пустыннымъ».

На всемъ этомъ пространствѣ дорога едва доступна для

---

[25]) Зап. Кавк. Общ. Сельск. хоз. 1866 №№ 5 и 6, стр. 115.

верховой лошади. Отвѣсные пласты горныхъ породъ вдаются далеко въ море и образуютъ мели, такъ что корабли должны держаться въ морѣ очень далеко отъ берега. Морскія волны, разрушая легко вывѣтривающіяся горныя породы, загромождаютъ берегъ огромными каменными глыбами, чрезъ которыя можно пройти только пѣшкомъ и то лишь въ тихую погоду; во время же морскихъ прибоевъ сообщеніе по этому берегу совершенно прекращается.

Сказавъ, что въ 10 только стадіяхъ отъ мыса Гераклейскаго былъ другой мысъ, надъ которымъ поднимался замокъ Бага, Безъименный ставитъ въ 80 стадіяхъ оттуда еще мысъ съ безопасною при немъ, въ случаѣ С. З. вѣтровъ, пристанью Laea, тогда какъ эта пристань отстояла бы въ 180 стадіяхъ отъ мыса Heracleum, если вѣрить измѣренію Арріана, который вовсе не говоритъ о мысѣ съ замкомъ Бага Но въ этомъ случаѣ ошибся скорѣе самъ Арріанъ, чѣмъ Безъименный, или писецъ сего послѣдняго, потому что пристань Леа могла только находиться при устьѣ рѣчки Туапсе, подлѣ мыса Кодошъ, отстоявшаго отъ Мокупсе какъ разъ въ 90 стадіяхъ, а не въ 180. Защищенный этимъ мысомъ Туапсе принадлежитъ къ лучшимъ второстепеннымъ стоянкамъ восточнаго берега. На разсматриваемыхъ нами картахъ она-то именно названа porto de susaco, (sussaco, zurzuchi), быть можетъ, по той причинѣ, что въ ея окрестностяхъ находились уже тогда жилища племени Суксу, которое тамъ еще засталъ Эвлія-эфенди (Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 179).

Сказавъ, со словъ Арріана, что 120 стадій отдѣляли пристань Laea отъ Старой Лазики, Безъименный прибавляетъ, что тамъ лежалъ городъ Никопсисъ, въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Псахапсисъ. Всякій согласиться съ Мюллеромъ, что рѣчка эта текла въ долинѣ Шапсухо, и что городъ Никопсисъ лежалъ въ долинѣ Негопсухо, гдѣ и теперь видны его развалины. По Константину Багрянородному городъ этотъ находился на серединѣ пути между Таматархою и Сотиріополемъ; по спискамъ же православныхъ епископствъ (Parthey l. l. 58),

онъ тогда же былъ главнымъ городомъ одной изъ зихійскихъ епархій.

Въ итальянскій періодъ Никопсисъ вѣроятно уже лишился прежняго значенія; по крайней мѣрѣ имени его не достаетъ на картахъ сего времени. Слѣдующее послѣ p. de susaco, и то только на позднѣйшихъ картахъ, «fiume londia» означало вѣроятно рѣчку, нынѣ называемую Вуланъ или Цюэпсинъ, въ которой не трудно было угадать и рѣку Топсидасъ, оропавшую Старую Ахаію и отстоявшую, по Безъименному, согласно съ Арріаномъ, въ 150 стадіяхъ отъ Никопсиса. Слова mauro zichia, отмѣченныя непосредственно за fiume londia, которыя также читаются на всѣхъ прочихъ картахъ, должны были вѣроятно показать, какъ далеко простирались жилища Черкесовъ, подвластныхъ татарскимъ ханамъ и названныхъ Черными для различенія ихъ отъ Бѣлыхъ или свободныхъ. Послѣдніе, въ свою очередь, занимали береговой край до окрестностей Туапсе, судя по словамъ alba zichia, отмѣченнымъ подлѣ porto de susaco. По свидѣтельству Эвлія-эфенди въ этихъ же мѣстахъ была гора, которая еще въ его время отдѣляла абхазскихъ Кютасси отъ черкесскаго племени Шана (Зап. Од. Общ. IX, стр. 180), чѣмъ и объясняется слово sania или sanna, отмѣченное на нѣкоторыхъ картахъ на краю Бѣлой Зихіи.

Послѣ имени mauro zichia читается на нѣкоторыхъ картахъ chareta, careta, а затѣмъ на всѣхъ: mauro lacho. Это явно Геленджикъ и Pagrae portus Арріана и Безъименнаго, отстоявшій въ 350 стадіяхъ отъ Старой Ахаіи.—Во времена Безъименнаго Пагры также назывались Heptali portus, быть можетъ по персидскому названію гуннскихъ Утургуровъ, туда переселившихся изъ Крыма въ сообществѣ Готовъ (см. выше, стр. 207).

Въ 180 стадіяхъ далѣе авторы перипловъ ставятъ Hieros limen, т. е. Священную гавань, совпадающую съ Новороссійскою бухтою, которая на картахъ по справедливости называется calolimena. Если же, по Безъименному, въ его время, эта гавань называлась Hierii portus и также Никаксинъ, то

спрашивается, не кроется ли въ послѣднемъ словѣ нынѣшнее названіе мыса при входѣ въ Новороссійскую бухту, т. е. Мысхакъ? Что это названіе мыса было съ давнихъ поръ извѣстно морякамъ, можно заключить изъ того, что оно отмѣчено на двухъ картахъ, хотя въ искаженномъ видѣ, qssa (1408) и chiga (1436). Подобнымъ образомъ слѣдующее въ нихъ ternisia, tenegia, съ его варіантами teinici и проч. въ другихъ картахъ, составилось по имени рѣчки Цемесъ, изливающейся въ Новороссійскую бухту.

Въ имени mapa, которое затѣмъ представляется на картахъ, не трудно угадать Анапу, такъ какъ городъ этотъ въ генуэзскихъ документахъ также называется Мара или Maparium. Изъ нихъ еще усматриваемъ, что республика св. Георгія имѣла тамъ коменданта или президента, тогда какъ отъ очевидца Эвліи-эфенди узнаемъ, что тамошній замокъ былъ крѣпко построенъ и такъ хорошо сохранился, какъ будто бы постройка его только что была окончена.

Нынѣ въ г. Анапѣ мало сохранилось памятниковъ того времени, когда онъ еще состоялъ подъ властью Генуэзцевъ. Зато эллинскія и римскія монеты, которыхъ здѣсь и теперь еще много попадается, равно какъ и разныя другія древности, случайно открытыя, ясно свидѣтельствуютъ, что мѣстность, занимаемая этимъ городомъ, должна была имѣть не маловажное значеніе гораздо ранѣе, особенно если взять во вниманіе, что Анапскій портъ, нынѣ незавидный, еще во времена Эвліи-эфенди считался лучшимъ на Черномъ морѣ. Легко могло статься поэтому, что подобно тому какъ въ Ольвіи и Пантикапеонѣ, здѣсь могла существовать еврейская община при первыхъ наслѣдникахъ Августа, какъ доказываетъ г. Стефани на основаніи греческой надписи 42 года нашей эры [26]), найденной въ Анапѣ, подобно тремъ другимъ, приведеннымъ Бёкомъ (C. I. 2130, 2130 b, 2131). Къ нимъ можемъ прибавить греческую же надпись на известковомъ камнѣ, недавно найденномъ

[26]) Mél. graeco-rom. II, 1 p. 200.

въ самомъ городѣ и поставленномъ, вмѣстѣ съ другими камнями съ турецкими надписями, на дворѣ полицейской управы. Къ сожалѣнію, отъ этой надписи уцѣлѣлъ только слѣдующій фрагментъ:

. . . ΣΕΤΗΝΦΑΡΝΑΡΝ
. . . ΝΕΣΤΗΣΑΑΝΔΡΙΑΓ
. . . ΜΗΣΧΑΡΙΝ ΕΝΤΩ
. . . Γ

Между словами ΧΑΡΙΝ и ΕΝ, на пустомъ мѣстѣ, изображенъ въ подлинникѣ знакъ въ видѣ древеснаго листа, и такой же находится въ послѣдней строкѣ вслѣдъ за буквою Γ.

Гораздо интереснѣе этой надписи, другой памятникъ также не вполнѣ сохранившійся. Это двѣ мраморныя статуи мужчины и женщины, найденныя случайно въ самой Анапѣ въ 1871 году. Теперь они составляютъ лучшее украшеніе небольшаго сада начальника округа въ Новороссійскѣ, гдѣ мнѣ посчастливилось ихъ осмотрѣть въ сообществѣ съ профессоромъ исторіи изящныхъ искусствъ, Н. П. Кондаковымъ[27]).

---

[27]) Считаю кстати привести здѣсь подробное описаніе этихъ статуй, извлеченное изъ помѣщеннаго въ Московск. Вѣдомост. 1874 г. № 208 письма его къ К. К. Герцу: «Статуи эти произведеніе классическаго искусства на почвѣ древней Скиѳіи или Сарматіи, какъ угодно. Это классическое искусство неизмѣнно блюло свои законы, и по этому его скульптурныя произведенія познаются сразу. Но въ извѣстныя эпохи оно разнообразилось извѣстными стилями, то-есть извѣстными формами изображенія, извѣстными пріемами согласно съ данными въ эту эпоху художественными силами. Къ сожалѣнію, наши статуи принадлежатъ къ эпохѣ начавшагося паденія, когда довольствовались малымъ, пріемами изученными, но непонятными, когда силы уже ослабѣли. Эта эпоха простирается отъ II стол. до Р. Х. по II или даже III стол. по Р. Х. Для нашихъ статуй, въ силу нѣкоторыхъ частностей, эпоха можетъ быть ограничена первыми двумя вѣками до Р. Х., особенно, если припомнить, что работы въ провинціи грубѣе столичныхъ и извѣстныя слабости и недостатки выступаютъ въ нихъ рѣзче. Обѣ статуи—дружки, сдѣланы въ одно время, однимъ и тѣмъ же художникомъ, представляютъ мущину и женщину. Обѣ лишены головъ, но женская фигура сохранилась затѣмъ вся съ пьедесталомъ, а мужская только до колѣнъ (женская имѣетъ 1 арш. 11 вершк. выс., мужская 1 арш. 2 вершка).

Женская фигура изображена покойно стоящею; правою рукою она слегка отводитъ покрывало отъ лица, при чемъ рука эта закутана одеждою.

Гдѣ же, если не въ Анапѣ, могли сохраниться слѣды Горгиппіи, главнаго города Синдики, которая, по Страбону, лежала при морѣ, а по другимъ древнимъ авторамъ имѣла гавань и обыкновенно называлась именемъ самой страны?

Сверхъ хитона фигура одѣта въ гиматіонъ, который проходитъ съ праваго боку, такъ что видна сверху складка хитона на боку. Эти складки хитона вообще отдѣланы такъ, что видимо должны давать чувствовать легкость и прозрачность одежды. Лѣвая рука женщины свободно положенная на тѣлѣ, на правомъ боку приподымаетъ гиматіонъ, который будучи переброшенъ затѣмъ черезъ голову, служилъ покрываломъ. Очевидно, что художникъ хотѣлъ также упереть на естественность движенія лѣвой руки: приблизивъ ее къ локтю правой, онъ хотѣлъ показать что она за минуту передъ тѣмъ поддерживала правую руку подъ локоть. Описанная поза весьма извѣстна, она отмѣчаетъ тѣ женскія фигуры, которыя принято называть «драпированными фигурами». Въ крупныхъ скульптурахъ онѣ встрѣчаются въ греко-римскомъ искусствѣ; въ мелкихъ — во множествѣ среди погребальныхъ терракоттъ, возбуждая собою явное недоумѣніе относительно своего значенія. Портретность изображенія совпадаетъ здѣсь съ извѣстнымъ содержаніемъ, которое выражено главнымъ образомъ въ этой задумчивости, отличающей собою позу и особенно движеніе рукъ этихъ фигуръ. Переходя затѣмъ въ частности къ стилю фигуры, замѣчу какъ главную черту извѣстную небрежность работы. Сзади статуя вовсе не отдѣлана, а обозначены только общія очертанія одежды. Между ногъ складки хитона являются совершенно въ характерѣ тѣхъ римскихъ позднихъ статуй, гдѣ эта часть одежды дѣлается опорою статуи, тяжелымъ столбомъ. Ноги поставлены неловко, лѣвая въ сгибѣ какъ бы переломлена, пропорціи уродливы. Все вообще носитъ характеръ подражательности, копировки; складки гиматіона слишкомъ мелки.

Фигура мущины исполнена съ перваго взгляда какъ будто еще слабѣе и хуже. Сверхъ рукавнаго, повидимому, хитона, означеннаго впрочемъ слишкомъ слабо, накинутъ римскій, военный плащъ, paenula, застегнутый фибулою на правомъ плечѣ. Правая рука спущена вдоль праваго бока и у локтя тломана; подъ нею обозначенъ мечъ, маленькій до нельзя, и болѣе походящій на игрушечный. Въ лѣвой рукѣ, также сильно пострадавшей и согнутой, фигура держитъ большой уже мечъ; на эту руку наброшена пола плаща, отороченная какъ бы бахрамой, или представленная въ видѣ шкуры съ мѣхомъ виднымъ внизу. Задняя сторона статуи спилена ровно, притомъ имѣетъ широкую выдолбленную полосу, очевидно, для прикрѣпленія къ столбу. По содержанію, вѣроятно, представляетъ портретъ, но чей? римскаго ли правителя на берегахъ Понта, или какого-либо туземца въ римскомъ воинскомъ костюмѣ? Для перваго страннымъ представляются эти два меча. Подражательность въ манерѣ изображенія непріятно кидается въ глаза: складки плаща слишкомъ плоско повторяютъ схему, онѣ такъ неуклюже правильны въ осевой формѣ треугольника»...

Въ Анапу именно ведетъ насъ измѣреніе Безъименнаго, когда онъ, по примѣру Арріана, считаетъ 300 стадій отъ Никаксина до Синдики, или Синдикской гавани, какъ онъ прибавляетъ отъ себя, тогда какъ другіе авторы, именно Птолемей, различая Синдикскую гавань отъ мѣстечка ей соименнаго, ставятъ первую далѣе къ Западу. Что подъ Синдикою Безъименный тутъ разумѣлъ не эту гавань, но подобно Арріану, анапскую, явствуетъ изъ того, что они на разстояніи между Пантикапеономъ и Синдикою, въ прямомъ направленіи, полагаютъ 540 стадій, стало быть, не менѣе, но даже не много болѣе протяженія берега между Керчью и Анапою.

Тогда какъ это измѣреніе заимствовано Безъименнымъ также у Арріана, который самъ не заходилъ такъ далеко[28]), онъ передъ тѣмъ сообщаетъ намъ совершенно новыя и весьма интересныя данныя касательно топографіи Таманскаго полуострова, почерпнутыя имъ изъ другихъ источниковъ и чуть ли не повѣренныя имъ самимъ на мѣстѣ. Но такъ какъ трудъ его едва-ли доступенъ всѣмъ нашимъ читателямъ, то мы приведемъ здѣсь въ переводѣ собственныя его слова:

«Отъ Синдикской гавани до гавани «Pagrae» прежде обитали Керкеты и Тореты, теперь же—Эвдусіаны, говорящіе Готскимъ и Таврскимъ языкомъ».

«За Синдикскою гаванью слѣдуетъ мѣстечко Корокондаме, лежащее на исемѣ или узкой полосѣ земли (таковъ по моему мнѣнію, смыслъ словъ Безъименнаго: ἐπὶ ἰσθμοῦ ἤτοι στενοῦ; въ латинскомъ же переводѣ Мюллера они гласятъ: in angusto isthmo) между озеромъ и моремъ. За нимъ (мѣстечкомъ) слѣдуетъ озеро (λίμνη) Корокондамитъ, нынѣ называемый Описсасъ (и) образующій огромный заливъ (κόλπος) въ 630 стадій, 84 мили. Въѣзжающему же въ самое озеро (εἰς αὐτὴν τὴν λίμνην) и плывущему берегомъ до Гермонассы, 440 стадій, $58^2/_3$ мили».

Тутъ авторъ переходитъ къ подробностямъ, списаннымъ

[28]) Ср. Chotard, Le Périple de la mer Noire d'Arrien, p. 163.

имъ, какъ онъ это дѣлаетъ часто, изъ поэмы Скимна и слѣдовательно намъ уже знакомымъ; затѣмъ, продолжая прерванный свой разсказъ, говоритъ:

«Въѣзжающему же изъ Гермонассы въ заливъ до устья Меотиды и мѣстечка Ахиллеонъ 515 стадій, $68^2/_3$ мили».

Въ статьѣ, помѣщенной въ Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 183, мною уже было показано, что подъ таврскимъ языкомъ Безъименный здѣсь разумѣлъ аланскій, и что его Εὐδουσία ошибочное чтеніе вмѣсто Εὐλουσία или Εὐλουσία, куда, по Прокопію, Готы переселились изъ Крыма. Что они оттуда вышли въ значительномъ числѣ, видно изъ свидѣтельства Безъименнаго, что языкъ ихъ былъ въ употребленіи не только въ Анапѣ, но также въ его окрестностяхъ до самаго Геленджика. Слѣды ихъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ, при извѣстной тягучести географическихъ именъ, сохранились, быть можетъ, въ названіяхъ горы Варада и рѣки Уланъ, которыя оба звучатъ по-нѣмецки, рѣзко различаясь, первое отъ туземнаго названія той же горы «Тогопсупуе», а другое отъ названія «Цюэпсинъ», которое также въ употребленіи для означенія рѣчки Уланъ.

Сличая прочія извѣстія, переданныя намъ Безъименнымъ въ приведенномъ отрывкѣ, съ тѣмъ, что я могъ видѣть проѣздомъ на пути изъ Тамани въ Анапу, я прежде всего убѣдился въ томъ, что Дюбуа не ошибся, когда утверждалъ тождество Корокондамита съ Таманскимъ заливомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ стало яснымъ, что Корокондаме, лежащее предъ озеромъ, никогда не могло занимать мѣсто города Тамани, какъ полагалъ Дюбуа; но должно было находиться за Южною косою (тогда еще, быть можетъ, не существовавшею) близъ мыса Тузлы, и что, по сему самому, Страбонъ имѣлъ полное право сказать, что Корокондаме отстояло въ 10 только стадіяхъ отъ устья Корокондамита, и въ 70 отъ Акры, на европейской сторонѣ Воспора Киммерійскаго.

Если же великій географъ отъ Корокондаме считаетъ не болѣе 180 стадій до Синдикской гавани, то эта гавань должна была находиться около Бугаса или устья Благовѣщен-

скаго или Кубанскаго лимана, отъ котораго еще далеко до Анапы; по сему самому кажется, что онъ подъ Синдикской гаванью разумѣлъ сопменную ей гавань Птолемея, а не его Синду, тождественную съ Синдикою Арріана и Синдикскою гаванью Безъименнаго, названную «иными», (Steph. Byz. s. v.) въ томъ числѣ, быть можетъ, самимъ Страбономъ Горгиппіею. Въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить еще то обстоятельство, что, по его измѣренію, Синдикская гавань отстояла не въ 300, но въ 400 стадіяхъ отъ Баты, и что таково какъ разъ разстояніе между Бугасомъ и ущельемъ Дирзое, близь долины Озереикъ, при которомъ сохранились развалины (Dubois I, 6), указывающія намъ мѣсто древней Баты, какъ уже замѣтилъ Нейманъ (Die Hellenen и пр., 573).

Далѣе узнаемъ отъ Безъименнаго, что Корокондамитъ, имѣя 630 стадій, т. е. болѣе 110 верстъ въ окружности, былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ нынѣ Таманскій заливъ; почему позволено будетъ спросить, не соотвѣтствовалъ ли послѣдній только той части Корокондамита, которая имѣла видъ залива, тогда какъ нынѣшній Ахтанизовскій (Акдегнисъ, Бѣлое море) лиманъ составлялъ остальную часть его?

Мнѣніе, что этотъ именно лиманъ входилъ въ составъ Корокондамита, уже было высказано другими, между прочимъ Нейманомъ[29]), въ томъ предположеніи, что лиманъ этотъ былъ въ старину въ связи съ Таманскимъ, образуя вмѣстѣ съ нимъ огромное «Binnengewässer». Что въ низменности къ югу отъ станціи Сѣнной, пролегающей теперь между обоими лиманами, могло помѣститься не только русло широкой рѣки, обозначенное на картѣ, приложенной къ точному изслѣдованію г. Гёрца (Археол. топогр. Таманскаго полуостр.); но что вся эта низменность была въ старину покрыта водою,—въ этомъ я, послѣ осмотра мѣстности, уже не сомнѣваюсь. Подобное же впечатлѣніе произвела она на г. секретаря Археологической коммиссіи, равно какъ и, сколько я помню, на гг. Кондакова, Лю-

[29]) Die Hellenen im Skythenlande, 549.

ценко и Тельфера, которые всѣ, въ одно время со мною, гостили у В. Г. Тизенгаузена, производившаго раскопки на этой классической почвѣ.

Почему Корокондамитъ во времена Безъименнаго назывался Описсасъ, г. Мюллеръ не берется рѣшить, и тѣмъ даетъ мнѣ поводъ спросить: не скрывается ли въ этомъ загадочномъ словѣ исковерканное Греками черкесское названіе Кубани, т. е. Псише, «старая вода» или древняя рѣка? Если допустить, что въ этой «древней» рѣкѣ намъ представляется тотъ именно рукавъ Кубани, который изливается въ Ахтанизовскій лиманъ, то и объяснилось бы, почему послѣдній также былъ названъ Псише, подобно тому какъ варварское названіе сего же лимана, т. е. Корокондамитъ, чуть ли не имѣло одинаковаго значенія съ греческимъ названіемъ Гипаниса или Кубани, т. е. Антикитесъ (см. выше стр. 35).

Рѣка эта, изливаясь однимъ рукавомъ въ Корокондамитъ, не однимъ только подобозвучіемъ, напоминаетъ рѣку Аттикитесъ, которая, по Птолемею, изливалась въ Меотиду. По крайней мѣрѣ эта послѣдняя рѣка явно не иная, какъ тотъ Антикитесъ, коего устье, находясь недалеко, но къ З. отъ города Тирамбе, отстояло, по измѣренію Страбона, въ 600 стадіяхъ отъ Малаго Ромбита (Ясенская коса, между Ейскомъ и Ачуевымъ) и въ 120 отъ Кимбрійскаго мѣстечка при устьѣ Меотиды, на азіатской его сторонѣ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что городъ Тирамбе лежалъ на мѣстѣ нынѣшняго Темрюкскаго отселка; что устье Антикитеса совпадало не съ Темрюкскимъ лиманомъ, но съ отчасти изсохшимъ устьемъ Ахтанизовскаго лимана, или т. н. «Пересыпнымъ гирломъ», и что рукавъ Кубани, по выходѣ своемъ изъ озера, означался въ старину тѣмъ же именемъ, подъ которымъ и верхняя его часть была извѣстна древнимъ Грекамъ, подобно тому какъ это и нынѣ бываетъ съ Рейномъ и Роною, по обѣимъ сторонамъ озеръ, ими образуемыхъ.

Признавая справедливымъ изложенное здѣсь мнѣніе, можно безъ натяжки объяснить себѣ слѣдующую замѣтку Помпонія

Мелы (I, 19) о Таманскомъ полуостровѣ: Obliqua tunc regio, et in latum modice patens, inter Pontum Paludemque (Меотида) ad Bosporum occurrit: quam duobus alveis in lacum et in mare profluens Corocondame paene insulam reddit. Понятно также, какимъ образомъ Страбонъ (XI, 2 § 9), говоря лишь о сѣверной части сего полуострова, могъ его считать настоящимъ островомъ, омываемымъ Корокондамитомъ, рѣкою Антикитесомъ и Меотидою. Совершенно ясною становится наконецъ его замѣтка, что въѣзжающему въ Корокондамитъ представлялись съ лѣвой стороны города Фанагорія и Кипы, тогда какъ городъ Гермонасса и Апатуронъ, или храмъ Афродиты, находились на правой сторонѣ лимана, въ Синдикѣ за Гипанисомъ. По крайней мѣрѣ Фанагорія, слѣды которой и нынѣ поражаютъ насъ, когда приближаемся къ станціи Сѣнной, равно какъ и Кипы или Кепосъ, который долженъ былъ лежать, если не близь горы Бориса и Глѣба, то между хуторами Артюхова и Пивневой, — находились бы дѣйствительно на сѣверной, лѣвой сторонѣ вышеупомянутой низменности, между лиманами Ахтанизовскимъ и Таманскимъ. Правда, ученые еще расходятся въ мнѣніяхъ касательно мѣстоположенія Гермонассы и Апатурона. Но во всякомъ случаѣ оба, т. е. городъ и святилище, должно искать на южной сторонѣ Корокодамита, потому что они лежали между нимъ и южнымъ рукавомъ Кубани, т. е. въ той части Синдики, которая, для Страбона, находилась за Гипанисомъ. Если же онъ прибавляетъ: «Горгиппія также лежитъ въ Синдикѣ», а въ другомъ мѣстѣ (XI, 2 § 11) говоритъ, что городъ этотъ отстоялъ отъ Фанагоріи въ 500 стадіяхъ, то даетъ намъ право заключить, что, по его взгляду, Горгиппія уже лежала въ южной части Синдики или за-кубанской, съ нашей точки зрѣнія именно въ мѣстности, нынѣ занимаемой Анапою, такъ какъ этотъ городъ отстоитъ въ 500 стадіяхъ отъ станціи Сѣнной.

Въ надеждѣ, что мнѣ удалось въ этомъ случаѣ угадать смыслъ словъ Страбона, я охотно предложилъ бы искать слѣ-

ды Гермонассы около кургановъ подлѣ Титоровки, и возстановилъ бы храмъ Венеры на «Дубовомъ рынкѣ».

Съ представленнымъ здѣсь мнѣніемъ можно согласовать извѣстіе, переданное Безъименнымъ, что разстояніе отъ Гермонассы до Синдикской гавани составляло 440 стадій; нужно только взять во вниманіе, что измѣреніе это онъ заимствовалъ не у Арріана, но у древнѣйшаго автора (у Мениппа?), подобно Страбону, по которому Синдикская гавань отстояла въ 180 стадіяхъ отъ Корокондаме. По крайней мѣрѣ остальныя 260 стадій равняются растоянію отъ Тузлы до Титоровки.

Изъ того же древняго источника Безъименный, вѣроятно, почерпнулъ свое извѣстіе, когда затѣмъ для плывущаго берегомъ отъ Гермонассы до устья Меотиды и Ахиллеона полагаетъ 515 стадій.

Не зная, въ какой степени моя попытка разъяснить древнюю топографію Таманскаго полуострова съ помощью этого автора будетъ признана удачною компетентными въ вопросахъ сего рода судьями, я считаю себя обязаннымъ не скрывать, что результаты, извлеченные мною изъ показаній его, неоднократно отклоняются отъ тѣхъ, которые изъ нихъ выводитъ его издатель и переводчикъ.

Такъ г. Мюллеръ, между прочимъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что Безъименный подъ Корокондамитомъ разумѣлъ не Ахтанизовскій лиманъ съ заливомъ Таманскимъ, но отдѣленный отъ нихъ высокою степью лиманъ Кубанскій (имъ названный Кизильташскимъ); а по сему самому считаетъ себя въ правѣ помѣстить Корокондаме при устьѣ лимана этого, или т н. Бугасѣ, т. е. почти втрое далѣе отъ Акры, чѣмъ полагалъ Страбонъ.

Затѣмъ г. Мюллеръ не сомнѣвается въ томъ, что Гермонасса лежала на сѣверномъ берегу сего же лимана и полагаетъ, что Безъименный имѣлъ въ виду разстояніе между этимъ городомъ и Синдикою или Анапою, когда говоритъ о 440 стадіяхъ прибрежнаго плаванія отъ устья лимана до Гермонассы.

Наконецъ почтенный парижскій библіотекарь, находя, что разстояніе между сѣвернымъ берегомъ Кубанскаго лимана и Сѣверною Таманскою косою (Tcheska) не многимъ только больше протяженія берега между Ахиллеономъ и Гермонассою (515 стадій) по измѣренію Безъименнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не кстати, считаетъ нужнымъ заставить его, послѣ словъ Ἀπὸ δὲ Ἑρμωνάσσης, сказать: ἐκπλεύσαντι τοῦ κόλπου, вмѣсто εἰσπλεύσαντες τὸν κόλπον, (т. е. изъ лимана въ заливъ), какъ читается въ рукописи.

Во всякомъ случаѣ, это небольшое измѣненіе не мѣшаетъ мнѣ согласиться съ г. Мюллеромъ, когда онъ, указавъ на превратныя понятія другихъ изслѣдователей касательно древней топографіи Таманскаго полуострова, восклицаетъ: «Ac sane difficile erat vitare errorem, quem Anonymi denique ope dissipare licet».

Если же будетъ признано, что и самъ г. Мюллеръ не всегда могъ избѣгнуть промаховъ, не смотря на важность источника, ему первому доступнаго, то придется объяснить себѣ его неудачу только тѣмъ, что онъ счелъ достаточнымъ обнародывать свои собственныя воззрѣнія по поводу топографическихъ замѣтокъ древняго автора, безъ предварительнаго ихъ сличенія съ мѣстностями.

VI.

О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I.[1]).

Первымъ поводомъ къ составленію настоящей статейки послужили соображенія, переданныя мнѣ г. библіотекаремъ Гейдомъ (въ письмѣ отъ 13 декабря 1872 г.), для оправданія своего мнѣнія, что вопросъ о мѣстоположеніи Сарая еще нельзя считать оконченнымъ. «Ich bin nahe daran», пишетъ онъ между прочимъ, «die Ketzerei zu begehen und Sarai wieder bei Selitrenoje zu suchen, obgleich ich ungern so sehr gegen den Strom schwimme. Jedenfalls muss Ibn Batuta entscheiden, welcher den Weg selbst gemacht hat. Pegolotti und Abulfeda geben die Entfernungen nur nach Traditionen Anderer».

Въ полной увѣренности, что послѣ основательнаго разслѣдованія г. Григорьева (О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды, въ X томѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1845), было бы слишкомъ смѣло усумниться въ томъ, что ханская резиденція находилась постоянно въ одной и той-же мѣстности, а именно въ занимаемой нынѣ городомъ Царевымъ съ ближайшими его окрестностями, я не преминулъ отвѣчать г. библіотекарю штутгардскому, что, по моему мнѣнію, разныя причины могли побудить арабскаго Марко Поло отправиться изъ Астрахани въ Сарайчикъ на Уралѣ, не прямо, но кругомъ чрезъ Царевъ; что онъ могъ туда доѣхать въ трое сутокъ, не смотря на большое разстояніе сего города отъ Аст-

---

[1]) Изъ 2-го тома Трудовъ 3-го Археологическаго Съѣзда, Кіевъ, 1876.

рахани, и что г. Гейду приходилось бы, для посѣщенія развалинъ Сарая, плыть въ буквальномъ смыслѣ «противъ теченія», т. е. изъ Селитренаго городка подниматься вверхъ по Ахтубѣ до Царева.

Вскорѣ однако мнѣ пришлось самому усумниться, что тамъ едвали находился тотъ городъ Сарай, о которомъ говоритъ Ибнъ-Батута, и что г. Юль едва ли ошибается, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ его великолѣпному труду [2]) старается доказать, что до временъ Джанибека I столица ханская находилась около Селитренаго, и имъ уже была переведена въ «Новый» Сарай, на мѣсто Царева.

Нужно однако замѣтить, что гораздо прежде англійскаго переводчика книги М. Поло, мнѣніе о существованіи двухъ этихъ городовъ, древнѣйшаго и новѣйшаго Сарая, было высказано другими авторами, между прочимъ, г. Саблуковымъ, въ его «Очеркѣ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства». Хотя г. Григорьевъ, въ своемъ разборѣ этой статьи, и приходитъ къ заключенію, что приведенное мнѣніе автора не опирается на достаточныя данныя, тѣмъ не менѣе статью эту считаетъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ (р. 16). Поелику же нельзя не сказать того самаго объ изслѣдованіи самаго г. Григорьева, то я, въ свою очередь, считаю себя обязаннымъ указать на причины, по которымъ не могу съ нимъ согласиться, что развалины Сарая, основаннаго Батыемъ, вѣроятно въ 1253 году, находятся около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева, и что находившійся тамъ дѣйствительно Новый-Сарай былъ не городъ, но дворецъ внутри или въ предмѣстьяхъ Стараго Сарая.

Разбирая извѣстія, переданныя намъ современниками о мѣстоположеніи этого города, г. Григорьевъ прежде всего приводитъ свидѣтельство Руисбрёка (Ruysbroek, al. Rubruquis), видѣвшаго городъ Батыевъ еще въ самой его колыбели. По мнѣнію г. Григорьева, это свидѣтельство, при всей своей сбив-

[2]) The book of ser Marco Polo и проч.; 1871, T. I p. 5 и 6.

чивости, «все таки» указываетъ болѣе на мѣстность, гдѣ Ахтуба отдѣляется отъ Волги, чѣмъ на Селитреный г. въ урочищѣ Джигитъ, въ нижайшей части Ахтубинской долины. Сознаюсь, что мнѣ болѣе нравится противуположное мнѣніе, которое Карамзинъ (IV, примѣчаніе 74) выводитъ изъ словъ Рубруквиса, но считаю лишнимъ остановиться здѣсь на этомъ спорномъ вопросѣ, поелику самъ г. Григорьевъ допускаетъ, хотя «скрѣпя сердце», что Рубруквисовъ Сарай могъ находиться въ Джигитѣ, «но уже никакъ не ниже», съ чѣмъ могутъ согласиться защитники близости Сарая отъ Астрахани. Изъ сказаннаго явствуетъ, что и городъ Сумеркентъ, упомянутый однимъ только Рубруквисомъ и отстоявшій, по его свидѣтельству, недалеко отъ Сарая, могъ находиться не въ верховьяхъ Ахтубинской долины или на Денежномъ островѣ, какъ полагаетъ г. Григорьевъ, но гораздо ниже, такъ какъ Сумеркентъ (v. Summerkeur) лежалъ на среднемъ изъ четырехъ протоковъ (brachia) Волги, чрезъ которые Рубруквисъ проѣзжалъ (послѣ предварительной переправы чрезъ три большихъ протока) на пути изъ Сарая въ Дербендъ. Если припомнить, что по арабскимъ географамъ послѣдній городъ былъ отдѣленъ отъ Итиля 12-ю днями, то спрашивается, не могъ ли Рубруквисъ, который на 15-й только день по выѣздѣ изъ Сарая прибылъ къ Желѣзнымъ вратамъ, подъ своимъ Сумеркентомъ разумѣть одну изъ частей взятой Святославомъ Хазарской столицы, которая уже явно находилась не въ окрестностяхъ Царицына, но бокъ о бокъ съ Волжскою дельтою, вблизи Астрахани. Здѣсь поэтому помѣстился бы также загадочный городъ Саксинъ, если бы только предположенное г. Григорьевымъ тождество сего города съ Сумеркентомъ оказалось справедливымъ. Въ противномъ случаѣ, болѣе вѣроятномъ уже по той причинѣ, что Сумеркентомъ Монголы овладѣли только послѣ долгой осады, тогда какъ Саксинъ еще до ихъ нашествія былъ затопленъ разлитіемъ рѣки, я охотно оставилъ бы этотъ городъ на Денежномъ островѣ и, по примѣру г. Хвольсона [3]), не при-

[3]) Извѣстія о Хазарахъ.... Ибнъ Даста, p. 67.

давалъ бы много вѣса замѣткѣ позднѣйшихъ Арабовъ, что въ сосѣдствѣ погибшаго давно уже города Саксина находился «le Sarai de Barca», т. е. нашъ *древнѣйшій* Сарай.

Нѣсколько лѣтъ послѣ выѣзда посланника святаго Людовика изъ резиденціи Батыя, представились его брату и преемнику посланники египетскаго султана Бибарса; но изъ описанія ихъ маршрута[4]) мы не усматриваемъ, гдѣ Берке тогда находился. Узнаемъ только, что посланники, по выѣздѣ изъ Эски-Крыма и послѣ 20-дневной затѣмъ ѣзды по необозримой степи, застали хана со всѣмъ его дворомъ на берегу Волги, которая имѣла тамъ ширину Нила и была покрыта русскими барками. Должно поэтому думать, что Берке принялъ посланниковъ въ лагерѣ, расположенномъ на чистомъ полѣ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Сарая, но не въ самомъ городѣ, не задолго передъ тѣмъ только возникшемъ. Что онъ тогда еще не переставалъ существовать, явствуетъ изъ учрежденія епархіи Сарайской митрополитомъ Кирилломъ, въ 1261 г.

Къ сожалѣнію, мѣстность, гдѣ именно находилась каѳедра перваго сарайскаго епископа Митрофана и преемника его Ѳеогноста († 1301), не можетъ быть опредѣлена съ точностью съ помощью нашихъ лѣтописей, подобно тому какъ онѣ насъ оставляютъ въ недоумѣніи (по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека), касательно мѣстоположенія столицы «Орды», куда русскіе князья и сановники отправлялись по разнымъ причинамъ.

Столь же мало пользы для рѣшенія вопроса, который насъ здѣсь занимаетъ, представляютъ намъ тѣ подробности, которыя намъ передаетъ Марко Поло о пребываніи его дяди и отца во владѣніяхъ Берке-хана, хотя они тамъ пробыли цѣлый годъ и вѣроятно имѣли случай познакомиться лично съ ханомъ въ его столицѣ Булгарѣ на Волгѣ. Имъ также не было неизвѣстно, что вторымъ главнымъ городомъ Орды былъ Ассара, т. е. Сарай, но едва ли имъ самимъ пришлось побывать въ этомъ городѣ. По крайней мѣрѣ, они на обратномъ пути

[4]) Quatremère, Hist. des sultans mamlouks etc., I, 1 p. 213 ssqq.

изъ Булгара въ Бухару, вдоль по западной границѣ владѣній Берке, еще принуждены были переправиться чрезъ Тигръ, до котораго добрались послѣ предварительнаго прибытія въ городъ Укака, коего развалины по нынѣ видны въ селеніи Увекъ, въ восьми верстахъ ниже Саратова, на правомъ берегу Волги, тогда какъ эту именно рѣку современники братьевъ Поло смѣшали съ райскимъ Тигромъ (см. ч. I, стр. 130 и ч. II, стр. 16). Скудныя извѣстія касательно мѣстоположенія Сарая, встрѣчающіяся въ приведенныхъ пока источникахъ, значительно пополняются тѣми, которыя оставилъ Абульфеда въ его географическомъ сочиненіи, написанномъ въ 1321 году.

Такъ онъ, сказавъ между прочимъ подъ статьею «Рѣка Итиль», что она протекала мимо города Бальджамана (или Вельджамена), продолжаетъ: «потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и протекаетъ мимо города Сарая къ юго-западу отъ него, а Сарай находится на сѣверо-восточномъ его берегу [5]). Близъ Хазарскаго моря Итиль раздѣляется на 1001 рукавъ, какъ разсказываютъ».

Какъ уже выше было замѣчено (стр. 173) этотъ городъ Бальджаманъ, въ которомъ Френъ [6]) узналъ городъ «Baltschunkin», мимо котораго прошелъ Тамерланъ на пути изъ окрестностей Ельца къ Азову, долженъ былъ совпадать съ городомъ Belcimen карты Фра-Мавро (1459 г.), равно какъ и съ городомъ Berchiman или Berciman, отмѣченнымъ на картахъ 1367 и 1375 годовъ, около нынѣшняго Царицына, и, по крайней мѣрѣ на первой изъ этихъ картъ, въ значительномъ разстояніи отъ приписки: «civitas regia d'Sara», которая читается предъ самымъ началомъ дельты Волги. Тамъ же я старался показать, что сторожевая башня означенная съ именемъ Узбека, еще не доказываетъ, что тутъ не имѣлся въ виду тотъ Сарай, который находился при верхней Ахтубѣ, но тотъ о которомъ говоритъ Абульфеда въ другомъ мѣстѣ, за-

[5]) Géogr. d'Aboulféda, tr. par Reinaud, II, 81.
[6]) Hammer, Gesch. d. G. Horde, 362, прим. 3.

мѣчая, что столица Узбека находилась на разстояніи около двухъ дней пути отъ моря Хазарскаго и что еще ниже, при одномъ изъ рукавовъ Итиля, находилось старое селище (Эскиюртъ), напоминающее мнѣ разрушенный Русскими соименный рѣкѣ городъ и «неогороженный» Сумеркентъ Рубруквисовъ.

Извѣстія эти не трудно согласовать еще съ другою замѣткою Абульфеды, что городъ Укекъ находился какъ разъ на серединѣ пути между Сараемъ и Булгаромъ, на 15 дней разстоянія отъ каждаго. Дѣйствительно, селеніе Укекъ находится въ такомъ же разстояніи отъ развалинъ Булгара (въ 135 верстахъ ниже Казани), какъ отъ Селитренаго городка, гдѣ поэтому резиденція Узбека должна была находиться *скорѣй* чѣмъ въ Царевѣ, а не только «столь же хорошо», какъ допускаетъ г. Григорьевъ (474). Правда, онъ предпочитаетъ считать это измѣреніе Абульфеды ничего незначущимъ, такъ какъ оно противурѣчитъ замѣткѣ того же автора, что разстояніе между Булгаромъ и Сараемъ составляло уже не «около тридцати», но «болѣе двадцати» дней пути. Но дѣло въ томъ, что прямая дорога между этими двумя городами была безъ сомнѣнія нѣсколькими днями короче, чѣмъ путь ведущій изъ Булгара въ Сарай *кругомъ* чрезъ Укекъ, причемъ путешественнику приходилось еще переправляться два раза черезъ Волгу. Поэтому я не вижу никакого противурѣчія въ обоихъ измѣреніяхъ, заимствованныхъ Абульфедою изъ различныхъ источниковъ, принимая къ тому еще во вниманіе, что подобныя измѣренія всегда будутъ различны, смотря по времени года, къ которому они относятся, положенію дорогъ, свойству и роду животныхъ, на которыхъ совершается путь, и многимъ другимъ обстоятельствамъ. Я вполнѣ согласенъ съ г. Григорьевымъ (р. 475), что все это оправдываетъ «добросовѣстность путешественниковъ» и служитъ «къ соглашенію противурѣчій, встрѣчающихся въ ихъ извѣстіяхъ». Но если такъ, то не понимаю, почему же г. Григорьевъ совѣтуетъ читателямъ вовсе не брать во вниманіе показаній путешественниковъ мѣрою пути; а еще менѣе понимаю, почему же самъ

г. профессоръ не придерживается этого правила, но затѣмъ снова ссылается на вышеприведенное свидѣтельство Абульфеды, въ надеждѣ, что оно всетаки можетъ служить опорою его мнѣнія касательно мѣстоположенія Сарая. Приведя извѣстіе, переданное намъ Ибнъ-Батутою, который самъ былъ въ Сараѣ около 1330 года, что разстояніе между этимъ городомъ и Укекомъ составляло 10 дней пути и признавая снова безполезнымъ разсматривать подобнаго рода числа, г. Григорьевъ (р. 479) продолжаетъ: «замѣтимъ только мимоходомъ, что 10 дней пути между Сараемъ и Укекомъ, сближая между собою эти города, передаютъ нѣкоторый вѣсъ тому предположенію и тѣмъ разсчетамъ, которые привели къ заключенію, что, на основаніи разстояній, показанныхъ Абульфедою, имя Сарая принадлежитъ скорѣй развалинамъ Царево-Подскимъ, чѣмъ Селитрянаго-Городка».

Но тутъ то именно слѣдовало оставить въ покоѣ измѣреніе Абульфеды, потому что упомянутый имъ городъ Укекъ кромѣ имени, не имѣетъ ничего общаго съ Укекомъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута (франц. пер. Defrémery et Sanguinetti; II ad fin.) на пути своемъ изъ Астрахани въ Крымъ, и который находился въ серединѣ между Сараемъ и Судакомъ, будучи отдѣленъ отъ обоихъ разстояніемъ десяти дней пути. Городъ этотъ, какъ впервые показалъ г. Ламанскій (О Славянахъ въ М. Азіи, р. 80), не могъ лежать при Волгѣ, но долженъ былъ занимать мѣсто около нынѣшняго Маріуполя, гдѣ на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія отмѣчено имя locachi или locaq, вмѣсто котораго мы, по аналогіи съ многими другими именами, имѣемъ полное право читать l'Ocachi или l'Ocaq. Справедливость сего мнѣнія, изложеннаго мною въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи (р. 138), признана теперь новѣйшимъ и лучшимъ комментаторомъ «Книги» знаменитаго венеціанскаго путешественника[7]).

Обстоятельство, что разстояніе между Судакомъ и Маріу-

[7]) Yule, The book of ser Marco Polo etc. 2-е изд. II p. 488, прим.

полемъ менѣе соотвѣтствуетъ тому, которое отдѣляетъ послѣдній отъ Джигита, чѣмъ разстояніе между устьемъ Калміуса и Царевымъ, по вышеприведеннымъ причинамъ, еще не доказываетъ, что тутъ именно долженъ былъ находиться тотъ городъ Сарай, въ которомъ былъ Ибнъ-Батута; тѣмъ болѣе, что въ описаніи сего города, оставленнаго имъ, встрѣчаются такія данныя, которыя, вопреки мнѣнію г. Григорьева (р. 478), заставляютъ насъ думать, что резиденція Узбека находилась тогда въ Джигитѣ. На это уже указываетъ его замѣтка, что онъ прибылъ въ Сарай на третій день по выѣздѣ своемъ изъ Гаджитерхана. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ оттуда безъ сомнѣнія удобнѣе могъ добраться до Селитряннаго городка, отстоящаго отъ Астрахани въ 110 верстахъ, нежели до Царева, отъ котораго до губернскаго города считается 480 верстъ. Если даже допустить, что для этого путешествія Батутѣ данъ былъ открытый листъ, и что онъ имѣлъ лошадей татарскихъ, подобно нынѣшнимъ, то уже никакимъ образомъ къ нему на третій день не могъ быть доставленъ оставшійся въ Астрахани рабъ, коего отсутствіе онъ только замѣтилъ по пріѣздѣ своемъ въ Сарай (Defrémery etc. l. c). Что городъ этотъ уже не могъ находиться въ Царевѣ, явствуетъ также изъ свидѣтельства Флорентинца Бальдучи Пеголотти, современника арабскаго путешественника, такъ какъ изъ составленнаго имъ дорожника[8]) мы узнаемъ, что *водою* можно было доѣхать изъ Астрахани въ Сарай даже въ одинъ день, что не противурѣчитъ извѣстію, переданному намъ Абульфедою, что послѣдній городъ находился въ двухъ-дневномъ разстояніи отъ устья Волги въ Каспійское море, хотя бы также водою, а не сухопутьемъ (Григорьевъ, р. 480). Въ правѣ ли мы усомниться въ достовѣрности этихъ двухъ извѣстій, потому, что *сухимъ путемъ* Ибнъ-Батута только на третій день по выѣздѣ изъ Астрахани прибылъ въ Сарай? Подобнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ изъ этого города прибылъ въ «Seratchauk», т. е. въ Сарайчикъ, только

[8]) De la Primaudaie, Etudes s. le commerce au moyen âge I, 318.

послѣ десятидневной хотьбы (l. l. III, 1: nous marchâmes pendant dix jours) скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ свидѣтельство миссіонера Пасхалиса, когда онъ, въ письмѣ отъ 1342 года, между прочимъ, говоритъ: «Inde (въ Сараѣ) ascendens in quoddam navigium, cum Armenis, per fluvium, qui vocatur Tigris, per ripam maris Vatuk (Баку) nomine, usque Saratshuk deveni per duodecim dietas» etc.[9]).

Должно думать, что на туземномъ суднѣ плаваніе странствующаго монаха должно было длиться болѣе, чѣмъ на генуэзскомъ или на венеціанскомъ, почему и неудивительно, что итальянскій commis voyageur могъ полагать на взаимное разстояніе упомянутыхъ имъ двухъ городовъ *восемь* дней пути; если только онъ подъ своимъ Saracanco разумѣлъ Сарайчикъ, а не Сарайкункъ, т. е. «большой», какъ г. Юль (l. l. II, 537) готовъ допустить. Но если такъ (въ чемъ я не могу ручаться), то мы имѣли бы доказательство, что въ то время было уже два Сарая въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и что одинъ только Saracanco могъ совпадать, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, съ «Болшимъ Сараемъ» нашихъ лѣтописей.

Во всякомъ случаѣ гораздо легче будетъ согласовать между собою различныя измѣренія у приведенныхъ авторовъ, чѣмъ допустить, что они подъ Сараемъ могли разумѣть городъ, который находился бы при Верхней Ахтубѣ: ибо, въ этомъ случаѣ, путешественники, отправившись оттуда на какомъ бы то ни было суднѣ, въ теченіе 8—12 сутокъ, могли бы доплыть развѣ до устья Волги, но уже никакъ не могли бы доѣхать до города Сарайчика.

Желая показать своимъ читателямъ «какую вѣру должно имѣть къ путевымъ исчисленіямъ итальянскихъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ», г. Григорьевъ не ограничивается приведенными въ текстѣ примѣрами; но считаетъ нужнымъ прибавить къ нимъ нѣкоторые другіе въ слѣдующей выноскѣ

---

[9]) Mosheim, Hist. Tart. eccles. 194.

(p. 480): «Отъ Таны въ Астрахань Пеголе(о)тти считаетъ 25 дней пути; а Венеціанецъ Контарини говоритъ, что, какъ слышалъ онъ, города эти отстоятъ другъ отъ друга не далѣе какъ на 8 дней пути (!!). Онъ-же Контарини отъ устья Волги до Астрахани ѣхалъ водою четверо сутокъ, а считаетъ этотъ путь въ 75 миль; а Барбаро, тоже Венеціанецъ, говоритъ, что Волга впадаетъ въ море въ 25 миляхъ отъ Астрахани, отъ Астрахани же до Москвы можно легко доплыть въ трое сутокъ (!!!)».

Примѣры эти однако, вмѣсто того, чтобы доказать предполагаемую г. Григорьевымъ «безтолковщину» въ исчисленіяхъ разстояній географовъ и путешественниковъ, напоминаютъ намъ развѣ только французскую поговорку: qui prouve trop, ne prouve rien, и показываютъ, какъ надо быть осторожнымъ, дабы не сваливать на другихъ свою собственную вину.

Такъ во первыхъ г. Григорьевъ, приводя замѣтку автора «Della Pratica della Mercatura», что изъ Таны въ Астрахань надо было ѣхать 25 дней, не замѣтилъ, что онъ тутъ же прибавляетъ «di carro di buoi», т. е. на волахъ, но что на лошадяхъ можно было совершить это путешествіе въ 10—12 дней, «e con carro di cavallo pure da 10 in 12 giornate». Итакъ оказывается, что самъ Пеголотти едва ли не согласился бы съ нами въ возможности совершить это путешествіе въ столь короткое время, какъ слышалъ Контарини.

Если же послѣдній полагалъ, что городъ Астрахань находился въ 75 миляхъ отъ устья Волги, тогда какъ эта рѣка, по Барбаро, впадала въ море въ 25 только миляхъ отъ города, то при всемъ различіи этихъ указаній, мы еще не имѣемъ право объявить, что они, или по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, было записано на угадъ. Обвиняя посланниковъ венеціанскихъ, которые въ одно время были на Востокѣ и даже тамъ встрѣтились, въ подобной небрежности, предосудительной въ особенности со стороны дипломатовъ республики св. Марка, нашъ почтенный профессоръ обязанъ былъ предварительно доказать, что они имѣли въ виду *одинъ и тотъ же* изъ многочислен-

ныхъ протоковъ Волги, изливающихся въ море въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Астрахани, какъ это бываетъ и теперь. Такъ напр. по Мюллеру[10]) разстояніе этого города, который лежитъ въ 7 верстахъ *ниже* Старой Астрахани, отъ морскаго берега составляетъ около 30 верстъ, тогда какъ оно превышаетъ 80 верстъ для плавающаго по западному, главному изъ рукавовъ рѣки, число и величина которыхъ притомъ часто измѣняется[11]).

Почему же не допустить, что венеціанскіе сановники опредѣлили разстояніе Астрахани отъ моря по различнымъ рукавамъ рѣки; по крайней мѣрѣ мы, въ этомъ предположеніи, могли бы указанія ихъ согласовать какъ между собою, такъ и съ дѣйствительностью, безъ надобности усомниться въ добросовѣстности или въ правдивости ихъ свидѣтельства.

Что касается наконецъ замѣтки Іосафата Барбаро, пробывшаго, съ 1436 года, цѣлыхъ 16 лѣтъ въ важномъ тогда по своимъ торговымъ оборотамъ городѣ Танѣ (Азовъ), о близости Астрахани отъ Московіи, то ясно, что онъ подъ словами «il Moscho terra di Rossia»[12]) разумѣлъ не «Москву столицу Россіи», какъ переводитъ г. Семеновъ (p. 57), но владѣнія великаго князя Московскаго, которыя въ его время († 1481) простирались вплоть до Волги по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, тогда какъ русскіе промышленники проникали до Астрахани[13]), куда, по Барбаро, каждый годъ «quelli del Moscho» отправляли суда свои за солью. Безъ сомнѣнія суда эти принадлежали не однимъ только гражданамъ Бѣлокаменной, но вообще Великороссіянамъ, которые симъ путемъ не боялись отправляться съ товарами и на заработки въ Грузію и въ Персію, не смотря

---

[10]) Der Ugrische Volksstamm, II, 237.

[11]) См. Березинъ, Путеш. по Дагестану и проч., изд. 2, p. 9; ср. «Списки населенн. мѣстъ и проч. I и V, гдѣ между прочимъ сказано, что Ахтуба прежде впадала прямо въ Каспійское море.

[12]) Семеновъ, Библіот. иностр. писат. о Россіи. I, 95.

[13]) Бѣляевъ, въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. VI, 233.

на препятствія, ими при этомъ не рѣдко встрѣчаемыя со стороны хищныхъ и алчныхъ Татаръ[14]).

Впрочемъ не одна только торговая предпріимчивость побуждала и Русскихъ посѣщать владѣнія своихъ приволжскихъ сосѣдей. Такъ Вятчане въ 1471 году, пользуясь отсутствіемъ хана Ахмата, проникли до его столицы Сарая, и еще столѣтіемъ прежде Новгородцы приплыли даже въ Астрахань, приставши предварительно къ Сараю и ограбивши по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей.

Безъ сомнѣнія г. Григорьевъ совершенно правъ, утверждая, что этотъ Сарай могъ только находиться въ мѣстности, занимаемой нынѣ Царевымъ и здѣсь поэтому мы должны искать слѣдовъ того города Сарая, который былъ взятъ Тамерланомъ въ 1395 году. По Арабшаху (Vita Timuri I, 380, 381) эта катастрофа постигла городъ въ 63 году его существованія; ниже (p. 382, 383) тотъ же авторъ приписываетъ основаніе того же города Берке-хану, можетъ быть потому, что смѣшалъ его съ древнѣйшимъ городомъ Сараемъ. По крайней мѣрѣ, если только мы могли бы считать достовѣрнымъ приведенное хронологическое указаніе біографа Тимура, мнѣ доступное только по цитатамъ у Шармуа[15]), то оказалось бы, что взятый Тимуромъ городъ Сарай былъ основанъ въ 1334 году, стало быть около 80 лѣтъ послѣ временъ Рубруквиса, въ царствованіе Узбека, но уже по выѣздѣ Ибнъ-Батуты изъ его резиденціи. Безъ сомнѣнія она также находилась бы не въ Джигитѣ, но въ Царевѣ, если бы, какъ думаетъ г. Григорьевъ, встрѣчающееся на ханскихъ монетахъ названіе «Новый Сарай» означало не городъ или «пригородъ стараго Сарая», а дворецъ «внутри или въ предмѣстіяхъ его».

Въ пользу мнѣнія, что въ Золотоордынскомъ ханствѣ былъ (за исключеніемъ Багчисарая въ Крыму) *одинъ только*

---

[14]) См. Срезневскій, Хожденіе за три моря А. Никитина, въ Учен. Зап. И. А. Наукъ, II, отд. III, 258.

[15]) Expéd. de Timoûr-i-lenk, въ Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. III, 158.

городѣ Сарай, г. Григорьевъ, ссылаясь на развалины, которыя понынѣ сохранились въ Царево-Подахъ и свидѣтельствуютъ, что тамъ нѣкогда долженъ былъ находиться большой городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что, по его мнѣнію, слѣды не менѣе замѣчательныхъ развалинъ, видѣнныхъ, между прочимъ, Палласомъ въ урочищѣ Джигитѣ, «не обнаруживаютъ собою существованія какого-либо города, но ведутъ скорѣе къ заключенію, что тутъ было огромное кладбище» (l. l. X, 31).

Рѣшеніе вопроса, въ какой степени справедливость подобнаго воззрѣнія подтверждается характеромъ памятниковъ старины, сохранившихся въ этой мѣстности, я долженъ предоставить лицамъ, которымъ посчастливилось ихъ осмотрѣть. Поскольку же изъ статьи г. Григорьева явствуетъ, что онъ въ этомъ случаѣ едвали говоритъ какъ очевидецъ, то я не считаю неумѣстнымъ здѣсь же замѣтить, что со взглядомъ его трудно согласовать слѣдующій отрывокъ изъ указателя на содержаніе рукописи подъ заглавіемъ: Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ Астраханской губерніи и епархіи[16]).

...«Селитренное (Енотаевскаго уѣзда).... село, стоитъ на мѣстѣ Сарая Золотой Орды; остатки строеній, въ землѣ: деньги, кувшины, мозаика, краски не измѣнились. Башня ханскаго дворца. Народъ говоритъ, что городъ за грѣхи засыпанъ».

Если только эта замѣтка не лишена всякаго основанія, то кажется что въ урочищѣ Джигитѣ хоронились не только подданные хановъ, но что и послѣдніе сами, пока еще были въ живыхъ (резиденція усопшихъ былъ Сарайчикъ), обитали первоначально въ этой мѣстности, гдѣ, по сему самому, Ибнъ Батута могъ застать Узбека вмѣстѣ съ его сыновьями Тинибекомъ и Джанибекомъ, хотя каждый изъ нихъ тогда имѣлъ свой «camp séparé»[17]). Легко могло статься, что меньшій братъ тогда уже обиталъ въ Царевѣ и по крайней мѣрѣ, что онъ перевелъ свою резиденцію туда послѣ краткаго царство-

[16]) Опис. рукоп. ученаго архива, въ Изв. Русск. Геогр. Общ. 1875, вып. I, p. 9.

[17]) Voy. d'Ibn-Batoutah, II, 397.

ванія убитаго имъ Тинибека, вступившаго на престолъ по смерти отца въ 1341 году.

Иначе трудно себѣ объяснить, почему въ Царевѣ именно сохранилась память Джанибека[18]) и почему до сихъ поръ вовсе не встрѣчалось Узбековыхъ монетъ, битыхъ въ *Новомъ*-Сараѣ, между тѣмъ какъ этотъ недостатокъ заставляетъ насъ усомниться въ томъ, что городъ этотъ или, пожалуй, дворецъ уже существовалъ при преемникѣ Узбека Тохтагу-ханѣ, какъ утверждаетъ г. Григорьевъ (p. 20) на основаніи монеты, битой въ Новомъ-Сараѣ въ 1310—11 году. Но, не говоря о томъ, что имени хана, какъ обыкновенно, на этой монетѣ недостаетъ, и что годъ на ней отмѣченъ не буквами, но числами, можно подозрѣвать ошибочное чтеніе отмѣченнаго на ней года уже по той причинѣ, что, кромѣ этой монеты, въ большомъ числѣ монетъ уже извѣстныхъ изъ царствованія Тохтагу, нѣтъ ни одной, которая была бы бита въ Новомъ Сараѣ.

Даже въ такомъ случаѣ, что «новый» ханскій дворецъ уже существовалъ въ Царевѣ при Тохтагу, я не вижу, почему главный городъ Орды не могъ по прежнему находиться въ урочищѣ Джигитѣ по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека, (Jambech'a карты каталанской). Что при немъ резиденція уже была переведена въ Царевъ, можно также заключить изъ мѣста, гдѣ, на этой картѣ изображенъ городъ съ припискою: ciutat de ssara, тогда какъ civitas regia de Ssaray у братьевъ Пицигани совпадала, быть можетъ по своему мѣстоположенію, съ засыпаннымъ за грѣхи городомъ. Можетъ быть въ этомъ преданіи скрывается намекъ на чуму, которая въ 1346 году свирѣпствовала въ разныхъ городахъ Орды: въ Астрахани, Бездежѣ и Сараѣ, откуда занесена была въ Тану, гдѣ истребила $^4/_5$ населенія. Это бѣдствіе могло побудить жителей Сарая, уже не заслуживавшаго своего прозвища «богохраннаго», переселиться въ возникшій между тѣмъ, далеко отъ караваннаго пути, Новый въ Царево-Подахъ, откуда

[18]) Müller, l. l. II, 568 и сл.

затѣмъ отчасти только возвратились на прежнее жилище, не переставшее существовать при Джанибекѣ и его преемникахъ, такъ какъ на ихъ монетахъ имя Сарая встрѣчается, хотя рѣже чѣмъ Новый Сарай. Что дѣйствительно около половины XV столѣтія были извѣстны два Сарая на Ахтубѣ, въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, видно изъ карты Венеціанца Фра-Мавро. Городъ, отмѣченный въ ней около устья этого рукава Волги, названъ просто Сарай; другой же, около мѣста, гдѣ тотъ же рукавъ отдѣляется отъ главной рѣки, для различенія отъ перваго города, означается уже не туземнымъ его названіемъ «Новаго-Сарая», но русскимъ его прозвищемъ «Большаго» или «Великаго», Saray Grando. Подобная передача названія города не удивитъ насъ со стороны знаменитаго картографа, который, въ предисловіи къ своему труду[19]) говоритъ: «я все время старался провѣрить описаніе опытомъ, занимаясь многіе годы и сообщаясь съ людьми, достойными вѣры, видѣвшими собственными глазами то, что я правдиво указываю».

Безъ сомнѣнія, къ числу добросовѣстныхъ очевидцевъ, съ которыми Фра-Мавро, въ родинѣ своей, могъ бесѣдовать о Сараѣ, принадлежали скорѣе Русскіе, чѣмъ Татары.

---

[19]) Матер. для ист. геогр. атласа Россіи, V, 71 p. V.

VII.

О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время [1]).

Всѣ наши оріенталисты и византинисты согласны въ томъ, что *Kiewa* уже былъ важнымъ городомъ въ то время, когда еще находился въ зависимости отъ Хазаровъ. По мнѣнію г. Юргевича [2]), этому именно народу городъ, основанный, по преданію, тремя хазарскими братьями, обязанъ настоящимъ своимъ названіемъ, тождественнымъ съ именемъ Κιοάβα или Κιόβα, которое онъ носитъ у Константина Багрянороднаго, равно какъ и съ различными варіантами сего имени у современныхъ императору арабскихъ географовъ. Впрочемъ, если принять во вниманіе, что мѣстности именуемыя: Kuje, Kujovice и т. п. [3]) встрѣчаются и въ такихъ славянскихъ странахъ, до которыхъ Хазары никогда не доходили, то является вопросъ: не скрывается-ли въ названіи Кіева какое-либо нарицательное имя, примѣненное къ нему Славянами ради мѣстныхъ его особенностей?

Во всякомъ случаѣ важность Кіева должна была еще возрости съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался центромъ новаго государства, основаннаго Варяго-Росами, и пунктомъ, съ котораго эти отважные моряки отправлялись, въ сообществѣ славянскихъ ихъ сподвижниковъ, для грабительскихъ поисковъ на моряхъ Черномъ и Каспійскомъ.

---

[1]) Изъ II тома Трудовъ 3 Археологическаго Съѣзда. Кіевъ, 1876 г.

[2]) Зап. Одесск. Общ. Ист. VI, 112.

[3]) См. Erben, Nestoruv letopis rusky, 294.

По Добровскому, приведенному Карамзинымъ (I, пр. 72), Кіевъ по сей именно причинѣ названъ былъ Самботомъ (сборнымъ мѣстомъ лодокъ), превратившимся въ устахъ Грековъ въ *Самватасъ* (Const. Porphyr: De adm. imper. ed. Bonn. p. 75: τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς). Карамзинъ напротивъ того слышитъ въ этомъ прозвищѣ отголосокъ славянскихъ словъ: сама мать, потому что «Кіевъ назывался въ древности *матерью* городовъ Русскихъ»; тогда какъ, по мнѣнію Parizot [4]), императоръ хотѣлъ только намъ передать славянскія же слова «за водою», потому что Кіевъ лежалъ «au delà du fleuve», «à l'ouest du Dnièpre». Въ свою очередь г. Гедеоновъ [5]) отождествляетъ Самватасъ съ именемъ венгерскаго города Сомбатъ, и съ нимъ соглашается г. Юргевичъ, а отчасти также и г. Куникъ [6]). Наконецъ г. Ламбинъ [7]), отдавая должную справедливость прозорливости Карамзина, отклоняется отъ него только въ томъ, что вмѣсто словъ «сама мать» предлагаетъ чтеніе: ся есть мать, между тѣмъ какъ г. Томсенъ [8]) рѣшается допустить что въ имени Самватасъ скрывается древне скандинавское Sandbakki (мель) или же Sandbakka-áss (возвышенность мели).

Но такъ какъ императоръ не говоритъ, какому именно народу Кіевъ былъ обязанъ своимъ прозвищемъ, то могло статься, что оно происхожденія не славянскаго, не варяжскаго, не угорскаго, а армянскаго. Дѣйствительно, если взять во вниманіе, что еще въ 833 году императоръ Θеофилъ поручилъ одному изъ своихъ сановниковъ построить, въ слѣдствіе просьбы хазарскаго хакана, крѣпость Саркель на Дону; что вскорѣ потомъ владычество Хазаровъ простиралось за Днѣпръ до границъ Гигріевъ, т. е. до Венгріи и что дружескія ихъ сношенія съ Греками со временъ Ираклія рѣдко были прерываемы,

---

[4]) Not. et Extraits des manuscr. XVII, 2 p. 283.
[5]) Отрывки о Вар. вопросѣ, 107.
[6]) См. мою ст. въ Mém. de l'Ac. de S. P. VII S. X. N. 9 p. 3,
[7]) См. Ж. М. Н. Просв. Іюль, 1874.
[8]) Thomsen, Der Ursprung des Russischen Staates, Gotha, 1879, стр. 72.

то не слишкомъ покажется смѣлымъ предположеніе, что византійскій императоръ Левъ Армянинъ († 814) помогалъ имъ укрѣплять Кіевъ и что они, изъ благодарности укрѣпленіе это назвали именемъ его сына Самватеса или Симбатеса, съ армянскаго Сембатъ или Семпадъ. Имя это, бывшее часто въ употребленіи у членовъ фамиліи Багратидовъ [9]), свидѣтельствуетъ, что Левъ III былъ съ ней связанъ узами родства или дружбы, тѣмъ болѣе, что въ это время армянскія фамиліи вообще принадлежали къ знаменитѣйшимъ въ Константинополѣ (ib. 181).

Если догадка, здѣсь нами представленная, будетъ признана стоющей обсужденія, то я желалъ бы видѣть также армянское происхожденіе въ названіи крѣпости Кочказъ, развалины которой существовали во время Михаила Литвина при Крарійскомъ бродѣ, гдѣ, по императору Константину, Печенѣги и Херсонцы переправлялись чрезъ Днѣпръ, и который не однимъ только подобозвучіемъ напоминаетъ армянское слово «K'areres, face de rocher» (Dulaurier, Bibl. arm. 383). По крайней мѣрѣ эта мѣстность, называемая Кучкозомъ и служившая переправою для Казаковъ и для Татаръ [10]), защищалась, по свидѣтельству очевидца Боплана, двумя неприступными скалами, столбами Геркулеса г. Подберезскаго (Зап. Одесск. Общ. т. VI). Рѣка, тутъ изливающаяся въ Днѣпръ, нынѣ еще называется Кичказъ, стало быть именемъ, въ которомъ отзывается имя армянскаго князя «Kiskasès» или Kotchazkaz (Muralt, Chronogr. byz 513), современника Константина Багрянороднаго, который самъ говоритъ, что онъ происхожденія армянскаго, что впрочемъ уже явствуетъ изъ имени Симбація или Семпада, одного изъ его родственниковъ (Le Beau l. c. XV, 479).

Послѣ всего сказаннаго позволительно будетъ спросить, не былъ ли лежащій подъ Кичказомъ прекрасный островъ Хор-

---

[9]) Le Beau, H. du Bas-Empire, 1832, XIII, 7.

[10]) См. Schottin, Tagebuch des Erich Lassota etc. 210.

тица или «св. Григорія» послѣднимъ именемъ (извѣстнымъ императору Константину) названъ по просвѣтителю Арменіи, который, по словамъ легенды, отправился въ Римъ, т. е. въ Константинополь, чрезъ Великую Татарію и Россію, въ южной части которой тогда уже господствовали Рейдготы или Грутунги (Остготы). Послѣдніе гораздо прежде ихъ сосѣдей, Тервинговъ (Вестготы), набѣгами на смежную съ Арменіею Каппадокію имѣли случай познакомиться съ христіанствомъ, которое поэтому, еще при жизни Григорія, легко могло имѣть послѣдователей въ главномъ ихъ городѣ *Danpstadir*, т. е. Днѣпровскій градъ, занимавшемъ вѣроятно то мѣсто, гдѣ затѣмъ былъ построенъ Кіевъ (см. Дорнъ, Каспій, 55). Впрочемъ къ острову Хортицѣ имя св. Григорія армянскаго могло быть примѣняемо самими Византійцами, не только по той важной роли, которую Армяне играли въ ихъ столицѣ, но по особенному уваженію которое къ нему тамъ питали. Иначе смертные его останки не удостоились бы чести быть похороненными въ Софіевской церкви, гдѣ ихъ видѣлъ своими глазами архіепископъ Новгородскій [11]), тогда какъ одинъ только просвѣтитель Арменіи могъ быть тотъ святой Григорій, коего тѣло «sano y entero» кастильскій посланникъ Клавихо засталъ въ 1403 г. въ Маріинской церкви «Peribolico», т. е. Перивлепты.

По крайней мѣрѣ, въ этой церкви не могло находиться тогда все тѣло св. Григорія Назіанскаго, прозваннаго Богословомъ, потому что тамъ можно было видѣть лишь его голову по свидѣтельству разныхъ русскихъ пилигримовъ, посѣтившихъ эту церковь прежде и послѣ Клавихо, а именно Стефанъ Новгородскій въ 1350 году, діаконъ Игнатій въ 1389, діакъ Александръ въ 1395 и іеродіаконъ Зосима въ 1420 году [12]), Если же первый изъ этихъ благочестивыхъ мужей и говоритъ что онъ въ этой же церкви видѣлъ еще руку того самаго святаго

[11]) Саввантовъ, Пут. Новг. архіеп. Антонія. С. П. 1872, стр. 81; ср. Exuviae sacrae const. etc. II, 223.

[12]) См. ст. архимандр. Леонида, въ Зап. Ист. Общ. въ Москвѣ 1871 стр. 20.

то онъ его смѣшалъ съ другимъ святымъ, тамъ также погребеннымъ по свидѣтельству Игнатія, который въ немъ видитъ лишь непоименованнаго мученика,—и Зосимы, у котораго онъ просто называется «священникомъ Григорьемъ Никомедійскимъ». Притомъ еще Стефанъ самъ себѣ противурѣчитъ, говоря что гробница святаго Григорія «Θеолога» находилась въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ его мощи видѣлъ Игнатій равно какъ и архіепископъ Антоній, которому мы обязаны столь многими любопытными подробностями о Константинополѣ до взятія сего города крестоносцами. Но такъ какъ Клавихо говоритъ тутъ не о Григоріѣ Θеологѣ, но о томъ святомъ Григоріѣ, котораго имѣли въ виду Игнатій и Зосима, то мы имѣемъ право думать, что у него рѣчь идетъ о *Григоріѣ Великой Арменіи*, прозванномъ «Просвѣтитель», коего тѣло еще въ 1200 г. покоилось въ Софіевской церкви (Exuviae II, 223). Неудивительнымъ было бы поэтому, что Греки, послѣ отнятія у нихъ этой церкви латинскими завоевателями, перенесли тѣло святаго мужа въ церковь Богородицы, и быть можетъ по сей именно причинѣ «толстая» Армянка, фаворитка султана Ибрагима просила его, чтобы онъ заставилъ Грековъ эту именно церковь уступить ея соотечественникамъ, которымъ она и теперь принадлежитъ и въ народѣ извѣстна подъ названіемъ «Сулу-монастыръ» (Саввaитовъ, 116). Если спутникъ архіепископа Пимена правъ, видя въ Григоріѣ Армянскомъ «святаго мученника», іеродіаконъ Зосима, посѣтившій царьградскія святыни въ сообществѣ туристовъ, мало свѣдущихъ въ церковной исторіи и плохихъ географовъ, могъ считать этого же святаго «простымъ» священникомъ Никомедійскимъ. Едва ли не ихъ чичероне смѣшалъ тутъ Цесарею съ Никомедіею, потому что оба города были подвѣдомственны греческимъ митрополитамъ, подчиненнымъ патріарху константинопольскому [13]). Извѣстно что въ Цесарею именно св. Григорій Армянскій былъ посвященъ въ епископы; но я не могъ допытаться когда его тѣло было перенесено въ

[13]) Mostras, Dict. géogr. de l'empire Ottoman, 9 и 147.

Константинополь. Въ 1157 году, тамъ находилась лишь его голова, если судить по списку константинопольскимъ мощамъ приписанному исландскому пилигриму Николаю Семундерсону [14]); но вѣроятно онъ въ этомъ случаѣ голову св. Григорія Назіанскаго принялъ за голову просвятителя Арменіи. Правда въ спискѣ также внесены волоса перваго, равно какъ и «os femoris S. Grigorii», которое хранилось тогда же въ церкви св. Апостоловъ и подобно волосамъ могло принадлежать къ мощамъ св. Григорія Назіанскаго, которыя можно было видѣть въ Константинополѣ еще ок. 1120 года [15]). Во всякомъ случаѣ окрестности Кіева входили въ составъ «Reidhgotaland», подъ которымъ въ скандинавскихъ сагахъ первоначально разумѣлась страна, обозначенная затѣмъ уже въ нихъ названіемъ Gardariéki (царство града, т. е. Hôlmgardr'a, Новгорода), замѣняемымъ наконецъ иногда названіемъ Kylfingaland, земля Кильфинговъ, явно тождественныхъ съ Келябами Арабовъ, съ Кульпингами Византійцевъ и съ нашими Колбягами, въ которыхъ, тому назадъ лѣтъ 25, датскій ученый Rafn подозрѣвалъ Финновъ (Ant Russes, II, 249), почему и снисходительный рецензентъ не долженъ былъ приписывать эту «остроумную» докадку автору «Очерковъ русск. истор географіи» [16]).

Впрочемъ эту догадку трудно будетъ согласовать не только съ свидѣтельствомъ Русской Правды о привилегіяхъ, которыми пользовались Колбяги на равнѣ съ Варягами, но также съ разными извѣстіями до первыхъ касающимися, которыя мы встрѣчаемъ въ скандинавскихъ источникахъ, а именно:

1) Что Кильфинги производили торговлю съ *Финнами* и посему самому едва-ли могли быть ихъ земляками (Ant. Russes, l. c.).

2) Что они въ рукописяхъ также называются: Kyblingar, Kylpingar, Kiplingar и Kyflingar: quae omnes formae, partim mutando, partim transponendo, idem valent (l. c. 248 n. 9).

---

[14]) Antiq. Russes, II, 416, привед. въ Exuviae etc. II, 213.

[15]) Will. Malmesbury, IV, 356, прив. въ Exuviae etc. II, 211.

[16]) Ж. М. Н. Просв. февр. 1875 г., стр. 456.

3) Что какой-то монахъ Іонъ, выдававшій себя за внука норвежскаго короля Гаральда Гилле († 1136), поднялъ знамя бунта противъ короля Сверрира около 1185 года, и нашелъ приверженцевъ *также* въ крайнемъ югѣ,— стало быть, если не въ Даніи, то въ южной Швеціи или Сканіи, которая тогда считалась частью первой. Приверженцы самозванца были названы Куфлунгами (Kufflungar), потому что онъ тогда только снялъ съ себя рясу, когда былъ провозглашенъ королемъ[17]).

4) Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Сверрира Эрихъ прибылъ въ Готландію съ богатою добычею, забранною имъ въ Эстландіи, куда затѣмъ возвратился, собравшись съ силами въ Швеціи и Даніи, чѣмъ и объясняется приписка въ относящейся къ XIV столѣтію рукописи Сверрировой саги: eodem autumno factio Kuflungorum in *Vica*[18]) instaurata est. (Ant. Russes, II, 78, n. 11).

Неудивительно было бы поэтому, если бы Кульфинги или Куфлунги составляли часть войска, съ которымъ побѣдоносный датскій король Вальдемаръ II присталъ въ 1218 году къ берегу Эстландіи, гдѣ немедленно затѣмъ Датчанами былъ заложенъ замокъ Ревельскій, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась разрушенная ими туземная крѣпость Линданиса или «грудь Линды», прославленной въ древнихъ сказаніяхъ супруги великана Калева, погребеннаго, по тѣмъ же сказаніямъ, подъ этой крѣпостью. Утвержденіе владычества Датчанъ надъ Эстландіею не могло нравиться Русскимъ, которые еще при Ярославѣ подчинили себѣ часть этой страны, куда при его преемникахъ все далѣе и далѣе проникали Новгородцы. Призванные на помощь Эстами, они уже въ четвертый годъ послѣ основанія Ревеля приступили къ этому городу, названному въ нашихъ лѣтописяхъ *Колывань*, т. е. именемъ, напоминающимъ намъ, не однимъ только созвучіемъ, національнаго героя Эстовъ

---

[17]) Dahlmann, Gesch. v. Dännemark, II, 161.

[18]) Извѣстно, что у древне-исландскихъ аннамитовъ часть Эстляндіи называется Wikia.

Kalevi-poeg (сынъ Калева), явно тождественнаго съ однимъ изъ сыновей Калевы, которые въ финской поэмѣ Калевала (Родина Калевы) называются *Kalevan*-pojat.

Безъ сомнѣнія, Новгородцамъ, во время осады Колывани, дана была возможность познакомиться съ дружиною Куфлунговъ. Произнося по своему это названіе, они тѣмъ не менѣе могли считать нужнымъ дать ему право гражданства на своемъ языкѣ, для различенія «служилыхъ людей», приходившихъ къ нимъ изъ Даніи, отъ другихъ уроженцевъ этой страны, съ которой Россія съ давнихъ поръ была связана узами не только торговли, но и политическими, по случаю частыхъ браковъ между членами царствовавшихъ въ обѣихъ странахъ династій. Вотъ почему мнѣ кажется, вопреки мнѣнію Дальмана (l. c. I, 279), что мы едва-ли имѣемъ право считать рѣшительно вымышленнымъ переданное намъ авторомъ саги о сыновьяхъ Кнута извѣстіе, что датскій король Вальдемаръ I Великій, отецъ Вальдемара II, зять князя Минскаго Володаря Глѣбовича и внукъ Мстислава Владиміровича, родился (1131) и провелъ даже годы юношества своего въ Гардарики.

Титмаръ († 1018), который, подобно издателямъ Русской Правды, умѣлъ различать Датчанъ отъ Шведовъ и Финновъ, говоритъ, что первые, превратившіеся, съ легкой руки комментаторовъ епископа Мерзебургскаго, въ Грековъ и даже въ Евреевъ, въ его время преобладали въ числѣ жителей Кіева, которое тогда уже долженствовало быть значительно, если даже допустить, что подъ 400 церквами города имъ подразумѣвались и всѣ часовни.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя Кіевъ могъ уже состязаться съ Константинополемъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, который называетъ его однимъ изъ главныхъ украшеній Греціи, сказавши предварительно, что онъ былъ главнымъ городомъ Остроградa въ Руціи. Въ примѣчаніи къ другому мѣсту его труда (IV sched. 116), равно какъ и у Гельмольда (I, гл. 1) читается, что это названіе, въ которомъ нельзя не узнать древнѣйшее скандинавское названіе Россіи (Austrriki, восточное

царство), должно было означать, что Русь, лежа на востокѣ, изобиловала всякаго рода добромъ. Тогда какъ по Гельмольду это названіе дано было Россіи Датчанами, оно у Адама Бременскаго приписывается варварамъ, т. е. ихъ соотечественникамъ, еще не принявшимъ христіанства.

У обоихъ авторовъ мы еще встрѣчаемъ замѣтку, что Остроградъ также назывался Chunigard или Chungard, потому что первоначально тамъ обитали Гунны. Если я не ошибаюсь, то это извѣстіе ими также заимствовано у Варяго-Росовъ, которые подъ Гуннами легко могли разумѣть Хазаровъ, такъ какъ они ихъ застали въ Кіевѣ и его окрестностяхъ господствующими надъ туземцами славянскаго племени. Быть можетъ ихъ то именно имѣлъ въ виду исландскій аббатъ Николай († 1158), когда въ географическихъ своихъ замѣткахъ (Ant. Russes, II, 401) намъ передаетъ, что подлѣ европейской Скиѳіи (Svethia magna), гдѣ нѣкогда царствовалъ Магогъ, лежала «terra Kylvingorum quam vocamus regnum Gardarum, ubi fuit Madaius» (var. Magog). Къ тому еще мы узнаемъ изъ географическаго сочиненія Hauk'a Erlendson'a († 1332; см. ibid. 438), что главными городами Россіи (Ruscia quam nos Gardarikiam appellamus) были: Morami (Муромъ) Rostofa, Suzdali, Holmgardus, Syrnes (Черниговъ), Gadi (var. Gardi = Городецъ, въ Минск. губ.), Palteskjia (Полоцкъ), *Koenugardr*, ubi Magog, filius Japheti, filii Noachi, primus habitavit. Подобнымъ образомъ непоименованный авторъ рукописи относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка (ibid. 447) первыми обитателями Гардарики считалъ потомковъ, не Мадая, но Магога, стало быть народъ, въ которомъ мы имѣемъ право подозрѣвать Бѣлыхъ Угровъ Нестора. Въ пользу сего мнѣнія можетъ еще послужить то обстоятельство, что вышеприведенный Гунниградъ нѣмецкихъ авторовъ есть ни что иное какъ скандинавское *Кёнугрдр*, и что это имя означало не Восточное царство, но городъ, а именно Кіевъ, какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ Эймундъ-саги, давно уже извѣстной русскимъ читателямъ (Библ. для Чт. 1834, т. I). Изложенное

здѣсь мнѣніе не нравится г. Томсену, который (стр. 84) слышитъ въ имени «Koenugardr» отголосокъ древне скандинавскаго слова «koena», родъ лодки? Но и онъ это имя относитъ не къ какой нибудь области, но къ одному только Кіеву.

Названіемъ этимъ я даже объяснилъ бы себѣ охотно, почему у нашихъ лѣтописцевъ жители Кыева называются Кыянами, если бы только можно было сослаться на свидѣтельство Ибнъ-Гаукала, по которому названіе Кіева гласило *Кунаба*. Но въ этомъ случаѣ я не считаю себя въ правѣ отклониться отъ мнѣнія Френа, доказавшаго, что слово это слѣдуетъ читать Куіяба, и что поэтому арабскіе авторы X и XI столѣтій знали Кіевъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ Византійцамъ, равно какъ и славянскимъ и нѣмецкимъ анналистамъ.

Свидѣтельствуемое ими цвѣтущее состояніе сего города еще долго продолжалось, не смотря на частыя междоусобія при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава за великокняжескій престолъ и на участіе, которое, по ихъ же винѣ, въ этихъ распряхъ могли по очереди принимать смѣнявшіеся въ южнороссійскихъ степяхъ тюркскіе наѣздники: Берендичи (Барантачи?), Торки (Узы Византійцевъ, Гуззы Арабовъ, предки бессарабскихъ Гуцуловъ), Печенѣги и Половцы.

Даже послѣ разграбленія Кіева послѣдними въ 1204 году, онъ еще не лишился прежняго своего значенія, если судить по тому впечатлѣнію, которое онъ своимъ великолѣпіемъ произвелъ на внука Чингисхана, посланнаго для осмотра его кааномъ Угедаемъ въ 1239 году. Уже по возвращеніи Мёнкэ въ Монголію, двоюродный его братъ Бату приступилъ къ Кіеву съ несмѣтною силою (1240) и «въ девять дней», какъ выражается Рашидъ-Эддинъ[19]), «взялъ большой Русскій городъ имя котораго *Манкерг-фаанъ*». «Это слово», говоритъ Березинъ,

[19]) См. ст. Березина, въ Ж. М. Н. Просв. ч. LXXXI, Отд. II, 105 съ слѣд.

«можно читать и Мангре-манъ», хотя онъ и допускаетъ, что въ немъ также отзывается тюркское «Макъ-керманъ», хвалимый городъ. Въ необходимости выбрать одно изъ этихъ противуположныхъ мнѣній, я предпочелъ бы послѣднее. Но я не понимаю, почему Березинъ, вмѣсто макъ-керманъ, не хочетъ читать макъ-керманъ. «Большой» городъ Рашида этимъ именно названіемъ могъ быть обязанъ Тюркамъ, тогда какъ на ихъ именно языкѣ столица Готіи Θеодори была названа Мангупъ; находившаяся же въ древней ихъ родинѣ сильная крѣпость еще во время Ибнъ-Гаукала была извѣстна подъ названіемъ Ман-кишлакъ. Уже по сей причинѣ мы имѣли бы право думать, что Шерефъ-Эддинъ [20]) имѣлъ въ виду Кіевъ, когда говоритъ, что въ 1395 году полководцы Тимура преслѣдовали Тохтамыша до мѣстности при Днѣпрѣ, именуемой *Mankirmen*. При тягучести топографическихъ именъ, тюркское названіе Кіева могло быть еще въ употребленіи, хотя онъ тогда уже не представлялъ и тѣни прежняго его величія, почему и можно сказать утвердительно, что Контарини, говоря, что еще въ его время «Chio», т. е. Кіевъ, также назывался *Magroman*, хотѣлъ намъ передать татарское его названіе—Манкерманъ.

Но такъ такъ это названіе не могло быть выдумано Монголами, то ясно, что оно къ нимъ перешло отъ приведенныхъ тюркскихъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Каракалпаковъ, которымъ неоднократно представлялся случай дивиться величію Кіева и хозяйничать въ немъ по своему. Если же такъ, то уже не слишкомъ смѣлою покажется догадка, что тюркское названіе сего города скрывается въ слѣдующемъ отрывкѣ составленнаго архимандритомъ Ниломъ Доксопатріемъ въ 1143 году списка городамъ и землямъ, подчиненнымъ римскому первосвященнику: Possidebat itaque Romanus Europam universam ad confinia usque Mazorum et Gallorum, Hispaniae, Franciae et Illirici usque ad Gadira et columnas Herculeas, oceanum, que in occasum solis vergit, in

[20]) См. Кёппенъ, Крым. Сборникъ, 353 прим. 525.

quo sunt demortuæ aquae et paludosae et insula prope fines oceani hominibus abundans, et est Christianorum universa multitudo, usque ad Ravennam, Longobardos et Thessalonicam et Sclavos, Abaros et Scythas ad Danubium fluvium *ecclesiastica confinia extendit et Mancariam*[21]) т. е. до окрестностей Кіева, до которыхъ дѣйствительно простиралась духовная власть намѣстника св. Петра съ тѣхъ поръ, какъ католицизмъ утвердился въ Венгріи и Польшѣ.

Если же, не смотря на всѣ старанія папъ подчинить митрополію Россіи своей власти, даже послѣ присоединенія Кіева къ Литовскому в. княжеству, онѣ долго не были увѣнчаны успѣхомъ, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что при равнодушіи, чтобы не сказать съ Григорьевымъ (О достовѣрн. ярл. etc. 55) при терпимости и уваженіи Золото-ордынскихъ хановъ ко всѣмъ религіямъ, латинской пропагандѣ было гораздо легче прежняго вкрадываться въ Кіевъ, въ особенности послѣ 1300 года, когда митрополитъ Максимъ, «не терпя татарскаго насилія» (сравн Григорьевъ, l. l. 57), выѣхалъ оттуда навсегда и со всѣмъ клиромъ переселился во Владиміръ. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, мнѣ показалось весьма вѣроятнымъ[22]), что Кіевъ упомянутъ подъ своимъ татарскимъ названіемъ въ слѣдующихъ двухъ ватиканскихъ граматахъ 1314 и 1340 года, приведенныхъ Кунстманомъ по Wadding'y[23]): Vicariatus Tartariae Aquilonaris habet loca 17: Cafa, ubi sunt duo loca; *Majeria*, ubi alia duo, Sardaya (1340: Sodaya) similiter Cata (Solcata); Baraton (Barasou, вѣроятно Karasou), Maurumcastrum (Аккерманъ), Vicena (по итальянскимъ картамъ между Силистріею и Килію), Cimbalum, Tana, Saray, Ugalet (Ugelz, Укекъ?), Beler, S. Johannes. Item in regno Vieriae (Грузія) duo loca.

Хотя и теперь еще я не отрицаю, что въ имени Majeria

---

[21]) Parthey, Hieroclis Synecd. и проч. 270.

[22]) См. мою ст. во 2 томѣ Трудовъ перв. Археол. съѣзда въ Москвѣ.

[23]) См. Hist. Polit. Blätter, 1856. 2 p. 708.

можетъ быть, скрывается татарское названіе Кіева, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю окончательное рѣшеніе сего вопроса лицамъ, имѣющимъ предъ собою недоступный мнѣ трудъ Ваддинга (Annales minorum). Меня же именно поставила въ недоумѣніе замѣтка въ письмѣ г. Юля (отъ 13 іюня 1874 года), которую считаю нужнымъ привести здѣсь собственными его словами: «Some years ago I had to make out the list of Francescan monasteries given by Wadding. He gives the list twice; once under 1314, again under 1400, with differences: under 1400 he has Thana, Agitarchan, Sarai, Comuch (qu. Kumuk country south of the Caspian?), Tarchis (Terki at the mouth of the Terek: see De la Primaudaie, 269), Mamuni or Mauniti (?), Mager (Majar on the Kuma), Ugueth or Uguech (Ukek on the Volga), Ac-Sarai (?), Organae or Orgune (?)».

Тогда какъ послѣднія два имени мнѣ напоминаютъ города Новый Сарай и Ургендзъ, я въ загадочномъ Mamuni подозрѣваю изкаженіе имени города Махмутабадъ. Что же касается слѣдующаго въ спискѣ имени Mager, то я вполнѣ раздѣляю мнѣніе знаменитаго комментатора Марко Поло, что оно не могло не означать городъ Маджаръ, гдѣ еще Ибнъ-Батута засталъ (ок. 1330 года) испанскаго Еврея, греческихъ монаховъ и татарскихъ дамъ, которыя не боялись показаться предъ арабскимъ Марко Поло съ непокрытымъ лицомъ.

Если же оказалось бы, что у Ваддинга въ одномъ и томъ же спискѣ католическихъ кустодій были упомянуты оба города, т. е. Mager и Majeria, то я уже не сомнѣвался бы, что въ послѣднемъ имени скрывается татарское названіе Контариніева Магромана.

VIII.

О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ[1]).

Въ строгомъ отзывѣ[2]) о рукописномъ трудѣ, представленномъ Бларамбергомъ на обсужденіе С.-Петербургской Академіи Наукъ, члены оной Кёлеръ и Грефе, допуская, что городъ Тиритаки, отстоявшій по безъименному автору Перипла Понта Евксинскаго въ 60 стадіяхъ отъ Пантикапеона, долженъ былъ совпадать съ городомъ Тиристаки Птолемея, считали себя въ правѣ присовокупить, что вопросъ о мѣстоположеніи сего города лишенъ всякаго интереса. Съ ними, безъ сомнѣнія, согласятся лица, не понимающія или не желающія понимать, что «чернорабочіе» на поприщѣ археологіи трудятся не понапрасну, отыскивая мѣстоположеніе города, хотя и слѣды его совершенно исчезли съ лица земли и, быть можетъ, даже не сохранились въ нѣдрахъ ея. Но со стороны знаменитаго академика подобное воззрѣніе меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что самъ онъ многими трудами показалъ всю пользу подобнаго рода разслѣдованій для науки вообще и для древней топографіи Новороссійскаго края въ особенности, представляющаго, въ семъ отношеніи, еще такъ много спорныхъ и недостаточно рѣшенныхъ вопросовъ.

Такъ толкователи Геродота по нынѣ расходятся въ мнѣ-

---

[1]) Изъ XXIII т. Зап. Имп. Нов. Ун., но съ значительными измѣненіями.

[2]) См. русскій переводъ въ V-мъ томѣ Зап Одесск. Общ. Ист. и Древ., стр. 959.

ніяхъ касательно мѣстоположенія *Трахеи* (Τραχέη sc. χερσόνησος), о которой онъ говоритъ при описаніи Таврики (IV, 99). Но такъ какъ онъ тутъ же прибавляетъ, что этотъ полуостровъ прилегалъ къ морю съ востока, то нельзя не согласиться съ Маннертомъ (l. c. IV, 294) что онъ подъ Трахеею разумѣлъ *Керченскій* полуостровъ, а не южный берегъ, какъ полагалъ Надеждинъ [3]) или же полуостровъ *Ираклійскій*, какъ старался доказать Кольстеръ [4]), напрасно ссылаясь на Страбона, у котораго Ираклійскій полуостровъ называется Малымъ, въ противуположность Большому, т. е. всему Крыму. На Керченскомъ полуостровѣ, входившемъ еще до временъ Страбона въ составъ Воспорскаго царства, обитатели, уже при Геродотѣ, были не *Тавры*, но *Скивы*, такъ что онъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что первые населяли гористую страну, т. е. Южный берегъ—«до Трахеи». Если же онъ примѣнилъ это названіе къ Керченскому полуострову, гдѣ нѣтъ горъ, то это еще не даетъ намъ права обвинить его въ неточности, потому что «трахейскою» онъ могъ назвать страну не гористую, но скалистую, каменистую, неровную, какою именно Керченскій полуостровъ показался Палласу [5]), не менѣе тонкому наблюдателю и столь же добросовѣстному писателю, какъ древній классикъ.

Славный с.-петербургскій академикъ также совершенно правъ, когда подозрѣвалъ (ibid. 236, прим.), что въ этихъ мѣстахъ находился городъ *Киммерикон*, при которомъ, по свидѣтельству Страбона [6]), начинались стѣна и ровъ, служившіе оплотомъ *полуострова*, который наши археологи отыскиваютъ, по недоумѣнію, на азіатской сторонѣ *Киммерійскаго пролива* [7]). Если же они не правы, то и городъ *Киммерикон* явно со-

---

[3]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. I, 88.

[4]) Jahrbücher d. Phil. etc. XII, 618.

[5]) Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Statth. d. R. R. 1803, II, p. 237 и 240.

[6]) XI, 2 § 5; ср. V, 4 § 3, 5, 6.

[7]) См. Гёрцъ, Ист. обзоръ археол. изслѣд. и откр. на Таманск. полуостр. 1876.

впадалъ съ сомненнымъ ему портовымъ городомъ, отстоявшимъ, по Безъименному, въ 460 стадіяхъ отъ Ѳеодосіи, занимавшей мѣсто нынѣшней. Поэтому всѣ изслѣдователи убѣждены въ томъ, что *Киммерійскій портъ* находился у подошвы горы Опукъ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкоторые, по примѣру Палласа, искали его слѣды на восточной сторонѣ, тогда какъ другіе, слѣдуя Бларамбергу, хотятъ его перемѣстить на западную сторону при соленомъ озерѣ Элькенъ. Подобно тому, какъ Плиній подъ названіемъ *Zephyrium* разумѣлъ этотъ портъ, «защищавшій моряковъ отъ западныхъ вѣтровъ», и переименованный на компасовыхъ картахъ въ *ciprico*, Константинъ Багрянородный имѣлъ въ виду эту же мѣстность, когда говоритъ, что владѣнія Херсонцевъ простирались до *Киверника*, отстоявшаго отъ города *Воспора* въ 40 миляхъ. Такъ какъ только 32 мили отдѣляли этотъ городъ отъ порта киммерійскаго, то должно думать, что сама гора Опукъ входила тогда въ составъ владѣній Воспорцевъ. Но если такъ, то мы имѣли бы право видѣть въ словѣ ciprico худое чтеніе названія этой горы. Касательно же рва, охранявшаго ихъ полуостровъ, то едва ли онъ не былъ тотъ самый, который, по разсказу Геродота, былъ выкопанъ дѣтьми рабовъ киммерійскихъ и который простирался отъ горъ таврическихъ до Меотиды. Какъ-бы то нибыло, нынѣ еще замѣтны остатки рва и насыпи, тянувшейся отъ подошвы горы Опукъ до Азовскаго моря. Вѣроятно, этотъ самый ровъ былъ укрѣпленъ царемъ Воспорскимъ Асандромъ башнями, по десяти на каждую стадію, какъ говоритъ Страбонъ; или же, если-бы позволено было дать подобный смыслъ его словамъ, по одной на каждыя десять стадій, т. 36, а не 3600.

Безъ сомнѣнія, Кёлеръ былъ правъ, когда упрекалъ Маннерта въ томъ, что онъ хотѣлъ помѣстить этотъ ровъ между Евпаторіею и устьемъ Салгира. Но въ свою очередь нашъ прославленный академикъ впалъ въ ошибку не меньшую, когда утверждаетъ, что этотъ ровъ долженъ былъ служить для укрѣпленія Арабатской стрѣлки. Во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ права сказать, что протяженіе рва (360 стадій) почти равня-

ется длинѣ той стрѣлки, «уступая ей только 38 верстами». Или же Кёлеръ не долженъ былъ говорить,—нѣсколько ниже, когда хотѣлъ доказать погрѣшность Маннерта—что сказанный ровъ, если бы имѣлъ направленіе, предполагаемое этимъ ученымъ, имѣлъ бы 560 стадій вмѣсто Страбоновыхъ 360. Ибо разность между этими двумя мѣрами еще не составляетъ 38 верстъ, къ которымъ Кёлеръ долженъ былъ еще прибавить три версты, если хотѣлъ показать, на сколько Арабатская стрѣлка дѣйствительно длиннѣе древняго рва. Не слѣдовало также проходить тутъ же молчаніемъ, что протяженіе стрѣлки (104 версты) довольно близко подходитъ къ 67 милямъ, которыя, по Плинію, имѣла коса, названная Птолемеемъ Zenonis Chersonesus, тогда какъ туземные Греки ее просто называли берегомъ, *Эіонъ*. Подъ этимъ берегомъ они, безъ сомнѣнія, разумѣли Арабатскую стрѣлку, какъ еще думалъ самъ Кёлеръ, по крайней мѣрѣ, позже [8]). Ибо берегъ этотъ заключался между *Коретомъ*, заливомъ Палуса, и *Бусесомъ*, извѣстнымъ уже Страбону подъ названіемъ *Гнилаю озера* (λίμνη σαπρὰ), тогда какъ Татары его называютъ «*Чувашъ*». По Спасскому (Зап. Од. Общ II, 274), это слово отзывается въ русскомъ названіи озера Сивашъ, напоминающемъ, впрочемъ, по крайней мѣрѣ подобозвучіемъ, названіе mare de zabache, которымъ итальянскіе моряки означали Азовское море по причинѣ изобилія лещей (чабакъ), тогда какъ Половцы по подобной причинѣ его называли *Карбалыкъ*. Море это нѣкогда было въ связи съ озеромъ посредствомъ *Широкаго* устья, т. е. нынѣшняго пролива Геническаго, который впрочемъ не имѣетъ въ ширину болѣе версты, а названіе свое безъ сомнѣнія получилъ по турецкому названію самой стрѣлки *Дженичке*, которое могло быть въ употребленіи у туземцевъ еще во времена Птолемея.

На компасовыхъ картахъ коса эта называется zacalai или zuchala, вѣроятно съ итальянскаго zagaglia, дротикъ;

---

[8]) Mém. de l'Acad. Imp. de S. P. X. 657.

настоящее же имя свое получила по турецкой крѣпости *Ребатъ*, взятой Русскими въ 1771 году.

Къ югу отъ нея замѣтны слѣды рва, который будучи явно древнѣе крѣпости, простирался отъ моря до озера. Можетъ быть, этотъ ровъ, имѣющій не болѣе версты въ длину, существовалъ во время Асандра; но никогда этому царю не могло придти на мысль рытье подобнаго рода рва вдоль Арабатской стрѣлки. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось кстати поговорить здѣсь объ этомъ парадоксальномъ мнѣніи, чтобы показать, до какой степени можно увлечься, если, подъ вліяніемъ рѣзкаго тона Кёлера, вѣрить въ результаты его ученыхъ комбинацій топографическихъ, какъ это случилось съ извѣстными даже географами. Такъ, напр. Форбигеръ и даже осторожный Укертъ вѣроятно подчинились этому вліянію, когда полагали, что въ Крыму непремѣнно должна была находиться рѣка *Θапсисъ*, или скорѣе *Θатесъ*, при которой, по Діодору, находился *Царскій замокъ*, коего слѣды Кёлеръ отыскивалъ на вершинѣ горы Опукъ. Поелику же въ окрестности этой горы вовсе нѣтъ ни рѣки ни болота, чрезъ которыя надобно было добраться, чтобы дойти до замка, то ученый нашъ академикъ долженъ былъ не здѣсь искать мѣста, гдѣ погибъ старшій сынъ Перисада и Комосаріи. Авторъ знаменитаго разсужденія о памятникѣ, сооруженномъ этою царицею, болѣе всякаго другаго обязанъ былъ оставить поприще войны между Сатиромъ II и его братомъ тамъ, гдѣ его искали прежде и куда его перенесъ обратно Григорьевъ (Цари Воспора-Кими. 18) съ Бёкомъ, т. е. на азіатской сторонѣ Керченскаго пролива. Ибо *Θатейцы*, которые явно обитали при Θатесѣ, отмѣчены, на сказанномъ памятникѣ, въ числѣ «*азіатскихъ*» подданныхъ Перисада. Правда, въ своемъ переводѣ этой надписи, Кёлеръ позволилъ себѣ замѣнить этотъ народъ «многими другими народами», на томъ основаніи, будто бы рѣзщикъ ошибся, написавъ «καὶ Θατέων»— вмѣсто «καὶ ἑτέρων». Но когда изслѣдованія Кёлера привели его затѣмъ еще разъ къ берегамъ Θатеса, не слѣдовало ли ему сознаться, что древній художникъ былъ правъ? Не дол-

женъ ли былъ Кёлеръ пользоваться этимъ случаемъ, чтобы сознаться въ собственной своей ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы упрекать Барбейрака и Веселинга въ томъ, что они смѣшали Θатесъ съ Псатисомъ Птолемея, у котораго это имя (какъ самъ замѣчаетъ Кёлеръ) сомнительно. Неумѣстнымъ было также нападать на Ортелія за то, что онъ полагалъ, что городъ *Гаргаза*, о которомъ говоритъ Діодоръ, былъ одинъ и тотъ же съ городомъ *Геруса*, который, по Птолемею, лежалъ близъ Псатиса. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство, что Сатиръ II палъ при осадѣ царскаго замка возлѣ Θатеса, не было достаточною причиною, чтобы подозрѣвать ошибку у тѣхъ авторовъ, отъ которыхъ узнаемъ, что подобная участь постигла Сатира I при осадѣ Θеодосіи. Посему самому позволительно спросить, не былъ ли воздвигнутъ *памятникъ Сатировъ*, о которомъ говоритъ Страбонъ, надъ гробомъ сына Перисада, который подобно сыну Левкона былъ другомъ Аѳинянъ и удостоился того, что они ему воздвигли статую, когда онъ еще былъ соправителемъ отца. Такъ какъ надгробный памятникъ того или другаго Сатира на родинѣ (который впрочемъ былъ ни что иное какъ большой курганъ) находился подлѣ города *Patraeus*, отстоявшаго въ 130 стадіяхъ отъ *Корокондамы* и въ 90 отъ *Ахиллеона* на азіатской сторонѣ пролива, то ясно, что курганъ этотъ былъ насыпанъ въ сѣверо-западной части Таманскаго полуострова, къ югу отъ селенія Фонтанъ или Чокракъ-кай, напоминающаго намъ, не однимъ только созвучіемъ, городъ *Джакракъ*, лежавшій, по Абульфедѣ, при юго-восточномъ углѣ Азовскаго моря. По примѣру Палласа, Дюбуа не сомнѣвался въ тождествѣ насыпной могилы царя Воспорскаго съ т. н. Горѣлою горою или Куку-оба, знаменитой по изверженію (1794) подробно описанному первымъ. Нельзя однако не согласиться съ мнѣніемъ гг. Лазаревскаго и Тизенгаузена[3]), что памятникъ Сатира скорѣй былъ насыпанъ при т. н. каменной баттареѣ въ трехъ верстахъ болѣе къ западу, тѣмъ

[3]) См. Гёрцъ, Археол. топогр. Таманск. полуостр. 108, 109,

болѣе что находка разныхъ древностей позволяетъ намъ съ ними именно сюда пріурочить городъ или слободу Патреусъ, о которомъ говоритъ одинъ только Страбонъ, если не согласятся со мною, что Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8) имѣлъ въ виду эту мѣстность, когда говоритъ, что Меотида изливаетъ свои воды въ Понтъ «per Patares angustias». Если же въ его время Керченскій проливъ былъ еще извѣстенъ подъ этимъ названіемъ, то оно отзывается также въ имени города *Бутерз* или *Бутра*, лежащаго, по Эдриси, при оконечности сего пролива, на европейской его сторонѣ, такъ какъ онъ былъ отдѣленъ разстояніемъ 20 миль отъ *Русскаго города*, отстоявшаго въ 27 миляхъ отъ *Матрахи*, на азіатской сторонѣ пролива. Это протяженіе семью только верстами превышаетъ *прямое* разстояніе «отъ Тмутороканя до Кърчева», отмѣченное на извѣстномъ памятникѣ, найденномъ въ Тамани, гдѣ явно находилась Эдрисіева Матряха (Гёрцъ, l. l. 50). Изъ сказаннаго явствуетъ, что городъ, названный имъ русскимъ, совпадалъ съ Керчью, занимающей, какъ всѣмъ извѣстно, какъ разъ мѣсто милезійской колоніи *Пантикапеонъ*, столицы Воспорскаго царства, по которому и самъ городъ былъ названъ *Воспоръ*. Нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ различаютъ эти города, напр. Евтропій (VII, 9), когда говоритъ, что Августъ покорилъ «omnes Ponti maritimas civitates, in his nobilissimas Bosporum et Panticapaeon». Можетъ быть это разногласіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ тутъ было два города въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, и что они въ теченіе времени слились въ одинъ и тотъ же городъ, который затѣмъ носилъ уже оба названія. Если такъ, то древнѣйшій Воспоръ находился вѣроятно къ югу отъ Керчи, при самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, т. е. противъ т. н. южной косы, ок. мыса *Акбурунъ* или *Павловской баттареи*, гдѣ недавно были найдены золотыя и другія вещи временъ Александра Македонскаго. Слишкомъ смѣло было бы считать опорою изложенной здѣсь гипотезы, что на морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій мы встрѣчаемъ непосредственно послѣ имени *aspromiti* (Акбу-

рунъ) приписку *vospro*, а затѣмъ уже *pondico* и на одной изъ нихъ (1351 г.) даже *pondicopera*. Скорѣй можно предположить, что итальянскіе моряки подъ названіемъ vospro разумѣли Керчь (хотя городъ имъ былъ извѣстенъ и подъ послѣднимъ именемъ, превращеннымъ ими въ *Cerch*), и что они къ развалинамъ *Мирмикіона*, гдѣ теперь еще красуется т. н. Царскій курганъ, примѣнили названіе Пантикапеона, касательно мѣстоположенія котораго даже Палласъ не имѣлъ точнаго понятія. Честь окончательнаго рѣшенія сего вопроса принадлежитъ скромному труженику Дюбрюксу, который въ двадцатыхъ годахъ съ неимовѣрнымъ усердіемъ занимался раскопками въ нашей Помпеѣ и другихъ пунктахъ берега, и тѣмъ способствовалъ болѣе успѣхамъ древней топографіи сего края, чѣмъ современные ему ученые своими остроумными комбинаціями. Между прочимъ мы ему обязаны открытіемъ развалинъ по обѣимъ сторонамъ горы Опукъ и при мысѣ Такли или Такилъ-бурунъ, при которомъ находился древній городъ *Акра*, отстоявшій, по Безъименному, въ 90 стадіяхъ отъ порта Киммерійскаго. Поэтому городъ *Cytae*, лежавшій, по тому же автору, въ 60 стадіяхъ отъ порта и въ 30 отъ Акры, долженъ былъ находиться при мысѣ Ягниче-Такилъ. По крайней мѣрѣ таково какъ разъ разстояніе сего мыса съ одной стороны отъ Такилъ-буруна, съ другой — отъ горы Опукъ. Напрасно Бларамбергъ, по примѣру Дюбрюкса, вздумалъ перемѣстить Киты къ развалинамъ, открытымъ на восточной сторонѣ горы Опукъ и описаннымъ послѣднимъ[10]), если-бы даже портъ Киммерійскій находился на западной его сторонѣ при озерѣ Элькенъ. Ибо невѣроятно, чтобы Безъименный до такой степени могъ ошибиться въ своихъ измѣреніяхъ, что удвоилъ бы разстояніе между Акрою и Китами и полагалъ бы, что послѣдній городъ отстоялъ отъ Киммерикона на половину только взаимнаго ихъ разстоянія. При томъ не объяснялось-бы, какимъ-же образомъ онъ могъ ставить начало Воспора у Китъ, хотя нельзя не согласиться, что Стра-

[10]) См. посмертную его статью въ IV томѣ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.

бонъ, въ большемъ еще согласіи съ дѣйствительностью, вмѣсто Китъ, при началѣ Воспора, ставить Акру, если допустить, что городъ этотъ могъ только находиться на мысѣ Такилъ. Подтвержденіемъ сего мнѣнія служитъ еще то обстоятельство, что, по Страбону же, разстояніе между Акрою и Корокондаме составляло 70 стадій и что это протяженіе равняется ширинѣ пролива между азіатскимъ берегомъ и мысомъ Такилъ. Наконецъ разстояніе 65 стадій, отдѣляющее Акру отъ приморскаго города *Нимфеона* соотвѣтствуетъ протяженію берега между Такилъ-буруномъ и Кара-буруномъ при южной оконечности озера Чурубашъ, гдѣ были найдены древнія монеты и пр. и находятся развалины, которыя Дюбуа, Ашикъ и Нейманъ относятъ къ Нимфеону.

Мнѣніе это нельзя не признать основательнымъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе между Керчью и Кара-буруномъ равняется тому, которое Безъименный полагалъ между Нимфеономъ и Пантикапеономъ, т. е. 85 стадіямъ, а не 25, какъ читается въ прежнихъ изданіяхъ его Перипла, гдѣ пропущено промежуточное разстояніе 60 стадій между *Пантикапеономъ* и *Тиритаки*. Вотъ почему Палласъ, Бларамбергъ и Кёлеръ, подобно Дюбрюксу и Тетбу, искали Нимфеонъ около Ак-буруна, не подозрѣвая приведеннаго пропуска въ измѣреніяхъ Безъименнаго и не обращая вниманіе на то обстоятельство, что этотъ авторъ явно-бы себѣ противурѣчилъ, если-бы сказалъ, что городъ, который находился въ 13 верстахъ отъ Такилъ-буруна, тѣмъ не менѣе могъ лежать въ 5 только верстахъ отъ Керчи. За то Бларамбергъ, вопреки Кёлеру, не ошибся въ своемъ предположеніи, что найденныя имъ, или скорѣй Дюбрюксомъ, развалины при верхней части озера Чурубашъ, относятся къ приведенному выше городу Тиритаки, такъ какъ 60 стадій, отдѣлявшія этотъ городъ отъ Пантикапеона, ведутъ насъ, хотя и не до Митридатовой горы, но до Павловской баттареи, до которой какъ выше было замѣчено, въ V или VI столѣтіи, т. е. во время составленія Перипла, могло доходить предмѣстіе Воспора или Пантикапеона.

Неоднократно было также высказано мнѣніе, напр. Хвольсономъ [11]), что городъ этотъ былъ еще прежде извѣстенъ Евреямъ подъ названіемъ *Сафарадъ* или *Сефарадъ* и въ пользу сего мнѣнія, казалось, служитъ замѣтка св. Іеронима (къ Обадію 20), что плѣнные Евреи были сосланы императоромъ Адріаномъ на Воспоръ.

Но подъ названіемъ Сафарадъ министръ Абдеррахмана, въ извѣстномъ письмѣ къ хазарскому царю, разумѣлъ свою родину въ южной Испаніи, древней Гесперіи, куда плѣнные Евреи могли быть сосланы римскимъ императоромъ, скорѣй чѣмъ въ столицу воспорскаго царства, гдѣ ему, еще въ 134 году, была воздвигнута мраморная статуя; или же чѣмъ на *еракійскій Воспоръ* или *Фосфоръ*, какъ, по багрянородному императору (De Themat. II, 64), это названіе гласило въ устахъ туземцевъ, хотя оно удобнѣе примѣнилось бы къ Закавказскому краю, который у Армянъ просто назывался Востокомъ (J. Asiat. S. V. t. XI, 449).

По мнѣнію Касселя [12]), у Іеронима также стояло, вѣроятно, *Phosphorus*; однако уже не въ этомъ смыслѣ, но вмѣсто *Hesperus*, «такъ какъ оба эти имена означаютъ одну и ту же звѣзду». Но подъ названіемъ этой звѣзды св. отецъ, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй чѣмъ *Западную* Иберію, могъ разумѣть *Восточную*, тѣмъ болѣе, что Сафарадъ, куда, по еврейскому тексту, Іудеи были переселены Навуходоносоромъ, по остроумной замѣткѣ Vivien de S. Martin'a [13]), совпадалъ съ землею *Саспировъ* Геродота, вѣроятно тождественною съ областью *çprad* или Спарда (Ханыковъ, Иранъ, 160), упомянутой въ клинообразной надписи персеполійской непосредственно за именемъ *Kpduc* или Каппадокіи, и напоминающей намъ пограничную Грузіи армянскую область *Сперъ*, съ соименнымъ ей городомъ, или *Испиръ*.

---

[11]) Achtzehn hebr. Grabschriften etc. 54.
[12]) Der Chazarische Königsbrief etc. 1876, p. 38.
[13]) Mém. s. l. géogr. du Caucase, 47.

Въ этихъ мѣстахъ и вообще въ западной части Грузіи, Гуріи и Имеретіи нынѣ еще большая часть населенія состоитъ изъ Евреевъ, потомковъ съ давнихъ поръ сюда явившихся переселенцевъ [14]). Здѣсь, поэтому, а не въ городѣ Воспорѣ, Броссе (ibid. 327) долженъ былъ искать городъ «Veriospor», гдѣ скончался апостолъ Симеонъ.

Легко могло статься, что учитель св. Іеронима, по недоумѣнію, смѣшалъ вавилонское плѣненіе его единовѣрцевъ съ подобнымъ несчастіемъ ихъ постигшимъ при преемникѣ Траяна, и то въ такихъ размѣрахъ, что въ Палестинѣ можно было покупать по четыре Еврея за одинъ модій ячменя [15]).

Понятно, что еще во времена св. Іеронима Евреи должны были помнить, какимъ уничиженіямъ и бѣдствіямъ подверглись тогда ихъ единовѣрцы, и можно допустить, что послѣдніе, въ большемъ или меньшемъ числѣ, бѣжали или были доставляемы императоромъ въ столицу воспорскаго его друга; но никогда Евреямъ, столь же мало какъ св. Іерониму, не могло придти на мысль примѣнить къ Воспору названіе Сефарадъ, которое въ этомъ смыслѣ встрѣчается только въ припискахъ на еврейскихъ рукописяхъ изъ коллекціи Фирковича, куда, въ чемъ теперь гебраисты убѣждены, было внесено, если не имъ самимъ, то не безъ его вѣдома, много подобныхъ личныхъ и географическихъ именъ.

Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, какъ доказываетъ Кассель (p. 21), имя *Тетракситовъ* «обнаруживающее всю наглость и ложную ученость фальсификатора». Г. Кассель, вѣроятно, также не ошибается, полагая, что Прокопій подъ своими Тетракситами разумѣлъ именно тѣхъ Готовъ, которые управлялись Тетрархами (у Ульфилы: Taitrarkes), чѣмъ и объясняется, почему они, по тому же автору, отправляли къ императору Юстиніану *четырехъ* посланниковъ съ просьбою послать имъ епископа. Они тогда уже не обитали болѣе въ Крыму, но на восточномъ берегу Чернаго моря въ окрестностяхъ Анапы

[14]) Brosset, Deux histor. arménn., 222.
[15]) Raumer, Palaestina, IV изд. 399.

Если же я здѣсь ихъ припоминаю, то это дѣлаю потому, что они туда переселились изъ окрестностей Пантикапеона, гдѣ еще во время Никейскаго собора была резиденція *готскаго* епископа. Поэтому Крымскіе Готы, принявши христіанство, могли уже тогда къ свѣтскимъ своимъ начальникамъ примѣнить титулъ палестинскихъ для различенія ихъ отъ предводителей языческихъ ихъ соотечественниковъ.

Подобно имени Тетракситовъ, извѣстіе, переданное намъ авторомъ приписки, о намѣреніи ихъ искоренить керченскихъ Евреевъ, грубая новѣйшая вставка, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что гораздо раньше появленія Готовъ въ Крыму, въ Пантикапеонѣ находилась Іудейская синагога. Можно допустить, что новые пришельцы враждебно относились къ членамъ оной при духѣ нетерпимости, тогда господствовавшей въ христіанскомъ мірѣ и при свойственномъ новообращеннымъ религіозномъ фанатизмѣ. При всемъ томъ должно думать, что, подобно тому какъ въ другихъ городахъ Воспорскаго царства, еврейская община удержалась въ его столицѣ и продолжала существовать послѣ возстановленія надъ ней непосредственной власти Византійской имперіи.

Стеклянная древнехристіанская патера или блюдце, найденное недавно въ Керчи на Митридатовой горѣ, какъ единственный остатокъ первой вскрытой христіанской катакомбы, но къ сожалѣнію разоренной грабителями, содержитъ въ себѣ изображеніе такого сочетанія символовъ [16]), которое свидѣтельствуетъ, что еще въ VII столѣтіи древняя іудейская община существовала въ Керчи.

По крайней мѣрѣ, символическое изображеніе Моисея съ двумя крижалами позволяетъ думать, что эта патера относилась къ христіанину крестившемуся изъ Евреевъ, между тѣмъ

---

[16]) Блюдце это нашелъ въ прахѣ, выброшенномъ грабителями, Е. Е. Люценко и передалъ въ распоряженіе г. Кондакову, который описалъ это блюдце въ небольшой, но весьма любопытной статьѣ (Древнехрист. патера изъ Керченскихъ катакомбъ, въ XI т. Зап. Од. Общ.), доказывая, что эта патера относилась къ сосудамъ «Крещальнымъ».

какъ еще не доказано (см. Гаркави, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan, 91), что Хазары были тогда уже ихъ единовѣрцами. Зато не подлежитъ сомнѣнію, что городъ имъ тогда уже принадлежалъ, такъ какъ ихъ хаканъ, въ Житіи св. Стефана Сурожскаго, титулуется Корчемскимъ царемъ (Кёппенъ, Кр. Сборн., 129). Что вскорѣ спустя христіанство, если и не господствовало, то по крайней мѣрѣ имѣло много приверженцевъ въ Керчи, я охотно заключилъ бы изъ прочитанной г. секретаремъ въ 1840 г., теперь вицепрезидентомъ Одесск. Общ. Ист. и Др., греческой надписи 6260 г. (т. е. 752 г.) внутри церкви св. Іоанна Предтечи, по нынѣ сохранившейся. Тѣмъ не менѣе г. Мурзакевичъ «судя по наружному виду и внутреннему расположенію» постройку самой церкви относитъ къ X вѣку (Зап. Од. Общ. I, 625). Съ своей стороны г. Дюбуа, бывшій въ Керчи еще прежде 1840 года, и оставившій намъ подробное описаніе этой церкви [17]), по характеру архитектуры заключаетъ, что она гораздо древнѣе и могла быть построена ок. половины VIII столѣтія. Но если онъ правъ, то я спросилъ бы, не могъ ли св. Іоаннъ Готскій или прежде, или позже его заточенія въ Фуллахъ, побывать нѣкоторое время въ Керчи. Изъ житія его мы усматриваемъ, что онъ нѣсколько лѣтъ до бѣгства его въ Амастриду находился въ торжищѣ Курасаитахъ и покоился въ церкви, внутри которой было весьма много гробницъ [18]).

Правда, Тунманъ [19]), приведенный Кёппеномъ, не сомнѣвается въ тождествѣ этого «торжища» съ замкомъ Гурзубитовъ, построеннымъ Юстиніаномъ, коего развалины по нынѣ сохранились, подобно имени, въ нынѣшнемъ Урзуфѣ или Гурсуфѣ, который впрочемъ никогда не былъ «торжищемъ» и гдѣ не замѣтны слѣды не только многихъ гробницъ, но и храма.

Поэтому вѣроятно г. Васильевскій, приводя мнѣніе Тун-

[17]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, I, 405 и V, 113.

[18]) Васильевскій, Житіе Іоанна Готскаго, въ Ж. М. Н. Пр. іюнь, 1877 года, стр. 128.

[19]) См. Büsching, Erdbeschreibung, I, 12, 21.

мана, считалъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей и на монастырь Киризу (τῆς Κυρίζου), который находился въ Крымской Хазаріи и упоминается въ патріаршихъ грамотахъ конца XIV вѣка [20]) безъ опредѣленія мѣста, гдѣ находился этотъ монастырь, въ названіи котораго слышится какъ бы греческая форма имени Корчевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Хазары стали твердою ногою по обѣимъ сторонамъ пролива, положеніе керченскихъ Евреевъ сдѣлалось, безъ сомнѣнія, болѣе выгоднымъ противъ прежняго, особенно послѣ принятія Хазарами ихъ ученія и прибытія къ нимъ ихъ единовѣрцевъ, преслѣдуемыхъ Арабами и Греками.

Въ свою очередь Хазары умѣли цѣнить важность этой мѣстности въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. По Масуди [21]), они тамъ имѣли военный постъ для удержанія Русскихъ и Гуззовъ (Узовъ Византійцевъ, Торковъ нашихъ лѣтописей) отъ нападеній на ихъ владѣнія какъ съ морской, такъ и съ сухопутной стороны.

Почти такимъ же образомъ отзывается объ этой мѣстности Хазарскій царь въ извѣстномъ своемъ письмѣ, если только со мною согласятся, что г. Кассель (p. 35) не совершенно точно заставляетъ его сказать «*ich wohne* an den Mündungen des Stroms», и если положить, что царь здѣсь не говоритъ о Волгѣ, но о Донѣ, который арабскими его современниками былъ почитаемъ западнымъ рукавомъ Итиля. Если бы царь подъ нимъ въ этомъ мѣстѣ разумѣлъ Волгу, то не повторилъ бы, *нѣсколько строкъ ниже*, что резиденція его находилась на «Итилѣ».

Въ этихъ же мѣстахъ долженъ былъ лежать неразгаданный *Самкушъ Евреевъ* [22]), посѣщаемый славянскими купцами на обратномъ пути ихъ изъ *Румскаго* (Чернаго) моря къ *славянскому* (Азовскому).

---

[20]) Acta Patriarchat. Constant. II, 249, 258.

[21]) Франц. перев. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, II, 19.

[22]) Хвольсонъ, Извѣстія о Хазарахъ и пр. Ибнъ-Даста, 159, ср. Гаркави, Сказанія мусульм. писат. о Славянахъ и пр. 251.

По весьма правдоподобному мнѣнію г. Блау, обязательно мнѣ сообщенному съ доводами его, Самкушъ ничто иное какъ ошибочное чтеніе полу-турецкаго, полу-еврейскаго названія мѣстности *Шерз-эль-бакасз*, откуда, по Абульфедѣ, товары вывозились во всѣ стороны свѣта и которое значило бы «врата устья», если бы только позволено было вмѣсто ничего не значущаго бакасъ читать бугасъ, которое, какъ выше было замѣчено, еще во времена Плинія было въ употребленіи въ южной Россіи для означенія устья, равно какъ и, par amplification, залива или озера соединеннаго имъ съ моремъ, а именно — Сиваша или рѣки *Богу* Константина, у котораго нашъ Гипанисъ названъ Кубу и также Куфисъ.

Что императоръ подъ своимъ Куфисомъ разумѣлъ не Кубань, какъ я прежде полагалъ (I, 145), но Бугъ, явствуетъ изъ того, что на пути отъ Дуная въ Саркелъ не было надобности перебираться чрезъ Кубань; тогда какъ путь этотъ велъ сначала чрезъ Бугъ, а затѣмъ Сивашомъ, послѣ предварительнаго переѣзда изъ *Некропилз* или Каркинитскаго залива въ той же мѣстности «ubi veteres mare traiicebant ducta fossa per mediam Chersonem, regiones (χλίματα) et Bospori terram». Ясно, что императоръ тутъ говоритъ о рвѣ или каналѣ, который во времена Страбона и Плинія еще существовалъ на Перекопскомъ перешейкѣ, извѣстномъ и теперь еще Туркамъ и Татарамъ, которые самую крѣпость называютъ *Орз-капу* «вратами рва», подъ названіемъ *Орз-бугасз* «устье рва».

Во время императора однако путь этотъ болѣе не былъ доступенъ судамъ, превратившись съ теченіемъ времени въ густой лѣсъ съ двумя только проходами, по которымъ Печенѣги отправлялись въ Херсонъ, Воспоръ и вышеупомянутые *климаты*, на которые, какъ императоръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (l. l. c. 1), Печенѣги могли дѣлать нападенія.

Климаты эти, подъ которыми онъ разумѣлъ горную часть Тавриды, не имѣютъ ничего общаго, кромѣ названія, съ «девятью» хазарскими, о которыхъ говоритъ ниже (с. 10), замѣ-

чая, что климаты эти были настоящею житницею царства и могли быть легко опустошаемы *Аланами*.

Если я не ошибаюсь, то въ этихъ именно климатахъ обитали тѣ «девять» могущественныхъ племенъ, подвластныхъ хазарскому царю, о которыхъ послѣдній говоритъ въ приведенномъ его письмѣ. Но въ этомъ случаѣ онъ подъ Итилемъ, т. е. рѣкою, при которой находились ихъ жилища, уже не могъ разумѣть Донъ или Волгу, но только Кубань, которую Ѳеофанъ дѣйствительно такъ называетъ, поелику, по его словамъ, еврейскій городъ Фанагорія лежалъ на Итилѣ.

Что жилища этихъ 9 племенъ не могли находиться на Волгѣ, какъ полагаетъ г. Гаркави на основаніи найденной имъ апокрифической реценэіи письма царя Іосифа[23]), слѣдуетъ изъ словъ Масуди (l. l. 14), что на этой рѣкѣ обитали между Хазарами и Болгарами одни только зависящіе отъ первыхъ *Бартасъ*, т. е. Буртасы. Замѣчу кстати, что, по Масуди же, (p. 11) въ столицѣ Хазаріи находилось постоянно *семь* судей, тогда какъ ихъ число, по Ибнъ-Фоцлану и аль-Истахри[24]) равнялось какъ разъ числу смежныхъ съ Аланіею хазарскихъ климатовъ.

Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ, въ ихъ текстъ вкралась ошибка по той причинѣ, что въ арабскомъ шрифтѣ числа «семь» и «девять» различаются лишь мѣстомъ діакритической точки подъ ними поставленной. По той же причинѣ, Масуди въ свою очередь наоборотъ ошибочно вмѣсто «девять» пишетъ «семь» въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его показаніе расходится съ свидѣтельствомъ византійскаго императора и хазарскаго царя[25]). Въ тѣхъ же мѣстахъ по крайней мѣрѣ, гдѣ находились

---

[23]) Ein Briefwechsel zwischen Cordowa und Astrachan, въ Russ. Revue VI.

[24]) Defrémery, Fragments de géogr. et d'hist. arabes etc. 19.

[25]) Вмѣсто непоименованныхъ имъ 9 племенъ, въ приведенной только что копіи его письма, которую г. Гаркави, по разнымъ признакамъ относитъ къ XI столѣтію (p. 91), исчислены только восемь, по его мнѣнію, вѣроятно по той причинѣ, что другой копистъ причислилъ къ нимъ недостающее у него

9 климатовъ перваго и гдѣ обитали 9 племенъ послѣдняго, мы должны искать страны *Es-seba-Boldan* (Maçoudi, l. l. II, 47) или «семи *областей*», лежащихъ при морѣ въ сосѣдствѣ земли *Казаковъ* и въ которой обиталъ народъ, извѣстный арабскому автору только тѣмъ, что заставлялъ себя уважать и что владѣнія его были весьма обширны.

имя рѣки *Итиль*. Вотъ имена этихъ племенъ: Буртасъ, Булгаръ, Суваръ Аризу, Цармисъ, Венентчтъ, Северъ (или Саваръ), Славіумъ.

Безъ сомнѣнія всѣ эти народы, еще менѣе чѣмъ на Волгѣ, могли обитать на Кубани. Но это именно обстоятельство есть одна изъ причинъ, заставляющихъ меня подозрѣвать въ авторѣ копіи гораздо новѣйшаго фальсификатора, прочія продѣлки котораго г. Гаркави успѣлъ раскрыть въ высшей степени интереснымъ трудѣ недавно вышедшемъ (Altjüdische Denkmäler aus der Krim etc.). Въ извиненіе за то, что я осмѣливаюсь съ нимъ не согласиться относительно важнаго значенія копіи царскаго письма имъ открытой между бумагами покойнаго Фирковича, я считаю нужнымъ здѣсь присовокупить, что, подобно восьми именамъ, замѣняющимъ девять непоименованныхъ царемъ народовъ, меня между прочимъ еще поразило: 1) что вмѣсто 15 могущественныхъ, но царемъ также непоименованныхъ племенъ, обитавшихъ въ горахъ на южной границѣ его владѣнія, въ Чуфутской копіи его письма намъ представляются (p. 87) столько же топографическихъ именъ, отъ объясненія которыхъ самъ. г. Гаркави (p. 96), при всей эрудиціи своей и дарѣ комбинаціи, принужденъ былъ отказаться. Во всякомъ случаѣ ни одно изъ этихъ именъ, если бы дѣйствительно было въ употребленіи въ X или XI столѣтіи не могло означать какую бы то ни было мѣстность въ Закавказьѣ потому что владѣнія Хазаровъ тогда съ южной стороны не доходили далѣе Дербендской стѣны; 2) что вмѣсто 13 опять непоименованныхъ могущественныхъ племенъ, обитавшихъ, по словамъ царя (ср. Cassel, l. l., 35) на западъ отъ его владѣній и которыя мнѣ все еще напоминаютъ 13 колѣнъ Печенѣговъ (Cedrenus, II, 581), въ копіи мы встрѣчаемъ in bunter Reihe столько-же именъ городовъ и селъ, въ особенности Крымскихъ, явно почерпнутыхъ авторомъ копіи изъ мутныхъ источниковъ и обличающихъ поверхностное его знакомство съ исторической географіею сего края.

Такъ какъ къ числу этихъ именъ принадлежитъ *Kers*, т. е. Керчь, между тѣмъ какъ въ спискѣ не достаетъ имени «Матарха», то г. Гаркави и теперь еще (Altjüd. Denkm. 59 и 158) считаетъ себя въ правѣ заключить, что городъ этотъ могъ быть завоеванъ Русскими *до* временъ Святослава. Но если имѣть въ виду, что въ Оксфордской рукописи письма, равно какъ и въ печатныхъ текстахъ его, царь вовсе не именуетъ подвластные ему города, не исключая столичныхъ, и что имена послѣднихъ даже въ копіи не упомянуты, то г. Гаркави поступилъ бы, кажется, осторожнѣе, если бы по именамъ, *не* пропущеннымъ, *но* прибавленнымъ въ послѣдней, пришелъ къ тому заключенію, что ее слѣдуетъ отнести не къ XI столѣтію, но къ эпохѣ соста-

Если Масуди тутъ дѣйствительно говоритъ о 7 областяхъ, то нельзя не признать справедливымъ мнѣніе г. Куника, что авторъ «Золотыхъ луговъ» подъ могущественными ихъ обитателями разумѣлъ Русскихъ, которымъ Хазары около сего времени уступили часть Кубанской дельты. Масуди, разумѣется, не подозрѣвалъ, что въ этомъ случаѣ онъ говоритъ о народѣ, съ именемъ котораго онъ уже былъ знакомъ по другимъ источникамъ.

Если же Масуди хотѣлъ говорить не о 7, но о 9 областяхъ, то мнѣ оставалось бы только предполагать, что онъ подъ ихъ обитателями разумѣлъ потомковъ тѣхъ Болгаръ, которые по смерти ихъ царя Кубрата въ Фанагоріи рѣшились

вленія или передѣлки столь мастерски имъ обсужденныхъ древне-еврейскихъ эпиграфовъ и эпитафій.

Впрочемъ г. Гаркави самъ допускаетъ, что Таматарха можетъ быть скрывается въ слѣдующемъ въ «копіи» послѣ Саркела имени *Samkrz*, а послѣднее теперь отождествляетъ съ Самкушомъ (Altjüd. Denkm. p. 284) «Евреевъ», а не «Еврея», какъ онъ переводитъ выраженіе арабскаго автора, почему и не долженъ былъ заключить изъ названія этого города (ibid. 140), что въ немъ тогда не существовала еврейская община.

Усмотрѣвъ изъ характеристики «караимскаго исторіографа» (тамъ-же 211—224) и изъ пріемовъ его при фабрикаціи древне-еврейскихъ памятниковъ, что всевозможныя средства ему пригождались, если только они могли служить личнымъ его интересамъ или выгодамъ его единовѣрцевъ, я даже подозрѣваю что ошибочное чтеніе города «Евреевъ», о мѣстоположеніи котораго Фирковичъ не могъ узнать ничего отъ своего проректора, онъ нарочно превратилъ въ «загадочный» Samkrz, дабы этимъ способомъ поставить въ тупикъ будущихъ судебныхъ слѣдователей его таинственныхъ мистификацій.

Если же случайно оказалось-бы, что подъ Самкушемъ слѣдуетъ разумѣть не Тамань, но Керчь, то и открылось бы, что въ копіи царскаго письма послѣдній городъ упомянутъ два раза сряду и что она, уже по сей причинѣ, должна быть признана подложною.

Считаю себя впрочемъ обязаннымъ здѣсь замѣтить, что въ письмѣ мною затѣмъ полученномъ отъ г. Гаркави, которому я сообщилъ свои сомнѣнія касательно подлинности копіи царскаго письма, онъ мнѣ отвѣчаетъ, что я безъ сомнѣнія съ нимъ соглашусь, когда мнѣ будетъ доступенъ находящійся теперь въ печати подробный его комментарій къ открытой имъ въ Чуфутъ-кале «древней и вѣрной съ подлинникомъ» копіи царскаго письма. Къ сожалѣнію я съ тѣхъ поръ не могъ узнать, успѣлъ ли онъ напечатать эту *во всякомъ случаѣ* древнюю рукопись, которую я три года тому назадъ имѣлъ случай видѣть въ И. С. П. библіотекѣ.

оставаться въ прежнихъ своихъ жилищахъ при Азовскомъ морѣ, тогда какъ ихъ соотечественники предпочли переселиться оттуда на Сѣверъ къ Танаису или на Западъ къ Дунаю.

Всѣ почти новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ошибочнымъ прежнее мнѣніе о родствѣ этихъ Болгаръ съ Славянами и въ томъ только не согласны между собою, что нѣкоторые, напр. Иречекъ (Ист. Болгаръ, русск. изд.) видятъ въ нихъ народъ Уральскаго (Угорскаго) племени, тогда какъ другіе узнаютъ въ нихъ, или по крайней мѣрѣ въ ихъ царяхъ настоящихъ восточныхъ Турокъ.

Такъ думаютъ именно Томашекъ, Блау [26]) и Куникъ, ко-

---

[26]) Покойный, котораго я просилъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о рецензіи книги Иречка, помѣщенной въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien, не замедлилъ мнѣ послать, съ обычною своею обязательностью, письменный о ней отзывъ, который я здѣсь передаю читателю *собственными его словами* какъ слабый знакъ необыкновеннаго его дара комбинаціи.

«Der Name des Fürstenhauses selbst *Dulo* bedeutet wohl schlechthin appelativisch: Dynastie, doule, daule.

Der mythische Ahn *Awitochol* ist seinem türk. Namen nach: der Jagd-betreibende, eine Art türkischer Nimrod.

Sein Sohn *Irnik*, *Ernach* bedeutet türk. den Mannhaften, den Helden. *Kur't* oder *Kurat* hat etymologisch kaum etwas mit—at, Pferd zu thun, sondern ist entweder *Kurt* «Wolf», oder *Kyrak*, *Kyryt* «Krauskopf».

Besmer (türk. Form wie Katmer) der «Zierbengel», nicht «ungeschmückt».

Terwel, vielleicht «Stammhalter» von *tire*. Tomaschek vergleicht nicht ungeschickt jak. *tirübil* «Stütze». *Kormisch* «der Wächter», vgl. *Kurdschi*: garde-corps, (Hofamt) oder *Kjormusch* der Maulwurf; wenn es aus dem Geschlechte *Wokil* im Gegensatz zur *Dulo* Dynastie stammt, so dürfte darunter «Wekil» Statthalter zu suchen sein, ein dem arab. entlehnten technischen Ausdruck.

Sewar ist gut türkisch «der Freund» Tom. — *Teledsch*, *Τελέτζης* ist gewöhnliches türkisch. deledschi, dilendschi, cagat. tildschi, *ἰατής* der Bettler, Spion?

Baïar und *παγαν* sind vielleicht beide zusammengehörig: «Bajan» Prinz, Herr; mit jak. *bagana*, Pfahl hat das nichts zu thun.

Toktos ist einfach *Toktagu* n-pr.

Ich stimme Tomaschek darin bei, dass alle diese Namen auf türkischen Ursprung weisen. In dem Fragment bei Jirecek (127) halte ich die Epitheta nicht für Epitheta ornandia, sondern glaube, dass darin *Zahlenangaben* stecken; wenigstens klingen: *wečem*, *twirem*, *altem*, *šextem*, *doxs* an die türk. Zahlwörter für 3, 4, 6, 9 sehr nahe an».

торный даже успѣлъ доказать въ прекрасной статьѣ, что нынѣшніе Чуваши были прямые ихъ потомки.

Если же ученые расходятся въ мнѣніяхъ касательно народности Болгаръ, то они уже не сомнѣваются въ ихъ тождествѣ съ Кутургурами и Утургурами. Мы уже видѣли (см. выше, стр. 207) что послѣдніе, по Прокопію, въ началѣ великаго переселенія народовъ, выселились изъ Крыма въ сообществѣ Тетракситовъ и избрали себѣ новыя жилища въ ихъ сосѣдствѣ, стало быть, вѣроятнѣе всего, по обѣимъ сторонамъ Кубани между Аланіею и Зихіею. Быть можетъ эти Утургуры не имѣли ничего общаго съ *Сарагурами*, которые, въ 465 году чрезъ Даріельскій проходъ проникли въ Грузію[27]).

Зато нельзя не узнать гуннскихъ сподвижниковъ Тетракситовъ въ *Оногурахъ*, которые были разбиты Лазами около 470 года, близь Археополя, гдѣ побѣдителями была затѣмъ построена крѣпость Уногурисъ въ память сего подвига.

Къ Утургурамъ принадлежали, безъ сомнѣнія, и тѣ Гунны, которыхъ императоръ Юстинъ хотѣлъ послать на помощь Иберійцамъ противъ Персовъ въ 523 году, такъ какъ они обитали на разстояніи двадцати-дневнаго пути отъ Херсона, недалеко отъ Воспора. Вскорѣ затѣмъ, они овладѣли этимъ городомъ при своемъ царѣ Мугилѣ, братѣ и убійцѣ Грода или Горда, который, принявъ въ Константинополѣ св. крещеніе, тщетно старался распространить христіанство у себя. Но еще въ томъ же году (528) городъ былъ взятъ обратно начальникомъ понтійскихъ проливовъ Іоанномъ, внукомъ Іоанна Скиѳа (т. е. Гота) съ помощью Готовъ (не Тетракситовъ ли? ср. Malala, I. 162: μετὰ βοηθείας Γοττικῆς).

Если же города *Кипы* и *Фанагорія* были разрушены въ 541 году обитавшими въ сосѣдствѣ варварами (Procop. B. G. IV, 5), то подъ послѣдними придется разумѣть тѣхъ-же *Утургуровъ*, тѣмъ болѣе, что послѣдніе упомянуты въ числѣ другихъ варварскихъ сосѣдей Лазики (Agath. I, 3), которымъ

[27]) Дестуниссъ, Сказанія Приска, 94, прим. 124.

денежныя субсидіи были уплочены въ 554 году римскимъ агентомъ Сотерихомъ, передавшимъ свое имя Пицундѣ.

Быть можетъ, мы должны также разумѣть Утургуровъ подъ тѣми *Унно-уграми*, которые по примѣру болгарскихъ Барселтъ (Симокатта ошибочно называетъ ихъ Сарселтъ) принимали у себя въ 558 году Вархонитовъ или псевдо-Аваровъ, видя въ нихъ настоящихъ Аваровъ или Обровъ Нестора.

Тѣхъ-же Утургуровъ имѣлъ наконецъ въ виду Менандръ (II, 14, 15) подъ *Утигурами*, которые въ 580 году овладѣли Воспоромъ, хотя сами не задолго передъ тѣмъ должны были признать верховную власть хакана *Турокъ*. Подъ послѣдними здѣсь явно разумѣются *Хазары*, которыхъ Несторъ называетъ Бѣлыми Уграми для различенія отъ Черныхъ или Мадьяровъ. Ѳеофанъ еще называетъ ихъ восточными Турками подъ 627 годомъ, при описаніи ихъ прохода чрезъ Дербендъ на помощь императору Ираклію въ войнѣ его съ Хозроесомъ II. Около того-же времени центръ ихъ владычества былъ перенесенъ къ устьямъ Волги, въ землю *Барзиліевъ* или вышеупомянутыхъ болгарскихъ Берсула (Хвольсонъ l. l. 22 и пр. 34), стало быть народа отъ нихъ различнаго по своему происхожденію.

Вотъ почему еще въ X столѣтіи арабскіе писатели, напр. Истахри (перев. Mordtmann, p. 105), различаютъ между Хазарами два рода: одни названные Кара-Джуръ были цвѣта столь смуглаго, что казались черными; другіе были бѣлы, прекрасны и стройны. Такъ какъ послѣдніе явно были Турки, т. е. господствующій народъ, то къ нимъ относится, вѣроятно, извѣстіе, переданное намъ Масуди (l. l. 10), что еще въ его время переселившіеся нѣкогда въ Хазарію *Харезмійцы* пользовались тамъ большими льготами какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи и даже правомъ, чтобы визиръ былъ всегда избираемъ изъ ихъ среды. Они были извѣстны подъ названіемъ *Lariciyeh* (?), которое затѣмъ уже примѣнялось ко всѣмъ мусульманамъ, поселившимся въ этой странѣ.

При такомъ преобладаніи тюркскаго элемента объясняются:

названія должностей въ хазарскомъ царствѣ и также—почему, по мѣрѣ распространенія его могущества, къ топографическимъ именамъ тюркскимъ, которыя съ давнихъ поръ были въ ходу въ южной Россіи, многія прибавились, которыя также звучатъ по турецки. Къ такимъ принадлежатъ, между прочимъ, имена упомянутыхъ императоромъ Константиномъ рѣкъ: *Хоракулъ*, *Балъ*, *Бурликъ* и *Хадеръ*, и превращенное имъ въ *Таматарху* турецкое названіе преемницы Фанагоріи. Поэтому мнѣ кажется, что и древній Пантикапеонъ обязанъ Хазарамъ настоящимъ своимъ явно тюркскимъ названіемъ.

Во всякомъ случаѣ городъ этотъ въ X столѣтіи былъ уже извѣстенъ Русскимъ подъ названіемъ *Корчевъ* и съ нимъ именно (а не съ давно исчезнувшимъ городомъ *Каркинитисомъ* Геродота, какъ думалъ Хвольсонъ) долженъ былъ совпадать городъ *Кархъ*, гдѣ, по Ибнъ-Дастѣ, Мадьяры вымѣнивали славянскихъ своихъ плѣнниковъ на греческіе товары, и гдѣ, подобно тому какъ въ мнимомъ Самкушѣ и Корчевѣ, не могли не встрѣчаться Евреи, такъ какъ они тогда, равно какъ и прежде и послѣ, преимущественно занимались гнуснымъ торгомъ невольниками.

Подъ Мадьярами здѣсь разумѣются не паннонскіе или же другіе ихъ соотечественники, переселившіеся изъ нашихъ степей къ окрестностямъ Дербенда, но—«остатокъ этой нѣкогда значительной азовской тюркской орды» (Куникъ, въ прим. на стр. 386 у Дорна, Каспій), удержавшійся въ древнихъ ея кочевьяхъ между Дономъ, нижнимъ Днѣпромъ и Бугомъ [28]), гдѣ могли смѣшаться съ обитавшими въ тѣхъ мѣстахъ Узами или Гузами (см. I, стр. 110). Эти то именно рѣки долженъ былъ имѣть въ виду Ибнъ-Даста (пер. Хвольсона, 25) подъ двумя «большими рѣками», изливавшимися въ Черное море и отдѣлявшими «первый изъ краевъ Мадьярскихъ», съ одной стороны отъ земли Печенѣговъ, съ другой отъ земли болгарскихъ *Эсе-*

[28]) Soyons, Les origines etc. des Hongrois, 10; ср. Rösler, Romän. Studien, 155 прим. 3.

гель, подъ которыми онъ скорѣй могъ разумѣть обитателей 9 хазарскихъ климатовъ, чѣмъ трансильванскихъ Секлеровъ, съ которыми ихъ, еще прежде Хвольсона, вздумалъ отождествить Дефремри (l. l. 22).

Подъ сосѣдями азовскихъ Болгаръ Ибнъ-Даста могъ впрочемъ разумѣть не однихъ только Мадьяръ, остававшихся въ *Лебедіи*, по выходѣ ихъ соотечественниковъ въ *Атель-кузу* и на *Кавказѣ*, но также хазарскихъ *Кабаровъ*, которые гораздо раньше присоединились къ Мадьярамъ, стали говорить ихъ языкомъ и также могли оставаться по крайней мѣрѣ отчасти на западномъ берегу Азовскаго моря, стало быть, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вскорѣ спустя являются кочевья *Торковъ* и другихъ *Каракалпаковъ*, кочевья которыхъ, судя по отмѣченному на морскихъ картахъ, подлѣ Арабатской стрѣлки, имени *carcavoni*, еще въ XIV столѣтіи простирались до окрестностей Керчи.

Подобно Карху, съ этимъ городомъ долженъ былъ совпадать приведенный выше *Шеръ-эль-бакасъ*, такъ какъ онъ находился, по Абульфедѣ, не далеко отъ Матрахи въ западномъ направленіи, стало быть, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ, по императору Константину, находился лежащій при «устьѣ» Меотиды, прозванномъ Бурликъ, городъ Воспоръ, вошедшій, вѣроятно, по случаю похода Святослава 965 года въ составъ Тмутороканскаго княжества. Должно думать, что съ этихъ поръ Корчевъ сталъ именоваться *Русскимъ* городомъ, если только онъ не достался Русскимъ, вмѣстѣ съ Тмутороканью, послѣ похода Владиміра въ Крымъ (Зап. Одесск. Общ. Ист. V, 125) или даже—не ранѣе 1016 года, въ которомъ соединенными силами Грековъ и Русскихъ положенъ былъ конецъ владычеству Хазаровъ въ Крыму взятіемъ въ плѣнъ тамошняго ихъ намѣстника (архонта) Цула при первой съ нимъ встрѣчѣ.

Какъ бы то ни было, Керчь значился Русскимъ городомъ еще во времена Эдриси, почерпавшаго географическія свѣдѣнія о южной Россіи изъ западныхъ источниковъ, подобно Нестору и Вильгардуэну (изд. Wailly, 126 и 130), у котораго Чер-

ное море еще называется «mer de Rossie». Вѣроятно онъ былъ отнятъ у Русскихъ Половцами, когда первые еще на время удержались въ Тмуторокани.

Но и послѣ этого несчастья прежнее названіе города оставалось еще въ употребленіи, какъ явствуетъ изъ договора 1170 года, которымъ Греки воспретили Генуэзцамъ посѣщать порты *Россія* и *Матраха* [29]), вѣроятно съ тѣмъ, чтобы не лишиться монополіи торговли по Азовскому морю, еще не доступному для итальянскихъ купцовъ даже во времена Рубруквиса.

Но для Евреевъ — космополитовъ Керченскій проливъ могъ по прежнему служить вратами, чрезъ которыя они туда добирались, почему и въ своемъ жаргонѣ продолжали означать эти врата гибридскимъ названіемъ Шеръ-бугасъ, перешедшимъ къ Абульфедѣ отъ Ибнъ-Санда (Fraehn, l. l. 31) въ испорченной формѣ Шаръ-эль-бакасъ. Посему самому ему не пришло на мысль, что онъ тутъ говоритъ о городѣ, названномъ имъ, по другимъ источникамъ, *Керш* и подъ которымъ онъ явно разумѣлъ Керчь, такъ какъ тотъ городъ, находясь на серединѣ пути между Азакомъ и Кафою, лежалъ насупротивъ города *Тамани*, коего тождество съ Матрахою онъ также не подозрѣвалъ.

Извѣстіе, имъ намъ переданное, что въ Коршѣ населеніе состояло изъ «невѣрныхъ» Кипчаковъ, подтверждается свидѣтельствомъ его современника Ибнъ-Батуты, что, боявшись заѣхать въ Коршъ, онъ присталъ къ берегу въ недальнемъ отъ сего порта разстояніи, и тамъ вошелъ въ «церковь», на стѣнѣ которой замѣтилъ изображеніе Араба въ турбанѣ, опоясанаго мечемъ. Въ рукѣ было у него копье и предъ нимъ горѣла лампа. Арабскаго туриста не мало удивило видѣть здѣсь изображеніе «пророка Али», какъ онъ ошибочно заключилъ изъ словъ находившагося тамъ монаха, который ему, вѣроятно, сказалъ, что это было изображеніе пророка св. Ильи.

---

[29]) Acta et dipl. gr. etc. ed. Miclosich et Müller, III, 35.

Въ это время (около 1330 г.) городъ Керчь былъ «весьма богатъ и многолюденъ», судя по выраженіямъ папской грамоты 1332 года о назначеніи туда архіепископомъ доминиканца *Франциско* изъ Камерино, который еще прежде отличался распространеніемъ католической вѣры въ Газаріи и въ смежныхъ съ ней странахъ.

Владѣтелемъ Керчи былъ тогда зихскій князь Милленъ, усердный приверженецъ католицизма, какъ видно изъ письма авиньонскаго папы Іоанна XXII, 1333 года, (ст. Jacquet, въ N. Journ. Asiat., VII, 1831) къ зихскому-же князю Верзахту, который вѣроятно былъ послѣдователемъ православія, подобно зихскому князю, котораго доминиканецъ Юліанъ сто лѣтъ прежде засталъ въ *Матрихѣ*. Около 1419 года городъ этотъ принадлежалъ генуэзскому уроженцу Симоне де Гвизольфи подъ верховной властію «Великой общины», т. е. Генуи, а затѣмъ—банка св. Георгія, которому республика уступила всѣ свои владѣнія въ *Газаріи*, что не помѣшало владѣтелямъ таманскимъ быть данниками какихъ то татарскихъ династовъ.

Даже послѣ взятія Турками крѣпости Тамани, внукъ Симоне Захарій удержался нѣсколько лѣтъ въ ея окрестностяхъ (campagna in Insula nostra Matrice), откуда намѣревался переселиться въ Россію. Но еще въ 1491 году онъ принужденъ былъ отложить свой пріѣздъ, потому что Менгли-гирей не хотѣлъ ему дать проводниковъ, опасаясь султанскаго гнѣва.

Не безъинтересно было-бы узнать, гдѣ покоится прахъ послѣдняго князя Тмутороканскаго?

Что владѣтели Керчи должны были, въ свою очередь, подчиниться верховной власти Монголовъ, явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что губернаторъ Крыма Толактимуръ могъ (ок 1340 года) предложить Венеціанцамъ поселиться въ Воспорѣ на такихъ же условіяхъ, на какихъ Генуэзцы владѣли Каффою.

Должно думать, что первые не оставили воспользоваться этимъ предложеніемъ, поелику сохранилось извѣстіе, что купцы

венеціанскіе изъ *Пантикапеи* посѣщали *Тану*[30]). Къ тому еще мы узнаемъ отъ Палласа (l. l. 237), что во время его пребыванія въ Керчи, тамъ еще можно было видѣть надъ вратами турецкой крѣпости мраморный гербъ республики св. Марка.

Въ слѣдующемъ столѣтіи тамъ утвердились Генуэзцы; изъ консуловъ, которыхъ они тамъ содержали, намъ по имени извѣстенъ только послѣдній Франческо де Фіески, занимавшій эту должность въ 1455 году. Кажется, что они вскорѣ спустя совершенно покинули городъ, ибо въ 1471 году въ колоніяльномъ совѣтѣ толковали о необходимости его разрушить, дабы онъ не могъ служить точкою опоры для Турокъ въ случаѣ наступательной войны съ ихъ стороны[31]). Герберштейнъ, которому Воспоръ извѣстенъ подъ итальянскимъ его названіемъ «bocca di Giovanni», ничего не говоритъ о Керчи, хотя городъ этотъ не переставалъ существовать подъ настоящимъ его именемъ и позже его времени[32]). Такъ мы узнаемъ отъ Михаила Литвина, что городъ «Kercze» былъ отнятъ у Татаръ Турками около 70 лѣтъ по взятіи ими Константинополя; отъ Броневскаго, что замокъ при небольшомъ городѣ «Cercum» былъ разрушенъ самими Турками, дабы за ханомъ оставалась въ Крыму одна только крѣпость въ Перекопѣ; наконецъ отъ непоименованнаго автора «Трактата» о Татарахъ крымскихъ, что еще въ его время (начало XVII столѣтія) Итальянцы имѣли обыкновеніе означать именемъ Воспора городъ, называемый туземцами «Cherz».

---

[30]) Canale, Della Crimea, II, 458.

[31]) Atti T. L. 1, 372 съ слѣд.

[32]) Russia seu Moscovia, itemque Tartaria etc. изд. Эльзевирское, 196, 246, 289.

IX.

Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи[1]).

Въ настоящее время, когда заря лучшей будущности открывается для Болгаріи, всѣ вопросы, касающіеся исторіи этой страны, еще болѣе прежняго будутъ признаны достойными вниманія русскихъ читателей. Многіе изъ этихъ вопросовъ, къ сожалѣнію, еще не рѣшены окончательно. Къ нимъ я, между прочимъ, все еще причислилъ бы вопросъ о значеніи названія Добруджи: (то-есть, сѣверо-восточной части Болгаріи, заключенной между нижнимъ Дунаемъ, Балканомъ и моремъ), хотя авторъ прекраснаго, недавно вышедшаго сочиненія[2]), счелъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что область эта настоящимъ своимъ названіемъ обязана «неизвѣстнаго» происхожденія деспоту Добротичу (Τομπροτίτζης), владѣвшему въ 1357 году замками Эмпона (на мысѣ нынѣ названномъ Эмине, то-есть, Haemus) и Козьякъ (нынѣ Козакъ-Кой) близь Месембріи.

Ссылаясь на Гопфа (см. Allg. Encycl. LXXXVI, 28), г. Иречекъ передаетъ намъ въ другомъ мѣстѣ (336), что этотъ самый «болгарскій» деспотъ, имѣя свою резиденцію въ Варнѣ, устроилъ себѣ флотъ на Черномъ морѣ и до такой степени усилился, что могъ помышлять о возведеніи, въ 1374 году, зятя своего Михаила, сына Іоанна V Палеолога, на Трапезунтскій престолъ, вмѣсто законнаго царевича Андроника

---

[1]) Изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.

[2]) Jireček, Gesch. d. Bulgaren, p. 12 et passim.

Комнина. Затѣмъ, Добротичъ готовился даже къ нападенію на генуэзскія владѣнія въ Крыму, но примирился съ республикою въ 1385 году и вскорѣ потомъ скончался.

Безъ сомнѣнія, покойный Добротичъ былъ одно и то же лицо съ Добротичемъ (Τομπροτίτζης), который еще въ 1346 году, вмѣстѣ съ братомъ Θеодоромъ, былъ посланъ архонтомъ Карбоны Баликомъ, съ отборнымъ отрядомъ, на помощь Аннѣ Савойской (Cantac. II, 584).

Назначенный затѣмъ императрицею комендантомъ черноморской крѣпости Мидіи, близь Константинополя, Добротичъ долженъ былъ сдаться Кантакузену и имъ былъ причисленъ къ римской знати.

Братъ его успѣлъ заблаговременно возвратиться восвояси—въ Добруджу. По крайней мѣрѣ, Карбона или Карбуна[3]) не могла совпадать съ Kjurumler'омъ, какъ полагалъ Палаузовъ (прив. Иречекомъ, 378), но занимала мѣсто нынѣшней деревни Экерне близь Балчика, между Варною и Каварною, гдѣ на компасовыхъ картахъ читается приписка carbona, съ варіантами cacna (1367) и cranca (1408).

Здѣсь, поэтому, я охотно помѣстилъ бы замокъ Cranea[4]) и Crunum, гдѣ прежде Балыка княжилъ деспотъ Эльтемиръ, братъ болгарскаго царя Тертерія. Но по письму г. Иречка (отъ 20 марта 1878 года), я убѣдился въ томъ, что владѣнія Эльтемира находились въ иномъ мѣстѣ, а именно въ Кръска χωρα (въ диплом. Асѣня II) близь Эски-Загры. Во всякомъ случаѣ подобно Тертерію и Эльтемиру, владѣтель Карбуны или Балчика, Балыкъ, по своему происхожденію вѣроятно не былъ Славянинъ, но принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій команскихъ, переселившихся въ Болгарію послѣ нашествія Монголовъ на прежнія ихъ кочевья въ южной Россіи (*Jireček*, 260 и 278).

Поэтому позволительно будетъ спросить, не могъ ли пол-

---

[3]) См. Acta Pariarch. Constant., ed. Miklosich et Müller, I, № 63 и 244.
[4]) Acta Patr. I, №№ 52 и 272.

ководецъ преемника Эльтемира только потому быть названъ Добротичемъ, что онъ былъ родомъ изъ Малой Скиѳіи, получившей отъ Славянъ, издревле въ ней обитавшихъ, названіе Добричи (сравн. *Jireček*, 34) или Добричьи, превратившееся впослѣдствіи въ Добруджу?

Въ этомъ случаѣ она названіемъ своимъ могла быть обязана Сѣверянамъ, въ памяти которыхъ оно должно было сохраниться еще долго послѣ того, какъ сами они были оттуда переселены покорившими ихъ угрскими или тюркскими Болгарами или Уногундурами за Балканъ.

Хотя въ странѣ, лежащей между сѣверными его предгорьями и Дунаемъ, въ X столѣтіи были извѣстны Византійцамъ *славянскія* имена мѣстностей: Преклавія, Канопа, Прѣславецъ, Плисковъ, Дичина, тѣмъ не менѣе всѣ они, безъ сомнѣнія, подобно области, въ которой находились, должны были называться иначе на языкѣ угрскихъ завоевателей оной, такъ какъ въ ней то именно они тогда еще преобладали, тогда какъ въ другихъ частяхъ основаннаго ими государства азіатскій его характеръ сохранился развѣ только въ придворномъ этикетѣ и въ образѣ правленія. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ отъ Константина Багрянороднаго, что еще въ его время къ сыновьямъ болгарскаго царя примѣняли титулы Канартикинъ и Былъ-Тарханъ, главныхъ же сановниковъ называли Былями или Боліадами. Всѣ эти имена, какъ справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ (Собр. Соч. I, 118), происхожденія не славянскаго, но финно-тюркскаго и встрѣчаются какъ у Волжскихъ Болгаръ, такъ и у Хазаровъ, не исключая титула Канарти-кинъ, отъ объясненія котораго Гильфердингъ отказывается. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что на хазарскомъ нарѣчіи титулъ старшаго сына болгарскаго царя гласилъ бы Кендеръ-ханъ, подобно тому какъ въ титулѣ младшаго и главныхъ бояръ (биль, буль, буля) отзывается древнѣйшее названіе столицы Волжской Болгаріи «Биларъ», арабизированное затѣмъ уже въ Болгаръ [5]), равно какъ и имя хазарскаго царя «Бу-

[5]) *Хвольсонъ*, Ибнъ-Даста и пр. 88.

ланъ», который, съ приближенными, принялъ еврейское ученіе, и названіе древнѣйшей столицы его государства «Боланджаръ» (Боланджаръ, Беленджеръ).

Городъ этотъ не однимъ только созвучіемъ именъ, но и ихъ значеніемъ напоминаетъ мнѣ большой городъ Валендаръ или Белендеръ, который, по разказу Масуди [6]), былъ взятъ соединенными силами четырехъ тюркскихъ племенъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ими подъ стѣнами этого города Греками и служившими въ ихъ войскѣ *христіанамъ, вооруженнымъ по арабски копьями.* Подъ этими христіанами, которыхъ Турки тщетно пытались склонить на свою сторону, Масуди явно разумѣлъ Болгаръ, уже превратившихся въ Славянъ, въ противуположность ихъ соотечественникамъ, обитавшимъ въ области, черезъ которую должны были пробраться упомянутыя тюркскія племена въ своемъ нападеніи на Грецію (*Jireček*, 131). По чтенію, принятому французскимъ переводчикомъ «Золотыхъ луговъ» имя перваго изъ этихъ племенъ, которыя, обитая къ западу отъ Аланіи въ сосѣдствѣ Хазаріи, жили тогда въ мирѣ съ царями обѣихъ этихъ странъ, гласило «Yadjni», затѣмъ слѣдовало имя Вашкировъ (des Bedjgards), сосѣдственное Печенѣгамъ (des Bedjnaks), самому воинственному племени, смежному въ свою очередь, съ четвертымъ племенемъ «des Newkerdehs».

Если въ первомъ изъ этихъ племенъ мнѣ позволятъ видѣть съ Френомъ (Ibn-Foszlan etc., 47) искаженіе имени Мадьяръ, то я спросилъ бы не разумѣлъ ли Масуди подъ Беджгардами ихъ соотечественниковъ, поселившихся изъ Лавезіи на границѣ Персіи и которые тогда еще означались древнимъ прозвищемъ Савартіасфаловъ [7]), можетъ быть потому что это имя (Svart и Spali) было заимствовано херсонскими или воспорскими Греками у готскихъ ихъ сограждан или сосѣдей. Новыя ихъ жилища долженъ былъ имѣть въ виду Эль-

[6]) Изд. *B.* de *Meynard* et *P.* de *Courteille*, II, 60.
[7]) Const. Porph., De adm. imp. 109.

Бекри (Defrémery l. l. 22), когда говоритъ о маджарской странѣ, которая граничила съ горою, простиравшейся до Дербенда и доходившей до степи Хазаровъ. «Подъ этой горою», говоритъ онъ, «на берегу моря (Каспійскаго) обиталъ христіанскій народъ *Ogounah* (Агованы-Албанцы) до границы мусульманскихъ областей подвластныхъ странѣ Тифлиской». Слѣды пребыванія Савартіасфаловъ на сѣверной сторонѣ Кавказа, именно при Кумѣ, по нынѣ сохранились въ развалинахъ «большаго, краснваго» города Маджаръ Ибнъ-Батуты и Абульфеды, Моджжъ-горы современныхъ имъ русскихъ лѣтописцевъ. Изъ этихъ мѣстъ Мадьярамъ не трудно было бы присоединиться къ тѣмъ миріадамъ воиновъ, съ которыми обитавшій за горами «въ землѣ Сарматовъ» князь Беръ напалъ на городъ Карсъ въ 943 году; отсюда также свидѣтельствуемыя Константиномъ Багрянороднымъ ихъ сношенія съ паннонскими Турками легко могли продолжаться.

Что же касается четвертаго племени, съ которымъ наши оріенталисты странствовали отъ Новгорода до Ломбардіи, то я полагалъ бы что подъ различными варіантами его названія у Масуди (см. Френъ, 47) скрываются *Серебренные* или Нукратскіе Болгары нашихъ лѣтописцевъ (Григорьевъ, Россія и Азія, 91).

Они явно были потомками той орды болгарской, которая по смерти князя Кубрата въ Фанагоріи, ок. 680 года, подъ начальствомъ втораго его сына Котрага, переселилась оттуда къ берегамъ Волги.

О набѣгахъ этихъ Волгаръ на южную и западную Европу говоритъ Масуди еще въ другомъ мѣстѣ (стр. 14—16), замѣчая, что между ними и Хазарами обитали на Волгѣ Буртасы. Сказавъ тутъ же, что городъ Болгаръ находился на берегу Меотиды, онъ явно смѣшалъ ихъ съ тѣми изъ ихъ соотечественниковъ, которые, подъ начальствомъ старшаго брата Котрага Батбая, предпочли оставаться въ Кубанской своей родинѣ, хотя подъ верховной властью Хазаровъ, признаваемой безъ сомнѣнія и ихъ потомками около половины X столѣтія.

Поэтому я теперь готовъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей (ср. ч. I, стр. 31), по которымъ Несторъ, подобно Константину, имѣлъ въ виду подъ своими *Черными Болгарами*, орду Батбая, для различенія оной отъ Серебренныхъ или Бѣлыхъ, т. е. свободныхъ Болгаръ.

Во всякомъ случаѣ подробно описанный арабскимъ авторомъ походъ четырехъ турецкихъ племенъ совпадалъ съ нападеніемъ Турокъ на Константинополь, упомянутымъ Византійцами подъ тѣмъ же 934 годомъ. Изъ свидѣтельства-же Масуди мы усматриваемъ, что въ этой кровавой драмѣ главную роль играли Печенѣги, тогда какъ до сихъ поръ полагали [8]), что дѣйствующими въ ней лицами были исключительно паннонскіе Мадьяры, потому что современные византійскіе авторы ихъ именно называютъ Турками. Но если взять во вниманіе, что нѣсколько мѣсяцевъ прежде тѣ же Мадьяры были разбиты на голову при Мерзебургѣ Нѣмцами, и что они лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ едва ли въ такой «нумерической силѣ» ворвались въ Венгрію, какъ полагаетъ Hunfalvy [9]), то кажется, что современный арабскій авторъ былъ совершенно правъ, когда намъ передалъ, что Мадьяры только съ помощью Печенѣговъ и другихъ Турокъ могли овладѣть городомъ, ими названнымъ Белендаромъ, вѣроятно, потому, что этотъ городъ носилъ то же названіе у жителей той части Болгаріи, гдѣ тогда еще преобладалъ близскій тюркскому угрскій элементъ. Поэтому должно думать, что и авторъ «Золотыхъ луговъ» подъ своимъ Белендеромъ подразумѣвалъ тюркское названіе не Адріанополя, какъ обыкновенно думаютъ [10]), но лежащую между Варною и Шуменомъ (Шумла), резиденцію болгарскаго царя, то-есть Прѣславъ, тѣмъ болѣе, что по его же свидѣтельству «большой городъ Белендеръ» также лежалъ на границѣ Греціи, между горами и моремъ.

---

[8]) Напр. *Гильфердингъ*, *Jireček*, *Rambaud*, *Sayous* и др.

[9]) Etnogr. v. Ungarn, 265; ср. *Dümmler*, Gesch. Otto d. Gr. 591.

[10]) Ср. *Гаркави*, Дополненія къ соч. «Сказанія» и пр. 24.

Легко могло статься, что при нападеніи Турокъ на этотъ городъ, обитатели Добруджи отчасти имъ содѣйствовали, вслѣдствіе междоусобій, терзавшихъ Волгарію при слабомъ сынѣ Симеона, подобно тому какъ въ послѣднихъ годахъ его царствованія русскій великій князь Святославъ быстрымъ покореніемъ сѣверной, коренной области его государства обязанъ былъ тому обстоятельству, что тамъ нашелъ содѣйствіе въ туземцахъ, «негодовавшихъ на дружбу царя съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи» (*Гильфердингъ*, 143). Даже въ другомъ походѣ, въ которомъ бранливый сынъ Игоря плѣнилъ преемника Петра, Бориса, и овладѣлъ Прѣславомъ, въ войскѣ его, кромѣ Мадьяръ и Печенѣговъ, мы еще встрѣчаемъ Болгаръ (ibid 148).

Затѣмъ ужс Мадьяры, истомленные гибельною для нихъ борьбою съ Германіею, болѣе не тревожили Византію, тогда какъ Печенѣги не переставали принимать участіе въ войнѣ, которая при царѣ Самуилѣ (976—1014) не прекращалась между Греками и Болгарами и снова возгорѣлась вскорѣ послѣ порабощенія Болгаріи Василіемъ II. По его смерти, Печенѣги снова прежнимъ путемъ неоднократно проникали внутрь имперіи и съ согласія Грековъ иногда оставались въ опустошенныхъ ими прежде областяхъ. Такъ, они, по Кедрину, въ 1049 году, поселились между Гемомъ, Дунаемъ и моремъ, на мѣстахъ, имѣвшихъ овраги, луга, разнаго рода лѣсъ, воду, и пастбища, именуемыхъ Ста-горами или Ста-холмами. Нельзя не узнать въ этомъ Сто-горьѣ сѣверную часть Добруджи, или такъ называемую Бабадагскую область, гдѣ ихъ становище находилось, быть можетъ, около нынѣшней деревни Печенѣгая[11]).

Примѣру Печенѣговъ должны были послѣдовать вскорѣ спустя (1057) родственные имъ *Узы* или Гуззы, Торки нашихъ лѣтописцевъ (*Карамзинъ*, I, пр. 90), изгнанные Команами или Половцами изъ нашихъ степей, но по большей части погибшіе отъ чумы и въ борьбѣ съ Печенѣгами и Болгарами. Напрасно

[11]) *Peters*, Grundlinien zur Geographie der Dobrudscha I, 51.

ихъ смѣшиваютъ съ Половцами, которые впервые являются за Дунаемъ въ 1078 году, а затѣмъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Балканскаго полуострова подали поводъ къ крестовымъ походамъ и къ возстановленію болгарскаго царства, которое, съ ихъ помощью, послѣ взятія Константинополя крестоносцами, быстро возвысилось борьбою съ Греками и Латинянами; оно же не допускало Венеціанцевъ, съ давнихъ поръ посѣщавшихъ Черное море, овладѣть портами Загорья, подъ какимъ названіемъ тогда еще разумѣли сѣверо-восточную часть Болгаріи, тогда какъ оно впослѣдствіи примѣнялось ко всему государству (*Jireček*, 875).

Не съ этого ли времени прилежащая къ Понту часть Загорья (въ широкомъ смыслѣ) могла получить, для различенія отъ прочихъ, названіе Добруджи, если даже это названіе вовсе не было въ употребленіи у Славянъ, обитавшихъ въ этой области до занятія оной Азовскими Болгарами?

Смѣлая гипотеза, представленная мною здѣсь такъ сказать на угадъ, скорѣй подтверждается, чѣмъ колеблется остроумною замѣткою г. Васильевскаго по поводу одного мѣста у Акрополиты (p. 23 ed. Bonn.), имъ приведеннаго въ рецензіи сочиненія г. Успенскаго [12]) и дотолѣ ускользнувшаго отъ вниманія ученыхъ, пытавшихся объяснить значеніе названія Добруджи. «Акрополита», говоритъ тутъ г. Васильевскій (стр. 60, пр. 1) «окончившій исторію 1261 годомъ и умершій въ 1282, объясняетъ намъ, что область, гдѣ были владѣнія Петра и города Прѣслава и Провадъ «и до нынѣ» называется отъ имени Петра: какое же именно наименованіе разумѣлъ онъ? Если мы станемъ считать за названіе выраженіе «ту Петру» (τοῦ Πέτρου), то уже получимъ звуки, весьма не далекіе отъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ слова Добруджа. И такъ, по мнѣнію Акрополиты, слово Добруджа или другое созвучное ему рѣченіе означало страну Петрову. Вѣрно или

[12]) Образованіе втораго Болгарскаго царства, Ѳедора Успенскаго. Одесса 1879. Рецензія В. Васильевскаго.

нѣтъ толковалъ византійскій филологъ интересующее насъ слово, за это мы не можемъ поручиться; важно только то, что оно уже было ему извѣстно, то-есть, существовало гораздо ранѣе, чѣмъ жилъ Добротичъ».

Слабую опору въ пользу этого смѣлаго предположенія находимъ мы у турецкаго автора XVI столѣтія Сеидъ Локмана[13]). По его свидѣтельству, еще въ 1263 году область, именуемая Добруджей, была уступлена Михаиломъ VIII прежнему султану иконійскому Изеддину, который туда перевелъ изъ Малой Азіи отъ 12,000—15,000 туркменскихъ семействъ.

Потомками ихъ можно считать такъ называемыхъ Гагаузовъ, которые нынѣ еще встрѣчаются въ Варнѣ и въ окрестностяхъ этого города. Исповѣдуя христіанскую вѣру, они, подобно малоазіатскимъ Караманли, говорятъ по турецки, но въ письмѣ употребляютъ греческія буквы (*Jireček* 575). О сподвижникахъ же Изеддина намъ извѣстно, что тѣ изъ нихъ приняли православіе, которые не могли переселиться во владѣнія Берке-хана, освободившаго султана изъ почетнаго его плѣна въ Греціи. Но такъ какъ, по Сеидъ-Локману, Туркмены или Огузы застали уже въ Добруджѣ тюркскихъ обитателей, которые легко могли смѣшаться съ малоазіатскими ихъ родичами, то въ числѣ нынѣшнихъ Гагаузовъ могутъ также находиться потомки вышеприведенныхъ переселившихся тюркскихъ племенъ, въ особенности Половцевъ, такъ какъ они именно, послѣ нашествія Монголовъ на южную Россію, въ большомъ числѣ перебрались въ Болгарію.

Къ нимъ принадлежалъ вѣроятно, какъ выше было замѣчено, архонтъ Карбуны Балыкъ, признававшій надъ собою верховную власть болгарскаго царя Іоанна Александра (1331—1365 гг.). Такъ я сужу по тому обстоятельству, что еще въ 1352 году былъ заключенъ торговый договоръ Венеціанцами въ Варнѣ отъ имени Александра. Зависимостью главнаго го-

---

[13]) См. *Lagus*, Seid Locmani ex libro turcico qui Oghusname inscribitur excerpta, Helsingf. 1854.

рода Добруджи отъ болгарскаго царя объясняется также, почему нѣсколько лѣтъ спустя перешедшій въ греческую службу полководецъ Балика предпочелъ подчинить принадлежавшіе ему замки, подвѣдомственные въ духовномъ отношеніи церкви Трновской, патріарху Константинопольскому. Вопреки мнѣнію г. Иречека (324), мнѣ поэтому кажется, что Добротичъ еще не былъ «самостоятельнымъ» владѣтелемъ Понтійскихъ земель (der Pontuslaender), когда скончался Александръ, раздѣливъ владѣнія свои между сыновьями Срацимиромъ и Шишманомъ. Едва ли не послѣдній считался еще верховнымъ владѣтелемъ позднѣйшей резиденціи Добротича въ 1366 году, когда къ крѣпости этой, то-есть, Варнѣ, приступилъ Амадей,. графъ Савойскій, прозванный «Зеленымъ» (Conte verde), въ походѣ, предпринятомъ имъ изъ Константинополя въ ту часть Болгаріи.

Если бы можно было ручаться за достовѣрность описанія сего похода въ позднѣйшей французской хроникѣ, обнародованной въ первомъ томѣ «Monumenta historiae patriae», то оказалось бы, что Шишманъ началъ свое царствованіе «неблагороднымъ поступкомъ», плѣнивъ императора Іоанна Палеолога, пришедшаго къ нему, чтобы его просить о помощи противъ Османовъ. Но такъ какъ никто изъ современныхъ византійскихъ и западныхъ писателей не упоминаетъ о плѣненіи Іоанна V кѣмъ бы то ни было, то должно думать, что авторъ хроники, у котораго императоръ ошибочно называется Алексѣй, могъ не имѣть точныхъ свѣдѣній о цѣли приведеннаго похода «Зеленаго графа».

Дѣйствительно, изъ отрывковъ дневника казначея этой экспедиціи, Антона Барбери, (хранящагося въ архивѣ Туринскомъ), напечатанныхъ, вмѣстѣ съ другими грамотами, въ видѣ прибавленія къ сочиненію, вышедшему въ Туринѣ-же, въ 1826 году [14]), мы узнаемъ, что по прибытіи графа въ Константинополь (въ сентябрѣ 1366 года) императрица велѣла ему передать извѣстную сумму денегъ для снаряженія судовъ и для

[14]) *Datta*, Spedizione in Oriente de Amadeo VI и пр.

отправки ихъ въ Черное море «ad partes Bulgariae pro expeditione domini imperatoris constantinopolitani, qui reverti non poterat propter impedimentum quod sibi faciebat imperator Bulgariae». Далѣе, казначей записываетъ издержки для отправленія пословъ на галерѣ «ad dominum imperatorem constantinopolitanum versus Veddunum».

Но городъ этотъ, то-есть Видинъ, еще въ 1365 году (*Иречекъ*, 327) былъ взятъ Людовикомъ, королемъ Венгерскимъ, который тамъ же взялъ въ плѣнъ Срацимира, владѣтеля западной части Болгаріи, куда старшій братъ Шишмана только послѣ четырехлѣтняго заточенія въ кроатской крѣпости могъ возвратиться въ 1369 году.

Итакъ, оказывается, что византійскій императоръ вовсе не находился въ плѣну у Шишмана и что послѣдній только не хотѣлъ ему позволить изъ Видина возвратиться въ Константинополь чрезъ свои владѣнія, чего ему нельзя было поставить въ вину, такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ заключилъ союзъ съ Турками противъ императора и пытался, хотя тщетно, отнять у Венгровъ завоеванный ими Видинъ (*Jireček*, 327). Союзъ этотъ также объясняетъ намъ, почему графъ Амадей, желавшій участвовать въ крестовомъ походѣ, по своемъ прибытіи въ Константинополь, обратилъ свое оружіе не противъ Турокъ, но противъ христіанскаго ихъ союзника.

Надѣемся, что читатель не найдетъ неумѣстнымъ, если мы, по поводу похода графа въ Болгарію, приведемъ здѣсь нѣкоторыя не безъинтересныя для исторической географіи этой страны данныя, извлеченныя г. Десимони, членомъ «Лигурійскаго общества исторіи», изъ дневника Варбери и обязательно мнѣ сообщенныя въ письмѣ отъ 18 марта 1877 года.

Такъ мы узнаемъ, между прочимъ, что послы, которые должны были отправиться въ Видинъ, по причинѣ бури не могли сначала пробраться чрезъ устье Чернаго моря (boca maris majoris) и остановились на нѣсколько дней въ гавани *giroul* (у *Clavijo* El Guirol de la Grecia; на компасовыхъ

картахъ «giro», по существовавшему тамъ въ древности святилищу (Ἱερόν) Юпитера, нынѣ Румиликавахъ).

Между тѣмъ, Амадей самъ прибылъ къ мѣстности, откуда можно было отправить человѣка сухимъ путемъ въ Перу и которую казначей называетъ «lorfenal», можетъ быть, вмѣсто or-fenal; названіе могло быть примѣняемо Турками къ окрестностямъ мыса Кара-буруна, прозваннаго «псевдо-каналомъ», по нѣкоторому сходству съ Босфоромъ[15]).

Въ дальнѣйшемъ переходѣ вдоль по морскому берегу, графъ овладѣлъ разными замками до Месембріи, гдѣ оставилъ гарнизонъ и возвратилъ деньги человѣку, у котораго ихъ прежде занялъ одинъ изъ сподвижниковъ графа, назначенный комендантомъ «in castro de Lassilo» (древній Анхіалъ, нынѣ Ахило); 25 октября онъ былъ «apud Varnam», откуда отправилъ гарнизонъ въ замокъ «de lemona» (на мысѣ Эминѣ) и драгомана (truchinando) apud Veddunum versus imperatorem constantinopolitanum». Подъ 24 декабря отмѣчены деньги, посланныя съ письмами греческими «apud castrum aquile (Aetos, нынѣ Aidos) pro facto expeditionis d. Anthonini visconte de Mediolano, qui detinebatur ibidem»; также—деньги, разсходованныя для лицъ, посланныхъ въ Видинъ и уже 29 дней находившихся apud «caliatram» (то-есть, Каліакра), «ubi missi fuerunt per dominum pro adventu domini imperatoris constantinopolitani», который, стало быть, уже былъ въ дорогѣ. Въ спискѣ расходовъ слѣдуютъ деньги, уплаченныя для путевыхъ издержекъ «domini Pauli patriarche constantinopolitani», (то-есть, «западнаго архіерея» прибывшаго въ Константинополь вмѣстѣ съ графомъ по дѣлу о соединеніи церквей православной и латинской). Вмѣстѣ съ другими лицами, онъ[16]) былъ посланъ графомъ изъ Варны «versus imperatorem burgarie» въ Trevo (то-есть Трновъ), откуда возвратились 22 декабря. Въ provat (то-есть, Провадѣ)

---

[15]) *Taitbout de Marigny*, Hydrogr. de la mer Noire etc. 19.

[16]) См. о немъ Acta Patr. N. CCXXXIV.

спутникъ архіерея, d. de Fromentès, засталъ двухъ вассаловъ графа, «qui capti detinebantur per imperatorem burgarie». Изъ другой замѣтки казначея видно, что они были взяты въ плѣнъ «apud Galatas versus Varnam», то-есть, къ югу отъ этой крѣпости при мысѣ названномъ нынѣ Galata, на компасовыхъ картахъ Galato, въ Актахъ Патріархата Καλαδας. На обратномъ пути въ Константинополь графъ, 26 декабря, былъ уже въ Месембріи, гдѣ расчитался съ переводчикомъ, провожавшимъ въ «lassillo» коменданта, назначеннаго туда графомъ. Съ 19 января графъ находился въ «Sisopuli», гдѣ съ 23 по 27 имѣлъ конференціи съ императоромъ константинопольскимъ, возвратившимся туда изъ Видина, вѣроятно Дунаемъ и моремъ. Изъ Сизополя же графомъ было отправлено 17 февраля письмо Іоанна V къ императору Болгаріи «pro facto expeditionis captivorum quos de gentibus domini detinebat»; 19-го возвращены были деньги за стрѣлы, купленныя воинами, посланными графомъ къ замку «Aquille», гдѣ содержался вышеприведенный Антонинъ Медіоланскій. Прибывъ 6 апрѣля въ Iorfenal, графъ отправилъ оттуда человѣка сухимъ путемъ въ Константинополь съ письмами, а самъ прибылъ въ Перу 21 числа. Затѣмъ, обратился противъ Турокъ и взялъ приступомъ замокъ «Eucacossia» и сжегъ другой, названный «Caloueyro».

Г. Иречекъ [17]) легко узналъ эти замки въ Эннакогіи у Регіона (Кючукъ Чекмедже ср. Кантак. I, 219 и Каловріи подлѣ Силимбріи ср. Heerstrasse, 101). Зато, намъ неизвѣстно, гдѣ находилась тогдашняя резиденція позднѣйшаго владѣтеля Варны—Добротича. Къ сожалѣнію, мы даже не знаемъ, гдѣ, по его смерти, заключенъ былъ упомянутый союзъ между Генуэзцами и его сыномъ Иванко или «Dobritza-Ogli, подъ какимъ названіемъ его знаетъ Leunclavius [18]). По аналогіи съ именами Исмиръ-Огли, Волокъ-Огли, Ифлакъ-Огли, должно

[17]) Ист. Болгаръ, русск. изданіе, Одесса 1878 стр. 42, прим. 29.

[18]) Hist. musulm. Turcorum etc. привед. Engel'емъ въ Gesch. des Ungarischen Reichs etc. I, 458.

думать, что Турки примѣняли подобное названіе къ сыну Добротича, потому что область, принадлежавшая сему послѣднему, уже называлась Добруджею, когда они впервые съ ней познакомились

Но если даже допустить, что она этимъ названіемъ обязана именно Добротичу, то и въ такомъ случаѣ послѣдній кромѣ сего родоваго имени, долженъ былъ имѣть другое, по крещенію. Поэтому, позволено будетъ спросить, не сѣшалъ ли Phrantzes (ed. Bonn., 54; ср. *Jireček*, 335) зятя болгарскаго царя, Александра, то-есть, Андроника Палеолога съ его братомъ Михаиломъ, считая перваго зятемъ «болгарскаго деспота Марко»? А если такъ, то оказалось бы, что такъ именно долженъ былъ называться «болгарскій деспотъ Добротичъ» (336)—тесть Михаила.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилось бы, почему Греки могли примѣнять это самое имя къ валахскому воеводѣ Ивану Мирче[19]), овладѣвшему Добруджею послѣ непродолжительнаго княженія Ивана Марковича Добротича, который, признавши сначала Мурада верховнымъ своимъ владѣтелемъ, отказался участвовать въ походѣ, предположенномъ султаномъ противъ Сербовъ (Jireček, 341). Дальнѣйшая судьба Иванки совершенно неизвѣстна (ibid. 345). Можно только догадываться, что онъ еще держался въ окрестностяхъ Софіи въ 1392 году, когда, по древнимъ преданіямъ, туда, во время осады Трнова Баязидомъ, пробрался царь Шишманъ съ своими боярами и воинами и тамъ уже засталъ партизановъ изъ Никополя, Свистова, Плевена и Дрстра (Силистріи). Въ тамошнихъ горахъ эти храбрые воины только послѣ семилѣтней борьбы были преодолѣны Турками (352). Еще въ XVI столѣтіи существовали въ проходѣ между Софіею и Ихтиманомъ развалины замка, принадлежавшаго будто бы «послѣднему деспоту болгарскому» Марко Кральевичу, любимому герою славянскихъ сказаній, который въ народной памяти, можетъ быть, тутъ занялъ мѣсто нашего Доб-

[19]) L. Chalcocond., 77: «nostri Marcum vocant».

рицъ-оглу, «послѣдняго болгарскаго деспота» Добруджи (ср. *Jireček*, 463).

Область эта находилась тогда подъ властью Мирчи, какъ видно изъ договора, заключеннаго имъ въ 1390 году съ польскимъ королемъ Владиславомъ противъ Сигизмунда, въ которомъ онъ титулуется:.... terrarum Dobrodicii Despota et Tristri Dominus (*Dogiel.* Codex diplom. 598).

Но уже въ слѣдующемъ году Турки не только овладѣли этимъ городомъ, но переправились чрезъ Дунай и страшнымъ опустошеніемъ Валахіи принудили Мирче подчиниться верховной власти султана, хотя не на долго, благодаря блистательной побѣдѣ, одержанной воеводою на «Ровинахъ» надъ Баязидомъ, который осенью 1394 года съ большимъ войскомъ явился было въ Валахіи, мстя за то, что Мирче принялъ сторону короля Венгерскаго.

Даже послѣ несчастнаго для сего послѣдняго и его христіанскихъ союзниковъ сраженія 28 сентября 1396 года при Никополѣ [20]), Мирче остался, быть можетъ, вслѣдствіе своей

---

[20]) Тогда какъ, по Иречку (стр. 355), свидѣтельство сербскаго лѣтописца подтверждаетъ, повидимому, высказанное мною мнѣніе (см. Пут. Шильтбергера въ I томѣ Зап. Новорос. универс.), что пораженіе христіанъ послѣдовало въ окрестности нынѣшней деревни Никюби, при Роситѣ, притокѣ Янтры, г. Каницъ (Donau-Bulgarien, II, cap. IV и VIII) приводитъ убѣдительныя причины, по которымъ мнѣ придется согласиться, что поле этой битвы находилось въ ближайшемъ разстояніи отъ нынѣшняго Никополя на Дунаѣ, чѣмъ отъ развалинъ древняго Никополя на Янтрѣ. Справедливость сего взгляда явствуетъ изъ словъ важнаго свидѣтеля, то-есть, турецкаго историіографа Нешри († ок. 1490), не упомянутаго здѣсь Гаммеромъ. Изъ отрывковъ «Исторіи османскаго дома», сообщенныхъ Nöldecke (*Morgenl. Zeitschrift*, XV, 346), мы узнаемъ, что во время осады Никополя королемъ венгерскимъ, султанъ шелъ ему на встрѣчу, прошедши по пути чрезъ Трново и войди въ Чункачь.

Загадочный Чункачь я охотно помѣстилъ бы въ распадающихся нынѣ развалинахъ средневѣковаго замка Чука на высотѣ у Систова. Замокъ этотъ именемъ своимъ, необъясненнымъ Каницомъ (156), напоминаетъ мнѣ сына Джуджида Ногая, Чоки (у Гаммера Cuke, у Византійцевъ τζακᾶς), который, владѣя Трновомъ, тамъ же лишился жизни по происканъ шурина своего, болгарскаго царя Святослава (*Jireček*, 288).

До начала сраженія, войско Баязида стояло, безъ сомнѣнія, гдѣ-то на пути между Чункачемъ и Никополемъ, но едва ли на разстояніи «половины

двуличной политики, владѣтелемъ Добруджи. Въ грамотѣ, имъ дарованной въ 1399 году «v Gjurgové grade», онъ титулуется: Ioan Mirča velikyj vojevoda i gospodin... vъsej zemi Ungrovlachijskoj i Zaplaninskym stranam i oba pola po vъsemu Podunavju daže do velikago morê, i Drъstru gradu vladalec (*Jireček*, 346). Тотъ же титулъ повторяется еще въ грамотѣ 1406 года, тогда какъ въ письмѣ, адресованномъ 1 августа (безъ означенія года) изъ Гюргева же къ польскому королю, Мирче его называетъ своимъ родителемъ и себѣ самому присвоиваетъ слѣдующій титулъ: «великыи воевода и самодрьжавный господарь вьсеи земи Васарабской и Заполонинскимъ сторонамъ и *многимъ Турскимъ городовомъ господинъ* (*Зап. Одесск. Общ.* IV, 322).

Неудивительно было бы, еслибы онъ ими завладѣлъ послѣ несчастія постигшаго Баязида при Ангорѣ, или во время споровъ, происходившихъ между его сыновьями до 1413 года, когда единодержавіе было возстановлено Магометомъ I.

только мили» отъ осажденнаго города, какъ утверждаетъ Каницъ (189). По крайней мѣрѣ мы узнаемъ отъ Шильтбергера, что Сигизмундъ отправился на встрѣчу Туркамъ на *милю* отъ осажденнаго ими города, а протяженіе это должно считать, разумѣется, не отъ центра его, но отъ того мѣста въ его окрестностяхъ, гдѣ находился лагерь короля. Но и въ новой своей позиціи послѣдній не могъ ожидать непріятеля, будучи принужденъ спѣшить впередъ, вслѣдъ за французскими рыцарями, когда послѣдніе, увлеченные неумѣстною пылкостью своею, напрасно отрицаемою біографомъ маршала Бусико, напали на передовые отряды турецкой пѣхоты и такимъ образомъ еще болѣе приблизились къ главной квартирѣ султана. Рѣшительное сраженіе, поэтому, едва ли не происходило въ мѣстности, отстоявшей не многимъ только далѣе отъ Систова, чѣмъ отъ Никополя, такъ какъ разстояніе между этими городами не превышаетъ сорока верстъ.

При такихъ обстоятельствахъ я, вопреки Каницу (187), остаюсь все еще при своемъ мнѣніи, что Шильтбергеръ передалъ намъ только худое чтеніе имени «Шиштовъ» когда писалъ «Шилтавъ», и что онъ по недоумѣнію только могъ сказать, что городъ этотъ язычниками былъ называемъ Nikopoli. Безъ сомнѣнія, нынѣ еще, какъ замѣчаетъ Каницъ, въ Турціи многія мѣстности у различныхъ народностей означаются совершенно различными названіями; этимъ однако не объясняется замѣтка Шильтбергера, что городъ Schiltav носилъ названіе греческое «in haidnischer sprach». Зато Турки, подобно Грекамъ, легко могли примѣнить это громкое названіе къ блистатель-

Утвердившись на престолѣ, младшій сынъ Баязида не замедлилъ воспользоваться безпорядками, происходившими въ Валахіи, для перенесенія туда своего оружія (1416). Результатомъ этого похода было, кажется, то, что Мирче долженъ былъ уступить султану свои владѣнія на южной сторонѣ Дуная. По крайней мѣрѣ Магометъ, по заключеніи съ нимъ мира, не довольствовался укрѣпленіемъ Журжева, но велѣлъ привести въ лучшее оборонительное состояніе лежавшіе на правой сторонѣ Дуная города Исакчу и Іенисалу.

Города эти входили въ составъ той части Болгаріи, столица которой, по баварскому оруженосцу Шильтбергеру, называлась Kallacercka, то-есть, ни Галата, какъ догадывается Иречекъ (324), ни Каллатисъ, какъ полагалъ Фалльмерайеръ[21]), а вышеприведенный замокъ Каліакра, на мысѣ того же имени, куда бы Гейду[22]), въ свою очередь, не слѣдовало помѣщать

ной побѣдѣ, ими одержанной надъ христіанами въ мѣстности отстоявшей въ верстахъ 20 отъ Чункача. Подобно турецкому историографу, юный баварскій оруженосецъ, даже послѣ поступленія въ службу у султана, могъ не знать, что Чункачъ носилъ у туземцевъ другое названіе («den Doppelnamen») Шиштовъ, а потому полагалъ, что они тоже называли тотъ городъ, который его товарищи—язычники именовали Нигеболи. Что Шильтбергеръ или его переписчики и, по ихъ примѣру, именно нѣмецкіе хронисты могли превратить «Шиштовъ» въ «Шилтавъ», Каницъ считаетъ невозможнымъ «потому что названіе Шиштовъ образовалось только въ новѣйшее время изъ древне-болгарской формы Свиштовъ, и что эта послѣдняя рѣшительно не походитъ на Шильтбергерово Шилтовъ». Не разбирая здѣсь, въ какой мѣрѣ эта замѣтка справедлива, я только скажу, что Каницъ, вѣроятно, выразился бы осторожнѣе, если бы онъ, во время его странствованій вдоль и поперегъ Болгаріи, имѣлъ достаточно времени для лучшаго ознакомленія съ «Reisebuch'омъ» служителя Ильдерима, попавшаго, вмѣстѣ съ нимъ, въ плѣнъ къ Тимуру. Ибо въ такомъ случаѣ онъ убѣдился бы, что у него встрѣчаются многія географическія и личныя имена, которыя отъ правильнаго ихъ чтенія болѣе отклоняются, чѣмъ Шилтовъ отъ Систова или, пожалуй, отъ Свиштова. Если допустить, что сраженіе, рѣшившее тогда восточный вопросъ, происходило при *Лосить*, изливающейся въ Осму въ небольшомъ разстояніи отъ дунайскаго Никополя, то и объяснилось бы, почему приведенный сербскій анналистъ могъ смѣшать *Лоситу* съ *Роситою*.

[21]) См. Neumann, Reisen des J. Schiltberger, прим. 115.

[22]) См. *Zeitschrift f. d. gesammte Staatswiss.* XVII, 715.

нынѣшнюю Каварну на мѣстѣ древняго Βιζώνη, на компасовыхъ картахъ gavarna и cavarna; можетъ быть также, въ Воскресенской лѣтописи (Варна, Каварна вмѣсто Карнакаварна), въ Актахъ Патріархата I, 52, 272: Καρνάβα, и можетъ быть Крънъска χωρα, гдѣ подъ Borujska chora слѣдуетъ, въ этомъ случаѣ, разумѣть не окрестности Бургаса, но Berrhoe.

Каліакра же или просто Акра, у Византійцевъ Kalliakra, у древнихъ ἡ Τέριζις ἄκρα съ казнохранилищемъ Лисимаха, по Страбону; на картахъ caliacra, въ Актахъ Патріарх. Γαλιάγρα (I, 52) и Γαλιάκρα (I, 272).

Турецкій туристъ Эвлія-эфенди[23]), брошенный бурею на берегъ Кильгры, засталъ тамъ дервишей, у которыхъ нашелъ радушный пріемъ. Ихъ «конвентъ» находился подлѣ замка, отнятаго изъ рукъ невѣрныхъ Мусою. Но намъ достовѣрно извѣстно[24]), что этотъ сынъ Баязида около 1406 года по приглашенію Мирчи, прибылъ изъ Малой Азіи въ Валахію и отъ него получилъ даже войско для борьбы съ Солиманомъ, соперникомъ ихъ брата Магомета, стало быть, около того времени, когда «укрѣпленный» монастырь св. Николая у Калугерова на Топольницѣ былъ, по преданію, разрушенъ полководцемъ того же Мусы (Иречекъ, 360). Поэтому мнѣ кажется, что Эвлія, едва ли не по недоумѣнію, отнесъ несчастіе, постигшее Калугерово, къ находившемуся подлѣ конвента замку Каліакра, слѣды котораго понынѣ замѣтны на соименномъ ему мысѣ (см. Лоція Черн. моря, 2 изд., 174).

Не ограничиваясь описаніемъ вида этого замка и разныхъ событій, его касающихся, Эвлія еще распространяется о чудѣ, тамъ случившемся при султанѣ Орханѣ и побудившемъ царя Добруджи принять исламъ. Безъ сомнѣнія, истина, пока еще не раскрытая, лежитъ въ основаніи сего разсказа, посему самому заслуживающаго нашего вниманія, сколь бы онъ не казался безразсуднымъ.

---

[23]) Narrative of travels etc., transl. by Hammer, II, 70—72.

[24]) Zinkeisen, Gesch. d. Osm. R. 1, 427.

Такъ, напримѣръ, суевѣрный Эвлія не въ шутку разсказываетъ, что царь Добруджи, по принятіи ислама назвавшійся Кильгра-султаномъ, воображалъ себя, подобно шести другимъ царямъ, обладателемъ гроба Сари-Салтукъ-деде, убитаго Магомедомъ Бухарою, который поселился въ Паравади (Провадъ) и былъ чтимъ христіанами подъ именемъ патріарха св. Николая (Svity Nicola, the patriarch).

Цари, изъ которыхъ каждый полагалъ, что у него находилось «the true body», были Московскій, Польскій (въ Данцигѣ), Шведскій (въ Bivanjeh?), Богемскій (Pezzunijeh, Пильзенъ). Пятый царь былъ Адріанопольскій; по его мнѣнію, настоящій гробъ святаго находился въ монастырѣ Батурія, впослѣдствіи названномъ Баба-эскиси, между Константинополемъ и Адріанополемъ. Шестой царь — Молдавскій хранилъ смертные останки его въ тѣнистомъ мѣстѣ близъ замка Бозакъ, гдѣ Баязидъ II, по взятіи Аккермана, построилъ мечеть, имаретъ, коллегіумъ, баню и памятникъ Сари-Салтукъ-деде: городъ этотъ былъ (тогда) названъ Бабадагъ.

Седьмой гробъ достался царю Добруджи Али-Мохтару, обратившемуся въ исламъ и помѣстившему гробъ (мнимаго или дѣйствительнаго) святаго въ Кильгрѣ, въ той самой пещерѣ, въ которой настоящій Сари-Салтукъ убилъ семиглаваго дракона и тѣмъ спасъ назначенныхъ въ пищу этому дракону двухъ царскихъ дочерей, обратившихся тогда, подобно ихъ отцу, къ ученію правовѣрныхъ.

Если же Кильгра была главнымъ городомъ *третьей* Болгаріи Шильтбергера, и страна эта въ его время еще входила въ составъ владѣній валахскаго воеводы Мирче, г. Гейдъ[25]) не долженъ былъ, чтобы дать болѣе вѣсу мнѣнію своему о значеніи названіи Добруджи, принимать въ буквальномъ смыслѣ слова Халкокондилы (ed. Bon., 326) при описаніи послѣднимъ похода короля Польскаго и Венгерскаго противъ Турокъ въ 1444 г. По византійскому автору, страна, въ которую король, послѣ

[25]) Die ital. Colonien etc, въ *Zeitschrift für die allg. Staatswiss.* XVIII, 715

переправы чрезъ Дунай, проникъ и въ которой находились Варна и Каліакра, была подвластна болгарскому князю Добротичу (ἐστρατοπεδεύετο κατὰ τὴν τοῦ Εὐξείνου παραλίαν Δοβροτίκεως τοῦ Μυσοῦ χώραν).

Въ то время не могло быть рѣчи о туземномъ владѣтелѣ ни въ какой изъ трехъ Болгарій временъ Шильтбергера. Гарнизонъ крѣпости Каліакра, также названной Петрецъ [26]) и взятой христіанами, состоялъ изъ Турокъ, которые были перерѣзаны при взятіи крѣпости приступомъ. Подобную участь имѣли гарнизоны Варны и другихъ городовъ Добруджи, взятыхъ Владиславомъ до рѣшительнаго сраженія. Поэтому я не сомнѣваюсь, что латинскій переводчикъ намъ передалъ правильно настоящій смыслъ приведенныхъ словъ Халкокондилы, когда его заставляетъ говорить не о князѣ Добротичѣ, но объ области, которая съ давнихъ поръ называлась нынѣшнимъ ея именемъ: Vladislavus... castrametatus est juxta Euxini maritimam Dobroditiam, Bulgarorum regionem.

Что эта область названіемъ своимъ была обязана не деспоту Добротичу, но мѣстнымъ своимъ особенностямъ, можно заключить и изъ того обстоятельства, что прекрасная по качеству почвы равнина, поднимающаяся террасами надъ лѣвымъ берегомъ Моравы (Kanitz, I, 156), также называлась Dobriča, и это «polje divno i veliko» (*Jireček*, 34) явно тождественно съ полемъ «Dobroucz», на которомъ Владиславъ, на обратномъ пути изъ похода 1443 года, вздумалъ перезимовать [27]).

Пока мнѣ не докажутъ, что и это поле получило свое названіе отъ какого-нибудь Добротича, я считаю себя въ правѣ держаться мнѣнія, что *тесть* Михаила Палеолога свое имя заимствовалъ скорѣе у Добруджи, чѣмъ ей передалъ.

Да позволено мнѣ будетъ помѣстить здѣсь согласное съ дѣйствительностью изображеніе того впечатлѣнія, которое произвела южная часть Добруджи, прекраснымъ видомъ своимъ

---

[26]) Engel, l. c., ср. *Πετρίν* въ Acta Patr. I, 244.

[27]) Pamietnik Janczara, Sanok, 1868 p. 64.

на извѣстнаго ботаника Коха [28]), посѣтившаго ее, правда, весною: «степь была украшена прекраснѣйшими растеніями и травами: разнообразіе различныхъ ихъ родовъ казалось даже значительнѣйшимъ чѣмъ на нашихъ лугахъ... душистыя губоцвѣтныя и ромашки преобладали; но и другіе многочисленные роды встрѣчались въ изобиліи и при своемъ пестромъ смѣшеніи представляли пріятный видъ. Только мѣстами извѣстныя семейства встрѣчались большими массами, занимая широкія пространства».

«Таковъ обширный край», говоритъ въ свою очередь Zekeli [29]), «въ балкахъ котораго прячутся деревни съ своими неизбѣжными вѣтренными мельницами, гдѣ все богатство живущихъ въ патріархальномъ быту различныхъ народностей составляютъ буйволы, лошади, рогатый скотъ и огромныя стада овецъ,—и въ которомъ кочевали издревле различныя племена съ своими стадами; гдѣ и нынѣ еще проходятъ трансильванскіе Моканы съ своими овцами и скотомъ, идя на зимовку на острова Дунайской дельты».

Что этотъ край, подобно «дивному полю Моравскому», могъ быть названъ Добруджею, по выгодамъ, которыя онъ представлалъ не только тюркскимъ кочевникамъ и румынскимъ пастухамъ, но и славянскимъ домоводамъ, издревле туда переселившимся изъ-за Дуная, читатель усмотритъ изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ мною изъ докладной записки Н. Х. Палаузова, поданной имъ въ апрѣлѣ 1854 года командовавшему южною арміею князю Горчакову и обязательно сообщенной мнѣ авторомъ.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о Добруджѣ г. Палаузовъ: «Подъ именемъ Добруджи разумѣется страна, омываемая нижнимъ Дунаемъ отъ Силистріи до Сулина и отъ сего послѣдняго Чернымъ моремъ до Варны. Провинція эта, весьма мало населенная, заключаетъ въ себѣ обширныя и плодоносныя

---

[28]) Reise nach Constantinopel etc. p. 108.

[29]) Der Haemus, etc. Berlin, 1875 pag. 24.

поля, засѣваемыя хлѣбомъ. Она въ этомъ отношеніи можетъ быть названа житницей придунайской Болгаріи. Жители Софійскаго округа, съ границъ Сербіи, стекаются сюда для засѣва обширныхъ полей Добруджи хлѣбомъ». Вотъ почему удивляющійся внезапному богатству своего знакомаго, такъ легко удовлетворяется тѣмъ объясненіемъ, что послѣдній «лѣтосъ ходи на Добруджа».

X.

Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ[1]).

Извѣстно, что въ началѣ списка именъ «градомъ всѣмъ Русскымъ, дальнимъ и ближнимъ», приложеннаго къ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Лѣтоп. VII, 240), такими значатся: «На Дунаѣ Видицовъ о седми стѣнъ каменныхъ, Мдинъ (ок. Калафата противъ Видина?); объ ону страну Дуная Трѣновъ, ту лежитъ святая Пятница, а по Дунаю: Дрествинъ (Силистрія), Дигинъ (Мачинъ, древняя Диногетія), Килія (старый городъ сего имени противъ нынѣшней Киліи); на устьѣ Дуная: Новое село (Киліянова), Аколятра (Ликостоміонъ, Вилково); на морѣ: Карна (Варна), Каварна. А на сей сторонѣ Дуная: на устьѣ Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ (Аккерманъ), Чернь (с. Граденица), Аскый торгъ (Яссы) на Прутѣ рѣкѣ; Романовъ торгъ на Молдавѣ, Немечь, въ горахъ: Корочюновъ Камень (Піетра), Сочава, Сореть, Баня, Нечюнь, Коломья, городокъ на Черемошѣ».

Приводя это мѣсто, къ сожалѣнію, понынѣ не достаточно объясненное, въ 387-мъ примѣчаніи къ IV-му тому своего великолѣпнаго труда[2]), Карамзинъ прибавляетъ отъ себя только слѣдующее: «Князья Галицкіе могли владѣть и частью Волошской земли; но сомнѣваюсь, чтобъ они господствовали до Терновы. Сей географъ именуетъ, кажется, болгарскіе города рос-

[1]) Изъ Ж. М. Н. Просв. 1877 г.

[2]) Изд. *Эйнерлинга*, I, 156.

сійскими единственно для того, что они были завоеваны великимъ княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ».

При всемъ авторитетѣ, которымъ, въ вопросахъ сего рода, всегда будетъ пользоваться отзывъ нашего историіографа, я въ этомъ случаѣ осмѣливаюсь усомниться въ основательности его мнѣнія. Вотъ мои доводы:

1) Изъ упомянутыхъ въ спискѣ городовъ по обѣимъ сторонамъ Дуная многіе вовсе еще не существовали во времена Святослава; изъ прочихъ одинъ только Дрествинъ поименованъ въ числѣ 80 (или 18) городовъ, имъ завоеванныхъ, и къ которымъ не могли не принадлежать Большой и Малый Прѣславъ, пройденные молчаніемъ въ спискѣ.

2) Во время составленія этого списка едва ли сохранилось въ народѣ воспоминаніе о подвигахъ нашего великаго князя, при смутахъ и переворотахъ, съ тѣхъ поръ безпрерывно терзавшихъ Болгарію до покоренія Терновскаго царства Османами.

3) Исторія сего царства имѣетъ отрывочный характеръ, при маломъ числѣ сохранившихся источниковъ и при невозможности различать всѣ событія, положительно случившіяся, отъ поэтическихъ ихъ украшеній и смѣшанныхъ съ ними легендъ. До какой степени эта замѣтка наша справедлива, читатель можетъ усмотрѣть изъ сочиненія г. Иречка, недавно вышедшаго и повсюду встрѣченнаго съ большою похвалою.

При такихъ обстоятельствахъ я, на основаніи данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ русскаго перевода (Одесса, 1878) труда г. Иречка, попытаюсь показать, что въ вышеприведенномъ спискѣ болгарскіе города могли быть названы русскими потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи у насъ еще не было совершенно забыто участіе, принятое Русскими князьями въ дѣлахъ Болгаріи не задолго передъ тѣмъ.

Къ князьямъ этимъ я не рѣшаюсь причислить Черниговскаго князя Ростислава Михайловича, зятя Венгерскаго короля Белы IV и бана Мачвы, ибо считаю весьма правдоподобнымъ

мнѣніе Палацкаго, что этотъ венгерскій вассалъ въ чешскихъ лѣтописяхъ только потому называется «dux Bulgarorum», что подъ Bulgari здѣсь слѣдуетъ разумѣть православныхъ, а вовсе не по той причинѣ, будто бы онъ привелъ изъ Болгаріи отрядъ войска на помощь тестю своему противъ Чешскаго короля Премысла Оттокара, какъ утверждаетъ г. Макушевъ, который въ своей критикѣ [3]) книги г. Иречка старается новыми доводами защищать ошибочное мнѣніе Палаузова, видѣвшаго въ Ῥῶσος Ὄβρος Акрополиты не короля Сербскаго Стефана Уроша I, но Русскаго (князя) Ростислава. Но, не говоря о томъ, что рукописи Акрополиты, до насъ дошедшія, не стары, и что, при средневѣковомъ греческомъ писаніи, сокращенное имя στέφανος позднѣйшимъ безграмотнымъ переписчикомъ легко могло быть превращено въ ῥῶσος, спрашивается: какимъ образомъ изъ словъ «Русскій» и «Урошъ» могло составиться имя Ростиславъ? Притомъ у Акрополиты вмѣсто Ῥῶσος Ὄβρος часто читается просто Ὄβρος: это уже явно Урошъ, а не послѣдняя часть имени Ростислава.

Зато мы, вмѣсто Роса Уроша Византійца, въ правѣ видѣть Русскаго, по крайней мѣрѣ по происхожденію, въ Болгарскомъ деспотѣ Святославѣ, пославшемъ въ 1262 году архіепископу Кіевскому Кириллу копію Номоканона, въ которой сказано: «Всея роускіа земля благодержавнаго родіа моего, ихже отрасль и корѣнь азъ бихъ святыхъ праотець моихъ» [4]). Около того времени Святославъ былъ полусамостоятельнымъ владѣтелемъ при сѣверныхъ отрогахъ западной части Балкана.

Подъ 1271 годомъ упоминается «Swetizlaus imperator Bulgarorum», на ряду съ Сербскимъ королемъ Урошомъ, въ мирномъ договорѣ между королями Венгерскимъ и Чешскимъ [5]). Женившись на одной изъ сестеръ ослѣпленнаго Михаиломъ VIII императора Никейскаго Іоанна Ласкаря, онъ сталъ сво-

---

[3]) *Ж. М. Н. Просв.*, апрѣль и май 1878 г.

[4]) *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. библ. 290.

[5]) *Emler*, Regesta Bohemiae et Moraviae, II, 302.

якомъ тогдашняго Болгарскаго царя Константина. Еще при жизни этого царя, впавшаго въ тяжкую болѣзнь, супруга его Марія пригласила мужа сестры пріѣхать въ Терновъ, гдѣ старый тогда уже Святославъ былъ торжественно ею усыновленъ и объявленъ «младшимъ братомъ» ея сына Михаила; вскорѣ однако онъ тамъ же поплатился жизнью за свою довѣрчивость къ своей «матери».

Въ декабрѣ того же (1277) года царь Константинъ палъ въ борьбѣ съ гайдукомъ неизвѣстнаго происхожденія, бывшимъ прежде пастухомъ и отличившимся затѣмъ до такой степени побѣдами надъ Татарами, ворвавшимися въ Болгарію, что ему передавались цѣлыя области, и что онъ сталъ домогаться владычества надъ всѣмъ царствомъ. Собственное имя его «Ивайло» мы впервые встрѣчаемъ у г. Иречка (стр. 366); прежде его знали только подъ прозвищемъ его Кордокубасъ, или правильнѣе, по остроумной догадкѣ г. Срезневскаго, Бърдокубасъ, такъ какъ въ греческомъ переводѣ (у Пахимера) это имя гласило Λαχανᾶς. Слово это явно перешло отъ Грековъ къ Туркамъ, у которыхъ капуста нынѣ еще называется лахана. Г. Макушевъ удивляется[6]), почему г. Иречекъ этого временщика называетъ Бръдоквою (то-есть, брюквою) вмѣсто Бръдоквеникъ (брюквоѣдъ), какъ читаетъ г. Срезневскій съ Палаузовымъ. Но Βορδοκοβρᾶς есть явно греческая форма имени Бръдоква; слово Бръдоквеникъ предполагаетъ греческое Βορδοκουβεννίκας. Впрочемъ г. Макушевъ не хочетъ вѣрить въ тождество этого Лаханаса съ Ивайломъ, но увѣренъ, что подъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть внука венгерскаго вассала Ростислава Іоанна Михайловича, котораго въ свою очередь отождествляетъ съ «мнимымъ» Асѣневичемъ Іоанномъ, женатымъ на дочери Византійскаго императора. Съ помощью тестя этотъ Іоаннъ надѣялся воспользоваться неудовольствіемъ Терновцевъ противъ вдовствующей царицы, чтобы завладѣть ихъ городомъ и тамъ воцариться. Марія же, желая во что бы ни стало со-

[6]) *Ж. М. Н. Пр.* май 1878 г. стр. 69.

хранить престолъ за собою и за сыномъ своимъ Михаиломъ, не только прибѣгла тогда подъ покровительство Лаханаса, но забывъ стыдъ и узы родства, вышла замужъ за убійцу супруга и отпраздновала съ нимъ свадьбу и коронацію весною 1278 года. Когда же вскорѣ послѣ того новый царь принужденъ былъ выступить съ войскомъ изъ столицы для отраженія Татаръ, Греки воспользовались его отсутствіемъ, чтобы подступить къ Тернову, откуда Марія съ сыномъ были тогда отправлены въ Константинополь, и куда оттуда прибылъ претендентъ Іоаннъ Асѣнь вмѣстѣ съ супругою Ириною, весною 1280 года[7]). Но этотъ подручникъ Грековъ не могъ долго тамъ держаться и былъ принужденъ возвратиться въ Константинополь послѣ пораженій, нанесенныхъ, гдѣ-то около Средней горы лѣтомъ 1280 года, возвратившимся изъ-за Дуная Вордоквою двумъ отрядамъ, посланнымъ императоромъ на помощь зятю. Противники Ивайла провозгласили царемъ въ Терновѣ шурина Іоанна Асѣня Георгія Тертерія, происходившаго изъ знатнаго половецкаго рода, бывшаго также въ свойствѣ съ самыми знатными боярами и заслужившаго всеобщую любовь своимъ умомъ и храбростью.

Въ невозможности бороться съ подобнымъ соперникомъ, Лаханасъ обратился съ просьбой о помощи къ прежнему врагу своему, «оканьному» Нагаю нашихъ лѣтописцевъ, который, по Пахимеру (V, 4, p. 236) съ 1270-хъ годовъ образовалъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря независимое отъ хана Золотой орды владѣніе, съ помощью подчинившихся ему туземцевъ изъ Русскихъ, Зиховъ, Готовъ и Алановъ. Подъ послѣдними разумѣются здѣсь не кавказскіе, но сосѣди черноморскихъ Готовъ, прежде и послѣ встрѣчающіеся въ числѣ обитателей Таврическаго полуострова. Поэтому Дюбуа[8]) можетъ быть и не ошибается, полагая, что Матвѣй Мѣховскій имѣлъ въ виду Алановъ, когда говоритъ объ Уланахъ, которые, во время на-

[7]) *Палаузовъ*, Юго-восточная Европа въ XIV в., 57.
[8]) Voyage autour du Caucase, VI, 235.

шествія Татаръ чрезъ Перекопскій перешеекъ, вторглись въ Крымъ, гдѣ ими заняты были многіе города и мѣстечки. Дѣйствительно, мы находимъ у восточнаго автора, приведеннаго Доссономъ[9]), что Ногай, сынъ Татара, сына Букала (или Могола), сына Боруджи, завоевалъ часть Россіи, Эрбади (Арабатъ) и Керетъ (Керчь), «dont il s'était formé une principauté»

Ногай весьма ласково принялъ прибѣгнувшаго подъ его покровительство Ивайла, возилъ его сначала по своимъ кочевьямъ, но подъ конецъ велѣлъ измѣннически умертвить его во время одной пирушки.

Таковъ былъ трагическій конецъ болгарскаго «pastor, latro, dux»; но подобно тому какъ Лузитанцы свято чтили имя Виріата, прозвище Ивайла долго еще сохранилось въ памяти народа. Когда въ 1294 году появился Псевдо-Лаханасъ, подъ знамена его толпами стали стекаться болгарскіе пастухи изъ византійской Ѳракіи, чтобы сражаться противъ малоазіатскихъ Турокъ.

Между тѣмъ могущество Ногая все болѣе и болѣе возрастало. Въ 1285 году Татары одновременно напали на Венгрію и Болгарію, перешли чрезъ Балканъ и опустошили Ѳракію и Македонію. Хотя Тертерій, чтобъ удержаться на престолѣ, рѣшился выдать дочь свою за Чаку (Чакасъ, Чоки, Чага), сына Ногая; но тѣмъ не менѣе ханъ заставилъ его бѣжать въ Грецію и поставилъ, въ 1292 году, на его мѣсто данника царя, болярина Смильца, женатаго на внучкѣ Андроника II, сына и преемника Михаила VIII. Между тѣмъ Ногай поссорился съ ханомъ Тохтою, которому нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ самъ помогъ водвориться въ ордѣ. Дошло между ними до войны, въ которой Ногай, одержавшій сначала побѣду надъ своимъ противникомъ въ мѣстности, именуемой «Yacssi», лежавшей на серединѣ пути между резиденціями обоихъ, а по

[9]) Histoire des Mongols, IV, p. 751 и 758.

другимъ[10])—при Tedjesmari (на Дону), при вторичной встрѣчѣ былъ разбитъ и плѣненъ, по Новаири[11]), однимъ русскимъ воиномъ, который, отрубивъ ему голову, представилъ ее хану; но вмѣсто ожиданной награды за эту услугу, Тохта приказалъ его казнить, по той причинѣ, что простой ратникъ дерзнулъ поднять руку на лицо царскаго рода.

Карамзинъ[12]) не ошибается, догадываясь, что Ногаи, которые еще недавно кочевали въ нашихъ степяхъ, обязаны своимъ названіемъ имени этого татарскаго «kingsmaker», и я не сомнѣваюсь, что юртъ его находился на полуостровѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ Днѣстра и его притокомъ Кучургановъ, или правильнѣе, Курчугановъ. На картѣ Андрея Біанко 1436 года стоитъ въ этой мѣстности приписка ya de nogay, тогда какъ въ другихъ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій читается только zizera, вмѣсто арабскаго джезире (островъ, полуостровъ).

Въ недальнемъ отсюда разстояніи должно было находиться роковое для Ногая поле битвы, происходившей, по Гаммеру[13]), въ окрестностяхъ Буга, по Юлю, къ югу отъ Днѣстра; извѣстіе это можно согласовать съ замѣткою Новаири[14]), что Ногай палъ въ сраженіи при Куганликѣ, между тѣмъ какъ отъ этого имени явно произошло названіе Куяльницкаго лимана, близъ Одессы.

Въ приведенныхъ морскихъ картахъ здѣсь читается приписка zinestra (ginestra), быть можетъ, какъ я старался показать[15]), названная по дикорастущимъ и теперь еще въ этой мѣстности linaria genistafolia, и что итальянскіе моряки перевели только по своему татарское названіе этой мѣстности; предоставляю впрочемъ нашимъ оріенталистамъ объяснить настоящее значеніе названія Куяльникъ.

---

[10]) *Доссонъ*, IV, 760, ср. Yule, M. P. 2-е изд. 499.
[11]) *Доссонъ*, IV, 755.
[12]) Изд. *Эйнерлинга*, IV, 58.
[13]) Gesch. d. G. Horde, 273.
[14]) *D'Ohsson*, I, 1, 755.
[15]) *Bull. de l'Ac. des Sc. de S.-P.* 1860 г.

Если же мнѣ удалось опредѣлить точнѣе прежняго, гдѣ именно погибъ могущественный владѣтель Черноморья, то сознаюсь, что поставленъ былъ въ тупикъ разногласіемъ современныхъ писателей касательно года его смерти и приключеній его сына. Византійцы, по которымъ, согласно съ нашими лѣтописцами, Ногай умеръ въ бѣгствѣ въ 1293 году[16]), повѣствуютъ, что Чакасъ съ остатками отцовскаго войска двинулся въ Болгарію и съ помощью своего шурина Ѳеодора Святослава, сына Тертерія, успѣлъ оттуда вытѣснить Смильца и овладѣть Терновомъ, гдѣ Святославу, перемѣнившему внезапно свой образъ дѣйствій, не трудно было съ нимъ справиться.

По Пахимеру (II, 264 и сл.) татарскаго узурпатора неожиданно схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ удавленъ палачами-жидами въ 1295 году. Послѣ этого рѣшительнаго поступка Святославъ вступилъ на престолъ Асѣневичей, вѣроятно, съ согласія хана Золотой орды, такъ какъ первый послалъ голову убитаго сына Ногая врагамъ сего послѣдняго въ Крымъ.

Въ свою очередь, восточные писатели относятъ сраженіе при Куганликѣ и смерть Ногая къ 699 году геджры, то-есть, къ 1298—1299 годамъ нашей эры, и разсказываютъ, что сыновья его Чага (Чакасъ) и Тага съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ спаслись въ землю Келардовъ и Башкурдовъ[17]), то-есть, Польшу или Галицію и Венгрію.

Вскорѣ затѣмъ, Чага, раздѣлавшись съ братомъ убійствомъ[18]), отправился въ страну Асовъ (le pays d' Ass), гдѣ стоялъ туманъ его войска, и куда затѣмъ прибыли другіе его воины.

Подъ Асами здѣсь не разумѣются тѣ изъ нашихъ Ясовъ или Алановъ, которые все еще обитали на Кавказѣ и съ помощью Русскихъ князей были побѣждены ханомъ Менгу-Тимуромъ въ 1277 году, то-есть, въ то самое время, когда Ногай

[16]) *Muralt*, Chron. byz. II, 462.
[17]) *D'Ohsson*, l. c., 761.
[18]) Тамъ же, 755.

былъ еще занятъ борьбою съ Лаханасомъ въ Болгаріи[19]). Въ сосѣдствѣ съ этою страной, а не съ Волжской Болгаріей, должна была находиться страна Асовъ, куда былъ отправленъ татарскій полководецъ Субудай Богадуръ послѣ похода, предпринятаго Батыемъ противъ Пулу (Поляковъ) и Башкурдовъ[20]). Опорою этого смѣлаго мнѣнія можетъ служить нижеслѣдующая приписка въ концѣ древняго Ватиканскаго кодекса (codex gr. reginae, 18), по событіямъ относящаяся къ 6751 (1243) году и обязательно сообщенная мнѣ профессоромъ Ѳ. И. Успенскимъ, который списалъ ее съ оригинала въ Римѣ: Ἠγοράσθη ἡ παροῦσα βίβλος διὰ Θεοδώρου Γραμματικοῦ μετὰ τὴν ἐπιδρομὴν τῶν ἀθέων ταρτάρων, βασιλεύοντος ἐν τῇ Βουλγαρία Καλλιμάνου τοῦ Ἀσὰν υἱοῦ Ἰω τοῦ Ἀσὰν...

Если не ошибаюсь, то жилища этихъ Алановъ должны были находиться въ Молдавіи, гдѣ многіе изъ нихъ, подобно Половцамъ, послѣ сраженія при Калкѣ, нашли убѣжище съ своимъ ханомъ Котяномъ, котораго Карамзинъ (IV, 7) заставляетъ перебираться въ Астраханскія степи до его переселенія въ Венгрію. Безъ сомнѣнія, его примѣру не послѣдовали всѣ его единоплеменники даже послѣ 1279 года, когда большая часть «Кумановъ и Ясовъ» переселены были изъ Молдавіи въ Венгрію Ладиславомъ IV[21]).

По всей вѣроятности, нынѣшняя столица Молдавіи названіемъ своимъ обязана, какъ еще думалъ Штриттеръ, этимъ мнимымъ Язигамъ позднѣйшихъ авторовъ, чѣмъ и объясняется причина, по которой въ Актахъ патріархата Константинопольскаго Молдавія называется Мавровлахіей «τῆς Ἰασίας».

Напрасно Карамзинъ (IV, 58) вѣритъ Кантемиру, будто бы тамъ до временъ господаря Молдавскаго Стефана существовала одна только мельница, на мѣстѣ которой онъ постро-

---

[19]) *Карамзинъ*, IV, 80.

[20]) См. *Березинъ*, Нашествіе Батыя на Россію, въ *Ж. М. Н. Пр.* LXXXVI стр. 83 и 90.

[21]) *Куникъ*, О Тюркахъ, Печенѣгахъ etc. въ *Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по I-му и III-му Отд.* 738.

илъ городъ, названный имъ именемъ добраго мельника «Яссія». Что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше, явствуетъ также изъ попавшаго въ Воскресенскую лѣтопись имени «Асскій торгъ», равно какъ и изъ грамоты Молдавскаго господаря Александра 1407 года, гдѣ говорится о таможенныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ Яссахъ[22]). Объ этомъ же городѣ говорится также въ валашской грамотѣ 1412 года: «Et quod Forum Jasky-Terg in sinistra parte fluvii Pruth situm maneat pro nobis». Длугошъ (изд. 1711 г. I, 18) отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Item Dressa (fluvius) cujus fons circa Drogum opidum, ostia prope Jasky-Torg in Pruth, alias Philistinorum forum», то-есть торжище «стрѣлковъ изъ лука», какъ стали называть Ясовъ, потому что таково значеніе ихъ имени на мадьярскомъ языкѣ[23]).

Подобно столицѣ Молдавіи, расположенныя на нижнемъ Днѣстрѣ одно противъ другаго селенія Ясска и Оленешти суть живые еще свидѣтели пребыванія здѣсь въ прежнія времена предковъ нынѣшнихъ Осовъ (Осетовъ, Осетинцевъ). Въ этихъ же мѣстахъ, а не въ окрестностяхъ Владикавказа должны были находиться становища тѣхъ 16,000 Алановъ, которые, по Пахимеру (IV, 16), переселились изъ-за Дуная въ Грецію, гдѣ способные носить оружіе, числомъ 8,000, вступили въ императорскую службу въ 1301 году.

Около этого времени сынъ Чаги Кара Кишикъ спасся съ 3,000 всадниковъ во владѣнія Шешшемена; остановившись въ урочищѣ Бадулъ близь «Gueuk» (Керчь?), они тамъ долго удержались, живя грабежами окрестныхъ областей. Къ нимъ, вѣроятно, относится приписка древняго греческаго синаксаря[24]) о появленіи предъ Сугдеею Ностаева (вмѣсто Ногаева или Ногаева) войска въ декабрѣ 1299 года.

Еще до этого самъ Чага, не считая себя довольно силь-

---

[22]) Акты относящіеся къ ист. Зап. Россіи, I, 30.

[23]) См. Mailath (*Johann Graf*), Geschichte der Magyaren, V, прил. p. 23.

[24]) *Зап. Одесск. Общ.*, V, 596.

нымъ, чтобы противостоять войску, посланному противъ него Тохтою, перебрался изъ Молдавіи въ землю Авалакъ (le pays d'Avalac), гдѣ командовалъ Саируджа, одинъ изъ его приближенныхъ (l'un de ses proches). Итакъ, кажется, что Чага остался на лѣвой сторонѣ Дуная, если только Новаири подъ словомъ «Avalac» разумѣлъ Валахію, а не Болгарію. Арестованный военачальниками Саируджи, опасавшимися гнѣва Тохты, Чага былъ запертъ въ замокъ Тутуа и тамъ вскорѣ затѣмъ, въ 700 году геджры, умерщвленъ былъ по приказанію хана.

Передавъ брату своему Бузлуку удѣлъ (l'apanage) Ногая, Тохта раздѣлилъ (прочія) владѣнія его между своими сыновьями Бегилъ-бога и Ирбасси. Бегилъ-бога получилъ Саикджи на Дону (то-есть, Исакчу на Дунаѣ) и сосѣдственныя Желѣзнымъ воротамъ области, прежде подвластныя Ногаю (ancien territoire de N.)—въ окрестностяхъ не Дербенда, на Кавказѣ, но прохода «Надиръ Дербендъ» въ Болгаріи или, еще вѣрнѣе, прохода «Демиръ Капу», игравшаго важную роль во время втораго болгарскаго царства (1186—1393)[25]). Ирбасси утвердился на берегахъ, повидимому, рѣки Буга. Между тѣмъ Святославъ, въ связи съ своимъ дядей Эльтемиромъ, деспотомъ Крнскимъ, такъ удачно боролся съ Греками, что послѣдніе принуждены были уступить ему завоеванные имъ по Гему города отъ Тунджи до моря, около 1308 года, хотя онъ въ свою очередь подобно нашимъ князьямъ принужденъ былъ признать надъ собою верховную власть хана Золотой орды.

Это мы, между прочимъ, усматриваемъ изъ карты Каталанской, гдѣ, подлѣ имени города Сарая, изображенъ сидящій на престолѣ императоръ этой «regio septentrional, del qual», какъ читается тутъ же въ припискѣ, «lo imperi comenca en la provincia de Burgaria e feneix en la ciutat de Organ-

---

[25]) См. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, 1877, стр. 147 и 150.

cio. Le senyor es appellat Jambech (т. е. Джанибекъ) senyor del Sarra».

Помѣщая эту провинцію въ Бухарію (Tartarie indépendante etc.) французскіе издатели атласа (Not. et Extr. XIV, 2, стр. 129) по невниманію смѣшали эту страну съ «волжскою» Булгаріею, хотя и тутъ ошиблись бы, потому что составитель карты подъ своей «provincia de Burgaria» могъ только разумѣть дунайскую Болгарію.

Подобнымъ образомъ не къ волжской Болгаріи, какъ полагалъ ученый Кастильіони (Monete cufiche 242), но къ дунайской относится слѣдующее мѣсто изъ приведеннаго г. Десимони[26]) Itinerar. Ant. Ususmaris: «In ista provincia manet Imperator Usbech scilicet in Civitate Serai. Imperium suum incipit in provincia de Burgaria scilicet in Civitate de Vecina et finit in Civitate de Cerganghi».

Но если такъ, то намъ не трудно будетъ возстановить настоящій смыслъ слѣдующаго искаженнаго фрагмента генуэзской грамоты 1418 года[27]):

«Et intelligatur dictum Imperium Usbech flumen Vicine versus Thanam».

Подъ этой рѣкою явно разумѣется изливающаяся въ Черное море къ югу отъ Варны Камчіа или Камчикъ, названная la Viça на картѣ Весконте, viça на картѣ братьевъ Пицигани, Veza на картѣ каталанской и т. д.

Съ этихъ поръ дружескія отношенія между Греками и Болгарами болѣе не прерывались до самой смерти Святослава († 1322 г.); но война съ Византійцами возобновилась и продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ при воинственномъ сынѣ его Георгіѣ Тертеріѣ II, который, впрочемъ, не долго царствовалъ († 1323 г.).

Во время безначалія, открывшагося тогда въ Болгаріи, боляре избрали царемъ сына Бдинскаго деспота Шишмана Ми-

---

[26]) I conti dell'ambasciata al chan di Persia, стр. 50 прим.

[27]) Atti della Società Ligure, XIII, 304.

хаила, которымъ начинается послѣдняя династія царства Терповскаго.

Новый царь (1323—1330 гг.) прежде всего завоевалъ обратно отпавшіе балканскіе города и послалъ подкрѣпленіе въ завоеванный еще при Тертеріѣ II Филиппополь, гдѣ съ тѣхъ поръ держался полководецъ Михаила Русскій Иванъ съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 2,000 болгарскихъ и аланскихъ всадниковъ. Безъ сомнѣнія, и эти Аланы не пришли туда прямо съ Кавказа, но принадлежали къ тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые по смерти Ногая перешли чрезъ Дунай изъ своихъ жилищъ при нижнемъ Днѣстрѣ и Прутѣ, еще не совершенно покинутыхъ ими въ XV столѣтіи, почему и Іос. Барбаро имѣлъ полное право сказать, что въ его время смежная съ Готіей Аланія простиралась до окрестностей Монкастра[28]). Когда же Иванъ съ своими людьми вышелъ изъ Филиппополя на встрѣчу подступившимъ къ нему на помощь Болгарамъ, греческіе граждане города заперли позади его ворота и съ другой стороны впустили Византійцевъ.

Зато Михаилъ не замедлилъ опустошить всю верхнюю Ѳракію, пользуясь междоусобіемъ, терзавшимъ Грецію по случаю спора за престолъ между императоромъ Андроникомъ II Старшимъ и внукомъ его, Андроникомъ Младшимъ. Начавшись еще въ 1321 году, споры эти возобновились въ 1327 году съ возростающею силою, весьма кстати для юго-славянскихъ державъ. Сербскій царь держалъ сторону старшаго императора, Михаилъ — младшаго, что не помѣшало ему однако вступить вскорѣ затѣмъ въ тайные переговоры съ первымъ, доведеннымъ до крайности побѣдами внука на западѣ. Подъ предлогомъ пособія царь Болгарскій отрядилъ Ивана съ 3,000 всадниковъ въ слабо защищенный и изнуренный голодомъ Константинополь, самъ же съ болгарскими и татарскими войсками сталъ лагеремъ у Діамполя (Ямболь). Опасаясь вредныхъ для себя слѣд-

---

[28]) См. *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки, VII, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г., стр. 109.

ствій этихъ дѣйствій прежняго своего союзника, Андроникъ Младшій рѣшился оставить западъ и поспѣшилъ съ войскомъ на берегъ Понта. По всей вѣроятности, русскому сподвижнику царя Болгарскаго поручено было овладѣть Константинополемъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы дѣломъ не слишкомъ труднымъ для человѣка опытнаго и энергическаго, каковъ былъ Иванъ (Cantacuz, II, 815 и сл.), которому императоръ, недовѣрчивый къ Грекамъ, хотѣлъ вручить дворцовую стражу; затѣмъ Михаилъ покончилъ бы остальное ускореннымъ переходомъ и такимъ образомъ успѣлъ бы въ томъ, къ чему напрасно стремились Симеонъ и Асѣнь II. При видѣ опасности, грозившей имперіи, молодой императоръ отправилъ въ тайнѣ вѣстника къ дѣду и умолялъ его не пускать Болгаръ въ дворцы иначе, какъ въ маломъ числѣ, и то безъ оружія, брать предосторожности за обѣдомъ и окружать себя только греческою стражею. Хотя старецъ отвѣчалъ внуку, чтобы тотъ нисколько не заботился о немъ, тѣмъ не менѣе самъ послѣдовалъ его совѣту и велѣлъ впустить въ городъ одного только Ивана съ немногими всадниками, и то на короткое время. Въ 17-ти верстахъ отъ городскихъ стѣнъ расположились Иванъ и Андроникъ Младшій, оба страстно желая овладѣть Царьградомъ. Такъ какъ дѣло между ними еще не доходило до формальнаго объявленія войны, то Андроникъ Младшій пригласилъ къ себѣ Ивана вмѣстѣ съ его подчиненными, угостилъ ихъ и надѣлилъ подарками, обѣщая надѣлить ихъ еще болѣе, еслибъ они согласились уйдти со своими. Въ то же время онъ отправилъ посла къ Болгарскому царю съ жалобою на нарушеніе договора. Михаилъ, узнавъ такимъ образомъ о неожиданномъ для него прибытіи молодаго императора, поспѣшилъ приказать Ивану немедленно вернуться домой, послѣ чего болгарское войско внезапно исчезло изъ окрестностей Константинополя[29]).

Нѣсколько дней спустя городъ этотъ былъ взятъ врасплохъ Андроникомъ III, и 70-ти лѣтній старикъ низложенъ

[29]) *Иречекъ*, Ист. Болг., Одесса 1878 г. стр. 384—386.

(24-го мая 1328 года). Михаилъ, обманутый въ своихъ разсчетахъ на послѣдствія междоусобія, въ томъ же году напалъ на владѣнія императора. Вскорѣ однако онъ не только примирился съ нимъ, но и заключилъ союзъ противъ Сербскаго короля, съ которымъ оба были въ враждебныхъ отношеніяхъ. Къ греко-болгарскому союзу приступили потомъ еще Валашскій воевода Иванъ Басараба, «Черные Татары» и «господство Яшко».

Къ послѣднему безспорно принадлежалъ городъ Яссы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными» по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже Турки называли Кара-багданъ, была тогда уже извѣстна Грекамъ подъ названіемъ Мавровлахіи, и по которой городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ превратился въ Черный (Маврокастронъ), а затѣмъ снова былъ переименованъ въ Бѣлый. Въ генуэзскихъ грамотахъ «Нижнею Валахіею» называется не Валахія, но Молдавія. Такъ напр. на одной изъ нихъ, вѣроятно 1455 года[30]), читается: «copia hujus supplicationis missa illustri domino petro vayvode domino «velachie inferioris» et magnifico ac spectabilibus dominis jupano et senioribus albicastri». У Шильтбергера же[31]) Молдавія называется «меньшею» Валахіею, безъ сомнѣнія, въ противуположность къ большей, т. е. Валахіи собственно. Что она дѣйствительно такъ называлась, видно изъ письма къ Венеціанцамъ (отъ 31 января 1474 года), въ которомъ Радулъ называется воеводою «Vlachie Majoris». Приводя это письмо, г. Иречекъ[32]) прибавляетъ отъ себя, что названіе Vlachia minor примѣнялось вѣроятно уже тогда къ

---

[30]) Atti della Soc. Lig. VI (Vigna, Cod. diplom. delle Colonie Tauroliguri, I) 309.

[31]) Зап. Новорос. унив. т. I; срав. Telfer, The bondage and travels of J. Schiltberger. London, 1879 стр. 245.

[32]) Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa, Prag, 1879, стр. 16.

нынѣшней «Малой Валахіи» къ западу отъ Алуты, и что Молдавія просто называлась Молдовіею.

Надежды союзниковъ, что имъ удастся сокрушить могущество юнаго Сербскаго государства, были уничтожены страшнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ главнымъ силамъ Болгаръ королемъ Стефаномъ при Вельбуждѣ 28-го іюня 1330 г. Самъ царь Михаилъ палъ на полѣ битвы съ многими изъ своихъ воиновъ; другіе, въ томъ числѣ многіе боляры, были взяты въ плѣнъ, остальные разбѣжались

Находился ли нашъ Иванъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ этой кровавой драмѣ, — намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ вскорѣ затѣмъ снова сталъ играть важную роль въ Болгаріи, если не какъ стратегъ, то по крайней мѣрѣ какъ дипломатъ: ибо Ивану именно и было поручено царемъ Іоанномъ Александромъ (племянникомъ Михаила, вступившимъ на престолъ въ Терновѣ послѣ изгнанія оттуда племянника Стефана Шишмана II) заключить миръ съ Андроникомъ, послѣ побѣды надъ нимъ, одержанной Болгарами между Росокастрономъ и Аитосомъ въ 1333 году.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ полководца и миротворца Ивана исторія не упоминаетъ. Но при новомъ порядкѣ вещей, который, благодаря доблестнымъ русскимъ воинамъ и великодушію нашего Монарха, теперь введенъ въ Болгаріи, можно надѣяться, что въ ней быстро разцвѣтутъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, что вмѣстѣ съ тѣмъ явятся изслѣдователи, которымъ удастся пополнить пробѣлы въ исторіи этой страны, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснится и спорный пока вопросъ объ участіи, принятомъ полководцемъ Михаила и другими Русскими въ судьбахъ Терновскаго царства до его паденія подъ власть Порты.

XI.

ОСТРОВЪ ХОРТИЦА.

Историко-географическія замѣтки [1]).

Изъ грамоты 1765 года, хранящейся въ архивѣ Запорожскихъ казаковъ, мы узнаемъ, благодаря г. Скальковскому[2]), что тогдашній новороссійскій губернаторъ Исаковъ считалъ умѣстнымъ предпринять поѣздку на лежащій подъ порогами Днѣпра островъ Хортицу [3]), притомъ не по дѣламъ службы, а изъ любознательности («полюбопытствовать»).

Дѣйствительно на обширномъ пространствѣ южнорусскихъ степей едва-ли найдется много мѣстностей болѣе интересныхъ, чѣмъ этотъ островъ, если имѣть въ виду какъ прекрасное его мѣстоположеніе, такъ и то обстоятельство, что онъ именно былъ поприщемъ многихъ событій, болѣе или менѣе важныхъ для исторіи Новороссійскаго края, и что тогда только причины и слѣдствія этихъ событій могутъ быть опредѣлены съ точностью, если мы предварительно узнали не только когда, но также и гдѣ они совершались.

Какъ извѣстно, Днѣпръ нѣсколько южнѣе Екатеринослава пробивается чрезъ широкую полосу гранитныхъ скалъ, принадлежащихъ къ отрогамъ Карпатовъ и образующихъ на протя-

---

[1]) Статья эта была напечатана на нѣм. яз. въ Odess. Zeit. 1879 года, №№ 272—280.

[2]) Опытъ стат. опис. Новор. края, I стр. 119.

[3]) Островъ называется по русски *Хортица*, а у нѣмецкихъ его обитателей—*Хортиця* или *Кампь*.

женіи 90 верстъ болѣе или менѣе значительныя загроможденія рѣки, называемыя *порогами*, когда онѣ тянутся поперекъ всего русла рѣки, и *заборами*, когда занимаютъ только часть его. Всего въ настоящее время считается 11 пороговъ и 6 заборовъ.

Около 14 верстъ ниже послѣдняго порога находится извѣстная переправа у колоніи Кичкасъ или Эйнлаге и за ней островъ Хортица, которая, по удачному сравненію г. Карелина [4]), «какъ гигантскій корабль разсѣкаетъ воды Днѣпра на два рукава». Днѣпромъ здѣсь впрочемъ называется только сильнѣйшій рукавъ, составляющій восточную границу острова, тогда какъ слабѣйшій, западный рукавъ, называемый *Рычище*, не только отдѣляетъ островъ отъ материка, но еще, протекая въ сѣверной его части, образуетъ другой гораздо меньшій островъ, котораго югозападная сторона въ жаркое время года отдѣляется отъ материка только безводнымъ оврагомъ, называемымъ *Канцерскимъ*.

По г. Карелину, который, подобно упомянутому губернатору, изъ чистой любви къ наукѣ посѣтилъ островъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, берега его, состоящіе изъ гранитныхъ скалъ и каменныхъ глыбъ, достигаютъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ высоты въ 6 — 10 сажень, тогда какъ внутри островъ подымается еще на 5 сажень выше; только меньшая его часть гораздо ниже и къ югу пологата. Здѣсь видны лѣсъ изъ деревьевъ мягкихъ породъ и воздѣланныя поля; недалеко оттуда находится насажденіе вѣчно-зеленѣющихъ сосенъ, а на песчаникѣ—шелюга. На возвышенной части острова вслѣдствіе каменистой почвы нѣтъ пахатныхъ полей и растущіе здѣсь мѣстами дубы довольно тощи; только во рвахъ древнихъ укрѣпленій и въ траншеяхъ произростаютъ хорошо дубъ, берестъ и груша. Что-же касается этихъ укрѣпленій, то онѣ начинаются на сѣверной сторонѣ острова, откуда рядъ ихъ распространяется далѣе къ югу и наконецъ, поворотивъ подъ прямымъ почти угломъ къ востоку, тянется до Днѣпра. Подобныя же укрѣпленія проходятъ поперекъ нижней части острова и состоятъ,

[4]) Зап Одесск. Общ. Ист. и Др. IX, 435.

какъ и остальныя, изъ равносторонних четыреугольниковъ, соединенныхъ траншеями. Каждая сторона этихъ квадратовъ имѣетъ 10 сажень, тогда какъ длина траншей доходитъ отъ 100 до 150 и даже 210 сажень. Рвы предъ укрѣпленіями имѣютъ глубину въ 2 арш., а значительно уменьшившіеся съ теченіемъ времени земляные валы теперь имѣютъ только $1^1/_2$ саж. высоты; предъ ними замѣчаются еще слѣды землянокъ, которыя, вмѣстѣ съ находящимися въ трехъ мѣстахъ могилами, доказываютъ, что островъ уже съ давнихъ поръ былъ обитаемъ.

Островъ имѣетъ, по г. Карелину, въ длину 10 верстъ, въ ширину до 2-хъ, а въ окружности $24^1/_2$ версты; площадь его заключаетъ въ себѣ 2784 десятины и 1600 кв. саж. Меньшій же островъ имѣетъ всего 12 дес. и 1200 кв. саж.; онъ тоже съ сѣверо-востока возвышенъ, а къ западу и югу значительно ниже; на южной сторонѣ находится густой дубовый лѣсъ, а на западной къ Канцерскому оврагу — лѣсъ изъ деревьевъ мягкихъ породъ. На самомъ высокомъ мѣстѣ острова съ сѣвера, запада и востока сохранилось укрѣпленіе, состоящее изъ насыпнаго вала надъ скалистыми берегами, отвѣсно подымающимся на 7 сажень отъ уровня Рѣчища; съ юга этотъ валъ соединяется другимъ валомъ со рвомъ и входомъ; этотъ валъ имѣетъ въ длину 34 сажени, а другой, котораго сѣверная сторона образуетъ округленный уголъ, имѣетъ на западной сторонѣ 24 и на восточной — 25 сажень.

Недалеко отъ мѣста гдѣ Рѣчище отдѣляется отъ Днѣпра, находится между двумя островами т. н. *Царская пристань*, занимающая слѣдовательно тоже мѣсто, гдѣ, по Мышецкому[5]), Русскіе въ 1739 г. построили небольшую крѣпость, названную *Запорожская верфь*. Настоящимъ именемъ своимъ эта мѣстность обязана, конечно, обстоятельству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де Рибасомъ въ 1796 г. такъ наз. *Екатеринославско-днѣпровская верфь*, назначенная для сооруженія судовъ для перевозки соли изъ Крыма въ Одессу и Ови-

[5]) Истор. о казакахъ запорожскихъ, Одесса 1852, стр. 68.

діополь. Но уже въ слѣдующемъ году эта верфь была оставлена, въ предположеніи ея нецѣлесообразности[6]). Напротивъ, для основателей русскаго государства, такого рода учрежденіе было-бы здѣсь на своемъ мѣстѣ, и г. Карелинъ повидимому справедливо полагаетъ, что именно тамъ снаряжались ладьи, на которыхъ великіе князья Кіевскіе отправлялись въ Черное море.

Во всякомъ случаѣ настоящее имя самаго острова упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, сперва подъ 1103 годомъ, въ которомъ великій князь Святополкъ Изяславичъ сосредоточилъ свои сухопутныя и морскія силы на островѣ Хортицѣ, прежде чѣмъ рѣшился пойти на Печенѣговъ, этихъ страшнѣйшихъ враговъ, которыхъ онъ подъ конецъ, при отстоящемъ на четыре дня пути къ востоку отъ Днѣпра и до сихъ поръ точнѣе не опредѣленномъ мѣстѣ *Сутень*, разбилъ такъ сильно, что никогда еще россійскія князья неодерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами[7]).

Совершенно иначе, къ сожалѣнію, окончился первый походъ соединенныхъ русскихъ князей противъ Монголовъ, вслѣдствіе несчастливой битвы при Калкѣ, нынѣшнемъ Кальміусѣ, до котораго они преслѣдовали отступающаго непріятеля послѣ того, какъ они и въ этотъ разъ собрали на островѣ Хортицѣ свои полчища, подходившія внизъ и вверхъ по Днѣпру.

Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ удалось г. академику Кунику[8]), своимъ образцовымъ разслѣдованіемъ хронологическихъ данныхъ источниковъ, доказать, что этотъ походъ состоялся не въ 1224 году, какъ обыкновенно полагали, но годомъ раньше. Но такъ какъ въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются противорѣчія не только относительно времени битвы, но и во многихъ другихъ подробностяхъ касающихся этого по-

---

[6]) Скальковскій, ук. соч. стр. 115.

[7]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, I стр. 81.

[8]) О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ, въ Уч. Зап. Имп. С.-Пб. Акад. наукъ. III, 765—787.

хода, то я полагаю возможнымъ утверждать, что *Варяжскій островъ*, до котораго князь Мстиславъ Романовичъ дошелъ въ 1223 г. изъ Кіева чрезъ Зарубъ, могъ быть только тотъ островъ, къ которому въ это время прибылъ флотъ съ войскомъ изъ Галиціи и Волыни, именно Хортица. Неудивительно было-бы, если даже въ XIII вѣкѣ Русскіе, давно ославянившіеся потомки Варяговъ, означали Хортицу подъ именемъ Варяжскаго острова, такъ какъ въ нашихъ лѣтописяхъ вообще не говорится о другомъ какомъ-нибудь Варяжскомъ островѣ.

Во всякомъ случаѣ Росы X вѣка, т. е. Варяги переселившіеся въ Россію, были хорошо знакомы съ островомъ Хортицею, потому что тождество этого острова съ островомъ Св. Григорія, посѣщаемымъ, по Константину Багрянародному, Росами во время ихъ плаваній изъ Кіева въ Константинополь, не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ кажется умѣстнымъ здѣсь остановиться на небольшомъ но прекрасномъ разборѣ этого отрывка главы VIII труда императора, не столько по причинѣ всѣми признаннаго значенія этого отрывка для древней исторіи Россіи, какъ по тѣсной связи его съ вопросомъ, который насъ здѣсь занимаетъ. Разборъ этотъ находится въ сочиненіи г. Томсена, вышедшемъ въ нѣмецкомъ изданіи подъ заглавіемъ: Der Ursprung des Russischen Staates, etc. Gotha 1879, въ которомъ авторъ при объясненіи именъ пороговъ не всегда соглашается съ своими предшественниками. Такъ онъ никакъ не хочетъ вѣрить въ родство росскаго имени четвертаго порога *Айфорз* съ голландскимъ названіемъ аиста, но убѣжденъ что оно соотвѣтствуетъ древнескандинавскому *Eiforr* (Eyforr или Aeforr, вѣчнобушующій, perpetuo praeceps). Подобнымъ образомъ въ названіи седьмаго порога *Струбунъ* онъ видитъ ошибку и читаетъ, на основаніи древнихъ рукописей, *Strukun*, въ которомъ слышитъ современное шведское слово *stråk* или *struk (neutr)*, маленькій водопадъ.

«И они достигли», продолжаетъ императоръ, «такъ назыв. *Крарійской переправы*, у которой переправлялись Херсонцы изъ Россіи, а Печенѣги въ Херсонъ. Этотъ перевозъ имѣетъ

ширину Ипподрома [9]), а высота его, видимая снизу, такова, что стрѣла стрѣлка снизу достигаетъ какъ-разъ до ней. Поэтому приходятъ сюда также Печенѣги и нападаютъ на Русскихъ. — Когда же они минуютъ это мѣсто, то пристаютъ къ острову, называемому по *Св. Григорію*; на этомъ островѣ приносятъ они также свои жертвы, потому что тамъ стоитъ очень большой дубъ. И они жертвуютъ живыхъ пѣтуховъ. Они садятъ также стрѣлы кругомъ, другіе хлѣбъ и мясо или что кто имѣетъ, какъ это требуетъ ихъ обычай. Они бросаютъ жребій также надъ пѣтухами, должны ли они ихъ убить и съѣсть или оставить въ живыхъ. Съ этого острова Русскіе не боятся Печенѣговъ, пока они достигаютъ рѣки *Селины*».

Г. Томсенъ, подобно его предшественникамъ, не касается вопроса, почему Богрянородный называетъ перевозъ, явно соотвѣтствующій нынѣшнему Кичкасу, *Крарійскимъ* и какому именно Св. Григорію островъ обязанъ своимъ христіанскимъ именемъ; поэтому я считаю не лишнимъ упомянуть, что въ другой статьѣ, вышепомѣщенной (ч. II. О разн. назван. Кіева), я старался показать, что въ названіи перевоза слышится армянское слово *Careres*, face de rocher, и что Св. Григорій, передавшій свое имя острову, не могъ быть никто другой, кромѣ Просвѣтителя Великой Арменіи.

Какъ язычники Русскіе и Славяне называли островъ Св. Григорія, объ этомъ императоръ Константинъ, къ сожалѣнію, не говоритъ; однако повидимому въ его время настоящее имя острова было въ употребленіи по крайней мѣрѣ у Славянъ. Во всякомъ случаѣ оно очень древнее, такъ какъ оно конечно не есть случайное созвучіе съ русскимъ названіемъ породы собакъ *хортъ*, *хортецъ*, тогда какъ это слово, постоянно въ томъ же значеніи, хотя и въ измѣненной формѣ, не только сохранилось у всѣхъ другихъ Славянъ, но происходитъ отъ

---

[9]) По Th. H. Martin, въ Mémoires prés. par divers savants à l'Acad. des Inscr. et Belles Lettres, I Sér., T. IV. Paris 1854, стр. 290 сл., Ипподромъ имѣлъ въ ширину 45 *ὀργυιάν*=270 фут.

того же корня какъ и эстонское *Hurt*, латышское *Kurts*, литовское *Kurtas*, французское *heurter* и нѣмецкое названіе собаки *Hurtig* [10]).

Такъ какъ между Росами и ихъ славянскими сподвижниками могли находиться любители охоты, то они вѣроятно такихъ собакъ, называемыхъ Итальянцами въ настоящее время датскими, возили съ собою и оставляли на островѣ Хортицѣ, чтобы по возвращеніи изъ Константинополя взять ихъ опять съ собой, такъ какъ они дальнѣйшій путь оттуда въ Кіевъ по причинѣ пороговъ, по всей вѣроятности, проходили сухимъ путемъ. На сколько еще гораздо позже въ Россіи цѣнились эти собаки видно изъ Герберштейна, въ описаніи одной охоты «mit raschen Hunden die sie Kurtzen nennen», въ которой онъ участвовалъ по приглашенію великаго князя Василія Іоанновича. Мнѣ кажется поэтому, что имперскій посланникъ говоритъ о той породѣ собакъ, о которыхъ упоминается: «ловчій на сворѣ *хорты* къ Государю подводитъ» [11]), но не что вслѣдствіе lapsus calami, какъ предполагаетъ академикъ Гамель [12]), загадочные Kurtzi замѣняютъ здѣсь русское слово *борзый*, или что Kurtzi, какъ думаетъ Аделунгъ (ibid.), соотвѣтствуетъ русскому названію *куртузая* собака (canis cursatis среднихъ вѣковъ).

Кромѣ императора Константина, никто изъ византійскихъ писателей повидимому ничего не зналъ о существованіи большаго днѣпровскаго острова. Зато онъ появляется на картѣ Венеціанца Андрея Біанко 1436 года, на которой рядомъ съ изображеніемъ острова отмѣчено названіе *Zaotri*, до сихъ поръ еще неразъясненное, можетъ быть — исковерканное его имя. Хортица узнается также легко въ безъименномъ островѣ на Днѣпрѣ ниже *chevo over chio* (Кіевъ), изображенномъ на картѣ знаменитаго фра Мавро 1459 года съ дорогами оттуда су-

[10]) Sanders, Wörterb. d. deutsch. Sprache.
[11]) Даль, Толковый словарь.
[12]) Hamel, Tradescant der Aeltere и проч. стр. 125.

химъ путемъ до Чернаго моря и до города *Leopolia* (Львовъ), котораго ярмарки посѣщались издавна поселившимися въ Газаріи итальянскими купцами.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ острова болѣе и болѣе поселялись новые пришельцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Литвы и принудили въ тоже время кочующихъ тамъ Татаръ удалиться въ глубь степи, названной Поляками *дикое поле*. Чтобы быть въ состояніи не допустить ихъ возвращенія, эти новые поселенцы должны были сблизиться между собой. Такъ возникло такъ назыв. *Товарищество*, родъ ордена рыцарскаго [13]), запорожскихъ казаковъ защитниковъ христіанства на Днѣпрѣ противъ невѣрующихъ. Болѣе прочную организацію получило это сообщество, сравниваемое не безъ основанія съ духовными рыцарскими орденами запада, только съ начала XVI вѣка отъ литовскаго дворянина Евстахія Дашкевича или Дашкова, котораго казаки назвали своимъ Ромуломъ и именемъ котораго они означали городъ Узу-кале (Очаковъ), отнятый имъ у Татаръ.

Этотъ атаманъ или гетманъ Запорожцевъ, какъ обыкновенно полагаютъ, основалъ на островѣ Хортицѣ свою столицу, или скорѣй укрѣпленный лагерь, названный *сѣчь* или *кошъ*; другіе же авторы того мнѣнія, что это скорѣе могло быть при его землякѣ и преемникѣ Вишневецкомъ. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ положительно, что этотъ Вишневецкій въ 1556 г. сообщилъ въ Москву чрезъ своего посланнаго Есковича извѣстіе, что онъ построилъ на островѣ Хортицѣ укрѣпленіе; но уже два года спустя онъ вынужденъ былъ покинуть его, такъ какъ крымскій ханъ Девлетъ-Герай собирался осадить эту крѣпость, а Вишневецкій опоздалъ снабдить ее провіантомъ, какъ это видно изъ письма къ царю Іоанну Васильевичу. Этотъ украинскій герой, говоритъ Максимовичъ [14]), воевалъ съ крым-

---

[13]) См. письмо запорожскихъ казаковъ къ импер. Рудольфу II у Ласоты стр. 220.

[14]) Исторія Малороссіи, стр. 414.

скими Татарами въ ихъ землѣ, позже домогался молдавской короны и окончилъ въ 1564 году свой земной путь въ Константинополѣ—на крюкѣ [15]).

Гдѣ тогда находилась сѣчь его прежнихъ сотоварищей до сихъ подъ столь же мало съ точностью опредѣлено, какъ и мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, слѣдуетъ искать ее послѣ 1576 года, вслѣдствіе договора, по которому король польскій Стефанъ Баторій обязался не только упрочить за Запорожцами ихъ прежнія владѣнія, права и привилегіи, но и расширить ихъ.

Что резиденція кошеваго и его подчиненныхъ вскорѣ спустя могла находиться только при впаденіи Чертомлыка въ Днѣпръ, т. е. на мѣстѣ, которое нынѣ называется *Старой сѣчью*, мы узнаемъ отъ Ласоты, котораго римскій императоръ Рудольфъ II отправилъ въ 1594 г. съ подарками къ Запорожцамъ, чтобы ихъ убѣдить предпринять походъ въ земли Татаръ и поставить ихъ тѣмъ въ невозможность принять участіе въ войнѣ съ Турками, которая тогда ему предстояла.

Ласота, описывающій подробно свое путешествіе, совершилъ его, начиная отъ Канева, рѣчнымъ путемъ внизъ по Днѣпру. Весьма любопытно его описаніе проѣзда чрезъ пороги, изъ которыхъ тринадцатый и послѣдній, называемый имъ *Wolny*, и носящій нынѣ еще это имя, соотвѣтствуетъ седьмому порогу Багрянороднаго.

Мы приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника Ласоты, разъясняющій вполнѣ вопросъ насъ здѣсь занимающій.

«И отъ перваго порога до этого мѣста 7 миль, а затѣмъ до *Кичкасъ* (*Kicz-kossow*) $1^1/_2$ мили. Здѣсь также татарская переправа. Берега Днѣпра, который тутъ не широкъ, скалисты и весьма высоки, особенно съ лѣвой стороны его. Въ полумилѣ ниже находится прекрасный, высокій и пріютный островъ *Хортица*, имѣющій въ длину двѣ мили и раздѣляющій Днѣпръ на двѣ ровныя части. На этомъ островѣ мы переночевали; казаки имѣютъ привычку держать тамъ своихъ лошадей въ зим-

[15]) Engel, Gesch. des Ungar. Reichs, V, 2.

нее время. Подъ вечеръ, упомянутые выше казаки, которые, числомъ до 400, составляли стражу противъ Татаръ у Будальскаго порога, присоединились къ намъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нами отправились въ сѣчь.

«8-го (Іюня), до острова возлѣ *Бѣлогорья* (Bialogura, нынѣ Бѣленькая г. Миклашевскаго, которому принадлежитъ и часть острова, другая—графу Канкрину) $3^1/_2$ мили. Тамъ мы позавтракали. Отсюда до другаго острова $5^1/_2$ миль.

«9-го, до острова *Базавлукъ*, при рукавѣ Днѣпра у Чертомлыка (Dortomlek), или, какъ они выражаются, при чертомлыкскомъ Днѣприщѣ (dartimleczkim Nepriszcie), около 2 миль. Здѣсь находилась тогда сѣчь казаковъ, которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій»[16]).

Такъ какъ Ласота пробылъ тамъ цѣлыхъ три недѣли и имѣлъ удобный случай близко ознакомиться съ внутреннимъ и внѣшнимъ дѣлами Запорожцевъ, и все что онъ у нихъ видѣлъ и слышалъ не упустилъ занести добросовѣстно въ свой дневникъ, то этотъ послѣдній представляетъ несомнѣнно важнѣйшій источникъ для исторіи казаковъ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка.

Обратный путь изъ сѣчи, описываемый Ласотою также подробно, онъ совершилъ также рѣчнымъ путемъ вверхъ по рѣкѣ до Хортицы, откуда онъ по правой сторонѣ Днѣпра отправился сухимъ путемъ. Я привожу также это мѣсто изъ дневника, отчасти потому, что въ немъ встрѣчаются многія географическія названія, которыя я въ примѣчаніяхъ къ русскому переводу записокъ Ласоты не успѣлъ вполнѣ разъяснить.

Сказавъ, что онъ 2-го Іюля вмѣстѣ съ запорожскими посланниками Сашкою Ѳедоровичемъ и Никифоромъ отплылъ

---

[16]) См. Путевыя Записки Эриха Лассоты и проч. Перев. и примѣч. Ф. Брунa. С.-Пб. 1873, стр. 29 и 30.

изъ Базавлука на турецкомъ сандалѣ и проч., Ласота продолжаетъ:

«Въ тотъ-же день мы проѣхали мимо *Мамай-сурки* (Mamaisor), древняго городища *или* валовой насыпи (Wahlstadt) древняго замка находящагося на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки *Бѣлозерки*, идущей изъ татарской степи и образующей, предъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ, озеро, при которомъ также есть городище и валовая насыпь (Wahlstadt) древняго большаго города[17]). Item, прошли мимо *Каменнаго затона*, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь Татары имѣютъ обыкновеніе переправляться чрезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ; здѣсь также производится у нихъ выкупъ (Odkup) плѣнныхъ и начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе. Затѣмъ, дошли до *Микитина-рога* (Mikitin K(?)oh) на лѣвой, русской сторонѣ и немного выше до небольшаго острова, гдѣ переночевали.

«3-го Іюля, прошли мимо *Лысой горки* (Lisa gura), на лѣвой, русской сторонѣ и *Толстыхъ песковъ* (Tausti piski), большихъ песчанныхъ горъ, на сторонѣ татарской. Затѣмъ, тотчасъ, миновали устье конскихъ водъ (Usczie Konske Wody), гдѣ рѣчка Конская, идущая изъ татарской степи, изливается въ Днѣпръ, послѣ того какъ она и выше нѣсколько разъ уже соединялась съ озерами и рукавами Днѣпра, отъ которыхъ, а затѣмъ и отъ самаго Днѣпра, снова отдѣлялась. Item, миновали три рѣчки, именуемыя *Томаковками*, которыя текутъ въ Днѣпръ съ русской стороны и впадаютъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ, называемый N. Затѣмъ прошли мимо *Конской-Подпольной* (Przepoyna), гдѣ рѣчка Конская сливается съ озерами Днѣпра, на

[17]) См. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. IV. стр. 143.

татарской сторонѣ, насупротивъ *Червонной-горки* (Chrwora gura), находящейся на русской сторонѣ; мимо *Аталыковой долины* (Atalihowa dolina), тоже на татарской сторонѣ; далѣе, миновали *Siedny Maiaky* (Семь маяковъ?) или каменныя статуи (т. н. каменныя бабы или маяки Малороссіянъ), числомъ 20 (?), которыя находятся на татарской сторонѣ и стоятъ на курганахъ или могилахъ (теперь ихъ уже нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ протекаетъ рѣчка Маячка); прошли затѣмъ мимо двухъ рѣчекъ, *Карачокракъ* и *Янчокракъ*, идущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны и мимо стоящей насупротивъ, на русской сторонѣ, Бѣлой-горы (Bialogura, нынѣ Бѣленькая, см. выше). Item прошли передъ Конской, которая здѣсь впервые соединяется съ Днѣпромъ и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ островъ, на которомъ находится древнее городище *Kurzemal.* Item шли передъ другимъ островомъ, *Дубовый градъ* (Dubowihrad, нынѣ Дубовый), такъ названный по большому дубовому лѣсу. Затѣмъ переплыли чрезъ *Великую Забору* (Belikowa Zabora), которая есть ничто иное, какъ островъ и каменистая мѣстность на русской сторонѣ, походящія на порогъ. За нимъ недалеко представился намъ другой островъ, на которомъ мы провели ночь, проѣхавши всего 9 миль.

«4-го іюля, прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ *Московками* и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, откуда до острова *Хортицы* 1 миля; длина этого острова, лежащаго на русской сторонѣ, 2 мили; затѣмъ пристали къ берегу ниже близлежащаго острова *Малой Хортицы*, гдѣ лѣтъ тридцать назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ Турками и Татарами; близь сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ.»[18]).

Изъ этого отрывка дневника видно, что *Дортомлекъ* Лассоты есть только измѣненное Чертомлыкъ, тѣмъ болѣе, что въ

---

[18]) Пут. Зап. Лассоты, стр. 51, 53.

вышеупомянутомъ письмѣ Запорожцевъ къ римскому императору то самое мѣсто называется *Чортомлекъ*.

Далѣе мы узнаемъ отъ Ласоты, что крѣпость на *маломъ* островѣ Хортицѣ была таже, въ которой Вишневецкій не могъ удержаться; поэтому мы не ошибемся, признавъ развалины этой крѣпости въ вышеупомянутыхъ укрѣпленіяхъ, сохранившихся еще отчасти на маломъ островѣ Хортицѣ.

Едва-ли Ласота успѣлъ бы склонить Запорожцевъ принять предложеніе императора, если бы они тогда уже не были вынуждены попытаться съ помощью оружія сложить свою зависимость отъ Польши, а именно потому, что слабый и фанатическій король Сугизмундъ III не довольствовался стѣснять ихъ въ политическомъ отношеніи, но предоставилъ іезуитамъ принудить ихъ къ принятію уніи съ католическою церковью, не обращая вниманія на то, что Запорожцы постоянно оказывались вѣрными и усердными послѣдователями православной греческой церкви.

Что-же касается острова Хортицы, то кажется, что обитатели его еще долго спустя, не смотря на ихъ привязанность къ вѣрѣ своихъ предковъ, признавали верховную власть польскаго короля. По крайней мѣрѣ мы находимъ въ книгѣ князя Мышецкаго (68) замѣтку, что во время войны Россіи съ Польшею запорожскій «воинъ» по имени Сагайдачный построилъ на островѣ «фортецію». Мы вѣроятно не ошибемся, принявъ что этотъ воинъ могъ быть тотъ знаменитый атаманъ, въ честь котораго лѣсокъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кичкаса, еще нынѣ называется *Сагайдакъ* [19]), тогда какъ его слава воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ, которыя сохранились еще у потомковъ его сподвижниковъ.

Дѣйствительно время его управленія (около 1600—1620 г.) было самою блестящею эпохою въ исторіи Запорожцевъ и ихъ борьбы съ Турками и Татарами. Подъ его предводительствомъ эти славянскіе викинги ежегодно смѣло отправлялись на сво-

[19]) Запорожская старина, II, стр. 110.

ихъ небольшихъ судахъ въ Черное море, разрушали или сожигали прилежащіе къ нему города и возвращались обыкновенно нагруженные богатою добычею домой, или плывя вверхъ по Днѣпру, или пройдя изъ Кальміуса сухимъ путемъ до Самары. Такъ они взяли и разрушили въ 1606 году турецкую крѣпость Варну и разбили турецкій галерный флотъ въ большомъ морскомъ сраженіи; уже годомъ позже разбили они на голову Татаръ вблизи Перекопа, такъ что самъ ханъ искалъ свое спасеніе въ бѣгствѣ въ Константинополь. Въ 1608—9 гг. они совершили удачныя нападенія на сѣверный берегъ Малой Азіи; взяли приступомъ въ 1608 году Каффу, освободили многихъ христіанъ, которые тамъ содержались въ плѣну, и разрушили городъ Гёзлеве (Козловъ, Евпаторія). Въ 1615 году они снова предприняли походъ въ Малую Азію и захватили въ темную ночь важный портовый городъ Синопъ[20]).

Но Сагайдачный отличился не только въ этихъ морскихъ походахъ, предпринятыхъ имъ самимъ; онъ принималъ участіе съ своими казаками также въ войнѣ Поляковъ съ Турками, которая возгорѣлась вскорѣ спустя и стоила жизни какъ знаменитому польскому гетману Жолкѣвскому, такъ и атаману Сагайдачному, съ той разницей, что первый послѣ несчастнаго для него сраженія при Цецорѣ (1620 г.) долженъ былъ бѣжать, но преслѣдовавшими его Турками былъ убитъ вблизи Могилева на Днѣстрѣ, тогда какъ Сагайдачный, одержавъ въ слѣдующемъ году у Хотина большую побѣду надъ Турками, былъ притомъ тяжело раненъ и скончался отъ этихъ ранъ въ Кіевѣ, куда онъ былъ по его желанію перевезенъ и погребенъ въ церкви богато одареннаго имъ монастыря[21]).

Въ высшей степени любопытное и подробное описаніе подобныхъ морскихъ экспедицій и средствъ, дававшихъ Запорожцамъ возможность атаковать на Черномъ морѣ турецкіе трехъ-мачтовые корабли, и даже заставлявшихъ падишаха опа-

---

[20]) Ср. Evliya-Efendi, Narrative of travels, II стр. 37.

[21]) Сборникъ матер. для топогр. Кіева, 1874, стр. 38.

саться за свой Стамбулъ, составилъ вышеупомянутый, находившійся на польской службѣ, французскій инженеръ *Боплант*. Для нашего предмета его книга потому еще важнѣе, что авторъ въ ней описываетъ свой путь чрезъ пороги, причемъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расходится съ своимъ предшественникомъ Ласотою и уже по этой причинѣ мы не можемъ пройти его извѣстія молчаніемъ. Такъ послѣ описанія 13 порога, называемаго имъ также Вольнымъ, у него слѣдующее мѣсто:

«На разстояніи пушечнаго выстрѣла ниже его видѣнъ небольшой скалистый островъ, называемый казаками *Kaczawanicze*, что означаетъ варить кашу изъ проса, чѣмъ они хотѣли выразить свою радость о счастливомъ миновaніи пороговъ; оттого они подобные случаи празднуютъ на этомъ островѣ, причемъ главнымъ образомъ угощаютъ просомъ».

Здѣсь слѣдуетъ у Боплана сообщенное выше въ извлеченіи описаніе окрестностей Кичкаса, послѣ чего онъ продолжаетъ:

«Въ полъ-мили оттуда начинается островъ *Хортица*; но такъ какъ я по этой сторонѣ не былъ дальше, то я могу передать только то, что я узналъ отъ другихъ, что я впрочемъ выдаю за не вполнѣ достовѣрное. Говорятъ, именно, что островъ имѣетъ большое значеніе, имѣя высокое и величественное мѣстоположеніе и будучи почти вездѣ окруженъ отвѣсными скалами, и слѣдовательно безъ большихъ доступовъ; онъ имѣетъ двѣ мили въ длину и полъ-мили, въ особенности въ верху, въ ширину, ибо онъ постепенно суживается и понижается къ западу; онъ не подверженъ наводненіямъ, имѣетъ много дубовъ, былъ бы очень пригоденъ для обитанія и для наблюденія за Татарами. Ниже этого острова ширина рѣки замѣтно увеличивается [22])».

На какомъ островѣ Запорожцы, миновавъ пороги, варили кашу, мнѣ не ясно. Не имѣлъ-ли Боплант здѣсь въ виду небольшой островъ лежащій ниже пороговъ, нынѣ извѣстный подъ

[22]) Beauplan, Beschr. d. Ukraine etc. Breslau 1780, стр. 29, 31.

именемъ *Вербовъ-островъ*[23]), такъ какъ мнѣ кажется, что никакой другой островъ въ означенной Бопланомъ мѣстности вовсе не существуютъ.

Что Боплань не совершилъ отъ близлежащаго Кичкаса поѣздки на гораздо болѣе важный островъ Хортицу, я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что онъ не могъ рискнуть на это потому, что обитатели острова въ то время уже ничего не хотѣли знать о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, т. е. гораздо раньше чѣмъ они соединились въ политическомъ отношеніи съ Русскими, сохранивъ притомъ предоставленныя имъ Стефаномъ Баторіемъ права и привилегіи[24]).

Съ тѣхъ поръ на островѣ Хортицѣ не произошло никакихъ замѣчательныхъ событій до того времени, когда многіе Запорожцы присоединились къ измѣнннику Мазепѣ, что̀ имъ дорого обошлось. Такъ послѣ осады и снесенія до основанія ихъ сѣчи императорскими войсками, они не нашли ничего лучшаго, какъ переселиться ниже по Днѣпру около Каменки, чтобы оттуда вскорѣ спустя перейти къ Алешкамъ (противъ нынѣш. Херсона), не подозрѣвая что судьба ихъ тамъ будетъ незавидною.

Во время трудныхъ дней прожитыхъ ими тамъ, русскіе полководцы имѣли не разъ случай убѣдиться въ стратегической важности острова Хортицы. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не ускользнуло отъ знаменитаго инженеръ-генерала графа Мюниха. Иначе онъ, послѣ завладѣнія Очаковымъ въ 1738 году, не удержалъ-бы всю армію и флотъ долго на островѣ и не потерялъ-бы времени, чтобы на немъ построить сильную крѣпость: «великій ретраншементъ со многими редутами и флешами».

Въ постройкахъ этихъ конечно болѣе или менѣе участвовали Запорожцы, такъ какъ они уже нѣсколько лѣтъ прежде оставили Алешки и съ дозволенія императрицы Анны основали

---

[23]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. III, 491.

[24]) Универсалъ Богд. Хмѣльницкаго, ср. Скальковскій, ук. соч. I стр. 3.

нѣсколько верстъ ниже ихъ прежней сѣчи при Чертомлыкѣ—*Новую сѣчь*.

Безъ сомнѣнія островъ Хортица снова входилъ въ ихъ владѣнія; по крайней мѣрѣ тамъ находился въ 1767 году одинъ изъ ихъ пикетовъ (бекеты), тогда какъ изъ вышеприведенной грамоты 1765 года мы усматриваемъ, что заступавшій атамана представилъ своему начальнику, находившемуся тогда въ С.-Петербургѣ, докладъ о пріѣздѣ губернатора на Хортицу.

Съ взятіемъ сѣчи генераломъ Тэкели въ 1775 г. и введеніемъ новаго административнаго дѣленія ея области, должны были произойти конечно и измѣненія на островѣ Хортицѣ. Совершенно другая дѣятельность наступаетъ въ немъ съ 1788 года, когда императрица Екатерина соизволила предоставить Хортицу части переселившихся изъ западной Пруссіи въ южную Россію т. н. «Taufgesinnte» или послѣдователей фрисландскаго реформатора Менно Симониса.

Потомки этихъ миролюбивыхъ и трудолюбивыхъ меннонитовъ, которымъ островъ и нынѣ принадлежитъ, находятся въ своемъ новомъ отечествѣ такъ хорошо, что они, при всей своей привязанности къ образу жизни и обычаямъ своихъ отцовъ, должны быть имъ всегда благодарны за то, что эти послѣдніе, пользуясь дозволеніемъ императрицы, приняли, въ то время казавшееся смѣлымъ, рѣшеніе перенести свои пенаты съ янтарнаго берега на нынѣшнее ихъ эльдорадо—къ порогамъ Днѣпра, бушеваніе которыхъ еще недавно передъ тѣмъ сопровождалось звуками пѣснопѣній о подвигахъ украинскихъ витязей.

УКАЗАТЕЛЬ

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ

А.

Абдорравакъ, II 180.
Абдулъ-Гази, I 114.
Абулгази-ханъ, II 172, 184.
Абульфеда, I 22, II 136, 143, 144, 182, 271, 275, 313.
Абулъ-Магазинъ, II 252.
Августинъ, еписк. солд., II 152, 154.
Авзакъ (d'), I 115.
Авреліанъ, имп., I 267, II 193.
Агачь-пасли, II 144.
Адамадиръ, I 202.
Адамъ Бременскій, II 293.
Адашевъ, Дан., I 27.
Аделунгъ, II 369.
Адорно, Габріэло, I 226.
Адріанъ, имп., I 44, II 191.
Акрополита, II 332.
Алотей, II 203.
Александръ, молд. госп., II 356.
Александръ Македон., I 50, 243, II 97, 194.
Александръ, болг. ц., I 204, II 333.
Александръ de Caffa, I 231.
Александръ, діакъ, II 289.
Александръ, плем. Ольг., I 171.
Алексій, влад. Ѳеодоро, I 226, 238, II 230, 232.
Алексій I Комнинъ, I 21, II 133.
Алексій III. визан., I 195, II 134.
Али-Мохтаръ, II 343.
Алусіанъ, II 206.
Альберикъ, мон., II 175.
Амадей Савойскій, II 334, 335.
Амміанъ Марцеллинъ, I 47, 56, II 11, 19, 197.
Аншаспанды, II 123.
Андрей, апост., II 125, 212.
Андроникъ I Гида трап., II 133.
Андроникъ II визан., I 168, 206, 268, II 359.
Андроникъ III Младшій визан., II 359, 360, 362.
Андроникъ Палеологъ визан., II 338.
Анна, имп. русск., II 378.
Анна, царица, I 121, II 128.
Анна Комнина, I 19.
Анна Савойская, II 326.
Антонинъ, архим., I 190.
Антонинъ Медіоланскій, II 337.
Антоній, архіеп., II 289, 290.
Антоній Гиберъ, I 7.
Аполлоній, I 57.
Аполлодоръ, I 246.
Арабшахъ, II 171, 186, 282.
Аргунъ, илх., I 214.
Ардибегештъ, II 123.
Аристотель, II 88.
Аріапейеъ, скиѳ. ц., I 242.
Аркасъ, I 61.
Арріанъ, I 50, 53, 54, 73, 146, 162 II 6.
Артемидоръ, I 5.
Артемьевъ, II 171.

Арцыбышевъ, I 112, 115, 126, 133, II 16.
Асандръ, восп. ц., II 50, 301, 303.
Аскольдъ, I 105.
Асохигъ, II 206.
Асѣнь I, I 268.
Асѣнь II, II 360.
Атанарихъ, II 198, 203.
Аттила, II 204.
Ахматъ, I 117, II 282.
Ахмедъ-эль-Катибъ, II 220.
Аѳанасій Св., II 151, 195.

В.

Баберъ, султ., II 184.
Баварскій географъ, II 223.
Багратиды, II 288.
Баламберъ (Баламиръ), II 201.
Баликъ, арх. Карбоны, II 326.
Бальты, II 197.
Барбаро, I 85, 117, 144, 232; II 135, 137, 236, 251, 281, 289, 359.
Барбери, Антонъ, II 334.
Барбейракъ, II 304.
Бардъ Склеръ, II 209.
Баратинскій кн., I 68.
Баскарель, I 215.
Басараба Ив., валашск. воев., II 361.
Батбай, II 329.
Батый, II 142, 272, 355.
Баязетъ, ног. кн., II 55.
Баязитъ, султ., II 235.
Байеръ, I 14.
Бегилъ-бога, II 357.
Безъименный авторъ перипла, II 16, 124, 244, 248.
Беккеръ П., I 4, 5, 6, 40, 62, 66, 68, 69, 149, 163, 165; II 14.
Бёкъ, I 244; II 261.
Бека II, вельм. груз., I 214.
Бекъ-Гаджи, I 173.
Бела, кор., I 116.
Бенинказа, Граціозъ, I 77.
Бергманъ, II 39, 40, 43.
Бергъ, баронъ, I 147.
Беребиста, ц., I 161, 245.
Березинъ, I 115, II 135, 168, 295.
Бержеронъ, I 81.
Берке, ханъ, II 136, 274, 333.
Беръ, II 85.
Беръ, абх. кн., II 208, 329.
Бибарсъ, II 136, 274.
Бирдибекъ, I 210.
Біанко, Андр., I 5, 75, II 353, 369.
Бланкеннагель, II 179.
Бларамбергъ, I 62, II 51, 179, 299.
Блау, I 144, II 227, 317.
Богданъ, черкаск. воев., I 180.
Болтинъ, I 117.
Бонифацій, мон., II 152.
Бонифацій IX, папа, II, 152.
Бопланъ, I 98, 154, 183, II 80, 86, 217, 377, 378.
Борисъ, II 331.
Боргезе, I 8.
Боэмундъ, I 192.
Бравалинъ кн., II 127, 128, 224.
Броневскій (Броніовій), I 70, 79, 153, 175, 226, II 151, 155, 235.
Брюховъ Ив., I 186.
Бузбекъ, баронъ, I 83, II 237, 240.
Бузлукъ, II, 357.
Булакъ, хаз. царь, II 327.
Бунза, имх., II 176.
Бурачковъ, I 147.
Буревичъ, I 161.
Буэ, I 35.
Бюшонъ, I 75, II 60.
Бѣляевъ, I 102, 106, II 129, 226.
Бърдокуба, II 350.
Бэръ, I 135, II 87.

В.

Вагнеръ, II 250.
Валадамара, II 204.
Валентъ, имп., I 41, II 202.
Валеріанъ, имп., II 189, 192.
Валерій Флаккъ, I 12, 58, II 166.
Валькеноръ, I 75.
Вальдемаръ I, II 293.
Вальдемаръ II, II 292.
Василій II, имп. виз., I 268, II 138, 331
Василій Іоанновичъ, I 117, II 235, 369

Василій Ѳедороканъ, I 192.
Васильевскій, В. Г., I 26, 37, II 196, 216, 219, 225, 226, 311, 332.
Ватацесъ, Леонъ, I 268.
Введинскій, II 252.
Веденятинъ, I 187.
Венелинъ, I 19, 35.
Веніаминъ Тудельскій, I 268.
Верзахтъ, зихск. кн., I 205, II 323.
Вернель, I 36.
Вертильякъ, II 67, 68.
Веселингъ, II 304.
Весконте, Петръ, I 74, II 212, 358.
Веспасіанъ, имп., I, 8.
Вивіенъ де Сенъ-Мартенъ, II 41, 199.
Вильгардуэнъ, II 321.
Витимеръ, II 201.
Витольдъ, I 156, 172, 174.
Витсенъ, I 88, II 217.
Вишневецкій, II 370, 374.
Віеро, Ѳед., I 76.
Владиміръ Мономахъ, I 112, II 131.
Владиміръ Святой, II 128.
Владиміръ Ярославичъ, I 192.
Владиславъ II, I 174.
Владиславъ III, I 182, II 334.
Волковъ, II 153.
Володарь, кн. минск., II 293.
Востоковъ, II 128.
Воронцовъ кн., I 139.
Вулодимосъ, I 43.
Вульфила, II 195, 196, 202.
Вутке Г., I 74.
Вяземскій кн., I 195.

Г.

Гаджи-Герай, I 232.
Гаджи-Хальфа, I 119, II 233.
Газанъ, илх., I 214.
Газе, I 113, II 216.
Галеаццо, Іоаннъ, I 214, 235.
Галенъ, имп., I 8, II 192.
Гамель, II 369.
Гаммеръ, I 50, 238, II 172, 185, 186, 353.
Ганзенъ, II 5, 14, 23, 84, 85.
Гаральдъ, I 192.
Гаральдъ Гилле, II 292.
Гартензонъ, I 26.
Гаттереръ, II 36.
Гварко Румбальдо, II 149.
Гвидо, географъ, II 19.
Гвизольфи, Симмоне де, II 323.
Гедеоновъ, I 128, 216, 220, 222, 225, 287.
Гедигольдъ, губ. Подоліи, I 175.
Гейдъ, I 122, 189, 194, 206, 227, II 130, 141, 227, 271.
Геренъ, II 5.
Гельмольдъ, II 293.
Гёль, II 7.
Гельмерсенъ, II 57.
Генезій, I 265.
Генрихъ I, II 219.
Генсъ, II 180.
Георгіевскій, II 33.
Георгій Св., еписк., II 127.
Георгій, плем. Ольг., I 171.
Георгій Тертерій, II 358, 359.
Георгій Цула, II 225.
Гепценъ, I 6.
Гераклитъ, I 8.
Герберштейнъ, I 181, II 131, 324, 369.
Геродотъ, I 12, 40, 49, 72, 95, II 1, 2, 6, 13, 16, 19 — 25, 28, 31, 39, 44, 49, 50, 73, 78—80, 86, 87, 91, 100, 102, 299.
Герцъ, II 266.
Гёте, I 36.
Гетумъ, прав. Синопа, I 171.
Гиббонъ, I 30, II 96.
Гилліусъ, Петръ, I 29.
Гильфердингъ, I 24, II 206, 327.
Гинкмаръ, II 219.
Глѣбъ, кн., I 121.
Головкинскій, Н. А., II 169.
Гоммеръ де Гелль, I 74, 75.
Гопфъ, I 195, 210, 265.
Горбола (Горгора), II 251.
Гордъ, ц., II 318.
Горзево, см. Торчело.
Горскій, II 129.
Горчаковъ кн., II 345.

Грефе, II 51, 299.
Григорій, еп. неокес., II 195.
Григорій, Θеологъ, II 289—291.
Григорій Св. Вел. Армен., II 290.
Григорій, священ., II 138.
Григоровичъ, В. И., I 167.
Григорьевъ, II 187, 271, 276, 279, 297, 303.
Гримальди, Бенедетто, I 228.
Гриммъ, I 40, 166, II 194, 256, 261.
Гроскурдъ, I 12, 264.
Гуйгурсисъ, Зах., I 214, 216.
Гумбольдтъ, II 179.
Гюльденштедтъ, I 82.

Д.

Давидъ Игоревичъ, I 94, 192.
Давидъ Комнинъ, II 232.
Дальманъ, II 293.
Даміанъ, II 229.
Данвиль, II 5.
Дандоло, дожъ, I 46, 204.
Даніилъ, игум., I 193.
Дарій, I 48, 53, II 92, 98, 100, 104.
Дашкевичъ (Дашковъ), I 179, 180, II 370.
Девлетъ-Герай, II 370.
Дегинь, II 199.
Декеней, I 255.
Демоль, I 3.
Десимони, I 229, II 150.
Деферми, II 321.
Децебалъ, I 161, 245.
Децій, II 189.
Джанибекъ, I 209, 229, II 172, 272, 283.
Джебе-ноянъ, II 133.
Дженкинсонъ, II 179, 184.
Джиролямо, мон., I 203.
Джіоіа Флавіо, I 170.
Джоджикъ, II 209.
Димешки, I 109.
Дмитрій Ростовск. Св., I 18.
Димосъ, эмиръ тур., I 220.
Диффенбахъ, II 239, 244.
Діодоръ, I 52, II 79, 166, 303.
Діонъ, I 8, 146, 161, 245, II 11, 21.
Діоскоридъ, I 261.
Діофантъ, I 68.
Длугошъ, II 356.
Дмитрій, полковод., I 171.
Дмитрій Шемяка, II 186.
Добровскій, II 287.
Добротичъ, I 221, II 326, 334, 337, 338.
Долгорукій-Аргутинскій, II 138.
Доминіанъ, I 42, 46, 245.
Дорпаней, I 161.
Доссонъ, I 109.
Дройсенъ, I 52.
Дромихетъ, готск. ц., I 243.
Думшинъ, II 17, 22, 31, 53.
Дункеръ, II 34, 85.
Дюбрюксъ II 242, 306.
Дюбуа, I 65, 68, 227, II 57, 70, 124, 209, 210, 265, 351.
Дюканжъ, I 29, 89, 95.

Е.

Евгеній IV, II, 152.
Евсевій, еп., II, 196.
Екатерина, имп., II, 379.
Епифаній, пр., II, 211.
Ескевичъ, Мих., I, 133.
Ескевичъ, II, 370.
Еферій Терсонск. или Херс. I, 15, 16.

Ж.

Жолкѣвскій, II 376.

З.

Замолксисъ, жр., I, 255.
Зеленый графъ, см. Амадей Савойскій.
Земархъ, посл., II, 257.
Зенонъ, имп., II, 204.
Зосима, іерод., II, 289, 290.
Зотовъ, II 48.

И.

Ибнъ-Батута, I, 130, II. 142, 144, 171, 183, 228, 271, 277, 322.

Ибнъ-Гаукалъ, I, 112.
Ибнъ-Даста, II, 320, 321.
Ибнъ-Саидъ, I, 123, II, 143.
Ибнъ-Фозланъ, I. 109.
Ибнъ-эль-Атиръ, II, 133.
Ибрагимъ, султ. II, 290
Ивайло, гаид., II, 350, 352.
Иванко, II, 337.
Ивановъ, войск. толм., I, 186.
Ивановъ, Романъ, I, 188.
Иванъ Мирче, валахск. воев., II, 338.
Иванъ Русскій, II, 359, 360, 362.
Игнатій, дьяк., I, 207, II, 289, 290.
Игорь, I, 28, 101, II, 128.
Идапирсъ, скиѳ. ц., I, 242.
Изяславъ Мст. Галицкій, I, 198, II, 209.
Иловайскій, II, 218, 221, 224.
Илья, Св. прор., II, 322.
Иннокентій IV, I, 116.
Иннокентій, Херсонскій, II, 211.
Интеріано, II, 234.
Ираклій, II, 287.
Ирбасси, II, 357.
Иречекъ, I, 47, II, 317, 325, 361.
Исайко, II, 232.
Исаковъ, II, 363.
Искурій, II, 248.
Исленьевъ, I, 3.
Исмиръ-огли, II, 337.
Исмлакъ-огли, II, 337.
Иццединъ, султ., II, 142, 333.

К.

Іероклъ, I, 39.
Іеронимъ, Св., II, 309.
Іоаннъ, II, имп. виз., II, 134.
Іоаннъ XXII, папа, I, 203, II, 143.
Іоаннъ Александръ, болг. царь, I, 46, 220, II, 362.
Іоаннъ Альбрехтъ, польск. кор., I, 156.
Іоаннъ Асѣневичъ, иннмый, II, 350.
Іоаннъ, болгарск., I, 269.
Іоаннъ Васильевичъ, II, 232.
Іоаннъ Гренлавъ, мон., II, 154.
Іоаннъ, домин., II, 152.
Іоаннъ Златоустъ, II, 208.
Іоаннъ Ласкарисъ, имп. Ник., II, 349.
Іоаннъ Кантакузенъ, I, 210.
Іоаннъ Палеологъ, II, 334.
Іоаннъ, Св., еп. готѳ., II, 128, 129, 215.
Іоаннъ, Св. Предтеча, II, 311.
Іоаннъ Сенекеримъ, II, 138.
Іоаннъ Цимисхій, I, 101.
Іонъ, монахъ, II, 292.
Іорнандъ (Іорданисъ), I, 41, 256, II, 19, 197.
Іосифъ Флавій, I, 255.

К.

Казани, Піетро, I, 228.
Казарето, II, 149.
Казвини, II, 182.
Казиміръ III, I, 179.
Казиміръ IV, I, 235.
Калева, II, 292, 293.
Каликстъ IV, папа, I, 234.
Кальбицъ, I, 154.
Кальпурній, Элій П., I, 8
Камалъ, II, 235.
Каменецъ, Карлъ, комм., I, 187.
Кампора, еп., II, 154.
Канале, I, 190.
Кантакузенъ, II, 326.
Кантемиръ, II, 355.
Капитонъ, Св. I, 17.
Кара-Булатъ, II, 143.
Каракалла, I, 7, II, 189.
Карамзинъ, I, 15, 20, 32, 101, 117, 126, II, 16, 132, 186, 273, 347, 353, 355.
Карауловъ, II, 241.
Карелинъ, II, 364, 365, 366.
Карлъ XII, I, 154, 157.
Кассіанъ, Преп., II, 231.
Катанчичъ, I, 258.
Катмеръ, II, 180.
Качубей, I, 171.
Кварквare, атабекъ, II, 251, 252.
Кедринъ, I, 20, 26, 192, II, 331.
Кедукъ-Ахмедъ-паша, I, 236, II, 155.
Кёлеръ, I, 27, 92, 244, II, 7, 51, 299 301, 303.

Кёппенъ, I, 190, 227, II, 13, 57, 69, 132, 147, 195, 211, 311.
Кильгра, султанъ, II, 343.
Кириллъ, Св., II, 224.
Кириллъ, митр., II, 274.
Кириллъ, архіеп., II, 349.
Кипертъ, I, 39, 277.
Кишикъ, II, 356.
Клавдій, имп. II, 193.
Клавихо, I, 220, 232, II, 178, 213, 289.
Клапротъ, I, 22, II, 4, 199.
Климентъ V, папа, I, 205.
Климентъ VI, папа, I, 202.
Кобякъ, I, 103.
Кольстеръ, II, 5, 14, 21, 84, 89, 243, 300.
Колычевъ, русск. пос., I, 180.
Комосарія, II, 303.
Кондаковъ, II, 256, 262, 266.
Кондараки, II, 37.
Константинъ Багрянородный, I, 17, 100. II, 205, 221, 286, 367.
Константинъ, болг. ц., II, 350.
Константинъ, имп., II, 369.
Константинъ Копронимъ, II, 127.
Константинъ Мономахъ, I, 192.
Константинъ, плем. Ольгерда, I, 171.
Константинъ, с. Мануила, II, 134.
Констанцій, имп., II, 202.
Контарини, I, 81, II, 251, 280.
Кордокубасъ, II, 350.
Корнисъ, мен., II, 69.
Костомаровъ, I, 112.
Котлогъ-Темиръ, I, 210.
Котянъ, ханъ, II, 355.
Котрагъ, с. Кубрата, II, 329.
Кохъ, II, 345.
Коцебу, II, 122.
Коэласъ, гетск. ц., I, 242.
Кромеръ, I, 181.
Крумъ, II, 206.
Крузе, I, 4, 50, 68.
Крюисъ, вице-адм., I, 207.
Ктезій, II, 100.
Кубратъ, ц., II, 316, 329.
Куникъ, I, 121, 256, II, 41, 99, 128, 133, 136, 194, 213, 216, 218, 225, 316, 317, 366.
Куртъ, II, 206.
Кутлубуга, I, 224, 235, II, 145.
Кутлубахъ, полковод., I, 171.

Л.

Лагусъ, I, 154.
Ладиславъ IV, I, 269, II, 355.
Лазаревскій, II, 304.
Ламбинъ, I, 105, II, 210, 216, 287.
Ламанскій, I, 127, II, 277.
Ламармара, ген. I, 229.
Лангле, I, 135.
Ланнуа, Гильб. де, I, 172, 174, 222, 232, II, 11, 173.
Ларше, II, 51.
Ласота, II, 217, 371, 372, 373, 375, 377.
Лаханасъ, II, 350, 353; см. Ивайло.
Левконъ, II, 304.
Левшинъ, II, 179.
Левъ Армянинъ, имп., II, 288.
Левъ Діаконъ, II, 128.
Левъ Исаврianинъ, II, 127.
Лелевель, I, 75, 93, 105, 109, 139, 144, 259.
Ленцъ, Р., II, 178.
Леонтьевъ, I, 140, 142.
Лербергъ, I, 15, 24, 28, 102.
Летронъ, II, 23.
Лизимахъ, врач. ц., I, 243.
Линднеръ, II, 13, 14, 31, 58.
Литтре, I, 4.
Ломеллино, Карлъ, I, 227, 233.
Лука, II, 151.
Луканъ, I, 58.
Людовикъ, кор. венгерск., II, 335.
Люценко, II, 266.

М.

Магогъ, II, 294.
Магометъ I, II, 340.
Мадай, II, 294.
Майковъ, I, 99.
Мазепа, I, 157, II, 378.

Максиминъ, I, 8.
Максимовичъ, II, 370.
Максимъ, митр. II, 297.
Макшеевъ, II, 181.
Мальсденъ, II, 46
Мамай, I, 226.
Маннертъ, I, 4, II, 31, 101, 301.
Мануилъ Комнинъ, II, 134.
Мануилъ, имп., I, 196, 268.
Мануилъ, II, 235.
Маніякъ, полковод. I, 192.
Мариніола, Іоаннъ, I, 203, II, 164.
Маріоне, Дж., II, 148.
Марія, II, 350.
Марія Луиза, эрцгерц. I, 75.
Маркіанъ, II, 42, 204.
Марко, болг. деспъ., II, 338.
Марко Кральевичъ, II, 338.
Марко-Поло, II, 163, 164, 171, 180, 274.
Мартынъ V, I, 231.
Марцеллинъ, I, 265.
Масманъ, II, 288.
Масуди, I, 108, II, 312.
Матвей Эдесскій, II, 140, 206.
Мацеіовскій, I, 163.
Мела, Помпоній, I, 13, 48, 58, II, 10, 18, 19, 73, 268.
Меліадуче Каттанео, II, 145.
Мельгуновъ, II, 177.
Менгли-Гирай, I, 180, 236, 239, II, 323.
Менгу Тимуръ, ханъ, II, 354.
Менке, I, 41.
Менно-Симонисъ, реформ. II, 379.
Менцель, I, 158.
Мерклинъ, I, 9.
Миклошичъ, I, 274.
Милленъ, I, 204.
Миллеръ, II, 257.
Миллингенъ, I, 44.
Митрофанъ, еп., II, 274.
Михаилъ, с. Шишмана, II, 359, 360, 369.
Михаилъ, ц., II, 362.
Михаилъ VIII, II, 349.
Михаилъ IX. I, 206.
Михаилъ Борисъ, ц. болг., II, 219.
Михаилъ Литвинъ, II, 288, 324.
Михаилъ Палеологъ, II, 134, 141, 325 338.
Михаилъ Тверской, II, 132, 143.
Михаилъ Черкашенинъ, I, 132.
Мицкевичъ, I, 259.
Могаммедъ Бухара, II, 343.
Моисей, II, 167, 310.
Моисей Хоренскій, I, 22.
Мокръ, II, 206.
Моммзенъ, I, 6, 10, 11, 41.
Монгъ, полковод. II, 129.
Мёнкэ, II, 295.
Монтенегро, Дж., II, 155.
Мстиславъ Влад., I, 113, 116, 119, II, 293.
Мстиславъ Роман , II, 367.
Мугила, ц. II, 318.
Мундавекъ, II, 204.
Мундіахъ, II, 204.
Мунхъ, II, 218.
Муравьевъ, I, 61, II, 179.
Муравьевъ-Апостолъ, II, 243.
Мурадъ, II, 338.
Мурзакевичъ, I, 41, 78, 84, II, 147, 311.
Мурчисонъ, II, 180, 184.
Мухамедъ, с. Гаджи-Байрамъ-Ходжа, I, 174.
Муса, II, 342.
Мышецкій, I, 127, 156, II, 47, 49, 64, 365.
Мѣховскій, Матвѣй, II, 351.
Мюлленгоффъ, I, 254, 259, 265, II, 32, 38, 40, 41, 42, 124, 163.
Мюллеръ, Карлъ, II, 244, 264, 267, 269, 270, 281.
Мюллеръ, Фр. I, 257.
Мюнних, II, 156, 378.

Н.

Надеждинъ, I, 3, 78, 101, 103, II, 5, 9, 12, 17, 20, 21, 22, 31, 53, 54, 63, 97, 300.
Невоструевъ, II, 172.
Нейманъ, Карлъ, I, 65, 67, 68, 164, II, 3, 7, 12, 14, 24, 40, 57, 74, 78, 124

Нейманъ, Карлъ Фридр., II, 39.
Неронъ, I, 8.
Несторъ, I, 105, 218, 265.
Нибуръ, I, 242, 244, II, 77.
Низаръ, I, 4
Нильсонъ, II, 34, 38.
Нилъ Доксопатрій, арх. II, 296.
Никаноръ, I, 51.
Никифоръ Григора, I, 213.
Никифоръ, патр. I, 145.
Никифоръ, II, 372.
Николай, Св. I, 193, II, 343.
Николай, исл. аб., II, 294.
Николай, папскій легатъ, I, 231.
Новаири, II, 353, 357.
Ногай, I, 117. II, 137, 351—354.
Нордманъ, I, 82.

O.

Овидій, I, 176, 259.
Овиній Тертуллъ, Л., I, 7, 8, 9.
Оденатъ, II, 192.
Ольгердъ, кн. I, 171, 173.
Олегъ, I, 167.
Оранъ-Тимуръ, II, 141.
Орда-Иченъ, II, 185.
Ортелій, II, 304.
Орханъ, султ. II, 342.
Отаръ или Откаръ, II, 204.

П.

Палаузовъ, Н., II, 345.
Палацкій, II, 199.
Палеологъ, М. Д., II, 14.
Палласъ, I, 61, 65, 82, II, 51, 156, 166, 283, 300, 304.
Парето, I, 75.
Пасквалини, Ник., I, 75.
Паскевичъ, II, 149.
Пасхаль, миссіон., II, 163, 279.
Паткановъ, II, 225.
Пахимеръ, II, 137, 354, 356.
Пеголотти, Бальд., I, 37, 131, 211, II, 183, 186, 271, 278.
Пейссонель, I, 3, 14, II, 46.
Перисадъ, II, 303.
Петахія, I, 120.
Петровъ, I, 10.
Петръ, болг., II, 332.
Петръ, бр. Асѣня, I, 268.
Петръ, епископъ. I, 217.
Пэшель, I, 169, II, 187.
Пименъ, II, 88.
Пицигани, братья Фр. и Домин. I, 74, II, 160, 164, 179, 284, 358.
Пиесй, II, 34.
Плано-Карпини, I, 198, II, 141, 257.
Платонъ, II, 76.
Плиній, I, 4, 5, 12, 49. 58, 95, 116, II, 18, 19, 43, 46, 77, 88, 245, 301.
Плоскиня, I, 116.
Плутархъ, II, 35.
Подберезскій, II, 288.
Полемонъ, ц. воспорск., I, 140, II, 243.
Потоцкій, I, 77, 93, 118, 128, II, 24, 55, 57, 73.
Пробъ, имп., II, 193.
Прокопій, I, 39, II, 208, 210, 257.
Протогенъ, I, 243.
Пруденцій, епископъ., II, 219.
Псевдо-Лаханасъ, II, 352.
Птолемей, I, 8, 13, 43, 50, 54, 58, 140, 246, II, 7, 8, 17, 18, 19, 88.

Р.

Равеннскій географъ, II, 19, 124, 223.
Радулъ, II, 361.
Райнальдъ, II, 139.
Рамаданъ, I, 210.
Раулинсонъ, I, 265, II, 33, 35, 40, 96, 180.
Раумеръ, Фр. II, 164, 167.
Рашидъ-Эддинъ, II, 133, 295.
Редеда, I, 119.
Рейхартъ, II, 109.
Рейхерсдорфъ, I, 177.
Реннель, II, 161.
Рено, I, 109, 125.
Рёслеръ, I, 244, 254, 258, 260, 277.
Ржевскій, дьякъ, I, 132.
Рибасъ, де, адм. II, 365.

Рибасъ, де, Ф. М., I, 187.
Риттеръ, II, 166.
Роберъ Гвискаръ, I, 192.
Рожеръ II, I, 191.
Роккафорте, I, 169.
Ростиславъ Михаил., I, 348.
Руа, II, 204.
Рубруквисъ, I, 32, 126, 198, 199, II, 69, 78, 80, 136, 137, 140, 182, 227, 252, 272.
Ругилъ, см. Руа.
Румянцевъ, Н. П. гр., I, 75.

С.

Саблуковъ, II, 272.
Савельевъ, I, 30, 31, II, 185.
Сагайдачный, II, 375, 376.
Сади-Салтукъ, II, 142, 343.
Санруджа, II, 357.
Салмоксисъ, см. Замолксисъ.
Салтанъ, с. «баковъ», II, 171.
Самватесъ, Симбатесъ, II, 288.
Сантаремъ, виконтъ, I, 74.
Санудо, М., I, 211, II, 137.
Самуилъ Анійскій, II, 206.
Самуилъ, болг., II, 206.
Самуилъ, ц. болг., II, 331.
Саси, Сильвестръ де, II, 145.
Сатиръ II, II, 303.
Сафракъ, II, 203.
Сашка Ѳедоровичъ, II, 372.
Сверриръ, II, 292.
Святополкъ Изяслав., II, 336.
Святославъ, вел. кн., I, 112, 143, 194, II, 331.
Святославъ, болг., I, 169, 220, II, 357, 358.
Святославъ, деспотъ, II, 349.
Сеадетъ-герай, I, 181.
Северъ Александръ, I, 8.
Сеидъ Лекманъ, II, 333.
Селимъ, султ., II, 235.
Семеновъ, I, 82, II, 281.
Семенъ Галицкій, I, 185.
Семенъ, Запорож., I, 154.
Семундерсонъ, Ник., пилигр. II, 291.
Сенарега, I, 223.
Септимій Северъ, I, 7, 8.
Серристори, гр., I, 74.
Сестренцевичъ, I, 3, 138.
Сигизмундъ I, I, 178.
Сигизмундъ III, II, 375.
Сиди-Ахмедъ, II, 186.
Сильванъ, Ти. Пл., I, 9, 56, 245.
Симокатта, Ѳеоф., I, 265.
Симеонъ, болг., II, 360.
Сирмъ, царь, I, 50.
Ситалкъ, ерак. ц., I, 242.
Скальковскій, I, 186, II, 363.
Скилаксъ, I, 13, 63, 70, II, 88, 242.
Скимнъ, I, 13, 57, II, 10, 16, 73, 88, 166.
Смильцъ, II, 354.
Смитъ, Ф., II, 99, 101, 102.
Собѣщанскій, I, 155.
Созоменъ, II, 195, 202.
Сократъ, II, 195.
Соловьевъ, I, 103, 127.
Соранцо, Дж., I, 200.
Сотерихъ, римск. агентъ, II, 319.
Софроній, II, 125.
Спаргапейѳъ, ц., I, 242.
Спасскій, I, 76, II, 46.
Спинола, Дж., I. 228.
Срацимиръ, II, 335.
Срезневскій, II, 186, 236.
Старковъ, II, 232.
Стемпковскій, I, 140, 162, II, 243.
Степанъ Васильевичъ, II, 231.
Стефани, II. 261.
Стефанъ Баторій, I, 183, II, 371, 378.
Стефанъ, Виз. II, 7, 11, 88.
Стефанъ, Молд., I, 216, 222, 239, II, 355.
Стефанъ Новгородскій, II, 289.
Стефанъ, сербск. кор., II, 362.
Стефанъ Сугдейскій, II, 126.
Страбонъ, I, 12, 13, 25, 33, 48, 49, 58, 60, 67, 72, 140, 142, II, 10, 18, 19, 43, 51, 95, 100, 101, 263.
Страбонъ, Валаѳридъ, II, 205.
Строгановъ, А., гр. II, 122.

Строгановъ, С. Гр., гр., I 191.
Струбе, акад., II, 219.
Стурдза, II 14.
Субудай, багадуръ, II, 133.
Сукцессіанъ, II, 190.
Сфенгъ, II, 129, 225.
Сѣневскій, Ник., I, 181.

Т.

Тага, с. Ногая, II, 354.
Тамерланъ, I, 231, II, 96, 152, 185, 282.
Тарханіотъ, Юрій, II, 235.
Тассо, I, 36.
Тастю, I, 75, II, 160.
Татищевъ, I, 113, 117, II, 186.
Тафель, I, 74, II, 239.
Тевдатъ, II, 209.
Тельферъ, II, 267.
Теодерихъ, II, 210.
Терещенко, II, 56, 65.
Террано, Сам., I, 232.
Тертерій Георг., II 326, 351.
Тетани, II, 214.
Тетбу де Мариньи, I, 38, 80, 83, 129, 140, 157, II, 233.
Тизенгаузенъ, II, 267, 304.
Тимосѳенъ, II, 77.
Тимуръ-Кутлукъ, I, 173, II, 135.
Тинибекъ, II, 283.
Титмаръ, II, 293.
Тохтагу-ханъ, I, 201, II, 143, 284, 352, 353, 357.
Толактемиръ, I, 205, II, 143, 144, 323.
Томасъ, I, 169.
Томашекъ, II, 307.
Томсенъ, II, 287, 295, 367, 368.
Торсело, конс., I, 229, II, 147.
Тохтамышъ, I, 173, 231, II, 213, 214.
Траянъ, I, 246, II, 191.
Тунманъ, I, 106, 172, 174, II, 243, 311.
Тьерри, II, 33.
Тэкели, ген., II, 379.

У.

Уваровъ, гр., I, 153, 155, II, 65.
Угедай, II, 295.
Узбекъ, ханъ, I, 179, II, 132, 143, 176, 228.
Узунъ-Гассанъ, II, 252.
Укертъ, I, 4, 48, 77, 244, 303.
Унила, еп., II, 206.
Урбанъ II, I, 193.
Успенскій, Ѳ., II, 355.

Ф.

Фалькмерайеръ, I, 265.
Фармалеони, I, 75, 76, 229.
Фесслеръ, I, 24.
Фидій, II, 191.
Филаретъ, II, 231.
Филиппъ II, Македон., I, 242.
Филиппъ VI, франц. к., I, 204, II, 137.
Филиппъ Бург., II, 234.
Филосторгій, II, 196.
Фіески, Фр. де., II, 324.
Флиско Лаванн, II, 149.
Флоренсовъ, II, 70.
Форбигеръ, I, 41, II, 303.
Фотій, II, 196, 221.
Фра-Мавро, II, 285, 369.
Франко, архіеп., I, 204.
Франческо, домин., I, 204, II, 323.
Фредуцій, I, 77.
Френъ, I, 31, II, 186.
Фритигернъ, II, 199, 202.

Х.

Хабаръ Симскій, I, 119.
Хаздай-бенъ-Исаакъ, рабби, I, 26.
Халкокондилъ, Л., I, 233, 268.
Ханыковъ, II, 182, 213.
Хвольсонъ, II, 32, 273, 321.
Хондемиръ, I, 225, II, 172.

Ц.

Цейсъ, I, 244, II, 40.
Целларій, II, 13.
Циммерманъ, II, 179.
Цицикій, см. Дюдикъ.
Цула, намѣстн., II, 321.

Ч.

Чакасъ, с. Ног., I, 169, II, 354.
Чацкій, I, 182.
Чекалевъ, II, 37.
Черкасъ-Бекъ, I, 224.
Черкесъ-Бекъ, II, 145, 172.
Чертковъ, I, 77, 255, 258, 265, II, 64.
Чиврано, I, 209.
Чигала, Кор. II, 149.
Чикала, Карло, II. 154.
Чингисханъ, II, 96, 160
Чирковъ, подполк., I, 156.

Ш.

Шапарцъ, атам. I, 186.
Шарденъ, I, 134.
Шармуа, II, 282.
Шарукань, II, 131, 226.
Шафарикъ, I, 31, 103, 244, 258, II, 197, 199, 222.
Шахъ-Рохъ, Султ., II. 180.
Шегренъ, II, 201.
Шейбанъ, сынъ Джучія, II, 172, 185.
Шемсъ-эддинъ, I, 109.
Шемшеменъ, II, 356.
Шереэъ-эддинъ, II, 214, 296.
Шигъ-Айдаръ, ц. I, 180.
Шильтбергеръ, I, 207, 219, 230, 232, II, 236, 344.
Шиенеръ, II, 40, 201.
Шишманъ, Мих., десп Видинск II, 358.
Шишманъ, ц. болг., I, 206, II, 334, 338, 362.
Шлецеръ, I, 14, 15, 28, 87.
Шмитъ, I, 244.
Шпилевскій, II, 168.
Штритеръ, I, 30, 87, II, 355.

Э.

Эвлія-эфенди, I, 99, 207, II, 233, 259, 261, 342.
Эврипидъ, I, 67.
Эдризи, I, 21, 78, 121, 193, II, 83, 130, 182, 321.
Эдвардсъ, II, 200.
Эдигей, I, 156, 174, 232.
Эдуардъ I, англ. кор., I, 215.
Эйхвальдъ, II, 17, 46, 84, 179.
Экштейнъ, I, 256.
Эль-Бекри, II, 329.
Эліасъ, I, 225.
Элій-Катъ, I, 55, 245.
Эльтемиръ, десп., II, 326, 357.
Эмброне, Петръ, конс., I 222.
Эминекъ-бей, I, 236.
Эратосфенъ, I, 57.
Эрихъ, II, 292.
Эрлендзонъ, Гаукъ, II, 294.
Эрманрихъ, II, 197, 200.

Ю.

Юліанъ, домин., II, 323.
Юлій Цезарь, I, 245.
Юль, II, 171, 184, 272, 298, 352.
Юніусъ, II, 239.
Юнгъ, I, 277.
Юргевичъ, В., I, 146, 190, 201, 207, 229, 238, II, 138, 147, 148, 286.
Юстиніанъ II, имп., II, 127, 212.
Юстинъ, имп., I, 245.

Я.

Яловецкій, I, 182.
Якунъ Мирославичъ, посадн., II, 220.
Якутъ, II, 182.
Ярославъ, II, 292.

Ѳ.

Ѳемистій, II, 203.
Ѳеогностъ, еп., II, 274.
Ѳеодора, сестра хазарск. кагана, II, 212.
Ѳеодоръ, еп, II. 136.
Ѳеодоръ, плем. Ольг., I, 171.
Ѳеодоръ Святославъ, болг., II, 354.
Ѳеодоритъ, II, 195.
Ѳеодосій, имп. вив., II, 203.
Ѳеофанъ, I, 23, 145.
Ѳеофилъ, имп., II, 287.
Ѳеофилъ, готс. еписк., II, 195.
Ѳома Палеологъ, II, 231.
Ѳукидидъ, II, 34.

II.

ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

А.

Аасъ, рѣка, I 27.
Абасги, II 129, 206.
Абаскъ, II 257.
Абика, I 95, II 11.
Абхазы, I 217, II 130, 209, 257.
Авалакъ, II 357.
Агайманъ, сел., II 48.
Агаросъ, р., II 91.
Агаряне, II 132, 143.
Агаэирсы, I 241, II 31, 42, 94.
Агованы-Албанцы, II 329.
Адербендшанъ, обл., II 213.
Аджалыкскій лиманъ, I 86, 146.
Аджи-Гассанъ, сел., I 187, 188.
Аджигельскій городокъ, I 153, 154.
Аджидеръ (Овидіополь), I 186.
Адлеръ, уроч., II 257.
Адріанополь, II 203, 330.
Азія, II 200.
Азовское море, I 73, 101, II 78, 128.
Азовъ (Азакъ), I 135, 142, 213, II 132, 171.
Аисты (Aestii), II 197.
Антосъ, II 362.
Анеоръ, порогъ, II 221, 367.
Аія-бурунъ, мысъ, I 63.
Анациры, II 32.
Анбурунъ, мысъ, II 305.
Аккерманъ, I 78, 167, 239, II 243.
Аккечетская бухта, I 69, II 7.
Акра, I 38, II 265, 306, 342.
Аксайская станица, I 139.
Аксіаки, I 161.
Аксіацесъ, р., I 161.
Аксіополь, гор., I 45.
Аксу, р., I 198.
Алазоны, II 22, 25.
Аламаны, II 189.
Аламбари, гор., II 253.
Аланія, II 229, 257, 359.
Аланы, I, 111, 143, II 122, 123, 137, 199, 201, 203, 207, 208, 351, 355, 359.
Албанцы, I 274, II 329.
Александровка, сел., I 155.
Александровскъ, II 58.
Александропольскій курганъ, II 58.
Алекторъ, крѣп., I 146.
Алеска, гор., I 78.
Алешки, I 23, II 9, 11, 378.
Алопекія, остр., I 141.
Алсосъ, (Алосъ, Аасъ), остр. I 16, 26.
Алусіаны, II 209.
Алустонъ, зам., 210.
Алута, р., I 23, II 30, 76, 362.
Алушта, гор., I 226, II 229.
Амадокасъ, озеро, 263, II 17.
Амазонки, II 52.
Амальсунтяне, I 191, 194, II 159.
Амастрида, гор., I 121, 220, II 224.
Аму-Дарья, р., II 178, 179, 180, 182.
Аменполь, гор., I 53.
Анадолкой, сел., I 36.
Ананьевъ, II 54.
Анакопія, крѣп., II 256.
Анапа, гор., II 207, 232, 261, 264.
Ангальтъ-Кетенъ, сел., II 48.

Ангора, гор., II 340.
Андросаги, II 50, 62.
Ани, гор., II 139.
Анкона, I 77.
Антикитесъ (Аттикитесъ), р., II 35, 267.
Антіохія, II 191, 202.
Анты, I 167, II 204.
Анхіалъ, I 37, 85, II 192, 336.
Анчирахъ, сел., I 158.
Апамея, гор., II 192.
Апатуронъ, II 268.
Аполлонія, гор., I 40.
Апулія, I 192.
Апшеронскій мысъ, II 176.
Арабатская стрѣлка, I 120, 144, II 50, 75, 301, 321.
Арабухъ, сел., II 172.
Арабы, II 83.
Араксъ, р., II 87, 166, 177.
Аральское озеро, II 183.
Араросъ, р., I 241, II 30.
Арбухинское городище, II 172.
Аргадеи, I 44.
Аргимпеи, II 85, 85.
Аргинъ, II 50.
Аргода, гор., II 39.
Ардабда (Θеодосія), II 38, 123, 124.
Арджисъ, р., II 30.
Ардзенъ, гор., II 139.
Арменія, I 241, II 139, 140, 213.
Армяне, I 238, II 129, 138, 140, 153.
Арначъ, гор., II 175.
Аріи, I 166.
Аррубіумъ, гор., I 45.
Артларъ, II 257.
Аскала, гор., I 141.
Аскизія, гор., I 139.
Аскый торгъ, II 347.
Аспросъ, р., I 25.
Аспургіаны, II 35.
Ассара, II 274, см. Сарай.
Астелеонъ, р., II 248.
Астрабадъ, гор., II 177, 186.
Астрахань, I 211, 225, II 161, 172, 174, 186, 272, 284, 286.
Асы или Аасъ, II 136, 201, 354, 355, см. Аланы.
Атель-кузу, I 143.
Аѳродиты храмъ, II 268.
Ахаія, II 203.
Ахалчикъ, гор, 251.
Ахасъ, гор., I, 129.
Ахейская гавань, I 146.
Ахиллеонъ, мѣстн., II 265, 304.
Ахматовы слободы, I 117.
Ахтанизовскій лиманъ, II 266.
Артіаръ, сел, I 60.
Ахтуба, р., II 272, 275, 285.
Аціасъ или Акасъ, (Аланы), II 137.
Ашля, гор., II 168.
Аѳенеонъ, гор., II 124.

Б.

Бабадагъ, гор., I, 20, 36, 40, 50, II, 343.
Баба-салтукъ, гор., II, 142.
Баба-эскиси, монаст. II, 343.
Бага, зам. II, 259.
Бадулъ, уроч., II, 356.
Базавлукъ, р., II, 16, 63, 372, 373.
Байдарская дол., II, 212.
Бакинское море, II, 178.
Баку, гор., II, 176.
Балаклава, I, 69, 204, II 230.
Балджаманъ, гор., II, 173, 275.
Балисера, I, 138.
Балканскій заливъ, II, 179.
Балкъ (Vaeq), гор., II, 179.
Балта, гор., II, 26.
Балтійское море, II, 34.
Балчикъ, гор., I, 37, II, 326.
Балчулкинъ, гор., II, 173.
Балыклей, гор., I, 71.
Балъ, р., II, 320.
Баня, гор., II, 347.
Барбарезе см. Бѣлобережье.
Барзилія (Берсула), II, 319.
Бармакъ, гор, II, 176.
Барухъ, р, I, 22, 23.
Басла или Баслата, р. II, 255.
Бастарны, I, 56, 241, II, 77.
Бата, гор., II, 266.
Батумъ II, 251,
Батурія, монаст, II, 343.

Башкиры (Башкурды), II, 162, 328, 354.
Башсыкъ, озеро, II, 174.
Бебръ, остр., I, 124.
Бедіа, сел., II, 249.
Бездежъ, гор., II, 174, 284.
Белендеръ (Валендаръ), гор. II, 328, 330.
Беленджеръ (Боленджаръ), гор., I, 119, II, 328.
Берда, р., I, 144, II, 49, 78, 91.
Березань, остр., I, 14, 18, 187, II, 224.
Березанскій лим., I, 87, 88, 146, 168.
Березина, р., II, 17.
Берендеи, I, 108, 115.
Берендичи, II, 295.
Берлавцы, II, 12, 66.
Берладники, I, 94.
Вертабита, гор., II, 130.
Берчиманъ, гор., II, 173.
Бессарабія, I, 8, 35, 104, 241, 270, II, 202, 340.
Бештепе, м., I, 50.
Бзычь, прист., II, 258.
Бикесъ, озеро, I, 145.
Биларъ, I, 327, см. Болгаръ.
Благовѣщенскій или Кубанскій лиманъ, II, 236.
Блюменталь, сел., II, 56.
Бобрикъ, уроч., II, 28.
Богемія, I, 106, II, 131.
Богу, р., I, 145, II, 313.
Бозагачъ, уроч., I, 82, 129.
Болестра, коса, I, 129.
Болгарія Волжская, II, 354.
Болгарія Дунайская, I, 47, II, 216, 227, 354, 357, 362.
Болгарія Черная, I, 29, 31, 100.
Болгары Волжскіе, I, 31.
Болгары Дунайскіе, I, 31, II, 205, 226, 314, 329, 358, 362.
Болгары Черные, I, 32, 106.
Болгары, сел., II, 169.
Болгаръ (Булгаръ), гор., II, 169, 275, 276, 327.
Бораны, II, 189.
Боргисъ, р., II, 257.
Борисеенесъ, гор., см. Ольвія.
Борисеенъ, р., I, 163, II, 49, 72, 73; см. Днѣпръ.
Бояръ (Бухара), II, 178.
Бранхіалъ, портъ, I, 195.
Бриксаба, мысъ, II, 38.
Бродники, I, 114.
Брутъ, р., I, 22.
Брухаты, II, 257.
Брухонъ, р., II, 257.
Вугасъ, устье, II, 265, 269.
Вугесъ или Гнилое озеро, II, 52, 302.
Вугъ западный, II, 4.
Вугъ южный, I, 20, 148, II, 4, 17, 18, 25, 98, 353, 357.
Вудильскій порогъ, II, 372.
Вуджакъ, I, 104, 107, 243, 247.
Буданы, II, 41, 63, 79, 82, 88, 89, 93.
Вулакъ, протокъ, II, 170.
Вундавъ, гор., II, 174.
Бургасъ, гор., I, 37.
Бурлукъ, гор., II, 321.
Бурлукъ, р., II, 320.
Буртасы (Вартасъ), I, 107, II, 314, 329.
Бутеръ или Бутра, II, 130, 305.
Бухара, гор., II, 123, 130, 275, 358.
Бѣлавежа, I, 112.
Бѣлая, р., II, 161.
Бѣлая-Церковь, II, 100.
Бѣлгородъ, I, 79, 143, 181, II, 347.
Бѣленькое, сел., II, 372.
Бѣлобережье (Бельберега), I, 25, 28, 87, 90, 168.
Бѣлогорье, сел., II, 372.
Бѣловерка, р., I, 128, II, 378.
Бѣловерскій лиманъ, II 48, 49, 67.
Бѣлосарай или Палестра, I, 113.
Бѣлосарайская коса, I, 129, 134, 137, 212.
Бѣлый-городъ, I, 144, II, 361.
Бѣляевская пристань, II, 173.
Бѣльцы, II, 76.
Бюрюкъ-Юзенъ-Ада, I, 18, 88, см. Березань.

В

Валахія, I, 273, II, 357, 361, 362.

Варада, гор., II, 265.
Варанги, I, 192.
Варанголименъ, I, 91, 128.
Вардане, долина, II, 258.
Варна, I, 37, 38, 197, 203, 220, II, 333, 344, 358, 376.
Вархониты, II, 212.
Варяги, I, 111, II, 291, 367.
Варягороссы, I, 128, 192, II, 218, 286.
Варяжскій островъ, II, 367.
Великая Забора, II, 374.
Великое море (Черн.), II, 159.
Вельши, I, 265.
Венгрія, II, 131, 153, 227, 254.
Венедицы, I, 194.
Венеды (Венеты) II, 197, 204.
Венелане, II, 223.
Венеціанцы, I, 191, II, 132, 141, 159, 227, 228.
Вербовъ островъ, II, 378.
Вертутивъ-яръ, II, 48.
Вестготы, II, 196, 207.
Весь, II, 197.
Видинъ, гор., II, 335, 337.
Видово озеро, I, 176.
Византійцы, II, 354, 358.
Визія, гор., I, 40.
Висла, р., II, 77, 189.
Витовки, дер., I, 176.
Витовтовъ бродъ, дер., I, 176.
Віадие, р., II, 178.
Владикавказъ, гор, II, 356.
Владиміръ, гор., II, 297.
Вознесенскъ, II, 24.
Волга, II, 53, 87, 161, 162, 164, 167.
Волохи, Влахи, I, 266, 268.
Волошская коса, I, 158.
Волчья-вода, I, 99, 133, II, 80.
Волыняне, I, 106.
Воспоръ Киммерійскій, I, 100, 101, 205, II, 54, 104, 126, 128, 132, 190, 194, 300, 305.
Воспоръ Оракійскій, I, 101, II, 92, 308.
Вуланъ или Цюэпсинъ, р., 260, 265.
Вулнипрахъ, порогъ, II, 221.
Вязовки, сел., 82.
Вятчане, II, 282.

Г.

Гавань Символовъ, I, 63.
» Истріанъ, I, 162.
Гагаузы, II, 333.
Гагра, гор., II, 257.
Гаджибей, сел., I, 154, 173, 182, 186.
Гаджибейскій лиманъ, I, 163.
Гаджитарханъ, см. Астрахань.
Газарія, I, 198, 223, 228, 235, II, 143, 144, 153, 212, 228.
Галата, I, 235.
Галатія, I, 243, II, 192.
Галаты, I, 244.
Гализга, р., II, 248.
Гальбштадтъ, сел., II, 55.
Гальмирисъ, озеро, I, 20.
Гаманджи, сел., I, 40.
Гардарика, II, 294.
Гаргаза, зам., II, 304.
Гарзуни (Гурзуфъ), II, 130.
Гассанъ-паша, крѣп., I, 187.
Гёзлеве (Евпаторія), гор., II, 376.
Гейгатъ, степь, I, 138.
Геландри, порогъ, II, 221.
Геленджикъ, II, 265.
Гелоны, II, 43, 63, 79, 88, 93.
Гемъ, II, 357.
Геническій проливъ, I, 144, II, 52.
Геніохи, II, 245.
Генуэзцы, I, 198, II, 141, 152, 159, 227.
Георгія Св., устье, I, 49.
Гепиды, II, 205.
Гераклейскій мысъ, II, 259.
Геразъ (Гіеразъ, Іерасъ), р., II, 8, 31, 45, 201.
Гератъ, II, 180.
Германія, II, 201.
Гермонасса, гор., II, 264, 268.
Герросъ, р., II, 44, 47, 49, 55, 57, 62, 68, 72, 74.
Герулы, II, 197.
Геруса, гор., II, 304.
Геты, I, 12, 50, 161, 166, 241, 242, 255, II, 29, 77, 194.
Геэталиты или Бѣлые Гунны, II, 125, 199.

Гигріи, II, 287.
Гилянъ, II, 160.
Гилея, I, 81, II, 9, 10, 11, 16.
Гиндъ, р., II, 87.
Гипанисъ, I, 148, II, 53, 54, 58; см. Бугъ, южный.
Гипанисъ, II, 267; см. Кубань.
Гипакирисъ, р., II, 5, 8, 58.
Гипполаевъ мысъ, II, 19, 20, 21.
Гиппъ, р., II, 248.
Гіонгъ-ну, II, 199.
Гоби, степь, II, 199.
Голигардъ (Новгородъ), I, 192
Голяды, II, 197.
Гонія, II, 252.
Горгиппія, гор., II, 263, 268.
Горго, гор., II, 125.
Горзубитовъ, зам., II, 210, 311.
Горькій ключь, II, 23.
Городецъ, гор., II, 294.
Горынь, р., II, 102.
Горѣлая гора или Куку-оба, II, 304.
Готія, I, 69, 238, II, 228, 359.
Гото-Греки, II, 134, 214.
Готы, I, 39, 166, 256, II, 128, 129, 132, 190, 193, 195, 207, 210, 215, 245.
Грейтунги, II 196, 197, 203, 219; см. Остготы.
Греки, I 64, 91, 194, II 136, 140, 228, 236, 293, 357, 360.
Григорія Св. остр., II, 64, 289, 367.
Грузія, II, 281.
Гугди, II, 129.
Гузы (Гуцулы), I, 110, II, 295.
Гумиста, II, 256.
Гунны, I, 19, 141, II, 125, 199, 200, 208, 294.
Гурзуфъ, I, 226, II, 229.
Гюлистанъ-эль-Джедидъ, II, 188.

Д.

Даки, Дакія, I 8, 56, 241, 255, 267, II 194.
Дальникъ, сел., II, 20.
Данія, II, 292, 293.
Дашовъ, черный городъ, I 179.
Двина запад., р., II 166.
Девно, сел., I 37, 38.
Дексейта, гор., I 39.
Дели, II 159.
Дельфы, I 243.
Дембовица, р., I, 23.
Демиръ-Капу, проходъ, II, 357.
Денежный островъ, II, 273.
Дербендъ, гор., II 176, 273, 357.
Дерджанъ, обл., II 206.
Десна, р., II 5.
Джакракъ, гор., II 304.
Джалита (Ялта), II 130.
Джамышъ, р., II 248.
Джани-дарья, р., II 181.
Джарыльгатская коса, II 7.
Джейхунъ, р., II 182, 183, 184.
Дженичке, II, 302.
Джигитъ, гор., II 188, 273, 278, 283.
Джихи (Зихи) II, 234.
Джорджанъ, гор., II 126.
Димитры храмъ, I 155, II 19, 20.
Диногетія, I 45, 246, II 31.
Дирзое, ущелье, II 266.
Диррахіумъ, I 21.
Дичинъ, II 327, 347.
Діала, р., II 97.
Діамполь (Ямболь), гор., II 359.
Діонисополь, гор., I 38.
Діаны храмъ, I 62, 64, II 192.
Діоскуріасъ, II 246, 254, см. Севаст.
Добруджа, I 20, 33, 34, 49, 221, II 142, 325, 332, 346.
Долина Домиціана, I 40.
Донгуславское озеро, II 7.
Донецъ, р., II 4, 55.
Донъ, р., I 137, II 4, 53, 55, 132.
Дори (Доросъ), обл., II 210, 211.
Доросъ (Дорасъ), крѣп., II 212.
Доминовка, сел., I 162.
Днѣпръ, I 20, II 9, 10, 16, 74, 98, 363—366, 370—376.
Днѣстровскій лиманъ, I 3, 5.
Днѣстръ, II 76, 98, 196, 201, 353.
Дранда, крѣп., II 248.
Древляне, I, 105, 107, II 42, 223.
Дреговичи, II 223.

Дрествинъ, гор., II 347.
Дромосъ Ахиллеса, II 8.
Дубовый градъ, II 374.
Дубовый рынокъ, II 269.
Дубоссары, I 177.
Дубравая, дер., II 83.
Дулебы, I 106.
Дунавецъ, I 49.
Дунай, I 33, 50, 245, II 53, 77, 93, 94, 100, 189.
Дуросторумъ, гор., I 45.

Е.

Евилахъ. обл., II 164, 166, 167.
Евпаторіонъ, крѣп., I 63, 68.
Евпаторія, II 49, 75, 301.
Евреи, II 155, 293, 309.
Еврипъ, рѣка, II 248.
Европа, II 200.
Евфратъ, II 97.
Египетъ, II 193.
Ейская коса, I 137.
Екатеринославъ, II 63, 72, 363.
Елевѳерія Св. церковь, I 29.
Елисаветовская станица, I 141.
Емба, рѣка, II 187.
Ени-Дуни, крѣп., I 186.
Ерель, рѣка, I 101.
Ефесъ, гор., II 192.
Ефеія, Св. остр., I 14, 16, 88.

Ж.

Желѣзныя врата, II 132, 186, 273.
Житоміръ, II 100.
Жмудь, I 264.
Жообсе, мысъ, II 258.
Жукотинъ, гор., II 162.
Журжево (Гюргево), городъ, II 340, 341.

З.

Забъ, р., II 97.
Закавказье, II 164.
Заморье, II 134.
Запорожцы, I 98, 154, II 56, 363, 370 371—378.
Зарубъ, II 367.
Зихія, I 30, 100, II, 234, 260.
Змѣиный островъ, I 18.
Знаменка (Большая), II 67.
Знаменка (Малая), II 49, 65.
Золотая орда, I 223, II 271, 283.
Золотой берегъ, I 90, 146, 168.

И.

Иберія Вост. и Зап., II 308.
Иванъ-озеро, II 55.
Иверіи, II 129.
Ивла, см. Гилея.
Иврки, II 43, 89, 90.
Изисъ или Исисъ, р., II 253.
Иланъ-Адасси, остр., I 18.
Иллирикумъ, I 8, 10.
Иллирія, II 193.
Илоръ, II 249.
Инада, дер., I 169.
Инаракіонъ (Наруку), устье, I 55.
Ингулецъ, I 105, II 4, 15, 16.
Ингулъ, I 105, II 4, 15, 16, 17, 18.
Ингуръ, р., II 249, 252.
Инкерманъ, I, 69, 70, 227, II 230.
Иранъ, II 92, 160.
Ираклійскій полуостровъ I 68, II 134, 300.
Ираклійцы, I 63.
Иргисъ, р., II 53.
Ironъ, II 79, 201.
Иртышъ, р., II 165.
Исакча или Шакча, I, 40, 50, II, 95, 198, 341.
Ислабъ-кермень, I 133.
Испиръ, гор., II 308.
Иссидоны, II 87.
Истросъ, гор., I 40, II 8, 192.
Истръ (Истросъ), р., I 7, 41, 48, II 22, 29, 72, 92.
Итальянцы, I 72, 85.
Итиль, р., I 112, 125, II 273.
Ioannія храмъ, I 62.
Ихтиманъ, гор., II 338,

I.

Іако, гав., I 163.
Іатра, р., I 7.
Іедисанскіе Татары, I 79.
Іеникала, II 341.
Іерусалимъ, I 192.
Іова (Днѣпръ), I 22.
Іонійцы, II 94.

K.

Кабаны, протоки, II 170.
Кабарда, I 114.
Кабары, I 24, 114, II 321.
Кавказъ, II 201.
Каварна, гор., I 37, II 342.
Кадже тисъ-цихе, зам., II 254.
Кадикой, дер., I 70.
Казаки, I 117, 120, II 64, 315.
Казанлыкъ, I 243.
Казань, II 163, 167, 169.
Казари, II 129.
Каннарджи, I 36.
Каноа, гор., I 200.
Каламита, I 69, 85, 227, II 230, 243, см. Инкерманъ.
Каланчакъ, р., I 128, II 45.
Каліакра, I 37, II 336, 341.
Калка, р., I 116, II 133, 366.
Калкскіе лѣса, II 80.
Каллатисъ, гор., I 37.
Каллипиды, I 160, II 22, 29.
Калонъ, устье, I 55.
Колосъ-лиманъ, I 69, 94, II 7.
Калугеровъ, гор., II 342.
Кальмаринъ, гор., II 213.
Кальміусъ, р., I 99, 113, 125, 133, II 5, 78, 91, 99, 366, 376.
Кама, р., II 162.
Каменка, II, 378.
Кампаниды, II 223.
Камчія, р., I 37, 197, II 358.
Камышевая бухта, I 64.
Каневъ, I 117, II 371.
Канкары, I 107.
Канопа, II 327.
Канцерскій оврагъ, II 364.
Каппадава, гор., I 45.
Каппадокія, II 138, 192, 195, 289.
Кара-Богданъ, II 361.
Карабагъ, равн., II 177.
Карабай, остр., I 128.
Карабугасскій зал., II 179.
Карабулатъ, уроч., II 170.
Кара-Бурунъ, мысъ, I 40, II 307.
Карагулъ, I 92.
Кара-дереси, р., II 48.
Кара-Джуръ, II 319.
Караимы (Караиты), I 172, II 135.
Каракалпаки, I 115, II 296, 321.
Каракерманъ (Очаковъ), I 177, II 216.
Караманли, II 333.
Карамуранъ, р., II 164.
Карантинная бухта, I 68.
Карасу-базаръ, II 217.
Карачокракъ, р., II, 374.
Карбалыкъ, I 25, II 302.
Карія, I 86.
Каркинитисъ, гор., II 5, 6, 7, 8, 45, 103, 320.
Каркинитисъ, р., II 17.
Каркинитскій заливъ, I 145, II 46, 75.
Карлавнъ, 183, II 184.
Карпаты, II 78, 159.
Карпиды, I 160, II 29.
Карпіоны, I 166.
Карподаки, I 263.
Карпы, II 189.
Карсъ, гор., II 329.
Кархъ, гор., II 320, см. Керчь.
Касахія, I 113, 120.
Касоги, I 113, 120.
Каспійскія ворота, II 255.
Каспійское море, I 111, II 159, 161, 165, 177, 179, 181.
Кастрица, сел., I 220.
Каталаны, I 168.
Каукаландъ, II 202.
Каушаны, I 186.
Кафа, I 70, 200, 226, II 131, 138, 141, 144, 147, 159, 228, 376.
Качалинская станица, I 143, II 173.
Качибейскій портъ, I, 171, 174, 182.

Каховка, сел., II 48.
Квирила, р., II 253.
Кезарды, II, 354.
Келябы, II 291.
Кельты, I 243.
Кенугардъ, гор., II 294, см. Кіевъ.
Кеншатъ, гор., II 182.
Керманчукъ, гор., II 168.
Кермихіоны, II 126.
Кернекъ, гор., II 168.
Керха, р., II 97.
Керченскій полуостровъ, II 300.
Керчь, I 213, II 127, 128, 322.
Кешехи, I 120.
Киверникъ, II 301.
Кизикъ, гор., II 192.
Кизиль-дарья, р., II 181.
Киликія, II 139.
Килія, I 4, II 21.
Кильгра, II 342, 343.
Кильеинги (Куэлунги), II 291, 292.
Кимбрійское мѣстечко, II 267.
Киммерикъ, гор., II 38, 51, 300, 301.
Киммерійскій портъ, II 301.
Киммеріаны, II 33.
Кимры, II 33.
Кинбурнская коса, I 154, II 9.
Кинбурнъ (Килибурнъ), II 20.
Кинзанусъ, гор., II 229.
Кипръ, остр., II 193.
Кипчакъ, II 96, 133, 137.
Киргизская степь, II 57.
Кириву, монаст., II 312.
Кисляковка, сел., I 157.
Кисты, II 123.
Китай, I 131, 212, II 199, 200.
Киты, гор., II 306.
Кичкасъ, II 288, 364, 368, 371, 375.
Кіевъ, I 113, 192, 193, 195, II 63, 72, 141, 286, 289, 293, 367.
Кладова, гор., I 246.
Коблевка, сел., I 161.
Кодошъ, мысъ, II 259.
Кодыма, мѣст., I 263.
Кодымъ, р., II 26, 27, 28.
Коворѣзовъ, сел., II 71.
Ковырская, сел., I 158.
Коканъ, гор., II 180.
Коктебель, бухта, I 210.
Колбяги, II 291.
Колхида, II 190, 245.
Колывань, гор., II 292.
Кониликати, II 188.
Конка, р., II 47, 49, 75, 373.
Конопонъ Псевдостомонъ, остр., I 39.
Константинополь, II 289, 360.
Констанціана, гор., I 39.
Констанція, гор., I 39.
Копаисъ, озеро, I 213.
Копарія, гор., I 213.
Копыль, гор., I 213.
Коретъ, зал., I 145, II 302.
Корокондаме, гор., II 35, 264, 304, 307.
Корокондамитъ, озеро, II 264.
Королевскій шляхъ, I 156.
Коронитись, см. Каркинитисъ.
Коростень, гор., I 261.
Коротное, сел., I 6, 10, II 29.
Корсунь, I 60, см. Херсонъ.
Корчевъ, I 121, II 131, 312, см. Керчь.
Кострома, II 163, 167.
Кравійскій бродъ, II, 217, 367.
Кременецъ, гор., II 100.
Кремухъ, обл., II 234.
Кривичи, II 223.
Кривое-озеро, II 27.
Кримны, торж., II 50, 52.
Кріуметопонъ, мысъ, II 39.
Кріушъ, сел., II 172.
Кробизы, I 161.
Крымъ, II 49, 137, 207.
Кръска-хора, II 326.
Ктенусъ, гавань, I 63, 69.
Кубань, р., I 92, 145, 213, II 125, 270.
Куву, р., I 22, 23.
Куіяба (Кунаба), II 295, см. Кіевъ.
Куманы (Команы), I 21, 124, 268, 272, II 56, 69, 129, 355.
Кумарова, сел., II 27.
Кунградъ, гор., II 181.
Курасаиты, торж., II 311.
Курды, II 138.
Курскъ, гор., I 117,

Куръ, р., II, 87, 163.
Кутургуры, II 205, 208, 318.
Куцовлахи, I 267.
Кучурганъ, р., I 5, 184, II 26, 353.
Куяльницкій лиманъ, I 184, II 353.
Куяльникъ, I 83, 168.
Кырк-еръ, II 135, 136, 137, 229.
Кюли-дарья, озеро, II 179.
Кюстенджи, гор., I 36, II 202.
Кютасси, II 260.

Л.

Лагвашъ, р., II 248.
Лагира, гор., II 39.
Лагумпса, р., II 248.
Лазги (Лазы), I 111, II 208.
Лазика, Старая, II 259.
Лампасъ, гор., II 124.
Латины, I 193.
Латыши, II 223.
Лея, пристань, II 259.
Лебада (Ламбатъ), II 130.
Лебедія, II 321.
Левки, остр., I 45, 57, 90.
Лембергъ, II 370.
Лензенины, I, 107.
Лигинъ, р., I 50.
Ликостомо, гор., I 222.
Лимосъ, р., II 89, 90, 102.
Лиманъ Солоной, II 83.
Линданиса, крѣп., II 292.
Литовцы, I 256.
Ліушъ, селеніе, II 257.
Лозоватый оврагъ, II 83.
Ломбардія, I 29.
Лузиньяны, II 209.
Лукоморье, I 101, 108, 133.
Лупарева балка, I 154.
Лустдорфъ, колонія, I 162.
Лутичи, Лучане, I 104, 105.
Лысая горка, II 373.

М.

Маверанагра, II 123, 180.
Мавнукъ, II 231.
Мавровлахія, II 355, 361.
Мавроказтронъ, крѣп., II, 216.
Магроманъ, гор., II, 296, 298, см. Кіевъ.
Маджаръ, гор., II, 298, 329.
Мадъяры, I 24, 114, 277, II 200, 319, 320, 328.
Мазендеранъ, II 177.
Маіакъ, зам., I 174.
Македонія, II 190, 193.
Македоняне, I 57.
Малая Азія, II 192.
Малороссія, II 225.
Мамай-сурка, II 373.
Мамурзаки, II 68.
Мангалія, сел., I 36, 37.
Мангишлакъ, полуостр., II 184, 187.
Мангупъ, I, 70, 227, 238, II 217, 230, 231, 241, 243, 296.
Манджуры, II 199.
Манія, зам., I 124.
Манкерманъ (Манкеръ-саанъ, Мангремань), II 295, 296, 298; см. Кіевъ.
Манкишлакъ, крѣп., II 296.
Манычъ, р., I 100, 111, II 86, 166.
Мапа (Мапаріо), I 217, II 261, см. Анапа.
Мари см. Черемисы.
Марисъ (Марошъ), р., I 241, II 31.
Маріуполь, I 134, 136, 143, 212, II 277.
Маркоманы, II 189.
Мармарошъ, I 269.
Мартыновка, хут., I 88.
Мары, курганы, II 172.
Марціанополь, гор., I 37, 40.
Масетика, р., II 258.
Массагеты, II 87.
Матлука (Бѣлый городъ), I, 144.
Матрака (Матраха, Матрига), I 122, 144, 199, II 130, 159, 305, 322; см. Тамань.
Мать Гипаниса, II 22.
Махмутабадъ, гор., II 177, 298.
Мачинъ, гор., I 36.
Маяки, гор., I 4, 5.
Маячка, р., II 374.
Мдинъ, гор., II 347.
Мегарисъ, гор., I 63.

Меланхлены, II 50, 62, 75.
Мелитене, гор., II 139.
Меотида, I 91. II 49, 90.
Меркулъ, р., II 248.
Меркурій, II 255.
Мертвоводъ, II 24.
Мертвый Донецъ, I 140, 142.
Мертвый Култукъ, II, 187.
Меря, II, 197.
Месемврія, гор., I 40, II 336, 337.
Месопотамія, II 164.
Метрополія Понта, I 36.
Мзымта, р., II 257.
Мидія, крѣп., II 326.
Мизія, I 8, 33, 42, 57, 247, II 203, 204, 205.
Мизиміаны (Миндиміаны), II 257.
Микитинъ-рогъ, II 373.
Милезійцы, I 9, 39, II 191.
Мирмикіонъ (Мурмиконъ), гор., I 205, II 225, 306.
Митрополисъ, гор., II 66.
Міусъ, р., I 98, 118, 125, II 80.
Могилевъ на Днѣстрѣ, II 76.
Модижъ-горы, II 329.
Моканы, II 345.
Мокви, сел., II 249.
Мокупсе, ущел., II 258.
Молдавія, I 270, 273, II 355, 361.
Молочанскій лиманъ, II 83.
Молочная, р., I 127, 140, II 5, 52, 54, 55, 69, 75, 78, 79, 89, 95.
Монголы, I 103, II 96, 102, 133, 159, 185, 199, 212, 366.
Монкастро, I 155, 222, II 137, 359; см. Аккерманъ.
Морава, р., I 194, II 344.
Мордва, II 162, 197.
Моримы, II 162.
Мосива, II 131.
Московка, р., I 127, II 48, 374.
Мохе, р., II 249.
Муромъ, гор., II 294.
Мысхакъ, II 261.

Н.

Надиръ-Дербендъ, II 357.
Наисса (Нишъ), II 193.
Напарисъ, р., I 241, II 30.
Неаполь, крѣп., I 70.
Неасытъ, порогъ, II 221.
Невры, I 12, II 22, 25, 26, 88, 93.
Негопсухо, дол., II 259.
Недвиговка, сел., I 140, II 243.
Некропилы, I 100.
Немечь, гор., II 347.
Неоптолемова башня, I 164.
Несисъ, р., II 258.
Нижній Новгородъ, II 167.
Никаксинъ, гав., II 260.
Никея, гор., II 192.
Никомедія, гор., II 192.
Никонія (Никоніумъ) гор., I 11, 12, II 163.
Никополисъ, гор., I 45, 46, 246.
Никополь, гор., II 58, 61, 339.
Никопсисъ, гор., II 259.
Никюбъ, сел., I 45, 246.
Нилъ, р., II 72, 74, 274.
Нимфеонъ, гор., I 198, II 141, 243, 307.
Нитика, II 257.
Новгородъ-Волынскій, II 104.
Новгородцы, II 282, 292.
Новіодунумъ, гор., I 40, II 198.
Новомосковскъ, II 66.
Новороссійскъ, II 260, 262.
Новы, гор., I 45.
Ногаи, II 353.

О.

Оаросъ, р., II 89, 93, 95, 96.
Обри, II, 129.
Обь, р., II 165.
Обязы, II 132.
Овидіополь, II 366.
Огузы, II 333.
Одесса, I 85, 154, II 20, 365.
Одиссосъ (Ордессусъ), гор., I 38, 39, 80, 146, 161, 162.
Озереикъ, дол., II 266.
Ози, р., I 18.
Озибенъ, остр., I 27.
Озолимна, оз., I 19.

Окакъ, гор, I 129, II 275, см. Уикъ.
Ольвіополь, II 24.
Ольвія, гор., I 8, 45, 147, II 3, 32, 103, 194, 243; см. Порутино.
Оленешти, сел., II 356.
Олешье, прист., I 20, 78.
Ольтъ, р., II 31.
Оногуры, II 318.
Описсасъ, II 267.
Опукъ, гора, II 38, 51, 301.
Ордисъ, р., I 241, II 30.
Орель, р., I 101, 108, II 81.
Оригенесъ, гор., II, 175.
Орна, Орначъ (Тенексъ), II 175; см. Арначъ.
Оръ-бугасъ, переш., II 313.
Оръ-капу, крѣп., II 313.
Осма, р., I 45.
Остготы, II 196, 207, 289.
Осторувымпрахъ, порогъ, II 221.
Островъ, гор., I 192.
Остроградъ въ Руціи, II 293.
Острогъ, гор., II 100.
Осы (Осеты, Осетинцы), II 79, 86, 201, 356.
Отраръ, р., II 181, 183.
Отузъ, гор., I 70, II 124.
Офисъ, р., II 244.
Офіуса, гор., I 4, 11, 12, 13, II 29.
Очаковъ, I 22, 89, 154, 177, II 216, 378.
Очамчиръ, р, II 249.

П.

Павлоградъ, II 82.
Пагра, портъ, II 260.
Паланка, I 4, 176.
Палеозеро, II 28.
Палестина, II 208.
Палестра (Паластра), I 134, 136.
Паліостомо (Палюстомъ), оз., II 191, 250, 253.
Пальмира, II 192.
Паннонія, II 203.
Пантикапесъ, р., II 5, 14, 16, 44, 49.
Пантикапея (Пантикапеонъ), гор., I 205, II 194, 243, 305, 324; см. Керчь.
Паравади (Провадъ), II 343.
Партенитъ, I 226, II 229.
Пареніонъ, мысъ, I 61, 63, II 52.
Патреусъ, слобода, II 305.
Певки, остр., I 48, 51, 81, 243.
Певкины, I 56.
Пекинъ, I 230.
Пелліонъ, I 53.
Пелопоннезъ, I 243.
Пера, I 200.
Перекопъ, II 7, 75, 376.
Перелиты, сел., II 28.
Пересѣчень, гор., I 105.
Пересыпное гирло, II 267.
Пермяки, II, 197.
Персія, I 211, II 281.
Персы, II 63, 94, 129, 189, 202.
Петрецъ, крѣп., II 344.
Петра, крѣп., II 254.
Печенѣгая, сел., II 331.
Печенѣги, I 21, 24, 31, 107, 115, 272, II 295, 328, 366, 368.
Пидеа, I 92.
Пизанскій портъ, I 140, 199.
Пизанцы, I 191, II 141, 159.
Пиретосъ (Пората) р., I 241, II 29, 30.
Питіусъ, гор., II 191, 245.
Пицунда, I 218, II 190, 215.
Пичора, р., II 253.
Плисковъ, гор., II 327.
Половцы, I 102, II, 129, 131, 226, 295.
Полоцкъ, гор., II 294.
Польша, II 131, 153, 354, 375, 378.
Поляки, II, 355, 370, 376.
Поляне, I 261, II 222.
Понтъ Евксинскій, I 48, II 8.
Порутино, сел., I 90, 147, II 21, 243.
Посидинія, портъ, I 236.
Поти, гор., II 250.
Пореміотисъ (Пореміонъ, Поремія), II 51, 52.
Прѣславецъ, гор., I 85, II 327.
Прѣславъ, гор., II 330, 348.
Провадъ, II 336.
Прогной, I 154.
Пруза, гор., II, 192.
Прутъ, р., II 30, 201.

Псахапсисъ, р., II 259.
Псевдостомонъ, устье, I 4, 55.
Пселъ, р., II 5.
Псише, р., II 267.
Псу, р., II 257.
Пулу (Поляки), II 355.
Путь греческій, I 126, 195.
Путь заловный, I 126.
Путь соляный, I 126.
Пустыня Гетовъ, I 243, II 101; см. Буджакъ.
Пятиградіе, I 38, 43.

Р.

Ранджe, зам., II 252.
Рамзинъ (Расельмъ, Рассейнъ), оз., I 42, 49.
Расова, I 36.
Ребатъ, крѣп., II 303.
Ревельскій замокъ, II 292.
Редутъ-Кале, II 250.
Рейдготы, II 289, см. Остготы.
Рейнъ, р., II 189.
Ржевъ, I 173.
Ровины, II 339.
Родосъ, остр., I 48, II 193.
Розбоени, сел., I 222.
Роксоланы, I 56, II 197, 201, 223.
Романія, II 143.
Романовъ торгъ, II 347.
Ромбитъ, Большой, I 91.
Ромбитъ, Малый, I 92, II 267.
Росомастронъ, II 362.
Россія, (Русь), I 31, II 128, 289, 293, 294.
Россія, портъ, II 322.
Россоваръ, порогъ, I 91.
Росы (Руссы), I 14, 100, 110, II 128, 215, 220, 226, 367, 369.
Римляне, I 241, II 189.
Римъ, II 131.
Ріонъ, р., II 249, 250.
Рубеасъ, мысъ, II 34.
Рудонъ, р., II 42.
Румское (Черное) море, II 312.
Румыны, I 241, 266, 270, II 202.
Руотсоланы, II 223.
Русская коса, I 157, II 21.
Русская рѣка, I 122, II 130.
Русскіе, I 140, II 137, 185, 285, 292 316, 367, 368.
Русскій городъ, I 122, II 305.
Русское море, I 126, II 159.
Руссы, см. Росы.
Рыбница, р., II 28.
Рѣчище, рук. Днѣпра, II 364, 365.

С.

Саблы, II 230.
Савалы, море, II 188.
Севастополи, гор., I 217, II 159.
Савдараты, I 244.
Савроматы, I 244, II 50, 76, 93.
Сагайдакъ, лѣсъ, II 375.
Сагудайскій портъ, I 197.
Сакиръ, р., II 130.
Сакинъ, гор., II 273.
Салгиръ, р., II 301.
Самара, р., I 111, 113, II 5, 78, 81, 376.
Самаркандъ, II 123, 178, 180.
Самарская лука, II 168.
Самаръ, гор., II 170.
Самастри, гор., I 228.
Самботъ (Сомбатъ), II 287; см. Кіевъ.
Самкушъ, гор., II 312.
Самсунъ, гор., I 218.
Самысъ, гор., II 64.
Сарагуры, II 318.
Сарасу, р., II 165.
Саратовъ, гор., II 275.
Сарапанъ, II 253.
Сарай, гор., II 169, 271, 276, 279, 284, 357.
Сарай (Новый, Великій), гор., II 167, 272, 279, 284, 285, 298.
Сарайчикъ, гор., II 183, 188, 271, 278.
Саркель, гор., I 112, 143, II 287.
Сарматы, I 8, 42, II 32, 42, 63, 77, 79, 203, 208.
Сарминегетуза, гор., I 246.
Сарыбулатская коса, II 7.

Сарыкерманъ, гор., I 60.
Сарумъ, гор., II 66.
Саспиры, II 308.
Севарадъ (Севарадъ), гор., II 308.
Саварскій монастырь, II 253.
Сванетія, I 30.
Святые пути, II 24.
Священная роща, мысъ, II 8.
Священное устье, I 49, 55.
Севастія, II 139.
Севастополь, II 191, 245.
Севилья, II 220.
Сейхунъ, II 184, см. Яксартъ.
Секлеры, II 321.
Селина (Сулинское гирло), I 39, II 368.
Сельджуки, I 219.
Селитреный городокъ, II 271, 273, 283.
Серетъ, р., I 22, 45, II 30, 201, 347.
Серимумъ, гор., II 65, 66.
Сетъ, р., см. Шатъ.
Сибирь (Искерь), гор., II 162.
Сибирь, II 167.
Сивашъ, I 145, II 5, 47, 52, 302.
Сигамесъ, р., II 249, 254.
Сизополь, гор., I 37, II 337.
Сикита (Никита), II 229.
Силисъ, р., II 91.
Симбирскъ, гор., II 172.
Симиссо, гор., I 219, 228.
Симферополь, I 70.
Синда, II 266.
Синдика, II 264, 265, 266.
Сингилей, II 172.
Синее море, II 184, 185, 188, 226.
Синія воды, I 171.
Синопъ, гор., I 219, II 191, 376.
Синявка, сел., I 140.
Синюха, р., II 24.
Сиргисъ, р., II 89, 91.
Сирія, I 29, 31, 100.
Систовъ, гор., I 41, 42.
Ситъ, р., I 144.
Сихонъ, р., II 165.
Сичавка, I 154.
Скандинавія, II 189.
Сканія, II 292.
Сканца, остр., II 223.
Скели, дер., II 37.
Скиѳія, I 33, 39, 42, 241, II 1, 20.
Скиѳія, Малая, II 72, 327.
Скиѳы, I 56, II 1, 2, 41, 45, 51, 56, 77, 93, 94, 300.
Скиѳы-земледѣльцы, II 20, 44, 49, 62, 72, 73.
Скиѳы-кочующіе, II 49.
Скиѳы-оратаи, II 22.
Скиѳы-пахари, II 25.
Скиѳы-царскіе, II 49.
Скиѳотавры, II 124.
Сколоты, II 40, 59.
Скопулы, I 80, 146, 162.
Славяне, I 46, 91, 166, 241, II 204, 368.
Славянское (Азовское) море, II 312.
Слободзея, сел., I, 177.
Случь, р., II 102.
Смурые Каѳаны, II 50, 93.
Согдіана, II 123, 125.
Соколовка, сел., I 177.
Соколы, Соколовская переправа, I 177.
Солдая, I 193, 210, 228, II 122, 142, 144, 147, 155, 159; см. Судакъ.
Солхатъ (Эски-Крымъ), I 233, II 132, 274.
Солоная, р., I 127.
Соляное озеро, I 19.
Сороки, гор., I 222.
Сорокъ-мѣстъ, II 135.
Сорочикъ, II 188.
Сотиріополь, гор., II, 245.
Соѳари, прист., II, 252.
Сочава, II, 347.
Соча-Бытхъ, мысъ, II, 258.
Соча-Шста, р., II, 258.
Спарда, обл., II, 308.
Спасскъ, гор., II, 169.
Спирь, обл., II, 308.
Стамбулъ, гор., II, 377.
Станиславовъ мысъ, I, 88, 155, II, 21.
Старый-Крымъ, II 138.
Стиберія или Истиберія, гор., I, 141.
Стольное, дер., I, 243.
Сто-могилъ (Сто-горъ), I, 20, 90, 147, II, 331.

Стравико, гор., I, 85.
Струбунъ, порогъ, II, 367.
Стыръ, р., II, 102.
Субешисъ или Шахе, р , II, 258.
Субсу, р., II 253, 258.
Сугадаты или Сакулаты, I, 197.
Сугдабонъ, гор , II, 124.
Сугдея, I, 24, 190, II, 125, 129, 133, 140, 356; см. Судакъ.
Судакъ, I, 193, 200, II, 130, 138, 142, 156, 227, 227.
Суди или Сути, II, 236.
Сула, р., II, 5.
Сулинское устье, I, 4, 39, II 368.
Суличи, I, 104.
Султанія, гор., II, 152.
Сулукъ, р., II, 176.
Сулу-монастырь, арм. церк., II, 290.
Сумеркентъ, гор., II, 273.
Сурбинали или Сурмали, II, 213, 214.
Сури, прист., II, 252, 254.
Сурожъ, (Сугоръ, Сугровъ), II, 125, 131, 157, 225, 226; см. Судакъ.
Сутень, II, 366.
Суукъ-су, мысъ, II, 256.
Сухумъ-Кале, I, 194, 217, II, 191, 255.
Сухой лиманъ, I, 162.
Сучава, I, 222
Сциваринъ, гор., II, 241.
Сызрань, гор., II, 170.
Сырово, сел., II, 28.
Сыртъ, Общій, II, 86.
Сыръ-дарья, II, 185, см. Яксартъ.
Сюрень, гор., II, 241.
Сѣверяне, II, 223, 327.
Сѣнная, станц., II, 243, 266.
Сѣраговы, Вольшія и Малыя, II, 48.

Т.

Тавровенціумъ, гор , II, 37.
Таврида, I, 64, 73 II, 128.
Таврика, II, 37, 211.
Тавры, I, 63, II, 32, 36, 38, 71.
Таганрогъ, I, 135.
Такли или Таклъ-Вурунъ, м. II 306.
Тамань, гор., I, 213, II, 322.
Таманская, Сѣв., коса, II, 270.
Таманскій заливъ, II, 265, 266.
Таматарха, гор., II, 130, 226.
Тамираки, прист , II, 7
Тана, гор., I, 82, 131, 132, 137, 206, 228, 231, II, 159, 236.
Танаисъ, гор., I, 140, 141, 199, II, 194, 243.
Танаисъ, р., II, 50, 52, 78, 88, 89, 166, 201, 208; см. Донъ, Молочная, Міусъ.
Тарсуръ, р., II, 249.
Тасбиръ, р., II, 249.
Татарка, сел., II, 20.
Татары, I, 71, 79, II, 86, 96, 134, 138, 172, 285, 289, 370—377.
Татъ, II, 241.
Тачавода, р., I, 98.
Тайфалы, II, 201, 203.
Тигинье (Бендеры), I, 177.
Текіе, бухта, I, 237.
Телегулъ, (въ Сибири), II, 165.
Темрюкскій отселокъ, II, 267.
Тендра, полуостр., II, 8.
Тендровская коса, I, 93.
Тенедосъ, остр., I, 227.
Тервинги, I, 104, 166, II, 196, 197, 205, 289; см. Вестготы.
Терекъ, р., II, 174.
Терескендъ, гор., II, 187.
Терки, гор., II, 174.
Теркъ, р., II, 188.
Термедъ, гор. II, 178.
Терми, оз., I, 123
Терново (Трновъ), I, 45, II, 336, 351, 354.
Тетеревъ, р., II, 102.
Тетракситы, II, 207, 208, 209, 309.
Тиверцы, I, 104, 106, 167, II, 207.
Тигрисъ или Тирисъ, р., II, 97, 163, 164; (см. Тиръ).
Тилигулъ, р., I, 187, II, 43, 54.
Тилигульскій лиманъ, I, 80, 146, 168.
Тирагеты, I, 4, 12.
Тирагетовъ остр., I, 11.
Тирамбе, гор., II, 267.

Тираны, I, 7, 8. 9, см. Тириты.
Тирасъ, р., I. 4. 163, II, 22, 26, 98.
Тирасъ, гор., I, 6, 12, 45, II 194, 243.
Тиритаки, гор., II, 229, 397.
Тириты, I, 12, II. 98.
Тиръ или Тигръ, р., II, 163, 167; см. Тигрисъ.
Тисса, р., II, 31.
Титоровка, сел., II, 269.
Тіаранъ, р., I, 241, II, 30.
Тмуторокань, I, 121, II, 128, 329.
Тоболъ, р., II, 165.
Тогоиспупе, гор., II, 265.
Токмакъ, р., II, 55.
Толстые пески, II, 373.
Томаковка, р., II, 373.
Томи или Томисъ, гор., I, 36, II, 192.
Топе-тарканъ, гор., I, 60.
Топольница, р., II, 242.
Топспдасъ, р , II. 260.
Торки, I, 21, 108, 115, II, 295.
Трансильванія, I, 257, II, 32.
Трансмариска, I, 45.
Трапезундъ, гор., I. 218, II, 191.
Трахея, II, 300.
Траяновъ валъ, II, 202.
Трестаго, гор., II, 187.
Трибаллы, I, 50, 242.
Триллитисъ, II, 257.
Триполисъ, I, 200, II, 141.
Триры, II, 34.
Троки, I, 172.
Тросмисъ, I, 45.
Труллъ, р., I, 22, 23, 78.
Туапсе, р., II, 258.
Тувла, м., II, 265.
Туловско-поле, I, 243.
Тульча, I, 36, 50, II, 95.
Тума, оз., I, 123.
Тунджа, II, 357.
Туринъ, I, 228.
Турисъ, гор., I, 167.
Туркестанъ, I, 21, 211, II, 96, 159, 179.
Турки, I, 71, 82, 217, II, 129, 138, 319, 361, 371, 374, 376.
Туркмены, II, 184, 333.
Турну-Северинулъ, I, 246.
Тутуа, зам., II, 357.
Тягинка, дер., I, 179, 223.
Тягинскій замокъ, I, 180.

У.

Угличи (Уличи, Улучи), I, 101, 103, 106, II, 233.
Уголъ, I, 103.
Угровлахія, II, 361.
Угры, Бѣлые, II, 294, 319.
Узу или, Азу, р., I, 198.
Узу-кале (Очаковъ), II, 370.
Узы, I, 18. 19. 21, 272, II, 321.
Укекъ или Укакъ, гор., I, 212, II, 170, 171, 276; см. Окакъ.
Уклюкскій лиманъ, II, 52.
Улу-дарья, р., II, 181.
Ультины, I. 107.
Ульфорсы, II, 221.
Унногуры, II, 319.
Уногундуры, II, 327.
Уралъ, р., II, 87, 165, 188.
Уральскій хребетъ, II. 167
Ургендзъ, гор., II, 178, 298.
Ургендзъ, р., II, 179.
Усатовы хутора, II, 20.
Утургуры, II, 207, 260, 308.
Учуканъ, уроч., II, 187.
Учьма, р, II, 231.

Ф.

Фазисъ, р., II, 191, 249, 253.
Фанагорія, гор., II, 194, 243, 268, 318.
Феленкъ-бурунскій зал., I, 70.
Фіолентъ, м., I, 61, 67, II, 72.
Фидониси, остр., I, 18.
Филиппополь, гор., II, 359.
Финакетъ, II. 184.
Финны, II, 223, 291.
Фиска, гор., I. 162.
Фисонъ, р., II, 164, 166, 167.
Флавіана, гор.. I, 42.
Флавіевъ городъ, I, 44.
Флавійскій Новгородъ, I, 42.

Фонтанъ или Чокракъ-кай, сел., II, 3 4.
Франки, II, 189.
Фуллы, зам., II, 129, 311.
Фуна, II, 229.

Х.

Хавонъ, крѣп., I, 70.
Хадеръ, р., II, 130, 320.
Хазарія, I, 29, 31, 144.
Хазары, I, 119, II, 212, 213, 286, 294, 314.
Халкедонъ, II, 192.
Ханбалу или Ханбаликъ, I, 230.
Хандра, прист., II, 252, 254.
Харакулъ, р., II, 320.
Харезмъ, обл., II, 126, 181, 183, 319.
Харезмійское озеро, II, 183.
Харесъ, р., II, 253
Харіенъ, р., II, 250.
Хвалисы, II, 164.
Хезиносъ, р., I, 242
Херсонисъ, плостр., I, 60, 61, 100.
Херсонъ (Херсонисъ, Корсунь), гор., I, 15, 29, 60, 61, 63, 70, 171, II, 6, 7, 126, 129, 139, 194, 227.
Херсонъ, гор., II, 367.
Херхіарде, гор. II, 135.
Хива, гор., II, 181.
Хиносъ-цкали или Кинтриши, р., II, 253.
Ходжентъ, гор., II, 180, 184.
Ходжейли, II, 181.
Хоракуль, р., I, 25, 92.
Хорасанъ, II, 178, 180.
Хортица, остр., II, 64, 217, 223, 288, 289, 363, 369, 374.
Хотинъ, II, 376.
Хрихари, гор., II, 137.

Ц.

Царевъ, II, 170, 271, 277.
Царицинъ, II, 173, 174.
Царская пристань, II, 365.
Царьградъ, I, 17, II, 132.
Цемесъ, р., II, 261.
Цесарея, р., 290.
Цибирца, гор., II, 174.
Цихе-ганджe, кр., II, 253.
Цихисъ-дзири, зам., II, 254.
Цхюбинь, сел., II, 248.
Цюэпсинъ, р., II. 260, 265.

Ч.

Чаплинка, сел., II. 45.
Чебоксары, гор., II, 174.
Чембало (Балаклава), I, 226, 278, II, 147.
Червонная горка. II, 374.
Черемисы, II 162, 197.
Черемшанъ, II, 281.
Черкасскъ на Днѣпрѣ, I, 117.
Черкасы Каневскіе, I, 133.
Черкесы, I, 117, 234, II, 226, 234.
Черкесъ-Кермень, I, 118.
Черная долина, II, 48, 49.
Черная рѣчка, I, 69.
Черниговъ, гор., I 121, II, 72, 294.
Черное море, II, 370, 376
Черные Клобуки, I, 115.
Черный городъ, I, 144.
Чернь, сел., II, 347.
Чертомлыкъ, р., II, 60, 371, 372, 375, 379.
Чертоватая балка, I, 158.
Чичаклей, р., I, 179, 183.
Чокракъ малый, сел., II, 45.
Чуваши, II, 172, 302.
Чудь, II, 197.
Чурубашъ, оз., II, 307.
Чуфутъ-кале, II, 135, 227.

Ш.

Шалуста (Алушта), II, 130.
Шана, II, 260.
Шапсухо, дол., II, 259.
Шатъ, р., II, 163.
Шахе, II, 258; см. Субешисъ.
Шемаха, гор., II, 176.
Шеръ-бугасъ, вор., II, 322.
Шеръ-эль-бакасъ, мѣстн., II, 312, 321, 322.

Шестиградіе, I, 43, 44.
Ширванъ, I, 30, 100.
Шюракюль, I, 173.

Э.

Эвдусіаны (Эвлусіаны), II, 207, 209, 264.
Эгиссусъ, гор., I, 40, 42.
Эдиль (Итиль), р., II, 161, 167; см. Волга.
Эіонъ, плостр., I, 145, II, 302.
Экерне, дер., I, 37, II, 326.
Элькенъ, оз., II, 301, 306.
Эриданъ, р., I, 95.
Эсегель, II, 320.
Эски-Загра, II, 326.
Эски-юртъ, сел., II, 276.
Эеіопія (Колхида), II, 125.

Ю.

Юзагъ, р., I, 26.
Юзенъ, I, 22; (Іова, Днѣпръ).
Юргенцъ, гор., II, 175.

Я.

Ягорлыкъ, р., II, 26.
Языги, I, 246, II, 197.
Яксартъ или Сыръ-дарья, II, 165, 180, 181, 184.
Яломица, р., I, 23, II, 30.
Ялта, гор., I, 138, 226, II, 229.
Яникентъ, гор., II, 182.
Янчокракъ, II, 374.
Ярисса, зам., II, 252, 254.
Ясеновъ, сел., II, 27.
Ясска, сел., II, 356.
Яссы, гор., II, 356.
Ясы, I, 113, II, 136, 354, 355, 356, см. Аланы.
Ятвяги, II, 42, 197.

Ѳ.

Ѳапсисъ (Ѳатесъ), р., II, 303.
Ѳатейцы, II, 303.
Ѳеодоро (Ѳеодори), I, 227, 238, II, 215, 230, см. Мангупъ.
Ѳеодосія, II, 38, 194, 230.
Ѳермопильское ущелье, II, 190.
Ѳессалоники, II, 190.
Ѳиссагеты, II, 43, 89, 90, 93.
Ѳиссаматы, I, 244.
Ѳіагола или Псилонъ, уст., I, 55.
Ѳракія, I, 242, II, 189.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть I.

Страница.	*Строка.*	*Должно читать.*
6	8	Моммзеномъ
13	4	Скилакса
25	22	Березанскій
46	5	4 октября
87	25	*послѣ слова .. кромѣ... включить:* того заключало въ себѣ
»	28	посѣщаемой
109	24	XVI столѣтія
123	7	стр. 121
129	4	*послѣ миляхъ:* отъ Возагача, находившагося въ 40 миляхъ
143	31	Качалянской
147	13	Порутино
156	11	Мышецкаго
158	2	Кантеміра
168	28	Мадридѣ
183	14	Capczaclei
204	2	Дандоло
228	13	Чембало
»	14	Симиссо и Самастри
270	4	Бессарабіею

Часть II.

Страница.	*Строка.*	*Должно читать.*
87	17	Бэръ
153	прим. 107	Cod. Diplom. delle Col. T. L., T. I, 115 въ Atti della Soc. di Stor. patr. T. VI.
166	16	Маныча
256	31	знаменитый
»	33	названъ
313	3	полу-еврейскаго
320	прим. 28	Sayous
337	23	Эннакосіи
343	4	Сади-Салтукъ-деде
347	9	Дичинъ
351	23	Ногаю
372	2	Будильскаго

ПУСТЫНЯ
ѲИССАГЕТЫ
ИВРКИ
СКИѲЫ
ОТСТУПНИКИ
БУДИНЫ
(Павлоградъ)
(Донецъ)
Сиргисъ
(Донъ)
МЕОТЫ
МЕОТЫ
ЙСКОЕ ОЗЕРО
КАРТА
ГЕРОДОТОВОЙ СКИѲІИ
И
СМЕЖНЫХЪ СЪ НЕЮ ЗЕМЕЛЬ.
1879.

Г-ръ Ильинъ

UNIV OF
CALIFORNIA

СУПЕРОБЪЕКТ
ПИАР.РУ

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

19Sep'53BW
NOV 2 0 1953 LU
6 MY'54DM
JUN 15 1954 LU
954 LU
2Dec'55RF
JAN 18 1956 LU

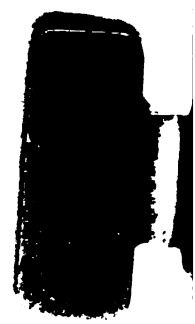
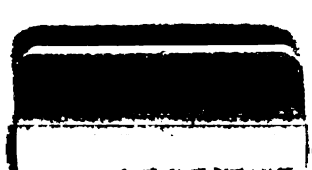
LD 21–100m-7,'52(A2528s16)476

YD 19485

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C047150206

M156529

DK509
B75

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY